

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1981 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком

М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

«Археографический ежегодник за 1981 год» включает статьи и сообщения по проблемам археографии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных памятников отечественной истории.

Ряд статей и сообщений посвящен вопросам теории архивоведения в ее историческом развитии, текстологии средневековых нарративных памятников, филиграноведения, а также современному состоянию европейской дипломатики, изучению делопроизводственных документов первых лет Советской власти.

Группа материалов посвящена истории Великой Отечественной войны (40-летие создания комиссии по изучению ее истории, деятельность ЦГАОР СССР в годы войны).

Тихомировские чтения 1981 года представлены материалами, отражающими основные итоги деятельности Археографической комиссии за 25 лет.

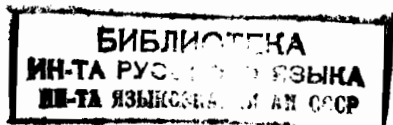
Как обычно, разнообразен материал об археографической деятельности и литературном наследии видных ученых (В. Я. Богучарский, Н. И. Вавилов и др.). Публикуются также материалы, посвященные 95-летию со дня рождения академика Н. М. Дружинина, список печатных трудов академика Д. С. Лихачева (в связи с 75-летием).

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии: Ю. В. Андрушайтите, Н. А. Долдобанова, С. А. Морозов, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРУШАЙТИТЕ, Н. А. ДОЛДОБАНОВА
(ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, С. М. КАШТАНОВ, А. А. КУРНОСОВ,
Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, В. А. ЧЕРНЫХ

8(а)
А-87

76447

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. Н. Автожратов

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В АРХИВОВЕДЕНИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

Традиция хранения дел в архивах в том порядке, в каком они отложились в делопроизводстве, в XVIII в. пришла в противоречие с господствовавшим рационализмом в науке. В некоторых архивах было приложено много труда для перегруппировки документов в соответствии с новыми представлениями об их рациональной структуре¹. В основе новый подход был библиографическим: каждый документ рассматривался как самостоятельный объект, равный в классификационном отношении отдельной книге. Документы классифицировались и систематизировались «по предметному признаку, исходя из содержания документа и внешней предметной связи отдельных документов», на основе жестких логических схем². Заметим, что русская библиографическая мысль второй половины XVIII в. была достаточно высокой для своего времени, а самые выдающиеся ее представители относились к числу первых в России ученых-архивистов. Речь идет о Г.-Ф. Миллере и Н. Н. Бантыш-Каменском, которые не только применили свои библиографические воззрения в библиотеке МАКИД (группировать книги «по одной материи писанные, дабы лучше видно было, какие о какой материи есть»), но и в самом архиве провели решительную реорганизацию документов³.

¹ В центре внимания автора настоящей статьи ведомственные архивы, входившие в состав государственного аппарата, а не музейные собрания. Этому соответствует и круг использованной литературы, в основном собственно архивоведческие работы.

² [Бржостовская Н. В.]. Архивное дело с древнейших времен до 1917 года.— ТВНИИДАД, М., 1979, т. 8, ч. 2, с. 27—28.

³ Примечателен факт, что Миллер, еще не приступив к работе в МАКИД, уже ясно представлял основания будущей классификации. «Не зная еще, в каком состоянии находятся теперь Архивы, я не могу ничего сказать, каким образом их привести в порядок,— писал он в январе 1766 г. вице-канцлеру А. М. Голицыну,— но хочу представить вашему сиятельству мое мнение, какое сей порядок быть должен. Можно считать архивные пиесы под двумя видами и разделить их на два класса...». К первому классу Миллер относил «пиесы» (la piéce — бумага, документы), не имеющие никакого «сопряжения с теперешними делами, но кои служат к познанию истории, географии и дают сведения о состоянии наук, художеств, законов, нравов, коммерции, мануфактур, земных продуктов и проч.». Пиесы второго класса «могут быть сопряжены во всякое время с государственными делами» — внутренними и внешними — «и быть потребными в негоциациях с главными дворами в Европе». Такое «распределение классов является основанием архивного порядка, но оно только подлежит до одного основания, сверх же того потребно другое, которое я различу по подписям». Подписи первого класса уже названы, пояснял Миллер, — история, география и др. «Подписи второго класса суть: трактаты союзные, мирные, пограничные, субсидные, коммерческие, письма царей российских к разным дворам, письма к ним от помянутых дворов, представления чужестранных министров, ответы и внушения, учиненные сим министрам, инструкции, повеления, рескрипты, данные и посланные к российским министрам, резидующим при дворах чужестранных... Дела и негоциации каждого государства, каждого двора, каждого министра должны быть положены вместе. Одни только негоциации, продолжаемые многими министрами, практикующие об одной материи, в коих многие дворы были интересованы, сии только одни, я бы

В результате здесь сформировалась коллекционная система (она сохранилась до сих пор), заменившая историческую фондовую структуру⁴.

Между тем законодательство по архивному делу не предполагало отношения к документам как к исторической ценности. Имея в виду только «текущие» архивы (действующих учреждений), оно предписывало группировать документы в соответствии с их происхождением. «Главнейшая обязанность архивариуса, — говорило «Учреждение губернских правлений» 1845 г., — состоит в том, чтобы располагать и содержать дела постоянно в том самом порядке, в каком они были в столе и в каком поступают к нему... располагая дела по отделениям, столам и годам». Разъяснялось, что дела прежних лет приводятся «в возможное устройство по тому порядку, как значатся в старых описях» (ПСЗ II, т. 20, № 18580, с. 59—60). В этих формулировках хорошо выражен эмпирически схваченный принцип происхождения. Но, обращенный исключительно к нуждам администрации, он был архивоведчески резко ослаблен, поскольку не распространялся за пределы «текущих» архивов. Наряду с этим правительство само разрушало исторически сложившиеся комплексы документов, создавая в политических и династических интересах выборочные архивы (Государственный архив Российской империи и др.), где никакая другая группировка документов, кроме тематической, была невозможна.

Влияние тематических классификаций усилилось с развитием собирательской деятельности археографов (П. М. Строев, Я. И. Березников, Н. В. Калачов и др.), вставших на путь извлечения из безнадзорных хранилищ наиболее ярких памятников письменности и создания в интересах науки коллекций документов. Этим в какой-то мере восполнялся недостаток источников, вызванный строгим ограничением доступа исследователей к архивам. Но сами тематические группировки приобрели устойчивость в сознании ученых. Тому факту, что это связано с разрушением исторически сложившихся комплексов документов, значения не придавалось. По точному замечанию И. Л. Маяковского, первые русские археографы «были так безраздельно захвачены интересом к самому содержанию архивов», а поиски памятников письменности требовали столь больших усилий, что это «заслоняло от них архивы как таковые, их внутреннее устройство и состояние, явившееся продуктом продолжительного развития»⁵.

исключил из вышепомянутого распределения. Сей архивный порядок можно назвать систематическим. Остается другой, хронологический, по которому можно разучредить пиесы, принадлежащая к одному делу (т. е. предмету. — В. А.), следуя их числам; если же число не поставлено, можно искать по истории). После приведения архива в порядок, продолжал Миллер, «можно учинить каталог, так полный, чтоб не было в нем пропущено ни малейшего листочка, разве только, когда надобно будет отбросить некоторые пиесы, кои не могут иметь никакого употребления. Сей каталог будет служить более росписью для тех, как в Архиве после нас будут, нежели реестром для скорого приискания нужных пиес. Можно оная находить весьма легко, если Архива будет разобрана по классам, подписям и годам». (ЦГАДА, ф. 180 (Канцелярия МГАМИД), оп. 3, д. 43, л. 1 об. — 3. Перевод; канцелярский почерк середины XIX в.). Миллер не ошибся в оценке предполагаемой классификации с точки зрения требований современной ему науки. Посетивший в 1788 г. МАКИД английский историк Вильям Кокс находил, что архив приведен Миллером в порядок исключительно удачно: можно любой документ найти без всяких затруднений (Князев Г. А., Шафрановский К. И. Архивы Москвы в 1778 году (глазами английского историка). — ВА, 1965, № 3, с. 92).

⁴ Об этом см.: Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1955, т. 1, с. 312, 318; Дремина Г. А. Московский архив Коллегии иностранных дел. — В кн.: Дремина Г. А., Чернов А. В. Из истории Центрального государственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959, с. 67.

⁵ Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941, с. 24. В издании книги 1960 г. (посмертно) это место изменено: вместо «безраздельно захвачены интересом» напечатано «безраздельно заинтересованы» (с. 7), что упускает характеристику.

Культ искусственных (пертинентных⁶) классификационных схем был свойствен и западноевропейской архивистике. М. Дюшен отмечает их связь со стилем научного мышления того времени: «Это была эпоха великих схем научной систематизации, таких, как схемы Кювье в зоологии, Линнея в ботанике, Берцелиуса в химии. С точки зрения тогдашних историков, архивный документ рассматривался как интересный сам по себе, независимо от своего контекста». Так же было и при археологических раскопках в Помпее или, например, в Египте, где экспедиция Бонапарта интересовалась выкопанными предметами искусства как предметами для коллекций, «не тревожась тем, чтобы сохранить их в рамках всей находки»⁷. Во Франции декретом 1794 г. искусственным классификациям документов была придана всеобщая законодательная сила: вводились тематические секции и серии. Главный мотив заключался в стремлении разрушить старые структуры документов, возникшие в деятельности упраздненных феодальных институтов и уже поэтому нецелесообразные с точки зрения рационалистического мышления рубежа XVIII и XIX вв. Архивисты эпохи Французской революции и Консульства в вопросах классификации не отличались от представителей других наук, стремившихся мыслить разумно, а значит, логично, стремясь к математической точности, «независимо от того, касались ли они природы или общества»⁸.

Именно во Франции, с ее общенациональным масштабом разрушения исторических структур архивов, особенно остро обнаружилась несостоятельность искусственных классификаций, пришедших в противоречие с задачами использования документов. Поэтому, когда возник вопрос о приведении в порядок находившихся в хаотическом состоянии новых документов эпохи Реставрации, стала ясной необходимость другого подхода. Он был разработан под эгидой крупного государственного деятеля и талантливого историка Ф. Гизо, отличавшегося высокой способностью к историческим обобщениям. Это обстоятельство важно для формирования предпосылок фондовых представлений. Интерес Гизо к вопросам архивного дела произвел глубокое впечатление и на русских ученых-архивистов, в основном с точки зрения постановки архивоведческого образования⁹.

Особым циркуляром 1841 г. во французских архивах вводилась классификационная единица «фонд» и давалось новое основание классификации: принцип уважения к фонду. Фондом признавалась совокупность документов, отложившихся в результате деятельности учреждения, корпорации, отдельного лица или семьи; фонд запрещалось дробить, смешивать с документами другого происхождения. Эту концепцию сформулировал историк и архивист Наталис де Вайи. Он объяснял, что только фондовая классификация способна обеспечить единый подход, ибо отвечает природе самих вещей. «При всякой другой систематизации фондов существует большой риск не знать, где находится данный документ»¹⁰. Требование недробимости фондов, лежащее в основе принципа уважения к фонду, было лишь первой ступенью в развитии новых взглядов на классификацию архивных документов. Тогда вопрос о сохранении внутренней структуры фондов еще не ставился¹¹. Более того, французские установки 1841 г. предписывали перестраивать внутреннюю структуру фонда по предметным рубрикам. Фонды в архивах объединялись в тема-

⁶ О понятии пертинентности (принадлежности), противостоящем понятию provenance (происхождения), см.: *Автократов В. Н.* Понятие о происхождении в архивоведении.— АЕ за 1978 год, М., 1979.

⁷ *Duchemin M.* Le respect des fonds en archivistique.— *La Gazette des archives*, Paris, 1977, N 97, p. 73.

⁸ *Кондрагьева Т. С.* О материалистической тенденции в историко-социологической мысли французского Просвещения.— *Вестн. МГУ. Сер. История*, 1972, № 4, с. 38—39.

⁹ *Андреевский И.* О парижской Ecole des Chartes.— *Наблюдатель*, 1889, № 2, с. 240, 244.

¹⁰ *Duchemin M.* Op. cit., p. 73.

¹¹ [*Бржостовская Н. В.*] Архивное дело с древнейших времен..., ч. 2, с. 48.

тические серии, причем и сама целостность фондов в определенных случаях сознательно нарушалась. Некоторая часть наиболее политически важных документов извлекалась из фондов разных учреждений и сводилась в искусственные образования, которые, будучи на самом деле коллекциями, также признавались фондами.

Принцип уважения к фонду явился теоретическим ответом на массовые разрушения фондовых структур, хотя тематический подход он полностью не преодолел. После 1841 г. научная мысль архивистов Франции не предложила, по существу, ничего нового в области классификации. Как бы в оправдание своему консерватизму она выдвинула не лишнее практического смысла объяснение: совершенна или нет какая-либо система классификации, «но она факт совершившийся; и если есть что-нибудь абсолютно необходимое в архивной сфере, так это непоколебимость». Лучше придерживаться посредственной системы, чем постоянно стремиться к «неуловимому совершенству и переменам, которые вносят путаницу и вызывают невознагражденные потери времени»¹². Эта установка превратилась в принцип уважения к шифрам, руководствуясь которым французские архивисты воздерживались от изменения сложившегося фразирования документов, даже когда оно серьезно затрудняло работу с ними¹³.

Следующий шаг в развитии фондовых представлений был сделан в Германии. Он связан отчасти с так называемым методом Ранке, но больше — с деятельностью Г. Зибеля и других ученых. Когда говорят о Л. Ранке, обычно имеют в виду не только его консервативную историческую концепцию, но и введенный им в обращение метод, точнее — подход к архивным документам официального происхождения, особенно ценным им в качестве источников. В школе Ранке, в середине XIX в. господствовавшей в немецкой историографии, справедливо усматривают протест против распространенного в предшествующем столетии научного рационализма, стремившегося «вершить суд над историей». Не менее четко она проявила себя антиподом романтической историографии, ставившей задачей «проникновение» в прошлое главным образом через хроники и другие повествовательные памятники. Метод Ранке был другим. Он сводился к сопоставлению показаний источников, тщательной, но формальной критике их достоверности. В результате, что очень существенно для вопроса о генезисе понятия «фонд», делался вывод о достоверности и высоком качестве источников, восходящих к правительственным канцеляриям. Поэтому Ранке обосновывал и защищал приоритет «надежного» архивного документа перед нарративными и другими «неофициальными» источниками¹⁴. Напомним, что в то время архивными были почти исключительно документы делопроизводственного происхождения.

По словам Е. В. Тарле (1918 г.), критический метод Ранке сыграл решительную роль в изменении взглядов ученых на архивы. Стало ясно, что «без архивного документа нет сколько-нибудь достоверной истории». В результате «взоры научного мира обратились к тому, что еще уцелело, и этот интерес сделал архивы тем, чем они являются теперь»¹⁵. Думается, что эта оценка преувеличена. Данные русской историографии свидетельствуют о стремлении русских историков уже в первой половине XIX в. работать в архивах с документами делопроизводства. Однако о том, что в широких научных кругах сложилось мнение об открытии Ранке нового метода с его неиссякаемыми возможностями, о негосредст-

¹² *Desjardins G.* Le service des archives départementales. Paris, 1890, p. 32.

¹³ *Черных В. А.* Архивное дело во Франции.— В кн.: Архивное дело в зарубежных странах: Очерки. М., 1963, вып. 1, с. 42.

¹⁴ *Косминский Е. А.* Историография средних веков V в.— середина XIX в.: Лекции. М., 1963, с. 335; *Смоленский Н. И.* О некоторых теоретико-методологических принципах исторической концепции Леопольда фон Ранке.— В кн.: Тр. Томск. ун-та, 1963, т. 166, с. 160; *Вебер В. Г.* Историографические проблемы. М., 1974, с. 87 и др.

¹⁵ *Тарле Е. В.* Национальный архив в Париже.— В кн.: Тарле Е. В. Соч. М., 1958, т. 4, с. 595—598.

венном влиянии его на историков писали многие авторы, в том числе русские (П. Г. Виноградов, А. К. Дживилегов, М. А. Полиевктов).

Важно отметить опосредованные результаты усилившегося внимания немецких историков к архивам, с которым связано утверждение в германских архивах принципа происхождения. Он был найден отдельными архивистами-практиками интуитивно (так же, как это было в России и других странах) и обозначен уже в 1820-е годы: целесообразно распределять документы в архиве в порядке, при котором «все принадлежащее отдельному учреждению» объединяется и содержится в виде единого целого. Но этой тенденции противостояли распространенные понятия о научности только тематических схем, связанные с узкой заданностью интересов немецких историков того времени. Сказывалась и раздробленность самих архивов; обычно небольшие, они находились в собственности князей и городов. «При умственной отсталости немецких правителей им в повышении интереса к истории мерещилось что-то очень опасное»¹⁶.

Условия для перехода к фондовой классификации сложились в Германии во второй половине XIX в. К этому времени в поле зрения немецкой историографии оказались новые области, а значит, и новые источники — документы правительственных учреждений, чему активно способствовали труды Ранке. Но для возведения классификации по происхождению в научный принцип требовалось большее — смена примитивной истории событий историей процессов и отношений, признание существования закономерности исторического развития. Персонально это связано с именем Зибеля — историка, имевшего решающее влияние в Берлинской академии наук, сочетавшего исследовательскую работу с научно-организационной, в том числе архивной. От своего учителя Ранке он воспринял глубокий интерес к архивным документам¹⁷ (как и Ранке, он считал их главными источниками исторической науки) и культ государства. Но в отличие от Ранке, занимавшего прагматические позиции, Зибель был позитивистом¹⁸. Став во главе Прусского государственного архива, он признал и придал нормативное значение принципу происхождения. Его поддерживали молодые архивисты, сформировавшиеся под влиянием новой немецкой историографии, причем подчеркивается роль М. Лемана¹⁹.

Переход к принципу происхождения в целом был, по-видимому, результатом коллективных усилий. В его основе лежало зибелевское отношение к государственному аппарату, внимание к процессу документообразования и понимание исторической ценности документов делопроизводственного происхождения. Следует учитывать, что Зибель и его сотрудники опирались в своей работе на отточенно бюрократическое бумажное хозяйство прусских учреждений, хорошо организованные регистратуры, где закономерности фондообразования лежали, так сказать, на поверхности. Имелась и внешняя причина — впечатления от французской фондовой классификации, по сравнению с которой старые классификационные схемы явно проигрывали.

Источниковедческие представления Зибеля, приведшие его впоследствии к признанию принципа происхождения, обозначились уже в 1860-х годах. Говоря о характере делопроизводственных документов, он подчеркивал, что каждый из них — некоторая часть реального исторического действия, а в целом они «непосредственно раскрывают перед нами становление и связь этого действия»²⁰. Это отношение к делопроизводствен-

¹⁶ *Косминский Е. А.* Указ. соч., с. 362.

¹⁷ Это качество работ Зибеля ценил Ф. Энгельс. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 127—128.

¹⁸ *Гавриличев В. А.* Теоретико-методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибеля.— Тр. Томск. ун-та, 1963, т. 166, с. 118.

¹⁹ *Posner E.* Max Leman and the genesis of the principle of provenance.— In: *Archives and the public interest Selected Essays by Ernest Posner.* Washington, 1967.

²⁰ *Зибель Г.* О законах исторического развития. СПб., 1866, с. 10.

ному потоку, как к целостному явлению, было, думается, началом пути Зибеля к выводу, зафиксированному в архивных правилах 1881 г.: распределять документы в соответствии с их происхождением и запретить дробить единство документов учреждения, нарушать внутреннюю, исторически сложившуюся структуру этого единства.

Термин «фонд», считавшийся принадлежностью только французской архивистики, немецкими архивистами принят не был. Они употребляли термин «Bestand», обозначающий понятие более содержательное, чем французское понятие «фонд», не допускавшее уступок логическим классификациям. При этом роль его истолкователя выполнял принцип происхождения. Для немецких архивистов этот принцип явился не только реакцией на бесконечные и удручающе запутанные ряды старонемецких классификаций, но, как писал А. Бреннеке, и всеяющей оптимизм перспективной, «колумбовым яйцом» по простоте и убедительности решения²¹. Отвечая задачам архивной практики, принцип происхождения в конце XIX — начале XX в. быстро вытеснил в немецких архивах логические схемы (не без сопротивления их приверженцев).

Принцип происхождения обладал (поскольку опирался на фактор провениенции) потенциальной возможностью развития общего подхода к решению всех теоретических задач архивоведения. Но разработанная в Германии форма этого принципа была внутренне ограниченной и приобрела черты регистратурпринципа, т. е. требования обязательного сохранения внутренней структуры фонда в том виде, в каком она сложилась в регистратуре (канцелярии, архиве) учреждения, невзирая на ее возможные неудобства. Здесь сказывалась порочность позитивизма. Относясь с интересом к процессу развития общества и его институтов, позитивисты отказывались от изучения глубинных причин развития, считая их лежащими вне возможностей конкретных наук, и сосредоточивали внимание на результатах развития, в данном случае — на результатах процесса документообразования, на регистратуре.

Понятия «фонд» и «регистратурпринцип» подверглись дальнейшей разработке в Голландии, где архивистика, как и сама историческая наука, испытывала сильное немецкое влияние. Авторы руководства 1898 г. по работе с архивными документами С. Муллер, И. Фейт и Р. Фруин²² толковали фонд как совокупность письменных, чертежных и исполненных типографским способом документов, официально полученных учреждением или официально составленных одним из его должностных лиц и предназначенных оставаться в этом учреждении или у этого должностного лица. Все находящееся за пределами официально полученного и официально составленного было вне фонда.

Нельзя не видеть, что в руководстве 1898 г. архивоведение тверже встало на путь выведения установок из своего предметного материала. Голландский фонд творится самой деятельностью учреждения. Изучив «организм» фонда и выяснив, на основе каких именно правил он сложился, архивист получает возможность восстановить нарушенное по каким-либо причинам первоначальное расположение документов и удалять то, что к данному фонду не относится. Стремясь к воссозданию первичной группировки фонда, голландские авторы отмечали, что собственно структура учреждения и организация его делопроизводства им относительно безразличны. Все же голландские архивисты были в достаточной мере практиками, чтобы не придавать значения несущественным отклонениям

²¹ Brenneke A. Archivkunde. Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen Archivwesens. Leipzig. 1953, S. 68.

²² Muller S., Feith I. A., Fruin R. Handleiding voor het ordenen en beschrijven van archieven. Groningen, 1898. В 1905 г. книга была издана в Германии, в 1908 г. — в Италии, в 1910 г. — во Франции, в 1940 г. — в США. На русском языке ее содержание было подробно изложено по французскому изданию И. А. Голубцовым в статье «Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов» (АД, 1925, вып. 2, 3/4).

и, говоря о желательности тех или иных решений, не всегда настаивали на них, отдаваясь на суд соображений целесообразности. Они отмечали, что важна первичная организация регистратуры. Ее восстановление сравнивалось с работой палеонтологов, собирающих из костных останков скелет первобытного животного.

Таким образом, в основе принципа происхождения, разработанного западноевропейскими архивистами, лежали признание закономерностей документообразования и деятельности государственных учреждений и высокая оценка делопроизводственных документов как источников исторического исследования. На международном уровне принцип был впервые рассмотрен в 1910 г. Брюссельским конгрессом архивистов и библиотекарей, архивная секция которого (по докладу голландского архивиста М. Вирсума) единогласно признала принцип происхождения наилучшей системой классификации и инвентаризации каждого архивного фонда как с точки зрения архивного порядка, так и в целях исторических исследований. Сам же принцип был сформулирован в таких выражениях: «При классификации и хранении архивных документов необходимо каждый из них помещать в ту группу или часть группы документов, в состав которых документ входил, когда данная коллекция (имеется в виду «фонд». — В. А.) была еще живым организмом»²³.

Обратимся к развитию архивных классификаций в России. В середине и особенно во второй половине XIX в. здесь был облегчен доступ к архивам для научных занятий. Постепенно изживались старые «казенные» взгляды, заключающиеся в том, что «всякий архив почитался только складом оконченного канцелярского делопроизводства». Современники с основанием связывали облегчение режима доступа к документам с именем и деятельностью Н. В. Калачова, видели его «великую» и «приспомятную» заслугу в том, что он «не только возвысил значение Архива как хранилища неистощимых материалов для науки, но и для целей той же науки он освободил Архив от цепей казенно-канцелярской тайны и недоступности». Однако его примеру, по словам И. Е. Забелина, последовали далеко не все²⁴.

Историки стремились воспользоваться открывшимися возможностями. «Мы живем в разгар увлечения архивскими исследованиями», — писал А. С. Трачевский, видевший в этом характерную черту историографии своего времени²⁵. Но интерес к архивам буржуазной исторической науки не принес архивоведению полезных результатов в области классификации документов, подобных тем, какие имели место в Западной Европе.

Всегда нелегко искать объяснений, почему не произошло чего-то важного в истории конкретной науки; существует опасность схематических толкований. На первый взгляд необходимые посылки для разработки архивоведением фондовой классификации могла сообщить государственная школа, отстаивавшая тезис о ведущей роли государства в историческом процессе и уделявшая большое внимание изучению аппарата управления и его документов. Но она отрицала наличие закономерностей в развитии русского общества, а это само собой снимало вопрос

²³ Congrès International des archivistes et des bibliothécaires. Bruxelles, 1912, p. 663—670. В русском обзоре итогов конгресса сообщалось, что он выразил пожелание сделать «принцип обозначения происхождения поступивших в архив документов... общим руководством при устройстве и описании архивов» (*Щеглов В.* Международный съезд архивариусов и библиотекарей 1910 года. — ЖМНП, 1911, № 2, Современная летопись, с. 60). Через 15 лет решение конгресса о принципе происхождения было воспроизведено с комментариями Н. В. Русиновым в статье «Регистратура в архив» (АД, 1926, вып. 7, с. 17). О работе конгресса см. также: *Старостин Е. В.* Итоги развития архивного дела в Европе к началу XX в. и зарождение международного архивного сотрудничества. — СА, 1982, № 2.

²⁴ [Записка И. Е. Забелина в память Н. В. Калачова]. — ЧОИДР, 1885, кн. 4, Смесь, с. 17—18.

²⁵ *Трачевский А. С.* Современные задачи исторической науки. — Зап. имп. Новорос. ун-та, 1878, т. 27, с. 88.

о теории архивной классификации, восходящей к закономерностям развития социальных институтов. Бóльшими возможностями располагала, казалось бы, историческая концепция С. М. Соловьева, занимавшая особое место в этой школе²⁶. Она рассматривала общество как целостный организм, развивающийся по своим внутренним закономерностям. В основе работ Соловьева лежал огромный архивный материал. Но для Соловьева, как пишут советские историки, были характерны некоторая ограниченность задач анализа источников, недостаточный интерес к выявлению генетических связей между фактами²⁷. Думается, поэтому его общеисторическая концепция не способствовала возникновению правильного взгляда архивистов на классификацию. Конечно, устройство документов в архивах — только часть вопроса организации исследовательской работы. Соловьев, как и многие ученые его времени, исключал этот вопрос из поля зрения²⁸. Здесь, вероятно, вторая причина, почему государственная школа не сообщила архивоведению импульса к открытию фондовой классификации.

Попытки разработки теоретического подхода к архивной классификации принадлежали историкам, связанным с архивами служебными отношениями. Самым выдающимся из них явился Калачов, ставший в 1865 г. управляющим МАИЮ. Он относился к тому направлению юридической школы (иногда рассматриваемому как ее ответвление), которое придавало большое значение достоверности фактов и обоснованию частных выводов, а меньшее — конструктивности исторических построений. Последнее приводило к снижению роли социальной среды, где возникали изучаемые документы. «Благодаря этому, — отмечал В. И. Пичета, — изучаемые юридические институты были представлены не в их исторической эволюции, но чисто догматически абстрактно»²⁹.

Вот почему в «калачовское архивное время» (1860—1880-е годы) классификация документов по происхождению оставалась в России неизвестной. Она была несовместима с формально-статичным образом мышления архивистов, группировавшихся вокруг Калачова. Являясь сторонником описательных классификаций источников, Калачов наметил решение вопроса в духе пертиненции: «Подвергнуть документы какого-либо архива надлежащему разбору — значит распределить их на отделы или разряды по различию их содержания». В основу деления он предполагал положить предметные группы, восходившие к разработанной им «некоторой сумме общих юридических понятий», которые считал неизменными для всех периодов русской истории. Впрочем, «если в числе документов есть такие, которые относятся к неюридическим предметам», то следует «прибавлять и другие отделы, как-то: отдел статистики, топографии и т. п.»³⁰.

И. Л. Маяковский объяснял подобный подход тем, что при Калачове «в русском архивном деле еще не было в ходу понятие архивного фонда»³¹. Это не отвечает на возникающий вопрос, почему понятие архивного фонда (или близкое ему) не было «в ходу» и почему Калачов, восхищавшийся постановкой архивного образования во Франции, остался равнодушным к основному понятию французской архивистики и к ее основному принципу. Думается, дело в том, что пертиненция не только вытекала из традиционных искусственных классификаций и

²⁶ Иллерицкий В. Е. О государственной школе. — ВИ, 1959, № 5, с. 75.

²⁷ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 359; Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк. — В кн.: Соловьев С. М. История России древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 31—32.

²⁸ Городецкий Е. Н. Историография как специальная отрасль исторической науки. — История СССР, 1974, № 4, с. 98.

²⁹ Пичета В. И. Введение в русскую историю: (Источники и историография). — М., 1923, с. 130—132.

³⁰ Калачов Н. В. Архивы. — Тр. I Археол. съезда в Москве, 1869. М., 1871, с. 241, 246.

³¹ Маяковский И. Л. Н. В. Калачов как историк-архивист: (Из истории русского архивоведения, 1860—1880-е годы). — ТМГИАИ. М., 1948 т. 4, с. 165.

соответствовала опыту личной исследовательской работы Калачова, но и отвечала научным представлениям юридической школы³².

До конца XIX в. в основанной Калачовым «науке об архивах» имело место представление о теоретическом превосходстве формально-логических классификаций. Правда, большинство архивов продолжало храниться в том виде, в каком они сложились, но, когда ставилась задача создания «научной» системы, документы приводились, как говорили, в «систематический порядок», т. е. разбивались по предметным рубрикам. Полную же перестройку архивов немногочисленные воспитанники Калачова связывали только с отдаленным будущим. И сам он за 15 лет управления МАМЮ не предпринял ничего существенного для реализации программы разделения документов по «различию их содержания».

Вместе с тем часть русских архивистов, испытав неудобства искусственных классификаций, убеждалась в желательности сохранения первоначальной, делопроизводственной структуры документов. Высказывания в пользу последней в печати не были выражены достаточно ясно³³. Они отчетливо выступают в документах, не предназначавшихся для печати. Их авторами были крупные архивисты. В письме (1864 г.) директору Государственного архива К. К. Злобину директор МГАМИД К. А. Оболенский отмечал большие трудности для архивной работы, вызываемые систематизацией дел Посольского приказа, осуществленной Г.-Ф. Миллером в XVIII в. По его словам, Миллер, «пожертвовав для произвольной своей системы древним нашим административным разделением дел по приказам, смешал все эти дела и все бумаги их вместе и потом самовластно разделил и раздробил их на особые рубрики под название разных небывалых в древнем нашем производстве подразделений дел: исторических, церемониальных, тайных, весьма тайных и множества других и т. п. За таким произвольным смешением и разделением почти всех документов затрачивается громадное количество труда на восстановление всего этого в необходимый, естественный порядок, в каком хранились дела в архиве Посольского приказа, разделенные по приказам, по четям, по повытьям и по столам»³⁴. Известно, что Злобин придерживался противоположного мнения и активно перестраивал свой архив, создавая тематические «разряды»³⁵.

Не менее определенно высказался Д. В. Поленов, служивший в Архиве II отделения собственной е.и.в. канцелярии (с 1875 г.—его заведующий). Этот архив образовался на базе архива Комиссии составления законов, существовавшей в 1796—1826 гг. Принятая там предметная классификация вызвала осуждение Поленова. «Описи архива,— писал он,— составлены по плану, заимствованному из какого-нибудь учебного руководства по части законодательства или права. Видно также, что план был написан прежде, а к нему, т. е. под изготовленные уже рубрики, подбирались самые дела». Поскольку архив состоял из материалов ряда комиссий, существовавших в разное время, «в основание порядка при распределении дел надлежало бы,— замечал Поленов,— принять самые комиссии, и по ним расположить дела»³⁶. И здесь перед нами отчетливое заявление в пользу классификации по происхождению, по фондам, хотя эти термины не употребляются. Как видим, переоценка

³² Такому умунастроению в какой-то мере отвечала переводная статья о баварских архивах, содержащая требование прежде всего разделить архив на обособленные части: собственно документы (Urkunden) и акты (Akten), «насколько, разумеется, первые не суть простые акты» (*Легер фон*. Баварские архивы.— Сб. Археол. ин-та, СПб., 1879, т. 2, с. 45).

³³ Устройство архивов упраздненных судебных учреждений по системе Н. Тихменева. СПб., 1874, с. 5; *Яковлев П.* Сведения об архивах Министерства путей сообщения.— ЖМПС, 1879, т. 2, кн. 1, с. 2; и др.

³⁴ ЦГАДА, ф. 31 («Текущие дела»), д. 793, л. 9 об.— 10.

³⁵ См. об этом: *Кононов Ю. Ф.* Из истории организации и комплектования бывшего Государственного архива Российской империи.— ТМГИАИ, М., 1957, т. 8.

³⁶ Цит. по кн.: *Хрущов И.* Очерк жизни и деятельности Д. В. Поленова. СПб., 1879, с. 47.

достоинств искусственных классификаций, начало которым было положено в XVIII в., возникала в тех архивах, где они были последовательно осуществлены.

Подспудно нараставшее противоречие между требованиями архивной практики и установками «науки об архивах» привело в определенный момент русское архивоведение к теоретической дезориентации. Показателем этого, на наш взгляд, явилось обращение И. Е. Андреевского к мысли о примитивной бесструктурной системе, объединяющей архивный материал валовой нумерацией³⁷. Горячий поклонник Гизо как покровителя весьма поверхностно прошелся по французской системе классификации и ни словом не обмолвился о понятии фонда³⁸, которое, по-видимому, ему было абсолютно не ясно (о немецком провениенципринципе он, вероятно, не знал).

Но следующий лектор и автор курса архивоведения — А. П. Воронов обращался к мысли о том, что «истинный принцип архивного порядка есть историческое распределение архивного материала», и объяснял французскую фондовую систему. Он говорил, что она навеяна опытом «архивистов-практиков», имея в виду иностранный опыт и опираясь главным образом на упомянутую выше книгу Г. Дежардена. «Все, что жило самостоятельно в прошлом, — говорил Воронов, — должно жить самостоятельно и в архиве. Распознать эти организмы в архиве есть первая задача каждого истинного архивариуса. По удачному выражению Деллаборда, библиотека есть нечто, тогда как архив есть некто, а поэтому не может расчленяться произвольно как библиотека»³⁹. Подробно Воронов рассказывал о французской классификации на XI археологическом съезде: «Fonds — это совокупность бумаг, принадлежащих одному учреждению, одной корпорации, одной фамилии, одному лицу. Словом, fonds — это исторически сложившаяся группа дел. Классифицировать *par fonds* значит соединить вместе те бумаги, которые были собственностью одного учреждения, одной корпорации, одной фамилии, одного лица. Внутри fonds бумаги располагаются, смотря по удобству, или в хронологическом порядке, или в топографическом, или в алфавитном...»⁴⁰. Воронов заметил непоследовательность французской архивистики: «Принцип группировки дел по фондам, т. е. исторического деления, сталкивается с принципом искусственного подразделения на серии, и не всегда возможно вдвинуть фонд в рамки установленной классификации по сериям, хотя эти рамки довольно просторны». Наконец, отмечал Воронов, существует серия А — «Акты верховной власти и государственного имущества», образующаяся вообще «за счет всех отделов», а поэтому явно нарушающая «принцип целостности фондов»⁴¹.

Названные принципы группировки дел по фондам и целостности фондов (в другой работе Воронов говорил о «принципе фонда»⁴²), несомненно, отражают подход французской архивной школы, но все же это не трактатка самого «принципа уважения», а скорее взгляд на него, подметивший его отличительные черты. Однако основной смысл французской системы обрисован неплохо, с элементами критики. Немецко-голландской классификации Воронов не знал, что существенно обедняло его лекционный курс.

³⁷ На это указывал А. П. Воронов в работе «Архивоведение. Конспект лекций, читанных в Санкт-Петербургском археологическом институте» (СПб., 1901, с. 16). Имеется издание 1904 г.

³⁸ Андреевский И. Е. Наука об архивах: Лекции, читанные в Санкт-Петербургском археологическом институте... в 1885/86 — 1886/87 гг. [СПб., 1887].

³⁹ Воронов А. П. Архивоведение, с. 16. Л. Деллаборд (Laborde) — директор французского Национального архива при Наполеоне III.

⁴⁰ Воронов А. П. Французские областные архивы. — Тр. XI Археол. съезда в Киеве, 1899. М., 1902, т. 2, с. 46—47.

⁴¹ Воронов А. П. Архивоведение, с. 18.

⁴² Воронов А. П. К вопросу о положении архивного дела во Франции. — В кн.: Воронов А. П. Статьи по архивоведению: (Пособие для слушателей имп. Санкт-Петербургского археологического института). СПб., 1909, с. 19.

Полностью освоить теорию вопроса Воронову не удалось. Из того факта, что при фондовой системе группировка дел соответствует «делению государственного организма: по учреждениям, территориальному делению», он делал неожиданный вывод: «Отсюда следует, что у каждого архива своя классификация»⁴³. Таким образом, Воронов не понимал всего содержания понятия фонда, того, что в основе фондовой классификации лежит *общий* для всех архивов принцип. Он начинал обзор типов классификации не с самого содержательного, а с самого бессодержательного — единой для всего архива нумерации дел, признававшейся предпочтительной еще Андреевским. «Чтобы оценить достоинства этой простейшей системы, надо принять в соображение, — утверждал Воронов, — что все классификации архивного материала более или менее спорны, а многочисленность отделов в архиве есть явное неудобство». Иногда не стоит даже тратить время «на классификацию и сортировку дел, практичнее — первое попавшееся дело назвать № 1 и занести в опись, следующее — № 2 и т. д.»⁴⁴.

Воронов не пытался решить вопрос, что значит «принадлежать одному учреждению», «быть его собственностью». Эти формулировки свободно можно истолковать и в духе пертиненции. Принадлежать ли в силу происхождения, по праву владения или по праву исторически сложившихся обстоятельств архивного хранения — это разные критерии. Заметим, что вопрос и впоследствии представлял немалую трудность и был решен в результате глубокого анализа и острых дискуссий советских архивистов в 1920-е годы.

Во многом повторял Воронова И. Ф. Колесников, читавший курс архивоведения в начале XX в. в Московском археологическом институте. Дав подробное обозрение способов группировки дел в русских архивах и более общую характеристику классификаций в западноевропейских, он отметил достоинство принципа, который называл историческим. Говоря о германских архивах, Колесников указывал, что там расположение дел «в общем основано на историческом принципе», но обходил молчанием провениенцпринцип. Критикуя старое баварское правило расчленять архив на «акты» и «собственно документы» (это «несомненно нарушает полноту и целостность... исторически сложившегося архивного фонда»), Колесников вместе с тем уделял внимание идее деления архивных материалов «путем изучения духа, характера их содержания и вытекающего отсюда разложения на органические составные части». С этой точки зрения, отмечал он, «ни одна самая современная теория классификации не в состоянии предложить единой наилучшей системы расположения архивных материалов по отделам, так как каждый архив по своему происхождению и назначению индивидуален и должен иметь свою собственную систему»⁴⁵. Излагая идею такой классификации, Колесников опирался на книгу Г. Хольтцингера⁴⁶ — последнюю в немецкой историографии из тех, что отстаивали формально-логические перегруппировки дел, борясь с уже победившим в Германии провениенцпринципом. Это не значит, конечно, что Колесников разделял крайне идеалистические взгляды о «духе» как основе классификации документов.

В другой работе Колесников показал различие между классификацией и систематизацией документов и сформулировал следующую важную мысль. Искусственные классификации, пригодные для библиотек, не приложимы к собраниям старинной документальной письменности. Каждое из них состоит из исторически сложившихся частей, «которые должны быть сохранены. Одной системы для всех собраний нет и быть не может, а есть единый принцип распределения их частей — это органи-

⁴³ Воронов А. П. Архивоведение, с. 16.

⁴⁴ Воронов А. П. Архивоведение, с. 15—16.

⁴⁵ Колесников И. Ф. Устройство и ведение архивов: Пособие к лекциям по архивоведению. Курс специальный. М., 1910, с. 46—49.

⁴⁶ Holtzinger G. Handbuch der Registratur- und Archivwissenschaft. Leipzig, 1908

ческий принцип исторической группировки материалов»⁴⁷. Так Колесников частично исправил ошибку Воронова, считавшего, что при фондовой системе каждый архив разрабатывает собственную классификацию.

Тем не менее у Колесникова оставалось неясностей не меньше, чем у Воронова. В чем органичность данного принципа (об «органическом» по-своему писал и Хольтцингер), что такое «исторически сложившееся»? В силу чего и в каких условиях «сложившееся»? Если в сфере документообразования, тогда это принцип происхождения, как бы его ни называли. Но «исторически сложившееся» можно при желании трактовать и по-другому — как постепенно сложившиеся коллекционные образования или как случайно образовавшиеся в архивах группы документов, закрепленные архивной традицией⁴⁸.

Значительно ближе к уяснению понятия фонда и принципа происхождения подошел Д. Я. Самоквасов, с 1892 г. — управляющий МАМЮ. Он стал архивистом, уже будучи известным историком права и археологом. Это обстоятельство не учитывалось до сих пор как существенный фактор, оказавший влияние на архивоведческие взгляды Самоквасова. Отличительной чертой его научного мышления было сильное тяготение к классификации и локализации изучаемых объектов, а также широта и смелость взглядов, причем, как отмечают советские археологи, сочетание у него разных специальностей — ученого-юриста и археолога — «было органическим и неразрывным»⁴⁹. Следует указать и на такую черту Самоквасова: в археологии он стал одним из первых, кто отказался от процветавшего кладоискательства и коллекционерства. Раскапывая городища, он рассматривал находимые вещи как части исторически сложившегося целого. Как историка права Самоквасова иногда сближают с одной из групп ученых юридического направления, представленной А. Д. Градовским и другими, что вроде бы не проясняет интересующего нас вопроса. Но вспомним, что это ответвление юридической школы положило начало специальному изучению истории учреждений в России. И Самоквасова в истории права особенно привлекали вопросы государственного устройства и управления.

Но хорошо понятно, что интерес к истории учреждений, перенесенный на почву архивоведения, — это интерес к фондообразователям (хотя бы и без применения такого термина), а его сочетание с выработанным стремлением классифицировать и локализовать объекты изучения превращается в архивоведении в вопрос о классификации документов по происхождению — по учреждениям, по фондам. Характер научного мышления Самоквасова, сложившегося в его историко-юридических и археологических исследованиях, явился важной предпосылкой к тому, что этот ученый, став во главе большого исторического архива, отверг пропагандировавшиеся здесь ранее тематические группировки, не принимавшие во внимание происхождения документов.

В XIX в. документы, хранившиеся в МАМЮ, почти не затрагивались искусственными классификациями. Но прежде их историческая структура нарушалась неоднократно и весьма серьезно в результате стихийных пертурбаций и сознательных формирований тематических групп (для быстроты «приискания справок»). И все же структуры фондов оставались примерно тождественными исходным структурам, сложившимся в период фондообразования. Самоквасов это оценил, что и было, по-видимому, важным моментом в формировании в МАМЮ русского варианта принципа происхождения.

⁴⁷ Колесников И. Ф. Древние рукописи: От памятника старины до исторического источника. — В кн.: Отчет о состоянии Московского археологического института в 1912—1913 академическом году. М., 1914. Прилож., с. 8.

⁴⁸ В 1940-е годы, будучи профессором МГИАИ, Колесников объяснял студентам понятие фонда, принятое советским архивоведением.

⁴⁹ Амальрик А. С., Монгайт А. Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. 2-е изд. М., 1966, с. 89.

Еще до Самоквасова, когда архивом управлял Н. А. Попов, здесь было признано, что изучение истории составных частей архива имеет важное значение: «только историческим путем можно объяснить» нынешнее их положение, выяснить, «какие меры и средства» могут быть применены для успешного управления современным архивом. «Относительно всех этих вопросов история... дает много полезных указаний»⁵⁰. Именно здесь был выполнен ряд исследований истории прежде самостоятельных архивов, составивших МАМЮ, и отдельных менее крупных комплексов, а также историко-учрежденческих изысканий⁵¹.

Вопросов классификации документов эти работы не рассматривали, но накопление многих наблюдений и сравнение исходных структур архива со структурами, современными авторам, не могли не выявить преимуществ тех комплексов, которые сохранились лучше. Сопоставление этих выводов с научными взглядами Самоквасова также должно было способствовать формированию его взглядов на архивную классификацию, близких к принципу происхождения. В 1892 г. он выступил с требованием сохранять при описательных работах «неизменными разделы, отделы и нумерацию документов», сложившиеся и закрепленные в прежние годы⁵². Иначе говоря, это было требование уважения к шифрам. Внутренняя противоречивость принятого решения налицо. Оно положило конец калачовской идее классификации документов по содержанию и прекратило дальнейшую деструкцию архива, но вместе с тем закрыло путь к возможному в то время восстановлению частично искаженной исторической структуры фондов, к изъятию из фондов чужеродных включений, исправлению нарушений хронологии.

Архивоведческие взгляды Самоквасова окончательно сложились в результате его научной командировки в Западную Европу (1899 г.). Принятое там понятие «фонд» поразило его неизменностью общего подхода при многообразии индивидуального содержания. «В государственных архивах Запада, — писал он, — каждому полицейскому участку, каждой таможене, каждому училищу, каждой железнодорожной станции, каждой волости и каждому селению соответствуют известные архивные „фонды“»⁵³. Перечисляя категории фондов учреждений столь невысокого ранга (он мог бы назвать департаменты, магистраты), Самоквасов, по-видимому, стремился показать всеобщность понятия фонда. Представления его о фондовой классификации не были доведены до уровня научной концепции. Он не попытался сформулировать в точных выражениях понятие фонда и не опирался на какую-либо существующую в западно-европейской архивистике формулировку. Но отдельные его замечания взятые в целом, показывают, что фонд рассматривался им как исторически сложившаяся и связанная с определенным учреждением совокупность дел, единство которой не подлежит разрушению. Архив вообще не имеет права, считал Самоквасов, изменять порядок «дел и связей», в каком они получены из учреждения⁵⁴.

⁵⁰ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888, кн. 5, с. III—IV.

⁵¹ *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История Разрядного архива (1711—1812). — В кн. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 5; *Ардашев Н. Н.* История Вотчинного архива до 1812 года. — Там же; *Шимко И. И.* Московские департаменты Сената и подведомственные им архивы в 1812—1814 гг. — Там же. М., 1889, кн. 6; *Токарев Н. Я.* История московских сенатских архивов с 1813 по 1835 г. — Там же; *Шереметьевский В. В.* История московских сенатских архивов и Архивы Министерства юстиции с 1843 по 1881 год. — Там же. М., 1890, кн. 7; *Оглоблин Н.* «Киевский стол» Разрядного приказа. — Киевская старина, 1886, № 11; *Голомбиевский А.* Столы Разрядного приказа в 1668—1670 годах. — ЖМНП, 1890, № 7; *Богоявленский С. К.* вопросу о столах Разрядного приказа. — Там же, 1894, № 6; *Ардашев Н.* Вопрос о Поместном столе в связи с поземельной деятельностью Разряда. — Там же, 1895, № 8; и др.

⁵² *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902, кн. 1, с. 69—70.

⁵³ *Самоквасов Д. Я.* Проект архивной реформы в России и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902, с. 32.

⁵⁴ *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России, кн. 1, с. 31, 33, 47, 61, 74; М., 1902, кн. 2, с. 86. Прилож., с. XV.

Лучше всего удалось Самоквасову объяснить понятие фонда, когда он противопоставил его «собранию дел». Исторически сложившиеся фонды, писал он, представляют собой «хронологические системы письменных актов деятельности государственных и общественных учреждений»; их разрушение приводит к образованию ничтожных и малополезных собраний отрывочных дел. Называя «собрания дел» коллекциями, Самоквасов резко возражал против их образования, ссылаясь на западноевропейское архивное законодательство, воспрещавшее создавать коллекции документов в архивах и музеях⁵⁵.

Выявленная Самоквасовым связь фонда с деятельностью учреждения и отчетливое противопоставление фонду искусственно сформированной коллекции показывают, что он намного превзошел авторов указанных выше курсов архивоведения, читавшихся в археологических институтах.

Что касается самого процесса и условий складывания фондов до сдачи в архив, то они Самоквасову были малоинтересны. Это во многом определяло своеобразие понимания им принципа происхождения. Следует оговориться: этого термина он не употреблял, а говорил о «принципах рационального архивоведения»⁵⁶. Но несомненно охарактеризованная установка являлась ослабленным по жесткости требований вариантом принципа происхождения. Если голландские авторы требовали возвращения документов к порядку, сложившемуся в регистратуре, когда обнаруживали его нарушения, то Самоквасов ограничивался требованием оставить их в том порядке, в каком они поступили в архив или как практически сложились за время их хранения в архиве.

Вслед за Самоквасовым и некоторые другие русские архивисты стали употреблять термин «фонд». Но четко его никто не истолковал, и официально он не использовался. В повседневной практической работе архивисты начала XX в. продолжали обозначать отдельные комплексы дел терминами «архивный отдел», «архивный раздел», «производство», «делопроизводство», «дела такого-то присутственного места» и др. И сам Самоквасов не стремился применять к конкретным группам дел термин «фонд», который выражал у него существо правильного подхода к классификации. Если продолжить приведенную выше цитату о том, что на Западе каждому полицейскому участку и селению соответствуют архивные фонды, то вслед за этими словами найдем следующие: «...как части более крупных архивных фондов, составляющие отделы и разделы архивного содержания»⁵⁷. У Самоквасова получилось «фонды в фонде» потому, что ему не было известно понятие фондообразователя. Его мысль замкнулась на нечетких и условных понятиях «отдел» и «раздел» архива.

К сожалению, Самоквасов упустил реальную возможность выяснить, какое именно конкретное содержание вкладывала современная ему прусско-голландская архивистика в понятие фонда. В одной из своих книг он воспроизвел в переводе голландскую инструкцию 1894 г. (положенную в основу книги Муллера, Фейта и Фруина, оставшейся, по-видимому, ему неизвестной). Но неточный перевод скрыл от Самоквасова, что перед ним дефиниция понятия фонда. Дело в том, что голландцы в отличие от немцев называли фонд «архивом» (архив назывался «архивным депо»). Поэтому текст, гласивший, что архив (на самом же деле фонд) — это совокупность письменных, рисованных и печатных документов, полученных или присланных официально правительственными чиновниками и предназначенных храниться в данном учреждении⁵⁸, приобрел искаженное и странное содержание. Вышло так, что, держа в руках определение

⁵⁵ Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России, кн. 1, с. 49; кн. 2, с. 82.

⁵⁶ Там же, кн. 1, с. 61.

⁵⁷ Здесь Самоквасов оказался близок к Воронову, который писал: «Фонд может быть совокупностью нескольких меньших фондов, например когда одно учреждение владеет делами нескольких учреждений» (Воронов А. П. Архивоведение, с. 18). Вопрос «фонды в фонде» возникал и в советском архивоведении в 1920-х годах.

⁵⁸ Самоквасов Д. Я. Централизация государственных архивов: Архивное дело на Западе. М., 1900, с. 184.

столь важного для него понятия, Самоквасов этого не уловил, впрочем, как и читатели его книги. Возможно, он не принял бы целиком голландскую установку, поскольку уже существовала его собственная: оставить документы в сложившемся виде. Но свое отношение к голландскому определению он, скорее всего, выразил бы.

Нельзя полностью согласиться с имеющейся в литературе точкой зрения, что в «дореволюционной России „провениенципринцип“ разделяли Н. В. Калачов, Д. Я. Самоквасов, А. П. Воронов и другие буржуазные ученые-архивисты»⁵⁹. О Калачове так говорить невозможно. Он был сторонником противоположного подхода, который теперь называется коллекционным. То, что Воронов называл «принципом фонда», отражает «принцип уважения к фонду». Но Воронов не открыл для себя фондovou классификацию как в основе единственно правильную; без этого трудно говорить, что он разделял и соответствующий принцип. О понимании вопроса Самоквасовым только что говорилось.

В начале XX в. отечественное архивоведение испытывало несомненное влияние западноевропейской архивистики. На ее опыт русские архивисты постоянно ссылались, но все-таки они были плохо информированы о ее наиболее важных достижениях. Знакомство с работами иностранных ученых разных направлений было подчас случайным, а отношение к ним — уравнилельным, что в какой-то мере дезориентировало архивистов (например, авторов лекционных курсов). Сформулировать должным образом основные понятия и принципы, выработать единую научную концепцию в условиях децентрализации архивного дела и авторитета сохранявших силу калачовских установок в области классификации русским архивистам не удалось. А. Е. Пресняков в 1918 г. верно подытожил состояние дореволюционной архивоведческой мысли: «Отсутствие серьезной постановки изучения архивного дела, отсутствие архивной школы и слабость нашей научно-архивной традиции»⁶⁰.

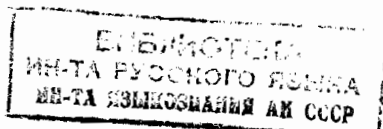
Известно, что русская буржуазная историческая наука с конца XIX в. находилась в состоянии кризиса. Одной из его важных сторон был идейный разброд школ и направлений, отказ от познания закономерностей общественного развития, стремление уйти от широких обобщений к углубленным исследованиям частных вопросов. Другая сторона кризиса заключалась в том, что сосредоточение на частных вопросах вело к освоению неиспользовавшихся или малоиспользовавшихся архивных материалов. Возросло внимание к методам изучения источников, и на закате русской буржуазной историографии имел место «настоящий расцвет источниковедения»⁶¹.

То и другое в конечном итоге сказались на состоянии архивоведения, которое во всех странах учитывало и опосредованно отражало состояние исторической науки. Отказ от конструктивных обобщений не способствовал развитию классификационной идеи, основанной на закономерности процесса фондообразования. Вместе с тем повышение спроса историков на архивные документы сообщало стимул к поиску рациональной организации документов и приближало к фондовому подходу. Исчезало и равнодушие к постановке архивного дела, свойственное историкам XIX в., не связанным с архивами служебными отношениями. Последнему в значительной мере способствовали книги Самоквасова, который не только пропагандировал идею централизации архивов, но и яростно критиковал деятельность губернских ученых архивных комиссий, состоявших под патронатом Петербургского археологического института и губернаторов. Он обвинял ученые комиссии в массовом раздроблении архивных

⁵⁹ Сорокин В. В. Ленинское учение об отношении к буржуазной науке и оценка «провениенципринципа». — ТМГИАИ, М., 1975, т. 31, вып. 2, с. 34.

⁶⁰ Пресняков А. Е. Реформа архивного дела. — РИЖ, 1918, № 5, с. 211—212.

⁶¹ Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 103.

фондов и санкционировании уничтожения громадного количества дел⁶².

В возникшей вокруг работ Самоквасова полемике приняли участие многие историки. В феврале 1904 г. секция русской истории Исторического общества при Петербургском университете специально заслушала доклад Воронова о трудах Самоквасова. Председательствовал А. С. Лаппо-Данилевский. Самоквасов отсутствовал, что подчеркивает остроту конфликта между обоими учеными⁶³. Опубликованная протокольная запись не отразила вопроса об архивной классификации, но содержит жалобы Воронова на необъективность Самоквасова в отношении архивных комиссий. Молодой тогда Пресняков, ведший протокол, не уловил всего говорившегося и записал так: «Пока еще мало было архивных комиссий» (фразу можно расшифровать в смысле прозвучавшего сожаления, что комиссии созданы не во всех губерниях)⁶⁴.

Обсуждение выявило интерес петербургских историков к архивным комиссиям. Через семь дней Историко-филологическое отделение Академии наук поручило Лаппо-Данилевскому представить доклад о деятельности комиссий. С этого момента он стал систематически наблюдать за их работой⁶⁵. Больше всего его тревожила практика уничтожения дел. Уже в первом докладе Отделению он подчеркнул, что отбор дел «нельзя сводить только к просмотру описей», хотя так поступает ряд комиссий⁶⁶. Эта же мысль, согласующаяся с критическими замечаниями Самоквасова (его имени Лаппо-Данилевский не называл), сквозила и в ряде последующих докладов⁶⁷.

Теоретическая правильность установки сохранять фонды была понята во всяком случае частью деятелей архивных комиссий. Она становилась

⁶² Директор Археологического института счел эту критику тенденциозной. «...Грнул гром из Москвы, — восклицал он, — от ученого профессора, археолога и архивиста, что все учреждения — и Археологический институт, и ученые архивные комиссии, и губернаторы, и высшие власти только тем и занимаются, что разрушают исторически сложившиеся архивные фонды» (*Покровский Н. В.* Санкт-Петербургский археологический институт, 1878—1903 гг. — *Вестник археологии и истории*, СПб., 1904, вып. 16, с. XIII). Нужно сказать, что комиссии часто вынуждены были ограничиваться выборкой дел из числа предназначенных учреждениями к уничтожению; в таких случаях создание коллекций становилось неизбежным (*Бржостовская Н. В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов. — *ТМГИАИ*, М., 1954, т. 5, с. 114).

⁶³ Их взаимная неприязнь возникла после того, как Академия наук, отказавшись продолжать совместно с МАМЮ издание «Актос Московского государства», приняла предложение Лаппо-Данилевского (не согласованное с Самоквасовым) опубликовать грамоты Коллегии экономии, хранившиеся в МАМЮ, и потребовала выслать их в Петербург. Поскольку Самоквасов воспротивился, академия пожелала получить грамоты на вечное хранение. «Нетрудно будет исходатайствовать закон» на этот счет, сказал непеременившийся секретарь. Самоквасов не уступил. Его не поколебало и обещание сенаторского звания за согласие. В свойственной ему манере он задел самолюбие Лаппо-Данилевского, назвав его человеком совершенно чуждым архивному делу и научной археологии (*Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России, кн. 1, с. 79—92; *Новомбергский Н. Я.* Речь на могиле Д. Я. Самоквасова. — В кн.: *Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова*. М., 1912, с. 42). С этим согласиться нельзя. Лаппо-Данилевский испытывал глубокий и далеко не только потребительский интерес к архивам, проявившийся уже в одной из ранних его работ. Задаче изучения истории архивов здесь придавалось методологическое звучание: степень внимания правительства к архивам показывает уровень его «политического самосознания», а в характере отношения общества к ним, в целях использования документов обнаруживаются «следы общественных интересов данного времени» (*Лаппо-Данилевский А.* Речь на кн.: *Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции*, кн. 5. М., 1888. — *ЖМНП*, 1889, № 4, с. 408). Видимо, эту мысль Лаппо-Данилевский сохранил, и она впоследствии воплотилась в организации им Союза российских архивных деятелей. В ответ на отрицательную оценку академической программы публикации документов Лаппо-Данилевский выступил в печати (*Лаппо-Данилевский А.* Разбор мнения г. Самоквасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых имп. Академией наук. — *ИАН*, Сер. V, 1902, № 4, с. ОV—OIX).

⁶⁴ Историческое обозрение. СПб., 1909, т. 15, с. 124—126.

⁶⁵ Лаппо-Данилевский воспользовался забытым правом Академии наук получать от Археологического института отчеты архивных комиссий (*Ольденбург С.* Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии наук. — *РИЖ*, 1920, № 6, с. 117).

⁶⁶ *ИАН*. Сер. V, 1905, № 1, с. VI.

⁶⁷ *ИАН*. Сер. V, 1906, № 1/2; Сер. VI, 1913, № 2; 1916, № 7.

очевидной в тех редких случаях, когда им представлялась возможность принять материалы какого-либо учреждения целиком. «Каждый архив имеет свою физиономию и должен ее сохранять», — писала Оренбургская комиссия, замечая, что «положение г. Самоквасова об „архивных фондах“ давно уже и самостоятельно усвоено» комиссией⁶⁸. Бессарабская комиссия, отбиравшая на хранение «только наиболее выдающиеся по научному значению дела», в то же время «в принципе... всегда была против разрушения „архивных фондов“ присутственных мест»⁶⁹. Отметим, что Бессарабская комиссия образовалась в 1898 г. и лишь приступила к созданию своего архива. Но эти слова (как и заявление оренбургских деятелей) показывают, что выступления Самоквасова против дробления фондов имели определенный положительный резонанс.

Лаппо-Данилевский отнесся к этому с одобрением. «Принцип сохранения „архивных фондов“, которого стремится придерживаться Бессарабская комиссия, — сообщал он Историко-филологическому отделению, — заслуживал бы возможно более широкого применения: искусственная сортировка дел иногда лишает ученого исследователя возможности восстановить деятельность того учреждения, к истории которого они относятся»⁷⁰. Таким образом, объективно Лаппо-Данилевский поддержал и второе требование Самоквасова: не разрушать исторически сложившиеся архивные фонды. Преимущества сохранения фондов он объяснил убедительно, но с точки зрения лишь одного типа исследований, не самого распространенного, — изучения истории учреждений.

В отличие от идеи централизации архивного дела, постоянно обсуждавшейся начиная с 1890-х годов и осознанной как назревшая необходимость⁷¹, вопросы классификации документов не привлекали такого внимания. Не стояли они и в числе задач Особой комиссии для обсуждения мер, касающихся порядка хранения местных архивных материалов, созданной РИО в 1911 г. В 1914 г. РИО организовало съезд губернских архивных комиссий, но и здесь вопросы классификации не поднимались. Когда в 1915 г. секретарем и фактическим руководителем Особой комиссии стал Лаппо-Данилевский, она разослала архивным комиссиям «некоторые указания касательно *просмотра* дел и *соблюдения* архивных фондов»⁷². Это значит, что Лаппо-Данилевский приступил к реализации важных требований: отбирать дела на хранение путем их просмотра, а не просмотра описей; соблюдать целостность архивных фондов.

Это не следует понимать, будто Лаппо-Данилевский выступил просто выразителем взглядов Самоквасова, хотя он учитывал, конечно, что в данном вопросе тот был прав. Тем более что в пользу сохранения целостности фондов выступали, как мы видели, и другие русские архивисты. Хорошо владея арсеналом современной ему буржуазной исторической науки, Лаппо-Данилевский, вероятно, знал о преимуществах фондовой классификации не только из русской литературы, но и из западноевропейской архивистики, твердо вставшей уже на путь сохранения фондов, как это показали итоги Брюссельского конгресса 1910 г. Свою роль

⁶⁸ Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии о книге проф. Д. Я. Самоквасова «Архивное дело в России», кн. 1 и 2, 1902 г. Оренбург, 1902, с. 20. Сказанное не значит, однако, что оренбургские деятели действительно не нарушали исторических структур фондов. Важно, что они не отвергали саму идею их сохранения и солидаризировались в этом со своим критиком.

⁶⁹ Отчет о деятельности Бессарабской губернской ученой архивной комиссии за 1902—1903 годы. — В кн.: Тр. Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1907, т. 3, с. 535.

⁷⁰ ИАН. Сер. V, 1906, № 1/2, с. III.

⁷¹ *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911 гг.). — АЕ за 1971 год, М., 1972, с. 105.

⁷² [Лаппо-Данилевский А. С.] Участие Русского исторического общества в правильной постановке архивного дела в России. — В кн.: Имп. Русское историческое общество, 1866—1916 гг. Пг., 1916, с. 120—123 (курсив мой. — В. А.). Эта работа напечатана также отдельной брошюрой: Лаппо-Данилевский А. С. Особая комиссия при имп. Русском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов, 1911—1916 гг. Пг., 1916.

сыграли, возможно, и впечатления, полученные в командировках в западноевропейские архивы, хотя их основная цель была археографической⁷³. Но, говоря предположительно, отметим, что определение фонда, разработанное в 1920-е годы учениками Лаппо-Данилевского, имело во многом самостоятельное и существенно иное содержание, нежели у французов, голландцев и немцев. Расходилось оно и с мнением Самоквасова⁷⁴.

В мае 1917 г. во главе с Лаппо-Данилевским возник Союз российских архивных деятелей. Его руководители предполагали, что он станет не только общественной организацией архивистов и заинтересованных историков, но и государственным органом по управлению архивным делом с целью его коренного преобразования⁷⁵. Заслуживает внимания «принцип неделимости фондов», выдвинутый Союзом летом 1917 г. в связи с разработкой им законопроекта об архивах упраздненных после Февральской революции учреждений и ведомств, «ввиду важности с научной точки зрения сохранения архивных фондов в целом»⁷⁶.

В отечественном архивоведении XIX — начала XX в. представления в области классификации документов прошли непростой путь от признания научными только искусственных тематических схем к их теоретическому отрицанию в пользу фондовой классификации. Во многом он совпадал с логикой развития данного вопроса в западноевропейской архивистике. Но в основе это было самостоятельное движение архивоведческой мысли, отражавшее смену общетеоретических взглядов историков, тесно связанных с архивным делом, и учитывавшее практические неудобства искусственных классификаций. Содержательными для своего времени были высказывания Самоквасова. Но он не изложил их специально и ограничился краткой установкой сохранять фонды в сложившемся виде. Этот тезис не был достаточно разработан в значительной степени потому, что Самоквасов, как и другие дореволюционные архивисты, не владел понятием фондообразователя. Его выступления против дробления фондов, за историческую классификацию были на уровне общей постановки вопроса аналогичны взглядам Лаппо-Данилевского, отраженным в законопроекте Союза российских архивных деятелей 1917 г.

В дооктябрьский период русские архивисты не вкладывали в понятие фонда строго определенного содержания. Творческие возможности для осмысления предмета своих исследований они получили позже, в условиях социалистической централизации архивного дела, будучи привлеченными к созидательной организационной и научной деятельности в советских архивах⁷⁷. Интенсивная разработка основных архивоведческих понятий относится к 1920-м годам. Она сопровождалась острой научной борьбой (главным образом по вопросу о содержании понятия архивного фонда) между петроградскими архивными деятелями из окружения уже покойного Лаппо-Данилевского и московскими архивистами. Эта борьба составляет существенный этап в развитии отечественного архивоведения.

⁷³ *Копанев А. И.* Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка. — ВИД, Л., 1978, [вып.] 9, с. 35; ИАН. Сер. V, 1902, № 4.

⁷⁴ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, 14—19 марта 1925 г. М.; Л., 1926.

⁷⁵ [Голыцын Н. В.] Союз архивных деятелей (1917—1918 гг.). — ИА, 1919, № 1, с. 516—518; *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский. Пб., 1922, с. 42; *Олигов А. В.* Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917—1924 гг.). — В кн.: Источниковедение и археография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М., 1980; ЦГАОР СССР, ф. 7789 (Общество РАД), оп. 1, д. 3, л. 10—12 и др.

⁷⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7789, оп. 1, д. 18, л. 13 об.

⁷⁷ *Шmidt С. О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. — В кн.: Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970; *Он же.* Вступительное слово [к Тихомировским чтениям 1978 г.] — АЕ за 1978 год, М., 1979; *Шумилов В. Н.* Архивы накануне и в первые месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Материалы научной сессии, посвященной 50-летию советских архивов (Москва, 28—30 мая 1968 г.). М., 1969; *Иванова Л. В.* Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917—1924 гг. — В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981, с. 194—203.

С. В. Чирков

О ПРИМЕНЕНИИ ТЕРМИНА «АРХЕОГРАФИЯ» В НАЧАЛЕ XX в.

При изучении истории русской археографии важно представлять, что обозначал сам термин «археография» в тот или иной период, так как смысл этого термина претерпевал с течением времени сложные превращения. Эволюция понятия «археография» со средних веков до новейшего времени изучена С. Н. Валком в его известной работе «Судьбы „археографии“»¹. Исследование С. Н. Валка открыло возможность более подробного рассмотрения отдельных периодов в истории «археографии»² с учетом данных об употреблении этого термина как в исследовательской, так и в учебной практике. Задача настоящей статьи — проследить, как применялся и что обозначал термин «археография» в начале XX в. — в сложный и важный для дальнейших судеб этой специальной исторической дисциплины период.

По заключению С. Н. Валка, в начале XX в. «археография» стала обозначать «работу и по изданию, и по описанию документов». Такое определение родилось в связи с практическими задачами, стоявшими перед учеными Археографической комиссии, и отразилось в утвержденном в 1904 г. «Положении об имп. Археографической комиссии», определившем цели этого учреждения как «научное описание и издание источников отечественной истории». Сходное определение археографии давалось «Новым энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона, а «Русская энциклопедия», исторический отдел которой редактировал А. Е. Пресняков, определяла задачи этой научной дисциплины несколько шире, как «собираение, описание и издание письменных исторических источников»³. Можно добавить, что «Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат» (т. 3, 1910 г.) формулировал назначение Археографической комиссии почти сходным образом: «Собираение, хранение и печатание актов и литературных памятников исторического характера», почему-то включив сюда и хранение памятников, о котором подробно говорится в статье «Археология» в соседнем томе, где хранение отнесено к задачам архивоведения.

Как известно, энциклопедии отбирают для своего словника наиболее устойчивые дефиниции. Однако обращение к конкретным случаям употребления понятия «археография» в научных текстах и документах, связанных с преподаванием специальных исторических дисциплин, не позволяет признать приведенные определения безраздельно господствовавшими или даже утвердившимися в начале XX в.

Обратившись к истории «археографии» во второй половине XIX в., можно заметить нерасчлененность источниковедческого знания и соответствующую ему неопределенность терминологии. Если П. М. Строев не усматривал разницы между археографией и археологией⁴, то Н. В. Калачов при основании в 1877 г. Петербургского археологического институ-

¹ АЕ за 1961 год, М., 1962.

² История термина в советский период посвящена отдельная глава в статье В. В. Фарсобиной «К определению предмета источниковедения (Историкографические заметки)» (Источниковедение истории советского общества. М., 1968, вып. 2, с. 434—440).

³ Валк С. Н. Судьбы «археографии». — АЕ за 1961 год, М., 1962, с. 459—460.

⁴ Там же, с. 457.

та считал главной его задачей подготовку «специалистов по русской старине для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных»⁵, т. е. архивистов. Употребление термина «археология» было неопределенным⁶; письменные памятники изучались деятелями археологических обществ, а доклады об исследовании рукописей и о положении архивного дела читались на археологических съездах⁷.

Только к концу XIX в. в этой области наметился перелом. Так, в 1896 г. в составе Московского археологического общества выделилась археографическая комиссия, занимавшаяся вопросами археологии и архивного дела (видимо, без разделения)⁸. Начиная с VIII археологического съезда (1890 г.) доклады о письменных памятниках и архивных проблемах на съездах рассматривало особое отделение «Памятники археографические»⁹. Примерно в это же время практика работы Петербургского археологического института привела к разделению преподаваемых в нем предметов на два цикла: археологический и археографический¹⁰. Позднее это разделение закрепилось образованием соответствующих факультетов и присвоением выпускникам института квалификации «ученый археограф» либо «ученый археограф». Таким образом, археография выделялась из общей совокупности знания о древностях, обозначавшегося зачастую как «археология». Смысл «археологии» в это время выявился достаточно ясно: в отличие от археологии, изучающей вещественные памятники, археография исследует памятники письменные. Такое широкое и общее определение археографии имело свои достоинства: отдельный объект изучения, известный этимологический резон. Не будучи нигде провозглашено, оно вошло в оборот и стало «обычным» представлением. Так, чуткий к терминам и нередко избретавший свои собственные Н. Н. Ардашев упоминает в виде общего места археографию как археологию письменных памятников¹¹. Отголосок представления об археографии — «науке о рукописях» — дошел до наших дней¹².

Скрупулезное изучение источников, рост внимания к специальным историческим дисциплинам в науке начала XX в. способствовали дальнейшей дифференциации этих дисциплин. Важным стимулом процесса дифференциации являлось и развивавшееся специальное образование. Выделение учебных дисциплин по необходимости сопровождалось установлением их задач и компетенции. Не случайно поэтому сведения об эволюции терминологии специальных дисциплин в сторону все большей определенности находим в материалах Московского и Петербургского археологических институтов. В состав археографического цикла Петербургского института входили архивоведение, археография, дипломатика и древности права¹³. Таким образом, уже с первых лет нашего столетия археография выступала здесь как самостоятельная учебная дисциплина. Преподававший археографию П. Н. Шеффер позднее определял ее задачи как изучение методов описания и издания письменных памятников; можно полагать, что определение это восходит к дореволюционному времени¹⁴. В Московском институте археографическая проблематика до поры находилась внутри «дипломатики» (так Н. Н. Ардашев именовал

⁵ Положение об Археологическом институте. СПб., 1878.

⁶ *Формозов А. А.* История термина «археология». — ВИ, 1975, № 8.

⁷ *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России. — АЕ за 1971 год, М., 1972.

⁸ Энциклопедический словарь Гранат. М., 1910, т. 3, стб. 629.

⁹ *Бржостовская Н. В.* Указ. соч., с. 90.

¹⁰ Имп. Археологический институт в С.-Петербурге: Речи, адреса и приветствия по случаю двадцатипятилетия и тридцатилетия института. СПб., 1908, с. 64.

¹¹ Отчет о состоянии имп. Московского археологического института в 1912—1913 ак. г. М., 1914, с. 171.

¹² *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л., 1978, с. 12.

¹³ Имп. Археологический институт в С.-Петербурге: Речи, адреса и приветствия... с. 65.

¹⁴ *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948, с. 45—46.

«науку о письменности»¹⁵). Однако со временем И. Ф. Колесников выдвинул и развил представление о предмете археографии как самостоятельной дисциплины¹⁶.

В 1913 г. в актовой речи на заседании Московского археологического института И. Ф. Колесников сформулировал положение о неоднозначности понятий «памятник старины» и «исторический источник», а также раскрыл необходимость длинного пути предварительной научной обработки для превращения памятника в источник. «Путь от памятника,— говорил И. Ф. Колесников,— хотя бы и письменного, до критически проверенного исторического источника долог, запутан и тернист. Это путь необходимых подготовительных работ над письменными памятниками старины, работ археографических — процесс претворения памятника в исторический источник...»¹⁷ Оратор резко противопоставлял процесс подготовительной обработки материала процессу извлечения информации источника для нужд исторического построения. Для историка письменный памятник — «источник определенного исторического изыскания», его задачи также сложны: критика событий, подбор и оценка фактов. «Для археографа письменный памятник есть вообще исторический источник, а не источник определенного исторического изыскания... Задача археографа — заложить прочный и надежный фундамент для всевозможных исторических построений»¹⁸. Таким образом, задачу археографии И. Ф. Колесников видел в изучении памятника «самого по себе», вне связи его с ролью источника исторических построений (хотя и в целях превращения в такой источник) и предусматривал существование определенного комплекса археографических работ.

Было ли такое представление о задачах археографии уникальным для науки начала XX в.? Л. Н. Пушкарев считал, что «интересная мысль И. Ф. Колесникова об отличии „памятника“ от „источника“ не была... в полной мере оценена в то время и осталась неразвитой»¹⁹. Сама идея о несовпадении памятника и источника прослеживается и у других ученых того времени. Л. С. Клейн сблизил выдвинутое И. Ф. Колесниковым положение с идеями А. С. Лаппо-Данилевского²⁰. Действительно, А. С. Лаппо-Данилевский писал, что, «пока историк не подверг данный исторический материал предварительному исследованию, он не может признать его историческим источником»²¹. Л. Н. Хмылев отмечает, что «Лаппо-Данилевский понимал двойственную природу исторического источника, заключающуюся в том, что он, с одной стороны, является продуктом прошлой человеческой предметной деятельности, а с другой — результатом познавательной деятельности историка»²². Но А. С. Лаппо-Данилевский не выделял задачи превращения памятника в источник, в область самостоятельной научной дисциплины, включая эту задачу в сферу ведения «специальной методологии истории». Решает ее внешняя критика — «критика, устанавливающая научно-историческую ценность источника как факта»²³.

Разграничение «материала» и «источника» проводил и А. Е. Пресняков, когда говорил, что «документы и все рукописное наследие

¹⁵ Ардашев Н. Н. Программа лекций по дипломатике. М., 1908.

¹⁶ Характеристику его взглядов см.: Черепнин Л. В. Из истории археографии и других специальных (вспомогательных) исторических дисциплин накануне и после Октября 1917 г. (Иван Филиппович Колесников).— АЕ за 1977 год, М., 1978.

¹⁷ Колесников И. Ф. Древние рукописи: От памятника старины до исторического источника.— Отчет о состоянии имп. Московского археологического института в 1912—1913 ак. г., с. 4.

¹⁸ Там же, с. 19.

¹⁹ Пушкарев Л. Н. Определение исторического источника в русской историографии XVIII—XX вв.— АЕ за 1966 год, М., 1968, с. 83.

²⁰ Клейн Л. С. Указ. соч., с. 37.

²¹ Цит. по кн.: Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978, с. 118.

²² Хмылев Л. Н. Указ. соч., с. 117—118.

²³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913, вып. 2, с. 524.

прошлого всегда были и будут важнейшим источником исторической науки», хотя «понятие об историческом источнике гораздо шире и сложнее, чем представление о рукописном материале...»²⁴. По мнению А. Е. Преснякова, изучение подлинного документа как памятника прошлого, как бытовой вещи, как всякого предмета старого обихода, вне прямого использования его в качестве источника исторических сведений имеет «археографическую ценность»²⁵. В ходе такого изучения, имеющего самостоятельное значение для познания истории культуры²⁶, достигается задача преобразования материала в источник. Пресняков не проводил резкого разграничения между работой археографа и историка, однако понимание стадийности изучения памятника-источника у него присутствует. Не случайно позднее в программе лекционного курса истории русской археографии (составленной для Петроградского археологического института на 1921/22 учебный год) А. Е. Пресняков поставил рядом «критику археографическую и историческую»²⁷.

Итак, вопрос о специфическом предмете ведения археографии решался некоторыми учеными во втором десятилетии XX в. путем осознания функциональной природы исторического источника и обособления в связи с этим стадий исторического исследования. Первоначальная стадия изучения, стадия приведения письменного памятника в известность и конституализации его в качестве источника исторических сведений, рассматривалась как область «археографической критики». Исследование в этих целях объективных свойств памятника составляло предмет археографии.

И. Ф. Колесников представлял задачи археографии следующим образом: «Сохранить памятники от разрушения и порчи, дать хорошее описание их, определить подлинность и современность рукописи и дать критически проверенный текст ее...»²⁸. А. Е. Пресняков включал в число задач археографического изучения датировку, определение «среды, области или даже учреждения, из которого вышел памятник»²⁹. Однако формулировка задач археографии в «Русской энциклопедии» осторожнее, она не включает тех операций с памятником, которые А. С. Лаппо-Данилевским отнесены к сфере внешней критики. Здесь можно видеть проявление определенного отрыва «методологии» от «техники» исследования. К последней А. С. Лаппо-Данилевский относил правила собирания, хранения, воспроизведения и издания исторического материала³⁰.

Легко заметить, что многие вопросы «археографической критики» впоследствии вошли в сферу методики источниковедения. И само превращение «потенциального источника» или «предысточника» в источник исторического познания рассматривается в наши дни как источниковедческая проблема³¹. Закономерно, что на долю археографии выпали функции приведения памятника в известность, в связи с чем выделены такие сферы археографической деятельности, как полевая археография — поиск и изучение документальных памятников в среде бытования, камеральная археография — их описание и эдичионная археография — подготовка публикаций памятников³². В начале же XX в. разграничения

²⁴ Пресняков А. Е. Исторические источники и подлинные документы в научной работе. — В кн.: Архивные курсы. Пг., 1920, ч. 1, с. 14.

²⁵ Там же, с. 12.

²⁶ Сходным образом А. Е. Пресняков рассматривал дипломатику не только как вспомогательную по отношению к истории науки, но как часть истории культуры (см. его рецензию на кн.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. — В кн.: Дела и дни. Пб., 1920, кн. 1).

²⁷ Лаборатория-архив МГИАИ, ф. И. Л. Маяковского, оп. 1, д. 193.

²⁸ Колесников И. Ф. Указ. соч., с. 19.

²⁹ Пресняков А. Е. Указ. соч., с. 12.

³⁰ Хмылев Л. Н. Указ. соч., с. 112.

³¹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 31.

³² Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии. — АЕ за 1978 год, М., 1979, с. 136.

археографии и источниковедения еще не произошло. Объединение под названием археографии комплекса достаточно разнородных теоретических и практических операций по превращению памятника в источник обусловило нестабильность этого термина, который вскоре приобрел иное значение.

Сложное и неоднозначное понимание термина «археография» в начале XX в. было связано с тем, что процесс размежевания специальных исторических дисциплин, происходивший в науке и преподавании, не получил еще теоретического отражения. Имела значение и общенаучная закономерность: на «переднем крае» науки, на уровне собственно научных исследований дисциплинарные границы не являются жесткими. Систематический выход «на чужую территорию» — нередкий путь развития научной дисциплины, часто не осознаваемый самим исследователем³³. Как показывают и рассмотренные материалы, научная дисциплина — форма по преимуществу организации уже полученных знаний, подготовки научных кадров, сотрудничества и коммуникации ученых³⁴.

---

³³ Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.

³⁴ Юдин Б. Г. Научная дисциплина и междисциплинарное взаимодействие. — Вестн. АН СССР, 1981, № 10.

С. М. Каштанов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИКИ

В настоящей статье автор предполагает осветить некоторые вопросы, поставленные в дипломатике и нашедшие отражение в докладах на V Международном конгрессе по дипломатике в Париже и на последующих заседаниях Международной комиссии по дипломатике.

Международные конгрессы по дипломатике, начавшие созываться в 1968 г. (первый — по инициативе видного чешского дипломатиста Й. Шебанека), заняли важное место в организации и координации исследований средневековых актов. Состоявшийся 12—16 сентября 1977 г. в Париже V Международный конгресс по дипломатике тематически явился прямым продолжением предшествующего, IV конгресса (Будапешт, 1—6 октября 1973 г.), где рассматривалась проблема зарождения канцелярий светских монархов Европы (от раннего средневековья до XII в.)¹. Предметом обсуждения на V конгрессе стали «Канцелярии и акты суверенных монархов Европы XIII — середины XV в.».

Число официальных (значащихся в списках) участников конгресса составляло 98 человек. Делегаты представляли 19 государств: Австрию (1), Бельгию (5), Ватикан (2), Великобританию (3), Венгрию (2), Грецию (1), Данию (2), Испанию (7), Италию (10), Люксембург (1), Нидерланды (1), Польшу (1), Португалию (4), Румынию (1), СССР (1), США (1), Францию (38), ФРГ (16), Швецию (1). Кроме того, был зачитан доклад представителя Канады, хотя он сам на конгрессе не присутствовал.

Надо заметить, что состав участников IV конгресса (1973 г.) отличался большей широтой (141 делегат от 21 страны). К сожалению, на V конгрессе отсутствовали ученые из ГДР, Чехословакии и Югославии — стран, представленных на IV конгрессе. Между тем доклады чехословацких и югославских дипломатистов значились в предварительной программе V конгресса.

По сравнению с IV конгрессом произошли изменения и в представительстве от капиталистических стран: в нем приняли участие ученые из Люксембурга, Нидерландов, США (и заочно — Канады), а отсутствовали специалисты из Израиля и Швейцарии.

На заседаниях конгресса было прослушано 26 научных докладов, подготовленных представителями Франции (5), ФРГ (5), Испании (4), Италии (3), Дании (2), Венгрии (1), Польши (1), СССР (1), Румынии (1), Великобритании (1), Канады (1), Португалии (1). Из этих докладов два — Н. Икономидиса (Канада) и А. Ж. да Косты (Португалия) — были оглашены, но авторы их на конгрессе не присутствовали.

Как и на IV конгрессе, наибольшее число докладчиков в расчете на одну страну дали ФРГ и Франция. Сохранили свою активность также дипломаты Испании и Италии. Уменьшилось по сравнению с IV конгрессом число выступавших от Великобритании. Не выступали с докладами представители Бельгии, Швеции и Греции, хотя на IV конгрессе докладчики от этих стран были.

Доклады и дискуссия шли на четырех языках: французском, немецком, итальянском и испанском. Заседания 13—15 сентября проходили

¹ Подробный отчет о нем см.: Каштанов С. М. IV Международный конгресс по дипломатике. — АЕ за 1973 год, М., 1974, с. 332—340.

в Париже в здании Национального архива (Отель Роган) и делились на две части: утреннюю и послеобеденную. 12 сентября утреннее заседание проходило в здании Национального центра научных исследований (набережная Анатоля Франса), вечернее — в Отеле Роган. Заседание 16 сентября состоялось во второй половине дня в новом здании (филиале) Института исследования и истории текстов под Орлеаном после посещения конгрессистами аббатства Флери в Сен-Бенуа-сюр-Луар и осмотра каролингской церкви Жермины-де-Пре. 12 сентября было зачитано 6 докладов; 13 сентября — 7; 14 сентября — 4; 15 сентября — 8; 16 сентября — 1.

Кроме докладов, имели место 13 выступлений различного характера (не считая выступлений в прениях по докладом): 4 — при открытии конгресса 12 сентября; 3 — во время чествования генерального секретаря Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье по случаю избрания его академиком (*membre de l'Institut de France*) вечером 12 сентября; 4 информационных сообщения представителей Института истории и исследования текстов (Франция) и 2 заключительных выступления при закрытии конгресса 16 сентября.

На открытии конгресса выступили Табалони (Tabaloni), глава кабинета государственного секретаря (министра) по делам университетов А. Сонье-Сейтэ (*M-me A. Saunier-Seité*); Ж. Фавье (*J. Favier*) — директор Национального архива Франции; проф. Дж. Бателли (*G. Battelli*) — президент Международной комиссии по дипломатике. Табалони, выступивший дважды, зачитал приветствие Сонье-Сейтэ, в котором отмечались наиболее важные вехи на пути развития западноевропейской дипломатии (труды Д. ван-Папebroка, Ж. Мабильона, Ш. Дюканжа, Т. Зиккеля, издание «*Monumenta Germaniae Historica*») и новейшие достижения в этой области (например, факсимильная публикация грамот Каролингов в двух томах, осуществленная на высшем техническом уровне). В приветствии подчеркивалось также значение сравнительного метода в дипломатике и в связи с этим организованной при конгрессе выставки актов, охватывающей период с VI по конец XV в. и представляющей грамоты различных европейских государств.

Бателли посвятил часть своего выступления памяти недавно скончавшихся выдающихся дипломатистов Й. Шебанека (ЧССР) и Г. О. Мейснера (ГДР). Фавье как директор архива коснулся специально выставки документов. Кроме того, он обратил внимание на связь задач истории и дипломатии, рассматривая последнюю как инструмент исторического доказательства и критического исследования.

Утром 12 сентября был заслушан доклад генерального секретаря Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье (*R.-H. Bautier*) «Филипп IV Красивый (1285—1314 гг.). Как позволяет дипломатика судить о личности короля Франции». Доклад Ботье предназначался не только для специалистов по дипломатике, но и для более широкой аудитории. Автор стремился показать значение дипломатического исследования для решения общесторических вопросов. Личность Филиппа IV казалась загадочной как современникам, так и последующим историкам. Мнения о нем издавна разделились: одни полагали, что он передал все управление доверенным лицам, другие не могли смириться с мыслью, что король, в царствование которого произошло столько важных и драматических событий (разрыв с папой, процесс над тамплиерами и т. д.), не играл сам активной роли в политике. Ш. Ланглуа считал загадку личности Филиппа IV неразрешимой.

Среди актов, выданных от имени Филиппа, автор различает три группы документов с грифом «*Par le roy*» («Именем короля»): 1) акты, касающиеся королевского брата Карла Валуа; 2) дарения и пожалования королевским приближенным; 3) документы, относящиеся к духовным учреждениям, пользовавшимся особой милостью короля. В выдаче этих сравнительно немногочисленных актов король, видимо, принимал личное участие. Итинерарий короля показывает, что в первой половине своего

царствования Филипп IV уделял много внимания охоте и предпочитал жить в Венсене, Фонтенбло и других замках, а не в столице. Он на месяцы оставлял большую государственную печать своим приближенным, таким, как Этьен де Сюзи, Ногарэ. Пока король охотился в провинции, королевский совет в Париже выдавал от его имени многочисленные грамоты, скрепленные большой государственной печатью. С 1307 г. вся власть фактически перешла к Ногарэ и группе связанных с ним лиц. В последние годы своей жизни Филипп все более погружался в мистицизм. Без свиты, уединенно совершал он поездки по монастырям; сам основывал монастыри. Ногарэ ловко использовал умонастроение короля. Автор сравнивает его с Распутиным. В конце царствования, особенно после смерти королевы, Филипп IV уже не правил. С 1311 г. реальную власть осуществлял королевский камергер (*chambellan*) Ангеран де Мариньи, ведавший одновременно внешней политикой и финансами. Он получил право бесконтрольно выдавать грамоты.

Оставив большую государственную печать своим советникам, король в случае надобности пользовался малой или секретной печатью, находившейся в ведении его камергера, а также еще более персональной «печаткой» (*signet*). Личным участием короля отмечена, как указывалось выше, выдача грамот монастырям, которые он посещал, основывал и одарял в благочестивых целях (ради «спасения души» королевы и своей собственной)².

Вечернее заседание 12 сентября было посвящено канцеляриям стран восточного Средиземноморья и юго-западного Причерноморья: Византии в 1261—1453 гг. (Н. Иконоmidис, Канада), Латинской Константинопольской империи в 1204—1261 гг. (А. Кариле, Италия), Оттоманского государства в XV в. (П. Настюрель, Франция), королевств Кипра и Малой Армении в XIII—XIV вв. (Ж. Ришар, Франция), княжеств Валахии и Молдавии в XIV — начале XVI в. (М. Казаку, Румыния).

В докладе Н. Иконоmidиса (N. Oikonomidis) был дан обзор главным образом внешней формы и языка византийских документов второй половины XIII — середины XV в. Отметив употребление цергамена, автор указал также, что для писем и административных документов наряду с ним использовалась бумага. Выбор языка и стиля зависел от предназначения документа. Торжественные акты писались изысканным слогом, на греческом литературном языке (кефаревуса), административные документы — на языке, близком к разговорному (димотика). Грамоты, направляемые в западноевропейские страны, писались по-латыни. Для сношений с югом использовались греческий и латынь одновременно: документ писался в два столбца, из которых один был занят греческим текстом, другой — его латинским переводом. Художественные украшения, в частности орнаментированные инициалы, в византийских документах применялись редко. В наиболее торжественные акты рисунки иногда вклеивались.

Особое внимание автор уделил конечному протоколу и способам удостоверения документов. В дате выдачи документа (*date d'expédition*) указывались год, месяц и индикт. Имелись специальные чиновники для удостоверения (*rescognito*) акта. Удостоверительную функцию в документе выполняли слово *λογος*, подпись и печать. Подписи были двух типов: 1) подпись императора; 2) менологий (название месяца выдачи документа). Дата, *λογος* и подпись императора писались красными (пурпурными) чернилами. Менологий писался стилизованными буквами. Императорская подпись далеко не всегда была собственноручной. Часто ее делала чиновники. Среди печатей различаются золотые (*bulles d'or*), свинцовые и восковые. Наиболее торжественные императорские акты удостоверялись полной подписью и золотой печатью, менее торжествен-

² Доклад Ботье был вскоре после конгресса опубликован: *Bautier R.-H. Diplomatie et histoire politique: ce que la critique diplomatique nous apprend sur la personnalité de Philippe le Bel.* - *Revue historique*, N 525, janvier — mars 1978. Paris, 1978, p. 3—27.

ные — менологием и печатями других видов. Простагмы (распоряжения) подписывались всегда менологием. Еще менее торжественными документами были «грамоты» в узком смысле слова (γραμμά). Между торжественными и неторжественными документами — большое количество промежуточных разновидностей, удостоверявшихся по-разному. Так, в актах дарения золотая печать сопровождалась восковыми, письма к патриарху скреплялись свинцовыми печатями.

Автор отмечает влияние западной дипломатики на византийскую при Палеологах. Особенно заметно оно в договорах, заключенных Византией со странами Запада. Это влияние нашло выражение в ряде особенностей оформления византийских документов, в том числе в постепенном отказе от употребления свинцовых печатей.

До настоящего времени дошло сравнительно мало подлинников византийских актов, что затрудняет изучение эволюции их внешней формы.

А. Кариле (A. Carile) подчеркнул существование в Латинской империи актов, написанных не только по-латыни, но и по-гречески. Он, в частности, показал новые моменты в латинском и греческом вариантах императорского титула, появившиеся в связи с изменениями в господствующей идеологии, унаследованной от Византии. Автор коснулся вопросов организации императорской канцелярии, составления актов в церкви св. Софии и в канцелярии г. Салоники. Он рассмотрел сферы канцелярской деятельности таких должностных лиц, как писец (scriptor), нотари́й, капеллан, табулярий, судья (iudex). Из сделанного автором обзора способов удостоверения актов видно, что в Латинской империи, так же как и в греческой, были распространены подписи двух типов — императорская (красными чернилами) и менологий (греческими буквами), а печати были золотыми, свинцовыми и красновосковыми.

Перечислив основные разновидности документов, Кариле попытался связать состав документации с политической структурой империи.

Доклад базировался в значительной мере на документах, отложившихся в государственном архиве Венеции и возникших на почве сношений Венецианской республики с Латинской империей. В выступлениях по докладу говорилось о желательности использования других архивов государств Запада, с которыми имела сношения Латинская империя (Ботье), и в том числе папского архива (Бателли).

В докладе П. Настюреля (P. Nasturel) получили освещение дипломатические особенности греческих актов оттоманской канцелярии. С. Ламбросу (Sp. Lambros), автору фундаментальной монографии о греческом языке как официальном языке султанов (1908 г.), был известен лишь 21 документ такого рода. Настюрель оперирует уже 50 документами, из которых большинство — подлинники. Древнейшие акты восходят ко времени Баязета I (1389—1402 гг.), основная же часть сохранившихся документов относится к периоду царствования Мухаммеда II (1451—1481 гг.) и особенно Баязета II (1481—1512 гг.). Факсимильным способом издано только шесть оригиналов. Издания других документов не удовлетворяют требованиям дипломатики, а ряд текстов вообще еще не публиковался (значительное число неопубликованных актов — в государственном архиве Венеции). Автор доклада совместно с Н. Бельдичану намереваются подготовить новое издание древнейших греческих актов султанской канцелярии.

Использование греческого языка оттоманской канцелярией было продолжением старой традиции, унаследованной от канцелярий арабов, сельджуков и мамлюков. Многие султанские документы дошли только в греческом варианте. Автор перечисляет секретарей, ведших делопроизводство на греческом языке. В основном это были греки или, во всяком случае, люди с греческими именами. В списке фигурируют также Георг Амируцес и Скандербег. Составители документов были полиглотами, знали арабский и многие другие языки. Иногда греческие документы писались под диктовку. Для придания актам торжественности они украшались рисунками (изображение птиц и т. п.) и золотым письмом.

Однако только в одном документе целая строка написана золотом. Имя и титул султана писались тугрой, т. е. в виде монограммы. К титулу присоединялись названия территорий, на которые распространялась власть султана.

Дата приводилась по византийской эре, затем следовал эпилог, прославляющий аллаха. В конце документа указывалось место его выдачи. Самоназвание документов в сохранившихся источниках встречается редко.

В султанской канцелярии составление документов на иностранных языках практиковалось довольно широко. Кроме грекоязычных, известны оттоманские акты, написанные на латинском, итальянском, немецком и славянских языках.

Многоязычность была свойственна и канцеляриям королевств Кипра (1192—1489 гг.) и Малой Армении в Киликии (1198—1375 гг.), документация которых рассматривалась в докладе Ж. Ришара (J. Richard). Существование в Малой Армении двух канцлеров — латинского и армянского — обусловило наличие актов на латинском и армянском языках. Все документы XIII в. опубликованы. Среди них различаются акты дарения и привилегии. Интитуляция писалась красными чернилами. На оформление документов определяющее влияние оказала византийская традиция, что нашло выражение, в частности, в способах скрепления актов печатями. Некоторые чиновники канцелярии имели функции судей. В кипрской королевской канцелярии документы писались по-латыни, по-гречески и по-итальянски. Поскольку правившие на Кипре Лузиньяны (французские феодалы, выходцы из Пуату) владели в определенные периоды также и престолом Иерусалимского королевства (Амальрик II — в 1197—1205 гг., Гуго III — в 1269—1276 гг.), а отдельные представители этого рода царствовали в Малой Армении (Гвидо в 1342—1344 гг., Лев VI — в 1374—1375 гг.), они называли себя королями Иерусалима, Кипра и Малой Армении (после падения Иерусалимского королевства в 1291 г. титул короля Иерусалимского, лишенный реального содержания, сохранялся в интитуляции королей Кипра и Сицилии). Подпись короля сопровождалась подписью вельможи. Датировка производилась по перво-мартовскому стилю. Для печатей употреблялся красный, белый и синий воск. Из дошедших документов особый интерес представляют привилегии Никозии (XIV в.), которая, кстати, имела свою городскую печать. Докладчику были заданы вопросы, в частности следующие: 1) почему один и тот же акт скреплялся двумя печатями — красной и другого цвета? 2) почему королевская подпись контрастировалась вельможей, что не характерно для этого времени (Ботье).

В докладе М. Казаку (M. Casacu) были приведены сведения о численности и дипломатических особенностях актов румынских княжеств. По данным автора, известно 750 валашских актов за 1352—1508 гг. (из них 650 подлинных) и 950 молдавских за 1384—1504 гг. (из них 700 подлинных). Автор считает, что эти цифры говорят о неполноте дошедшего состава материалов княжеских и частных архивов XIV—XV вв. 90% сохранившихся актов — на славянском языке, 10% — на латинском. Славянские акты представлены дипломами («хрисовулы» и повеления) и письмами. Среди актов на латинском языке преобладают письма (послания), которые князья направляли саксонским городам Трансильвании (Кронштадт, Германштадт), и договоры, заключенные с королями Венгрии и Польши.

В формуляре отразились византийское, польское и венгерское влияние. Влияние Византии было как прямым, так и косвенным (через посредство сербской и болгарской канцелярий). Княжеская монограмма писалась красными чернилами, в редких случаях — золотом. Красным писались также титулатура и начальная буква последующего текста. Санкция в ряде актов — подробная и торжественная. Употребление печатей красного воска было княжеской (господарской) монополией.

Штат канцелярий отличался скромными размерами: пять-шесть писцов в начале и вдвое больше — во второй половине XV в. Все писцы —

из числа светских лиц, обычно сыновья крупных вотчинников. Во главе канцелярии стоял логофет или великий логофет (канцлер).

В выступлении по этому докладу П. Настюрель отметил неудачность многотомной публикации молдавских и валашских грамот, вышедшей в Румынии в 50-х годах, поскольку в ней тексты приводились только в переводе на румынский язык (в настоящее время в Румынии осуществляется другое многотомное издание молдавских и валашских документов, где публикуются подлинные славянские тексты актов).

Утреннее заседание 13 сентября было посвящено канцелярии «Священной Римской империи» в период с конца XII в. до третьей четверти XIV в. включительно. Докладчиками являлись ученые из ФРГ. В. Шлэгель (W. Schlögl) проследил развитие имперской канцелярии в 1198—1291 гг. (последние Штауфены, междуцарствие 1254—1273 гг., Рудольф I Габсбург). По наблюдениям автора, за эти 93 года сменилось 11 канцлеров в сане епископов, 15 протонотариев (из которых только два вышли из числа нотариев и лишь три достигли положения канцлеров) и 120 нотариев. Фактическое руководство канцелярией перешло от эрцканцлера и канцлера к протонотарию, единолично ведавшему работой нотариев. Автор составил и сопоставил между собой два параллельных списка нотариев. Один из них основан на прямых упоминаниях имен нотариев в документах, другой базируется на сравнении данных о написании и «диктате» (диктовке) текста документа. Анонимные нотариусы второго списка лишь в редких случаях идентифицируются по первому списку. В западной дипломатике установилась традиция обозначать латинскими литерами анонимных писцов канцелярии того монарха, чьи акты изучаются, при этом для писцов ранних актов выбираются начальные буквы алфавита, для более поздних — последующие. Например, «Konrad A» означает «писец А» короля Конрада. Некоторые авторы пользуются вместо букв арабскими цифрами.

Шлэгель обращает внимание на известную непрерывность традиций письма в королевской и императорской канцелярии с конца XII в. до конца междуцарствия. Главным связующим звеном между персоналом канцелярий сменявших друг друга государей он считает писца «D» Фридриха II (1212—1250 гг.). Этот писец действовал еще при Генрихе VI (1190—1197 гг.), а затем отождествляется с писцом «A» Генриха VII (1220—1235 гг.)³, «A» Конрада IV (1250—1254 гг.) и «A» Вильгельма Голландского (1247—1256 гг.). При Рудольфе I сохраняется преемственность традиций лишь в области диктата актов. Образцовые формуляры использовались при Фридрихе II (с 1215 г.), Конраде IV и Рудольфе V.

Для периода, изучаемого автором, характерно сильное увеличение численности документов по сравнению с предшествующим временем. В докладе приведены сведения о процентном соотношении королевско-императорских документов, изготовленных внутри и вне канцелярии (в последнем случае — самими получателями или третьими лицами) При Филиппе Швабском (1198—1208 гг.) в канцелярии было составлено $\frac{2}{3}$ документов; при Фридрихе II, когда он был только королем (1212—1220 гг.), и при Генрихе VII — неполных 50%; при Фридрихе II в императорский период (с 1220 г.) и при Конраде IV — снова $\frac{2}{3}$; при Вильгельме Голландском — свыше 80%.

В царствование Фридриха II, проводившего основное время в Италии, наряду с канцелярией императора существовали канцелярии его сыновей, что не мешает говорить о единстве имперской канцелярии, подвергавшейся в этот период итальянскому влиянию, особенно заметному в делопроизводстве собственно императорской канцелярии.

Наиболее общая черта развития германской канцелярии в течение всей рассматриваемой автором эпохи — упорядочение делопроизводства.

³ Генрих VII — старший сын Фридриха II, немецкий король, правил в Германии вместо отца в период его отсутствия; не путать с Генрихом VII Люксембургским (1308—1313 гг.).

Сохранился (в копии?) фрагмент регистра документов, составленного в имперской канцелярии. *Recognitio* встречается в документах этого времени все реже, но зато используется формула «*datum per manus*», а ответственные за выдачу документа лица упоминаются в основном тексте.

II. Ахт (P. Acht) посвятил свой доклад канцелярии Людовика IV Баварского (1314–1347 гг.), представителя династии Виттельсбахов. При нем существовали три архиканцлера в сане архиепископов: 1) для Германии, 2) для Галлии и Арелата и 3) для Италии. За время царствования Людовика сменилось четыре канцлера; известны также один вице-канцлер, заменявший канцлера в Итальянском походе с конца 1328 по 1330 г., и два протонотария. Архиканцлер Германии архиепископ Майнцский Петер (1306–1320 гг.) получил подтверждение дарованного ему еще Генрихом VII (1308–1313 гг.) права назначения и увольнения канцлера, протонотария и нотариев. Канцлер Герман фон Лихтенберг (1314–1335 гг.) и его вице-канцлер Генрих упоминаются в *recognitio* выданных грамот, но большинство руководителей канцелярии не принимало участия в изготовлении документов. Их деятельность ограничивалась выполнением дипломатических миссий при папском дворе в Авиньоне, при королевских дворах Парижа и Лондона, а также сводилась к политическим и финансовым переговорам с немецкими князьями и имперскими городами.

Рабочим элементом канцелярии являлись нотариусы и писцы. Людовик IV пополнил имперскую канцелярию кадрами своей верхнебаварской герцогской канцелярии (он был герцогом Верхней Баварии с 1302 г.). В королевский период (1314–1328 гг.) в канцелярии Людовика работало около 50 писцов, лишь частично известных по именам, в императорский (1328–1347 гг.) — примерно столько же. Многие из них составили по 100–200 дипломов. Роль получателей в изготовлении актов в это время все более уменьшается.

Автор остановился на характеристике наиболее выдающихся писцов. Самым значительным из них он считает Леонарда Мюнхенского, который, будучи сначала писцом антипапы Николая V (ставленника Людовика Баварского), сделался затем главным писцом в императорской канцелярии. Ему принадлежат иллюстрации в 22 из 30 роскошных по оформлению актов Людовика IV, где выполнены пером портреты императора и императрицы, дан красочный орнамент, изображены гербы империи и Виттельсбахов, сказочные существа, цветы, сцены феодального ритуала (прощения, пожалования леном), аллегорические группы в стиле поздних Штауфенов (орел и лев). С помощью диапозитивов докладчик продемонстрировал 14 украшенных инициалов (особенно интересен инициал в начале титула «*Imperator*»: в нем изображен лев в короне — символ верховной власти).

Внимание автора привлек также писец Иоганн Цертамен как проводник связи между практикой канцелярий Генриха VII и Людовика Баварского. Ведение регистров, имевшее место в последние годы царствования Генриха VII, этот писец продолжил при Людовике IV. Из большой серии регистров 1314–1334 гг. дошли в отрывках лишь две рукописи 1322–1327 и 1330–1332 гг., которые можно рассматривать как первые сохранившиеся подлинные регистры немецкой королевской канцелярии.

Другие нотариусы продолжали после смерти Людовика IV работать в канцелярии его преемника — Карла IV Люксембургского. Таким образом, поддерживалась непрерывность канцелярской традиции.

Особенности развития германской канцелярии в период царствования Карла IV (1346/47–1378 гг.) рассматривались в докладе П. Морава (P. Moraw). Известны более 8200 актов этого времени, представленных почти исключительно экземплярами, которые были выданы получателям. Из регистров сохранились фрагментарно два (за 1348 и 1358–1359 гг.) и полностью один (за 1360–1361 гг.). На год приходится в среднем 250–300 актов, но в конкретном распределении документов по

годам наблюдаются большие отступления от этой условной нормы. Канцелярские отметки в виде подписания документов вводятся еще робко. Что касается занесения в регистры, то ему подлежали прежде всего наиболее важные в политическом отношении патенты и письма. Канцелярия кочевала вместе с государем, и должность канцлера была скорее придворной, чем «бюрократизированной». С 1354 г. в канцелярии действуют уже не один, а несколько протонотариев. Старая схема канцелярской иерархии сохранялась: эрцканцлер—канцлер—протонотарий—нотарии. В общих рамках канцелярии различались собственно германская (большая), чешская (малая) и итальянская. Протонотариями часто были квалифицированные юристы, представители интеллектуальной элиты. Германская канцелярия находилась под заметным влиянием папской, являвшейся для нее своеобразным образцом. Кроме того, существовала связь между канцелярией и пражской архиепископской кафедрой, основанной в 1344 г.

Вечернее заседание 13 сентября было посвящено канцеляриям стран центральной и восточной Европы. В докладе венгерского ученого Д. Дьёрфи (G. Gyöffy) прослеживалась эволюция королевской канцелярии Венгрии в XII—XIV вв., где до 1301 г. царствовали Арпады, а в 1308—1387 гг.—Анжуйская династия⁴. Среди исследователей, занимавшихся актами этого времени, автор назвал И. Сент-Петери, Л. Берната Куморовица, Д. Бониша, Хойнике и др. По перечню Сент-Петери известно всего 150 актов XII в., но от XIII в. их дошли уже тысячи. Канцелярия, являвшаяся первоначально составной частью королевского двора (*curia regis*), зародилась собственно в королевской капелле (*capella regis*), из которой она выделилась при Беле III (1172—1196 гг.) и затем развивалась как самостоятельное учреждение при его сыновьях — Имре (1196—1204 гг.) и Андрее (Андраш, Эндре) II (1205—1235 гг.). Особенно упорядочилась деятельность канцелярии в период долгого царствования сына Андрея II — Бели IV (1235—1270 гг.), после отражения татаро-монгольского нашествия в 1241—1242 гг. Вопросам организации канцелярии в XIII в. были специально посвящены два закона. Укреплению канцелярии способствовало превращение Буды в постоянную резиденцию венгерских королей (с 40-х годов XIV в.). В XIII в. наряду с канцлером появляется вице-канцлер. Канцлер уже не составляет, а только контролирует составление документов. Создается особая канцелярия для Трансильвании. При Карле Роберте (1308—1342 гг.) и Лайоше (Людювике) I Великом (1342—1382 гг.) канцелярия делится на большую и малую. Возникает должность эрцканцлера (*summus cancelarius*). Канцлер и вице-канцлер представляли особу короля в юридических вопросах. Секретную канцелярию возглавлял *secretarius notarius*. Существовая как продолжение капеллы, секретная канцелярия во втором десятилетии XIV в. входит в состав *curia regis*. Канцелярия королевы Марии (1382—1387 гг.) ликвидируется после прекращения Анжуйской династии, наступившего в связи с выходом Марии замуж за Жигмонда (Сигизмунда) Люксембургского, который стал венгерским королем (1387—1437 гг.).

В структуре канцелярии и построении документов автор видит следы влияния других канцелярий, прежде всего папской и французской. Право скрепления документов золотой печатью (*bulle d'or*) принадлежало канцлеру, восковой — вице-канцлеру. Золотая печать привешивалась к

⁴ 1301—1308 годы — период междинастической борьбы, когда венгерскими королями были Вацлав Чешский (1301—1305 гг.), сын Вацлава II, впоследствии царствовавший в Чехии и Польше под именем Вацлава III, и Оттон Баварский (1305—1308 гг.), а в роли постоянного претендента на престол выступал Карл Роберт Анжуйский, трюродный правнук последнего короля из династии Арпадов — Андрея (Андраш, Эндре) III (1290—1301 гг.), у которого он оспаривал власть после смерти своего отца Карла Мартелла (1272—1295 гг.), имевшего (по матери) титул короля Венгрии, но никогда не царствовавшего там. Став королем в 1308 г., Карл Роберт (Каровер) явился первым представителем Анжуйской династии в Венгрии.

наиболее торжественным актам. Среди восковых печатей различались прикладные и вислые (большая, средняя и малая). Наименьшего размера была секретная печать. При Анжуйской династии (1308—1387 гг.) укрепилось разделение документов на три основные группы: 1) дипломы — торжественные акты с инвокацией; 2) *lettres patentes* — менее торжественные акты обычно без инвокации, но отправлявшиеся, как и дипломы, в открытом виде; 3) *lettres closes* — закрытые письма, скрепленные прикладной печатью и снабженные адресом на обороте или на специальной полосе пергамена, которой был перевязан документ.

Акты, писавшиеся без инвокации, начинались, как правило, с интитуляции, но в посланиях, адресованных папе, на первом месте стояла инскрипция. В интитуляции королевское имя и титул сопровождалась формулой «*in perpetuum*» (например, в актах Белы III: «*Bela Dei gracia Hungarie, Dalmacie, Chroacie Rameque rex, in perpetuum*»). В первой половине царствования Андрея III венгерским королевским титулом пользовался также его троюродный внук и соперник Карл Мартелл (1279—1295 гг.), живший в Неаполитанском королевстве. Он был коронован венгерской короной в Неаполе в 1290 г. его матерью Марией Венгерской, старшей сестрой предшествующего короля Венгрии Ласло IV (1272—1290 гг.) и женой неаполитано-сицилийского короля Карла II (1285—1309 гг.) — представителя Анжуйской династии. В начале 90-х годов появлялись акты неаполитанского происхождения, составленные от лица Карла Мартелла как венгерского короля или от лица его родителей (иногда только отца) и его собственного. Кроме полного титула венгерского государя, он имел еще титул князя Салернского, впоследствии перешедший к его сыну Карлу Роберту. Сын последнего Лайош (Людовик) Великий был в 1370—1382 гг. королем не только Венгрии, но и Польши, которая поэтому упоминалась в его титуле: «*rex Hungarie, Polonie, Dalmacie...*». Вследствие избрания Жигмонда (Сигизмунда) Люксембургского императором Священной Римской империи (1410 г.) к венгерскому титулу прибавилась формула «*rex Romanorum semper Augustus*». С XIII в. распространяются акты, в которых имени короля предшествует местоимение «*Nos*»⁵.

В заключительной части документа выражение «*datum per manus*» писалось рукой канцлера или вице-канцлера.

В докладе и при его обсуждении были поставлены еще два особых вопроса: 1) о связи между деятельностью канцелярии и летописанием и 2) о «*locis credibilibus*», роль которых из-за отсутствия публичного нотариата играли духовные учреждения. Очередной доклад был посвящен истории королевской канцелярии в Польше в 1302—1444 гг. К началу этого периода относится деятельность двух последних королей из династии Пястов — Владислава I Локетка (Короткого) и его сына Казимира III Великого. Воссоздание единого Польского государства при Владиславе Локетке не сопровождалось реорганизацией канцелярии, которая вплоть до его смерти (1333 г.) сохраняла верность старым образцам и функционировала по типу различных княжеских (герцогских) канцелярий, прежде всего краковской. Этим объясняется сохранение даже до 60-х годов XIV в. должностей нескольких княжеских канцлеров.

Только при Казимире Великом (1333—1370 гг.) королевская канцелярия стала главным центром исполнительной власти. Эта роль оставалась

⁵ Заметим, что эти акты в отличие от начинающихся с имени содержат обычно краткий титул. Из всех подвластных королю стран в нем упоминается только Венгрия: «*rex Hungarie*» (см., например: *Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria. Pest, 1861, vol. 7, N 120; Ibid. Pest, 1862, vol. 8, N 166; Ibid. Pest, 1864, vol. 10, N 1, 62, 111, 123, 136; Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. VII. Zagreb, 1909, № 8, 31, 97 и др.*). Однако в конце XIII в. можно наблюдать двоякого рода исключения из этого правила: среди актов Андрея III встречаются, с одной стороны, такие, где начало «*Nos*» уживается с полным титулом (*Monumenta... Diplomataria, vol. 10, № 40, 110*), а с другой стороны, такие, в которых именованное начало сочетается с кратким титулом (*Ibid., № 43, 74, 172, 174*).

за ней и в течение всего периода правления Ягеллонов (1386—1572 гг.). В королевской канцелярии сосредоточилось ведание делами, связанными с осуществлением внутренней и внешней политики. В ее компетенцию входили административные, судебные и финансовые вопросы. Уже при Казимире Великом наблюдается устойчивая дифференциация функций канцелярского персонала, выделяются должности коронного канцлера и вице-канцлера. Канцелярия носила до известной степени странствующий характер. Она повсюду сопровождала монарха во время его путешествий.

В период до середины XV в. встречаются признаки существования канцелярского делопроизводства в казне, однако канцелярия казны как определенное учреждение тогда еще не сложилась.

Объем делопроизводства королевской канцелярии был весьма значителен. От рассматриваемой эпохи дошло более 2000 документов.

В докладе поставлен вопрос о степени влияния венгерской канцелярии на польскую. Уния с Венгрией имела место в 1370—1382 гг., когда королем Польши был венгерский король Лайош (Людовик) Великий, представитель Анжуйского дома, и в 1440—1444 гг., когда польский король Владислав III Варненчик (1434—1444 гг.) являлся одновременно королем Венгрии. Первая уния способствовала росту французского влияния (разделение грамот на *lettres patentes* и *lettres closes*). Польская канцелярия заимствовала из венгерских обычаев конечные формулы, указывающие на составление документа по инициативе самого короля («*ad relationem*», «*dominus rex per se*») или его уполномоченного («*dominus rex per N.*»). Со второй унией, может быть, связано усвоение (около 1440 г.) западного правила удостоверения грамот личной подписью короля.

Автор подчеркивает, что венгерское влияние не было глубоким. Еще при Казимире Великом сложились условные формуляры грамот, даваемых навечно (*in perpetuum*) и на срок, в том числе формуляры привилеев городам и на сельские владения. Эти формуляры дожили с некоторыми изменениями до XVIII в. Они настолько специфичны, что отличить их от формуляра венгерских документов не составляет особого труда. Отсюда автор делает вывод, что польская канцелярия в целом не следовала образцам канцелярии венгерско-анжуйской. Вместе с тем некоторые польские модели были восприняты канцелярией великого княжества Литовского (уния с ним в 1385 г. и далее с перерывами).

Регистры польской королевской канцелярии (коронные регистры) сохранились начиная лишь со второй половины XV в., хотя есть фрагмент, восходящий к регистру 1425 г. Данные источников позволяют предполагать, что регистры велись по крайней мере с начала XIV в.

Докладчица отметила, что в литературе обстоятельно освещена деятельность польской королевской канцелярии первой половины XV в.

П. Настюрель поставил вопрос о возможности влияния Константинополья на титулатуру польских королей. При этом он сослался на тот факт, что князья Манкупа (в восточном Крыму) назывались князьями Хазарии.

Русским великокняжеским актам и канцелярии были посвящены доклады В. Водова (Франция) и С. М. Каштанова (СССР).

Водов (W. Vodoff), отметив неуклонный рост документации при Василии Темном и Иване III, высказал мысль о том, что эволюция структуры канцелярии, унаследованной от предшествующей эпохи, шла весьма медленно. Он считает, что с выдачей великокняжеских грамот были связаны три основных учреждения: Боярская дума, дворец и казна. Право *jussio* («приказа» о выдаче грамоты) принадлежало великому князю или кому-то из бояр. Последние играли особенно заметную роль в создании судебных документов, которые они выдавали от своего имени и скрепляли своей печатью. Иногда грамоты составлялись по инициативе дьяков.

Главным способом удостоверения документов было скрепление их печатью. В ряде случаев оно дополнялось подписью дьяка. В течение

XV в. роль дьяков в системе управления все более и более возрастает. Само составление грамот осуществлялось подьячими и лишь в порядке исключения — дьяками (так, при Иване III ямским дьяком в Москве было поручено составление актов на холопов).

В докладе автора настоящих строк содержалась характеристика основных разновидностей русских великокняжеских грамот конца XIV — начала XVI в., причем главное внимание уделялось анализу формуляра духовных грамот великих князей⁶.

По докладам В. Водова и С. М. Каптанова были заданы вопросы: о численности грамот и способах прикрепления печатей (Р.-А. Ботье), о возможностях применения сравнительного метода к изучению русских актов и канцелярии (П. Ахт). Каптанов выступил с подробным ответом на эти вопросы.

Утреннее заседание 14 сентября было посвящено французской королевской канцелярии. Два доклада на эту тему сделал Р.-А. Ботье. В первом из них он осветил развитие канцелярии с XII по середину XV в., во втором дал типологию французских королевских грамот рассматриваемого периода.

Особенностью французской канцелярии в конце XII—XIII в. была незамещенность (официально с 1172 г.) должности канцлера (постоянно — с 1227 г.). Управление канцелярией осуществлял королевский клерк — хранитель печати (*custos sigilli*). Статус хранителя печати повышается при Филиппе IV Красивом (1285—1314 гг.), а после его смерти речь снова идет о канцлере (*cancellarius*). В XIV в. канцлер становится главным лицом в системе управления, играя роль как бы премьер-министра и министра юстиции (в переводе на современные понятия).

Начиная с царствования Филиппа IV канцлером могло быть и светское лицо. Обычно им являлся юрист. С 1372 г. канцлер избирается королевскими советниками. В основе всех его функций лежала обязанность хранения печати. При Филиппе IV королевские нотариусы окончательно отделяются от королевских клерков. С 1291 г. нотариусы образуют единый корпус. Они могли находиться как при короле или канцлере, так и при центральных учреждениях, оставшихся в Париже во время поездок короля. В 1342—1482 гг. корпус нотариусов состоял официально из 60 человек, но фактически число их достигало иногда и 100.

Главой нотариусов был канцлер, в отдельные моменты — протонотарий или же старший нотариус (*major notarius*). Так, Филипп IV выбрал из среды нотариусов протонотария. Некоторые нотариусы становились личными секретарями короля. Нотариусы имели монополию на составление королевских грамот и писем. Их должность была пожизненной. Начиная с 1319 г. всякий акт должен был иметь подпись нотариуса.

При Карле V (регент в 1356—1364 гг., король в 1364—1380 гг.) отдельные нотариусы получили монополию на составление писем по финансовым вопросам. В XV в. таких «секретарей по финансам» было одновременно четыре—пять. Дальнейшее расширение функций этих должностных лиц превратило их в XVI в. в «государственных секретарей» (*secrétaires d'Etat*).

В принципе каждый королевский акт должен был скрепляться большой печатью. Однако король обладал еще двумя печатями — так называемой секретной (красного воска) и личной — «печаткой» (*signet*), которыми он мог скреплять акты, касавшиеся непосредственно его особы или его дворца. В связи с разъездами короля и канцлера одной печати столичным учреждениям не хватало. В XIV в. парижский парламент, Королевский совет и другие органы власти и управления стремились использовать свои собственные печати, скрепляя ими документы внутриучрежденческого предназначения и не адресованные третьим лицам. Но при

⁶ Основная часть этого доклада опубликована: Каптанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979, вып. 11, с. 238—251.

выдаче «официальных» актов эти учреждения должны были либо дожидаться приезда канцлера в Париж, либо посылать ему документы для скрепления их печатью.

Со времен Филиппа Красивого парижские учреждения в случае продолжительного отсутствия канцлера могли прибегать к использованию печати Шатле — резиденции королевского прево Парижа, причем контрпечатью⁷ служила «печатка» (signet) [большой] Палаты парижского парламента. В свою очередь, король нередко применял секретную печать как заменительницу большой. При Филиппе VI Валуа (1328—1350 гг.) злоупотребление секретной печатью, использовавшейся без какого-либо контроля со стороны королевской канцелярии, привело к созданию как бы второй канцелярии короля — канцелярии секретной печати.

В 1338—1348 гг. король ввел для парижских учреждений «новую печать» — так называемую «в отсутствие большой». Этой печатью учреждения могли скреплять королевские акты в случае отсутствия канцлера и большой печати. Но в 1349 г. произошел возврат к принципу единой канцелярии.

В 1374 г. Карл V восстановил для парламента и парижского суда печать «в отсутствие большой». Печати такого же юридического статуса учредил Карл VII для парламента Пуатье (1420—1428 гг.) и для «канцелярии Лангедока» при временном парламенте Тулузы. Создание двух последних печатей было связано с отъездом короля из Парижа вследствие захвата его англо-бургундскими войсками. После возвращения короля в столицу здесь организуется канцелярия парижского суда. Аналогичную канцелярию получил в 1444 г. южный парламента, находившийся в Тулузе.

Таким образом, несмотря на прокламирование принципа единства канцелярии, происходит ее дробление. Наряду с большой канцелярией, функционирующей «при короле» (apud regem), существует канцелярия суда в Париже (действующая более активно, чем королевская). Кроме того, во второй половине XV в. возникают «малые канцелярии» в провинции при королевских судах.

Весьма интересны содержащиеся в докладе соображения относительно числа выданных в королевской канцелярии грамот. В счетах канцелярии имеются сведения о количестве закупавшегося ею воска, который расходовался на печати. По этим и другим данным устанавливается, что грамот, скреплявшихся большой печатью, было выдано в XIV—XV вв. от 20 до 30 тыс., а грамот за малыми красновосковыми печатями — от 12 до 18 тыс. Согласно дальнейшим расчетам получается, что в течение дня работы канцелярии выдавалось около 150 документов.

Подавляющее большинство канцелярских писем представлено актами «с простым хвостом» (определенный способ прикрепления печати). Это в основном mandements (документы, адресуемые конкретному лицу). В то же время администрация нуждалась в постоянной рассылке многочисленных «циркуляров» местным властям (королевским бальям, сенешаллям, сборщикам налогов, прокурорам), а также баронам и городам.

Докладчик коснулся далее весьма важного вопроса об учете актов в канцелярии. Массовое производство документов не позволяло наладить такую систематическую регистрацию их, как это имело место в Англии или Арагоне. Здесь требовалась более сложная система. Возникший при Филиппе II Августе (1180—1223 гг.) регистр утраченных документов текущего делопроизводства (1204 г.) был составлен благодаря использованию следственных материалов. Он дополнялся до 1212 г., а в 1211 г. с него была снята копия, где регистрировались также новые акты, выданные между 1211 и 1220 гг. В 1220 г. весь этот материал был заново скопирован и систематизирован. В новый регистр вносились затем акты

⁷ Контрпечать ставилась на обороте основной печати. Обычно она была меньшего размера по сравнению с основной. Практика сопровождения печати контрпечатью введена во Франции Людовиком VII (1137—1180 гг.). Подробнее об этом см.: Douët d'Arçq L. Collection de sceaux. Paris, 1863, t. 1, p. XXVIII.

Людовика VIII (1223—1226 гг.) и Людовика IX Святого (1226—1270 гг.). Последний приказал скопировать регистр, чтобы взять его с собой в Крестовые походы — VII (1248—1254 гг.) и VIII (1270 г.). В регистр записывались акты, составленные во время походов. Вообще регистры XIII в. носили характер картуляриев (копийных книг).

Есть сведения, что после возвращения Людовика IX (из VII Крестового похода) канцелярия начала производить ежегодную регистрацию актов. Эта форма регистров была шагом вперед по сравнению с регистрами-картуляриями. Однако точнее судить о них трудно, поскольку ни один из регистров, составленных до 1300 г., не сохранился.

В царствование Филиппа IV наблюдается несколько параллельно осуществлявшихся регистраций: грамот с печатями красного воска (эти регистры сохранились после 1300 г. и систематически велись начиная с канцлерства Ногарэ в 1307 г.); грамот с печатями на белом воске; политического характера грамот Королевского совета; королевских дарственных грамот. От этих серий остались лишь фрагменты или копии. Так, были набело переписаны регистры грамот Совета и грамот с печатями на красном и белом воске.

Парламент имел журнал для регистрации своей деятельности (*registrum Curiae*), а для каждой сессии — свиток с записью приговоров и постановлений (*Rotulus Parlamenti*), что делало ненужным другую регистрацию. Хотя эти материалы утрачены, сохранились экстракты из них, охватывающие 1254—1319 гг. и составившиеся начиная с 1263 г. нотариями — greffiers (делопроизводителями — архивистами суда).

Коренная реформа регистрации документов была проведена в 1319 г. С этого времени в королевской канцелярии стали регистрироваться только грамоты с печатями на зеленом воске. Королевский совет, ведомство по приему прошений и жалоб, адресованных королю (*les Requêtes de l'Hôtel*)⁸, и Счетная палата должны были вести журналы, в которых бы фиксировалась их деятельность. Счетной палате надлежало регистрировать все письма финансового характера, поступающие в нее из канцелярии. Прекратилась практика составления общего парламентского свитка и полуприватных извлечений из него. Была организована регистрация в хронологической последовательности всех актов суда, а также всех поступающих в него и исходящих документов. Наряду с этим предусматривалась регистрация получателями (ведомством парижского прево, сенешалями и бальи) писем короля и его суда.

При Филиппе VI система регистрации документов приобрела законченный характер. Из грамот с печатями на зеленом воске (имевших постоянную силу действия) канцелярия регистрировала те, которые касались вопросов о помиловании (*en matière de grâce*). В этой серии, продолжавшейся до 1568 г., акты помилования (*lettres de rémission*) занимают постепенно все более и более значительное место.

Дабы не был нанесен ущерб правам и интересам короля, парламент и Счетная палата осуществляли контроль за выдачей ордонансов, а также «грамот» (*chartes*) и «открытых писем» (*lettres patentes*) с пожалованиями в пользу частных лиц. На этой почве в парламенте возникла серия «Ордонансы парижского парламента» (с 1337 г.), а в Счетной палате — серия «Регистры грамот», где находили отражение акты, предоставлявшие какие-либо права частным лицам (серия сгорела в 1737 г.). С 1332 г. Счетная палата вела запись актов, касающихся короля и его деятельности. Эти записи («*Mémoires*») являлись как бы продолжением предшествующих полуприватных сборников такого рода.

Судебная деятельность парламента по-прежнему фиксировалась в регистрах, которые постепенно разделились на несколько серий. Аналогичным образом регистрировалась (с 1346 г.) деятельность Суда по монет-

⁸ В переводе на русские понятия это учреждение условно соответствует «Челобитенному приказу» XVI в.

ным злоупотреблениям (Cour des monnaies), а позднее и Суда по вопросам, относящимся к сбору косвенных налогов (Cour des Aides).

Следовательно, регистрация документов в канцелярии была во Франции лишь частичной. Так называемые регистры «Сокровищницы хартий» (Trésor des chartes) отражают, может быть, всего 2% общего числа актов канцелярии (грамоты с печатью на зеленом воске по вопросам помилования). Поэтому следы актов, выданных канцелярией, надо искать в других сериях.

Помимо тезисов доклада, Ботье представил весьма подробную библиографию по истории канцелярии и королевских актов 1180—1461 гг., разделив ее на тематические рубрики и снабдив краткими комментариями.

Во втором докладе Ботье затронул проблему дипломатической типологии королевских грамот. Этот доклад был тесно связан с открытой при конгрессе выставкой подлинных документов из французского Национального архива и служил до известной степени теоретическим руководством к ней. Автор различает следующие дипломатические типы французских королевских актов XIII—XV вв.: I. Акты канцелярии, скрепленные большой королевской печатью (или заменяющей ее), — 1) дипломы, 2) «грамоты» в узком смысле слова (chartes), 3) «патенты», или «открытые письма» (lettres patentes), 4) указные грамоты (mandements); II. Внеканцелярские акты, скрепленные секретной печатью красного воска, — 1) «закрытые письма» (lettres closes) с вислой печатью, 2) письма с прикладной печатью, 3) дипломатические инструкции и регламенты, 4) послания (missives), 5) письма, скрепленные «печаткой» (signet).

«Типология», размноженная на ксероксе и представленная в виде брошюры, содержит снимки с некоторых образцов грамот каждой разновидности. В кратких пояснительных надписях к снимкам указываются разновидности документа, адресант, дата, цвет и способ прикрепления печати. В описании разновидностей, предворяющем снимки, перечисляются наиболее характерные палеографические, сфрагистические и дипломатические особенности каждой разновидности.

Общим палеографическим признаком актов канцелярии является материал для письма — пергамен, однако если в дипломах и «грамотах» он большого размера, то в lettres patentes и mandements — меньшего, особенно в последней разновидности, для которой характерна форма коротких широких листов. Почерки дипломов тщательны и выписаны, почерки mandements близки к скорописи. Язык дипломов — латынь. Она же преобладает в «грамотах». Зато mandements написаны обычно по-французски. Печать дипломов и «грамот» — зеленого воска, прикрепляемая на шелковых шнурах красного и зеленого цвета. В дипломах эти цвета шнуров становятся правилом в середине XIII в., хотя сами дипломы во второй половине XIII в. уже редки, а в начале XIV в. исчезают совсем. Печати актов двух младших разновидностей (lettres patentes и mandements) — желтого воска на «двойном хвосте» из полосок пергамена (sur double queue de parchemin).

Специфические компоненты и элементы формуляра дипломов: 1) начальная инвокация (invocation initiale) во имя неразделимой Троицы; 2) монограмма королевского имени, помещаемая в середине канцелярской формулы: «Data vacante cancellaria» или «Data per manus...»; 3) слово «Actum» перед датой, к которой присоединяется список главных должностных лиц королевства. Начальная инвокация и упоминание канцелярии писались в дипломах удлиненными или утолщенными буквами.

«Грамоты» отличаются от дипломов отсутствием начальной инвокации, монограммы и списка главных должностных лиц. Этого нет и в других разновидностях. Все они начинаются с интитуляции.

В дипломах, «грамотах» и lettres patentes адрес всеобщий, в mandements — индивидуальный или коллективный. Салютация свойственна всем разновидностям грамот канцелярии. Диспозиция в mandements начинается с формулы повеления: «mandamus» или «mandons et commandons».

В корроборации дипломов и «грамот» целью удостоверения документа признавалось сохранение за ним значения постоянно действующего акта (corroboration de type perpétuel). В корроборации lettres patentes удостоверение рассматривалось как способ придания документу силы доказательства или свидетельства (corroboration de type probatoire). В mandements корроборации не бывает, за исключением тех случаев, когда речь идет о печати, заменяющей большую.

В дате число дня ставилось в lettres patentes и mandements (его нет в «грамотах»).

Внеканцелярские акты писались на пергамене и на бумаге. Так, lettres closes с середины XIV в. часто пишутся на бумаге, имеющей форму коротких широких листов. Материал писем с «печаткой» — обычно бумага. Язык lettres closes — почти всегда, а писем с прикладной печатью всегда французский. По-французски писались и документы других разновидностей.

Секретная печать lettres closes, обеспечивавшая закрытость письма, прикреплялась либо к внешней полоске, которой перевязывался документ, либо к «язычку», вырезавшемуся внизу листа и содержащему адрес. В письмах с секретной прикладной печатью последняя накладывалась с лицевой стороны. К инструкциям и регламентам печать прикладывалась также с лицевой стороны, внизу листа. Послания (missives) и личные письма короля запечатывались с оборота — первые секретной печатью, вторые — «печаткой» на красном воске.

В lettres closes и письмах с прикладной печатью над первой строчкой писалась с абзаца формула «De par le roy» («Именем короля»). В инструкциях и регламентах основному тексту предшествовал заголовок, указывающий предмет изложения.

В lettres closes, письмах с прикладной печатью и в missives текст начинался с апострофы (обращения), без салютации. Для lettres closes характерно наличие нарратива, а их диспозиция содержит приказ короля. В письмах с прикладной печатью королевский приказ либо касается вопроса о платежах, либо ставит определенных лиц под защиту короля. В инструкциях и регламентах текст обычно разделен на статьи. В missives и письмах с «печаткой» редакция основного текста свободная. В lettres closes и других нет корроборации, но в королевских письмах, скрепленных «печаткой», могло упоминаться о том, что письмо или его post-scriptum — автограф короля. Конечная формула благого пожелания употреблялась в missives.

В дате lettres closes указываются число и месяц, но никогда не фигурирует год. Не упоминается год обычно и в missives. В письмах с прикладной печатью есть все эти три элемента даты.

Личная королевская подпись ставилась в конце инструкций и регламентов, часто в письмах, скрепленных «печаткой». Наличие подписи короля возможно и в lettres closes начиная с Иоанна II Доброго (1350—1364 гг.) и особенно Карла V (1364—1380 гг.).

Lettres missives с секретной печатью, зародившись во времена Людовика Святого, сохранились как тип документа вплоть до эпохи Наполеона III.

Многие важные акты (особенно канцелярские) составлялись в большом количестве экземпляров (так, один из ординасов для Наварры — в 44 экземплярах).

«Типология» Ботье более всего согласуется с планом распределения документов в четвертом разделе выставки, которая в целом состояла из восьми разделов: I. Раннее средневековье (Византия, Меровинги, Каролинги, Германия эпохи Оттонов, англо-саксонская Британия); II. Государства восточного Средиземноморья (греческая Византийская империя, Латинская Константинопольская империя, Кипр, Рашка и Сербия, Молдавия); III. Священная Римская империя, центральная и северная Европа (Империя, Чехия, Венгрия, Польша, Дания, Норвегия); IV. Франция и Наварра; V. Великобритания (Англия, Шотландия, Уэльс); VI. Государ-

ства Пиренейского полуострова (Кастилия и Леон, Арагон, Майорка, Португалия); VII. Италия (Сицилийские королевства — Неаполитанское и Тринакри); VIII. Акты, составленные от имени двух монархов (Арагон и Майорка, Чехия и Наварра, Франция и Майорка).

Всего было выставлено 330 документов, начиная с меровингских папирусов VII в. и кончая актами XV в. Подавляющее большинство рукописей — из Национального архива, единичные документы — из Национальной библиотеки. Весьма ценен опубликованный на ротапринте каталог документов выставки, составленный Ботье при участии Ж. Дюфура, П. Гано и Ф. Маяра, с предисловием Ботье⁹.

Кроме того, на выставке фигурировали не вошедшие в каталог фотокопии двух русских грамот XIV—XV вв. (духовной Ивана Калиты и жалованной грамоты Ивана III), доставленные автором настоящих строк по просьбе организаторов конгресса. Фотокопии были получены в ЦГАДА и ОР ГБЛ при любезном содействии руководства этих учреждений.

Из двух докладов Ботье, сделанных 14 сентября, обсуждался первый. Дж. Бателли поставил вопрос о связи понятий «секретная печать» (sigillum secretum) и «секретарь» (secretarius). Отмечалось, что ординанс Филиппа II Августа не сообщает полного состава нотариусов — возможно, уже в конце XII — первой четверти XIII в. их было больше, чем принято думать. Должность нотариусов оказывалась на практике наследственной — она переходила от отца к сыну. Говорилось, что следует яснее отличать королевских нотариусов как таковых от нотариусов Шатле, где находился прево Парижа, который, кстати, имел право *vidimus* (удостоверения подлинности предшествующих документов и выдачи копий с них, точно воспроизводящих оригинал). Подчеркивалось отличие канцелярии французской от папской в плане структуры и механизма действия.

На вопрос о контрпечати в Англии Ботье ответил, что там ее не было: печать была двусторонней (*bi-face*). Между тем в литературе оборотная сторона английских королевских печатей (например, печати Вильгельма Завоевателя) иногда трактуется как контрпечать. Дуэ д'Арк в свое время считал, что контрпечать возникла не ради увеличения достоверности печати, а ради возможности поместить дополнительные титулы¹⁰. Однако часто контрпечать лишь повторяет, причем сокращая, титул, приведенный на печати.

В связи с докладами Ботье надо упомянуть и о его чествовании (12 сентября) по случаю избрания в академики. Отвечая на поздравления, Ботье высказал некоторые общие соображения о задачах дипломатики. По его мнению, три взаимосвязанные дисциплины — дипломатика, архивистика и история государственных учреждений — должны развиваться совместно и обогащать друг друга. Кроме того, Ботье полагает, что надо довести дипломатику до наших дней, т. е. расширить объект ее исследований за счет различных видов современной документации. Эти идеи весьма созвучны тем, которые высказываются советскими историками-архивистами, документоведом и дипломатистами.

Вечером 14 сентября состоялись доклады П. Шапле (Великобритания) об английских и шотландских средневековых королевских актах, Н. Дамсхольт и Х. Нильсена (оба — представители Дании) — об актах скандинавских королевств.

П. Шапле (P. Chaplais) уделил основное внимание деятельности английской канцелярии в XII в., при королях Генрихе I (1100—1135 гг.), Генрихе II Плантагенете (1154—1183 гг.) и Ричарде I Львиное Сердце (1189—1199 гг.). Главой канцелярии был канцлер, который контролировал составление актов. Почти все акты написаны на пергамене. Язык — латынь. Разновидности документов: 1) *chartes* (в них фиксировалось дарение или пожалование навечно); 2) *lettres patentes* (дававшие времен-

⁹ V-e Congrès international de diplomatique. Paris, 12—16 septembre 1977. Documents impériaux et royaux de l'Europe médiévale: Catalogue de l'exposition. Paris, 1977.

¹⁰ Douët d'Arçq L. Op. cit., p. XXVIII.

ное пожалование); 3) *brevia*, аналогичные французским *mandements* (указные грамоты); 4) *lettres closes*, не имевшие силы юридического доказательства.

Chartes скреплялись печатью зеленого воска, *lettres patentes* — белого, обычно на одном «хвосте». Печать большая, вислая. Документы, в том числе *lettres patentes* и *lettres closes*, шли от имени короля. В торжественных документах адрес всеобщий (*archibiscibus, baronibus etc.*). Салютация всегда простая — *saluter*. В конце актов употреблялась формула «*Data per manum...*». Гарантами правомочности акта были король или канцлер. Датировка производилась по стилю от «воплощения Христова» (*date d'Incarnation*).

Н. Дамсхольт (N. Damsholt) осветила историю канцелярии XIII — первой трети XIV в. в Дании (1202—1332 гг.), Норвегии (1217—1319 гг.) и Швеции (1234—1343 гг.). Она проследила карьеру канцлеров, пытаясь выяснить вопрос об их происхождении, образовательном уровне, функциях и влиянии на политику и выдачу актов. Докладчица рассмотрела основные компоненты формуляра скандинавских актов. Для датской интигуляции было характерно выражение: «*N. dei gracia Danorumque Sclavorum rex*». В салютации адрес носил всеобщий характер: «*Omnibus hoc scriptorum cernentibus in domino salutem*». Корроборация принадлежала к типу *probatoire* (см. выше): «*In cuius rei testimonium sigillum nostrum presentibus litteris duximus apponendum*».

В докладе Нильсена (Herluf Nielsen) речь шла о скандинавских канцеляриях в 1340—1445 гг. Это было время уний между Данией, Швецией и Норвегией: в 1319—1363 гг. существовала шведско-норвежская уния, в 1380 г. возникла уния между Данией и Норвегией (длилась до 1814 г.), а в 1397 г. — знаменитая Кальмарская уния, объединившая все три королевства под эгидой Дании (Швеция находилась в составе унии юридически до 1523 г., хотя фактически освободилась от нее раньше).

Большое внимание докладчик уделил деятельности датской канцелярии в период царствования Вальдемара IV Аттердага (1340—1375 гг.). Автор изучает состав канцелярии и характер королевских актов. Некоторые из них выдавались без участия самого короля, например привилегии для городов и отдельных лиц в Эстляндии. Борьба между датским королем и ганзейскими городами (особенно острой она была в 1367—1370 гг.) касалась и вопроса о скреплении документов большой королевской печатью.

Историю большой печати автор прослеживает и дальше, останавливаясь на дипломатике преемников Вальдемара IV — Олуфа II (1375—1387 гг.), королевы Маргариты (1388—1412 гг.) и Эрика VII Померанского (1412—1439 гг.; соправитель Маргариты с 1389 г. в Норвегии, с 1396 г. — в Дании и Швеции). Докладчик рассматривает в этой связи «Акт унии» и «Коронационный акт» 1397 г., хотя они и были выданы не от лица представителей королевской фамилии.

Нильсен отмечает, что почерки актов, написанных на латинском, среднем нижненемецком и стародатском языках, не совпадают между собой, т. е. принадлежали разным писцам, что свидетельствует об определенной дифференциации функций различных групп писцов в канцелярии.

Несколько более бегло говорится в докладе о дипломатических особенностях норвежских и шведских грамот.

Утреннее заседание 15 сентября было посвящено канцеляриям королевств Пиренейского полуострова. Авторами докладов являлись А. Араго Кабаньас и Х. Тренчс Одена, Э. Саэс, А. Канеллас Лопес (все — представители Испании), о. Авелино де Жезус Да Коста (Португалия).

Х. Тренчс Одена (J. Trenchs Odena) и А. Араго Кабаньас (A. Ma. Aragó Cabañás) дали обзор деятельности каталано-арагонской канцелярии в 1218—1479 гг. и канцелярии королевства Майорки в 1276—1344 гг.

В Арагоне должность канцлера возникла в 1218 г., при Хайме I Завоевателе (1213—1276 гг.). Канцлером был, как правило, епископ или архиепископ, доктор права. Помимо функции председателя королевского

совета, он имел обязанность утверждать пожалования, скреплять печатью судебные документы, осуществлять контроль за деятельностью писцов и публичных нотариусов. Канцлер получал 10% от печатной пошлины, не считая других доходов.

Уже при Хайме I, кроме канцлера, был начальник скриптории, которому поручалось хранение королевской печати и написание знака королевской подписи (*signum regis*). Из этих функций позднее возникли две новые должности — нотариуса-хранителя печати и вице-канцлера. Первым вице-канцлером был Рамон де Манреса (1291—1295 гг.). Из-за частых отлучек канцлера вице-канцлер превращается в ключевую фигуру канцелярии. Он обычно выбирался из числа королевских судей (*judices sigillae*) и должен был быть светским лицом, знатоком письменности и римского права. Его деятельность запечатлена в *jussio* — приказе о составлении документа, писавшемся рядом с текстом. Там вице-канцлер упоминается в 30% случаев.

Увеличение канцелярской продукции обусловило появление в 1387 г. декрета Хуана I, в котором учреждались должности трех вице-канцлеров: одного — для Арагона, второго — для Каталонии, Майорки, Корсики и Сардинии, третьего — для Валенсии.

Жалованье вице-канцлера равнялось 10 000 суэльдо в год (помимо других доходов и пособий), а свобода от должности могла составлять до 4 месяцев в году.

Должность нотариуса — хранителя печати была установлена Хайме II Справедливым (1291—1327 гг.) для Берната д'Аверсо (1291—1322 гг.), способного дипломата, являвшегося проводником всей внешней политики короля. При Педро IV эта должность превратилась в должность прото-нотариуса, которую первым получил Матеу Адриа (1353—1364 гг.), известный своим переводом на каталанский язык «Дворцовых законов» («*Leges palatinae*»), созданных на Майорке (1337 г.)¹¹.

Еще в XIII в. выделились два писца, выполнявшие функцию экспертов по внешнеполитическим вопросам при особе короля. От них происходит должность королевских секретарей, ясно определившаяся при Альфонсе IV Благодушном (1327—1336 гг.). Этим секретарей было тоже два, и они вели «Регистры секретной печати» (*registra sigilli secreti*).

Писцы (нотариусы) разделились на две категории — распорядителей и регистраторов. Первые имели право *jussio* — распоряжения о выдаче документа, которые они получали от короля через посредство какой-либо промежуточной инстанции. Вторые регистрировали документы. До издания «Ордонансов» Педро IV в канцелярии бывало по 12 распорядителей и по 8 регистраторов.

Для торжественных документов и традиционных юридических актов в Арагоне употреблялся пергамен. Начиная с царствования Хайме I в канцелярию проникает и бумага. Этот новый материал повлиял на структуру документов и способствовал возникновению регистров с типично нотариальными признаками.

Первые регистры, начатые с 1257 г., охватывали документы разного рода. Разделение на серии произошло не ранее царствования Альфонса III (1285—1291 гг.), на этот раз под влиянием канцелярий Сицилийского королевства и папской курии. При Альфонсе IV существовали уже 23 серии. Число регистров быстро росло: при Хайме I их было 5,5 тома, при Хуане I (1387—1395 гг.) — уже 35,7.

Путь документа начинался с приказа о его составлении, затем создавался черновик, или «минута», после этого — беловик, который проходил серию проверок и удостоверений, и лишь тогда он попадал к заинтересованному лицу либо прямо, либо через посредство курьеров (*cursores*).

В докладе рассматривались также другие вопросы — о взимании печатной пошлины (*jus sigilli*), об ордонансах Педро IV (с новой трактов-

¹¹ Подробнее эти законы рассматривал Ф. Севиллано Колом в своем докладе на предыдущем конгрессе по дипломатике (*Каштанов С. М. IV Международный конгресс по дипломатике.* — АЕ за 1973 год, с. 337).

кой их), о центральном архиве в Барселоне, который является наследником Архива арагонской короны.

Э. Саэс (E. Sáez) охарактеризовал состояние источниковой базы и степень изученности документов леоно-кастильской канцелярии. Документация Кастильского королевства XII—XV вв. представлена многими тысячами дипломов и других разновидностей актов. Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных им, в историографии имеются и серьезные пробелы. За время существования единого королевства Кастилии и Леона в XII—XV вв. (до воцарения Изабеллы Католички) сменилось 18 монархов. К настоящему времени изучена история канцелярий только пяти из них: доньи Ураки (1107—1126 гг.) — Санчесом Бельдой, Альфонса VII (1126—1157 гг.) — Питером Рэссоу и Б. Ф. О'Рейли, Альфонса X Мудрого (1252—1284 гг.) — Эвелиной Проктер, Санчо IV (1284—1295 гг.) — упомянутым Санчесом Бельдой, Энрике II (1368—1379 гг.) — Лопе Паскуалем.

Трудно дать точную типологию актов и историю канцелярии за весь период, так как в литературе материалы изучены неравномерно. Наиболее углубленно показана автором деятельность канцелярии в течение XII—XIII вв. В рамках этой эпохи он выделяет два периода: 1) 1126—1250 гг. и 2) 1250—1274 гг.

История канцелярии Наваррского королевства в 1234—1441 гг. получила освещение в докладе А. Канелласа Лопеса (A. Canellas Lopes). В изучаемое им время Наваррой правили последовательно три династии: Шампанская (1234—1285 гг.), Капетинги (1285—1328 гг.) и Эврё (1328—1441 гг.). Автор рассмотрены акты 11 монархов, царствовавших в течение указанного периода (207 лет), начиная с Теобальда (или Тибо) I Шампанского и кончая королевой Бланкой I, после смерти которой в 1441 г. восстановилась уния Наварры с Арагоном, имевшая место еще до середины XII в.

Докладчик отметил слабую изученность наваррских актов XII — середины XV в. Из существующих 45 работ на эту тему 24 представляют собой частичные издания текстов или каталоги. Главные вопросы остаются неисследованными. Сам автор придерживается современной схемы анализа дипломатического материала. Он отделяет акты канцелярского происхождения от внеканцелярских, изучает персональный состав канцелярии (канцлеры, нотариусы, секретари). Французское влияние сказалось на канцелярии Наварры уже при Шампанской династии и проявилось прежде всего в правилах, касающихся печати. Внеканцелярские акты выдавались королевским судом и Счетной палатой.

Механизм выдачи актов канцелярии претерпевал различные изменения. Так, прямое распоряжение о составлении акта («iussio directa»), существовавшее при Шампанской династии, Людовик X Сварливый (король Наварры в 1304—1316 гг., Франции — в 1314—1316 гг.) заменяет распоряжением «через посредство» («iussio delegada»).

Автор затрагивает проблему изготовления черновых текстов, беловиков, подписания актов и занесения их в регистры, сравнивает «картулярные» и регистровые копии, уделяет внимание сохранившимся прошениям на королевское имя и формулярникам.

Для каждого из трех периодов он стремится выяснить сочетание нового и старого в том, что касается материала для письма, почерков, языка, печатей, датировки, подписей, дипломатической структуры документов.

Доклад имеет приложения: фотокопии 28 печатей и 34 подлинных документов; генеалогические таблицы 11 наваррских монархов и список наместников Наварры.

А. Ж. Да Коста (A. J. Da Costa), не присутствовавший на конгрессе лично, посвятил свой доклад истории королевской канцелярии Португалии с 1217 г. до середины XVI в.

На вечернем заседании 15 сентября были заслушаны доклады о канцеляриях Италии. Их сделали Т. Кельцер (ФРГ), Е. Пастор и П. Коллура (оба — представители Италии).

Доклад Т. Кёльцера (Т. Kölzer) раскрыл количественные и качественные перемены в деятельности сицилийской канцелярии в период пребывания Сицилии под властью Штауфенов (1195—1266 гг.). Автор указал, что все государевы грамоты этого времени нуждаются в критическом переиздании, но такая работа ведется пока лишь в отношении документов до 1212 г. (Codex diplomaticus normannus).

Всего сохранилось от изучаемого периода функционирования сицилийской канцелярии около 1950 королевских и императорских актов, не считая дипломов, выдававшихся в 1212—1220 гг. немецкой канцелярией. Это количество в 4,5 раза больше того, что было выдано в норманский период (1130—1194 гг.). Вероятно, главной причиной роста документации была активизация управления после 1220 г. Удельный вес оригиналов для 1195—1250 гг. составляет $\frac{1}{3}$ от общего числа дошедших документов.

Автор перечисляет канцлеров, стоявших во главе канцелярии в 1195—1221 гг. (Вальтер из Палеарии, епископ Трои, затем Катании; прямое влияние на дела канцелярии он оказывал лишь в 1198—1210 гг.), 1243—1248 гг. (Петр из Виней и Тадеус из Свессы), 1251—1263 гг. (Вальтер из Окры). Для остального времени устанавливается целый ряд протонотариев, хотя полную последовательность лиц, управлявших канцелярией, выявить не удается. Около 1227 г. заметно влияние на работу канцелярии группы церковных деятелей во главе с камерарием Рихардом.

До 1220 г. канцелярия ориентировалась в основном на старые норманские стандарты. Наиболее заметные изменения произошли только около 1239—1240 гг. Смысл этих изменений сводился к тому, чтобы разгрузить самого государя от бремени текущего управления и делегировать часть распорядительных функций придворным и канцелярским чинам при соблюдении иерархии и контроля. Эта система давала больше самостоятельности нотариам в изготовлении документов (им делегировалось право «приказа» и т. п.).

За период времени, рассматриваемый в докладе, известно 120 нотариев. На практике их было, видимо, больше. Автор подчеркивает, что сведения об именах нотариев следует сопоставлять с почерками документов. Так, например, писец Иоганн из Лавры упоминается 24 раза, а написал он в действительности 51 грамоту.

Согласно фрагменту Неаполитанского регистра 1239—1240 гг., один нотариус мог изготовить в день до 10—12 грамот. Регистр показывает наличие на протяжении 7 месяцев 14 писцов, однако вся тяжесть работы лежала на 6 из них.

Социальное происхождение нотариев трудно поддается изучению. До 1227 г. это были по преимуществу клирики. Приток светских лиц не привел сразу к резкому уменьшению числа духовных. Университетское образование, судя по магистерскому званию, имел только один из нотариев. В территориальном отношении нотариусы в большинстве своем были выходцами из области Кампании (Капуя, Салерно). Попасть в состав нотариев было не так просто. Для этого требовались личные связи.

Внешние и внутренние признаки документов до 1266 г. мало изменились по сравнению с норманским периодом. Еще при Танкреде (умер в 1194 г.) исчезла «рота». Со времени Констанции (конец XII в.) перестали употребляться свинцовые буллы. Размер документа стал меньше. В основном выдавались «мандаты» (указные грамоты) и мандатоподобные письма, с помощью которых осуществлялось управление. Привилегии после 1220 г. не играли заметной роли. Их значение несколько возросло при Конраде IV (1250—1254 гг.) и Манфреде (1258—1266 гг.).

Немецкие традиции не оказали на сицилийскую канцелярию глубокого влияния даже после 1223 г. Еще до 1248 г. привилегии для получателей, находившихся в Священной Римской империи, оформлялись по немецкому обычаю и удостоверялись печатью.

Е. Пастор (E. Pasztor) избрала темой своего доклада историю канцелярии Неаполитанского королевства при Анжуйской династии в 1268—1343 гг.

П. Коллура (P. Collura) охарактеризовал основные особенности сицилийской канцелярии при Арагонской династии (1285—1412 гг.). Канцлером в это время всегда было светское лицо высокого ранга, обычно человек, подвизавшийся на политическом поприще. В 1349 г. была учреждена должность вице-канцлера (возможно, временно). Имелись также протонотарий и нотарии. Однако до царствования Мартина (1392—1409 гг.) трудно говорить точно о персонале канцелярии, ибо имена ее чиновников — всех, кроме канцлера, — не указывались в документах.

Самих документов дошло сравнительно мало. Наиболее ценны пергаменные подлинники в Архиве арагонской короны в Барселоне и в государственном архиве Палермо. Канцелярское письмо двух типов: скорописное (курсивное) и каллиграфическое. При Федерико (Фридрихе) III (1296—1337 гг.) было принято красочно оформлять наиболее важные документы. Изменения в интитуляции (например, в 1371 г. по сравнению с 1302 г.) связаны с разными внешнеполитическими событиями и требуют специального изучения. При датировке документов в канцелярии применялся стиль от «воплощения» (dell'Incarnazione) по образцу флорентийского (с запозданием).

Из канцелярского тарифа печатных пошлин первой половины XIV в. можно сделать вывод, что в канцелярии составлялось до 88 разновидностей документов, имевших свои специфические формуляры.

Самые ранние регистры канцелярии погибли в 1356 г. в Мессине во время захвата ее анжуйцами. В архиве Палермо хранится 47 регистров изучаемого времени, из которых 15 относятся к 1299—1377 гг., а 32 — к периоду царствования Мартина. Первая группа представлена неупорядоченными фрагментами. В параллельной серии регистров протонотария числится 22 тома начиная с 1349 г., но они тоже фрагментарны.

К документам, регламентирующим деятельность канцелярии, относятся «Уставы служб» («Statuta officiorum»), так называемая «Швабско-анжуйская хроника» («Cronica svevo-angioine») и «Главы о печатной пошлине» («Capitoli sul diritto di sigillo»), переписанные в 1340 г. в секретный регистр.

16 сентября в новом здании Института истории и исследования текстов под Орлеаном был прочитан последний доклад на конгрессе — «Процедура работы и компетенция светских канцелярий Европы в XIII в.». Его автор Х. Энценсбергер (H. Enzensberger) из ФРГ поставил ряд общих, важных для развития дипломатики вопросов. Он говорил о необходимости сравнительного метода, помогающего расширить границы и возможности познания. Следует учитывать влияние не только соседних светских канцелярий, но и папской.

С XII в. наряду с классическими дипломами появляются новые формы документации, прежде всего «мандаты». Их полезно изучать как по подлинникам, так и по записям в реестрах, где они выступают в качестве массового материала.

Анализ деятельности канцелярий является важной предпосылкой исследования финансовой, общеполитической истории, системы судебного управления. Весьма существенно выяснять общие тенденции и региональные отличия в развитии канцелярий. Нельзя забывать и о том, что канцелярия выполняла задачу распространения официальной идеологии (автор указал на примеры пропаганды в деятельности канцелярии Фридриха II Гогенштауфена). С этим связана художественная деятельность в канцеляриях.

Канцелярия играла выдающуюся роль в организации судопроизводства, оформлении отношений королевской власти с подданными по судебной, финансовой, пропагандистской, общеполитической линиям. В канцелярии ставилась задача придать определенным формулам политический характер. Особое место в ее деятельности занимали отношения с привилегированными.

Большой интерес представляет вопрос о деятельности канцелярии в период отсутствия короля. Как контролировалась власть, делегированная

королем членам канцелярии? Дипломатика должна быть связана с изучением реальной политики.

Вместе с тем надо помнить о консервативности канцелярии. (Автор продемонстрировал это ее свойство, сравнив особенности канцелярий Сицилии и Анжу).

Имеет значение вопрос о конкретном месте работы канцелярии и механизме ее деятельности. Опять-таки на примере канцелярии Фридриха II Гогенштауфена докладчик показал различные этапы создания документа. Среди нотариев тоже были своего рода лобби, наживавшиеся на изготовлении документов.

Не только доклад Энценсбергера, но и весь ход конгресса показал правомерность комплексного подхода к изучению различных аспектов канцелярской практики составления документов и различных сторон деятельности канцелярии.

Подводя итоги работы конгресса, Дж. Бателли отметил высокий научный уровень докладов; увеличение трудностей исследования в связи с умножением количества документов в XII—XIV вв.; общность подходов к проблемам дипломатики, проявившаяся в докладах и дискуссиях; необходимость согласования в международном масштабе дипломатической терминологии; важность дальнейшего развития сравнительной дипломатики и сотрудничества ученых разных стран.

На заседании Генеральной ассамблеи Международной комиссии по дипломатике 17 сентября Р.-А. Ботье конкретизировал высказанное Бателли пожелание об унификации дипломатической терминологии, сказав, что нужен международный терминологический словарь по дипломатике. Эта работа была затем начата и в настоящее время успешно идет вперед.

Конгресс, безусловно, дал очень много фактического материала для осмысления в сравнительно-историческом и методическом планах. Он еще раз показал важность синтеза палеографии, сфрагистики, дипломатики, истории делопроизводства, архивного дела и государственных учреждений. Возникает потребность в уточнении основ классификации актов. Стоит подумать о возможностях создания комплексной классификации, в которой бы соединялась «дипломатическая типология» с классификациями по другим признакам.

Дипломатика как наука, помогающая конкретному и в то же время широкому изучению исторического процесса, неизбежно приводит к постановке вопроса о политической природе публичных актов и важности исследования их происхождения как «фактов истории». Если буржуазная историография в лучшем случае признает это положение и дает правильные иллюстрации к нему, то в советской исторической науке давно начато (и особенно продвинуто трудами Л. В. Черепнина) фронтальное исследование политических причин выдачи княжеских актов.

Кроме пяти конгрессов, состоялись три международных коллоквиума по дипломатике, организованные Международной комиссией по дипломатике: I — в Барселоне 2—5 октября 1974 г., II — в Мадриде 23—27 октября 1978 г. и III — в Риме 17—20 октября 1979 г. Коллоквиумы представляют собой рабочие совещания членов комиссии, посвященные научным вопросам, требующим специального обсуждения и разработки. На коллоквиумы удается собрать далеко не всех членов комиссии. Несмотря на узость состава участников, эти совещания весьма эффективны в научном отношении. На I коллоквиуме¹² обсуждались правила издания латинских грамот. Исправленный и дополненный текст правил был позднее опубликован в виде брошюры¹³ и получил окончательную

¹² Его участники: Б. Барбиш (Франция), Дж. Бателли (Италия), Р.-А. Ботье (Франция), К. Брюль (ФРГ), А. Канеллас-Лопес (Испания), А. Пратези (Италия), В. Превенье (Бельгия), Э. Саес (Испания), К. Чини (Великобритания). Письменные рекомендации были присланы Г. Апфельтом (Австрия), Ф. Веркотереном (Бельгия), В. Хайнемаером (ФРГ), П. Шапле (Великобритания), Й. Шебанеком (Чехословакия) и др.

¹³ Normalisation internationale des méthodes de publication des documents latins du Moyen Age (Colloque de Barcelone, 2—5 octobre 1974). Roma, 1977.

апробацию на II¹⁴ и III¹⁵ коллоквиумах. Со II коллоквиума началось обсуждение и редактирование статей «Международного словаря по дипломатике». Работа была продолжена на III коллоквиуме и на заседаниях Генеральной ассамблеи¹⁶ комиссии в Бухаресте (11–14 августа 1980 г.)¹⁷.

Первоначальный план словаря, предложенный еще на Генеральной ассамблее 1977 г. в Париже, включал в себя 13 разделов: 1) понятие об акте, документе, грамоте, грамоте и т. д.; 2) «легенда» (tradition) — форма, в которой дошел документ (оригинал, копия и т. п.); 3) характер источника (нотариальный протокол, картулярный, формулярный и др.); 4) материальная форма (регистр, свиток и т. п.) и ее особенности; 5) изобразительные элементы (символическая инвокация, монограмма и т. д.); 6) способ прикрепления и тип печати; 7) дипломатическая структура и ее элементы (invocatio, intitulatio и т. д.); 8) типы клаузул и формул; 9) дипломатический характер документа (грамота, запись, диплом и т. п.); 10) юридический характер документа (ордонанс, акт помилования и т. д.); 11) прохождение документа в канцелярии (распоряжение о выдаче, регистрация и т. п.); 12) персонал канцелярии; 13) элементы хронологии (стиль, индикт, эра и др.).

При дальнейшей работе над словарем его структура довольно существенно видоизменилась. В настоящее время 1-й раздел носит название «Общие определения» (ст. 1–20). 2-й раздел посвящен, как в плане 1977 г., «легенде» (tradition), т. е. тем формам, в которых может дойти документ (ст. 21–121). 3-й раздел касается внешней и внутренней форм самих актов и называется «Форма актов» (ее общее определение см. в ст. 122). Здесь различаются: а) внешние признаки (ст. 123–132) с особой рубрикой «Изобразительные элементы» (ст. 133–146) и б) внутренние признаки (ст. 147–219). Подраздел «б» 3-го раздела покрывает первоначальные 7–8-й разделы (дипломатическая структура; типы клаузул и формул).

Остальные статьи, а именно составленные в Бухаресте, пока не пронумерованы. Ими заканчивается подраздел «б» 3-го раздела и начинается 4-й раздел: «Выработка (= процесс создания) актов». Подраздел «а» этого раздела носит название «Канцелярии и бюро письма». Отредактирована большая группа статей, определяющих различные по функциям категории лиц, составлявших штат канцелярий и других институтов, занимавшихся изготовлением актов. Комиссия приступила к определению понятий, связанных с характеристикой канцелярских процедур по изготовлению документов. Таким образом, 4-й раздел поглощает первоначальные 11–12-й разделы. Иными словами, работа по подготовке текста словаря может считаться проделанной больше чем наполовину.

Ведущая роль в составлении словаря принадлежит нынешнему президенту комиссии — известному французскому историку, академику

¹⁴ В нем участвовали: Дж. Бателли, Р.-А. Ботье, Э. Саэс и др. (полный состав участников нам не известен).

¹⁵ Его участники: П. Ахт (ФРГ), Б. Барбиш (Франция), Дж. Бателли (Италия), Р.-А. Ботье (Франция), К. Брюль (ФРГ), Ж. Буссар (Франция), Дж. Бэрроу (Великобритания), Г. Гуальдо (Ватикан), И. Дуйчев (Болгария), Д. Дьёрфи (Венгрия), А. Канеллас-Лопес (Испания), И. Караяннопулос (Греция), М. Курелац (Югославия), А. Пратези (Италия), В. Превенье (Бельгия), П. Рабикаускас (Италия), П. Шапле (Великобритания).

¹⁶ Согласно § 6 устава комиссии, принятого в 1971 г., Генеральная ассамблея собирается по инициативе Бюро и проводит свои очередные заседания во время международных конгрессов исторических наук. Внеочередные заседания Генеральной ассамблеи могут созываться Бюро по случаю каждого международного конгресса по дипломатике или по просьбе не менее 10 членов комиссии.

¹⁷ Участвовали Дж. Бателли (Италия), Дж. Болдуин (США), Р.-А. Ботье (Франция), К. Брюль (ФРГ), Ж. Буссар (Франция), Г. Гуальдо (Ватикан), М. Догару (Румыния), С. Душкова (Чехословакия), Д. Дьёрфи (Венгрия), И. Караяннопулос (Греция), С. М. Каштанов (СССР), Р. Манселли (Италия). Кроме членов комиссии, в заседаниях приняли участие некоторые бельгийские, болгарские, испанские, нидерландские, португальские, румынские, французские и чешские историки.

Р.-А. Ботье¹⁸. План словаря, первоначальный словник, первоначальная редакция статей исходят от него. Настоящей творческой лабораторией оказываются совещания членов комиссии по обсуждению первоначальной редакции каждой статьи, которую зачитывает Ботье. Многие определения вырабатываются коллективно, но вторая редакция оформляется опять-таки Ботье, причем тут же, в дни совещания. Она срочно ксерокопируется с рукописи, затем перепечатывается и ксерокопируется с машинописи, раздается членам комиссии, проходит «контрольное» чтение вслух, и придирчивые слушатели, следя за текстом, могут вновь вносить свои поправки. После апробации текста он рассылается отсутствующим членам комиссии, и снова на долю Ботье приходится учет критических замечаний и дальнейшее редактирование формулировок.

В 1980 г. в Бухаресте огромный вклад в дискуссию внесли такие крупные дипломаты, как Дж. Бателли, Ж. Буссар (ныне покойный), К. Брюль, Д. Дьёрфи, С. Душкова, М. Догару и др. Участие в обсуждении позволило и нам добавить несколько штрихов, относящихся к специфике русской дипломатики (о роли «печатников», площадных подъячих и т. п.), что нашло отклик у румынских специалистов, которыми был приведен ряд интересных аналогий из практики валашской и турецкой канцелярий.

Принципиальное критическое замечание по словарю сделала С. Душкова, сказав, что в нем преобладает юридический подход в духе Ю. Фиккера и слабо представлено палеографо-дипломатическое направление, развивающее традиции школы Т. Зиккеля. С этим замечанием до некоторой степени созвучно мнение К. Брюля, считающего, что нельзя ограничиваться общим юридическим определением функций канцлера, вице-канцлера и других членов канцелярии, а следует дать конкретные пояснения для каждой страны.

Кроме работы над словарем, Генеральная ассамблея комиссии по дипломатике заслушала и обсудила доклад Р.-А. Ботье об унификации правил издания финансовой, доманиальной и административной документации; писем и сборников корреспонденций (досье)¹⁹.

Для финансово-административных документов автор различает три типа изданий: 1) упрощенное текстуральное, 2) облегченное, 3) в форме таблиц. Первое из них отличается от дипломатического издания средневековых латинских грамот большей свободой в передаче текста: предлагается вводить унифицированные сокращения терминов, обозначающих меры веса, денежные единицы и т. п., давать в скобках исправленные результаты ошибочных подсчетов и др. Облегченное издание допускает сокращение текста — разрешается опускать повторяющиеся формулы и суммы. Табличное издание не учитывает построение текста, формуляр, воспроизводя лишь конкретные цифровые данные, содержащиеся в документе.

Принципиальных возражений эти рекомендации не вызвали, хотя вопрос о том, стоит или не стоит публиковать одну и ту же сумму или формулу дважды, оказался спорным. Так, Дж. Болдуин (США), занимающийся вместе с Ботье изданием древнейшего французского регистра (времени Филиппа II Августа), отметил разницу в указании в разных местах одних и тех же сведений. Дж. Бателли возразил против отнесения кадастров к числу «документов», поскольку кадастр — это целый том

¹⁸ В 1971—1980 гг. — генеральный секретарь комиссии; 11 августа 1980 г. на заседании Генеральной ассамблеи в Бухаресте избран президентом. Дж. Бателли, являвшийся президентом комиссии в 1971—1980 гг., стал ее почетным президентом, а К. Брюль — генеральным секретарем.

¹⁹ Доклад был предварительно издан в трудах конгресса: *Bautier R.-H. Pour une normalisation internationale des règles de publication des documents financiers, domaniaux et administratifs et des lettres et recueils de correspondance.* — In: *Comité international des sciences historiques. XV-e Congrès international des sciences historiques. Bucarest, 10—17 août 1980, Rapports. III. Organismes internationaux affiliés et commissions internes.* Editura Academiei Republicii Socialiste Romania. [Bucureşti], 1980, p. 364—378.

(volume). В то же время он говорил, что разница между податным списком (rôle) и регистром часто стирается. Ботье ввел тогда дополнительное различение документов по принципу их происхождения (из финансового или контрольного органа). Нами был поставлен вопрос о принципах передачи особых условных систем обозначения денежных сумм типа принятых, например, в русских счетных документах XVII—XVIII вв. Как полагает К. Брюль, в рамках общих международных правил должна допускаться широкая свобода выбора специфических национальных правил издания, исходящих из особенностей конкретной документации данной страны.

Что касается издания писем и сборников корреспонденций, то Ботье различает два принципа расположения материала: 1) по хронологии писем, 2) в порядке следования документов в досье. В случаях, когда документация обширна, он предлагает печатать целиком обобщающие документы, а дополняющие их — в выдержках. В заголовках писем следует, по его мнению, указывать не только корреспондента и адресата, но и (кратко) содержание. Докладчик поставил перед слушателями вопрос: как лучше публиковать письма — со всеми орфографическими ошибками (типичными, в частности, для писем даже таких просвещенных людей, как Екатерина Медичи или мадам де Севинье) или исправляя их? В опубликованном тексте доклада автор склоняется к тому, что автографы писем надо печатать с полным соблюдением их орфографии; при издании сравнительно поздних документов, где появляется система акцентуации в словах народного языка, соблюдать ее в той мере, в какой это не делает текст неудобопонятным; во всех остальных случаях нужно придерживаться «классических» приемов передачи текста, разработанных в сфере издания дипломатического (актового) материала. Д. Дьёрфи поднял вопрос о «письмах», текст которых дошел в составе летописей, или о «летописных письмах». Ботье сказал, что изучение и издание этих «писем» — дело литературоведения, а не дипломатики: «летописные письма» не являются письмами в собственном смысле слова, т. е. не представляют собой дипломатический материал.

Комиссия заслушала доклад Дж. Бателли и Г. Гуальдо о подготовке указателя папских актов, оригиналы которых хранятся в Национальном архиве Франции («Index actorum pontificum romanorum»). Это указатель к трехтомной публикации «Actes pontificaux originaux conservés aux Archives nationales de Paris» (первые два тома были изданы Б. Барбишем в 1975 и 1978 гг.; третий том, включающий 1055 документов 1305—1415 гг., пока не опубликован). Аналогичные издания регестов папских актов запланированы и в других странах. Более всего это дело продвинулось в Великобритании и Испании. Выявление документов и подготовка их к печати ведутся также в Австрии, Бельгии, Ватикане, Венгрии, Дании, Чехословакии, Югославии. Значительную специфику представляют оригиналы папских актов Ватиканского архива: это неотправленные грамоты, послужившие черновиком (minute) для составления последующих документов.

Другого рода сборник готовит К. Брюль: «Specimina actorum medii aevi». Сюда должны войти образцы актов суверенных канцелярий, составленные до 1200 г. В сообщении о ходе работы над сборником Брюль указал, что располагает уже списком документов, подходящих для включения в это издание.

На заседании комиссии ставилась и задача создания перечня всех известных средневековых актовых источников («Новый Потхаст»), однако в настоящее время, пока не доведены до конца другие начинания комиссии, вопрос о перечне отложен²⁰.

²⁰ Краткое сообщение о заседании комиссии в Бухаресте см.: *Dogaru M.* Lucrările Comisiei internaționale de diplomatică.— *Revista Arhivelor*. București, 1980, Anul 57, vol. 42, N 3—4, p. 406—407; см. также: *Тихвинский С. Л., Тишков В. А.* XV Международный конгресс исторических наук.— *ВИ*, 1980, № 42, с. 8; *Пашуто В. Т., По-*

Таким образом, в деятельности Международной комиссии по дипломатике наблюдается стремление к созданию общей картины развития актов и канцелярий в средневековой Европе (чему служат конгрессы по дипломатике); выработке четкой и детальной дипломатической терминологии, правил издания актовых и других документов; выявлению дошедших оригиналов папских грамот; публикации образцов наиболее ранних разновидностей актов суверенных канцелярий (до 1200 г.); составлению (в более или менее отдаленном будущем) перечня актовых источников средневековья.

Разумеется, проблематикой, связанной с деятельностью Международной комиссии по дипломатике, не исчерпывается все многообразное развитие этой дисциплины. Значительное внимание уделяется, например, истории городского нотариата. Так, роли писцов и нотариусов в средневековой Генуе посвятил свой доклад Дж. Костамагня (G. Costamagna, Италия) на XIII Международной «неделе» по экономической истории в Прато (2—7 мая 1981 г.). Однако эта и другие темы могут стать предметом специального рассмотрения, здесь же мы ограничиваемся кругом вопросов, относящихся к работе Международной комиссии по дипломатике в 1974—1980 гг.

ляков Ю. А., Хромов С. С. Некоторые проблемы отечественной истории и преподавания истории в школе на XV Международном конгрессе историков.— История СССР, 1981, № 5, с. 118.

В. Л. Янин

НОВГОРОДСКИЙ СКРИПТОРИЙ РУБЕЖА XI—XII вв. ЛАЗАРЕВ МОНАСТЫРЬ

11 сентября 1679 г. в Москву на Печатный двор были доставлены из Новгорода от митрополита Корнилия 44 пергаменные рукописи, собранные в церквях и монастырях по грамоте патриарха Иоакима от 4 декабря 1677 г. для исправления текстов при издании печатных книг¹. В составе этой посылки было семь рукописей с пометой «книга Лазарева», указывающей на их принадлежность церкви или монастырю святого Лазаря². Смысл таких помет был чисто практический, поскольку в грамоте Иоакима предписывалось: «...а церковей у попов взять росписи, какими книгами у них недовольство, и вместо тех харатейных взятых книг даны им будут на Москве с Печатного двора печатные книги»³. Все семь «книг Лазаревых» сохраняются и ныне в составе фонда Типографской библиотеки в Центральном государственном архиве древних актов:

№ 84⁴. 1095/96 г. Миния служебная, сентябрь; в четвертку, на 176 листах (ПС, № 7);

№ 89. 1096 г. Миния служебная, октябрь; в четвертку, на 127 листах (ПС, 8);

№ 99. XI—XII вв. Миния служебная, январь; в четвертку, на 119 листах, «первые 24 листа написаны значительно позже, в XIII в.»⁵ (ПС, № 37).

№ 103. XI—XII вв. Миния служебная, февраль; в четвертку, на 55 листах, «отрывок без начала и конца»⁶ (ПС, № 38);

№ 110. XI—XII вв. Миния служебная, апрель; в четвертку, на 110 листах (ПС, № 39);

№ 138. XI—XII вв. Триодь цветная; в лист, на 173 листах (ПС, № 48);

№ 147. XII в. Стихирарь; в лист, на 142 листах (ПС, № 131).

Весь комплекс «книг Лазаревых», как видим, относится к древнейшей поре русской письменности, включая две знаменитые датированные рукописи конца XI в.⁷ Однако сами эти пометы о принадлежности книг Лазаревскому храму говорят только о том, что указанный храм владели ими перед 1679 г., и не раскрывают первоначальный источник их происхождения.

Новгородский Лазарев монастырь (в Новгороде не было другого храма во имя святого Лазаря), находившийся в ближайших окрестностях Неревского конца Софийской стороны, между существующими и ныне

¹ Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорные пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих хранилищ.— Тр. XV Археол. съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916, т. 2.

² Еще одна книга с пометой «Лазаревского мон.» (Пролог XV в., № 175 по описи Типографской библиотеки), как выяснил А. А. Покровский, принадлежит не к этому комплексу, а происходит из псковского Лазаревского монастыря (Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие, с. 242).

³ Там же, с. 230.

⁴ Здесь и далее номера рукописи даны по описи Типографской библиотеки.

⁵ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков): Общее повременное обозрение. 2-е изд. СПб., 1882, стб. 39.

⁶ Там же.

⁷ Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 годов. СПб., 1886.

церквами Петра и Павла в Кожевниках и Николы Белого, упоминается впервые под 1300 г.: «Того же лета срубиша 4 церкви: святых Богородица в монастыри в Зверинци, и святого Лазаря, и святого Дмитрия на Бояни улке, и святою Бориса и Глеба на Подоле»⁸. Под 1339 г. летопись сообщает о чуде от богородичной иконы «у святого Лазаря»⁹. Под 1384 г. сообщается о пожаре этой церкви: «В то же лето загореся в Неревском конце у святого Лазаря, игоре церкви святых Лазарь и другая церкви святых Петр»¹⁰. В 1386 г. Лазарев монастырь упомянут среди монастырей, сожженных новгородцами при приближении войск Дмитрия Донского¹¹. 27 сентября 1545 г. «выгорел весь конец Кожевнической, и за городом за деревянным под Лазарем и все побережье, да у Лазаря святого притвор разметали да и крест с церкви сняли, да колокольницу подсекли»¹². В 1547 г. близ этой церкви было еще два пожара¹³. В писцовой книге Леонтия Аксакова 1582—1584 гг. в Неревском конце за городом числится «монастырь Лазоревской, а в нем церковь каменная Лазорь святой да теплая церковь Якима и Анны деревяна». По росписи 1615 г., Лазарев монастырь назван девичьим; в ней же отмечено, что он разорен и пожжен¹⁴. В этом документе не указано число престолов, однако церковь Иоакима и Анны, существовавшая уже в начале XVI в.¹⁵, возобновлялась и позднее: она очередной раз освящалась в 1733 г.¹⁶ и показана на плане Новгорода 1745 г.¹⁷ В 1764 г. при уложении штатов Лазарев монастырь был упразднен, его соборная церковь обращена в приходскую, а затем приписана к Зверину монастырю¹⁸. До 1859 г. сохранялась древняя (XIV или XV в.) каменная соборная церковь Лазаря, описанная Макарием и зарисованная Д. Струковым и Н. А. Мартыновым¹⁹, но затем на ее месте была сооружена новая кирпичная церковь, разобранная во время немецкой оккупации Новгорода 1941—1944 гг.

Отсутствие летописных свидетельств о Лазаревом монастыре ранее рубежа XIII—XIV вв. заставило Макария считать 1300 г. временем первоначального его основания²⁰. Если это так, то комплекс книг, поступивший в 1679 г. из Лазарева монастыря в Типографскую библиотеку, должен был бы сложиться где-то в другом месте, став его собственностью в какое-то сравнительно позднее время. Между тем мнение Макария опровергается обращением к самим книгам этого комплекса. Рассмотрим сначала некоторые поздние записи.

На Стихираре XII в. имеется запись: «Аще кто станет по мне поп у святого Лазаря, поминайте мя бога деля у службе и в молитвах — попа Оксентия многогрешнаго, а вас бог, братие моя, помянет в своем си царствии, аминь» (№ 147, л. 27). И. И. Срезневский относил эту запись (как, впрочем, и всю рукопись) ко времени около 1250 г.²¹

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 91 (в младшем изводе Новгородской первой летописи это известие отсутствует).

⁹ Там же, с. 350.

¹⁰ Там же, с. 379.

¹¹ ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 346.

¹² Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 74.

¹³ Там же, с. 76.

¹⁴ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 62; Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 81.

¹⁵ Об этом можно судить по надписи на Служебнике начала XVI в.: «Служебник Лазаря праведнаго и св. праведных богоотец Иоакима и Анны» (Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, ч. 1, с. 151, прим. 65).

¹⁶ Там же, с. 152, прим. 66.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 3, оп. 20, д. 6480.

¹⁸ Макарий. Указ. соч., ч. 1, с. 152.

¹⁹ Струков Д. Школа рисования. [Б. м.], 1859, вып. 2, № 2, табл. без номера; Толстой М. Указатель Великого Новгорода. М., 1862, табл. III; Мясоедов В. Два погибших памятника новгородской старины. — ЗОРСА РАО. СПб., 1915, т. 10, с. 105—112, табл. XXI.

²⁰ Макарий. Указ. соч., с. 150.

²¹ Срезневский П. И. Указ. соч., стб. 121.

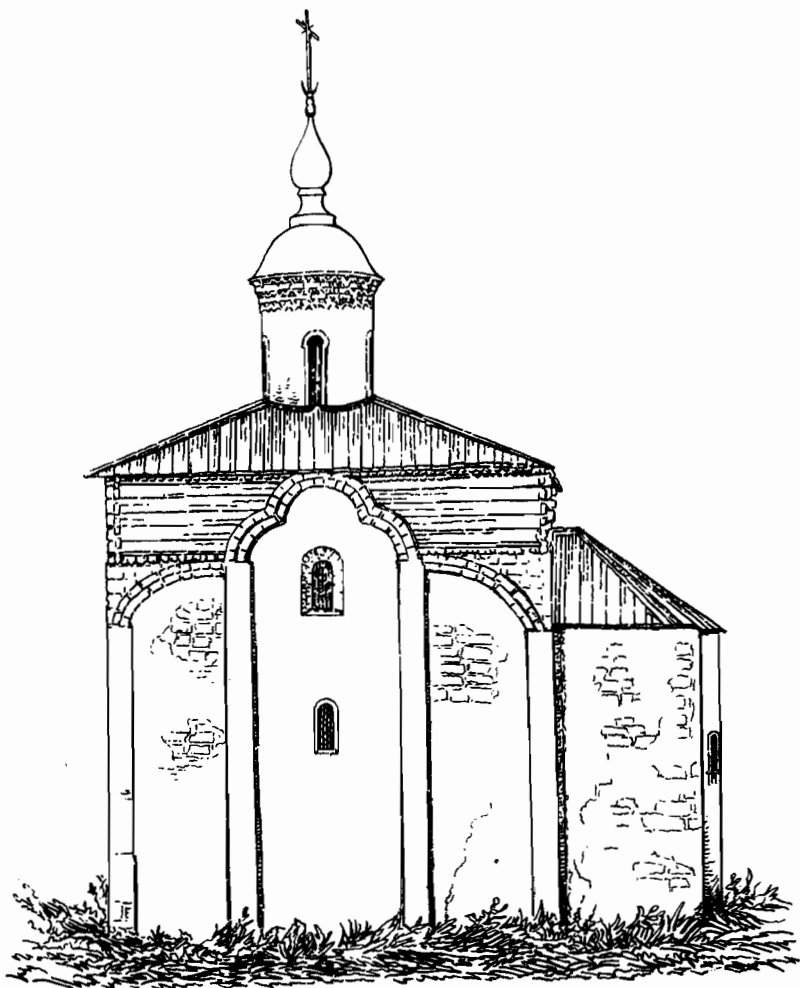

Рис. 1. Церковь Лазаря (рисунок Д. Струкова)

А. А. Покровский, датировавший книгу XII в., время записи Оксентия определял XIII–XIV вв., указав при этом, что она сделана «тою же самою рукою», что и помета на апрельской служебной минее из Лазарева монастыря (№ 110)²². На л. 16 апрельской минеи XI–XII вв. имеется приписка: «Се аз раб божий Оксентий преплол книги сия». Поскольку в датировке обеих приписок А. А. Покровский не исключает XIV в., их наличие не противоречит мнению Макария о возникновении Лазарева монастыря в 1300 г., однако свидетельствует о принадлежности Стихиаря и апрельской минеи этому монастырю уже в XIV в.

Обратимся к другим припискам апрельской минеи, на этот раз — к ранним. На л. 104 указанной рукописи имеется полуглаголическая запись ее писца: «Лаврентии пьсаль много», которой соответствует другая: «Лавра пьсаль»²³. Писец Лаврентий известен еще по одной новгородской рукописи Типографской библиотеки, не сохранившей помет об ее первоначальной принадлежности конкретной церкви или монастырю, а именно по июльской минее XI–XII вв. (№ 121; ПС, № 40), от которой дошли только последние шесть тетрадей (52 листа). На последнем листе этой рукописи имеется запись: «Аз грешный Матвеи начат писати книги сия, а Лаврентии доконца. Не аз бо худостью написах и брат,

²² Покровский А. А. Указ. соч., с. 290–291.

²³ Срезневский И. И. Указ. соч., стб. 39, 77.

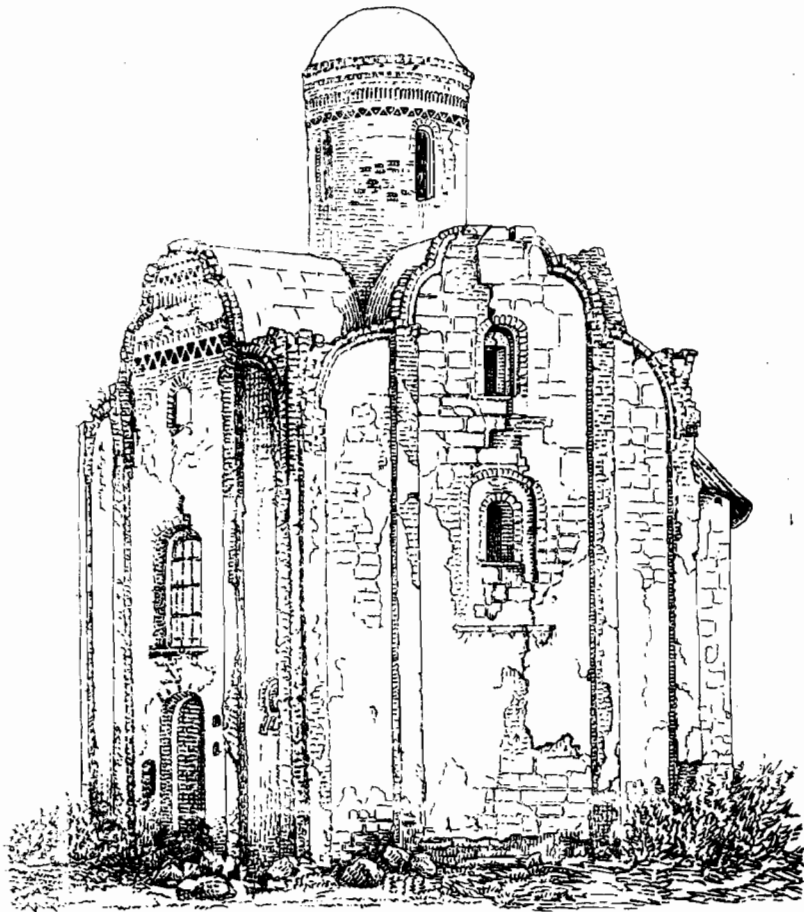

Рис. 2.
Церковь Лазаря
(рисунок
Н. А. Мартынова)

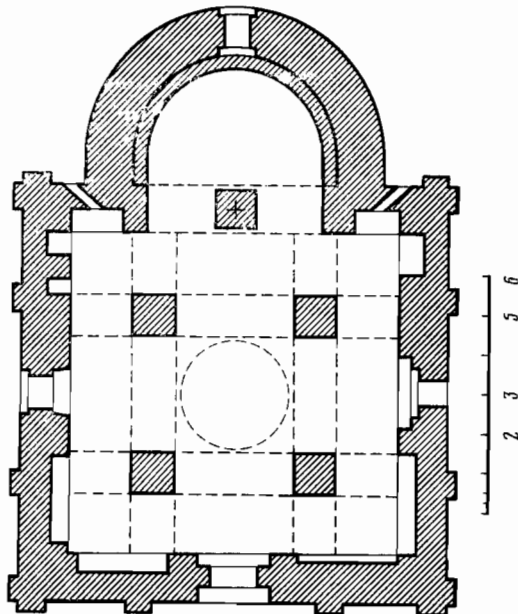

Рис. 3.
План церкви Лазаря
(чертеж
Н. А. Мартынова)

но силою святых троицы отца и сына и святого духа... присно и во веки веком, амнь. Игуменья повелением, а святым Лазарем... Богородицею стяжано». В августовской минее XI—XII вв. (на 112 листах, отсутствует начало) Типографской библиотеки (№ 125; ПС, № 41), новгородской по происхождению, также не имеющей указания на принадлежность к конкретной церкви, на л. 20 помещена запись писца: «Господи, поспеши рабу своему Матфею».

Хотя последние две рукописи (№ 121 и 125) и не имеют помет о принадлежности их Лазареву монастырю в момент собирания книг для Печатного двора, А. А. Покровский приходит к основательному выводу, что существуют «исторические данные думать, что они писаны для монастыря св. Лазаря. По крайней мере, в записи к № 121 писец прямо обращается с молитвою к сему святому; а № 110 — принадлежала в XVII в. Лазареву монастырю, вероятно, и была написана именно для этого монастыря. Можно думать, что и Минья № 125, писанная одновременно с первыми двумя и притом тем же лицом, которое принимало участие в написании рукописи № 121, — также писана для того же Лазарева монастыря... Эти три рукописи XI—XII вв. — родные братья по своему происхождению. За то же говорят и внутренние признаки: раскраска заглавных букв, приемы письма, распорядок отдельных песнопений — все это одинаково»²⁴.

Полагаю, что этого сопоставления достаточно, чтобы уверенно говорить о существовании Лазарева монастыря и наличии в нем скриптория уже в тот момент, когда были писаны апрельская, июльская и августовская минеи, т. е. не позднее XII в. Вместе с тем приписка в июльской минее дает основание еще для некоторых наблюдений. Во-первых, эта минья написана стяжением Богородицы, а это означает, скорее всего, что Лазарев монастырь, существовавший уже на рубеже XI—XII вв., был дочерним по отношению к соседнему Богородицкому Зверину монастырю. Впервые последний упомянут в летописи под 1148 г. по случаю пожара в нем²⁵; следовательно, возник он достаточно рано (после учреждения праздника Покрова он стал называться Покровским²⁶). Во-вторых, надо полагать, это обстоятельство позволяет утверждать, что не только в XVII в., но и с момента основания Лазарев монастырь был девичьим. Не противоречит ли это наличию при нем мужчин-писцов?

По-видимому, не противоречит. Минимальный мужской штат клириков существовал в любом девичьем монастыре. В частности, в писцовой книге 1582—1584 гг. упомянуты лазаревские поп Давыд, пономарь Ивашко Данилов, дячок Никифор²⁷. Автор поздних приписок на стихираре и на апрельской минее Оксентий называет себя попом святого Лазаря, и его обращение к «братии» — это призыв к будущим монастырским священникам, «аще кто станет по мне поп». Древний писец Матвей называет работавшего вместе с ним писца Лаврентия «братом», но они могли быть, например, попом и дяконом соборной монастырской церкви. К сожалению, весьма неопределенно выражение «игуменья повелением»: оно может иметь в виду и игумена, и игуменью. С другой стороны, даже в начале XVI в. в некоторых новгородских монастырях не существовало запретов на постоянное пребывание чернецов в девичьих монастырях и черниц в мужских. В 1528 г. архиепископ Макарий «черницам вдасть монастыри, монастырь на Десятине, монастырь Петровской, Ильинской, Спаской на Вотцкой дорозе, на Соколници, Богословской на Витке, на Скнятине; а преже бо сего в тех монастырех жили игумены и черницы; и архиепископ же повеле отвести игуменов в мужския монастыри, а черницам вдасть игуменьи, благочиния ради»²⁸.

²⁴ Покровский А. А. Указ. соч., с. 285—286.

²⁵ Новгородская первая летопись..., с. 28, 214.

²⁶ Не исключено, что это произошло только в 1399 г. (Лазарев В. Н. О дате одной новгородской иконы. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 250—251).

²⁷ Майков В. В. Указ. соч., с. 62.

²⁸ ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 285.

Ряд приписок, принадлежащих писцам рукописей, имеется на сентябрьской минее 1095/96 г. и на октябрьской минее 1096 г. Почти все они называют писцом Дъмьку-Якова. В сентябрьской минее — на л. 56: «Г[оспод]и, простите мя грешнаго оубогаго оунылага недостойнаго раба своего Якова, а мирьскы Дъмька, простите же мя, аминь»; на л. 57: «Г[оспод]и, помози рабоу своемуу Дъмьке»; на л. 84: «Г[оспод]и, простите мя оубогаго и недостойнаго раба своего Дъмькоу»; на л. 176 об.: «Аз грешныи рабъ б[о]жи недостойныи Дъмька написах кнѣги сѣя святии госпоже богородице да очи и братии бога ся бояче. Аз бо есмь грешнъ невежа, да напсахъ бес показаниа, в своих гресехъ покроуженъ, дажь в ня... обряцете криво, а вы е...». В октябрьской минее, имеющей на л. 1 об. запись, современную рукописи, «в лето 6604 месяца марта в 26», на л. 127 об. приписка писца: «Святая богородице, помагаи рабоу своемуу Дъмьке на мънога лета, аминь. Простите мя грешнаго», а на л. 52: «Городень пьсалъ».

А. А. Покровский не сомневался в том, что Дъмька работал в Лазаревом монастыре, хотя и писал рукописи «святии госпоже богородице» — по предположению А. А. Покровского, «вероятно, в Софийский собор»²⁹. Однако приведенные выше приписки Дъмьки не содержат указаний на место его работы, а мнение А. А. Покровского основывается только на принадлежности обеих миней в XVII в. Лазареву монастырю. Думаю, что никаких причин считать Софийский собор заказчиком этих рукописей нет: при таком толковании остается абсолютно непонятым, почему же они затем вновь оказались в Лазаревом монастыре. Между тем упоминание Богородицы как адресата книг роднит обе минеи конца XI в. с июльской минеей, инициатором изготовления которой, как я предположил, был соседний с Лазаревым Зверин Богородицкий монастырь, а это в большей степени подкрепляет мнение А. А. Покровского о связи Дъмьки с Лазаревым монастырем.

Представляется, что вопрос о месте работы Дъмьки — писца сентябрьской и октябрьской миней — решается обращением к еще одной рукописи, вышедшей из стен Лазарева монастыря, но не относящейся к комплексу корнилиевской посылки 1679 г. Имею в виду знаменитое Милятино евангелие в лист, на 160 листах пергамена, хранящееся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ПС, № 179)³⁰. На последней странице этой книги имеется запись писца: «Помощию Х[ристо]вою написахъ с[в]я[т]ии б[ог]овидьци ап[ос]толи 4 еуанг[е]листи Иоанъ и Матфеи, Лоука и Маркъ, аминъ. Въ голодное лето написахъ еуанг[е]лие и ап[ос]толъ обое одиномъ лет[е] Дъмька поп оу с[в]я[т]а[го] Лазоря поя, а повелениемъ Милятиномъ Лоукиницемъ и крилъ обое книги на сп[а]сение себе и на съдравие, аминъ»³¹.

В литературе утвердилась датировка записи 1215 г., предложенная И. И. Срезневским. Рассмотрим его аргументы. Исследователь считал руководящей ссылкой на голодное лето, полагая таковым 1215 г., когда в «Новгороде зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по 10 гривен, а овса по 3 гривне, а рече воз по 2 гривне; ядыху люди сосновую кору и лист липов и мох. О, горе тѣгда, братье, бяше: дети свое даяхуть одьрень; и поставица скудельницу, и наметаша полну. О, горе бяше: по тѣргу трупие, по улицамъ трупие, по полю трупие, не можаху пси изедати чело-

²⁹ Покровский А. А. Указ. соч., с. 55.

³⁰ В начале XIX в. рукопись принадлежала известному московскому антиквару И. Ф. Фералонтову, от которого перешла к другому московскому собирателю — П. К. Фролову. С 1813 г. Милятино евангелие хранилось в Публичной библиотеке, а в 1817 г. куплено библиотекой в составе собрания Фролова (*Вздорнов Г. И. Миниатюра из Евангелия попа Домки и черты восточнохристианского искусства в новгородской живописи XI—XII веков.* — В кн.: Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 201).

³¹ Там же, с. 202.

век; а Вожане помроша, а останъке разидеся; и тако, по грехом нашим, разидеся власть наша и град нашъ»³².

Очевидна неточность и даже неправомерность этого аргумента. Отнюдь не претендуя на полноту, отметим ряд летописных сведений о других голодных годах в Новгороде.

1127 г.— «...на осень уби мороз вьрьшь всю п озимице, и бы голод и церес зиму, ржи осминка по полугривне»³³.

1128 г.— «В се же лето люте бяше: осминка ржи по гривне бяше; и ядыху люди лист липов, кору березову, инии молиць истълъкше, мятуце и пельми и с солемою; инии ушь, мѣх, конину; и тако другим падъшим от глада, трушие по улицам и по тѣргу и по путъм и всюду; наяша наимиты возити мъртвъца из города; а смородъмь нелга вылести. Туга, беда на всех, отець и мати чадо свое вѣсажаше в лодью даромь гостъм, ово их измьроша, а друзии разидошася по чюжим землям. И тако по грехом нашим погыбе земля наша»³⁴.

1137 г.— «...я не бе мира с ними, ни с сужьдальци, ни с смольняны, ни с полоцяны, ни с кыяны. И стоя все лето осмьнъка великая по 7 резан»³⁵.

1161 г.— «...на зиму ста вся зима тепломь и дѣжгемь, и гром бысть; и купляком кадку малую по 7 кун. О, велика скѣрбь бяше в людьх и нужа»³⁶.

1188 г.— «На ту же зиму бысть дорогъвь, оже купляху по две ногате хлеб, а кадь рѣжи по 6 гривн; нѣ божиею милостию не бысть пакости в людьх»³⁷.

1230 г.— «Изби мраз на Въздвижение четьнаго хреста обилье по волости нашей, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 3 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а в дворех по пол-30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овсе по 13 гривен. И разидеся град нашъ и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр, а останък почаша мерети. И кто не просльзяться о семь, видяще мъртвъца по улицам лежаща, и младенця от пѣс изедаемы»³⁸.

Мы не располагаем аналогичными летописными сведениями от более раннего времени, поскольку до 1117 г. новгородские сообщения фрагментарны. Но, по-видимому, на рубеже XI—XII вв., когда на протяжении достаточно длительного периода фиксируется состояние блокады южных торговых путей Новгорода³⁹, затруднившей подвоз и хлеба, голодные годы не были редкими. Имеем этому свидетельство, в частности в берестяной грамоте № 424 рубежа XI—XII вв.: «[Поклон] от Гюргея къ отъчеви и къ матери. Продавъше дворъ, идитие же семо, Смольнеску ли Кыевоу ли. Дешеве ти хлебе. Али не идете, а присете ми граматичу, сторови ли есте»⁴⁰.

Заметим, что все предлагавшиеся в литературе попытки датировать Милодино евангелие основывались на произвольном предпочтении одного голодного летописного года другим. Еще в 1823 г. А. Х. Востоков колебался между выбором 1215 или 1230 г.⁴¹ И. И. Срезневский сначала относил рукопись к 1188 г.⁴², но потом предпочел другую дату — 1215 г.

³² Новгородская первая летопись..., с. 54, 253.

³³ Там же, с. 21, 206.

³⁴ Там же, с. 22, 206.

³⁵ Там же, с. 25, 210.

³⁶ Там же, с. 31, 218.

³⁷ Там же, с. 39, 229.

³⁸ Новгородская первая летопись..., с. 69, 277.

³⁹ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978, с. 47—48.

⁴⁰ Арцизовский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 32—33.

⁴¹ Калайдович К. Ф. Иоанн, ексарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824, с. 111, прим. 69.

⁴² Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского.— Сб. ОРЯС. СПб., 1873, т. 5, вып. 2, с. 413.

Н. В. Волков в 1897 г., опираясь на отсутствие в Милятином евангелии характерных палеографических признаков XIII в., был склонен датировать эту рукопись голодным 1188 г.⁴³ С таким же основанием можно назвать любой год из указанных выше, а также и любой голодный год, оказавшийся не отмеченным в летописи.

Второй аргумент И. И. Срезневского до некоторой степени объясняет, почему из многих летописных голодных годов им выбран именно 1215 г.: под соседним с ним, 1216 г. в Новгородской первой летописи упомянут некий Гаврильць Милятиниць⁴⁴, в котором исследователь предположил сына заказчика Милятина евангелия. Между тем имя Милята хотя и принадлежит к числу редких, но все же не единственный раз встречается в источниках. Некие Степан и Якун Милятичи фигурируют под 1162 г. в Ипатьевской летописи⁴⁵. Имя Милята встретилось в берестяной грамоте № 420 середины XIII в.: «От Панка къ Захарьи и ко Огафону. Продалъ есмь сорокъ бобровъ Миляте на десяти гривнъ сѣрѣбра. Олна же взъмь сѣрѣбро, то же даи бобры, а дае серобро Захарьи»⁴⁶.

Наконец, совершенно неприемлем третий аргумент И. И. Срезневского: в 1185—1192 гг. была построена церковь апостолов Петра и Павла на Синилище «Лукиничами»⁴⁷, по мнению исследователя, — Милятой и его братьями. «Лукиничичи» в данном случае не отчество, а обозначение жителей Лукиной улицы Людина конца, ближайшей к Синилищу (теперешней Синичьей Горе, где и ныне существует Петропавловская церковь конца XII в.). Синилище находится на диаметрально противоположной окраине Софийской стороны относительно Лазарева монастыря. Что касается Лукиной улицы, то она в летописи известна с 1113 г.⁴⁸

Отвергая аргументы И. И. Срезневского, обращаем особое внимание на то, что Дъмька — поп церкви святого Лазаря, что Дъмькой звали писца сентябрьской и октябрьской миней конца XI в., происходящих из Лазарева монастыря, а также на хронологическую компактность всего комплекса пергаменных «книг Лазоревых» и делаем предположительный вывод о тождестве этих лиц и, следовательно, о датировке Милятина евангелия не началом XIII в.: или концом XII в., а рубежом XI—XII вв. или по крайней мере первой четвертью XII в., если в момент написания миней Дъмька еще не был попом, а стал им впоследствии. Полагаю также, что палеографическое сравнение сентябрьской и октябрьской миней конца XI в., с одной стороны, и Милятина евангелия — с другой, представляет для историков русской книжности важную и неотложную задачу.

В последние годы Милятино евангелие было с точки зрения типологических особенностей состава его чтений подробно исследовано Л. П. Жуковской⁴⁹. Исследовательница выяснила, что Милятино евангелие принадлежит к типу Мстиславовских полноапракосных евангелий, но внутри этого типа возглавляет особый класс — милятинский. Одной из наиболее значительных особенностей этого класса рукописей является то, что лежащие в основе полноапракосных евангелий краткоапракосные чтения «по тексту и языку гораздо последовательнее воспроизводят черты первооригинала, чем рукописи мстиславовского класса»⁵⁰, во главе которого стоит Мстиславово евангелие 1115—1117 гг. В то же время нет

⁴³ Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. СПб., 1897, вып. 73, с. 16.

⁴⁴ Новгородская первая летопись..., с. 55, 255.

⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, стб. 518.

⁴⁶ Арциховский А. В., Янин В. Л. Указ. соч., с. 28.

⁴⁷ Новгородская первая летопись..., с. 228, 231.

⁴⁸ Там же, с. 20, 204.

⁴⁹ Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. — В кн.: Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968; Она же. Рукописи полного апракоса милятинского класса. — В кн.: Памятники русского языка. М., 1974.

⁵⁰ Жуковская Л. П. Рукописи полного апракоса..., с. 58.

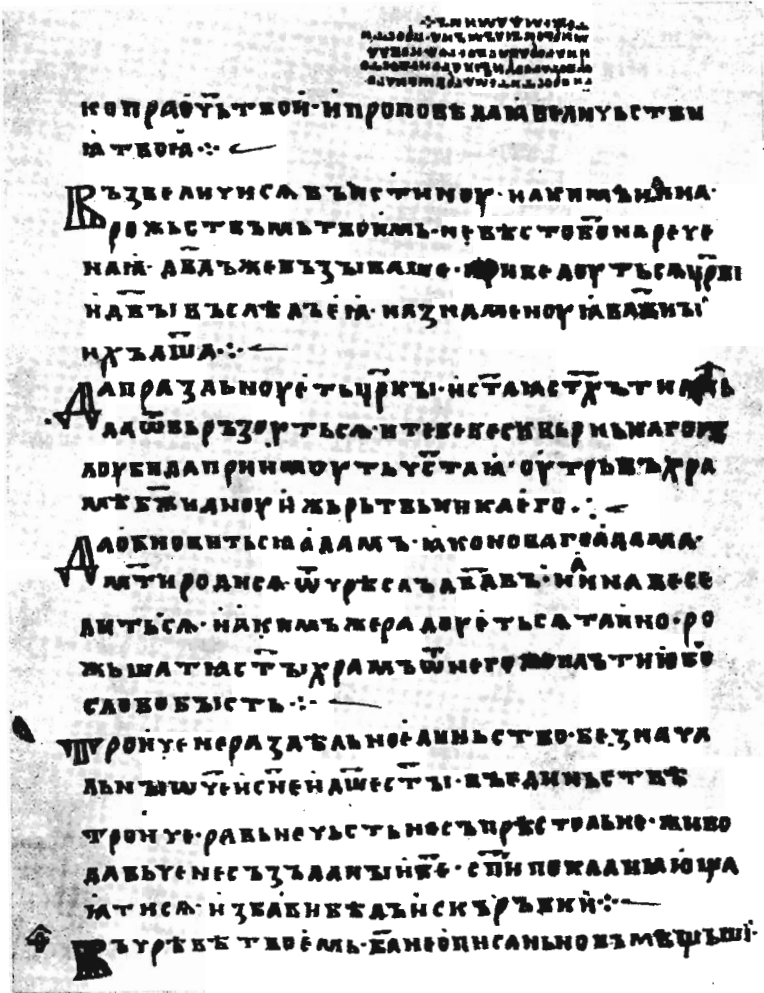

Рис. 5. Приписка Дѣмъки на л. 56 сентябрьской минеи 1095/96 г.

скому определению по характерным формам букв, и вопросы датировки Милытина евангелия в дальнейшем должны решаться в первую очередь выяснением индивидуальных особенностей почерка Дѣмъки, т. е. последовательным сравнением графики сентябрьской и октябрьской миней с графикой Милытина евангелия. Для предварительного сопоставления здесь воспроизводится последний лист Милытина евангелия с припиской Дѣмъки и образцы почерка Дѣмъки в минеях, демонстрирующие, на наш взгляд, близость начерков во всех случаях.

Приписки писцов имеются и на Триоди цветной XI—XII вв. (№ 138), обозначенной в XVII в. как «книга Лазарева». Надпись в ней на л. 181 «Бестрои псалъ грешны худ. и. цитрой, охо мне грешному, песал се аз, коли поцанаяся» датирована И. И. Срезневским XIV в.⁵⁵ Однако А. А. Покровский, обративший внимание на дефектность сильно выцветшей или подвергшейся действию воды рукописи, допускал, что здесь восстановлена запись первоначального писца, и предполагал, что позднейшему исправителю принадлежит другая запись — на л. 155 об.: «Господи, помози рабу своему Онътану»⁵⁶. В пользу мнения А. А. Покровского — древность рукописи, принадлежность ее к хронологическому кругу всего комплекса харацейных книг Лазарева монастыря.

⁵⁵ Срезневский И. И. Указ. соч., стб. 42.

⁵⁶ Покровский А. А. Указ. соч., с. 288.

Таким образом, мы насчитываем десять пергаменных книг Лазарева монастыря, вышедших из одного скриптория, который находился в самом Лазаревом монастыре, и относящихся к концу XI — первой четверти XII в.: кроме семи, снабженных пометами XVII в. «книга Лазарева», еще две миные (июльская и августовская) и Милятино евангелие. В указанное время здесь работали писцы Дъмька, Городен, Лаврентий, Матфей и, возможно, Бестрой. В этой связи следует поставить еще одну палеографическую проблему. В Милятином евангелии (утратившем начало) не весь текст написан Дъмькой; л. 45—63 об. и 73—77 выполнены другим писцом. Было бы весьма важно выяснить, не совпадает ли почерк этого второго писца с почерком Городена, Лаврентия, Матфея или Бестрого.

Отметим, что подсчет книг расходится со сведениями, содержащимися в описи Новгорода 1617 г., составленной сразу же после Столбовского мира. Тогда в Лазаревом монастыре числились «евангелие писанное съ евангелисты медными..., да книг писменных 23 книги, евангелие харатейное, 6 книг харатейных»⁵⁷, т. е. всего семь пергаменных рукописей. В харатейном евангелии, несомненно, опознается Милятино евангелие. Однако других книг в наличии было шесть, а не девять. Здесь возможны два объяснения.

Перед началом шведской осады Новгорода в 1611 г. местность вокруг Лазарева монастыря была выжжена самими новгородцами, как можно судить из надписи на шведском плане Новгорода 1611 г. с изображением осады⁵⁸, а имущество Духова, Покровского Зверина и Лазарева монастырей было укрыто в других хранилищах, в частности в Софийском соборе. В 1617 г., возможно, оно еще не полностью вернулось в эти монастыри. В той же описи 1617 г. за Звериным монастырем, например, числятся только две харатейные рукописи⁵⁹, тогда как в 1679 г. из него в библиотеку Печатного двора были привезены четыре пергаменные книги (№ 25, 65, 71, 129 по описи Типографской библиотеки)⁶⁰. Впрочем, такое предположение оказывается неправомерным. Согласно писцовой книге Александра Чоголокова и Добрыни Семенова 1623—1624 гг., даже спустя семь лет по «оцщению» Новгорода от шведов Лазарев монастырь еще не был восстановлен: «В Великом Новегороде на Софейской стороне на Петровской улице монастырь девич, а в нем церковь каменная Лазарево воскресение, да в том же монастыре церковь деревяная с трапезою святых правдивых богоотец Иоакима и Анны — стоит бес пения от немецкого разорения» (далее описываются нетяглые места дворовые «старые пустоты» всего лазаревского клира)⁶¹. Таким образом, в 1617 г. книги Лазарева монастыря учитывались в их временном хранилище, а не в самом монастыре⁶².

Более вероятно другое объяснение. Не исключено, что в начале XVII в. миные Лазарева монастыря были переплетены попарно: сентябрь-октябрь, январь-февраль, июль-август. Недостающие до полного комплекта миные могли быть бумажными и также переплетенными попарно: ноябрь-декабрь, март-апрель, май-июнь.

Нуждается в обсуждении еще одна проблема, связанная с Милятиным евангелием. В начале книги вшита миниатюра, изображающая, по мне-

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), оп. 1, 1617 г., д. 7, л. 258, 255.

⁵⁸ Арне [Т.] Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью (1611—1617 гг.). — Тр. XV Археол. съезда в Новгороде 1911 г. М., 1914, т. 1, с. 533—536, табл. XXVI.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 96, оп. 1, д. 7, л. 267, 268.

⁶⁰ Покровский А. А. Указ. соч., с. 248—253, 256—257.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 2996, л. 138—139. Дело по челобитью игуменьи Лазарева монастыря Варсонофии 17 января 1688 г. Пользуюсь случаем выразить благодарность М. Е. Бычковой за предоставление этих сведений.

⁶² Полагаю, что еще одна пергаменная книга с пометой «Лазарева» — Октоих XIII—XIV вв. (Соф., 122; ПС, № 439; Куприянов И. Обзорные пергаменные рукописи новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857, с. 85), оказавшаяся после ликвидации монастыря в Софийской библиотеке, поступила в Лазарев монастырь в конце XVII—XVIII в.

нию Г. И. Вздорнова, евангелиста Иоанна Богослова с апостолом Павлом⁶³. Эта миниатюра была изготовлена для другой рукописи: она сохранила древнюю разлиновку, отличающуюся от разлиновки Милятина евангелия; кроме того, лист миниатюры был большего формата, нежели листы евангелия, и потому обрезан со всех сторон, отчего пострадала и миниатюра. На тыльной стороне листа сохранились следы клея, показывающие, что он некогда был наглухо укреплен на обороте доски переплета той рукописи, для которой он первоначально был предназначен⁶⁴.

Еще в 1951 г. Ю. Н. Дмитриев высказал мнение о том, что эта миниатюра была написана еще в XI или в начале XII в.⁶⁵ Позднее Г. И. Вздорнов в специальном исследовании убедительно подтвердил эту датировку. Однако оба исследователя не сомневались в поздней дате Милятина евангелия, относя его вслед за И. И. Срезневским к 1215 г. Теперь, когда такие сомнения высказаны, уместно сделать предположение, что миниатюра Милятина евангелия первоначально украшала писанный тем же Дъмькой Апостол, который оказался в Лазаревом монастыре утрачен уже к 1617 г., поскольку цитированная опись не числит этой книги в собрании Лазарева монастыря.

---

⁶³ Вздорнов Г. И. Указ. соч.

⁶⁴ Там же, с. 211.

⁶⁵ Дмитриев Ю. Н. Рецензия на книгу А. Н. Свирина «Древнерусская миниатюра». — Советская книга, 1951, № 9, с. 110—111.

О ЗНАЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНТЮЗО И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ВОПРОСАХ ФИЛИГРАНОВЕДЕНИЯ

Палеографические и текстологические наблюдения заставили нас искать объективные критерии для выявления разновременных дополнений и замен текстов, написанных разными писцами, иногда сходными почерками, в некоторых списках Стишного пролога Троицкого собрания (ГБЛ, ф. 304, Тр.). Списки эти в XIX в. были немотивированно описаны под точными датами¹. Филигрانی одного из них (Тр. 715) даже вошли в качестве эталона в палеографический труд Н. П. Лихачева², составив табл. № 147, которая, вероятно, неоднократно использовалась специалистами для датировки по ее филиграммам других рукописей.

Стремление определить истинное время написания этих прологов (Тр. 715, Тр. 717 и Тр. 720) потребовало тщательного изучения их филиграней (водяных знаков). Отсутствие филиграней на листах многих небольших поздних включений, а также плохая их сохранность в корешках некоторых изначальных тетрадей заставили нас обратить внимание на различия понтюзо в бумаге каждой книги. Различия выражались в направлении их (горизонтальном или вертикальном) и в частоте сети понтюзо.

Как известно, на древней бумаге можно наблюдать более или менее прозрачные линии, образованные в результате истончения бумажной массы в местах соприкосновения с выступающими проволочками дна бумажной формы. Они делятся на три вида: понтюзо, вержеры и собственно филигрانی. Изнашивание, нарушение цельности плетеного знака, смещение отдельных деталей его на сетке бумажной формы и сознательные видоизменения филигрانی послужили в конечном счете основанием для создания особой дисциплины — филигранологии.

Все исследователи бумаги обращали особое внимание именно на филигрانی. Некоторое внимание уделялось также частоте вержеров. Н. П. Лихачев, например, делил вержеры на широкие, средние и частые. Подсчета интервалов между ними в мм он не проводил, но дал фотографии для визуального определения их другими исследователями. Он же обратил внимание на датирующую роль широких вержеров: «Для русских палеографов очень широкие *vergeures* есть драгоценнейший признак — рукопись на такой бумаге определяется второй половиной XIV столетия по первому же взгляду»³. Вержерам в отдельных случаях Н. П. Лихачев даже придавал определяющее значение по сравнению с филиграммами. Он писал: «Отметим, что в бумаге с разными *vergeures* встречаются иногда совершенно одинаковые знаки, но надо принять за правило обращать внимание на расположение *vergeures* и осторожно сопоставлять полученные хронологические данные. *Показания vergeures нередко могут изменить определение, полученное из подобия знаков*»⁴.

Что касается понтюзо, то Н. П. Лихачев выявил существование древней бумаги со строенными понтюзо. Ее, по сообщению Н. П. Лихачева,

¹ [Иеромонахи *Иларий* и *Арсений*]. Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878, ч. 3, с. 109—112.

² *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. 1. Исследование и описание филиграней, с. 95; ч. 2. Предметный и хронологический указатели, с. 170, 212, 267; ч. 3. Альбом снимков, табл. № 147.

³ *Лихачев Н. П.* Указ. соч., ч. 1, с. XXII.

⁴ Там же, с. XXVI. Курсив наш. — Л. Ж.

не знал Брике, просмотревший бумагу почти во всех крупных архивах и библиотеках Юго-Западной Европы. «Но этот сорт бомбицины не представляет редкости в греческих рукописях. Факт первостепенной важности, ибо он говорит за византийское происхождение этого сорта бумаги»⁵. Такую бумагу Лихачев признал в Прологе ГИМ, Увар. 70, XIII в., краткой сербской редакции. Таким образом, уже Н. П. Лихачев использовал наблюдения над вержерами и понтюзо для определения времени и места происхождения древнейших сортов бумаги.

Вслед за Лихачевым другие палеографы, отмечая изменение размеров бумаги в зависимости от эпохи и потребности, также обращали внимание на роль вержеров и понтюзо в определении времени происхождения, формата и сорта бумаги. В частности, В. Н. Щепкин писал: «Количество вертикальных прозрачных линий (pontuseaux), так же как и расстояние между ними, менялось с течением времени. Наибольшее сближение вертикальных линий свидетельствует о прогрессе, улучшении техники; поэтому когда встречается один и тот же водяной знак на двух различных бумагах, надо считать за более старую ту, на которой вертикали наиболее удалены друг от друга»⁶.

Позднее понтюзо привлекались филигранологами лишь для того, чтобы описать (уточнить) расположение по отношению к ближайшим понтюзо отдельных деталей рассматриваемых ими филиграней. Однако и это делали далеко не все составители альбомов.

В наше время С. М. Каштанов обратил внимание еще и на размещение одной и той же филигранны в определенном интервале между понтюзо. Он исследовал филигрань «Рука с розеткой» в троицких копиях книг № 518 и № 637 (ОР ГБЛ, ф. 303), написанных в пределах между 1533—1551 гг., а также в сборнике № 1846 из собрания М. П. Погодина (ОР ГПБ, ф. 588). Изучение имело целью установить места первоначального нахождения листов этого сборника в копиях книг Тр. 518 и Тр. 637. Главные в высшей степени скрупулезные словесные, числовые и в форме схем доказательства идентичности бумаги сборника и копиях книг Каштанов основывает на выдающемся по своей точности и убедительности анализе вариантов и подвариантов филигранны «Рука с розеткой». В материалах, относящихся к понтюзо, главное внимание Каштанов уделяет расстояниям деталей филигранны от ближайших понтюзо. Он замеряет расстояния от запястья, от обшлага, от рукава, от розетки и от стебля⁷. Этот анализ позволил Каштанову не только неопровержимо доказать первоначальное местонахождение отдельных листов сборника № 1846 в составе троицких копиях книг, но и установить, что развитие самой филигранны шло от первоначального дуперстного сложения «с участием большого и указательного пальцев... к изображению троеперстия... где большой палец захватывает поверхность не только указательного, но и среднего», и даже пятиперстия, «при котором пальцы приставлены друг к другу, но не наложены один на другой... или четыре соприкасаются между собой, а большой отогнут...»⁸.

Для целей настоящей статьи исследование Каштанова крайне полезно тем, что он приводит расстояния между понтюзо для четвертого интервала (И.), в котором размещена интересующая его филигрань «Рука с розеткой» в рукописи Тр. 518⁹. В своем исследовании Каштанов использует точность 0,05—0,1 см или 0,5—1 мм (в вып. 40, с. 7, ошибочно напечатано 0,01—0,05 см).

Мы в дальнейшем указываем расстояния между понтюзо с точностью до 1 мм (0,1 см), но отдаем себе отчет, что в действительности точность

⁵ Там же, с. XIX.

⁶ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 196 и др.

⁷ Каштанов С. М. По следам троицких копиях книг XVI в.: (Погодинский сборник 1846 и Архив Троице-Сергиева монастыря).— ЗОР ГБЛ, М., 1977, вып. 38, с. 30—63; М., 1979, вып. 40, с. 4—58.

⁸ ЗОР ГБЛ, вып. 40, с. 36.

⁹ Там же, с. 18—19.

в наших измерениях меньше. Ошибка возможна по крайней мере до 2 мм, поскольку сами понтюзо обычно толще, чем 1 мм, а измерительный инструмент — школьная линейка — недостаточно точен. Что касается измерений интервалов по образцам филиграней в альбомах, в частности в альбоме Ш. Брике, то здесь неточность может быть еще больше. Неточность обусловлена тем, что на самих бумажных листах расстояния между понтюзо в некоторых случаях колеблются: около филиграней понтюзо бывают иногда расположены ближе друг к другу, чем в независимой позиции. Например, в рукописях Тр. 717 и Тр. 720 интервалы между понтюзо в независимой позиции составляют 39–40 мм, а по сторонам филиграней доходят до 36–34 мм. Исходя из этого, ниже предлагается замерить не только размеры интервалов по отдельности, но и суммы интервалов, например И-39 обозначает интервал размером 39 мм, а 6И-234 означает, что 6 интервалов вместе занимают 234 мм.

В процессе изучения мы обращали внимание и на расположение понтюзо в книге. При этом за горизонтальное (Г) принималось расположение вдоль строк, а за вертикальное (В) — расположение вдоль корешка книги. Например, Г-39 означает, что в рассматриваемой книге понтюзо горизонтальны и расстояния между ними 39 мм; обозначение В-26 указывает, что понтюзо вертикальны и расстояние между ними 26 мм.

В бумажной форме понтюзо, как правило, натянуты соответственно короткой ее стороне, а вержеры — соответственно длинной. Поэтому их изображения в листе в научной литературе называют соответственно вертикальными и горизонтальными линиями.

Однако исследователь имеет дело с реально существующими частями формочных листов¹⁰, и в этом случае однозначность понятий нарушается. То или иное положение линий зависит от того, как сложен формочный лист. Только при наличии записанного на листе текста или в составе книги положение их уточняется.

Нуждаются в систематическом выявлении и размеры средневековых бумажных листов, обусловленные размерами бумажной формы. При обсуждении этого вопроса с археографами встречаемся с господствующим мнением, будто часто наблюдаемое несоответствие форматов листа реальной величине книг объясняется разной степенью обрезки каждой книги на длительном протяжении ее кодикологической жизни. Ниже покажем, что это положение не является вполне точным и не подкрепляется нашими данными, основанными на изучении некоторых рукописей.

Прежде всего рассмотрим бумагу сохранившихся первичных тетрадей в трех списках Стишного пролога: Тр. 717, Тр. 715 и Тр. 720. Они отличаются от 300 в определенной степени изученных нами рукописей, содержащих Пролог на осенне-зимнюю половину года или ее четверти, и от многочисленных списков Пролога на весенне-летнюю половину года, известных нам по описаниям. В целом, вероятно, можно говорить примерно о 500 списках Пролога конца XIII — начала XVII в. Из этого огромного числа списков только Стишные прологи Тр. 717 и сходный с ним Тр. 718, а также Тр. 720 и сходные с ним Тр. 721, Тр. 722 имеют особенный набор месяцев: два первых содержат тексты на пять месяцев (с июня по октябрь включительно), три последних — на 4 месяца (с ноября по февраль включительно). Обычно же списки Пролога содержали соответственно тексты с сентября по февраль включительно и с марта по август, если были полугодовыми, или содержали тексты на сентябрь—ноябрь, декабрь—февраль, март—май, июнь—июль, если были квартальными. К числу квартальных прологов принадлежит Тр. 715: в нем представлены тексты на март — май, которые не вошли в Тр. 717 и Тр. 720. Эти рукописи были написаны как единое целое во второй четверти XV в. и содержали в совокупности единый годовой цикл Стишного пролога. Благодаря этому мы можем далее сопоставлять использованную для их написания бумагу, несмотря на различие в ней филиграней.

¹⁰ Так мы называем лист бумажной формы.

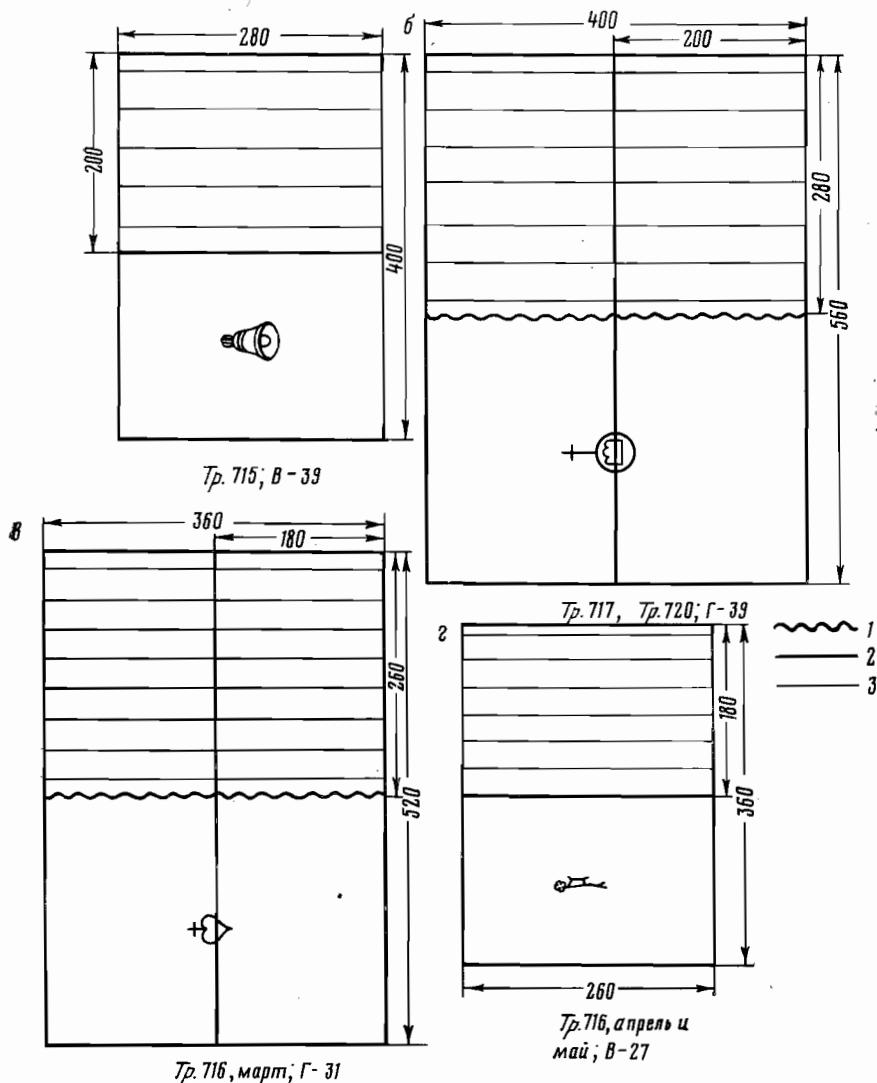

Рис. 1. Формочные листы бумаги с указанием линий разреза, перегиба, расположения филиграней и понтюзо, в мм

1 — линия разреза фабричного листа; 2 — линия перегиба листа в тетради; 3 — понтюзо

Три названные рукописи обрезались и переплетались не по одному разу. В результате их размеры теперь несколько различаются: Тр. 717 имеет $28,5 \times 19,5$ см; Тр. 720 — 27×19 см; Тр. 715 — $28 \times 19,5$ см. Но в них одинаковы размеры самого текста, несмотря на то что Тр. 720 имеет 25 строк на листе, тогда как в Тр. 717 и Тр. 715 — по 28 строк. Это обстоятельство крайне важно иметь в виду, так как, несмотря на это различие, столбцы в Тр. 715 и Тр. 720 составляют $20,5 \times 13$ см, а в Тр. 717 — 21×13 см.

Наше изучение показало, что все три рукописи характеризуются текстологическим единством, хронологической близостью, кодикологическим единством, включающим размеры листа, размеры столбца и принадлежность одному скрипторию. Но, несмотря на все это, рукописи уже первоначально были сложены из совершенно разных по размеру формочных листов. Тетради Тр. 715 сложены из небольших формочных листов, согнутых пополам. Листы этого кодекса имеют филигрань посередине листа и вертикальные понтюзо. Для Тр. 717 и Тр. 720 использованы большие формочные листы, которые были разрезаны пополам по ширине и сло-

жены в тетради так, что филигранные оказались в середине корешка, а понтюзо расположены горизонтально (см. рис. 1)¹¹. Рисунок наглядно показывает, что рукопись Тр. 715 сложена из листов, согнутых вчетверо (формат 4°). Однако в действительности, как мы видели выше и как показывают размеры листов и их частей в мм, обозначенные на рис. 1, размеры всех трех рукописей чрезвычайно близки. Из этого следует важное для нашей темы положение, что в первой половине XV в., а с учетом залежности бумаги и несколько раньше размеры формочных бумажных листов различались весьма существенно (примерно в 2 раза). Это отмечали наши палеографы. Так, Щепкин писал: «С XIII в. в западной бумаге устанавливаются два постоянных размера листов: один приблизительно соответствует нашему писчему листу, другой — вдвое больше него. Более разнообразные размеры появляются в связи с книгопечатанием только в XVI в.»¹².

Другой пример, который приводит нас к тому же выводу, представляет Стишной пролог Тр. 716 XVI в. Он содержит тексты на март—май, повторяя рукопись Тр. 715. Пролог Тр. 716, несомненно, был задуман как единое целое, но «скорости ради», как это было принято в древности, работа была поделена между двумя писцами. Первый написал тексты на март (до л. 203 включительно), второй — на апрель и май, начав с новой тетради, (с л. 208). Отсутствие непосредственного стыка между концом работы первого писца и началом работы второго говорит о том, что оба переписывали свои тексты параллельно. Почерки писцов разные: первый писал новым крупным стильным уставом (некоторые палеографы его считают полууставом, но в данном случае это значения не имеет); второй писал круглящимся полууставом. Первый употреблял крупный разделительный знак¹³, указывающий на окончание текста. Он представляет собой двоеточие и значок в форме тигла с перечеркиванием, употреблявшегося в древнерусских рукописях XII—XIV вв. У второго писца эту функцию выполняли точка, запятая и запятая под точкой, как в современной пунктуации.

Писцы Тр. 716 использовали разную бумагу. Первый писал на бумаге с филигранью «Сердце» с прямым или наклонным крестиком: л. 3/4, 11/12, 13/10, 64/69, 66/67, 71/(78), 76/73, 158/(165), 159/(166), 161/(164), 162/(163), 167/174, 196/193, 202/203¹⁴. Второй писец свои тексты на апрель и май писал на бумаге с филигранью «Литера Р» готическая, с раздвоенным основанием: л. 207, 208, 211, 278, 330, 450, 502, 572, 645 (последний лист текста не содержит).

О том, что рукопись Тр. 716 представляет единый кодекс, свидетельствует не только текстологическая практика переписывания прологов, но и внешние данные этой книги. До настоящего времени рукопись имеет первичный переплет, датированный С. А. Клепиковым¹⁵.

¹¹ На рис. 1 размеры листов округлены, в действительности до обрезки листы были несколько больше.

¹² Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 98.

¹³ При определении границ работы писцов мы придаем очень большое значение внебуквенным знакам писца, их начертаниям и расположению по отношению к тексту и к записанной строке. (Жуковская Л. П. Экслитеральные способы определения разных почерков.— В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974, сб. 2, с. 28—37).

¹⁴ Обозначение частей двойного листа рукописной книги, содержащих одну филигрань, посредством дроби, числитель которой — лист с верхней частью филигранны, а знаменатель — лист с нижней частью филигранны, дано в соответствии с материалами статьи: Жуковская Л. П. Рекомендации для выявления водяных знаков (филигранных) в рукописях форматом 4° и датировки рукописи по филиграммам.— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1. Если нельзя точно установить принадлежность части листа одному двойному, то номер листа дан в скобках.

¹⁵ Клепиков С. А. Орнаментальные украшения переплетов конца XV — первой половины XVII в. в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря.— ЗОР ГБЛ, М., 1960, вып. 22, с. 57—73.

Книга переплетена «под обрез»: размер листа и переплета 25,7×17,7 см. Размер текста на заполненном листе у первого писца составляет 19,5×11 см, у второго — 19,5×12 см. Поскольку размер текста по ширине не может не колебаться из-за особенностей переноса слов, то определяющим здесь является заданная величина: высота столбца, которая может быть предварительно обусловлена разлиновкой. Все вышесказанное говорит о том, что Тр. 716 создавалась как единая книга.

Как мы уже видели, писцы Тр. 716 использовали неодинаковую бумагу, имеющую разные филигранные. Но нам важен не этот довольно обычный в средневековой письменности факт, а то, что из такой более или менее одновременно изготовленной бумаги были нарезаны и сложены в тетради формочные листы разного размера, которые, став книжными, различаются направлением понтюзо: л. 1—202 имеют горизонтальные понтюзо Г-28 — Г-32, л. 204—645 имеют вертикальные понтюзо В-25 — В-28.

Данные обеих частей Тр. 716 представлены в двух нижних фигурах на рис. 1.

Рис. 1 и приведенные выше данные о четырех рукописях Троицкого собрания ясно показывают, что как в XV, так и в XVI в. наряду с малыми листами размера несколько больше 36×26 см (таковы были формочные листы, использованные в Тр. 716 для текстов на апрель и май) или 40×28 см (бумага в Тр. 715) изготовлялись примерно вдвое большие листы размером 52×36 см (март в Тр. 716) и даже 56×40 см (Тр. 717 и Тр. 720). В действительности размеры формочных листов были несколько больше, так как приведенные расчеты суммируют размеры дошедших до нас книжных листов, но ведь какая-то часть бумаги удалялась в процессе переплетания книг при обрезке книжных листов.

Установленные факты вступают в противоречие с функционирующими в нашей палеографической литературе сведениями о соотношении размеров формочных листов и форматов рукописных книг.

Так, в методическом пособии по датированию рукописей с помощью филигранных, написанном на основании классических пособий по палеографии, относительно формата рукописных книг говорится следующее: «Наиболее характерны два размера рукописных книг: «в лист» = 1° (около 30×20 см), т. е. размер современного машинописного листа, и «в четвертую долю листа» = 4° (около 20×15 см), или машинописный лист, свернутый пополам¹⁶. Следовательно, рассмотренные выше рукописные книги Троицкого собрания оказываются форматом «в лист» = 1°. Но мы видели, и особенно наглядно это демонстрирует рис. 6, что рукописные книги Тр. 717, Тр. 720 и тетради с текстами на март в Тр. 716 состоят из формочных листов, разрезанных пополам и сложенных вчетверо. Таким образом, они должны были бы считаться за рукописи форматом 4°, но по абсолютным размерам (28×20 см), указанным в методическом пособии, они равны рукописям в лист.

Т. В. Дианова отмечает также рукописи «в большой лист». Она пишет: «Рукописные книги в б[ольшой лист] 1° (40×30 см), например, Евангелие на престольное, изготовлялись из листов особых бумажных форм (александрийский лист). Лист такой бумажной формы перегибался вдвое. Для книг форматом в большой лист употреблялась и бумага обычной бумажной формы. В таких случаях каждый лист рукописной книги представлял собой один лист бумажной формы, не согнутый, но скрепленный по боковой широкой стороне корешком книги»¹⁷. В связи с этим встает вопрос, не являются ли формочные листы, использованные для написания Тр. 717, Тр. 720 и мартовской части Тр. 716, «александрийскими»

¹⁶ Дианова Т. В. Методическое пособие по датированию рукописей с помощью водяных знаков (филигранных) бумаги. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973, вып. 1, с. 183—184.

¹⁷ Там же, с. 185—186.

листами? Но в таком случае эти «александрийские» листы использовались не для написания особенно ценных, а для рядовых рукописей в 4°. К числу особенно ценных книг XVI в. относятся тома Лицевого рукописного свода Ивана Грозного. О его бумаге читаем: «Эти огромные фоллианты написаны на лучшей бумаге большого формата в развернутый лист и содержат каждый свыше 600 листов»¹⁸. Первоначальный формат необрезанных листов был 47,1×33,2 см. Его находим в «Царственной книге». После неоднократной обрезки размер, например, в так называемом Синодальном томе Никоновской летописи составил 39,6×27,5 см¹⁹. Последнее близко приведенному Диановой формату б. 1° = 40×30 см. Из рассмотренных и представленных на рис. 1 листов книг Троицкого собрания к этим размерам ближе всего развернутый формочный лист, использованный для Тр. 715.

О рукописях форматом 8° Дианова пишет: «Существуют книги более мелкого размера: „в восьмую долю листа“ (ок. 15×10 см). Листы таких книг представляют собой четвертую долю листа, согнутого вдвое, и филигрань, разделенная на четыре части, таким образом, оказывается у корешка книги вверху или, реже, книзу; „понтюзо“ идут параллельно корешку книги»²⁰. Для книг в 16-ю и 32-ю долю, как и для форматов, указанных выше, находим данные у Щепкина: «В согнутом листе, в восьмущке, в 32-й доле вертикальные линии редки, горизонтальные часты. В раскрытом листе, четверке, 16-й доле дело обстоит наоборот»²¹. Однако поскольку наши данные, приведенные выше, свидетельствуют о том, что в объективных размерах, т. е. в см, а не в долях формочного листа, рукописи одинакового содержания одного и того же назначения и одинаковой значимости в одно и то же время в одном и том же скриптории могли изготовляться из совершенно разных по размеру формочных листов, то тем самым и меньшие размеры (форматы 4° и 8°, а также 8° и 16°) тоже могут совпадать по направлению понтюзо.

Все это еще раз, безусловно, свидетельствует о том, что указания в археографических описаниях только на формат рукописных книг явно недостаточны. Для бумажных рукописей необходимо указывать: 1) размер листа в см (так же как и для пергаменных)²²; 2) местоположение на листе филигрании (в середине книжного листа — 1° или б. 1°, в корешке — 4°, у верхнего или нижнего обреза книги — 8°, у бокового наружного обреза книги — 16°, имея при этом в виду, что целая филигрань может быть только у рукописей 1°); 3) направление понтюзо по отношению к читающему (вертикальное, если понтюзо параллельны корешку книги, горизонтальное — если понтюзо параллельны расположению строк текста); 4) для датировки рукописной книги нужно указывать также интервалы между понтюзо, причем, как сказано выше, независимые интервалы; обусловленные интервалы (уменьшенные вследствие необходимости поддерживать тяжесть проволочного изображения филигрании или из-за близости края бумажной формы) указываются особо. Они, кстати сказать, крайне важны для идентификации парных листов в рукописи, необходимой и для установления тождества частей филигрании (в рукописях форматом меньше листа), и для истории самого кодекса, подчас

¹⁸ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 17.

¹⁹ Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи: (Син. № 962). — В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей, 1973. М., 1974, с. 272, 273.

²⁰ Дианова Т. В. Указ. соч., с. 185.

²¹ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 99.

²² Понимая это, в свое время мы предложили указывать размеры листа в см, сохранив традиционные обозначения формата (Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1974, с. 15. Ротапринт). Некоторые из предлагаемых нами элементов описания ранее учитывались в зарубежной практике, о чем свидетельствуют, например, методическое пособие Института изучения и истории текстов «Guide pour l'elaboration d'une notice de manuscrit» (Paris, 1977), работы Г. Пиккара и других ученых.

очень сложной, но необходимой текстологу²³. Приведенный выше рис. 1 наряду с прочими важными кодикологическими сведениями демонстрирует и тот факт, что примерно за век существования бумажного производства в формочных бумажных листах, мало изменившихся по формату, интервал между понтюзо уменьшился почти на четверть: в Тр. 715 понтюзо В-39, но в ашрельской и майской частях Тр. 716 понтюзо уже В-27; тот же интервал между понтюзо в Тр. 717 и Тр. 720 — Г-39, но в мартовской части Тр. 716 он уменьшился до Г-31.

При современном состоянии наших знаний интервалы между понтюзо необходимо знать для того, чтобы 1) идентифицировать изучаемую в какой-либо рукописи филигрань и образцы ее, представленные в альбомах филиграней, показывающих филигрань в ее естественном расположении по отношению к понтюзо; 2) идентифицировать в кодексе части исходного бумажного листа при отсутствии филигрании на этих листах; 3) накапливать для будущих обобщающих заключений данные об изменении интервалов между понтюзо в разных странах и на отдельных бумажных мельницах.

Н. П. Лихачев еще не обращал внимания на расположение филигрании по отношению к ближайшим понтюзо, но по его фотографиям²⁴, приведенным с целью показать средние, широкие и частые вержеры, можно замерить и интервалы между понтюзо, ближайшими к филигрании. Мы делаем это в правой стороне страницы:

IIIa	1320 г.	средние вержеры	Г-50
IIIb	1345 г.	очень широкие	» Г-40
IVa	1355—1356 гг.	»	» Г-40
IVb	1372 г.	»	» Г-42
Va	1383 г.	средние	» Г-40
Vb	1472 г.	»	» Г-30 — Г-32

У Каштанова приведен богатый статистический материал о понтюзо в троицких копийных книгах 1533—1551 г.: оказалось, что один размер интервала четвертого (И₄) составляет в них 22,5—24 мм, а около 95% размеров — 23 мм²⁵.

С целью дать большой статистический материал мы обратились к альбому Брикe, в котором указаны понтюзо, ближайшие к каждой филигрании. Мы выбрали несложную филигрань «Литера Р» готическая²⁶, для которой, на наш взгляд, не было необходимости сближать понтюзо, настолько она легка и к тому же во многих образцах лежит на понтюзо. Эта филигрань употреблялась длительное время: с 1923 по XVII в. (у Брикe данные по 1600 г.). Массовый материал, который мы показываем в таблице, явно демонстрирует, что понтюзо в рукописях с 1293 по 1600 г. постепенно сближались от И-54 до И-18.

Таблица убедительно показывает, что И-44 — И-35 были характерными интервалами между понтюзо до 1480 г. Интервалы менее И-34 появляются с 80-х годов XV в. С 1510-х годов преобладают интервалы до И-29, но и до середины XVI в. иногда встречается бумага, имеющая И-34. В конце XVI в. интервалы всегда менее И-30.

В XVII в., по нашим данным (Тр. 716, 718, 721), интервалы менее И-25, преобладают же И-23. Во всяком случае, интервалы не должны были превышать одного дюйма (дюйм = 2,54 см).

Изложенные выше соображения и материалы для них подтверждают, что исследование бумажного листа для археографа или другого специа-

²³ Например, в рукописи Тр. 717 имеются вставные листы более нового письма, но, в свою очередь, разновременные: л. 79—80 и 94—95; 194—196; 406—407, 431—434, 437—438, 115а; 322а и поздние защитные листы, примыкающие к повому переплету. Понтюзо у исконых листов книги — Г-39 и Г-34, а у новейших XVII в. доходит до В-20, у промежуточных — Г-36, В-30.

²⁴ Лихачев Н. П. Указ. соч., ч. 1. Прилож.: Автотипические таблицы.

²⁵ ЗОР ГБЛ, вып. 40, с. 18—19.

²⁶ Briquet Ch. M. Les filigranes. Amsterdam, 1968, vol. 4, N 8446—8884.

Таблица

Уменьшение размеров интервалов между пунктами XIII—XV вв. («литера Р», по материалам Брикке, № 8446—8898)

Годы	Интервалы, в мм										
	И-54 — И-53	И-49 — И-45	И-44 — И-40	И-39 — И-35	И-34 — И-30	И-29 — И-25	И-24 — И-20	И-19 — И-18			
1293—1294	8446	8447									
1310		8451									
1315		8452									
1331—1338			8457								
1332			8453								
1342	8454										
1370 (?)			8459								
1379—1380				8462 8463							
1384—1389		8460 8467 8486	8468	8464 8465 8469 8470 8487							
1392—1400		8461	8475	8473 8476 8477 8471 8472 8474							
1403—1406				8478 8500							
1412—1420				8501 8479 8480 8481 8482							
1424—1426			8483 8484								
1433			8455								
1445—1450			8588 8521 8524 8523 8590 8522	8586 8589 8489							

1451-1460									
1461-1470	8816	8587 8684 8651 8525 8683 8753 8594	8592 8526 8593 8591						
1471-1480		8818 8685 8598 8595 8689 8655 8527 8687 8543	8690 8542 8567 8596 8691 8528 8683 8605 8657 8654 8724 8597 8491 8598 8569 8570 8571 8602 8604 8544 8781 8568 8606 8656 8566 8601	8693	8663	8622			
1481-1490		8572 8609 8529 8545 8548 8546 8610 8694 8608 8502 8817 8765 8617	8658 8607 8612 8730 8688 8819 8692 8660 8614 8618 8661 8695 8659 8611 8619 8621 8696 8616 8620 8615 8573 8574 8549 8530 8613 8763						8803
1491-1500	8858	8665 8682	8497 8532 8555 8577 8556 8578 8533 8807 8581						
1501-1510	8514	8759	8563 8820 8557						
1511-1520			8768 8499 8539						
			8564 8540						
			8560 8808 8680 8541 8784 8725 8707 8706 8705 8708 8561 8738						8637

Таблица (окончание)

Годы	Интервалы, в мм									
	И-54 — И-53	И-49 — И-45	И-44 — И-40	И-39 — И-35	И-34 — И-30	И-29 — И-25	И-24 — И-20	И-19 — И-18		
1521—1530					8790 8910 8813 8640 8709 8741	8512 8837 8641 8755 8842 8779	8859 8739 8740 8786 8642 8537 8643 8743 8762			
1531—1540					8791 8792 8751 8565 8793 8855	8653 8769 8852 8862 8726 8838 8851 8711 8843 8810 8562 8742 8710 8839 8869	8870 8845 8510 8698 8508 8645 8644 8727			
1541—1550					8758 8823 8794 8795	8517 8787 8830 8505 8699 8871 8877 8831 8744 8853 8874	8648 8712 8647 8728 8703 8700	8518 8646		
1551—1560					8745 8796 8911 8848 8801	8811 8800 8833 8872 8840 8880 8752 8714 8861 8715	8875 8812 8704 8863 8649			
1561—1570					8879 8849 8825	8802 8824 8826 8884 8717 8883 8746 8882 8716 8881	8878 8881 8873 8509	8747		
1571—1580					8804 8857	8718 8867 8719 8803 8856 8797 8773 8748 8841 8865 8720 8836	8866 8507			
1581—1590					8827 8805 8774	8829 8798 8814 8750 8868 8721 8834 8849 8876 8864 8854 8847	8722 8835 8832 8883 8584 8582	8585		
1591—1600						8799 8828 8895 8776 8850 8770 8777	8723			

листа, изучающего древние рукописи, не сводится только к анализу филиграней. Остальные рассмотренные выше свойства и качества бумажного листа средневековья также изменялись с течением времени, на что указывали еще палеографы-классики. Поэтому дальнейшее изучение их представляет не только познавательный интерес, но и имеет практическое значение: содействует более точной датировке недатированных рукописей и одновременно написанных включений в них.

В настоящее время уже ясно, что следует продолжать наблюдения на большом материале по крайней мере в следующих направлениях.

1. Размер формочных больших и малых листов изменялся со временем, и потому необходимо накопление точных данных об этом. Величина листа в описаниях указывается в см. Поскольку исследователь имеет дело только с *книжным* листом, то размер исходного *формочного* листа, использованного для книги, определяется путем сложения книжных по той или иной схеме в зависимости от направления на них понтюзо и расположения филиграней (см. рис. 1).

В современных описаниях использовать термин «александрийский» лист нецелесообразно, поскольку реальное наполнение термина неоднозначно.

У Щепкина и других исследователей находим ставшее традиционным для русской палеографии обозначение формата 1°. Не было ли бы более правильно обозначать его как 2°, поскольку в этом случае формочный лист складывался вдвое? Этот сложный вопрос целесообразно рассматривать специально, как и вообще «проблему формата».

2. Необходимо продолжить изучение интервалов между понтюзо на разной средневековой бумаге. Желательно указывать, одинаковы ли на книжном листе расстояния между понтюзо: не сдвинуты ли они поблизости от филигрании или у краев (если это связано с близостью к краю короткой части бумажной формы, а не обрезкой книги при переплетении).

3. Необходимо указывать размещение филигрании на книжном листе и по отношению к понтюзо, которые могут быть расположены сверху и снизу (если филигрань имеет верх и низ) или по бокам ее. Нужно также указывать, лежит ли филигрань на понтюзо или понтюзо проходят по бокам филигрании.

4. Изучая бумагу рукописной книги, нужно обращать внимание на разнонаправленные понтюзо в составе одного кодекса, различая при этом: а) разное направление понтюзо в составе одновременно писавшихся частей кодекса (см. выше пример Тр. 716); б) разное направление понтюзо в бумаге одновременных включений (например, в Тр. 717).

Рассмотренный материал побуждает обратиться и к терминологическим вопросам.

В нашей филиграноведческой литературе и в бумаговедении встречаются одни и те же термины с разным содержанием²⁷ и иногда неверные. До сих пор, например, неясно, что считать водяными знаками и какой объем значения вкладывать в термин *филигрань*. В свое время Н. П. Лихачев писал: «Основной особенностью бомбицины является отсутствие в ней *специальных водяных знаков* и иногда особенное расположение *вертикальных линий-pontuseaux*»²⁸. Следовательно, Лихачев считал понтюзо (а тем самым и вержеры) обычными водяными знаками, а изображения, образованные специальными проволочными фигурами, буквами и т. п., прикреплявшимися ко дну бумажной формы, — собственно филигрании —

²⁷ Состояние терминологии отечественного филиграноведения и библиографическая сводка соответствующей зарубежной литературы даны в весьма своевременной статье А. А. Амосова «Проблема точности филигранологических наблюдений. 1. Терминология» (В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981, с. 70—91).

²⁸ Лихачев Н. П. Указ. соч., ч. 1, с. XV. Курсив наш. — Л. Ж.

«специальными водяными знаками». В последнем исследовании Каптанова читаем: «На л[...] водяного знака нет — наблюдаются только вержеры и понтюзо»²⁹. Следовательно, Каптанов, хотя и уделяет понтюзо больше внимания, чем предшествующие палеографы, все же ни понтюзо, ни вержеры водяными знаками не называет.

В целях адекватного описания средневековой бумаги в дальнейших исследованиях на русском языке предлагаем следующие терминологические уточнения:

Водяной знак — любая прозрачная на свет вследствие истончения бумажной массы линия, фигура или буква, оставленная на листе дном бумажной формы согласно технологии или по желанию людей. Водяные знаки делятся на три вида: понтюзо, вержеры и филиграни.

Понтюзо — водяной знак в виде толстой прямой линии, оставленной основанием дна бумажной формы (острием дощечек или проволокой). Как правило, понтюзо расположены параллельно короткой стороне изготовленного в этой форме листа (исключения следует фиксировать).

Вержер — водяной знак, оставленный часто натянутыми и опирающимися на основание тонкими проволочками. Вержеры расположены параллельно длинной стороне листа, изготовленного в бумажной форме³⁰.

Филигрань — водяной знак бумаги, содержащий сюжетное или (и) буквенное изображение (полное или частичное), образованное извитием проволоки, прикрепленной к сетчатому дну формы. (Практически изучение водяных знаков в нашей стране пока свелось к филиграноведению.)

Другие понятия тоже нуждаются в уточнении. Определение «бумажный» лист неоднозначно и должно быть разделено на следующие два (или три).

Формочный лист (или *формный*, *формичный*, *форменный*, *формовой*, *формовочный*; определения, приведенные в скобках, менее желательны, так как «формный» не соответствует законам русской фонетики, а все последующие имеют свои основные значения) — исходный лист бумаги, соответствующий по размерам бумажной форме, в которой он был изготовлен.

Книжный лист — бумажный лист в составе книги, разрезанный, согнутый и обрезанный по формату книги. Случай, когда книжный лист равен формочному, крайне редки. По-видимому, нужно также определение «столбцовый» лист для отдельных склеенных листов в составе столбца.

Дальнейшее изучение массового материала, надо полагать, поставит перед бумаговедческими исследованиями и другие задачи.

²⁹ ЗОР ГБЛ, вып. 40, с. 4.

³⁰ На первый взгляд кажется, что можно было бы принять такие наименования линий на русском языке: первые называть «редкими», а вторые — «частыми». Однако при необходимости описывать изменение расположения их на бумаге в процессе истории бумажного производства сталкиваемся с трудностями. Нельзя сказать, например, о понтюзо: «Редкие линии со временем становятся более частыми» — или тем более о вержерах: «Частые линии были сравнительно редкими в XIII—XIV вв.» и т. п. В качестве термина здесь нужно имя существительное (субстантивированное прилагательное), каких мы пока предложить не можем, да и нужно ли это, если слова *понтюзо* и *вержеры* уже широко вошли в русские филигранологические работы?

Ю. В. Андрияшайтите

**О РАБОТЕ Э. ЛАУЦЯВИЧЮСА
«БУМАГА В ЛИТВЕ В XV—XVIII ВЕКАХ»
И НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕВОДА
ФИЛИГРАНОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹**

В 1967 г. в Вильнюсе вышла книга Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV—XVIII веках»² (на лит. яз., резюме на рус. и англ. яз.) в двух томах. Один из них — атлас с 4277 водяными знаками в натуральную величину, который по числу знаков является одним из крупнейших филиграноведческих справочников в Европе. Другой том — исследование. В многочисленных рецензиях³ дана высокая оценка работы. Одновременно были высказаны сожаления по поводу ограниченных возможностей пользования ею для читателей, не владеющих литовским языком. Учитывая эти отклики, Археографическая комиссия АН СССР сочла целесообразным подготовить перевод текста книги Э. Лауцявичюса. Его издание — результат сотрудничества Комиссии с АН Литовской ССР.

Этот том литовского издания не только содержит многочисленные указатели и пояснения к водяным знакам атласа, но имеет и самостоятельное научное значение. Автор воссоздал историю бумаги и водяных знаков, употреблявшихся в Литве, рассмотрев их по уже установившейся традиции в связи с историей бумажных мельниц. По хронологическому и территориальному охвату материала содержание книги шире ее названия. Фактически она включает данные по истории 63 бумажных мельниц не только этнографической Литвы, но и Великого княжества Литовского, а по ряду вопросов охватывает первую половину XIX в. К тому же, как установил латвийский филиграновед Г. А. Енш, из 4277 водяных знаков атласа лишь 386 относятся к бумаге, выработывавшейся в Великом княжестве Литовском⁴. По подсчетам О. Я. Мацюка, в атласе приведены 70 водяных знаков украинских бумажных мельниц⁵. Уже эти данные показывают, что большинство описанных в работе водяных знаков принадлежит бумаге, ввозившейся в Литву из других районов и стран.

В разделе «Техника производства бумаги ручным способом» дан общий очерк истории бумаги и бумажного производства. В заключительном разделе автор попытался применить данные водяных знаков для датировки ряда источников. Таким образом, перед нами комплексное исследование, которое может быть использовано не только филиграноведами, но и палеографами, историками культуры.

Работа основана на многочисленных источниках из архивов и библиотек СССР, а также зарубежных. Опираясь на классические филиграноведческие исследования, автор привлек также современную советскую и зарубежную литературу.

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на заседании Археографической комиссии АН СССР 23 июня 1980 г. Хронику заседания см.: АЕ за 1980 год. М., 1981.

² *Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967, [t. 1. Tyrinejimai]; [t. 2.] Atlasas.*

³ Перечень рецензий см.: *Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV—XVIII веках / Сокр. пер. с лит. Ю. В. Андрияшайтите. Вильнюс, 1979, с. 173—174.*

⁴ *Енш Г. А. История бумаги в Литве. — Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1970, т. 2 (8), с. 326.*

⁵ *Мацюк О. Я. Вклад ученых прибалтийских республик в развитие филигранологии. — В кн.: Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР: Историография. Вильнюс, 1978, с. 70.*

Перевод на русский язык позволит лучше оценить труд Лауцявичюса историографически⁶, определить его место в истории советского филиграноведения, которое, кроме РСФСР, ныне развивается на Украине, в Грузии, Латвии, Литве, Эстонии.

В данной статье сделана попытка рассмотреть некоторые вопросы научного перевода филиграноведческой литературы, исходя из опыта нашей работы.

Филиграноведческие издания на русский язык до сих пор не переводились. Переиздания такого рода справочников и исследований международного обществом «The Paper Publications Society» в Голландии осуществляются на языке оригинала (в их числе альбом К. Я. Тромониана) с дополнительными материалами на английском языке. Ряд работ, издающихся им впервые, переводится на английский язык, как, например, книга З. В. Участкиной⁷.

В книге Лауцявичюса использованы источники и литература на 15 языках, что создавало немалые трудности при проверке в процессе перевода фактов, архивных шифров, библиографических ссылок. К сожалению, смерть автора книги в самом начале нашей работы помешала воспользоваться его помощью⁸.

Цели предпринятого перевода двоякие: облегчить широким научным кругам пользование оригиналом и дать более полное, чем в резюме, представление о труде автора. Перевод является сокращенным ввиду ограниченности предоставленного листажа заказного издания — 15 печ. л.; оригинал же описательного тома книги — 46,8 печ. л. Необходимость сокращения текста более чем в 3 раза поставила вопрос об отборе материала прежде всего в зависимости от полноты его отражения в резюме книги. Введение и разделы тома переведены полностью, кроме раздела «История производства бумаги в Великом княжестве Литовском», который дан в виде авторского резюме 1967 г. (7 из 10 страниц общего резюме на русском языке). Опущено Приложение к книге, состоящее из 31 документа по истории бумажных мельниц за 1524—1854 гг. (на старобелорусском, русском, польском, латинском языках) и двух сводных таблиц, составленных автором. Исключены также указатели (кроме предметного указателя изображений в водяных знаках), которые, на наш взгляд, доступны любому исследователю, знакомому с латиницей. Некоторое сокращение достигнуто за счет более скромной подачи материала (отказ от заставок, уменьшение числа и размера иллюстраций), исключения повторов (при сохранении особенностей стиля автора).

При переводе был уточнен или пояснен ряд вопросов и терминов. Это заставило проводить научные изыскания. В результате исправленные или опущенные части текста, обнаруженные фактические неточности были оговорены. Так, вызвало сомнение сообщение автора об эмиграции в Голландию семьи французских бумажных мастеров Жардель (Jardel) после отмены Нантского эдикта 1685 г. (с. 109 монографии на лит. яз.). Оно было дано без ссылки на источники. Филиграноведческая и общеисторическая литература не подтверждает этого положения. Фамилии этой семьи не оказались в неопубликованном каталоге «Fichier des noms Wallons et Huguenots aux Pays-Bas» в Валлонской библиотеке в Амстердаме⁹.

⁶ Первую попытку дать историографию филиграноведения советской Прибалтики предпринял О. Я. Мацюк (*Мацюк О. Я. Указ. соч.*).

⁷ *Uchastkina Z. V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Hilversum, 1962, vol. 9.*

⁸ Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность старшему научному сотруднику Отдела рукописей ГИМ Т. В. Диановой, предоставившей постоянные консультации по филиграноведению, известным литовским историкам М. А. Ючасу, В. Ю. Меркису, крупнейшим специалистам в области истории, источниковедения и палеографии феодализма Н. Н. Улащук, С. М. Каштанову, А. Д. Люблинской, а также О. А. Князевской и другим сотрудникам Археографической комиссии, оказавшим ту или иную помощь в нашей работе.

⁹ Каталог любезно проверил голландский ученый-славист В. Федер (W. Veder). Сведения о семье Жардель, работавшей у себя на родине, подтвердил знаток фран-

Сопоставление текста Лауцявичюса и других справочников позволило уточнить этот факт (с. 82 перевода) в соответствии со справочником В. Черчилля¹⁰, откуда, судя по содержанию, были взяты сведения о Жарделях, неточно переданные Лауцявичюсом.

Так как бумага Жарделей имела широкое распространение и в России, а ее водяные знаки представлены во многих работах, в том числе и у С. А. Клепикова, эти сведения небезразличны для наших филографоведов. Остается неясным одно обстоятельство. Семья Жардель производила бумагу с 1656 по 1795 г.¹¹ с водяным знаком «Герб Амстердама» и другими. Но если за период с 40-х годов XVIII в. эта бумага хорошо отражена в филографоведческих справочниках, то за конец XVII — начало XVIII в. о ней сохранилось мало сведений¹². Попытки таких французских специалистов, как А. Базанова, А. Гаше, разыскать бумагу Жарделей этого периода (в том числе в коллекции А. Николаи, подаренной последним А. Гаше) оказались безрезультатными. Учитывая, что Жардели работали на голландский рынок (оттуда бумага поступала в Россию), произведенную ими бумагу, очевидно, следует искать во Франции, в Голландии и других странах.

Другой пример. На с. 31 монографии помещен перечень названий сортов бумаги к французскому указу от 18 сентября 1741 г.¹³ Лауцявичюс перевел их на литовский язык (кроме нескольких транскрибированных). То, что многие водяные знаки дали название сорту или формату бумаги, — давно установленный в филографоведении бесспорный факт. Однако происхождение части названий из перечня, как свидетельствуют иностранные филографоведческие справочники иное (от фамилии владельца мельницы, от характера предназначения бумаги и т. д.), и буквальный их перевод представляются неправильными. Перевод перечня на русский язык нами не обнаружен¹⁴. Поэтому, учитывая неоднократные его публикации на языке оригинала в иностранной и русской¹⁵ литературе, решено было перечень опустить.

При переводе пришлось столкнуться с рядом проблем, лежащих на стыке исторических, лингвистических и даже технических дисциплин и являющихся в значительной степени общими для переводов исторических работ или публикации источников¹⁶. Отчасти они вызваны спецификой данной книги и языка.

Переводчик стремился не только объективно передать содержание исследования, но и сохранить его стилистические, терминологические, национальные особенности.

Один из главных вопросов научного перевода — терминологический. Трудности его решения особенно ощутимы в такой специфической и теоретически мало разработанной области, как филографоведение. Тем более это относится к данной книге, поскольку Лауцявичюс явился пионером в

цузской бумаги А. Гаше (H. Gachet). Выражаем этим специалистам нашу признательность.

¹⁰ Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935, p. 20, 21.

¹¹ Ibid.; Nicolai A. Histoire des moulins à papier du Sud-Ouest de la France, 1300—1800. Bordeaux, 1935, vol. 1, p. 221.

¹² Churchill W. A. Op. cit., N 116, p. 240; Briquet Ch. M. Les filigranes. Genève, 1907, vol. 4, p. 709—710; Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». — ЗОР ГБЛ, 1952, вып. 20, с. 338, 340, 344 и др.

¹³ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Neufchâtel, 1765, vol. 11, p. 844—845.

¹⁴ Как явствует из работы Н. В. Ревуненковой «О переводах энциклопедии на русский язык» (История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978), статья «Papeterie» из этой энциклопедии с упомянутым указанием на русском языке не публиковалась.

¹⁵ Резцов Н. Я. О нормальных форматах бумаг за границей и о установлении их в России. СПб., 1909, с. 7—8. Перечень на фр. яз.; текст указа частично на рус. яз.

¹⁶ О трудностях подачи иноязычных имен собственных в публикациях источников феодального периода см.: Левина С. А. Имена и фамилии в Описи архива Посольского приказа 1614 г. — В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1964.

создании ряда основных терминов литовского филиграноведения. Отсутствие современных литовско-русских словарей-справочников не только филиграноведческих, но и других исторических терминов приводит к разнобою при их употреблении в литературе на русском языке (например, таких важных понятий, как *bažgai* (бояре, шляхта, дворяне и т. д.), *jurisdika* (юрсдика, юридика) и др.)¹⁷.

В данном издании, за отдельными исключениями, сохранена авторская терминология, хотя порой она отличается от общепринятой или архаична. Это достигалось с помощью слов русского языка, а не укоренившихся заимствований. Таким образом старались не только точнее отразить особенность научного языка подлинника, но и создать возможность для его сравнения. Например, в переводе, как и в оригинале, строго ограничено употребление основных терминов — «филигрань» (проволочное изображение) и «водяной знак» (его отпечаток на бумаге). Это представляется целесообразным учитывать для периода черпального производства бумаги. В русской филиграноведческой, палеографической и архивоведческой литературе эти термины употребляются как синонимы. С. А. Клепиков, например, используя оба термина, предпочитал «филигрань», особенно для периода машинного производства бумаги.

У специалистов-бумажников основным термином является «водяной знак»¹⁸, хотя и употребляют иногда его синоним — «филигран (филигрань)» — в более точной транскрипции.

Названия линий бумаги, образовавшихся от проволочек черпальной формы, Лауцявичюс называет на французском, английском¹⁹, немецком, польском языках, выбрав для своей работы определения «редкие» и «частые» (иногда «поперечные» и «продольные») линии. Они, на наш взгляд, более удобны в употреблении, чем «вертикальные» и «горизонтальные», поскольку не зависят от положения листа при складывании, но менее удобны, чем заимствования «понтюзо» и «вержеры». Очень важно замечание автора об изменении визуального расположения линий в зависимости от того, сколько раз лист складывается (с. 39 перевода).

При наличии двух водяных знаков на бумаге Лауцявичюс обозначает их как «первичный» (или основной) и «вторичный» (общеупотребительно — контрамарка, контрмарка). Такие определения не могут быть приняты в русском филиграноведении, так как создают неправильное представление об очередности появления этих знаков на бумаге, хотя в процессе производства они возникали одновременно.

Названия водяных знаков или их основных изображений в тексте перевода даны сначала по-русски, затем по-литовски (в случае необходимости и на других языках, в частности если они утвердились в международной номенклатуре); названия гербов, как принято в филиграноведении, — в русской транскрипции, а иногда, для лучшего понимания, — с переводом.

Большинство литовских названий водяных знаков бумаги, не только ввозимой, но и изготовлявшейся в Литве, вошли в литературу значительно позднее их возникновения или были введены Лауцявичюсом (как и ряд терминов, что отмечалось в рецензии В. Рауделюнаса²⁰). Это объясняется несколькими обстоятельствами: более поздним по сравнению с

¹⁷ По-прежнему наиболее ценным справочником остается «Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского» (Вильна, 1874). Полезны также «Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках» А. Юшкевича (СПб., 1897—1922. Вып. 1—3) и недавно переизданный «Первый литовский словарь» К. Ширвидаса (ок. 1620 г.) (*Pirmasis lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1979), трехязычный польско-латинско-литовский.

¹⁸ Беркман Е. М., Вишневецкий С. М., Иоффе Л. О. Словарь целлюлозно-бумажного производства. М., 1969, с. 71—273; Сквернюков П. Ф. Слово о бумаге. М., 1980, с. 47 и др.

¹⁹ Он неправильно указал английские названия линий. Должно быть: частые линии — *laid lines*, редкие — *chain lines*.

²⁰ *Raudeliūnas V. Popieriaus istorija Lietuvoje.*— *Literatūra*, Vilnius, 1969, t. II(4), p. 144—149.

Западной Европой развитием производства бумаги в Литве; более поздним формированием литовской письменности, а также употреблением в течение долгого времени в делопроизводстве не литовского, а других языков. Наконец, как пишет автор, «бумажные мельницы Литвы использовали (для водяных знаков.— Ю. А.), как правило, герб владельца» (с. 45 перевода). Многие владельцы имели польские гербы, что отразилось и в названиях водяных знаков.

Автор, к сожалению, не выделил в специальную группу ни в атласе, ни в описании водяные знаки литовского происхождения, характеризуя их лишь по ходу изложения. Одним из таких знаков, например, является герб Витис (лит. «Vytis» переводится как 1) рыцарь, витязь; 2) гонец; в атласе помещен в группу «Всадник»). Он давно известен в русской и польской геральдике как Погощ (Погоня, Гонец). Это название фигурирует уже в Густынской летописи (под 1278 г.): «Витен нача княжити над Литвою измысли себе герб и всему князству Литовскому печать: рыцерь збройный на коне з мечем, еже ныне наричут погоня»²¹.

Как пишет известный специалист-бумажник Д. М. Фляте, «до сих пор нет четкой классификации видов бумажной продукции. При этом часто смешивают понятия вид и сорт бумаги...»²².

Это явление характерно уже для поздней средневековой, особенно иностранной, бумаги. Практически, конечно, и в то время отличали вид бумаги (по назначению) и ее сорт (качество). Но даже в документах, не говоря об исторической литературе, эти понятия не всегда разграничиваются, а еще труднее отделить названия сортов от названий форматов, так как они часто были связаны с водяным знаком²³. Лауцявичюс всюду употребляет слово «gušis», в литовском языке имеющее много значений (сорт, вид, разновидность и т. п.). В переводе принят термин «сорт» бумаги, хотя в отдельных случаях, возможно, и следовало бы ввести «вид».

Большие трудности встретились при передаче названий сортов и форматов бумаги. В отдельных случаях (например, с. 61—65 перевода) пришлось сохранить иноязычные написания (подобное находим и в книге Лауцявичюса). Транскрибирован во избежание неточностей и латинский термин «charta bibula». В старину так называлась оберточная или техническая бумага, ее сегодня бумажники относят к категории «впитывающая»²⁴. В сокращенной форме он фигурирует в ряде славянских языков, например украинское бібула, старобелорусское бибула²⁵, польское bibuła. Автор книги подробно характеризует ее (с. 15, 29, 36, 52, 57 перевода) как бумагу плохого качества, впитывающую влагу, употреблявшуюся в Литве для технических и других целей и, как правило, не имевшую водяных знаков.

Если в исторической литературе наблюдался терминологический разрыв в вопросах производства бумаги, использовались словари для специалистов бумажной и деревообрабатывающей промышленности. В них дается и характеристика того или иного вида, сорта, формата современной бумаги²⁶, отчасти помогающая восстановить ее прошлое. Большую помощь относительно старых названий иностранной бумаги

²¹ ПСРЛ. СПб., 1843, т. 2, с. 346.

²² Фляте Д. М. Свойства бумаги. М., 1970, с. 9.

²³ См. об этом: Лауцявичюс Э. Указ. соч., с. 37, 38 и др.

²⁴ См.: Słownik papierniczy w czterech językach: polski, niemiecki, angielski, rosyjski. Warszawa, 1966, s. 20, 21.

²⁵ Бибула — «тонкая абсорбционная папера» (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978, т. 1, с. 348; Булыка А. М. Даўнія запазычаны беларускай мовы. Мінск, 1974, с. 42).

²⁶ Башкиров И. А., Рубинштейн Р. П. Французско-русский лесотехнический словарь. М., 1967; Беркман Е. М., Вишневский С. М., Иоффе Л. О. Указ. соч.; Лесотехнический русско-англо-немецко-французский словарь (по бумаге и лесу). М., 1964; Немецко-русский словарь по целлюлозно-бумажному и гидролизному производству. М., 1968; Aiškinamasis medienos apdirbimo terminų žodynas. Vilnius, 1971.

оказал справочник Е. Лабарра²⁷. В русской литературе они обычно сохраняются в написании оригинала, как и многие названия типов водяных знаков, а принятые в международной номенклатуре — в английском написании.

Названия денег в нашем переводе, как правило, транскрибированы²⁸. Исключение составляет название «áukšinas»²⁹, которое переведено через польское «злотый» (с указанием русской транскрипции литовской формы «áукшинас» и ее номинала — примеч. на с. 58), т. е. так, как оно фигурировало в источниках и понятно русскому исследователю.

Употребляемые автором единицы счета бумаги — не литовского происхождения, а заимствования — заменены терминами, принятыми в русской литературе, поскольку их содержание совпадает и Лауцявичюс использует их не только как исторические реалии определенного региона, а применительно к бумаге разных стран и времен:

Лит. *libra* — десть=24–25 листам,

лит. *gėza* — стопа=20 дестям,

лит. *bėla* — кипа=100 стопам.

Эти термины фигурируют в документах на старобелорусском, белорусском, украинском языках вплоть до второй половины XIX в., когда они были заменены русскими названиями. Как известно, происхождение этих терминов более древнее, что отмечали еще Н. П. Лихачев и другие известные палеографы, а для Украины описал О. Я. Мацюк³⁰. Они используются в разных языках: *libra* — лат. (фунт), пол. *libra*, укр. *лібра*, белорус. *либра*; *gėza* — араб. *gizma*, ит. *gisma*, нем. *Ries*, пол. *guza*, укр. *риза*; *bėla* — нем. *Vallen*, анги. *bale*, пол. *bela*, укр. *беля*. В документах Великого княжества Литовского они появились, очевидно, через Польшу, как и само название бумаги «паперъ», «поперъ» в старых западнорусских памятниках, на что указывал еще Е. Ф. Карский³¹.

В силу комплексного характера и филиграноведческого профиля работа Лауцявичюса насыщена именами и фамилиями, географическими названиями. Трудности усугублялись в связи с разной графической основой оригинала (латиница) и перевода (русская графика). В советских и зарубежных филиграноведческих справочниках нет единообразия в употреблении вариантов этих элементов. Имеет место и различный подход к их передаче. Имена собственные относятся к категории непереводимого в переводе, кроме ряда исключений. В данной работе почти все они даны в транскрипции. Исключение составляют прозвища (Николай Черный Радзивилл, Сигизмунд *Старый*) и географические названия, старый перевод которых в русской форме уже существовал, например Лукштадварис (Высокий двор), Науейи Веркяй (Новые Верки), Ужупис (Заречье).

Специфические сложности передачи имен и фамилий лиц из Великого княжества Литовского определяются как особенностями истории этого многонационального образования, в котором литовцы не составляли большинства, так и особенностями становления литовских фамилий. Рассматриваемый Лауцявичюсом период совпадает со временем формирования фамилий в Литве. Как пишет литовский языковед А. Ванагас,

²⁷ *Labarre E. J. Dictionary and Encyclopaedia of paper and paper-making with equivalents of the technical terms in french, german, dutch, italian, spanish & swedish. Amsterdam, 1952; Loeber E. G. Supplement to E. J. Labarre... Amsterdam, 1967.*

²⁸ Наиболее полно рассмотрен вопрос о передаче реалий в кн.: *Влазов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.*

²⁹ Ср. в «Литовском словаре» А. Юшкевича (СПб., 1897, вып. 1, с. 176): «*Áukšinas*, пятиалтынный (15 коп.); *zloty*».

³⁰ *Мацюк О. Я. Папір та філіграні на Українських землях (XVI — початок XX ст.). Київ, 1974, с. 17.* Это особо отмечено в рецензии З. В. Участкиной (Бумажная промышленность, 1974, № 11, с. 28).

³¹ *Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 96.* Об этом см.: *Булыка А. М. Указ. соч., с. 189, 236.*

«естественный процесс развития литовской антропонимии был прерван и коренным образом изменен с введением христианства в Литве в конце XIV — начале XV в.», христианские имена «стали основной формирующей литовских фамилий»³². Далее процесс развивался таким образом, что увеличивалась генетическая пестрота фамилий. В результате «фамилии, заимствованные из славянских языков, и фамилии, образованные от заимствованных из славянских языков (или пришедших через славянские языки) антропонимов, составляют около 60% всех современных литовских фамилий. Поэтому ключом к объяснению происхождения литовских фамилий является славянская антропонимия»³³.

К сложности становления литовских фамилий добавлялись особенности их оформления в делопроизводстве, в котором за прошедшие века сменилось несколько языков. В Литовском статуте 1588 г. было установлено, что земский писарь должен писать по-русски и русскими буквами. З. Зинкявичюс отмечает в своем исследовании «Литовская антропонимика. Личные имена литовцев Вильнюса в начале XVII в.», что «в Московском княжестве этот язык называли „литовским“, трактовали как иностранный, не всё в нем понимали и переводили с него на свой язык»³⁴. Далее он объясняет, что по происхождению канцелярский язык — это старый церковнославянский язык, испытавший влияние формирувавшихся украинского и особенно белорусского языков, вобравших слова литовского языка (ныне их установлено около 500). Постепенно он вытеснялся польским языком и в конце XVII в. был отменен официально. Литовские и другие фамилии записывались по-разному, получали польские окончания или даже переводились на польский язык.

В своей работе переводчик опирался на принцип транскрибирования, применяемый в советской исторической литературе. Имена и фамилии передаются на фонетической основе, наиболее близкой к произношению на национальном языке³⁵. Особую сложность представляли имена и фамилии, в отношении которых трудно было установить национальную принадлежность (литовец, белорус, русский, поляк). От этого зависит и написание имени, или, по выражению А. Кундзича, как бы его «национальной костюм»³⁶. Поскольку в литовском языке иноязычные имена и фамилии получают литовские окончания (а иногда изменяется и основа), то переводчика подстерегает двойная опасность: русификации иноязычных, в том числе литовских, имен и фамилий и литуанизации славянских. Против этого предостерегал в упомянутой работе А. А. Реформатский, отмечая чешско-русские, русско-латышские и русско-литовские переводные трудности.

Правильно решить проблему могут (и решают) лингвисты совместно с историками. Частично, в отношении имен и фамилий известных деятелей или представителей знатных родов, она решается на основе традиции. Существенные данные можно извлечь из РБС и других справочных изданий.

В русской исторической литературе, в том числе в работах по западным регионам, имена и фамилии употребляются, как правило, в одной

³² Ванягас А. Принципы и структура словаря современных литовских фамилий.— В кн.: Ономастика и норма. М., 1976, с. 72—73.

³³ Там же, с. 77.

³⁴ Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVIII a pradzioje. Vilnius, 1977, p. 14. Автор перечисляет определения этого языка в научной литературе: «западнорусский», «старобелорусский», «литовско-русский», «славянский канцелярский язык Великого княжества Литовского» и др.

³⁵ Инструкция по русскому транскрибированию литовских имен собственных. Вильнюс, 1962. Этимологический словарь литовских имен дан в книге «Vardai ir žodžiai» — «Слова и названия» (Vilnius, 1971, p. 42—157), фамилий — в книге «Žodžiai ir žmonės» — «Слова и люди» (Vilnius, 1974, p. 78—152). Но двуязычного словаря нет.

³⁶ Ценные рассуждения по этому вопросу см.: Реформатский А. А. Перевод или транскрипция.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 326—329.

из форм, ставшей традиционной, встречающейся в источниках соответствующего периода. При этом учитываются нормы современного правописания, например Гедимин, Витовт, Витень, Тройден и др. Ценные сводки вариантов написания имен и фамилий лиц интересующего нас региона содержат именные указатели к ПСРЛ, особенно к т. 32 и 35. Часть имен и фамилий (например, в летописи «Миколай Радзивил», «Жикгимонт» и др.) приобрели в научной литературе отличную от источника форму употребления («Николай Радзивилл», «Сигизмунд»). В этой форме они вошли и в СИЭ, ставшую своеобразным эталоном для историков³⁷.

В «Истории Литовской ССР» при первом упоминании лиц в тексте и указателе в скобках дано и литовское написание имени и фамилии. Насколько сложен рассматриваемый вопрос, свидетельствуют слова С. А. Лазутки: «Явно литовские фамилии пишутся по транскрипции литовского языка»³⁸. А не явно литовские как?

Таким образом, переводчику приходится учитывать, кроме оригинальной транскрипции, и традиции употребления известных имен в русской исторической литературе. Поэтому наилучшим вариантом является тот, когда даны две формы: 1) русская транскрипция современного литовского написания или утвердившееся в русской литературе традиционное написание, 2) транскрипция оригинала. Например, в переводе фигурирует известная княжеская фамилия Радзивилл, как она вошла в русскую литературу, очевидно, под влиянием польской (Radziwiłł)³⁹. Рядом указана ее современная литовская форма Радвила (Radvila).

Особо рассмотрим передачу женских фамилий. Лауцвявичюс согласно литовской языковой норме дал их с соответствующими окончаниями. В русской исторической литературе существует традиция написания старинных литовских и польских девичьих и женских имен в сочетании с фамилией отца или мужа, без изменения окончаний. Согласно этой традиции и учитывая вышеперечисленные сложности установления национальной принадлежности, мы сохраняли литовские окончания только в явно литовских фамилиях. Например, в литовском издании книги фамилия бывшей жены Л. Мамонича (в девичестве Вайнайте), вышедшей замуж за М. Гедройца, выглядит так: Vainaitė-Mamoničienė-Giedraitienė, в переводе — Вайнайте-Мамонич-Гедройц, если указаны ее родственные связи. Когда таких прямых сведений нет, то целесообразно перевести «дочь» или «жена» такого-то.

Сложнее с передачей имен и фамилий лиц, мало или совсем неизвестных в истории. Хорошо, если их можно сверить по архивным документам, отыскать в солидных публикациях, авторитетных изданиях. Например, в литовском тексте книги назван вильнюсский бумажный мастер Matas Saplickis. Какой «национальный костюм» он должен получить в переводе — литовский, польский, белорусский или русский? При проверке по опубликованному документу⁴⁰ им оказался «Матвей Теплицкий». Так и дано в переводе. Но не всегда могут помочь и документы, возможны ошибки или неточная передача текста при публикации. А при наличии документов, написанных на разных языках, передающих

³⁷ В предисловии к академической «Истории Литовской ССР» (Вильнюс, 1978, с. 6), впервые вышедшей на русском языке, отмечено: «Формы имен и фамилий приводятся главным образом по данным „Советской исторической энциклопедии“».

³⁸ Лазутка С. А. I Литовский статут: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Вильнюс, 1974, с. 26, прим.

³⁹ З. Зинкявичюс отмечает подобный вариант этой фамилии, встречающейся у дзук — юго-восточных литовцев, которые вместо «d» произносят «dz» — «Radziwił» (Zinkevičius Z. Op. cit., p. 187). Аналогично у белорусов — «Радзівіл». В русской литературе фигурируют обе формы — с одним и двумя «л» в окончании. По-разному адаптировались и иноязычные имена, например Christoph, Krzysztof — Криштоф, Кшиштоф.

⁴⁰ Акты Московского государства. СПб., 1894, т. 2, док. № 815.

одну и ту же фамилию в разных транскрипциях, трудно решить вопрос, какой из них отдать предпочтение в переводе.

Не случайно С. А. Клепиков, особенно в ранних работах, часто давал иноязычные фамилии только на языке оригинала, что, конечно, исключает ошибки, возникающие при их передаче. Но при современном уровне развития лингвистики и международных связей нужно стремиться передавать иноязычные фамилии в русской транскрипции. Эта проблема особенно актуальна при переводе на русский язык литературы с латинской графикой. Для латинопишущих народов она решается просто в написании, но сохраняются трудности фонетические.

В связи с отсутствием в литовском языке двойных согласных осложняется вопрос передачи фамилий (как и географических названий), в частности польских и немецких. Не всегда можно сверить их написание по документам. В литературе встречаются орфографические изменения фамилий одних и тех же лиц. Написание такого рода фамилий западноевропейских бумажных мастеров и владельцев мельниц проверялось по зарубежным филологическим справочникам.

Относительно разнобоя их передачи в литературе интересны исследования лингвиста Л. П. Калакуцкой. Сравнив употребление ряда иноязычных фамилий с двойными согласными по нескольким русским энциклопедиям и словарям XIX—XX вв., она констатировала: двойные согласные, находящиеся между гласными, передаются последовательно, а на конце слова и рядом с согласной — нет. Особенно большая путаница существует в передаче немецких фамилий, оканчивающихся на -mann. Отметим, что ныне усиливается тенденция «передавать двойные согласные языка-источника двойными же согласными в русском языке»⁴¹, Калакуцкая поддерживает ее, аргументируя это прежде всего необходимостью избегать омонимии в сходных именах (с одной и двумя согласными).

В нашем случае известная фамилия Волович (Wolowicz) фигурирует в такой форме в документах (в тексте и водяных знаках), в русской исторической и справочной литературе (как и в литовской, поскольку в литовском языке нет двойных согласных). В современной польской исторической, в том числе и филологической, литературе эта фамилия передается иначе — «Wolłowicz»; так и в нашем переводе. То же происходит с немецкими фамилиями, например «Hegman» — «Hegmann». На наш взгляд, подобные фамилии следует передавать в тексте и в списке имен и фамилий, имеющих в водяном знаке, так, как принято в русской литературе, т. е. по первоисточнику. В именном же указателе давать еще и современную форму (как это имеет место в ПСРЛ), при необходимости и на языке оригинала⁴².

Отметим в связи с этим, что наряду с текстом документа водяной знак с литерным сопровождением выступает как исторический источник по вопросу языка, и в частности формы фамилий. Однако воспроизведение последних в водяных знаках также неоднозначно из-за отсутствия унификации в написании имен и фамилий, либо выполнения проволочного изображения иностранным мастером, либо в связи с изнашиванием форм, в результате чего искажались или выпадали буквы.

Таким образом, при передаче имен и фамилий переводчику приходится учитывать: лингвистическую сторону (нормы практической транскрипции с максимальным приближением к произношению на языке оригина-

⁴¹ Калакуцкая Л. П. Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, с. 103.

⁴² То же можно сказать и относительно географических названий, особенно в таких случаях, когда на водяных знаках названия местности, например в Латвии, как правило, давались на немецком языке (Енш Г. А. Водяные знаки латвийских бумажных предприятий как исторический источник. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 134).

ла); исторически конкретные биографические данные (генеалогия рода), отраженные в источниках, а также в исследованиях, которые могут заставить отклониться от вышеназванных норм⁴³, традиции закрепления определенного имени или фамилии в русской исторической и иностранной литературе.

С передачей топонимов дело обстоит намного лучше, так как существует больше словарей, справочников, списков географических названий, не говоря уже о картах и атласах с инструкциями по передаче современных наименований и их традиционных отклонений.

Тем не менее в употреблении топонимов имеются свои сложности. Как отмечается в предисловии к сборнику статей «Ономастика и норма», «стандартизация географических названий в национальных и межнациональных аспектах является частным вопросом общей, практически неизученной проблемы — отношения ономастики к норме. Понятие нормы в лингвистике не имеет достаточно четкого научного определения и употребляется в разных значениях. Оно включает в себя норму литературного языка, норму грамматическую, норму употребительности и другие нормы»⁴⁴. В процессе перевода определенные трудности возникли при передаче географических названий с точки зрения нормы их употребления. В литовском издании книги в этом отношении нет унификации: названия населенных пунктов Великого княжества Литовского даны в современном литовском написании, названия польских, чешских, моравских городов — по-старому, остальные — в традиционной⁴⁵ форме.

Нет единообразия в этом вопросе и в филиграноведческой литературе. В дореволюционной русской литературе такого рода употреблялись, как правило, только старые формы географических названий, которые отражены и в водяных знаках (на своем национальном или другом языке, часто по-латыни). В современных филиграноведческих справочниках — по-разному. В польских, например, как правило, дается только современная национальная транскрипция. В работах, выпускаемых вышеупомянутым обществом в Голландии (в том числе и в переиздаваемых справочниках), заметна тенденция давать и обе формы географических наименований (в тексте старые, в указателе современные (ведущие) и старые в скобках), что отражает процесс развития филиграноведения и растущую потребность в международных контактах в этой области.

В советской русской исторической литературе географические названия даются в той форме, в какой они официально употреблялись в источниках исследуемого периода.

Хронологические рамки книги Лауцявичюса — XV — первая половина XIX в., следовательно, предпочтительнее были бы старые названия. Однако за столь длительный период они как по существу, так и по форме написания изменялись; кроме того, при переводе с национального языка необходимо отразить его особенности. Поэтому решено было дать оба наименования — старое и новое. Причем сохранена такая особенность — города и населенные пункты бывшего Великого княжества Литовского даны в их современном написании, но в русской транскрипции, затем идет прежнее русское название и современная литовская (или иная)

⁴³ Как отмечал Реформатский, «при написании имен собственных многое зависит от регионального и индивидуального, что зависит и от ареалов, и от традиций, и даже от описок паспортистов и картографов» (*Реформатский А. А. Орфография собственных имен.* — В кн.: Орфография собственных имен, с. 8).

⁴⁴ Ономастика и норма. М., 1976, с. 3—4.

⁴⁵ Традиционные названия имеются в географической номенклатуре всех стран. По определению И. М. Литвина, это «названия объектов зарубежных стран, русская форма которых отличается от их национальной формы в нормализованной русской передаче, а также названия международных объектов, не имеющие национальной формы или имеющие несколько национальных форм на разных языках» (*Литвин И. М. О так называемых «традиционных» названиях.* — В кн.: Ономастика и норма, с. 246).

транскрипция. Примерно такая же практика установилась и в издании литовской исторической литературы на русском языке, только в ней чаще фигурируют две формы: вначале русская, затем литовская транскрипция современного названия или русская транскрипция современного названия и старое русское название⁴⁶.

Как показывает практика, в переводах исторических работ в именных и географических указателях следует давать и транскрипцию оригинала⁴⁷, что поможет читателю при необходимости сопоставить текст с оригиналом. В филиграноведческих работах это важно и в связи с отображением собственных имен в водяных знаках, в том числе и на национальном языке. Тем более необходимы обе формы (как минимум) в случаях, подобных нашему, когда дан перевод текста с латинской графикой.

Большую помощь в подаче географических названий в двух формах оказали современные чешский и польский атласы и «Большой всемирный настольный атлас Маркса» (СПб., 1909). В указателях к ним даны старые и новые названия на тех языках, на которых они употреблялись в разные периоды⁴⁸.

Так как многие города и селения были переименованы или даже сняты с учета, а официальные списки переименований включают лишь крупные пункты, географические названия Белоруссии были уточнены по «Краткому топонимическому словарю» В. А. Жучкевича (Минск, 1974); бывшей Малой Литвы — по изданиям: «Населенные пункты Калининградской области: Краткий справочник» (Калининград, 1976), *Gerullis G. Die altpreussischen Ortsnamen* (Berlin; Leipzig, 1922) и др.

Проблема выбора возникла при работе с группой топонимов Великого княжества Литовского, Силезии и Чехии, где многие населенные пункты в различные эпохи имели разные названия на разных языках. Известный ученый-лингвист А. А. Реформатский, признавая особый интерес этих случаев в переводе исторических текстов, считал это заботой картографов, полагая, что «здесь переводчику делать, собственно говоря, нечего: надо следовать за оригиналом, но точно соотносить название города и хронологию соответствующей эпохи...»⁴⁹. Однако если такого рода случаи переплетаются с рассмотренными им же фактами разных наименований (местного и иноязычного), то переводчику приходится учитывать наряду с историческими национальные моменты (что имело место в нашей работе) и даже политические.

Изложенные наблюдения показывают, что в области перевода филиграноведческой литературы наряду с общими принципами научного исторического перевода имеет место и специфика. Объект перевода относится к ряду сложных видов: а) многовариантности терминов, употребляемых в филиграноведении, что затрудняет решение вопроса о соотношении общепринятых и авторских обозначений; б) многочисленности имен собственных разной национальной и региональной принадлежности;

⁴⁶ История Литовской ССР; Меркис В. Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969. Во введении (с. 14—15) Меркис следующим образом определил принцип передачи географических названий: «...названия населенных мест и рек приводятся так, как они произносились местным населением и употреблялись в литературе на литовском языке. Исключение составляют только наименования Виленской и Ковенской губерний, а также реки Неман. Они отклоняются от народных названий (следовало бы: Вильнюсская и Каунасская, Нямунас), но именно в такой транскрипции они широко вошли в русскую литературу».

⁴⁷ Ценные методические указания см.: Призмент Э. Л., Динерштейн Е. А. Вспомогательные указатели к научной книге: Теория, методика их составления, редактирование. М., 1975.

⁴⁸ Полезными пособиями являются также дореволюционные географические словари (Кауфман И. М. Географические словари: Библиография. М., 1964, раздел «Словари славянских земель»).

⁴⁹ Реформатский А. А. Перевод или транскрипция, с. 317.

в) комплексного характера исследования, требующего знаний из ряда смежных областей.

Остановившись на лингвистической стороне, которая является общей для различных видов перевода, мы отметили ее особенности для пары языков литовский — русский в научном переводе такого рода. Это представляется целесообразным не только по причине «живучести» самих проблем, но и потому, что в переводческой литературе они чаще рассматриваются на материале художественных и научно-технических текстов, но редко — научно-исторических.

Другая группа вопросов, касающаяся передачи терминологии, неоднозначно употребляемой разными авторами, требует внимательного изучения, постоянного обмена мнениями⁵⁰. Следует еще раз подчеркнуть актуальность издания двуязычных словарей имен и фамилий. Назрела необходимость подготовки и филиграноведческого словаря на русском языке.

---

⁵⁰ В «Ежегоднике истории Литвы. Год 1979» (Вильнюс, 1981, на лит. яз.) впервые введён раздел «Историческая терминология» (к сожалению, он не имеет русского резюме). В нём излагаются итоги обсуждения вопроса о названиях сословий и дана историографическая статья Л. Мулявичюса по проблеме. Можно только приветствовать это ценное начинание и пожелать его распространения.

**ОПИСАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
ВОСТОЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
В ИНСТИТУТЕ РУКОПИСЕЙ АН ГССР¹**

В Институте рукописей АН Грузинской ССР наряду с грузинскими манускриптами, датируемыми V—XIX вв., находится солидный фонд письменных памятников мусульманского Востока. В хранилище насчитывается 1500 арабских, около 800 персидских и 250 тюркских рукописей; свыше 1200 арабских, персидских, азербайджанских и турецких документов самого разного формуляра.

Хронологически восточные манускрипты относятся к XIV—XX вв., лишь одна арабоязычная рукопись (Аг L 159) — Комментарий к Корану — датирована 1295 г., позднейшие рукописи — 20-ми годами нашего века. Много рукописей переписано еще при жизни авторов или в скором времени после смерти составителей, но большая часть рукописей относится к XVII—XVIII вв.

Бросается в глаза тематическое разнообразие памятников: в них представлены поэзия, художественная проза, история, философия, грамматика, лексикология, догматика, риторика, логика, мусульманское право, коран и его толкования, медицина, астрономия, астрология, математика, эпистолярное наследие, муншааты, есть рукописи биографического характера, административно-статистического содержания. Среди арабских рукописей превалирует учебно-схоластическая литература.

В собрании встречаются наиболее известные и распространенные сочинения, заслуживающие внимание как древностью списков, так и текстологическими данными, например «Ал-Канун фи-л-тибб» (Аг К 9) Ибн Сины; «Ал-Лавами фи-т-тибб» (Аг К 14) Ибн'Али Асгара ат-Табиба ал-Лабива; переработка геометрии Евклида (Аг L 281/VI) Насир ад-Дина ат-Туси; грамматическое сочинение «Ал-Кафийа» (Аг L 91, список 1549 г.) Ибн-ал-Хаджиба; «Ал-Максуд» (Аг L 190, XVII в.) Абу Ханифы; комментарии Ахмада ибн Мухаммада абу Бакра ибн Мухаммада ал-Казире «Вафийа фи шарх аш-Шафийа» к «Шафийи» Ибн-ал-Хаджиба (Аг L 153); персидско-турецкий словарь ал-Халима «Бахр ал-гара'иб» (Тур К 18, список 1483 г.); прекрасный список «Хамсе» Низами (РАС 458, список 1428 г.); «Бустан» Саади (РК 65, список 1579 г.); «Силсилат аз-захаб» (РАС 570, XVI в.) Джамии; «Диван» Хафиза (РАС 351, список 1461 г.); «Месневи» Руми (РАС 420, список 1432 г.); «Диван» Фузули (Тур L 22), объединен в одном томе с «Диваном» Навои (переписан в 1577 г.); есть также древние списки «Хадикат-ас-Су'ада» (Тур L 47, 1583 г.; Тур L 9, 1586 г.; Тур К 6, 1596 г.); «Муншаат» Навои (Тур К 35, переписан в 1519 г.); «Фархад ва Ширин» Навои (Тур К 36, список 1596 г.) и др.

Некоторые списки с искусно выполненными унванами и миниатюрами являются подлинными образцами восточного книжного искусства (РАС 260, 263 748; Аг L 13, 19, 142, 149, 159 и другие), они в основном персидского происхождения.

Локализовать восточные рукописи по скрипториям не всегда удается. Они переписаны в разных местах — в Ширазе, Исфахане, Тебризе, Тегеране, Кербеле, Кабуле, Урмии, Салмесе, Эрзеруме, Артвине, Олтисе,

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный 11 октября 1977 г. на состоявшемся в Баку Всесоюзном совещании «Принципы научного описания археографических памятников народов Востока».

Бидлисе, Карсе, Трабизоне, Стамбуле. Единичные списки переписаны в Нухе, Дербенте, Тбилиси, Ереване, Гяндже. Как правило, в тюркских манускриптах Института рукописей место переписки не указано.

В хранилище рукописи поступали в разное время, разными путями, что и послужило критерием для выделения коллекций — Каджарской (К), Местной (L) и Среднеазиатской (АС). Рукописи коллекции К в 20-х годах нашего века были переданы Государственному музею Грузии. В местную коллекцию входят рукописи, приобретенные в разное время от частных лиц Обществом распространения грамотности среди грузинского населения (80-е годы XIX в.), университетом, Институтом кавказоведения (позже Институтом истории Грузии). Как явствует из вакуфных записей, большая часть этих рукописей привезена из Турции, а именно из Артвина, Эрзерума и Карса. К этой же коллекции относятся рукописи дагестанского происхождения, в основном арабские (около 300 единиц). Местная коллекция — единственная растущая коллекция, сюда и сейчас поступают рукописи, правда все реже и реже.

Рукописи коллекции АС приобретены в Средней Азии акад. Г. В. Церетели и С. Э. Чхенкели в 1935 г. во время их поездки в Бухару и Самарканд. Все эти манускрипты были собраны в Государственном музее Грузии в отделе рукописей, на базе которого в 1958 г. был создан Институт рукописей АН ГССР.

Основной задачей востоковедов Института рукописей является каталогизация арабских, персидских и тюркских манускриптов и документов. Ознакомление с арабскими и тюркскими рукописями и их каталогизацию пришлось начать одновременно. Они лежали в неразобранном виде, для них была составлена элементарная инвентарная книга, которую нельзя было принять даже за учетный список. Для персидских же существовало первичное описание, составленное В. С. Пугуридзе. Естественно, в таком положении не приходится говорить о наличии картотек.

Систематическое описание восточных рукописных книг ведется у нас с 1960 г. В 1969 г. вышел каталог арабских, персидских и тюркских рукописей Каджарской коллекции².

В 1977 г. отдельно издан каталог персидских рукописей среднеазиатской коллекции³ (317 ед.), в 1978 г. — первый выпуск каталога арабских рукописей местной коллекции, где представлены 366 рукописей, содержащих 600 сочинений⁴.

Описание ведется по общей схеме, выработанной Г. В. Церетели, С. С. Джикия и В. С. Пугуридзе специально для восточных рукописей с учетом методов описания грузинских манускриптов, каталогизация которых начата в конце XIX в. (издано более 30 т.).

В начале дается порядковый номер описания и инвентарный номер рукописи. В каталогах, где описания рукописей не распределены по тематическому принципу, шифр книги и номер описания совпадает, там же, где дана тематическая рубрика, в скобках указывается отрасль литературы или знания, к которой относится данное произведение; для тюркских рукописей назван и язык манускрипта. Затем следует внешнее описание, которое частично содержит выводы кодикологического наблюдения: объем и размеры книги и текста, число и размеры листов, число строк на странице, бумага, чернила, почерк, сохранность, пагинация (указывается и наличие кустодов), дата и место переписки, имя переписчика и владельца книги.

Далее следуют разделы «Название» и «Автор», где заглавие сочине-

² Каталог арабских, тюркских и персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (коллекция К) / Сост. Ц. А. Абуладзе, Р. В. Гварамия, М. Г. Мамадшвили; Предисл. Г. В. Церетели. Тбилиси, 1969. На груз. яз.

³ Каталог персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (коллекция АС) / Сост. М. Г. Мамадшвили. Тбилиси, 1977. На груз. яз.

⁴ Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (Коллекция L, вып. 1) / Сост. Р. В. Гварамия, Л. И. Мамулия, Н. Г. Канчавели. Тбилиси, 1978. На груз. яз.

ния и имя автора или переводчика (если произведение переводное) даны на языке оригинала без перевода и транслитерации. При наличии комментариев или глосс указываются сочинения, к которым они относятся. Имя автора и название сочинения приводятся в квадратных скобках, когда они установлены составителями каталога по литературе. Если рукопись дефектная или фрагментарного характера и не удается определить заглавие, указывается только отрасль знания, затем приводится начало текста без «басмаллы», включая текст после «'Амма ба'д» и конец произведения.

В конце описания приводится библиография, где указана в основном обязательная справочная литература: каталоги восточных рукописей ЛО ИВАН⁵, Каталог восточных рукописей Института востоковедения АН Узбекской ССР⁶, каталоги Г. Флюгеля⁷, В. Перча⁸, Ч. Рье⁹, для арабских рукописей — каталоги В. Альвадта¹⁰ и К. Брокельмана¹¹, для персидских рукописей библиографический обзор по персидской литературе¹² и др.

В каталогах тбилисских рукописей сведения об авторе и памятнике не даются, поскольку их можно найти в перечисленной литературе.

На данном этапе описания опускаются также разделы «Аннотация» и «Список», не фиксируются текстуальные и редакционные особенности памятника. Только в том случае, когда рукопись не упоминается в доступных каталогах и справочниках, дается краткая характеристика тбилисского списка и содержание текста: также не публикуются тексты колофонов и приписок, хотя из них взяты сведения о дате, месте переписки, именах переписчика и владельца.

Рукописи из упомянутых каталогов по предметному принципу расположены в каталоге арабских рукописей местной коллекции, следовательно, к нему и прилагается указатель сборников, где приводится общее число листов сборника, выделяются его отдельные составные части с указанием соответствующих страниц порядкового номера описания и разделов, к которым они относятся, далее отсылка на внешнее описание. Таким образом, создается общее впечатление о сборнике в целом.

Примерно также представлены и конволюты. Если манускрипт разноязычен, отдельные произведения соответственно описываются в каталогах персидских, арабских и тюркских рукописей.

⁵ Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР / Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая. М., 1964; *Бавский С. И.* Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. М., 1962—1968. Вып. 4, 5; *Беляев В. И.* Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР. Л., 1932; *Дмитриева Л. В., Мушинов А. М., Муратов С. П.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. М., 1965. Т. 1. История; Т. 2. История, акты, библиография, энциклопедия, география, календари. М., 1975; *Крачковский П. Ю.* Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской академии наук с кавказского фронта. — В кн.: Крачковский П. Ю. Избр. соч. М.; Л., 1960, т. 6; *Розенфельд Б. А.* Арабские и персидские физико-математические рукописи в библиотеках Советского Союза: Физико-математические науки в странах Востока. М., 1966. Вып. 1/4; *Халидов А. Б.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии. М., 1960. Вып. 1. Художественная проза.

⁶ Собрание восточных рукописей Ин-та востоковедения АН УзССР / Под ред. и при участии А. А. Семенова. Ташкент, 1952—1967. Т. 1—8.

⁷ *Flügel G.* Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der kaiserlich-königlichen Hofbibliothek zu Wien. Wien, 1865—1867. Bd. 1—3.

⁸ *Pertsch W.* Verzeichniss der persischen Handschriften. B., 1888; *Idem.* Verzeichniss der türkischen Handschriften. B., 1889; *Idem.* Die arabischen Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Gotha, 1878—1892. Bd. 1—5.

⁹ *Rieu Ch.* Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum. L., 1879—1883. V. 1—4; Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum. L., 1888.

¹⁰ *Ahlwardt W.* Verzeichniss der arabischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin. B., 1887—1899. Bd. 1—10.

¹¹ *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Literatur. Weimar; Berlin, 1898—1902. Bd. 1, 2; Supplementbände. Leiden, 1937—1942. Bd. 1—3.

¹² *Storey Ch. A.* Persian Literature: A Bio-Bibliographical Survey. L., 1927—1958; *Сторы Ч. А.* Персидская литература: Библиографический обзор. М., 1972. Т. 1—3.

Основной целью при описании восточных манускриптов является учет, выявление и введение в научный оборот письменных памятников Востока. Поэтому каталоги составлены так, что они доступны и для специалистов, не знающих грузинского языка. Основные сведения — отрасль, название памятника, имена автора и переписчика даются на языке оригинала без перевода и транслитерации. Фактически специалистам, не владеющим грузинским языком, не доступна только некоторая часть внешнего описания: число строк, качество и происхождение бумаги, переплет, почерк и чернила.

В восточном фонде Института рукописей АН ГССР наряду с рукописями мусульманского Востока хранятся еврейские¹³, эфиопские, сирийские и монгольские рукописи, содержащие в основном памятники духовной литературы: Библия (рукопись, X в.)¹⁴, Книга Эсфири (XVI в.), Книга псалмов (XVIII в.), Свиток Торы, Свиток Песни песней, Экклезиаст, молитвенники на сирийском языке (XVII—XVIII вв.), арабоязычный литургический сборник, транскрибированный сирийскими буквами и др.

Как уже отмечалось, в Институте рукописей хранятся также персидские, турецкие и арабоязычные документы общим числом 1200 (их гораздо больше в ЦГИА ГССР). Значительную часть из них составляют фирманы, указы и бераты иранских шахов и османских султанов на имя грузинских феодалов, армянских меликов, дагестанских бегов о пожаловании и утверждении имений — тиулов и зиметов, почетных облачений, о назначении жалований и пенсий, о взаимоотношениях иранских шахов и османских султанов с дагестанскими владетелями. Здесь же находятся распоряжения грузинских царей и представителей русской военной власти в Закавказье, документы о порядке пользования водой для орошения, судебные решения (хюджеты), прошения (арзухалы), обращения к народам Кавказа, торговые расписки и др.

Тут хранятся документы, относящиеся к периоду осmano-персидской войны и оккупации османами Закавказья в 1724—1736 гг., к русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В фонде хранится около 300 арабоязычных документов дагестанского происхождения, часть из них отражает движение дагестанских горцев под руководством Шамиля, другие рисуют реальную картину быта и жизненного уклада дагестанских народов.

Документы эти весьма важны для исследования вопросов османской военно-ленной системы и форм феодального землевладения Ирана, для политической, экономической и социальной истории Грузии и сопредельных с ней стран. Они имеют важное значение и для изучения вопросов персидской и османской палеографии и дипломатики, на что специально обратил внимание Л. Фекеге¹⁵. Хронологически документы относятся к XVI—XX вв., самый ранний — фирман шаха Тахмаспа I — датирован 1533 г., а самый поздний документ — 1920 г. Все они являются подлинниками.

Коллекции турецко-азербайджанских и персидских исторических документов образовались в основном: 1) из фондов бывшего музея Грузинского общества истории и этнографии, 2) из документов, ранее хранившихся в архивах и делах кавказских административных и сословных учреждений. Ряд документов приобретен у частных лиц. Все они каталогизированы полностью: персидские — В. С. Путуридзе, турецкие и азербайджанские — акад. С. С. Джикия, Ц. А. Абуладзе, а арабские — Н. Г. Канчавели.

¹³ Краткий список еврейских манускриптов составил В. В. Лебедев (хранится в Институте рукописей АН ГССР).

¹⁴ *Cereteli G. B.* О Тбилисской рукописи древнееврейского Пятикнижия. — Восточная филология, Тбилиси, 1969, т. 1.

¹⁵ *Fekete L.* Arbeiten der grusinischen Orientalistik auf dem Gebiete der türkischen und persischen Paleographie und die Frage der Formel sözü müz. — In: Acta Orientalia Hungarica. Вр., 1957, т. 7, Fasc. 1.

Каталоги документов составлены по общей схеме: 1) номер описания и номер инвентарный, 2) вид документа (фирман, берат, хюджет, арзу-хал, хокм и другие, тут же дается краткое содержание документа), 3) адресант, 4) адресат, 5) дата, 6) почерк, 7) подпись, 8) украшения, 9) печати, 10) бумага, 11) размер, 12) заметки.

В отличие от каталогов рукописных книг все данные к описанию документов даются на грузинском языке, что затрудняет пользование каталогами специалистами, не владеющим грузинским языком. Издание этих каталогов пока не намечается, хотя интерес историков к ним довольно велик, но документы с грузинским переводом и комментариями издаются регулярно.

Хокмы и фирманы кавказского региона впервые были опубликованы в «Актах», изданных Кавказской археографической комиссией. Примечательно, что все эти документы прочитаны и переведены на русский язык Мирза Фетали Ахундовым.

Систематическая научная обработка и публикация упомянутого материала начаты лишь в 30-х годах нашего века. В 1936 г. вышла книга «Передняя Азия в документах», кн. 1. Нахичеванские рукописные документы XVII—XIX вв. (перевод и комментарии К. И. Смирнова и Дж. Гаибова, под редакцией Ю. Н. Марра).

В 1949 г. М. Хубуа издал сборник «Персидские фирманы и указы Музея Грузии».

В. С. Путуридзе опубликовал объемистый том грузинско-персидских двуязычных документов¹⁶ и четыре сборника персидских указов, из них в трех опубликованы фирманы и хокмы сефевидских шахов¹⁷, а в четвертом — фирманы афшарских шахов Надира и Ибрахима¹⁸.

Систематически изучаются и публикуются арабоязычные документы, отображающие в основном грузино-дагестанские взаимоотношения. Акад. Г. В. Церетели издал письмо Шамиля и написал к нему историко-филологические комментарии¹⁹. Т. С. Маргвелашвили опубликовала письмо хунзахского Омар-хана к Давиду Моурави²⁰. Н. Г. Канчавели изучила арабоязычные документы дагестанского происхождения 40-х годов XIX в. и опубликовала письма Агалара-хана М. З. Аргутинскому-Долгорукому²¹.

Ведется последовательная работа, связанная с публикацией османских исторических документов: акад. С. С. Джикия издал османские фирманы²², буйрулты, хюджаты²³. Особо следует отметить подготовленный ученым четырехтомный труд «Пространный реестр вилайета Гюрджистан» (налоговая книга XVI в. Южной Грузии)²⁴. Памятник является досто-

¹⁶ Грузино-персидские исторические документы / Подгот. текста, пер. и прим. В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1955. На груз. яз.

¹⁷ Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси, 1961. Кн. 1. Вып. 1; 1962, Кн. 1. Вып. 2; 1965. Кн. 1. Вып. 3. На груз. яз.

¹⁸ Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии / Подгот. текста, пер. и предисл. В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1977. Кн. 1. Вып. 4. На груз. яз.

¹⁹ Письмо Шамиля барону Николаи.— Вестн. Музея Грузии, Тбилиси, 1936. Т. 9. Вып. 1. На груз. яз.

²⁰ Из истории отношений Грузии и Дагестана по одному арабоязычному документу из Дагестана.— Тр. Ин-та языкознания. Сер. восточ. яз., Тбилиси, 1957. Т. 2. На груз. яз.

²¹ Несколько писем Агалар-хана М. З. Аргутинскому-Долгорукому.— В кн.: Мравалтави: Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1971. Т. 1. На груз. яз.

²² Турецкий документ XVIII века об Окрос-Циха.— ТТГУ, Тбилиси, 1960, т. 91; Два турецких документа XVIII века.— ТТГУ, Тбилиси, 1962, т. 99; Турецкий документ относительно Цхинвали.— ТТГУ, Тбилиси, 1966, т. 116; Мадевани и Атени в турецких документах.— Восточная филология, Тбилиси, 1972, т. 2.

²³ Османские юридические документы в Картли первой половины XVIII века.— Восточная филология, Тбилиси, 1969, т. 1; Турецкий судебный документ XVIII в.— Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1969 г., Л., 1972; Османские юридические документы.— Восточная филология, Тбилиси, 1976, т. 4. Османские судебные документы XVIII в.— Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 139—143.

²⁴ Пространный реестр вилайета Гюрджистан. Тбилиси, 1941—1958. Кн. 1—4. Акад. Г. В. Церетели, оценивая научные труды акад. С. С. Джикия, отмечал: «Как критическое издание текста (манускрипт написан почерком сяката, всем известным

верным источником для изучения грузино-турецких социально-политических и культурных взаимоотношений, для выяснения важных вопросов исторической географии и топонимики Южной Грузии.

Над султанскими грамотами Института рукописей работает Ц. А. Абуладзе²⁵.

Изданы также нарративные исторические источники: описание города Тбилиси Маджас-Салтане²⁶, «Газкире» шаха Тахмаспа I. В издании учтен и список ГПБ²⁷.

Весьма интересным оказался тбилисский список «Тарих-и Систан»²⁸, данные его учтены в английском переводе памятника²⁹.

Критический текст Хроники Мухаммеда Тахира ал-Карахи (автограф, Ag L 365) к изданию готовит Т. С. Маргвелашвили. Сочинение дагестанского автора Абдаррахмана «Падение Дагестана и Чечни...» опубликовала Н. Г. Канчавели³⁰. Нами опубликованы турецкий текст, его грузинский перевод с комментариями «Канун-наме Арзрумского вилайета» (Tur L 70)³¹ и отрывки из поэмы Ахмеди «Искандер-наме» (Tur K 5, Tur L 53). Л. Г. Члаидзе подготовлена к изданию рукописная версия эпоса «Кер-оглы» (Tur L 240)³².

Исследуя вопросы истории арабской грамматической литературы, Л. И. Мамулия дала разъяснения терминов «нахв», «такдир», «кийас» на основе тбилисских списков арабских грамматических трактатов, опубликовала обзор грамматики Ахмеда Майдани³³ (Ag L 113/IV).

Изучен также тбилисский список арабского перевода «Начал» Евклида³⁴.

Персидско-грузинские литературные связи имеют богатую историю, уходящую в глубь веков. Для установления отдельных фактов этих связей А. А. Гвахария³⁵, М. А. Тодуа, М. Г. Мамацашвили³⁶, Д. И. Кобидзе³⁷ досконально изучены списки нашего фонда «Юсуф ва Зулайха», «Бахрам ва Гуландам», «Балахвар ва Бударсаф», «Шах-наме», «Лайли ва Маджнун» (РАС 483, РК 130, РАС 540, РК 155, PL 238, PL 239, РАС 279, РАС 620 и др.) Выбор памятников для изучения и издания обусловлен историко-литературными интересами грузинских востоковедов.

своей недобочитаемостью), так и грузинский перевод и обширные комментарии выподнены на высоком уровне, достойном удивления и подражания).

²⁵ *Джикия С. С.* Развитие тюркологии в Грузии.— Советская тюркология, 1977, № 6.

²⁶ *Мадж-ас-Салтане.* Описание города Тбилиси / Пер. и коммент. М. Г. Мамацашвили. Тбилиси, 1971. На груз. яз.

²⁷ Беседа шаха Тахмаспа с турецкими послами / Пер., коммент. и предисл. К. Г. Табатадзе. Тбилиси, 1976. На груз. яз.

²⁸ *Гиунашвили Дж. Ш.* Тбилисская рукопись «Тарих-е Систан». Тбилиси, 1974; *Giunashvili Dz.* A Further Note on the Tarikh-i Sistan Manuscripts.— East and West, 1974, vol. 21, N 3/4.

²⁹ The Tarikh-e Sistan. Translated by Milton Gold. Roma, 1976.

³⁰ Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1294 г.— В кн.: Мравалтави: Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1975. Т. 4. На груз. яз.

³¹ *Абуладзе Ц. А.* Канун-наме Арзрумского вилайета 1592 года.— Изв. Ин-та рукописей, Тбилиси, 1961. т. 3. На груз. яз.; *Она же.* Ахмеди о нашествии Аргун-хана в Грузию.— В кн.: Шота Руставели: Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1966. На груз. яз.

³² *Члаидзе Л. Г.* Об одной неизвестной рукописи «Кер-оглы».— ТТГУ, Тбилиси, 1967, т. 121.

³³ *Мамулия Л. И.* «Нахв» у древнеарабских грамматиков.— Восточная филология, Тбилиси, 1973. Т. 3; *Она же.* «Такдир» в арабской грамматической литературе.— Мацне, Тбилиси, 1973, № 1; *Она же.* Тбилисская рукопись грамматики Ахмеда Майдани.— Сообщ. АН ГССР, Тбилиси, 1976, № 3.

³⁴ *Берозашвили Н. Г.* Тбилисский список арабского перевода «Начал» Евклида.— Мацне, Тбилиси, 1977, № 1. На груз. яз.

³⁵ *Гвахария А. А.* Персидские источники грузинских версий «Юсуфа и Зелихи». Тбилиси, 1958; *Он же.* Барамгуландамиани: (Персидские и грузинские версии «Бахрам-о Голандам»).— ТТГУ, Тбилиси, 1967, т. 121. На груз. яз.

³⁶ *Мамацашвили М. Г.* Персидские источники поэмы Теймураза I «Лейлмеджнуннани». Тбилиси, 1967. На груз. яз.

³⁷ *Кобидзе Д. И.* Персидские источники грузинских версий Шах-наме. Тбилиси, 1959. На груз. яз.

С. З. Чернов

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ

(К интеграции методики археологии
и специальных исторических дисциплин)

Издание «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» справедливо считают крупнейшим начинанием современной отечественной археографии¹. Оно как бы вновь открывает нам источник, ставит новые задачи перед исследователями. Акты, за небольшим исключением, относятся к XV в., когда происходил уже передел вотчин, а не их сложение. Поэтому представляется чрезвычайно важным найти пути изучения доактового периода истории вотчин. Один из них состоит в том, чтобы, максимально используя все имеющиеся источники, точно локализовать поселения, известные по актам, а затем обнаружить следы этих поселений археологически². На примере исследования, которое предлагается вниманию читателей, автор ставит своей целью показать, какие результаты может дать этот путь.

В XV в. к юго-востоку от Троице-Сергиева монастыря, у южной границы переяславской волости Кинелы, существовала небольшая обитель, которую называли «Великим Воскресением». Ее история, известная благодаря Судному списку 1485—1490 гг.³, привлекла внимание С. Б. Веселовского, который уделил ей значительное место в разделе своей работы, посвященном мелкому вотчинному землевладению в Северо-Восточной Руси⁴. Проанализировав содержание Судного списка, он пришел к заключению, что «в конце XIV в. Никита Камчатый... поставил в своей вотчине храм Воскресения, принял монашество и священство и стал игуменом в своем „монастыре“ на погосте Воскресенском»⁵. Внук Никиты Иван Алексеев сын Носова «бил челом Григорию Васильевичу служить, и з своею вотчиною»⁶. Григорий Васильевич Заболотский, боярин и дворецкий вел. кн. Василия Темного, принял Ивана Носова в слуги и владел

¹ Черепнин Л. В. Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время.— АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 36—49.

² С. Б. Веселовский считал локализацию поселений, известных по актам, важной задачей. Л. В. Черепнин вспоминал, что во время работы в архиве Троице-Сергиевой лавры С. Б. Веселовский по вечерам ходил по окрестностям, изучая топонимику тех районов, где когда-то были владения монастыря (История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977, с. 40). В те же годы топонимику соседнего Дмитровского уезда изучал М. Н. Тихомиров (Шмидт С. О. Работа М. Н. Тихомирова в 1930-е годы по изучению истории Московского края (новые материалы).— АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 167—172, 300, 301).

³ АСЭИ, М., 1952, т. 1, № 521.

⁴ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.— Изв. Гос. академии истории материальной культуры. М.; Л., 1936, вып. 139, с. 65—100; АСЭИ, т. 1, с. 613, 628, 629; Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, д. 20, л. 15—19. Кроме того, эти материалы были изучены М. И. Смирновым (Тр. Переяславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Переяславль-Залесский, 1928, вып. 6/7) и Ю. Г. Алексеевым (Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966, с. 45—52, 59). В целом состоянии изучения актов Троице-Сергиева монастыря проанализировано в статье: Черкасова М. С. Акты Троице-Сергиева монастыря XIV—XVI вв. как источник по истории его землевладения.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1981, № 4, с. 71—82.

⁵ Веселовский С. Б. Село и деревня..., с. 64.

⁶ АСЭИ, т. 1, № 521.

«Великим Воскресением» «лет с тритцать», а перед смертью (1473 г.) «дал сельцо Алексеевское с Воскресенской церковью (за исключением жеребья Ивана Носова) и своими мелкими прикупами Троицкому монастырю». «Таким образом,— заключает С. Б. Веселовский,— Ив. Носов опять стал свободным человеком, владельцем небольшой части своей родовой вотчины»⁷.

В конце XV в. о земле церкви «Великое Воскресение» возникла тяжба по иску претендовавших на нее Якуша Иванова сына Безсониева и Федко Ларина сына Кривого. Отцы истцов были соседями вотчины Никиты Камчатого и «приходили душею» в его церковь. Это были мелкие вотчинники, которые, судя по показаниям Ивана Носова, «давали... игумену или попу... чего сами не возмогут попахати»⁸. Сами истцы были с вел. кн. Иваном III «на службе в Новгороде в Великом»⁹, но, судя по писцовым книгам, поместий не получили¹⁰. Обосновывая свои права на землю, Иван Носов на суде опирался на показания других своих соседей, которые были свидетелями событий, происшедших за 30 лет до 1473 г.: «А на то у меня, господине, люди добрые суседи: Иван Офонасьев, да Тит Наполской, да Остафей Хахилев, да Василей Офонасьев сын Галина, да Степан Гаврилов»¹¹. Определив по писцовым книгам 1592/93 г. и 1627—1629 гг. размеры запашки деревень, принадлежавших соседям «Великого Воскресенья», С. Б. Веселовский сделал вывод о том, что в XV в. вокруг «Великого Воскресенья» «было несколько гнезд мелких и мельчайших землевладельцев».

Постараемся вначале определить, какие именно поселения принадлежали соседям «Великого Воскресенья». Для этого обратимся к их родословиям. Потомки Ивана и Василия Афанасьевых сыновей Галина хорошо известны по актам¹².

В 1474 г. (при келаре Савве) сын Ивана Афанасьева Ивашка и его двоюродный брат Федко получили от великого князя позволение выкупить у монастыря землю их дяди Василия, которую тот продал при игумене Спиридони (1467—1474 гг.)¹³. Однако при том же келаре Савве, который упомянут в названной грамоте, т. е. около 1474—1475 гг., монастырь купил «у Ивашка у Иванова сына Афонасьева да у Федка у Семенова сына их вотчину землю Афонасьевскую Галина, и с тем, что Федко купил у своего дяди, у Василья у Афонасьева его жеребей, треть

⁷ Веселовский С. Б. Село и деревня..., с. 64. Жалованная грамота вел. кн. Ивана III 1478 г. закрепляет за монастырем «сельцо Воскресеньское... з деревнями Фомино, да Скворцово, да Олексеево, да пустошь Верзеиньская в Кинеле» (АСЭИ, т. 1, № 455), данные Г. В. Заболотским. Скворцово было куплено в 1460—1473 гг. помещиком Г. В. Заболотского Пахомом у Ивашки Скворцова, который владел этой пустошью как вотчиной (Там же, № 288).

⁸ АСЭИ, т. 1, № 521. Иван Безсонье упоминается в купчей грамоте на Скворцовую пустошь 1460—1473 гг. (Там же, № 288). Потомки И. Безсонье в XVI и XVII вв. известны как служилые люди (Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950, с. 260; ААН, ф. 620, д. 40, л. 324).

⁹ Там же, № 521.

¹⁰ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1859, т. 1, с. 27, 66, 587, 794, 810, 854, 857; СПб., 1905, т. 5, с. 203, 591, 607, 661.

¹¹ АСЭИ, т. 1, № 521.

¹² АСЭИ, т. 1, № 80, 81, 395, 423, 426, 521. Сам Иван Афанасьев дал монастырю при игумене Зиновии (1432—1445 гг.) Богородскую и Опалевскую пустоши в 9 км к северу от «Великого Воскресенья» (Там же, № 80).

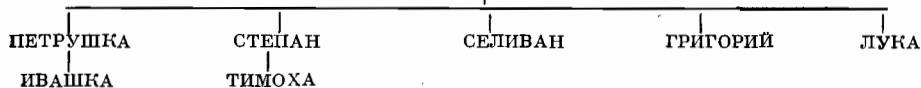
¹³ АСЭИ, т. 1, № 423.

земли Афонасьевские»¹⁴. Видимо, каждому из трех сыновей Афанасия принадлежала треть «земли» их отца, жившего в первой половине XV в. Землями по соседству владел и брат Афанасия Михайло, бывший «послухом у данной» на близлежащее с. Шараповское в годы игуменства Зиновия (1432—1445 гг.)¹⁵.

Акт на земли Тита Напольского не сохранилось. Но можно определить его землевладение косвенно, по землевладению пятерых его сыновей¹⁶.

ТИТ НАПОЛЬСКИЙ

Петрушка Титов сын Напольского упоминается как послух в двух грамотах на землю Афонасьевскую Галина. Возможно, он владел соседними участками, доставшимися ему от отца. Степан Титов не упоминается в актах. Зато известно землевладение его сына Тимохи. Последний владел Ситниковской Напольской землей на р. Некушке близ ее устья в р. Торгошу, так как в разъезжей грамоте келаря Вассиана 1504 г., из которой мы черпаем эти сведения, упоминается дорога, по которой из «Напольского» ездят к «Пречистой»¹⁷, т. е. к монастырю Богородицы в с. Подсосенье, сохранившемся до сих пор в 6,5 км к западу от Воскресенского погоста, близ устья р. Некушки. Дяди Тимохи — старец Селиван и Григорий упоминаются в той же разъезжей как послухи, а его двоюродный брат Ивашка — как писец¹⁸. По всей видимости, они владели частями некогда единого массива земель, принадлежавшего в середине XV в. Титу Напольскому. Центром этого массива была земля Ситниковская Напольская, так как ее название соответствует прозвищу Тита.

Помимо владений Безосневых, Лариных, Афонасьевых и Напольских¹⁹, близ «Великого Воскресения» располагалось село Шараповское, которое ко времени составления Судного списка уже около 50 лет принадлежало Сергиеву монастырю. Оно было дано монастырю Андреем Ивановым сыном Шарапова в годы игуменства Зиновия (1432—1445 гг.). Вотчина представляла собой крупный вклад, хотя находилась в полном запустении. Кроме села Шараповского, в данной грамоте названо девять пустошей: Орефино, Давыдкова, Чевкина (Чечкина), Тернева (Темнева), Котткова (Косткова), Бажурова, Томулина (Гомулина), Самкова (Саткова), Отеева (Остеева)²⁰. Среди послухов в данной Андрей Шарапов упоминает своего брата Вениамина, постригшегося в Троицкий монастырь под именем Венедикта еще в период игуменства Саввы 2-го (1428—1432 гг.)²¹. Расцвет вотчины следует относить ко времени отца Андрея и Вениамина — Ивана Шарапа, который жил, видимо, в конце XIV в. и был современником Никиты Камчатого.

¹⁴ Там же, т. 1, № 426.

¹⁵ АСЭИ, т. 1, № 81.

¹⁶ Родословие составлено по: АСЭИ, т. 1, № 287, 395, 426, 457, 521, 656.

¹⁷ АСЭИ, т. 1, № 656.

¹⁸ По актам 1499—1502 гг. известен также старец Троицкого монастыря Гаврила Напольский, который вел ряд судебных дел о монастырских вотчинах (Там же, № 628, 632, 636, 639, 640).

¹⁹ «Суседи» Остафей Хихилев (или Хахилев) и Степан Гаврилов не упоминаются в других троичских актах. Но по предположению издателей АСЭИ Остафей происходит из того же рода, что и троичский старец 1430—1440-х годов Вассиан Хихилев (Там же, т. 1, № 75, 77, 173; см. также: т. 1, № 87; т. 2, № 233, 363).

²⁰ Подлинник грамоты до нас не дошел. Первое название дается по списку начала XVI в. (?), название в скобках — по тексту копийной книги № 518, составленной около 1534 г. (АСЭИ, т. 1, № 81, с. 69).

²¹ Предположение С. Б. Веселовского о идентификации «Веньямина Шарапова» со старцем Венедиктом Шараповым (АСЭИ, т. 1, № 60, 67, 68, 75, 80, 168) подтверждается упоминанием писца «Алексея Вельяминона сына Шарапова» в троичской грамоте, написанной около 1490 г. (Там же, № 629). Того же предположения придерживается и Ю. Г. Алексеев (Указ. соч., с. 80).

Для того чтобы локализовать владения соседей «Великого Воскресения», автор проследил историю каждого из названных поселений от XV до XX в. Источники предоставляют для этого широкие возможности. От XVI в. до нас дошли межевые книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1557—1559²² и 1592/93 гг.²³; сотная грамота с писцовых книг Услима Ивановича Данилова и И. И. Пушкина (1562 г.)²⁴; акты 1561—1622 гг.²⁵ и список с писцовых книг М. И. Вельяминова и И. Князева 1592/93 г.²⁶ От XVII в. сохранились: список с писцовой книги М. Толмачева 1627—1629 гг.²⁷ (описание завершено писцовой книгой А. Загряского и А. Володимирова²⁸), переписные книги С. Т. Салтыкова 1677 г.²⁹, П. Б. Каблукова и Е. Корюкина 1705 г.³⁰

Часть изучаемого района была изображена на чертежах, происходящих из фонда Тайного приказа царя Алексея Михайловича³¹. В веховой Тайного приказа в 1655—1676 гг. находилась царская вотчина, в которую входили земли сельца Кудрявцева, дер. Новоселки и дер. Бревново, изображенные на чертежах в соответствии с описанием 1678 г.³² Источники не сообщают даты составления чертежей. Но судя по водяным знакам³³ и сопоставлению с межевыми и переписными книгами, чертежи были составлены в 1660—1676 гг.³⁴

В 1774—1776 гг. на интересующих нас землях было проведено Генеральное межевание³⁵. Как известно, правила предписывали «межевать земли не к именам владельцев, а к именам сел и деревень, а пустоши — к их собственным названиям». На планы наносились земельные

²² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 254, л. 193—200.

²³ Там же, кн. 348, л. 178 об.—183. Анализ межевых книг см.: *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 210—211.

²⁴ Там же, ф. 281, № 8928.

²⁵ Там же, ф. 281. Большая часть актов опубликована в кн.: *Шумаков С.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917, вып. 4, с. 278—411.

²⁶ Писцовые книги Московского государства / Под ред. В. П. Калачева. СПб., 1872, ч. 1, отд. 1, с. 810—826; *Павлов-Сильванский В. П.* К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в.—АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 41—54.

²⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 812, л. 622—662.

²⁸ Там же, кн. 7647, л. 1922—1923.

²⁹ Там же, кн. 7651, л. 280—291.

³⁰ Там же, кн. 7653, л. 513—593.

³¹ ЦГАДА, ф. 27, оп. 484, ч. IV, № 11; № 30, л. 1 (рис. 3), л. 2; № 40 — вариант чертежа № 30, л. 1; № 43 (не публиковались).

³² РИБ. СПб., 1907, т. 24, кн. 1, с. 268—271; *Гольденберг Л. А.* Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII—XVIII вв.).— В кн.: *Проблемы источниковедения.* М., 1959, т. 7.

³³ Пользуясь случаем высказать благодарность Е. П. Маматовой, которая провела определение водяных знаков. Водяной знак чертежей № 11, 30 и 40 — «герб города Амстердама» — датируется достаточно широко: 1660—1720-е гг. На чертеже № 33 имеется точно такой же водяной знак с монограммой «GB». Это позволило найти точную аналогию — водяной знак с гербом Амстердама и монограммой «GB» (G. Bernard) 1665 г. (*Клепиков С. А.* Бумага с филигранью «Герб города Амстердама»: Материалы для датировки рукописных и печатных текстов.— ЗОР ГБЛ, М., 1958, вып. 20, с. 315, 352, № 272). Чертеж № 43 имеет водяной знак «голова шута» («foolscar») с семью бубенцами. Наиболее близкие аналоги имеют даты 1666, 1669, 1671 и 1672 гг. (*Клепиков С. А.* Бумага с филигранью «голова шута» («foolscar»): Материалы для датировки рукописных текстов.— ЗОР ГБЛ, М., 1963, вып. 26, с. 436, № 212).

³⁴ На чертеже № 30 дер. Бревново значится как купленная в государеву вотчину у Дмитрия Булгакова, но по Переписной книге 1677 г. она уже была за «Иваном Дмитриевым сыном Булгакова» (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 7651, л. 280). Следовательно, чертеж № 30 составлен до 1677 г. Но если мы прочтем надпись при изображении той же деревни на чертеже № 11 («Дмитрия Булгакова деревня Бревнова, а в ней двор вотчинников и 6 дворов») и № 43, то убедимся, что чертежи № 11 и 43 древнее этой покупки, а следовательно, древнее чертежа № 30.

³⁵ ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 177. Планы Александровского уезда Владимирской губернии (прорись фрагмента этого плана воспроизведена на рис. 2); д. 2189. План Богородского уезда Московской губ.; ф. 1354, оп. 570, 859. Алфавитные указатели планов «дач»; ф. 1355, оп. 1, д. 39. Экономические примечания. Наше прочтение названий рек сходно с изложенным в кн.: *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна. Оки. М., 1976, с. 198.

участки, которые располагались вокруг давно запустевших средневековых поселений. Благодаря этому планы Генерального межевания явились для нас ключевым источником, позволившим локализовать поселения, известные по актам, однако требовалось привлечь дополнительные сведения о древней топонимике края.

Оказалось, что специальное межевание XIX в.³⁶, картографические и землеустроительные материалы XIX—XX вв. пужных сведений не содержат, так как названия угодий землемерами практически не фиксировались³⁷.

Не имея возможности изучить современную топонимическую традицию по письменным источникам, мы произвели опрос жителей сохранившихся до нашего времени древних Кинельских сел и деревень в юго-восточной части Загорского района (рис. 1)³⁸. Обследования обнаружили здесь богатейшую топонимическую традицию. Ее особенностью явилось то, что сведения об одном урочище, полученные от разных старожилов, практически всегда совпадали. О достоверности традиции говорит также тот факт, что жители каждой деревни сохранили в памяти совершенно определенный круг названий, который частично совпадает с набором названий, известных жителям соседних деревень. На основании опросов, планов Генерального межевания (рис. 2) и чертежей 1660—1676 гг. (рис. 3) на современной карте были локализованы данные Межевой книги 1557—1559 гг. Книга 1557—1559 гг. не только упоминает владения, принадлежавшие в XV в. соседям «Великого Воскресения», но и называет их потомков — Лариных, Напольских и Катавасыных, сохранивших здесь свои земли до середины, а частично и до конца XVI в.³⁹ (рис. 4).

Были произведены археологические разведки в окрестностях «Великого Воскресения»⁴⁰. Большая часть селищ XIV—XVII вв. располагается на вершинах возвышенностей⁴¹. Обследование населенных пунктов и участков, ныне занятых полями, было осложнено плохой сохранностью культурного слоя, который нередко удавалось обнаружить только по наличию керамики. Изучение залесенных участков, проведенное по методу М. Бересфорда⁴², дало наиболее интересные результаты. Выяснилось, что в лесах сохраняются поляны, к которым сходятся полузаросшие дороги. При обследовании на большей части этих полян-покосов были обнаружены селища XIV—XVII вв. с культурным слоем превосходной сохранности (рис. 5, № 1, 4, 9, 21, 24—27, 30, 32—35). На существование в этих местах поселений указывали и старинные пруды, найденные рядом с селщами (рис. 5, № 9, 21, 24—27, 33—35). Местные жители называют такие поляны «осёлками» и связывают с ними предания о деревнях, существовавших до «литовского разорения» (рис. 1, № 11, 23, 27, 58, 336а).

³⁶ ЦГАДА, ф. 1356, оп. 571.

³⁷ Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской обл., ф. 622, оп. 1, д. 319—362, 1925 г. Журналы землемеров Московского областного и Сергиевского районных земельных отделов; Проект землепользования совхоза ВНИИТИИ 1973 г.; План Алексеевского лесничества Загорского лесхоза Гослесфонда СССР, 1957 г.

³⁸ Опрошено 40 старожилов (в основном местных уроженцев) в 11 населенных пунктах. Наиболее ценные сведения дали: Михаил Иванович Белов (из дер. Алексеево), Алексей Васильевич Чернов (из бывшей дер. Большое Охотино; проживает в дер. Подушкино), Василий Евфимович Михеев (из бывшей дер. Кобылино; проживает в дер. Бревново) (Чернов С. З. Отчеты за 1976—1980 гг.— АИА, р. 1, д. 6699, 6990, 7523). О методике микротопонимических исследований см.: Ономастика: Указатель литературы. М., 1976.

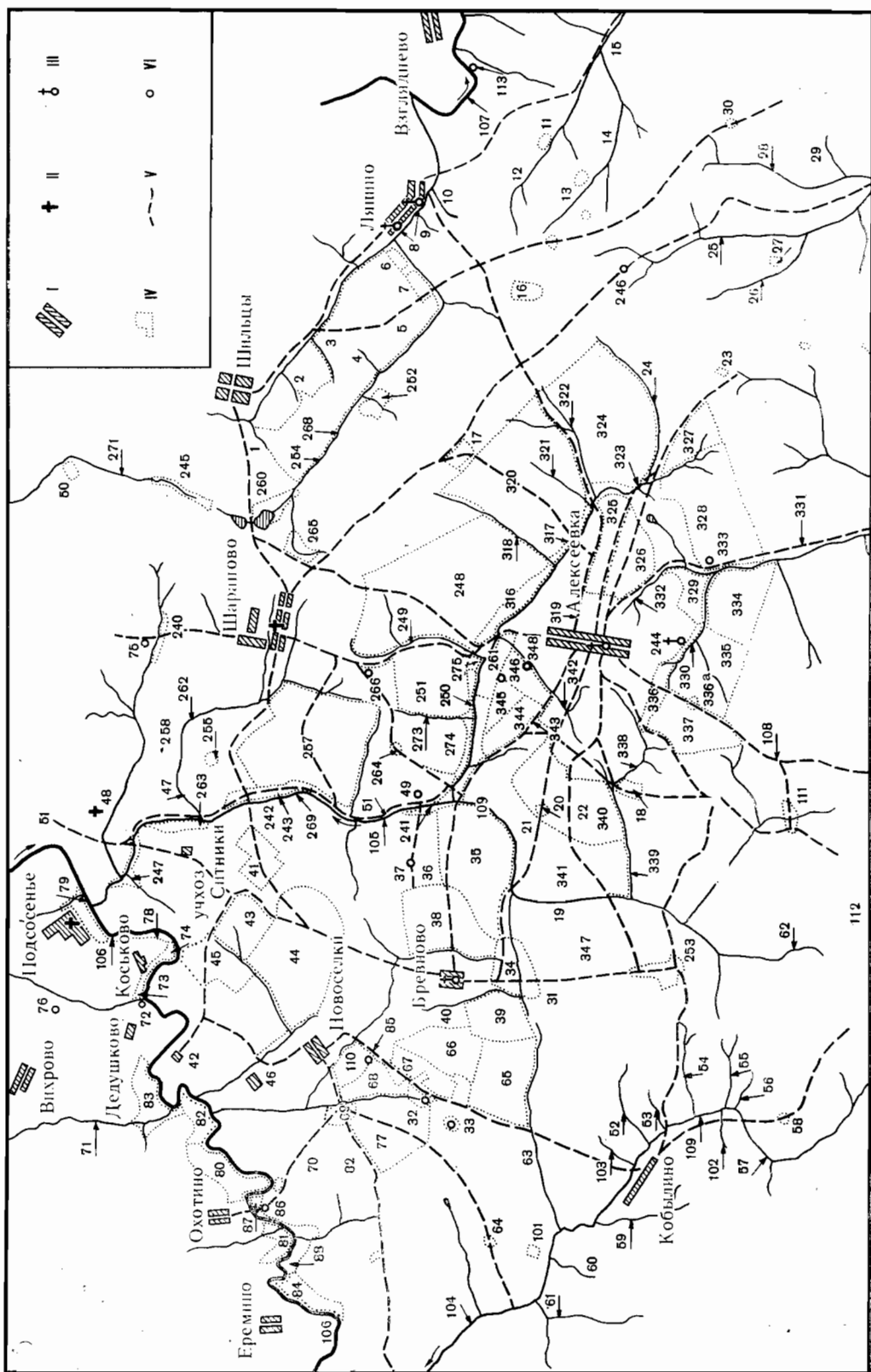
³⁹ Об этом свидетельствует Межевая книга 1592/93 г.

⁴⁰ Планы и описания селищ приведены в отчетах: Чернов С. З. Отчеты за 1976—1980 гг.— АИА, ф. 1, д. 6409, 6694, 6985, 6986, 7520—7524.

⁴¹ Батурич В. Е. Краткий физико-географический очерк Загорского района.— Учен. зап. МГПИ, т. 101. Географический факультет, 1959, вып. 6, с. 251—265.

⁴² Beresford M. W., St. Joseph, J. K. S. Medieval England: an aerial survey. Cambridge, 1958.

Наложение карты археологических обследований на карту, составленную по Межевой книге 1557—1559 гг., дало возможность идентифицировать поселения вотчинников XV в. с селищами, на которых зафиксирован культурный слой с красноглиняной керамикой (XIV—XV вв.) (рис. 5).

Следы селца Алексеевского сохранились на месте одноименной деревни в верховьях р. Некушки (рис. 5, № 10). Монастырь же «Великое Воскресение» превратился в пустошь уже ко времени составления писцовой книги 1627—1629 гг.⁴³ Ныне на этом месте расположено кладбище, которое жители дер. Алексеево называют Воскресенским погостом. Раскоп (224 кв. м) на селище (площадь его 11 тыс. кв. м)⁴⁴, которое прями-

⁴³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 812, л. 660 об.

⁴⁴ Площадь всех селищ определялась по распространению красноглиняной керамики XIV—XV вв.

Рис. 1. Юго-запад волости Кинелы по устной традиции (опрос 1978—1980 гг.)

I — поселения; II — церкви; III — места часовен; IV — границы топонимов; V — дороги; VI — местоположение топонимов.

Номера обозначают микротопонимы: 1 — Ванев враг; 2 — Спириин враг; 3 — Гречев враг; 4 — Французский враг; 5 — Гречева гора, лес; 6 — Малые Полишки, поле; 7 — Большие Полишки; 8 — часовни над источниками, поставленные крестьянином Трифоном; 9 — Алексеевский враг; 10 — Соловьев враг; 11 — Осёлк, поляна; 12 — Кокичёвский враг; 13 — Чистый пруд; 14 — Ногёв враг; 15 — Махов пруд; 16 — Старый пруд; 17 — Коткова сторожка; 18 — Барское поле; 19 — Вертяги, овраг; 20 — Кладовые ямы, поляна; 21 — Московская дорога; 22 — Ларинская дорога; 23 — Курицyno, оселок; 24 — Бурмагинский враг; 25 — Прямой враг; 26 — Кáтневский враг; 27 — Кáтневский оселок; 28 — Рубежный враг; 29 — Хблмовская взнож; 30 — Троицкая дорога и расположенный на ней Федяевский оселок; 31 — Лопата, лес; 32 — Собакин пруд; 33 — Верхний пруд; 34 — Волото; 35 — Галино, лес; 36 — Вантеевка, лес; 37 — место, где в старину была церковь; 38 — Вантеевка, поле; 39 — Сичи, поле; 40 — Игнатов враг; 41 — Старова, поле; 42 — бывшая усадьба; 43 — Люли, лес; 44 — Сырпятовка, лес; 45 — Большие десятины, роща; 46 — дача Розанова; 47 — р. Каменка; 48 — Царь-дар, место церкви, которую, по рассказам старожил, построил Иван Грозный; 49 — Вшивая горка; 50 — Устиново, бывшая деревня; 51 — Старая дорога в Троицу; 52 — Малиновой враг; 53 — Литовский враг; 54 — Ларинский враг; 55 — Мátчинский враг; 56 — Глухой враг; 57 — Харланский враг; 58 — Кулаковский оселок; 59 — Болкошин враг; 60 — Средний враг; 61 — Каенный враг; 62 — Сосняговский враг; 63 — Сибы, овраг; 64 — Леханика, лес; 65 — Собакино болото; 66 — Сичи, лес; 67 — Гришина яма, лес; 68 — Чесноково, лес; 69 — Федотьево; 70 — Мелентьева, лес; 71 — Вихревский враг; 72 — Жуковка, горка; 73 — Каменка, луг; 74 — Капустники, луг; 75 — Митрин хутор; 76 — Михалёва дача; 77 — Вырубка, лес; 78 — Полдни, луг; 79 — Сичи, луг; 80 — Байков луг; 81 — Банницы, луг; 82 — Перловка, лес; 83 — Калёный луг; 84 — Каменка, луг; 85 — Погост; 86 — Мельникова горка; 87 — Подмельничный луг; 88 — Чёрный луг; 101 — Пóлдни, поляна; 102 — Поляков луг; 103 — Птичий враг; 104 — р. Уленка; 105 — р. Некушка; 106 — р. Торгоша; 107 — р. Вондога; 108 — дорога на дер. Кресты; 109 — р. Черёмушка; 110 — Собакино поле; 111 — Монахова дача, устроенная Троице-Сергиевым монастырем в 1914 г. Дорога к «даче» вела через Бревново, Ларино и Соснягову дачу; 112 — Дубовая роща. По словам старожил, в роще был найден клад, о существовании которого его находчик-купец узнал «из книги в Троице»; 113 — Гремячий ключ. С этим источником связано следующее предание: «Преподобный Сергий, поссорившись с иноками, пошел с Романом в Киржач. Их начала мучить жажда и Роман сказал: «Соверши как Моисей». Сергий ударил посохом в землю и из этого места стал бить ключ»; 240 — Белёвы, луг; 241 — Борони́ха, луг; 242 — Васильевская речка; 243 — Васильевский луг; 244 — Воскресенский погост; 245 — Горло, луг; 246 — Евланов хутор, на месте которого до литовского нашествия находилась дер. Вяхорево; 247 — Каменка, луг; 248 — Митрино, лес; 249 — Корытинский враг; 250 — Кураевский луг; 251 — Кураевский лес; 252 — Курганов, или Фадеев, хутор; 253 — Ларино, место усадьбы; 254 — Маланья прудка; 255 — Марковы доли, старая пашня в лесу; 257 — Орефино, лес; 258 — Пóддырь, лес; 260 — Полишино, луг; 261 — Попов луг; 262 — Сенаройский враг; 263 — Ситники, луг; 264 — Угольница, поляна, к западу от которой местные жители указывают «Шйловский камень»; 265 — Уткино болото; 266 — Уткино болото; 268 — Федоров враг; 269 — Филатовы бочаги; 271 — Черный враг; 273 — Шйлов враг; 274 — Шйлов лес; 275 — Янина, луг; 316 — Большой луг; 317 — Фоминский луг; 318 — Фомин враг; 319 — Фоминская дорога; 320 — Фомино, лес; 322 — Хороший враг; 323 — Каменская дорога; 324 — Каменский лес; 325 — Каменное поле; 326 — Курицynoское поле; 327 — Курицкий лес; 328 — Павльский лес; 329 — Подьяновский луг; 330 — Часовенский луг; 331 — Новленская дорога; 332 — Попов враг; 333 — Макеевская сторожка; 334 — Черькóвский лес; 335 — Никитинский лес; 336 — Никитинский луг; 336а — Никитинский оселок; 337 — Кольванский лес; 338 — Никитинский враг; 339 — Ларинский или Сиюковский враг; 340 — Катавасевский лес; 341 — Попково, лес; 342 — Корытино, овраг; 343 — Бревновская дорога; 344 — Чепелёва пустошь; 345 — Сидорова пустошь; 346 — Колодичная гора (Горелый бугор); 347 — Архиповское; 348 — Егорьевский колодез и «сталоверческое кладбище». Среди сел (Шарапово и Подсосенье) и деревень, обозначенных на схеме, ныне не существует Коськово, Дедушково, Кобылино и Кольванки (Цифры соответствуют полевой нумерации)

кает к кладбищу, выявил жилую постройку XV в. и скопление погребений. В 35 м от этих погребений, близ места, где до 1976 г. стояла деревянная часовня, расположено еще несколько погребений XV—XVI вв. Судя по процентному соотношению фрагментов керамики, обнаруженных в раскопе (курганная — 5%, красноглиняная — 77, краснолощенная — 4, белоглиняная — 13, чернолощенная, мореная, поливная — 1%), и находке обломка бирюзового, с желтым перевитием стеклянного браслета, поселение возникло здесь в конце XIII или начале XIV в. и существовало до разорения поляками в 1608—1610 гг.

Дер. Скворцова (или Сидорцова), прикупленная к вотчине Г. В. Заболотским, локализуется по Межевой книге 1557—1559 гг. (МК, л. 195, 195 об.⁴⁵) и опросу старожилов (рис. 1, № 345) к западу от вотчины Никиты Камчатого. Деревню «Безсоньеву», принадлежавшую в XV в. Якушу Бороде Иванову сыну Безсониева, Межевая упоминает к юго-западу от Воскресенского погоста. Еще далее к юго-западу, на левом берегу р. Черемхи, Межевая книга очерчивает границы земель второго истца Судного списка — сельцо Ларино, которое было к тому времени уже за Троице-Сергиевым монастырем (рис. 1, № 253; рис. 2). Археологически оно прослеживается как селище площадью 15 тыс. кв. м XIV—XVIII вв.

Владения «людей добрых, соседей» Ивана Носова располагались по левому берегу р. Некушки. «Земля Афонасьевская Галина», купленная монастырем в 1470—1475 гг.⁴⁶, позднее была, видимо, утрачена, так как не упоминается в 1557—1559 гг. В 1574 г. дер. «Галино Старое Вантеево тож» была дана в монастырь Г. С. Вантеевым⁴⁷. Межевая книга 1592/93 г. упоминает дер. «Галино Большое», принадлежавшую Григорию Напольскому (локализуется по тексту Межевой: рис. 2, № 431; рис. 1, № 36—38; рис. 3; рис. 5, № 9 — селище площадью 4 тыс. кв. м) и дер. «Вантеево Меньшее Галино» монастырское (МК, л. 180; рис. 2, № 428; рис. 1, № 35; рис. 5, № 25 — селище площадью 4 тыс. кв. м). Видимо, оба эти поселения входили в XV в. в вотчину Афанасьевых. Деревня «Ситникова» оставалась за родом Напольских в 1557—1559 гг. (Селище, обнаруженное на территории поселка Учхоз Ситники, имеет площадь 5 тыс. кв. м — рис. 1—5.) Межевая книга упоминает за Напольскими, кроме нее, дер. Старую, которая располагалась выше по течению р. Некушки (МК, л. 195 об.—197) и идентифицируется по опросу (рис. 1, № 41) с селищем площадью 5—10 тыс. кв. м (рис. 5, № 28).

При впадении р. Черемхи в р. Некушку Межевая книга 1557—1559 гг. упоминает «сельцо Катавасьино за Алфером и племянником его Иваном

⁴⁵ Здесь и далее текст Межевой книги 1557—1559 гг. приводится по рукописи: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 254, л. 193—200.

⁴⁶ АСЭИ, т. 1, № 426.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 8979; см. также: Там же, № 8845; ф. 1209, кн. 812, л. 662.

Рис. 2. Юго-запад волости Кинель по данным Генерального межевания (1774—1776 гг.)

I — территория земельной «дачи»; II — поселение.
Номера обозначают следующие земельные «дачи»: 380 — земли Коллегии экономии; 385—387 — писцовая церковная земля и покос с. Шарапова церкви Архистратига Михаила церковников; 426 — Кольваново сельцо с пустошью Данилковой полковницы кн. Екатерины Ростовской; 427 — Вертягина и Поповка пустоши Экономического ведомства; 428 — Галина пустошь Вантеева тож бригадира Алексея Булгакова; 429 — Шилкова пустошь А. Булгакова; 430 — Подольная пустошь Экономического ведомства; 431 — Вантеева пустошь Гулина тож А. Булгакова; 432 — Синино сельцо Ситниково тож с пустошами А. Булгакова; 433 — Бревново сельцо А. Булгакова; 434 — Ларино сельцо бригадирши Прасковьи Антоновой Булгаковой; 435 — Игрищево сельцо Сергитново тож с деревней и пустошами капитанши Татьяны Батуриной; 436 — Кобылина пустошь надворного советника Александра, прапорщика Владимира и поручика Андрея Батурина; 437 — Алеханова и Алексеева оброчные пустоши Экономического ведомства; 438 — Филимонова Большая и Малая пустоши Экономического ведомства; 439 — Пустошь Мелентьева

Катавасыными» (МК, л. 195, 197 об.; рис. 4, № 24). Предок Алфера и Ивана дьяк Катавасын известен нам по Судному списку 1485–1490 гг. Он писал духовную грамоту отца Ивана Алексеевича Носова⁴⁸. Дьяку, несомненно, принадлежала земля сельца Катавасына, которая локализуется по опросу (рис. 1, № 340; рис. 5, № 24 — площадь селища 2 тыс. кв. м). В раскопе, заложенном на месте сельца Катавасына, зафиксирован угол наземной срубной постройки и подпечная яма, в которой содержалась керамика XIV–XV вв.

Как мы видим, соседям «Великого Воскресения» на левом берегу р. Некушки принадлежали в XV в. незначительные по своим размерам вотчины (от 0,5 до 3 кв. км. — рис. 5) с 3–5 дворными поселениями. Только сельцо Ларино несколько выделялось среди них своими размерами. Иную картину мы наблюдаем на правом берегу р. Некушки, где располагалось крупное владение Андрея Иванова сына Шарапова (не менее 13 кв. км): село Шарапово (25 тыс. кв. м) с окружающими его девятью пустошами. Пустоши эти, упомянутые в данной 1432–1445 гг., позднее не возобновлялись, что чрезвычайно затрудняет их локализацию⁴⁹. Здесь нам на помощь вновь приходит устная традиция: местоположение пустоши Орефино определяется в районе одноименного леса к югу от с. Шарапово (рис. 1, № 257), а местоположение пустоши Коттьковой — у Котковой сторожки в 2,8 км к востоку от села (рис. 1, № 17).

Помимо обследованных вотчин соседей «Великого Воскресения», Межевая книга называет еще четыре владения, которые не удастся отыскать в актах XV в. на землях служилых людей. В XV в. они носили название «земель великого князя» и принадлежали Кипельской волости (рис. 5). Первое из этих владений — с. Площево — граничило с «Великим Воскресением» на востоке. В середине XVI в. оно принадлежало брату вел. кн. Елены Глинской кн. Михаилу Васильевичу Глинскому. В XV в. с. Площево являлось центром наиболее крупного массива волостных земель в Кипеле. «Мужи площевичи», судя по актам XV в., неоднократно сообща отстаивали интересы волости в поземельных спорах с Троице-Сергиевым монастырем⁵⁰.

Второе владение, дер. Шелова, по Межевой книге, располагалось между р. Некушкой, Орефиным оврагом и землей дер. Подольной. Судя по карте Генерального межевания (рис. 2, № 429 — Шилкова пустошь, № 430 — Подольная пустошь) и современной микротопонимической традиции (рис. 1, № 273, 274 — Шилов лес и овраг; № 257 — лес Орефино), дер. Шелова и Орефин овраг 1557–1559 гг. локализируются в 1,5 км к югу от с. Шарапова (рис. 5, селище Шарапово-5-В).

Обращаясь к более ранним документам, мы находим упоминание Орефина оврага в разъезжей грамоте 1473–1485 гг. Из этого документа явствует, что волостные люди «секли лес» якобы на монастырских землях, в чем их обвинил посельский с. Шарапова. Для того чтобы провести между, волостные люди «шлются» на старожильцев, «которые...люди переже нас в той деревне жили (Конана Шилова и Ивашку Офонасова.— С. Ч.)... И Конаник да Ивашко так ркли: Епцо, господине, отец мой в той деревне жил»⁵¹. Исход этой тяжбы нам не известен. С. Б. Веселовский, комментируя документ, обратил внимание на то, что «на разъезде были великого князя мужи...площевичи»⁵². Последнее обстоятельство

⁴⁸ АСЭИ, т. 1, № 521.

⁴⁹ «В сыску», проводившемся в 1622/23 г., священники и крестьяне с. Шарапова говорили, что пустоши «и ныне за Троицою, только поросли лесом, не пахутъ их, ни косятъ» (Архив АН СССР, ф. 620, д. 339, л. 138). В описаниях монастырской Шараповской вотчины XVI–XVII вв. фигурируют другие деревни.

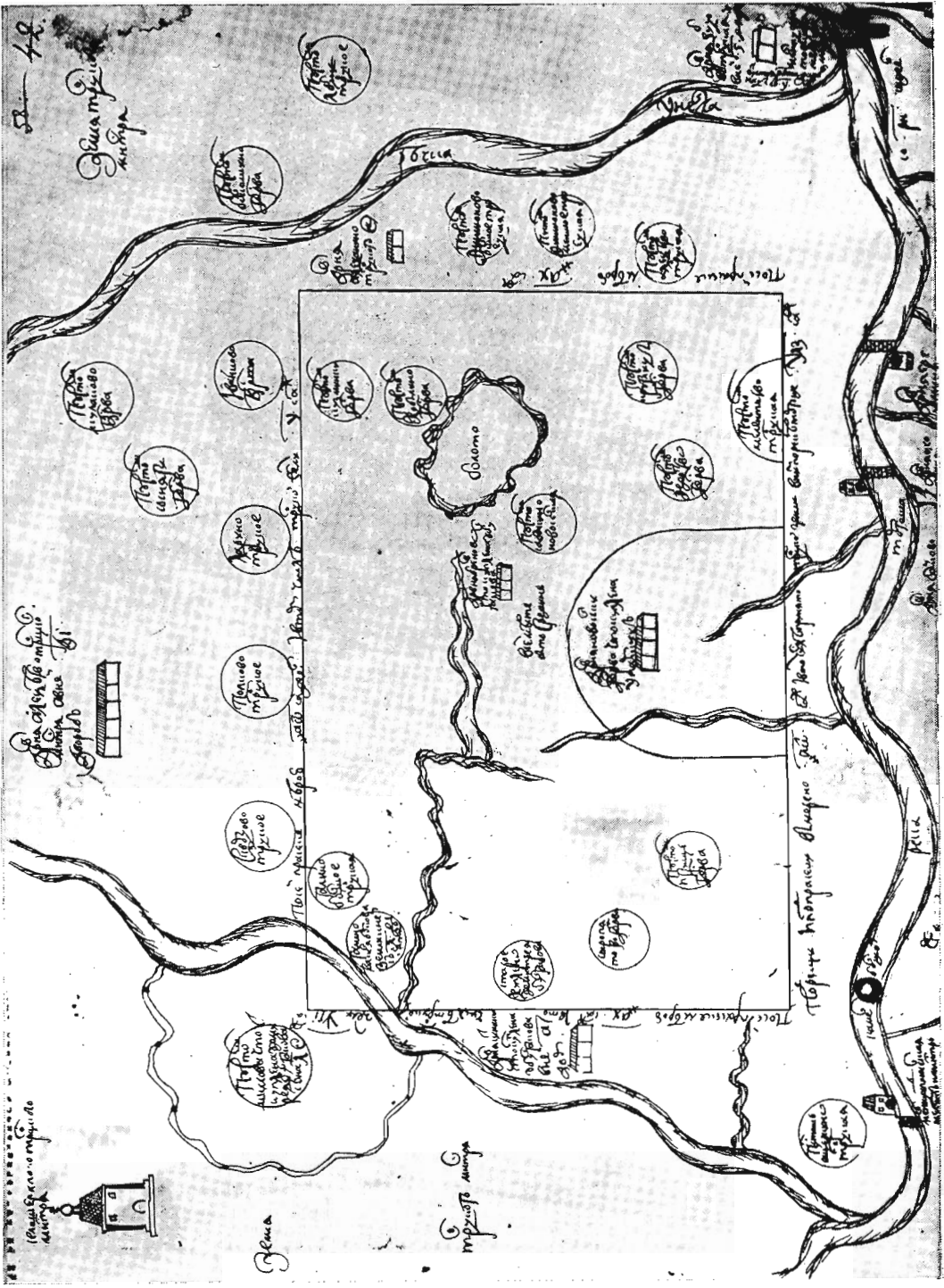
⁵⁰ АСЭИ, т. 1, № 328, 421, 422, 424. Село Площево сохранилось до нашего времени в 12 км к востоку от с. Шарапова.

⁵¹ АСЭИ, т. 1, № 422.

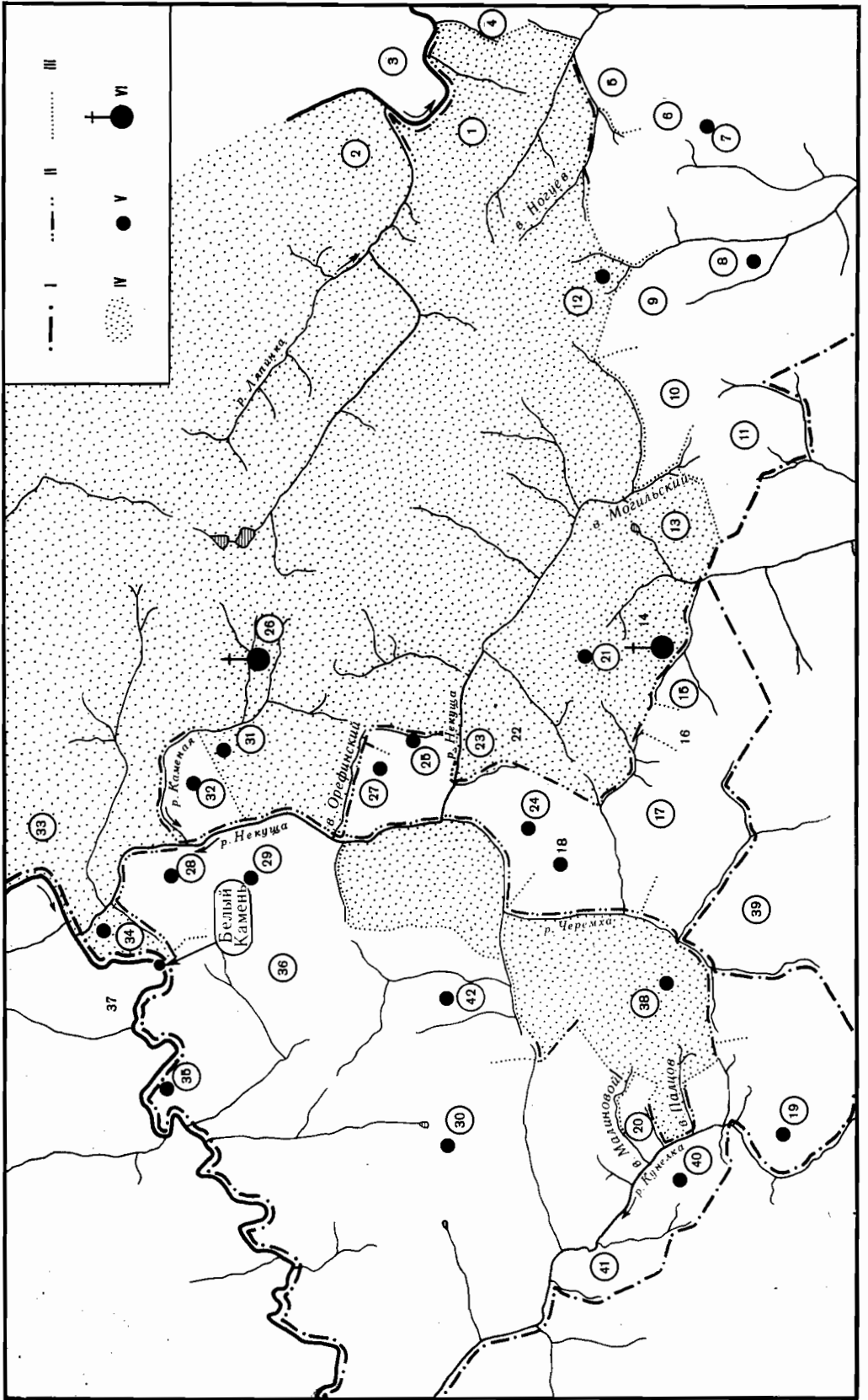
⁵² Там же, с. 622. Ю. Г. Алексеев идентифицирует дер. Конана Шилова с современной дер. Шильцы к северу от с. Шарапова, что, принимая во внимание приведенные выше данные, представляется неверным (Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 80).

Рис. 3.
 Чертеж Троицкого
 монастыря села
 Шаранова и деревни
 Алексеевской
 с пустошами землям
 дворянских вольостей
 в землях ж.н.

можно объяснить только тем, что деревня отца Конана Шилова «тянула» к с. Площеву.

Третье владение, известное по Межевой книге 1557—1559 гг. и восходящее к волостным землям,—дер. Неронова, которая локализуется между р. Некушкой, р. Каменной⁵³ и землями с. Шарапова (селище Шарапово-2 площадью 0,7 тыс. кв. м). Видимо, деревня получила свое название от имени Федко Неронова — «мужа площевича», упомянутого в 1462—1470-х годах на отводе земель с. Вяхорева⁵⁴.

Поскольку в XV в. волостные земли деревень Конана Шилова и Федко Неронова «тянули» к с. Площеву, можно заключить, что первоначально они составляли с с. Площевым единый массив земель, а следовательно, разделявшие их в XV в. земли с. Шарапова были когда-то волостными.

Четвертое владение, восходящее к волостным землям,—дер. Игрища на р. Торгоше в 1504 г. упоминается как «великого князя земля Игриская»⁵⁵.

Датировка селищ, проведенная по керамике, показала, что поселения, принадлежавшие в XV в. вотчинникам, основаны в конце XIII в. и главным образом в XIV в. Жители их не были первопоселенцами юго-западной Кинелы. Древнейшие селища здесь восходят к XIII в. Курганная керамика (XI—XIII вв.), найденная на них, отличает селища от поселений XIV—XV вв., а отсутствие курганных кладбищ — от памятников XI—XII вв. С селищами XIII в. оказываются преемственно связанными волостные деревни XV в. Конкретные проявления такой преемственности удается проследить по археологическим материалам. Два поселения XIII в. обнаружены на территории, которая в разъезжей грамоте 1504 г. упоминается как «земля великого князя Игриская». Одно из них — дер. Игрища (рис. 5, № 29) — сохранилось до нашего времени, а второе пришло в запустение (рис. 5, № 13). Прекратило свое существование в XIV в. и селище на Шилове овраге (рис. 5, № 7). В начале XV в. в 50 м от

⁵³ Овраг, на верховьях которого стоит с. Шарапово, назван речкой «Каменной» на плане 1775 г. (ЦГАДА, ф. 1354, оп. 570, д. С-38) и продолжает сохранять это название в настоящее время (рис. 1, № 47).

⁵⁴ АСЭИ, т. 1, № 328. Село Вяхорево — древнейшее приобретение монастыря в юго-западной Кинеле — упоминается уже в жалованной грамоте вел. кн. Василия Дмитриевича (Там же, № 35, а также: № 44, 328, 421, 424). Локализовать его удается по данным устной традиции (рис. 1, № 246).

⁵⁵ АСЭИ, т. 1, № 656. Локализуется по Генеральному межеванию (рис. 2).

Рис. 4. Юго-запад волости Кинелы по данным Межевой книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1557—1559 гг.

I — граница Переяславского уезда; II — границы владений; III — границы владений, восстанавливаемые приблизительно; IV — земли Троице-Сергиева монастыря; V — местоположение поселений, установленное точно; VI — церкви; в. — «враг»; р. — речка.

Номера в кружке обозначают села и деревни, а остальные — пустоши: 1 — дер. Ондreeвская села Шараповского; 2 — дер. Семенова села Глинкова; 3 — сельцо Микряково Ивана Таратина; 4 — дер. Становая за Петром Хлудневым в поместье; 5 — дер. Попова за Некрасом Мангуровым в вотчине; 6—11 — дер. Жукова, Федяева, Кадникова, Поляны, Воронова, Меледьина села Площева Михаила Васильевича Глинского; 12 — дер. Вяхорево; 13 — дер. Могилыно; 14 — дер. Воскресение Христова; 15, 16 — дер. Новоселки и Новинская земля за Арменином Баскаковым в вотчине; 17 — дер. Безсоньева за Иваном Баскаковым в вотчине; 18—20 — пустошь Вертягино, дер. Кулаково и дер. Кузмино за Вешняком Баскаковым в вотчине; 21 — дер. Алексеево; 22 — пустошь Свиногово; 23 — дер. Сидорцева; 24 — сельцо Катавасино за Алфером и племянником его Иваном Катавасиными; 25 — дер. Шелова за Федором Тепловым в поместье; 26 — село Шарапово; 27 — дер. Подолная Некраса Вантеева; 28, 29 — дер. Ситникова и Старая за Богданом з братьями Наполскими в вотчине; 30 — дер. Собанина за Теплым Наполским в вотчине; 31 — дер. Васильева; 32 — дер. Неронова за Алексеем Мартюшевым сыном Устинова; 33 — дер. Суконниково; 34 — дер. Ощеркино; 35, 36 — дер. Игрища и дер. Сыропатово за Русиним Онаньим сыном Наполского в поместье; 37 — великого князя волостная земля; 38 — сельцо Ларино; 39 — дер. Соснягово за Григорьем Лариным в вотчине; 40, 41 — дер. Иванищкова и Болкошино за Постником Губиным в вотчине; 42 — дер. Бревново за Степаном и Гаврилом Ямщиковыми в вотчине. (Поселения, владельцы которых не названы, принадлежали Троице-Сергиеву монастырю.)

него поставили свою деревню уже известные нам отцы старожильцев Площевской волости Конана Шилова и Ивашки Офонасова. Неподалеку от Шилова оврага в XIII в. существовало еще одно поселение (селище на поляне Угольница — рис. 5, № 21). В XIV—XV вв. оно превратилось в пустошь, земля которой принадлежала Площевской волости. В первой половине XVI в. поселение на этом месте возобновилось (дер. Подолная). В XIII в. возникли также дер. Ситниково и поселение на р. Уленке (рис. 5, № 37).

Таким образом, можно заключить, что земли, обрабатывавшиеся с XIII в., Кинельская (а позднее Площевская) волость удерживала дольше, чем новоосвоенные в XIV в. участки, которые за одно столетие перешли к вотчинникам.

Применение предложенной методики будет способствовать, на наш взгляд, углубленному прочтению древнерусских поземельных документов и облегчит возможность подготовки в дальнейшем топонимических и археологических комментариев к изданию «Актв социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.»

Рис. 5. Юго-запад волости Кинелы: идентификация археологических памятников XIII—XVII вв. с поселениями, известными по письменным источникам

I — III — селища XIV—XVII вв. площадью 1—5, 5—20 и более 20 тыс. кв. м; IV — селище XIII—XV вв., V — селища XIII в.; VI — селища XIII, XVI вв., VII — селища XVI—XVII вв.; VIII — граница Переяславского уезда; IX — границы владений; X — границы владений, восстанавливаемые приблизительно; XI — «волостные» земли; XII — церкви и монастыри. Номера в кружке обозначают: 1 — дер. Безсоньева; 2 — дер. Соснягово; 3 — село Вяхорево; 4 — дер. Скворцово; 5 — дер. Фомино; 6 — пустошь Орефино; 7 — пустошь Котгькова. Остальные номера обозначают селища: 1 — Устиново; 2 — в дер. Шильцы; 3 — Шарапово-1 (в селе Шарапово); 4 — Шарапово-2 (на поляне Марковы доли); 5 — Шарапово-3; 6 — Шарапово-4; 7 — Шарапово-5А (на Шилове овраге); 8 — Шарапово-5В; 9 — Шарапово-6; 10 — в дер. Алексеево; 11 — у Воскресенского погоста; 12 — в поселке учхоз Ситники; 13 — близ детдома МОСО; 14 — Кобылино-1; 15 — у дер. Зубцово; 16 — в сел. Подсосенье; 17 — в бывшей дер. Коськово; 18 — в дер. Еремино; 19 — Малое Охотино-1 (в деревне); 20 — Малое Охотино-2 (у Байнова луга); 21 — Шарапово-8 (на поляне Угольница); 22 — Шарапово-9 (по дороге на Васильевский луг); 23 — Бревново-1 (в деревне); 24 — Бревново-2 (на поляне Кладовые ямы); 25 — Бревново-3 (в лесу Галино); 26 — Бревново-4; 27 — на поляне Ларино; 28 — Учхоз-2 (на поле Старова); 29 — на территории детдома МОСО; 30 — на территории пионерского лагеря «Восход»; 31 — в дер. Новоселки; 32 — Новоселки-2; 33 — Новоселки-3; 34 — Новоселки-4 (у Собакина пруда); 35 — Новоселки-5; 36 — у пионерского лагеря «Зеленый Бор»; 37 — Кобылино-2; 38 — Кобылино-3; 39 — Алексеево-2 (на Барском поле); 40 — в бывшей дер. Дедушково

С. А. Морозов

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ТЕКСТОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

В последнее время отечественная и зарубежная литература, посвященная проблемам текстологии средневековых нарративных памятников кириллической письменности, обогатилась рядом интересных теоретических и прикладных исследований. После выхода в свет фундаментальной монографии акад. Д. С. Лихачева, посвященной теоретическим основам текстологии¹, эта специальная историко-филологическая дисциплина переживает период интенсивного развития как в области теории, так и конкретных исследований. Вместе с тем ее развитие ставит на повестку дня ряд новых вопросов теоретического порядка, для успешного решения которых необходимы прикладные исследования конкретных памятников. Это прежде всего касается проблем методики текстологических изысканий — зачастую на основании одних и тех же списков памятников исследователи приходят к неадекватным выводам, что свидетельствует о недостаточной разработке методики текстологии, особенно в области проблем взаимоотношения списков памятников².

Большая группа интересных исследований, вышедших в последние годы, посвящена малоизученному разделу кириллической письменности периода позднего средневековья — эпистографии. Поводом для активной полемики, касавшейся в том числе и методов текстологических исследований, послужил выход в свет работы американского профессора Эдварда Л. Кинана³, пытавшегося доказать подложность переписки царя Ивана Васильевича Грозного с «отъехавшим» в Речь Посполитую боярином А. М. Курбским⁴. Эта полемика привела к оживлению археографических изысканий, результатом которых явился выход в свет в серии «Литературные памятники» подготовленной с привлечением новых списков «Переписи Ивана Грозного с Андреем Курбским» (Л., 1979).

Мы не будем останавливаться сейчас на подробном разборе археографической стороны издания — это тема самостоятельной работы, а попытаемся рассмотреть отдельные вопросы методики текстологического анализа, представляющиеся нам спорными. Это прежде всего касается методики текстологического исследования взаимоотношения списков редакций Первого послания Ивана Грозного Курбскому.

Взаимоотношению списков Первого послания Ивана Грозного, содержащихся в «исторических компиляциях второй половины и конца XVII в.» (хронографический вид по классификации Я. С. Лурье) и в «сборниках Курбского» (вид, читающийся в «сборниках Курбского», по классифика-

¹ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962.

² Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 427—449; Данти А. О «Задонщине» и о филологии: Ответ Д. С. Лихачеву. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 71—95. Наиболее интересные работы приведены в названных статьях.

³ Keenan E. The Kurbskii Groznyj Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «correspondence». Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tzar Ivan IV. Cambridge Mass., 1971.

⁴ Подробную библиографию см.: Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор. — В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 252—253 и сл.

ции Я. С. Лурье), Я. С. Лурье посвятил ряд работ. На разборе «Археографического обзора» мы остановимся⁵.

В этой работе — части археографического комментария к «Переписке», посвященной Первому посланию Ивана Грозного, — Я. С. Лурье приходит к выводу, что хронографический вид первичен по сравнению с видом, заключенным в составе «сборников Курбского»⁶. Известно, что ранее, в «Археографическом обзоре Посланий Ивана Грозного», Я. С. Лурье придерживался другой точки зрения: что и хронографический вид, и вид «сборников Курбского» восходят к одному общему протографу — сборнику конца XVI в., содержащему «собрание сочинений Курбского»⁷.

На основании проведенного им текстологического анализа всех известных в настоящее время списков Первого послания Ивана Грозного в последнем исследовании Я. С. Лурье подтверждает ранее сделанный вывод: «Хронографический вид значительно ближе к 1-й пространной редакции, чем „сборники Курбского“»⁸ (ср.: «...Текст хронографа представляет собой своеобразное соединение текста „сборников Курбского“ с текстом [списков] П[ОР] ГПБ, собр. Погодина, № 1567] и К[ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 41]»⁹). По мнению Я. С. Лурье, «большая близость хронографического вида к 1-й пространной редакции свидетельствует, очевидно, о первичности этого вида по сравнению со „сборниками Курбского“. Такое соотношение этих видов подтверждается и теми случаями, когда хронографический вид частично отстает от текста 1-й редакции, а в „сборниках Курбского“ соответствующие отступления оказываются еще более значительными»¹⁰.

Допустим, у нас имеются три версии текста: текст А редакционно отличен от текстов Б и В, которые имеют между собой сходство, образуя два вида, причем текст Б содержит больше чтений, совпадающих с текстом А, чем текст В. Возможно несколько вариантов взаимоотношения текстов:

1) текст А является протографом текста Б; текст Б, в свою очередь, является протографом текста В;

2) текст В является протографом текста Б; текст Б, в свою очередь, является протографом текста А;

3) текст А является протографом текста — источника текстов Б и В, но текст В отредактирован, отсюда и его большая удаленность от текста А, чем у текста Б;

4) тексты Б и В восходят к общему протографу, который явился источником текста А.

Если учесть неопровержимые текстологические свидетельства старшинства текста А по сравнению с Б и В, то в силе остаются варианты 1, 3 и 4. Следовательно, выбор одного из трех вариантов должен быть осуществлен на основании данных текстологического анализа. Вариант 1 будет обоснован только в том случае, если текст В не будет содержать чтений, лучше передающих чтения текста А по сравнению с текстом Б. Вариант 4 будет иметь силу тогда, когда текст А не содержит отклонений от протографа, имеющих в текстах Б и В¹¹.

Я. С. Лурье привел, с нашей точки зрения, убедительные данные в пользу первичности 1-й пространной редакции Первого послания Ивана Грозного Курбскому по отношению ко 2-й пространной редакции. Дан-

⁵ Я. С. Лурье написал раздел «Археографического обзора», посвященный посланиям Ивана Грозного Курбскому.

⁶ Там же, с. 339.

⁷ Лурье Я. С. Археографический обзор Посланий Ивана Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного. М.: Л., 1951, с. 558.

⁸ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 336.

⁹ Лурье Я. С. Археографический обзор Посланий..., с. 546.

¹⁰ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 338.

¹¹ Правка текстов А или В в рассматриваемом нами случае взаимоотношения списков Первого послания Ивана Грозного Курбскому исключена (Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 344—345), что делает наши четыре варианта единственно возможными.

ная классификация взаимоотношения редакций основана на учете чтений, являющихся безусловными ошибками писцов, она представляется однозначной и необратимой¹².

Я. С. Лурье привел 47 случаев разночтений, свидетельствующих, с его точки зрения, о первичности хронографического вида по отношению к виду «сборников Курбского»¹³. Если бы нам не удалось обнаружить в тексте вида «сборников Курбского» чтений, лучше передающих текст 1-й пространной редакции по сравнению с хронографическим видом, то классификация Я. С. Лурье являлась бы единственно возможным вариантом взаимоотношения списков. Но возможна текстологическая альтернатива:

1-я пространная редакция (ОР ГПБ, собр. Погодина, № 1311)	Хронографической вид по списку Ув ₂ (ОР ГИМ, собр. Уваров, № 330)	«Сборники Курбского» (Послания Ивана Грозного, с. 71–124)
слова божия (л. 298)	сына и слова божия (л. 6 об.)	слова божия (с. 71)
Исус Христом (л. 298)	Исусом Христом (л. 6 об.)	Исус Христом (с. 71)
Збысться на тебе реченное (л. 299 об.)	И збысться на тебе реченное (л. 9)	Збысться на тебе реченное (с. 73)
Яко же рече (л. 300)	Яко рече (л. 9)	Яко же рече (с. 74)
иже имея (л. 299 об.)	еже имея (л. 9)	И еже имея (с. 73)
и отпал еси (л. 300)	отпал еси (л. 9 об.)	и отпал еси (с. 74)
Еже убо он свое благочестие соблюде (л. 300 об.)	Еже он благочестие соблюде (л. 10)	еже бо он благочестие свое соблюде (с. 75)
и похваляя (л. 300 об.)	И похваляти (л. 10)	и похваляя (с. 75)
приказали служити деда нашего детям и внучатом (л. 300 об.)	приказали такоже служити деда нашего детям и внучатам (л. 10 об.)	приказали служити и деда нашего детям и внучатом (с. 75)
И ты то все забыл еси, собацким изменным обычаем (л. 300 об.—301)	и ты то все забыл собацким своим изменным обычаем (л. 10 об.)	И ты то все забыл собацким изменным обычаем (с. 75)
державу, данную ми от прародителей наших (л. 301 об.)	державу, данную нам и от прародителей наших (л. 11 об.)	державу, данную ми от прародителей наших (с. 76)
а не бояре и вельможи (л. 301 об.)	а не бояре и не вельможи (л. 11 об.)	а не бояре и вельможи (с. 76)
разпыхаяся (л. 302 об.)	распыхахуся (л. 12 об.)	разпыхаяся (с. 77)
Ино несть сие, несть (л. 302 об.)	Ино несть сие (л. 13)	Ино несть сие, несть (с. 78)
Романа Галичского (л. 303)	Романа Галицкаго (л. 13 об.)	Романа Галичского (с. 78)
Мемѣиосу (л. 303 об.)	Мѣиосу (л. 14)	Мумѣиосу (с. 79)
или убо предложиши ми плач Давыдов? (л. 303 об.)	или убо предложим плач Давыдов? (л. 14)	Или убо предложи ми плач Давыдов? (с. 79)
не хотя убинения, а сице сотвори (л. 303 об.)	и не хотя убинения (л. 14)	и не хотя убинение сотвори (с. 79)
и ваша злобесная на церковь востания (л. 303 об.)	и ваша на церковь злобесная умышления и востания (л. 14 об.)	и ваша злобесная на церковь востания (с. 79)
сына Навацца (л. 303 об.)	сына Навадяца (л. 14 об.)	сына Наваца (с. 79)
и отступи от бога жива (л. 303 об.)	отступи от бога жива (л. 14 об.)	и отступи от бога жива (с. 79)
какже разсудиши и се, еже таково во благочестии царь (л. 304 об.)	какже разсудиши и сие, яко таково благочестие царь (л. 16)	какже разсудиши и се, еже таково благочестие царь (с. 80)
мучение (л. 305)	мучения (л. 16 об.)	мучение (с. 81)
делом благим (л. 305)	добрым делом (л. 16 об.)	делом благим (с. 81)
Чадо Тимофее, се же веждь... (л. 306 об.)	Чадо Тимофее, еже веждь... (л. 18 об.)	Чадо Тимофее, се же веждь... (с. 84)
времена люта (л. 306 об.)	времена лютая (л. 18 об.)	времена люта (с. 84)

¹² Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 332–334; Данги А. Указ. соч., с. 78.

¹³ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 336–346.

А се ли тма, яко царю (л. 306 об.)	А се ли тма, иже ко царю (л. 19)	А се ли тма, яко царю (с. 84)
дабы аз (л. 307)	дабы я (л. 19)	дабы аз (с. 84)
по вашему злобесному хо- тению разуму случися (л. 307)	по вашему злобесному хо- тению случися (л. 19)	еже по вашему злобесному хотению разуму случися (с. 85)
В царствие же Анастасия Дикорта Драчанина (л. 307 об.)	Во царьство же Анастасия Кинорта Фрачанина (л. 20- 20 об.)	Во царьства Анастасия Ди- корта Драчанина (с. 85)

Приведенных 30 разночтений (а их можно привести и гораздо больше), как нам представляется, вполне достаточно, чтобы убедиться, что виды хронографический и «сборников Курбского» восходят к общему протографу, имевшему перебивку листов. В пользу этого предположения свидетельствует именно система взаимосвязанных мелких текстуальных разночтений, позволяющая исключить возможность правки текста протографа «сборников Курбского» по исправному списку 1-й пространной редакции — в таком случае было бы не вполне ясно, почему писец учитывал мелкие текстуальные разночтения, игнорируя перестановки текста, нарушающие смысл. Судя по исследованию Я. С. Лурье, в случае со «сборниками Курбского» мы имеем дело с «закрытой традицией»¹⁴, что только подтверждает приведенную аргументацию.

Вопрос о взаимоотношении видов 2-й пространной редакции Первого послания Ивана Грозного является спорным. Некоторые из приведенных разночтений подтверждают нашу гипотезу об общем протографе хронографического вида и «сборников Курбского». В подтверждение этого вывода приведем еще и следующие разночтения:

1-я пространная редакция	Хронографический вид	«Сборники Курбского»
Что <i>убо</i> безместно	Что местно от сия	Что <i>убо</i> от сея
Озия творяше, <i>кады</i> бога? (л. 333 об.)	твориши, <i>отпаде</i> бога? (л. 44 об.)	безместно твориши, <i>краде-</i> [искаженное от <i>каде?</i> — С. М.] бога?

Не вполне ясно предположение Я. С. Лурье: «В ряде случаев У_в, занимает своеобразное промежуточное место между остальными списками 2-й пространной редакции и 1-й пространной редакцией»¹⁵:

1-я редакция	У _{в2}	ХС и «сборники Курбского»
45) тако же <i>постриженных</i> (л. 302 об.)	такое же <i>коих</i> (л. 13)	такое же <i>святыя</i> (с. 78)

Здесь наблюдается лексическая замена на синоним в списках Х (ОР ГПБ, Основное собр., F.IV.165) и С (ОР ГПБ, собр. С-Петербургской духовной академии, А1/91) и «сборниках Курбского», в то время как в У_{в2} читается испорченное место, что, на наш взгляд, явно и не требует дополнительной аргументации. Не вполне убедителен и довод в пользу более позднего происхождения текста посланий Грозного в «сборниках Курбского» по сравнению с хронографическим видом, основанный на априорном представлении о характере редактирования средневековых нарративных памятников: «Если бы редактирование рассказов о событиях в годы юности Ивана IV осуществлялось современным редактором (да еще таким, как Иван Грозный), то он не преминул бы внести туда новые фактические подробности. Именно такие особенности редактирования характерны, например, для лицевых сводов XVI в. (Синодальный список и Царственная книга); возвращаясь в своем Втором послании Курбскому к событиям, описанным в Первом послании, царь также дополнял их новыми деталями»¹⁶.

Как нам представляется, здесь Я. С. Лурье не вполне правомерно

¹⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 169; Данги А. Указ. соч., с. 87—88; Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 345.

¹⁵ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 339.

¹⁶ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор, с. 345.

отождествляет характер правки в Лицевом своде второй половины XVI в с характером дополнений по содержанию в памятнике, имевшем и свое самостоятельное назначение, и функциональные отличия от официальной лицевой летописи,— со Вторым посланием Ивана Грозного Курбскому. К тому же приписывать стиль и характер правки в Лицевом своде Ивану Грозному можно было бы только при наличии твердо атрибутированных Ивану Грозному нарративных памятников с его собственноручной или от его имени правкой. А так, употребляя выражение самого Я. С. Лурье, догадка превращается в гипотезу¹⁷. В данном случае аргументация Я. С. Лурье вступает в противоречие с результатами его текстологической работы, которая применительно к разбираемому вопросу не нуждается в дополнительных доказательствах, основанных на догадках.

Отдельные малоубедительные выводы, связанные прежде всего со спорностью некоторых методических приемов ученого, имеются и в недавно вышедшей монографии Б. М. Клосса¹⁸.

Специальный параграф главы «Лицевой свод Ивана Грозного» Б. М. Клосс посвятил знаменитым припискам в Лицевом своде, породившим поток литературы в отечественной историографии. Б. М. Клосс поддерживает точку зрения Д. Н. Альшица о существовании «списка измен», использованного как при составлении Первого послания Ивана Грозного Курбскому, так и для написания текста приписок в Лицевом своде второй половины XVI в.¹⁹ По мнению Б. М. Клосса, «читающееся в послании и приписках к Своду (и, следовательно, находившееся в их общем источнике) повествование об убийстве Юрия Глинского в Успенском соборе, очевидно, написано в ответ на брошенное Курбским обвинение царя в кощунстве — пролитии крови в церкви. Поэтому первоначальный вид источника совершенно точно датируется 1564 г., и его составление следует связывать с подготовкой царского послания изменнику Курбскому»²⁰.

Характеризуя источниковедческую гипотезу, Я. С. Лурье отмечает, что «она должна находиться в полном соответствии с фактическим материалом и охватывать своим объяснением весь этот материал»²¹. Руководствуясь этим положением и учитывая его безусловную применимость к текстологии²², попытаемся подробнее рассмотреть обоснование Б. М. Клоссом гипотезы о «совершенно точной датировке» «первоначального вида источника» Первого послания Ивана Грозного Курбскому и приписки о народном восстании 1547 г. в Москве 1564 годом.

Известия о восстании 1547 г. имеются в ряде памятников летописания — в так называемом «Летописце начала царства» 1-й, ранней редакции, в позднейших летописных памятниках с привлечением его текста, в так называемом Постниковском летописце и Хронографической летописи²³. По непонятным нам причинам Б. М. Клосс их к исследованию не привлек, ограничившись в данном случае текстами Первого послания и приписки.

Многие исследователи уже пытались установить источники правки и редактирования так называемой Царственной книги²⁴ (далее Ц), но

¹⁷ Лурье Я. С. О гипотезах и догадках в источниковедении.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1976. М., 1977; *Он же*. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 7.

¹⁸ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

¹⁹ Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.— ИЗ, М., 1948, т. 25, с. 287; Клосс Б. М. Указ. соч., с. 254—255.

²⁰ Клосс Б. М. Указ. соч., с. 255.

²¹ Лурье Я. С. О гипотезах и догадках..., с. 31.

²² Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей.— ВИ, 1973, № 8, с. 195.

²³ Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.— В кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 171—172; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973, с. 22—30.

²⁴ В основу этой части настоящей статьи положен доклад, сделанный автором на Ереванской конференции по истории средневековой письменности и книги в октябре 1977 г. (Морозов С. А. К вопросу о методике анализа интерполяций в Цар-

вопрос до сих пор остается не вполне ясным и не может считаться решенным окончательно. Как отмечено выше, Д. Н. Альшиц предполагает наличие при редактировании Лицевого свода «списка измен». Вслед за ним Б. М. Клосс пишет, что «общий источник царского послания и летописных приписок представлял собой подборку материалов, направленных на изобличение боярских измен и мятежей»²⁵. В свое время С. О. Шмидт выдвинул предположение, что в распоряжении редактора Лицевого свода, и в частности интересующих нас листов, были «какие-то летописные заготовки тех лет, когда официальное летописание было делом Адашева и Висковатого»²⁶.

Из всей обширной литературы, посвященной текстологическому исследованию приписок, лишь Д. Н. Альшиц и Б. М. Клосс уделили внимание зачеркиваниям. Д. Н. Альшиц связал написание приписок с именем Ивана Грозного²⁷, полагая, что царь редактировал текст приписок в процессе его написания (автоцензура).

Б. М. Клосс на основании анализа зачеркиваний пришел, как и мы, к выводу о том, что в основе текста приписок лежал письменный текст²⁸. Поскольку в монографии Б. М. Клосса анализ зачеркиваний основывается на исследовании приписки под 7061 г. о болезни Ивана Грозного, мы приведем аргументацию в пользу этого вывода, основанную на изучении текста приписки о народном восстании 1547 г.

Рассмотрим правку текста в рассказе «О убийении Юрия Глинского»: «И после пожару на 2 день приехал царь и великий князь навещати Макария митро[по]лита на Новое и вражиим наветом нача[ша]...» (Ц, л. 305). Слово «нача» не дописано до конца, должно быть «нача[ша]», поскольку оба глагола стоят в сигматическом аористе — если бы в источнике был глагол «нача», то в уста царя вкладывались бы слова, сказанные «вражиим наветом». Если же мы примем глагол «начаша» (3-е лицо множественного числа сигматического аориста), то получим логически и грамматически правильную конструкцию, которая читалась, очевидно, в источнике, которым пользовался писец: «И после пожара на 2 день приехал царь великий князь навещати Макария митро[по]лита на Новое и вражиим наветом нача[ша глаголати...]» (Ц, л. 305). Пропуск и повторное написание союза «и» в словах «Новое и вражиим» объясняются спешкой, с которой писавший делал скорописные приписки²⁹.

Буквы «от» в словах «кропиша [от] и оттого» зачеркнуты явно вследствие пропуска в процессе письма союза «и» из текста-источника³⁰. В фразе «А сие глаголаху [того] чернии людие того ради» (Ц, л. 305) слова «чернии людие» были либо вставлены в первоначальный текст источника позднее, при написании приписки, либо пропущены при письме. Буква «ш» в слове «приеха(ш)» зачеркнута, видимо, потому, что первоначально писавший хотел написать «приеха(ш) [е]», т. е. вместо сигматического аориста 3-го лица единственного числа поставить глагол в имперфекте 3-го лица единственного числа. Вероятно, так было в источнике приписки, причем в таком случае глагольная форма (имперфект) согласуется с другими глаголами в рассматриваемом отрывке текста:

ственной книге: (Опыт реконструкции). — В кн.: Конференция по истории средневековой письменности и книги. К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тезисы докладов. 25—27 октября 1977 г. Ереван, 1977, с. 60).

²⁵ Клосс Б. М. Указ. соч., с. 255.

²⁶ Шмидт С. О. Становление..., с. 54 и сл.; *Он же*. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — СА, 1966, № 2, с. 50.

²⁷ Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — Исторические записки, М., 1947, т. 23, с. 251—289; *Он же*. Происхождение и особенности источников..., с. 269—292; *Он же*. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Тр. ГИИ, Л., 1957, т. 4/1, с. 119—146.

²⁸ Клосс Б. М. Указ. соч., с. 255.

²⁹ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.: Л., 1962; Шмидт С. О. О датировке приписок в Лицевом летописном своде. — В кн.: Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975, с. 310.

³⁰ Там же, с. 310, прим. 33.

ср. быше, но: услыша, наустиша, взяша, убиша, извлекоша, положиша (ПСРЛ, СПб., 1906, т. 13, ч. 2, с. 456). Как явствует из анализа текста, глаголы, относящиеся к Юрию Глинскому, стоят в имперфекте.

Зачеркнутые буквы «к не» во фразе «Бояре же по своей [к не] къ Глинским недружбе наустиша черни...» (Ц, л. 305) позволяют сделать предположение, что в источнике приписки читалось: «Бояре же по своей к не[му] недружбе...», т. е. к Юрию Глинскому. Редактор же, по всей видимости, изменил текст своего источника, усиливая акцент на фамилии царских родственников.

Фраза «ркуще безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша (а мати твоя кыгн) [а мати твоя княгиня Анна сорокою летала, да зажигала, да изъ людей]...» (Ц, л. 305 об.) явно написана не на месте, ведь она относится только к князю Юрию Глинскому. В эту же фразу, очевидно, входили слова «...ркуще безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша...» — т. е. «зажиганием» Глинских.

Ход написания данного места нам представляется следующим образом. Писец, желая вставить имена «совета сего» в фразу «Быша же в совете сем... и инии мнози» (Ц, л. 305—305 об.), разорвал связный текст своего источника, исключив из него слова «ркуще безумием своим...да из люде[й] сердца человеческие вымала»³¹. Это место в источнике приписки, опущенное вследствие вставки отмеченной фразы, вызвало наибольшие сомнения у писца. К тому же он начал писать на л. 305 об. Ц, что потребовало сверки с уже написанным текстом на л. 305, в результате чего он зачеркнул лишний текст, впрочем, дважды начав писать его с фразы «а мати твоя» и один раз, не отмеченный в публикации С. Ф. Платонова, — с фразы «[ле]тала да» (Ц, л. 305 об.). Одним из аргументов в пользу вставного характера списка имен «совета сего» является отсутствие имен в соответствующем месте Первого послания Ивана Грозного Курбскому: «...наши же изменные бояре, от тебя же нарицаемая мученики (их же имена волею премину)...»³². Р. Г. Скрынников, имея, очевидно, в виду это обстоятельство, в одной из последних своих работ, посвященных припискам в Синодальном томе Лицевого свода и Ц, делает предположение, что «едва уловимые отличия почерка создают почву для осторожного предположения: не являются ли эти строки поздней вставкой?»³³ (имеются в виду имена лиц «совета сего»). Предположение Р. Г. Скрынникова о более позднем внесении этого текста по сравнению с основным на л. 305—305 об. не подтверждается палеографическим анализом. Он свидетельствует об идентичности почерка приписки на л. 305 и 305 об.: ср., например, написание одинаковых слов на л. 305 и 305 об.: в словах «протопоп благовещенской» выносные буквы «п», «н», «и», аббревиатура под титлом «блг» (л. 305 11-я строка приписки и л. 305 об. 1-я строка приписки); в словах «князь Федор Шуйской» выносные буквы: «з» — в слове «князь», «р» — в слове «Федор», «и» — в слове «Шуйской». Графика букв в словах на л. 305 и 305 об. идентичная.

Приведем реконструированный текст источника приписки полностью: «Они же начаша глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детьми възхводала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела. И сие глаголаху того ради, что въ те поры Глинские у государя въ приближение и въ жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же ихъ отъ того не унимаху. А князь Михаило Глинской тогда быше и съ матерю на огосударском жалование на Ржеве...». Этот текст находит соответствие в целом ряде источников. Так, в Хронографической летописи версия этого рассказа идентична версии 1-й редакции Летописца

³¹ Чтение в квадратных скобках восстанавливается на основе употребления в зачеркнутой фразе глаголов в сигматическом аористе 3-го лица единственного числа после существительных.

³² Переписка Ивана Грозного..., с. 29; *Лишачев Д. С.* Текстология, с. 71.

³³ *Скрынников Р. Г.* Загадка древнего автографа.— ВИ, 1977, № 9, с. 110.

начала царства и редакционно отлична от соответствующего места и источника приписки в Ц и Первого послания:

Хронографическая летопись

«москвичи черные люди возволновались, что будтося Москву зажигали Глинских люди»³⁴

1-я редакция Летописца начала царства

«...черные людие града Москвы ...восколебашеся, яко юрди..., а людей княжь Юрьевых побиша... ркуще безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша»³⁵

В Первом послании, как известно, «изменные» бояре «научиша народ скудожайших умов, бутто матери нашей мать, княгини Анна Глинская, с своими детьми и людьми сердца человеческого вымалы и таким чародейством Москву попалили»³⁶.

Любопытно отметить и то обстоятельство, что текст источника приписки, судя по всему, был в известной редакционной переработке использован и в Хронографической летописи, и в 1-й редакции Летописца начала царства. Так, Хронографическая летопись в соответствии с текстом источника приписки отмечает факт пребывания М. Глинского на Ржеве, причем в той же композиционной последовательности, что и реконструируемый нами источник:

Ц

«А князь Михайло Глинской тогда бяше и съ матерю на огосударском жалованье на Ржеве...»

Источник приписки в Ц (реконструкция)

«...а князь Юрь Глинской тогда приеха (ш) [е] туго же, и какъ услышал про матеръ и про себя такие неподобные речи, и пошел въ церковь въ Пречистую. Бояре же по своей (к) [тъ] (не) [му] недружбе наустиша черни, они же взяша князя Юрия въ церкви, ркуще безумием своим, яко «вашим зажиганием двор наши и животы погореша, (а мати твоя княгиня Анна сорокою летала да зажигала да из люде) [й] сердца человеческого вымала»; и убиша его въ церкви, извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед того кол, идеже казнят. А людей княже Юрьевых безчислено побиша и живот княжей разграбша. Много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы, называючи их Глинского людми»⁴¹

Хронографическая летопись

«... и от тое коромолы князь Михайло Глинской с жалования со Ржовы хоронился по монастырем»³⁷

Хронографическая летопись

Летописец начала царства

Первое послание Ивана Грозного

«И тако тех изменников научением боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинского, воскрячав, народ иудейским обычаем изымав его в приделе великомученика Христова Димитрия Селунского, выволокли в соборную и апостольскую церковь пречистыя Богородицы против митрополича места, без милости его убиша и кровию церковь наполниша и выволокли его мертва в передние двери церковныя и положиша его на торжищи яко осужденника»³⁹

«...а москвичи черные люди, собрався велье, убили боярина князя Юрья Васильевича Глинского в Пречистой в соборной церкви на обедне на иже-херувимской песни»³⁸

«...черные людие града Москвы от великие скорби пожарные восколебашеся, яко юрди, и пришедше во град и на площади убиша камение царева и великого князя боярина князя Юрия Васильевича Глинского и детей боярских многих побиша, а людей княжь Юрьевых безчислено побиша и живот княжой розбиша, ркуще безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша»⁴⁰

³⁴ Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года.— ИА, т. 7, М., 1951, с. 292.

³⁵ ПСРЛ, М., 1965, т. 29, с. 54.

³⁶ Переписка Ивана Грозного..., с. 29.

³⁷ Шмидт С. О. Продолжение хронографа..., с. 292.

³⁸ Там же.

³⁹ Переписка Ивана Грозного..., с. 29.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 29, с. 54.

⁴¹ Текст Ц приводится по рукописи: ОР ГИМ, Синодальное собр., № 149.

Наряду с общим текстологическим сходством рассматриваемых памятников можно обнаружить и показательные для истории версий об убийстве Юрия Глинского текстологические отличия. Так, например, в Летописце начала царства 1-й редакции можно отметить версию убийства Ю. В. Глинского на площади и сообщение об убийстве детей боярских, которые явно являются редакционно не вполне удачным осмыслением текста источника приписки. Фраза, обращенная к Юрию Глинскому в церкви, вернее ее начало («вашим зажиганием дворы наши и животы погореша»), в Летописце оказалась не на месте. При редактировании она была перенесена в конец рассказа и стала обращением восставших к людям Глинского. Хронографическая летопись сохранила смысл источника во фразе об убийстве Ю. В. Глинского «вечьем» — в данном случае подразумевалась толпа (ср. в Первом послании: «соннице иудейское»).

В Постниковском летописце читается текстологически независимая версия: «А говорили про оба пожара, что зажигали зажигальники. И зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертноу казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали. А после того того же лета явилась на Москве по улицам и по иным городом, и по селом, и по деревням многие сердечники, вымали из людей сердца»⁴².

На основании приведенного текстологического анализа можно утверждать, что источник приписки в Ц под 1547 г. явился источником не только Первого послания Ивана Грозного Курбскому, но и версий рассказа об убийстве Ю. В. Глинского, читающихся в Хронографической летописи и Летописце начала царства 1-й редакции. Возможно, два последних памятника связаны между собой определенной текстологической зависимостью, выяснение которой — тема специальной работы.

Время возникновения Хронографической летописи датируется началом 50-х годов XVI в., как, впрочем, и Летописца начала царства 1-й редакции (около 1555 г.)⁴³. Следовательно, вывод Б. М. Клосса о датировке источника приписки не подтверждается при анализе всей совокупности памятников, в которых сохранился рассказ об убийстве Ю. В. Глинского во время народного восстания: источником приписки, судя по форме, содержанию и стилю, была летописная запись (летописный рассказ), которую можно датировать временем между 1547 и 1555 гг. (временем восстания и временем создания 1-й редакции Летописца начала царства по А. А. Зимину).

Аналогичную по своей природе неточность Б. М. Клосс допускает и в отношении датировки знаменитой приписки в Ц о болезни Ивана Грозного в марте 1553 г.

По мнению Б. М. Клосса, «несколько несуразностей заключено во фразе из начального фрагмента приписки под 7061 г... Автор, видимо, забыл, что Астрахань в 1553 г. еще не была присоединена, и оценивал положение Русского государства с позиций позднейшего времени»⁴⁴. Действительно, в тексте приписки читается: «...и христианское Росийское царство възвеличашеся и бесерменская жилища изспражняхуся, Казань и Азстарахань, и безверные языцы, Крым, и Литва и Немцы, страховахуся»⁴⁵.

И все же вряд ли правомерно в качестве аргумента о датировке первоначального вида источника приписок в Ц 60-ми годами XVI в. ссылаться на текст рассматриваемой приписки. Он мог быть создан и в 50-е годы XVI в. Уже в наказной памяти послу от московских бояр к «панам радам литовским» Никите Семенову сыну Суцеву, датированной январем

⁴² ПСРЛ, М., 1978, т. 34, с. 29.

⁴³ Шмидт С. О. Продолжение хронографа..., с. 257—258; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958, с. 38—43.

⁴⁴ Клосс Б. М. Указ. соч., с. 259.

⁴⁵ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 522.

1553 г. (т. е. до болезни Ивана Грозного), говорится: «А нечто воспросят про Астарахань,— и Никите говорити: тому три годы минуло, как Астарахань взяли государя нашего казаки; а царь астараханский Ямгурчей из Астарахани ушел был в Черкасы, да из Черкас посылал государю нашему бити челом, чтоб ево государь пожаловал, посадил опять на Астарахани. И государь его пожаловал, посадил опять на Астарахани, и ныне на Астарахани сидит царь из государя нашего руки и смотрит во всем на государя нашего»⁴⁶.

В грамоте к польскому королю Сигизмунду Августу, датированной 14 сентября 1554 г., в титуле Ивана Грозного между словами «Казанского» и «Псковского» появляется слово «Астраханского», а в наказной памяти Федору Вокшерину, относящейся к этому же комплексу посольской документации, говорится: «...и божьей волею, тот Астараханский юрт ныне наш юрт»⁴⁷.

Следовательно, с точки зрения автора приписки (вне зависимости от ее атрибуции), который руководствовался официальной оценкой дипломатии Посольского приказа, Астрахань к 1553 г. уже была «протекторатом» России, а позднее, с июля 1554 г., когда астраханцы дали Ивану Грозному шертную грамоту, стала «составной частью» России⁴⁸.

На наш взгляд, истоки выводов Б. М. Клосса в обоих случаях лежат в нарушении одного из основных принципов текстологического анализа — обязательности привлечения для исследования всего фонда материалов, затрагивающих и отражающих в той или иной степени описываемые в изучаемом тексте события⁴⁹.

Впрочем, исследование литературы по прикладной текстологии средневековых нарративных памятников свидетельствует о том, что иногда ошибки в методике текстологического анализа допускаются в начальной стадии изучения памятников. Рассмотрим в качестве примера изыскания В. А. Чемерицкого о взаимоотношении списков так называемой Белорусской I летописи (свода 1446 г.) (далее: БІЛ). Д. С. Лихачев, рассматривая методику изучения летописных текстов, отмечает, что «исследователь следит в первую очередь за содержанием летописей, за их политическими тенденциями, за тем, какие статьи имеются в летописных текстах, каких нет и как расположен в них летописный материал во всей летописи в целом. Только во вторую очередь, уже после того как сличение по составу произведено, исследователь выявляет и анализирует отдельные разночтения»⁵⁰.

В. А. Чемерицкий на основании сравнительно-текстологического анализа Никифоровской, Академической, Супрасльской и Слуцкой летописей пришел к выводу, что «сопоставление этих списков между собой и с русскими летописями позволило установить, что самый древний, наиболее близкий к протографу текст первого белорусского свода сохранил Никифоровский список, к нему примыкает также и Академический. Вторую пару составляют списки Супрасльский и Слуцкий, вышедшие из одного общего, но более позднего списка»⁵¹.

В монографии, основанной на кандидатской диссертации, В. А. Чемерицкий дал схему взаимоотношения списков БІЛ⁵² (см. с. 120).

На основании этой схемы, если исходить из выводов В. А. Чемерицкого, можно ожидать, что Академический список не будет повторять индивидуальных текстологических особенностей Супрасльского списка. При сравнении всех четырех списков между собой обращает на себя внимание

⁴⁶ Сб. РИО. СПб., 1887, т. 59, с. 375—376.

⁴⁷ Там же, с. 447.

⁴⁸ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 244.

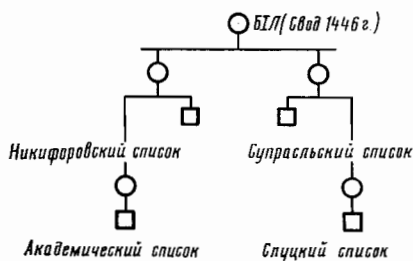
⁴⁹ Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 195.

⁵⁰ Лихачев Д. С. Текстология..., с. 357.

⁵¹ Чемерицкий В. А. Белорусские летописи как памятники литературы: Возникновение и литературная история первых сводов; Автореф. дис... канд. ист. наук. Минск, 1967, с. 7.

⁵² Чамярыцкі В. А. Беларуская летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 133.

то обстоятельство, что в Академическом списке имеются статьи под 6852 и 6854 гг., отсутствующие в Никифоровском списке, но читающиеся в Супрасльском списке. В Супрасльском списке читается статья под 6852 г. о хождении митрополита Феогноста в Орду, а под 6854 г. — статья о смерти жены великого князя Московского Семена Ивановича Гордого Анастасии «во черницах», о женитьбе Семена Ивановича на дочери Федора Святославича князя Волоцкого Евпраксии и об отсылке ее к отцу на Волок. Под 6856 г. в Супрасльском списке читается статья о женитьбе Семена Ивановича без митрополичьего благословения на Марии Александровне, дочери великого князя Тверского Александра Михайловича,

и о послании посольства в Царьград для получения патриаршего благословения на этот брак⁵³. В Академическом списке читается статья под 6852 г., но опущены две статьи под 6854 г. о Евпраксии Федоровне Волоцкой. Текст же статей 6854 и 6856 гг. объединен⁵⁴.

В Академическом списке, как и в Супрасльском списке, под 6858 г. читается статья о чуде у гроба Петра-

митрополита. Эта статья отсутствует в Никифоровском списке.

Академический список, как и Супрасльский список, под 6860 г. содержит группу статей о митрополите Феогносте и великом князе Семіоне Ивановиче Гордом, которой нет в Никифоровском списке⁵⁵: «В лето 6860. Митрополить Феогность... а послы свои посла к Смоленську»⁵⁶.

Группа статей под 6861 г. Академического списка по составу совпадает не с теоретически ожидаемой, если исходить из классификации В. А. Чемерицкого, группой статей Никифоровского списка, а с соответствующей группой статей Супрасльского списка. В ней, как и в Супрасльском списке, читаются отсутствующие в Никифоровском списке статьи о благословении митрополитом Феогностом на митрополичий престол епископа Владимирского Алексея, о посылке митрополитом Феогностом и великим князем Московским Семеноном Ивановичем послов в Царьград, о преставлении митрополита Феогноста, великого князя Семена Ивановича, удельного князя Андрея Ивановича, о возвращении послов из Царьграда, о повелении епископу Владимирскому Алексею идти в Царьград для поставления в митрополиты («В лето 6861. Преосвященный митрополить Феогность... ити во Царьград на митрополию») ⁵⁷.

Если судить по концовке фрагмента статей под 6873 г. в Никифоровском списке: «...ля князь великий Дмитрий Константи[но]вичь... не ступися ему княжения»⁵⁸, то в Академическом и Супрасльском списках читается дополнительная группа статей, идентичная по составу: о приходе хана Тагая на Рязанскую землю и сожжении Переяславля, о разгроме войск хана Тагая рязанским князем Олегом Ивановичем и пронским князем Владимиром Ярославичем, о приходе из Орды князя Василия Дмитриевича Кирдяпы вместе с ордынским послом Урусманды, о победном походе великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского на своего брата Бориса Константиновича Суздальского, державшего Нижний Новгород, о преставлении епископа Суздальского Алексея («Тое же осени Тагаи... преставися епископ Алексей суздальский») ⁵⁹.

В Академическом списке читаются две статьи под 6874 г., которых нет в Никифоровском списке, — о море в Москве и о женитьбе великого князя

⁵³ ПСРЛ. М., 1980, т. 35, с. 28, 46, 103.

⁵⁴ Там же, с. 28, 46, 103.

⁵⁵ Там же, с. 28—29, 47, 103—104.

⁵⁶ Там же, с. 103—104.

⁵⁷ Там же, с. 29, 47, 104.

⁵⁸ Там же, с. 29, 48, 105.

⁵⁹ Там же.

Московского Дмитрия Ивановича (Донского) на княгине Евфимии Дмитриевне, дочери Дмитрия Константиновича Суздальского («В лето 6874. Бысть морь... Евдокию») ⁶⁰.

В группе статей под 6879 г. в Академическом и Супрасльском списках имеются дополнительные по сравнению с Никифоровским статьи — о неприятии на великое Владимирское княжение великого князя Тверского Михаила Александровича и его походе на Кострому («Выиде из Орды князь Михаило тферьский... лжею взял еси княжение», «Того же лета князь...») ⁶¹.

Наконец, группа статей Академического списка под 6880 г. редакционно идентична соответствующей группе статей Супрасльского списка и имеет две дополнительные статьи по сравнению с Никифоровским списком — это статьи о походе великого князя московского Дмитрия Ивановича против рязанского князя Олега Ивановича и о рождении у Дмитрия Ивановича сына Василия («Выиде из Орды князь великий Дмитрей Иванович... декабря 30») ⁶².

Следовательно, текстологически подтвердить вывод В. А. Чемерицкого о том, что Академический список примыкает к Никифоровскому и составляет с ним группу, противостоящую Супрасльскому и Слуцкому спискам, не представляется возможным. Материал, полученный в результате первого этапа текстологического анализа, о котором пишет Д. С. Лихачев, свидетельствует об обратном. Академический список близок к Супрасльскому.

Подводя итоги вышесказанному, мы должны констатировать, что в отдельных работах еще встречается отход от основных принципов методики текстологического анализа, разработанных А. А. Шахматовым и обогащенных Д. С. Лихачевым и другими исследователями. Между тем только неукоснительное соблюдение этих принципов способно привести к позитивным результатам.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, с. 29, 48—49, 105.

⁶² Там же, с. 29, 49, 105.

Г. А. Пожидаева

ФОРМЫ ИЗЛОЖЕНИЯ ДЕМЕСТВЕННОГО МНОГОГОЛОСИЯ

(по певческим рукописям конца XV—XVIII в.)

Статья посвящена записи демественного многоголосия в певческих книгах конца XV—XVIII в. Основная цель автора — описание и систематизация различных форм изложения демественного пения, выявленных в рукописных источниках.

Раннее русское многоголосие до сих пор представляет одну из наименее исследованных областей музыкальной палеографии и медиевистики. Для музыкальной палеографии эта область особенно интересна, потому что здесь сложилась письменная традиция, чрезвычайно своеобразная не только по нотации, но и по формам изложения многоголосного пения.

Национальные особенности раннего многоголосия отмечали многие исследователи. Так, А. В. Преображенский писал, что «оно выражается в формах и терминах чисто русских. Например, вместо вертикального сложения позднейшей партитуры находим здесь — захват, подхват, строчки, шиз, цуть, верх, демество, верхом или путем противу демества, демественное «?» и множество других, скорее контрапунктических терминов, как бы вызывающих к признанию их русского смысла, но не исследованных еще и не открывших своего подлинного значения»¹. И действительно, оригинальность рукописей русского многоголосия сказывается и в знаковой системе, и в формах изложения многоголосной традиции, и в сопутствующей терминологии.

В записи *демественного* многоголосия музыкальной палеографии известно несколько форм изложения. Однако, несмотря на то что каждая из них упоминается или описывается в медиевистике, их теоретическое обобщение еще не сложилось. Широко известна лишь единственная форма изложения демественного многоголосия — *строчная* партитура. Остальные формы его записи — *однострочная* и *смешанная* — до сих пор мало известны; более того, существование однострочной формы записи подвергается сомнению². Рассмотрим подробнее каждую из этих форм.

Строчная партитура как форма изложения древнерусского многоголосного пения хорошо знакома археографам и медиевистам: о ней упоминали все исследователи, так или иначе затрагивавшие проблему раннего русского многоголосия³. Строчная партитура является партитурой в при-

¹ Преображенский А. В. Культурная музыка в России. Л., 1924, с. 40.

² Фролов С. В. Старейшая певческая рукопись Древлехрамнища Пушкинского Дома.— ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 384—386; Он же. Из истории демественного распевания.— В кн.: Проблемы истории и теории древнерусской музыки. Л., 1979, с. 104—108.

³ Разумовский Д. В. Церковное пение в России. М., 1867, с. 213; Металлов В. М. Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1915, с. 84—85; Бражников М. В. Многоголосие знаменных партитур.— В кн.: Проблемы истории и теории древнерусской музыки, с. 9—23; Он же. Архивная обработка певческих рукописей.— В кн.: Бражников М. В. Статьи о древнерусской музыке. Л., 1975, с. 91; Беляев В. М. Древнерусская музыкальная письменность. М., 1962, с. 97; Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971, с. 232, 263; Левашева О., Келдыш Ю., Кандицкий А. История русской музыки. М., 1972, т. 1, с. 55; Келдыш Ю. В. На грани древнего и нового периодов русской музыки.— В кн.: Келдыш Ю. В. Очерки и исследования по истории русской музыки. М., 1978, с. 60—62; Gardner J. Das Problem des altrussischen demestischen Kirchengesangs und seiner linienlosen Notation. München, 1967, S. 135—138; Ibidem. Über die Klassifikation und die Bezeichnungen der altrussischen Neumenschriftarten.— Welt der Slaven, 1972, 1, S. 200.

вычном смысле этого слова, т. е. формой записи многоголосной музыки, фиксирующей все голоса и их соотношение по вертикали.

В демественном пении строчная партитура применяется для записи двух-, трех- и четырехголосных его образцов. Строки невменных знаков располагаются друг под другом над общим текстом. Каждая строка фиксирует один из голосов многоголосия (см. рис. 1в, г).

Напомним, что голоса демественного многоголосия назывались: демество, низ, путь и верх. Строчной партитурой записывалось пение с разным составом голосов: в двухголосии это демество и верх, демество и низ, путь и верх, путь и низ; в трехголосии — демество, путь и верх, демество, путь и низ; в четырехголосии соответственно — демество, низ, путь и верх.

В строчной партитуре сложился определенный порядок записи голосов над строкой текста (снизу вверх): демество, низ, путь, верх⁴. Такое расположение голосов чаще всего сохраняется в записи их различных сочетаний, например в трехголосии (снизу вверх): демество, низ и путь, низ, путь и верх; в двухголосии: демество и низ, низ и путь, путь и верх.

Образцы строчного двухголосия известны нам еще в источниках раздельноречного текста начиная с XVII в.; они сохраняются в рукописях на протяжении всей второй половины XVII в. Строчная запись трехголосного демества является наиболее распространенной с периода исправления певческих книг в третьей четверти XVII в. и до конца XVII в. В отдельных списках демественное троестрочие встречается еще в середине XVIII в. (ОР ГБЛ, собр. Большакова, ф. 37, № 139, Октоих). Строчная партитура четырехголосного демественного пения обнаружена в редких списках конца XVII — начала XVIII в., например ОР ГПБ, собр. Погодина, № 399, Обедница. Такие партитуры не получили широкого распространения, и это, по-видимому, связано с небольшой распространенностью такой разновидности демества, как четырехголосие⁵.

В строчных партитурах демественного пения применяется демественная нотация с пометами и без помет. Известные нам партитуры, записанные столбовой нотацией, являются, вероятно, образцами иной певческой традиции⁶.

Однострочная запись по голосам известна как более ранняя форма изложения русского многоголосия. Она бытовала в двух разновидностях: *последовательном* изложении голосов и *раздельном* их изложении в разных рукописях. Обратимся к каждой из них.

Последовательное изложение партий профессионального многоголосия древнерусской музыки обнаружено сравнительно недавно. Гипотеза о записи отдельных партий демественного многоголосия в ранний период его развития высказана М. В. Бражниковым в работе «Многоголосие знаменных партитур»⁷. Эта идея развивается В. М. Беляевым; он пишет о последовательном изложении партий древнерусского многоголосия, вводя это определение и ссылаясь на рукопись начала XVII в., хранящуюся в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки⁸. Краткий анализ песнопений такого типа изложения и их публикация, сохранившая форму последовательного изложения материала, были сделаны Н. Д. Успенским⁹. Сама форма последовательного

⁴ В отдельных рукописях встречаются отклонения, когда голоса расположены в ином порядке — снизу вверх: низ, путь, демество, верх, например в рукописи рubeжа XVII—XVIII в. (ОР ГПБ, собр. Погодина, № 399).

⁵ Распространенность троестрочных и нераспространенность четырехстрочных партитур отмечена М. В. Бражниковым (Архивная обработка певческих рукописей.— В кн.: Бражников М. Статьи о древнерусской музыке, с. 91).

⁶ Например, рукопись XVII в.: ОР ГИМ, Синодальное певческое собр., № 182.

⁷ Частичная публикация, подготовлена А. Н. Кручининой, А. С. Белоненко (Проблемы истории и теории древнерусской музыки, с. 23).

⁸ Ф. 283, № 15, Демественник.— В кн.: Беляев В. М. Древнерусская музыкальная письменность, с. 103.

⁹ Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство, с. 280—281; ОР ГПБ, Соловецкое собр., 763/690, л. 276 об.— 278.

изложения голосов рассматривается здесь на примере двух песнопений по одному списку.

Привлекая новые рукописные источники, рассмотрим такую форму изложения демественного многоголосия подробнее, обращая внимание на внешний вид партитуры, состав голосов, порядок их записи, обозначения голосов в источниках разного времени.

При последовательном изложении голоса многоголосия записываются последовательно друг за другом для каждого песнопения: сначала партия демества для одного песнопения, непосредственно за ней — партия пути того же песнопения, затем партия верха и, наконец, партия низа того же песнопения. По этой схеме обычно излагаются все образцы многоголосия в данной рукописи. Естественно, что при этом партии вносили в одну рукопись.

Текст каждого песнопения одинаково выписывается для каждой партии и повторяется в зависимости от количества голосов два, три или четыре раза. Крюковые строки каждого голоса отличаются друг от друга, так как представляют собой разные партии.

В рукописях XVI в. запись каждого голоса предварена его названием в строке или на полях. Чаще всего оно дано с сокращениями или титлами.

В рукописях XVII в. встречаются более подробные обозначения соотношений голосов, которые, как правило, записываются в строке текста перед изложением каждого голоса.

Последовательная запись партий применялась в двух-, трех- и четырехголосном демественном пении. При этом возможны различные сочетания партии демества с другими партиями: в двухголосии это демество и верх¹⁰, демество и низ¹¹, демество и путь¹², в трехголосии — демество, путь и верх¹³, демество, путь и низ¹⁴.

Порядок последовательной записи голосов, по-видимому, не был точно регламентирован и допускал весьма свободные перестановки. Только два голоса — демество и путь — имели более определенное место записи: демество излагалось чаще всего вначале, как первый и важнейший голос; путь писали обычно в середине — вторым или третьим в четырехголосии; путь в записи, как правило, обрамлен другими голосами. Голос низ обычно оказывается последним, верх — после пути или перед ним в четырехголосии, однако порядок их записи менее закреплен, чем в голосах демество и путь. По-видимому, голоса демество и путь были основными контрапунктирующими партиями трех- и четырехголосия.

В последовательной форме записи голосов применялась столповая и демественная нотация, последняя — с пометами.

Изучая образцы многоголосных демественных песнопений в последовательной записи партий, мы столкнулись с примерами особого исполнения многоголосных песнопений, которое, на наш взгляд, связано с распространенным явлением в истории русской культуры — многогласием. Подчеркиваем, что многоголосие и многогласие — принципиально *разные* явления. Если многогласие — «пение и чтение одновременно различных по последовательности частей службы»¹⁵, т. е. формальное совмещение во времени самостоятельных художественных форм (литературных и музыкальных), то многоголосие, как известно, характеризуется прежде всего не формальным, а осмысленным и оправданным соединением различных голосов в единую, художественно законченную музыкальную композицию.

¹⁰ ОР ГПБ, Софийское собр., № 481, л. 139 об.—141, первая половина XVI в.

¹¹ ОР ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 427, л. 804—805, конец XVI в.

¹² Там же, л. 854 об.—855.

¹³ ОР ГБЛ, Вологодское собр., ф. 354, № 140, л. 334—335, последняя четверть XVI в.

¹⁴ Там же, л. 331—333 об.

¹⁵ *Рогов А. И.* Вступительная статья.— В кн.: Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков / Сост. А. И. Рогов. М., 1973, с. 15.

Несмотря на то что по проблеме многогласия сохранилось довольно много литературно-исторических материалов¹⁶, в певческих источниках письменной традиции примеры, связанные с многогласием, до сих пор не были обнаружены. Такие примеры одновременного исполнения разных текстов в рамках одного певческого памятника мы встречаем среди образцов демественного многоголосия в последовательной форме изложения, при которой каждая партия могла быть выписана со своим текстом. Естественно, что последовательное изложение партий было единственно возможной формой записи для образцов, опирающихся на литературное (текстовое) многогласие и музыкальное многоголосие.

Остановимся на конкретных примерах демественных многоголосных песнопений, разные списки которых еще раз доказывают существование такой формы записи многоголосия, как последовательное изложение голосов. В данном случае рассмотрим многолетия светской и духовной властям и величание Богородице «Честнейшую херувим». Многолетия сравниваются в двух списках: 1) ОР ГПБ, Соловецкое собр., № 763/690, л. 276—278, 70-е годы XVI в.; образец опубликован и анализируется в книге Н. Д. Успенского «Древнерусское певческое искусство» (2-е изд., ил. XXIX а, б, с. 280—281); 2) ОР ГБЛ, Вологодское собр., ф. 354, № 140, л. 334—336 об., 1573—1584 гг.

Эти многолетия пели несколько раз в году: на царских часах на рождество Христа и богоявление и в день торжества православия; сначала исполняли многолетие светской власти — царю, затем — духовной власти, и, наконец, пели «Вечную память» Сергию Радонежскому. Многолетия пели демеством, путем и верхом, а «Вечную память» — демеством, путем, верхом и низом.

В музыкальном отношении песнопения двух списков — Соловецкого и Вологодского — одинаковы, но текст их отличается в отдельных фрагментах многолетия архиепископу. В рукописи Соловецкого собрания здесь упоминаются три лица: митрополит, архиепископ Новгорода и Пскова и архиепископ казанский и свияжский. В Вологодском списке текст одинаков во всех голосах: «Пресвященному архиепископу казанскому и свияжскому исполати деспотаа...аино».

Анализируя список Соловецкого собрания, Н. Д. Успенский придерживается такой точки зрения: если в рукописи указания на голоса демественного многоголосия — демество, низ, путь и верх — относятся к одинаковым, последовательно записанным текстам одного и того же песнопения, они исполняются одновременно в несколько голосов, т. е. многоголосно. Если же эти указания относятся к разным текстам, хотя и записанным последовательно, — исполнение остается одноголосным, но в манерах, соответствующих голосам: демеством, низом, путем и верхом. Так, анализируя многолетие царю Ивану Грозному, записанное демеством, путем и верхом, Н. Д. Успенский считает его трехголосным (текст здесь повторяется во всех партиях); анализируя «Вечную память» Сергию Радонежскому, записанную демеством, путем, верхом и низом, считает данное песнопение четырехголосным (текст здесь также одинаков во всех партиях). Точно так же многолетие архиепископу из Вологодского списка, где одинаковый текст предназначен для трех голосов — демества, пути и верха, по всей вероятности, следует считать многоголосным — на три голоса.

В Соловецкой рукописи многолетие духовной власти, изложенное с тремя фрагментарно различными текстами и снабженное указаниями на демество, путь и верх, рассматривается Н. Д. Успенским как запись трех последовательно исполняемых монодических песнопений — многолетия митрополиту демеством, многолетия архиепископу Новгорода и Пскова путем, наконец, многолетия архиепископу казанскому и свияжскому вер-

¹⁶ Часть литературно-исторических материалов о борьбе за единоголосное пение в богослужении в середине XVI—XVII вв. опубликована в кн.: Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков, с. 53, 77—92.

хом. Однако трудно допустить, чтобы при полном совпадении музыкального текста для всех трех голосов в обоих списках — Соловецком и Вологодском — способ исполнения был бы столь различным и в одном случае применялось бы одногласие в различных традициях пения — демеством, путем и верхом, а в другом случае исполнение было бы трехголосным теми же демеством, путем и верхом. Кроме того, путь и верх до сих пор известны в средневековой не как монодические певческие традиции, а как отдельные партии многоголосия, т. е. составные части целого, которым была многоголосная композиция. В данном случае при полном совпадении музыкальных строк двух списков логично предположить именно многоголосное пение по списку Соловецкого собрания, однако с различной подтекстовкой в момент провозглашения трех имен. Такая подтекстовка могла быть подсказана распространенной тогда манерой многогласного пения, хотя здесь можно говорить только о небольшом фрагменте песнопения, а не о песнопении в целом. Перед нами пример музыкального многоголосия и фрагментарно — литературного (текстового) многогласия.

Обратимся к другому, более сложному примеру — «Честнейшей херувим». Сравним запись «Честнейшей» в списках разного времени: нотированном списке конца XV — начала XVI в. (ИРЛИ, Причудское собр., № 97, л. 228 об.— 229) и нотированных списках XVII в., один из которых содержит песнопение целиком (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, ф. 379, № 81, л. 125—128 об., 3-я четверть XVII в.), другой — три голоса, кроме верха (Ленингр. дух. акад.— ЛДА, 312/Р, л. 262 об.— 264 об., 70-е годы XVII в.), и два списка являются партиями пути и низа (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, ф. 379, № 46, л. 38—42, 40-е годы XVII в.— *путь*; собр. Большакова, ф. 37, № 364, л. 277 об.— 279 об., 3-я четверть XVII в.— *низ*).

В Причудской рукописи выписаны следующие тексты с указаниями на голоса: «Честнейшу всеа твари» — демество, «Честнейшую херувим» — верх, «Избранную в родех» — низ, «Доброту тя Иаковлю» — путь.

Анализ записи этого песнопения содержат указанные статьи С. В. Фролова, в которых автор рассматривает четыре текста как самостоятельные песнопения, исполняемые в различных манерах. Однако у нас уже была возможность убедиться, что если даже указания на партии многоголосия — демество, низ, путь и верх — соответствуют фрагментарно различным текстам, то эти тексты исполняются одновременно, т. е. звучит многоголосная композиция с различной подтекстовкой в отдельных случаях. Приведем также дополнительные аргументы в пользу многоголосного исполнения и нотированных списков «Честнейшей».

Сравнение текстов этих списков показало, что в Причудской рукописи и списках XVII в. они совпадают во всех голосах, кроме партии пути. Последняя подвергается наибольшему изменению в списках XVII в. — в списке партии пути (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, № 46) содержатся три текста, два из которых предваряются ремарками: «Вторые речи путем к тому же деместву» и «Иные речи третии путем к тому же деместву». Все три текста записаны с одним напевом. Также и партия низа (ОР ГБЛ, собр. Большакова, № 364) содержит два текста на один напев, второй обозначен: «другие речи».

Запись подобных дополнительных текстов в партиях говорит о том, что замена текстов в партиях была возможной и, по-видимому, даже необходимой, так как она зафиксирована в служебной книге. При этом напевы двух партий — пути и низа — строго сохраняются независимо от смены текста: по-видимому, здесь учитывается контрапункт четырех голосов многоголосия. Показательно, что текст изменялся не во всех партиях, а только в двух, следовательно, неизменные тексты демества и верха могли свободно сочетаться с изменяющимися текстами пути и низа, а это говорит именно о многогласной литературной основе данного песнопения.

Общий заголовок перед записью данных четырех текстов в рукописи № 81 из собрания Разумовского показывает, что они расценивались имен-

но как демественные: «Честнейшая...демеством». Ремарки, предваряющие запись песнопения в целом, указывают также и на то, что в этом демественном песнопении будут использованы разные тексты: «Честнейшая разная демеством» (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, № 81), «Инь перевод Демествомъ разная» (ЛДА, 312/Р). Эти указания тождественны многогласной трактовке исполнения. Кроме того, форма обозначений партий демественного многоголосия — демества, низа, пути и верха — в списках XVII в. показывает их соотношение: «Поуть к деместву» (ЛДА, 312/Р), «путем к тому же деместву» (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, № 46), «низ к деместву» (ЛДА 312/Р), «низ против демества» (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, № 81). Поэтому мы не можем согласиться с С. В. Фроловым в том, что четыре текста Причудской рукописи были самостоятельными песнопениями; нельзя также согласиться и с его мыслью, высказанной в первой статье, о том, что данные образцы ставят под сомнение гипотезу о такой форме записи демественного многоголосия, как последовательная запись голосов. На наш взгляд, пример в Причудской рукописи не только не опровергает существования последовательной записи голосов демественного многоголосия, но, напротив, подтверждает его. Он дает возможность предположить, что последовательное изложение партий многоголосия могло быть вызвано именно подобными композициями с подтекстовкой партий разными текстами, при этом необходимо было выписывать все тексты, звучащие одновременно. Логично было записывать эти тексты последовательно друг за другом соответственно партиям многоголосия. Первоначально — на рубеже XV—XVI вв. — запись была нотированной, что вполне объяснимо трудностью записи четырехголосия для той исторической эпохи, ведь первые нотированные записи образцов демественного четырехголосия появятся только в 70—80-е годы XVI в.

Затем все тексты «Честнейшей» стали записывать с крюками, как видно на примере упоминавшихся рукописей XVII в.; при этом многогласная манера исполнения сохранилась. На наш взгляд, ранний образец демественного пения в Причудской рукописи является удачным примером, подтверждающим существование и последовательной записи голосов демественного многоголосия, и многогласной манеры исполнения раннего его образца. Показательно, что в рукописи третьей четверти XVII в. из собрания Разумовского (№ 81) последовательная запись голосов «Честнейшей» представляет исключение — остальные песнопения здесь изложены полной партитурой в три строки, которые соответствуют трехголосному исполнению. Такое исключение только подтверждает правило: основная масса песнопений исполнялась трехголосно с единым текстом для всех голосов; в «Честнейшей» же неожиданно пробилась старая традиция многогласного исполнения на четыре голоса, существовавшая, по-видимому, уже в конце XV — начале XVI в., как говорит нам список Причудского собрания.

Описанный факт — использование различных текстов для партий многоголосной демественной композиции — интересен и сложен. Данный композиционный прием обнаружен в демественном многоголосии впервые, так же как и в русском многоголосии изучаемого периода в целом. Мы постарались дать определенную интерпретацию этого явления, однако, несомненно, что оно еще будет привлекать внимание исследователей в дальнейшем, при более глубоком изучении демественного многоголосия и раннего русского многоголосия в целом. Подобные примеры, обнаруженные уже в конце XV — начале XVI в. и сохранившиеся до третьей четверти XVII в., доказывают, что это явление не случайное, а типизированное. Безусловно, интересно оно и тем, что, используя принцип сочетания разных текстов в партиях многоголосия, оно существует как раз в то время, когда, судя по полемике теоретических трактатов, царским указам и постановлениям церковных соборов, было чрезвычайно распространено многогласие. Можно допустить, что одновременное произнесение разных текстов в многоголосной композиции подсказано практикой мно-

тогласия. Вместе с тем здесь возможна и любопытная параллель с творческой практикой западноевропейского Средневековья и Возрождения, когда в разных голосах полифонической музыки также использовались разные тексты.

Изучение рукописных источников показывает, что последовательная форма изложения голосов многоголосия действительно применялась, причем на протяжении длительного исторического периода. Необходимо подчеркнуть, что вплоть до середины XVII в. она известна нам как самая распространенная для этого времени форма записи демественного многоголосия, а в третьей четверти XVII в. она, теряя свое господствующее положение, тем не менее продолжает существовать параллельно с другими формами записи. Последовательная форма изложения партий демественного многоголосия, принятая около двух столетий и, по-видимому, бывшая наиболее ранней формой записи русского многоголосия, приобретает особенно важное значение при изучении раннего периода русского многоголосия в целом.

Запись партий многоголосных композиций в отдельных рукописях, как известно, широко практиковалась в России в период расцвета партесного пения. Сохранилось большое число рукописей партесного пения рубежа XVII—XVIII вв., каждая из которых представляет одну из партий — тенор, альт, бас, сопрано или тенор I и II, альт I и II, бас I и II и т. д. — в зависимости от состава и числа голосов композиции. Подобное оформление партий (в виде отдельных рукописей) известно до сих пор фактически только в партесном пении. О такой же записи партий в демественном пении до последнего времени не упоминалось в музыкальной медиевистике. Первое и до сих пор единственное указание на подобный источник встречается в книге В. М. Беляева «Древнерусская музыкальная письменность»¹⁷. Когда позднее Н. Д. Успенский писал, что «отдельные партии самостоятельно не расписывались, все певцы пели по партитуре»¹⁸, он ссылаясь на вологодскую традицию XVII в. Возможно, исполнение по партиям демественного пения также было не универсальной, а региональной традицией.

В. М. Беляев отсылает к рукописи третьей четверти XVII в., озаглавленной «Книга демественник сиречь четверогласнаго пение»; в ней содержится много ремарок: «*низомъ*», «*низом* против демества», «ино знамя *низом*», «меньшее знамя *низом*», «иной распев *низ* против демества». Судя по этим указаниям, при однострочной форме записи музыкального текста рукопись содержит не самостоятельные монодические образцы, а лишь партию низа из песнопений демественного многоголосия¹⁹.

Нам удалось также обнаружить партию *пути* в списке, созданном немного раньше — в 40-е годы XVII в.: ОР ГБЛ, собр. Разумовского, № 46. Здесь встречаются указания на «*путь*», «*путь* против демества».

Для подтверждения того, что эти партии действительно являются голосами демественного многоголосия, необходимо было обнаружить их совпадение с голосами демественной партитуры в упомянутой выше строчной форме записи. Мы сравнили данные голоса с теми же голосами строчных партитур демественного трех- и четырехголосия на примере задостойников двенадцатым праздникам: трехголосие *демество*, *низ* и *путь* (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, ф. 379, № 81, л. 74—95, третья четверть XVII в.), четырехголосие *демество*, *низ*, *путь* и *верх* (ОР ГПБ, собр. Погодина, № 399, л. 121—143 об., конец XVII — начало XVIII в.) (рис. 1).

¹⁷ Беляев В. М. Древнерусская музыкальная письменность, с. 103.

¹⁸ Древнерусское певческое искусство, с. 230.

¹⁹ К сожалению, в книге В. М. Беляева указан неверный шифр. Ошибка была обнаружена при осмотре указанного им рукописного собрания Большакова (ОР ГБЛ), одна из рукописей которого по своему содержанию совпадает с той рукописью, о какой писал В. М. Беляев, — № 364.

а Путь $\underline{\text{Чю ок же е е сте}}$

б "Низомъ" $\underline{\text{Чю же е е е сте е}}$

в Путь
Низ
Демество $\underline{\text{Чю}} \quad \underline{\text{же}}$

г Верх
Демество
Путь
Низ $\underline{\text{Чю}} \quad \underline{\text{же}}$

Рис. 1. Задостойник рождеству Богородицы (фрагмент)

а) партия пути (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, ф. 379, № 46, л. 44 об.); б) партия низа (ОР ГБЛ, собр. Большакова, ф. 37, № 364, л. 282 об.); в) трехголосие путь, низ и демество (ОР ГБЛ, собр. Разумовского, ф. 379, № 81, л. 74); г) четырехголосие верх, демество, путь и низ (ОР ГПБ, собр. Погодина, № 399, л. 121)

Сравнение показало, что одноименные голоса низа и пути в шести задостойниках совпадают во всех списках. Партия пути остальных задостойников не содержит. Сравнивая партию низа из собр. Большакова № 364, обнаруживаем то же самое совпадение. Отметим, что партии пути и низа (рис. 1а, б) записаны в партитурах рядом: в трехголосной партитуре как две верхние строки — сверху путь, под ним — низ (рис. 1в), в четырехголосной партитуре — как две нижние строки с тем же соотношением — путь над партией низа (рис. 1г).

Тождество голосов в книгах-партиях и строчных партитурах доказывает реальное существование такой формы записи демественного многоголосия, как раздельная запись голосов в отдельных рукописях.

Причина возникновения этой формы записи может быть связана со значительным ростом демественного репертуара в XVII в. Круг демественного пения охватил новые служебные тексты, возникли новые распевы демеством, среди них и такие пространные, как большой распев; появились и местные, и, возможно, авторские распевы канонических текстов песнопений в многоголосии. Изложение материала в одной рукописи оказалось громоздким и неудобным в практическом отношении. Вероятно, при сложившейся высокой культуре исполнительских традиций стало возможно применить новую форму записи многоголосия — по партиям в отдельных рукописях. Можно предположить, что другой причиной явилось увеличение состава хоров в XVII в. и возникшее разделение исполнителей по партиям. Если раньше певцы могли петь по одной книге, то теперь книга-партия предназначалась для определенной группы певцов, исполняющих одну партию²⁰. Одна рукопись у певчих в хоре была удобна только для исполнения музыкальной композиции с небольшим числом партий, например в двухголосии. Такое исполнение по одной книге, по-видимому, было приемлемо в ранний период развития демества, а при увеличении числа партий до трех и четырех и возможном численном росте состава хоров петь всему хору по одной книге становилось

²⁰ В одноголосном пении современной традиции старообрядцев хор поет по одной книге, хотя, возможно, это связано с тем, что большая часть хора поет не по крюкам, а наизусть и в книгу смотрят лишь согласно ритуалу.

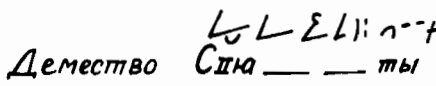
практически невозможно. Так могла возникнуть предпосылка к созданию новой формы записи демественного многоголосия — записи партий в отдельных рукописях.

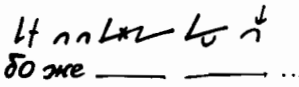
Источники подобного рода выявлены очень слабо; нам известны только три рукописи: две упомянутые книги-партии — партия пути 40-х годов XVII в. и партия низа третьей четверти XVII в., а также партия низа первой половины XVII в. — ОР ГИМ, Синодальное певческое собр., № 1192. Эта партия не совпадает с партией низа из ОР ГБЛ, собр. Большакова, № 364; в рукописи встречаются ремарки: «низ к строкам», «зачин низом», «низ к пут[и]»²¹.

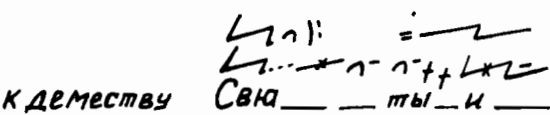
Образец смешанной формы изложения русского многоголосного пения приведен Н. Д. Успенским под названием «делённая» партитура — это четырехголосное песнопение «Слава тебе, господи» из рукописи 70-х годов XVII в.²²

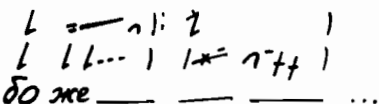
Автором статьи обнаружен ряд образцов трех- и четырехголосного демественного пения в этой форме изложения; отдельные из них даны в примерах, к которым мы и обратимся.

Так, в рукописи 70-х годов XVII в. (ЛДА, 312/Р) «делённой» партитурой записано трехголосное песнопение «Святыи боже». Сначала на л. 256 об. выписан текст песнопения с одной крюковой строкой над ним и ремаркой «демество», а на л. 257 над таким же текстом выписаны две строки крюков, предваряемые ремаркой «низ и путь к деместву».

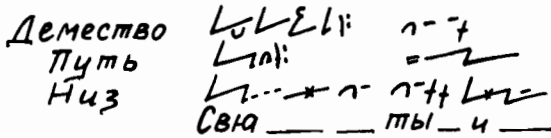

 Демество *Святыи ты*

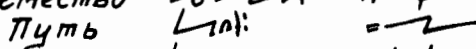

Низ и путь

 К деместву *Святыи ты и*

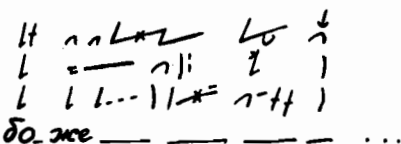

Мы знаем, что ремарки «демество», «низ» и «путь», в сущности, указывают на различные партии, следовательно, можно составить партитуру в последовательном изложении, а затем и в строчном. То же можно сделать и в данном случае. Действительно, эти голоса можно объединить в партитуру: совпадает ранжир слогов по вертикали, совпадает ранжир крюков в строках.

 Демество *Святыи ты*

 Путь *Святыи ты*

 Низ *Святыи ты*

²¹ ГИМ, Синодальное певческое собр., № 1192, л. 1, 89.

²² Древнерусское певческое искусство, ил. XXX—XXXI, с. 274. Пример взят из рукописи: ЛДА, 312/Р, л. 257 об.— 258 об.

В той же рукописи есть образец четырехголосной «делённой» партитуры — песнопение «Господь силамъ». Текст его выписан дважды: на л. 223 об.— 224 и л. 224; в обоих случаях над ним записаны две крюковые строки, отличающиеся друг от друга по знакам. В первый раз им предшествует ремарка «демество и низъ», во второй раз — ремарка «Поуть к демествоу. и верх. к деместву ж».

$\begin{matrix} \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow \end{matrix}$

Демество и низъ Господь силамъ той есть

$\begin{matrix} \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow \end{matrix}$

ца — рь сла — — — — — Поуть к деде.

$\begin{matrix} \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow \end{matrix}$

ствов. и перхъ. к демествоу* Господь силамъ

$\begin{matrix} \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow \end{matrix}$

той есть царь сла — — — — —

Рассуждая аналогично, как и о трехголосном песнопении в приведенном выше примере, считаем эту запись последовательной партитурой и сводим ее в строчную четырехголосную: ранжир слогов так же совпадает, как и ранжир крюков в строках; показателен синлабический склад в начале и распевание в конце. Таким образом, перед нами партитура, но записанная особо: она как бы поделена на две части, которые соединяются в партитуру.

Верх
 Путь
 Демество
 Низ

$\begin{matrix} \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow \end{matrix}$

Господь силамъ той есть царь

$\begin{matrix} \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow & \uparrow \end{matrix}$

сла — — — — —

Наконец, последний случай «делённой» партитуры — расчленение записи голосов на три и один и изложение сначала трехголосия трехстрочной партитурой, а затем отдельно четвертого голоса (в одну строку). В качестве примера приведем начальный фрагмент песнопения «Воскресение твое» (ОР ГИМ, Синодальное певческое собр., № 150, л. 3, XVII в.). Трестрочное изложение этого песнопения предваряется ремаркой «Демествомъ». По окончании записи трехголосия указано «Вверх к деместву» и следует однострочное изложение новой певческой партии (верха) того же песнопения.

Демествомъ

$\overset{m}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
$\overset{m}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
$\overset{m}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
Во скре се _____	ни е _____	тво е _____	...

Верх к деместву

$\overset{m}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
Во скре се ни е _____	тво е _____

Соединив четыре голоса вместе, получим партитуру, в которой голоса складываются по записи естественным образом. Перед нами — четырехголосное песнопение, записанное в виде «делённой» партитуры.

$\overset{m}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
$\overset{m}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
$\overset{m}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
Во скре се _____	ни е _____	тво е _____	...

Существование такой формы изложения демественного многоголосия подтверждается и записью одинаковых песнопений различным образом: «делённой» партитурой и строчной. Примером может послужить начальный фрагмент задостойника пасхи по двум спискам третьей четверти XVII в.: ЛДА, № 312/Р, л. 327–327 об. — «делённая» партитура с обозначением голосов; ОР ГБЛ, собр. Разумовского, ф. 379, № 81, л. 86–87 об. — строчная партитура.

Демество	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	Свѣтиса _____ а _____ а _____	Свѣти _____ ся _____ ...
Ни ³ и повтъ к деместву	[Путь] [Низ]	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	Свѣ _____ ти _____ и _____ ся _____ ...

[Путь] [Низ] [Демество]	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$	$\overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi} \overset{2}{\pi}$
	Свѣ ти са _____	Свѣ _____	ти _____	ся _____ ...!

Сравнив одинаковые голоса в разных формах записи, видим, что они почти совпадают, подтверждая, что в обоих случаях перед нами изложение многоголосного пения.

Таким образом, «делённая» партитура излагается не одновременно, а по частям — в два этапа, поэтому текст песнопений всегда выписывается дважды. Над каждым изложением текста фиксируется один, два или три голоса. В трехголосии сначала записывается один голос (обычно — демество), затем — два другие соответственно в две строки друг под другом; в четырехголосии голоса объединяются попарно в две двустрочные партитуры, записанные последовательно, или партитура делится на трое-

строчную и однострочную запись голосов, которые изложены также последовательно²³.

В «делённой» партитуре применяется демественная нотация с пометами и без помет.

Как было отмечено, голоса названы здесь традиционным образом (демество, низ, путь и верх) и обычно указываются в рукописи («демество и низ к деместву», «путь и верх к деместву»). Нам встретилось также и обозначение голосов, принятое в партесном пении: в рукописи третьей четверти XVII в. (ОР БАН, собр. Романченко, № 18) записана четырехголосная «Херувимская», озаглавленная «Болгарская четвероголосная» и изложенная «делённой» партитурой по два голоса в каждой ее составной части. Голоса обозначены как «Бас Дышкант» и «Тенор Альт».

«Делённая» партитура как форма записи применялась в рукописях наряду с последовательным изложением голосов, а также строчной записью двухголосия. По-видимому, она служила *переходной* формой от последовательной записи трех- и четырехголосия через двустрочную партитуру к записи троестрочия и впоследствии — к записи четырехголосия в четыре строки.

«Делённые» партитуры встречаются в рукописных источниках середины — третьей четверти XVII в. Вероятно, они не имели широкого распространения, так как встречаются сравнительно редко и только для отдельных песнопений.

Изучение форм изложения демественного многоголосия свидетельствует о том, что они, как и виды невменной нотации, отличались большим своеобразием и самобытностью. Смена форм изложения на протяжении длительного исторического периода показывает естественное развитие русской музыкальной письменности эпохи до «нового» времени и раскрывает, как постепенно складывались две основные формы записи многоголосия, получившие распространение в дальнейшем, — однострочная раздельная запись голосов и многострочная партитура.

---

²³ Можно предположить, что «делённая» партитура употреблялась не только в последовательной записи на соседних листах, но и в раздельной записи в двух тетрадах.

В. И. Гальцов

АРХИВ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

История архива Посольского приказа во второй половине XVI — начале XVII в. — это история формирования одного из важнейших архивов феодальной России.

Датой организации Посольского приказа как самостоятельного учреждения принято считать 1549 г.¹, когда «посольское дело» было «приказано» подьячему И. М. Висковатому². Приказ находился на территории Кремля. Еще в 1549 г. упоминается «изба» дьяка Висковатого, в дальнейшем вместе с «дьячей избой», «посольской избой» встречается и наименования «посольская палата», «посольский приказ»³. В 1565 г. для Посольского приказа, первого среди всех учреждений, было построено специальное каменное двухэтажное здание, «полата посольская», рядом с колокольней церкви Иоанна Лествичника⁴.

Важнейшей обязанностью Посольского приказа была организация дипломатической службы (внешнеполитические задачи государства с XV в. решала Боярская дума), в том числе и составление посольской документации, для чего со временем в приказе сложился постоянный штат подьячих во главе с посольским дьяком⁵. В XVI в., по крайней мере до 70-х годов, основная масса дипломатических документов хранилась в Кремле в известном Царском (или Государственном) архиве⁶. Это был наиболее важный по составу документов архив России в XVI в., сложившийся на базе казны — архива московских великих князей, где в XV — начале XVI в. были сосредоточены и некоторые документы удельных русских князей⁷.

Со времени оформления Посольского приказа как самостоятельного учреждения в середине XVI в. и в процессе его дальнейшего развития в нем, можно полагать, начинает складываться свой архив текущей документации, прежде всего внутриведомственного характера, которую в XVI и XVII вв. называли «приказные дела». Это различные приказные выписки из дипломатических документов, подготовительный материал для составления грамот, отправляемых в иностранные государства, переписка с другими учреждениями и воеводами пограничных городов по вопросам приема и отпуска иностранных и русских посольств, записные и приходно-расходные книги приказа, документация о судебных разбирательствах, проводившихся в приказе над лицами, подсудными ему, и ряд других документов. Постепенно в приказ из Царского архива

¹ СИЭ, М., 1969, т. 2, стб. 466; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, с. 43.

² ЧОИДР, 1902, кн. IV, Смесь, с. 9—12.

³ *Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917, вып. 1, с. 394—400; *Белокурова С. А.* О Посольском приказе в XVII в. М., 1906, с. 25, 62.

⁴ ПСРЛ, т. 13, вторая половина. СПб., 1906, с. 397—398; т. 29. М., 1965, с. 346; *Забелин И. Е.* Заметка к спору о Царском архиве. М., 1894 (оттиск), с. 2.

⁵ В конце 80-х годов XVI в. в Посольском приказе служили уже 17 подьячих (ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1632 г., д. 15, л. 61—71).

⁶ Обзор работ, посвященных истории Царского архива и его описей, см. в предисловии к кн.: *Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года* / Подгот. к печати С. О. Шмидтом и С. А. Левиной; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 5—10. (Далее: *Описи*); Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А. А. Зиминой; Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1978, с. 9—33.

⁷ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1.

попадают старые подлинные посольские грамоты и посольские книги, которые могли брать в качестве образцов для составления новых дипломатических документов, а также для справочных целей⁸. Однако «новые» грамоты, привозимые иностранными и русскими послами, подлинные международные договоры и после учреждения Посольского приказа некоторое время продолжали поступать на хранение в Царский архив⁹.

По мере укрепления приказной системы управления из основного хранилища государственных документов — Царского архива — передается часть дел в различные приказы, прежде всего в те, связь с которыми была еще в первой половине XVI в.: Разрядный, Поместный, Челобитенный, Казанского дворца¹⁰. Основная же масса документов Царского архива была передана в Посольский приказ. Кроме посольских дел, в архив приказа поступили духовные и договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV—XVI вв., ряд важнейших государственных актов XVI в. (о венчании на царство Ивана Грозного, приговоры некоторых земских и церковных соборов, царские указы), группа документов о судебных процессах государственного значения (над Максимом Греком, судебные дела времени опричнины).

Время поступления дел из Царского архива в Посольский приказ точно не известно. Существует несколько предположений. Так, Н. П. Лихачев, принимая во внимание тот факт, что ядро архива Посольского приказа составляли документы, отмеченные в известной описи Царского архива, и что печатник Висковатый был одновременно начальником Посольского приказа и хранителем Царского архива, считал, что Царский архив был в XVI в. при Посольском приказе¹¹. С. А. Белокуров, установив время образования Посольского приказа (1549 г.), утверждал, что документы Царского архива были переданы в Посольский приказ вскоре после 1549 г., а опись Царского архива 70-х годов XVI в. есть опись архива Посольского приказа, при этом его выводы основывались на сопоставлении описей Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. и выявления большого числа одинаковых документов в обоих хранилищах¹². Иного мнения по этому вопросу придерживались И. Е. Забелин, предположивший, что Царский архив находится где-то в подземельях Кремля¹³, и А. И. Соболевский, поддержавший эту точку зрения¹⁴. Советский историк И. А. Голубцов считал, что опись Царского архива 70-х годов XVI в. есть опись архива Посольского приказа, т. е. к 70-м годам XVI в. этот архив был уже заполнен документами Царского архива¹⁵. Историки-архивисты И. Л. Маяковский и А. В. Чернов время передачи документов относили к периоду после польско-шведской интервенции начала XVII в., когда, по их мнению, из Царского

⁸ Так, в мае 1565 г. из Царского архива в «ызбу» был взят ящик с документами из истории русско-польской войны за Смоленск начала XVI в.; 12 июля 1567 г. думный дьяк А. Васильев отнес из Царского архива в Посольский приказ ящик, «а в нем книги королей литовских — писаны докончальные грамоты»; в Посольский приказ отнесли также и ящик с документами о связях с греческими патриархами (Описи, с. 19, 26, 35; Государственный архив России..., с. 40, 56—57, 77; Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений.— ТМГИАИ, М., 1957, т. 8, с. 264).

⁹ См., например, в описи Царского архива ящики 195, 207, 219 (Описи, с. 38, 39, 42; Государственный архив России..., с. 84, 87, 93).

¹⁰ Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений, с. 260—278.

¹¹ Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей в XVI ст. СПб., 1894, с. 65.

¹² Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля» и раскопки в Кремле.— В кн.: Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом, 1894, № 6/7, с. 194—200, 207.

¹³ Забелин И. Е. Подземные хранилища Московского Кремля.— Археологические известия и заметки..., 1894, № 2, с. 44.

¹⁴ Археологические известия и заметки..., 1894, № 6/7, с. 211—212.

¹⁵ Голубцов И. А. Опись архива Посольского приказа 1626 года.— ГИМ, ОПИ, ф. 504, л. 24—25.

архива в Посольский приказ поступили дела, уцелевшие при разграблении архива интервентами¹⁶. С. О. Шмидт предположил, что архив Посольского приказа в том виде, в котором он известен по описи этого архива, составленной в 1614 г., сформировался не ранее последней четверти XVI в.¹⁷ А. К. Леонтьев поступление документов в государственного хранилища в Посольский приказ связывал с назначением в 1561 г. посольского дьяка Висковатого на должность печатника, т. е. хранителя государственных печатей и документов¹⁸. Наконец, А. А. Зимин связывал это событие с падением роли Царского архива к концу 60-х годов XVI в. и одновременным повышением значения приказов как средоточия текущей документации¹⁹.

Попробуем рассмотреть вопрос о преемственности Царского и Посольского архивов в свете малоизученного источника, имеющего отношение к нашей теме. Это «Опись Государственного архива конца XVI в.»²⁰ Рукопись представляет собой тетрадь в четверку на четырех листах, причем большая часть последнего листа не заполнена. По наблюдениям С. О. Шмидта, рукопись относится ко времени после 1594 г. — думный дьяк А. Я. Щелкалов упомянут в тексте в прошедшем времени (в 1594 г. он прекратил государственную деятельность). В начале рукописи сохранилась часть заголовка — «По сей тетра[ти]...», — и далее перечисляются иностранные и русские дела с указанием номеров тех ящиков, в которых они хранятся («3 с цесарским делом ящички 26, 163, 182» и т. п.). Опись очень краткая, напоминающая, по замечанию С. О. Шмидта, «оглавление более пространной описи».

Думается, что эту рукопись правильнее будет назвать описью архива Посольского приказа. В ней отмечено 195 ящиков (в описи Царского архива сведения о 233 ящиках). Порядок их расположения не имеет ничего общего с Царским архивом. Содержание ящиков с одинаковыми номерами при сравнении описей, за редким исключением, не совпадает. Следовательно, или это опись Царского архива, в корне перестроенного в 70–80-х годах, или опись иного архивохранилища, содержавшего в себе значительную часть документов Царского архива. Вряд ли первое предположение верно, если учитывать обоснованный, на наш взгляд, вывод А. А. Зимина об окончательном упадке Царского архива в начале 70-х годов XVI в. Таким образом, есть основание считать, что основная масса документов Царского архива была передана в Посольский приказ в течение 70-х — начале 90-х годов XVI в. Из 195 ящиков, отмеченных в краткой описи, почти половина содержала посольские дела, остальные ящички можно отнести к разряду внутриполитических дел, причем среди них несколько десятков (порядка 50–60 ящиков, точно сказать невозможно) относилось к категории «приказных», «четвертных», «всякой розни».

Любопытен порядок расположения описанных в рукописи документов: сначала отмечены ящички с посольскими делами, они систематизированы по государствам; недипломатические дела описаны суммарно, т. е. в описи посольские документы явно выделены. Реестр государств тот же, что и в описи Царского архива; нет только ящиков с венгерскими делами, которые, по свидетельству описи Царского архива, были «у государя в казне»²¹. Кстати, старые венгерские дела не отмечены и в описи Посольского архива 1614 г. Нет в краткой описи конца XVI в. и доку-

¹⁶ *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. 2-е изд., М., 1960, с. 82; *Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР: (Краткий очерк). М., 1940, с. 25.

¹⁷ *Шмидт С. О.* К истории Царского архива середины XVI в. — ТМГИАИ, М., 1958, т. 11, с. 407.

¹⁸ *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961, с. 136.

¹⁹ Государственный архив России..., с. 549, 553—554.

²⁰ Опись Государственного архива конца XVI в. / Предисл. С. О. Шмидта; Подгот. текста И. А. Балакаевой. — АЕ за 1974 год, М., 1975, с. 346—348.

²¹ Описи, с. 18.

ментов великих московских князей XIV—XVI вв., основная масса которых в Царском архиве хранилась в 138-м ящике. Вероятнее всего, во время составления изучаемой краткой описи эти документы хранились в царской казне, и, быть может, именно поэтому туда же, в казну, отнесли утвержденную грамоту 1598 г. об избрании царем Бориса Годунова²².

Анализ краткой описи конца XVI в. позволяет сделать несколько общих замечаний об архиве Посольского приказа того времени. В этом архиве наблюдается то же, что и в Царском, поящичное хранение документов, но систематизированы они в более четком порядке. Так, если в Царском архиве в одном ящике иногда хранили дела дипломатические и внутриполитические (ящики 183, 187, 188 и др.), то в Посольском архиве они разграничены и распределены по государствам. При этом в описании ящиков с посольскими делами выявляется интересная особенность: наиболее важные для того времени документы о сношениях России с такими странами, как Священная Римская империя, Польша, Швеция, Дания, Англия, Турция, Крым, Ногайская орда и другими описаны отдельно для каждого государства; дела же тех стран, дипломатические связи с которыми были или не столь важны для России, или не имели постоянного характера, или уже отошли в область истории, описаны вместе. Так, вместе хранились и были описаны документы некоторых азиатских стран: бухарские, самаркандские, ургенчские, ташкентские, туркестанские, сибирские, тюменские и другие, одну группу представляли и старые казанские, астраханские, нижегородские и свияжские дела; вместе описаны и некоторые прибалтийские документы: ливонские, вольных «семидесят трех городов», юрьевские, ругодивские.

По сравнению с Царским архивом в Посольском уже меньшее число ящиков. Это могло быть прежде всего потому, что определенное количество документов внутриполитического характера было передано в различные приказы. Так, в краткой описи конца XVI в. в 18 ящиках отмечаются казанские, астраханские, свияжские и нижегородские «старые» дела. В Царском архиве только казанские дела занимали более 20 ящиков — часть казанских дел была передана в приказ Казанского дворца, туда же отнесли основную массу дел о Свияжке²³.

Таким образом, краткая опись конца XVI в. позволяет нам частично осветить самую темную страницу истории архива Посольского приказа.

В начале XVII в. внешняя политика становится одним из главных факторов развития России. В связи с этим активизируется использование документов Посольского архива, особенно в разоблачении личности Лжедмитрия I и в документированном обосновании оказанной ему помощи со стороны польского короля. В мае 1606 г., после гибели Лжедмитрия, в Посольский приказ поступили документы из личного архива самозванца, найденные в Постельных палатах Кремля. Их сразу же перевели на русский язык (в том числе договорную запись Лжедмитрия и воеводы Ю. Мнишека, переписку Лжедмитрия с польским королем и римским папой) и прочитали всенародно на Лобном месте. Одновременно документы самозванца как разоблачительный материал были показаны польским посланцам Н. Олесницкому и А. Корвин-Гонсевскому²⁴. Впоследствии они вместе с другими материалами из Посольского архива (такими, как распрос старца Варлаама, дело о поездке в Польшу дяди Лжедмитрия Смирного Отрепьева и др.) активно использовались русскими дипломатами во время русско-польских переговоров.

²² ААЭ. СПб., 1837, т. 2, с. 46.

²³ Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений, с. 265.

²⁴ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания). — Изд., М., 1945, т. 14, с. 92. После 1607 г. эти документы были включены в одну из польских посольских книг сразу же после текста с краткой историей Лжедмитрия I и воцарения Василия Шуйского, органически дополнив подробную запись о посольстве в Польшу Г. К. Волконского и дьяка А. Иванова, отпра-

Польско-шведская интервенция пагубно сказалась на сохранности русских архивов. Приказные дела более всего пострадали в период с 1610 по 1612 г., когда Московский Кремль был оккупирован. Они гибли от общего расстройтва государственного аппарата и от бесчинств интервентов. Во время осады Москвы войсками второго ополчения и голода среди осажденных погибло много древних пергаменных рукописей²⁵.

Из архива Посольского приказа интервенты вывезли ряд документов по истории русско-польских отношений. Возможно, это могло произойти или в конце октября 1610 г., когда гетман С. Жолкевский покинул Москву и отправился к королю под Смоленск²⁶, или в марте 1612 г., когда из Москвы в Смоленск король отозвал полковника А. Корвин-Гонсевского, возглавлявшего польские войска в Москве²⁷.

После окончания интервенции и избрания царем Михаила Романова русское правительство приступает к восстановлению государственного аппарата. Возобновили свою деятельность указы; в некоторых из них стали приводить в порядок и архивы.

По царскому указу от 16 ноября 1614 г. в Посольском приказе в 1614—1615 гг. под руководством окольного кн. Даниила Ивановича Мезецкого и дьяка Петра Данилова были разобраны и систематизированы документы архива. Ими была составлена большая опись дел Посольского приказа²⁸.

В исторической литературе уже отмечались некоторые причины описания Посольского архива в 1614—1615 гг. Среди них — бедственное положение посольских документов после интервенции, когда обнаружилась утрата, а точнее хищение, части архива²⁹. (Кстати, именно «московское разоренье» отмечали и сами современники³⁰.) Приведение в порядок архива диктовалось заинтересованностью правительства новой династии в сохранности и использовании его документов³¹. Актуальность дипломатических и династических документов Посольского архива объяснялась не только сложностью международного положения России того времени, но и той неопределенностью ситуации, в которой оказалась в первые годы своего правления новая царская фамилия, фактически не признанная зарубежными соседями (и прежде всего Речью Посполитой, короли которой продолжали претендовать на русский престол) и имевшая противников внутри государства.

Описание Посольского архива надо рассматривать и в совокупности с большой и сложной историографической работой, проводившейся в Посольском приказе в ходе избрания Михаила Романова и в первые двадцать лет его царствования³².

С официальной историографической работой было тесно связано, можно полагать, и составление в Посольском приказе в 1614—1615 гг. (почти одновременно с описанием архива) двух роскошных рукописных книг. В одной был список с утвержденной грамоты 1613 г. об избрании царем

ленных к королю «обестить государство» В. И. Шуйского (Сб. РИО, М., 1912, т. 137, с. 193—369).

²⁵ Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря.— АЕ за 1958 год, М., 1960, с. 12.

²⁶ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871, с. 98; Дневник событий, относящийся к смутному времени (1603—1613 гг.), известный под именем истории ложного Димитрия.— РИБ, СПб., 1872, т. 1, стб. 209, 211—212.

²⁷ Жолкевский и сменивший его Гонсевский располагались со своими полками в самом Кремле, или «Крымграде», как его называли поляки, на старом дворе царя Бориса, рядом с приказами; вскоре после отъезда Гонсевского Москва была блокирована (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, с. 90).

²⁸ Подготовлена к печати С. А. Левиной, опубликована в 1960 г. в издании «Описи», с. 47—137.

²⁹ Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений, с. 407.

³⁰ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977, ч. 1, с. 214.

³¹ Левина С. А. Попытка систематизации архива Посольского приказа в 1614 г.— ТМГИАИ, М., 1960, т. 16, с. 421.

³² Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века, с. 91—97.

Михаила Романова, в другой — «царское поставление» 1613 г. (чин венчания на царство). Для составления книг использовали документы Посольского архива. Книга с утвержденной грамотой сохранилась³³, а другая, видимо, нет. Обе книги были переписаны подьячим Иваном Федоровым Кашей. (В некоторых источниках его называют просто Иван Федоров.)³⁴ Золотые заставки и инициалы в книгах делал золотописец Посольского приказа Миня Быков³⁵.

Значение Посольского архива для русского правительства отразилось и в подборе лиц, привлеченных в 1614 г. к описанию архива. Кн. Д. И. Мезецкий был весьма влиятельной политической фигурой первой половины XVII в. Он принимал деятельное участие в подавлении восстания И. И. Болотникова³⁶, в событиях «смутного» времени, был в польском плену вместе с митрополитом Филаретом (отцом царя Михаила³⁷), считался одним из «приятелей» Филарета³⁸. Дьяк П. Данилов в 1594—1601 гг. служил в Посольском приказе³⁹, знал посольскую документацию, особенно документы о русско-крымских отношениях (в 1613—1614 гг. он находился с посольством в Крыму)⁴⁰. Его опыт приказной работы мог учитываться при назначении в 1614 г. в Посольский приказ для разбора и описания документов. 16 февраля 1616 г. по царскому указу Данилов получил сорок соболей ценою в 20 руб., при этом в указе специально отмечалось: «а пожаловал государь его за то, что был он у его государева дела в Посольском приказе с окольным князем Данилом Ивановичем Мезецким у разбору и у росписи старых и новых посольских дел»⁴¹.

Анализируя опись Мезецкого и Данилова, попытаемся выяснить состав документов Посольского архива, систему их хранения до 1614 г., принципы систематизации документов в 1614—1615 гг.

Изучение описи 1614 г. показывает, что в ней отразилось состояние архива, бывшее не только в 1614 г., но и в 1605 г., накануне «смутного» времени. В описи совершенно определенно разграничены дела, разобранные в 1614 г. («Да что выбрано из розных сундуков и ис коробей, а положены в одной коробье»)⁴², от уже сложившихся и систематизированных ранее комплексов документов, которые в 1614—1615 гг. были лишь описаны. К последним относится ядро архива — перешедшие из Царского архива XVI в. в Посольский древние грамоты великих и

³³ ЦГАДА, ф. 135, отд. III, рубр. 1, № 5.

³⁴ Дополнения к Дворцовым разрядам, М., 1882, ч. 1, стб. 15, 46. В Посольском приказе И. Ф. Каша служил в 1613—1618 гг. (Белокуров С. А. О Посольском приказе в XVII в., с. 35).

³⁵ Быков в приказ был принят в 1613 г. О нем см.: Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности. — В кн.: Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сб. статей. М., 1961, с. 392—411. Книгу о «царском поставлении» И. Ф. Каша окончил в январе 1614 г. (Дополнения к Дворцовым разрядам, ч. 1, стб. 15), после чего ее переплели в «червчатый» бархат (в 1613 г. его привез из Архангельска купец Л. Монастырев и продал в царскую казну, откуда 18 февраля 1614 г. пол-аршина бархата взял М. Быков (Приходно-расходные книги Казенного приказа 1613—1614 гг. — РИБ, СПб., 1884, т. 9, с. 242) и сделали серебряные застешки. Книга с утвержденной грамотой была закончена в феврале 1615 г., на ее переплет ушло «аршин без трех вершков бархату червчатого гладкого, цена рубль семь алтын, две деньги» (Дополнения к Дворцовым разрядам, стб. 39, 46).

³⁶ Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907, с. 10, 12, 90, 147, 157; Смирнов И. И. Восстание Болотникова, 1606—1607. М., 1951, с. 276—279, 333.

³⁷ Разрядные записи за Смутное время, с. 18, 54; Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). М., 1937, с. 350.

³⁸ Сташевский Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913, ч. 1, с. 361, 363.

³⁹ Белокуров С. А. О Посольском приказе в XVII в., с. 34; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 143.

⁴⁰ РИБ, т. 9, с. 172, 177—178.

⁴¹ Дополнения к Дворцовым разрядам, ч. 1, стб. 50.

⁴² Описи, с. 87; см. также: Левина С. А. Попытка систематизации..., с. 422.

удельных князей XIV—XVI вв. и первых царей (хранились в большой окованной коробье), а также старые дипломатические документы в основном XV—XVI вв. (размещались в окованном сундуке). Характерная особенность документов из этих хранилищ в том, что наиболее поздние по происхождению дела относятся к 1605 г., т. е. и коробья и сундук в период с 1605 по 1614 г. не пополнялись. Таким образом, проанализировав содержание документов и порядок их расположения в коробье и сундуке, можно тем самым в определенной степени выяснить состояние Посольского архива, бывшее в 1605 г., т. е. в конце правления Бориса Годунова.

В большой окованной коробье документы располагались в 11 ящиках и двух мешках. Все документы из ящиков до поступления в Посольский архив хранились — также в ящиках — в Царском архиве.

В первом, деревянном, ящике были 73 грамоты (из них 65 подлинных и 8 копий), одна книга (опись казны царевичей Ивана и Федора Ивановичей 1564/1565 г.), три связки, один мешочек и два маленьких ящичка с документами, подобранными по определенным вопросам. Крайние даты всех документов первого ящика — 1264—1584 годы. Документы этого ящика можно разделить на четыре хронологические и связанные происхождением группы. Первая — это комплекс из 20 новгородских грамот 1264—1449 гг. 18 из них были в связке⁴³ и относились к истории взаимоотношений Великого Новгорода и тверских великих князей в 1264—1446/47 гг. Вторая группа документов первого ящика — это четыре подлинных грамоты и пять копий времени Ивана III (80—90-е годы XV в.) и одна грамота начала XVI в. (жалованная польского короля Сигизмунда I жителям Смоленска 1513 г.). Документы относятся к истории русско-венгерских и русско-литовских отношений (поэтому здесь же была и грамота польского короля 1513 г.). Третья группа дел из первого ящика — самая многочисленная и состоит из документов XVI в. Среди них основная масса — дела внутривосточного характера времени Ивана Грозного, подобранные по отдельным вопросам в две связки⁴⁴, мешочек и два ящичка⁴⁵. Наконец, четвертая группа дел первого ящика — иностранные грамоты: грамоты константинопольского патриарха

⁴³ В описи 1614 г., правда, указано 15 грамот в связке, но на самом деле известно и сейчас 18 — некоторые грамоты представляют собой противни одного и того же документа, сшитые вместе и описанные поэтому как одна грамота (Государственное древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971, № 2—12, 23, 24, 26, 70).

⁴⁴ В одной из связок были собраны списки с памятей 1546—1547 гг., относящихся к бракосочетанию Ивана IV с Анастасией Романовой. Вероятно, это — дошедшее до нас дело о бракосочетании Ивана Грозного, состоящее из 16 документов. На обороте одного из них сохранилась помета: «Положить в свадебный ящик». Собранные, таким образом, в одном месте, они и составили в XVII в. связку (Государственное древлехранилище хартий и рукописей, № 195; Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века. — ВИ, 1976, № 10).

⁴⁵ Один из ящичков особенно интересен. В нем было собрано 18 крестоцеловальных и поручных записей времени Василия III и Ивана IV. Среди них, видимо, случайно оказалась договорная грамота Сигизмунда I с Василием III 1509 г., и поэтому в 1614 г. ее переложили в другое место. Этот ящичек — 39-й ящик из Царского архива, состав документов которого почти без изменений сохранился и в Посольском архиве. Более того, все 18 грамот из ящичка, известные по описи 1614 г., сохранились. Около половины грамот (8) относятся к первой трети XVI в., преимущественно к концу 20-х — началу 30-х годов, когда Василий III потребовал от многих князей поручные записи на верность (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972, с. 313—315; Государственный архив России XVI столетия, с. 197—202). Судя по описи Царского архива, ядро 39-го ящика сложилось к началу 30-х годов XVI в., записи времени Ивана IV были добавлены сюда в 60-х годах XVI в. (Описи, с. 23; Государственный архив России..., с. 49; Шмидт С. О. К истории составления описей Царского архива XVI века. — АЕ за 1958 год, М., 1960, с. 56; Государственный архив России..., с. 199—200, 244—250). Таким образом, перед нами довольно редкий случай в истории русского документального наследия, когда комплекс документов, ядро которого сложилось без малого 450 лет назад, почти в неизменном и полном составе сохранился до наших дней.

Феодосия царю Ивану Грозному 1553 г. и шесть английских грамот от Марии Тюдор, Филиппа II и Елизаветы I⁴⁶.

Наиболее поздние по происхождению документы первого ящика относятся к 60-м годам XVI в.; исключение составляют два очень важных государственных акта — утвержденные грамоты церковных соборов 1580 и 1584 гг. об отмене тарханов.

В целом состав документов первого ящика из большой коробки хорошо отражает преемственность Царского и Посольского архивов. В первом ящике, как и в Царском архиве, были древние княжеские грамоты и некоторые личные документы царской семьи, иностранные грамоты, дела о некоторых важных судебных процессах, документы земского и церковного соборов.

Остальные ящики из большой коробки более однообразны по составу документов. Так, во втором ящике были собраны главным образом судные дела князей Воротынских и Одоевских, документы о князьях С. Ф. Бельском и А. Палецком. В 3-м, 4-м, 6-м ящиках хранились договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., при этом в 3-м ящике были собраны договоры Василия I, Василия II и Ивана III⁴⁷, в 4-м ящике — в основном договоры Ивана III с удельными князьями, а в 6-м ящике хранились почти все имевшиеся в архиве духовные великих и удельных князей и княгинь (39 грамот и около 20 тетрадей со списками духовных)⁴⁸, а также 40 договорных грамот 1350—1497 гг.⁴⁹ Пятый ящик отличался внешним видом (он был окованным) и единством содержания подобранных в нем документов: здесь хранились грамоты дмитровского князя Юрия Ивановича (брата Василия III) первой трети XVI в. В 7—11-м ящиках из большой коробки находились документы в основном двух видов — некоторые судебно-следственные дела и великокняжеские документы фамильного характера. Так, в 7-м ящике в четырех связках были собраны судные дела, грамоты доводные, расспросные речи времени Ивана III и Василия III, а также документы о свадьбах Юрия Васильевича (брата Ивана Грозного) и великого князя Симеона Бекбулатовича. В 8-м ящике выделялись три документа из истории фамильных связей русских и литовских великих князей XIV—XV вв., а в 9-м ящике среди доводных дел и расспросных речей в описи 1614 г. специально отмечена связка документов о ссылке на Белоозере кн. М. И. Воротынского с женой. Кроме того, тайные отписки и «памят-

⁴⁶ Грамоты о начальном периоде англо-русских отношений хранились в Царском архиве также вместе, в 179-м ящике (Описи, с. 35; Государственный архив России..., с. 394—395).

⁴⁷ Хронологически в 3-м ящике выделялись два документа XVI в. — меновные грамоты 1566 г. Ивана Грозного и Владимира Андреевича Старицкого (обмен царских городов Дмитрова и Звенигорода с землями на города князя Владимира Андреевича — Старицу и Верею с землями). Совместное хранение меновных грамот XVI в. с междукняжескими докончаниями XIV—XV вв., вероятно, не случайно. Среди последних были два договора угличского князя Андрея Васильевича Большого с Иваном III и имевшая к ним отношение выписка из докончальных и духовных грамот Дмитрия Донского, Василия I и Василия II о Москве и Звенигороде. Московско-угличские договоры затрагивали и те земли, которые были обменены в 1566 г. и поэтому могли быть использованы при составлении текста меновных грамот.

⁴⁸ Некоторые духовные грамоты, отмеченные в описи 1614 г., не сохранились. Среди них: духовная великой княгини Евдокии, жены Дмитрия Донского, «чем благословила сына своего великого князя Василья, а в котором году писано, то слыняло»; духовная грамота Василия II «за золотой печатью, ветха» (сохранилась грамота 1461—1462 гг., написанная дьяком Василием Бедой при митрополите Феодосии) (Государственное древлехранилище хартий и рукописей, № 87); духовная удельного князя Андрея Васильевича Меньшого вологодского (сохранился список духовной 1481 г.) (Там же, № 117); духовная удельного князя Федора Борисовича волоцкого (есть список духовной 1506 г.) (Там же, № 165); три списка с духовных грамот Василия III.

⁴⁹ Более половины договорных грамот из этого ящика относилось ко времени Василия II Темного. Из них выделяется комплекс документов периода феодальной войны 30—40-х годов из архива галицких князей.

цы» от М. И. Воротынского были в 10-м ящике вместе с посыльными грамотами Елены Глинской к Василию III.

И, наконец, в последнем, 11-м ящике, который, как отмечено в описи 1614 г., был закрыт на замок и опечатан, хранились грамоты Василия III к «братье его к уделным князю Дмитрею Ивановичю и к иным, и от них к нему»⁵⁰. Подобный же ящик с документами исключительно о взаимоотношениях Василия III и князя Дмитрия Ивановича был и в Царском архиве⁵¹. Хранившиеся вместе с первой четверти XVI в. и по крайней мере до 1614 г., эти документы почти не сохранились и, вероятнее всего, погибли во время пожара 1626 г.: «послепожарная» опись архива 1626 г. их уже не отмечает.

Кроме 11 ящиков с документами, перешедшими в Посольский архив из Царского архива XVI в., в большой окованной коробе хранилась группа дел времени царя Бориса. Эти документы были собраны в двух опечатанных мешках. В одном маленьком мешочке лежали отписки из Ивангорода к царю Борису от воеводы князя В. И. Ростовского-Белоголового. Это были, вероятно, отписки о приезде в 1599 г. шведского королевича Густава (для женитьбы на царской дочери Ксении).

В другом мешке находилось 15 документов, 10 из которых были связаны с русско-польскими отношениями в 1599—1605 гг., а точнее со Смоленском. Остальные документы — это две неотправленные грамоты царя Бориса в Нарву, два документа об иностранных купцах и грамота, присланная на имя царя Бориса от молдавского князя Иеремия Могилы.

Всего, таким образом, в большой окованной коробе хранилось около 270 грамот, 19 связок с грамотами, 22 тетради, в которых были списки с грамот, и одна книга. Как можно было заметить выше, четкого порядка в хранении этих документов в архиве не было. Из всех дел большой коробки выделены фактически лишь древние духовные и договорные грамоты и некоторые документы первой трети XVI в. о взаимоотношениях Василия III и его братьев, удельных князей.

Документальные материалы большой коробки можно условно разделить на три хронологические группы: древние княжеские грамоты XIII—XV вв. (1, 3, 4, 6-й ящики); документы XVI в. в основном до 70-х годов (1—3, 5, 7—11-й ящики); небольшая группа дел времени царя Бориса (точнее, 1599—1605 гг.).

В отмеченных хронологических группах есть интересная особенность: почти все наиболее поздние по происхождению документы Царского архива, перешедшие в Посольский архив и собранные там в большой коробе, относились к середине 60-х годов XVI в. Большая часть документов из коробки была из разряда дел, названных в описи 1614 г. «государственными» (т. е. важнейшие внутриполитические документы). Как известно, в описи Царского архива наиболее поздние внутриполитические документы относились к 60-м годам XVI в.; небольшое число дел начала 70-х годов, бывших в Царском архиве, — это чаще всего дипломатические документы. Если учесть, что предполагаемое время возникновения известной описи Царского архива — начало 1570-х годов, то станет понятной отмеченная хронологическая грань документов. Но, с другой стороны, если большая часть документов Царского архива перешла в Посольский архив, то почему опись 1614 г. почти не отмечает «государственные дела», появившиеся после известного описания Царского архива? Не значит ли это, что во время описания архива в 1570-х годах произошло и его размежевание: основная масса документов была передана в то время в Посольский приказ, остальные дела поступили в другие приказы.

Как уже отмечалось, в другом хранилище Посольского архива, в окованном сундуке, находились старые дипломатические документы 1493—1605 гг. Среди них около 340 грамот и 10 связок с грамотами. Документы сундука описаны в следующем порядке: грамоты имперские, папы

⁵⁰ Описи, с. 62.

⁵¹ Там же, с. 36, ящик 184; Государственный архив России..., с. 79.

римского, польско-литовские (наиболее многочисленная группа, около 160 грамот), лифляндские, шведские, датские, шлезвигские, английские, венецианские, любекские, голландские, французские, флорентийские, турецкие, кабардинские, черкесские, греческих патриархов, грузинские. Две грамоты, прусская и валашская, хранились среди польско-литовских документов. Обращает на себя внимание отсутствие документов о сношениях с некоторыми странами Востока, бывших в Царском архиве в XVI в. и в Посольском архиве в конце XVI в., среди них — дела крымские, персидские, бухарские, ургенчские, ногайские и некоторые другие. Обращает на себя внимание тот факт, что в Царском и Посольском архивах конца XVI в. отсутствовало разделение дел европейских государств и стран Востока, появившееся в XVII в. В размещении документов видна попытка применить хронологический принцип, который, однако, во многих случаях не выдерживался.

Можно сказать, что распределение дел на два основных вида — документы дипломатические и внутривластные, — которое наметилось еще в Царском архиве и закрепилось в архиве Посольского приказа конца XVI в., к 1605 г. выразилось в размещении их в двух хранилищах. Хранение документов в небольших ящиках, известное по краткой описи конца XVI в., в период с 90-х годов XVI в. по 1605 г. постепенно заменяется хранением дел в коробе и сундуке с сохранением некоторых старых ящиков.

Кроме старых внутривластных дел, в архиве было немало и других подобных документов, потерявших, надо полагать, свое значение к началу XVII в. и потому описанных крайне суммарно. Они и все другие документальные материалы в 1614 г., накануне описания архива, размещались в различных служебных и вспомогательных помещениях приказа⁵². В «казенках» (или «сторонних полатках»), примыкавших на первом этаже к средней «посольской» палате, стояли четыре сундука в основном со старыми малоактуальными поместными и «четвертными» делами («ветхи добре»), среди них было немного и старых посольских дел. В «верхней» палате, «что над Посольскою полатою» также лежало на полу большое число старых дел. Здесь были «столпы» об отпуске в войска «хлебных запасов», об испомещении русских дворян на ливонской территории при Иване Грозном, отписки от воевод из пограничных городов; финансовые дела Новгородской и Холмогорской четвертей; книги записные, таможенные, кабацкие, приходно-расходные; различные приказные, судные, доводные дела, среди которых распросные речи, списки «опальных людей», наказы гонцам, посланным «по опальных» и «иная мелкая рознь». Были здесь и некоторые посольские дела, отмеченные в описи суммарно. Большинство из этих очень ценных несохранившихся документов были «ветхи добре и розпались, а иные и згнили»⁵³.

В задней, дьячей палате на первом этаже стояли пять ящиков. Три из них были заполнены различными документами внутривластного характера — приказными делами, мелкой «рознью» и очень ценными доводными делами — документами судебных процессов времени Ивана Грозного и Бориса Годунова. В первом ящике среди доводных дел лежал «летописец Польских и Литовских королевств»⁵⁴. В двух ящиках хранилось небольшое число посольских дел XVI в.: бухарские, ташкентские, «шамохейские», ургенчские, «тарковские», сибирские, шведские тетради, четыре связки — «рознь литовская и немецкая и крымская при царе Бо-

⁵² О здании Посольского приказа см.: ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1647 г., д. 1, л. 132; Белокурова С. А. О Посольском приказе в XVII в., с. 63; Описи, с. 137 и др.

⁵³ Описи, с. 137.

⁵⁴ Хранение польского летописца в палате, где «бывают у дьяков иноземцы для государственных тайных дел», не случайно. Еще в XVI в. во время переговоров с польскими послами посольские дьяки неоднократно ссылались на польские «кроники»: «А как Егайло на дядю соего на Кестутья наймовал ливонских немец... и в ваших крониках посмотри то найдется»; «и как Ягайло и Витофт ходили на Немецкую землю... и то в ваших крониках описано» (Сб. РИО, т. 71, с. 109).

рисе и после царя Бориса по Владиславе»⁵⁵. Часть документов оказалась в задней палате в результате деятельности посольских дьяков, другие документы, как, например, судебные дела времени опричнины, могли быть переданы дьякам на хранение.

Некоторые документы хранились в «передней подписной» палате. Какие и сколько их было — не ясно, известно только, что здесь среди прочих находились и «столпы литовские» самых последних лет — 1613—1614 гг.⁵⁶

Остальные документальные материалы находились на первом этаже в средней «посольской» палате. В большой коробье и окованном сундуке хранились наиболее старые дела (ядро архива), охарактеризованные выше. В этой же палате находились почти все «новые» дипломатические дела конца XVI — начала XVII в. (грамоты, столбцы, книги, «рознь», картографический материал). В «посольской» палате, надо полагать, были и два ящика, обитые бархатом и серебряными оковами. В первом хранились наиболее важные для того времени международные договоры, документы, относящиеся к личности Лжедмитрия I и II, печати иностранных государств. Во втором — две грамоты Земского собора об избрании царя Михаила Романова.

Таким образом, накануне описания архива основная масса документов, и прежде всего новые дела, находилась в служебных помещениях приказа, где использовалась дьяками и подьячими в повседневной приказной работе. Дела старые, так сказать малоактуальные, хранили в «верхней» палате и в «сторонних шолатках» («казенках»), видимо, это и был «архив» в узком смысле этого слова (документы в нем хранились без должного внимания — они гнили на полу).

В 1614—1615 гг. документы Посольского архива были разобраны и систематизированы. Основная задача, стоявшая перед лицами, разбиравшими архив, заключалась в выявлении и систематизации документов, которые назывались «государственные и посольские дела».

Судя по описи 1614 г., «государственные» — это наиболее важные для того времени документы, перешедшие из Царского архива XVI в., — династические (об избрании великих князей и царей, духовные, междукняжеские договоры, судебные дела, личная переписка государей), важнейшие государственные акты (жалованные, крестоцеловальные и поручные грамоты, некоторые соборные дела, царские указы и постановления, дела о некоторых политических процессах).

«Посольские дела» — это основная масса документальных материалов внешних сношений России в XV — начале XVII в.⁵⁷ Среди документов, не подходивших к разряду «государственных и посольских дел», были, как правило, старые приказные, судебные, доводные дела, записные, приходно-расходные книги приказа и подчиненных ему четвертей, большое количество россыпи («розни»); многие из старых ценных документов были в очень ветхом состоянии. Эти дела фактически не систематизировали и не описывали, но это не значит, что они не подлежали хранению в Посольском архиве (как это отмечено в предисловии к изданию «Описи») ⁵⁸: последующие, более пространные описи 1626 и 1632 гг. отмечают подобного рода документы.

В задней палате, где стояло пять ящиков, отобрали и перенесли в среднюю, «посольскую» палату тетради со списком русско-шведского Тявзинского мирного договора 1595 г. и 34 тетради о русско-шведских пограничных отношениях в 1605—1607 гг. В средней палате эти тетради положили вместе со шведскими посольскими книгами. Из задней палаты в среднюю перенесли и положили в сундук с крымскими делами крымскую «рознь».

⁵⁵ Описи, с. 97.

⁵⁶ Там же, с. 128.

⁵⁷ Там же, с. 11.

⁵⁸ Там же, с. 12.

Пересматривались дела и в других помещениях. В «сторонних полатках» из четырех сундуков отобрали все посольские дела (подходивших к разряду «государственных» там не оказалось) и перенесли в посольскую палату. В верхней палате еще до описания архива выбрали и перенесли вниз, в посольскую палату все «государственные и посольские дела»; остальные документы были собраны с пола и «покладены в коробы». Из передней «подписной» палаты отобрали польско-литовские столбцы 1613—1614 г.

Таким образом, в «посольскую» палату отобрали из других помещений все документы, подходившие к категории «государственных и посольских дел». Это были в основном «новые» дела (конца XVI — начала XVII в.), «старые» же, как отмечалось выше, хранились в коробе и окованном сундуке. Все документы, собранные в «посольской» палате, разложили на грамоты, «книги посольских дел», столбцы и «чертежи» (карты). Внутри каждого из этих видов (кроме чертежей) документы систематизировали по государствам в хронологической последовательности.

Грамоты поместили в две коробки. В первой — европейских государств, во второй — грамоты стран Востока. Ко времени описания Посольского архива в отдельных бархатных ящиках с серебряными оковами хранились наиболее важные государственные документы. В первом ящике — важнейшие договорные грамоты начала XVII в. и документы большой политической важности. Из 39 собранных здесь грамот 34 были связаны с русско-польскими отношениями в начале XVII в. Среди них известные русско-польские договоры 1602 и 1608 гг. («о воеводе сендомирском и о дочери его Маринке и о перемирье») ⁵⁹, крестоцеловальная запись московских бояр об избрании русским царем королевича Владислава. Кроме того, в этом ящике хранились: очень важная для русских царей грамота императора Максимилиана I Василию III с «царским именованьем» последнего (1514 г.); русско-шведский Тывзинский договор 1595 г.; договорные записи 1609 г. между М. В. Скопиным-Шуйским и Я. Деллагарди о найме шведских солдат. В этом же ящике находился и архив Лжедмитрия I — 28 грамот, завернутых в три связки, среди которых были и «листы», читанные публично в мае 1606 г. на Лобном месте. Во втором бархатном ящике хранились только два документа — беловой и черновой варианты утвержденной грамоты об избрании в 1613 г. царем Михаила Романова ⁶⁰.

Книги о сношениях со странами Востока положили не менее чем в четыре коробы. В одной были старые (не позднее времени Ивана IV) книги ногайские, астраханские, казанские и связки тетрадей «шемахейских», сибирских, «Казатцкой орды». В другом месте собрали книги турецкие, персидские, крымские. Как можно заметить, в подборе дел наблюдается определенная система — отделение менее важных, старых книг о сношениях со странами, дипломатические связи с которыми уже не играли определяющей роли во внешней политике России, от посольских книг, используемых в повседневной приказной работе.

Книги европейских государств и православных стран Востока поместили в три коробки, в первую — польско-литовские, греческие, одну валахскую 1481—1572 гг., одну грузинскую, во второй коробке собрали книги имперские, одну прусскую (взаимоотношения Василия III с магистром Тевтонского ордена Альбрехтом Гогенцоллерном), книги папы римского. Сюда же положили книгу, в которой были записаны полные титулы Ивана Грозного, «римского императора», образцы грамот, отправляемых за границу и иностранных, поступавших в Россию; в этой же книге находилось описание венчания на царство Ивана Грозного. Кроме того, во второй коробке были: книга с записью чина и устава избрания первого рус-

⁵⁹ Там же, с. 95.

⁶⁰ Как предположила С. А. Левина, тем самым закладывался архив новой династии (Левина С. А. Попытка систематизации архива Посольского приказа в 1614 году, с. 425).

ского патриарха и две книги, «а в них писаны ссылки Бориса Федоровича с цесарем, и с кизылбашским шахом, и с крымскими, и с ьверскими, и с турскими паши, как он был в правительстве»⁶¹. В третьей, «европейской» коробке находились: одна книга английская 1581—1590 гг., книга вольных немецких городов 1486—1505 гг., книги датские, шведские, ливонские.

Таким образом, европейские книги, как и восточные, были сгруппированы в определенном порядке. Первая группа — книги восточноевропейских государств и книги о международных связях русской церкви (приезды греческих властей и грузинских священников). Вторая группа — книги имперские, папы римского и связанные с ними дела о царском титуле и избрании первого русского царя и патриарха. (Характерно, что и в конце XVII в., когда приказ делился на поветья, одному из них, возглавляемому старым подьячим М. Алексеевым, в 1681 г. были подчинены дела «папешские, цесарские... чины венчания на царство и бракосочетаний».)⁶² Третью группу представляли дела северо-западных морских государств (бассейн Балтийского и Северного морей).

Несколько иначе были сгруппированы «столпы розных государств». В одну коробку собрали столбцы и «рознь» имперскую, английскую, папы римского, три столбца о «торговых немцах и о дохтурех» из вольных немецких городов. Во второй коробке сложили столбцы и «рознь» польско-литовскую, валашскую и два столбца о «мутьянских» воеводах. В особом сундуке, видимо еще до пересмотра архива в 1614 г., были собраны польско-литовские столбцы, книги и «мелкая рознь» «смутного» времени (1604—1610 гг.) о Юрии и Марине Мнишек, о пребывании в Москве в 1608 г. польского посла Н. Олесницкого и в 1610 г. С. Жолкевского. В одну коробку поместили столбцы и «рознь» шведскую и датскую.

Столбцы и «рознь» восточных стран разложили следующим образом. В одной коробке сложили турецкие и крымские дела. Кроме того, в отдельной лубяной коробке лежали 10 столбцов и связка с «рознью» о пребывании крымского царевича Мурад-Гирея в Москве в 1588—1589 гг. и проводах его в Астрахань. В другой коробке находились столбцы ногайские и небольшое число бухарских, грузинских, черкасских, шамхальских, сибирских, по одному столбцу калмыцкому, ургенцскому, «казатцкому».

Все перечисленные столбцы как западных, так и восточных государств отнеслись к сравнительно новому времени — к концу XVI — началу XVII в. Наиболее старые из них были составлены не ранее второй половины XVI в. (60—70-е годы), но и таких было немного: столбец 1571/72 г. об англичанине А. Дженкинсоне; расклеенный и связанный ветхий литовский столбец 1557/58 г. (остальные польско-литовские столбцы начинаются с 1582 г.); три столбца 1574/75 г. о валашском воеводе Богдане Александровиче и др.

В одном месте (в коробке) были собраны и «чертежи» (карты) — 21 карта хорошей или удовлетворительной сохранности и несколько карт, которые «разобрать имянно и написать» было «немочно» — «ветхи добре раззались». Из описанных карт на 10 была изображена территория Северо-Западной Европы (Англия, Швеция, Дания, Лапландия, Карелия, Лифляндия, шведские города), на двух — Псков и Ивангород; на семи картах — граница России и Речи Посполитой; две карты с азиатской территорией России (дорога от Казани в Сибирь, карта Сибири начиная от Чердыни).

В размещении посольских грамот, книг и столбцов можно заметить определенную систему. Прежде всего, это разделение всех документов на две основные группы — дела европейских государств и дела азиатские. Внутри этих групп документы систематизированы на подгруппы. Евро-

⁶¹ Описи, с. 115—116.

⁶² Белокуров С. А. О Посольском приказе в XVII в., с. 52.

пейские документы разделены на три подгруппы. Первая — дела польско-литовские, валашские, греческих патриархов. Вторая — дела имперские, папы римского, прусские, сюда же поместили документы о венчании царя Ивана Грозного. Третья — дела английские, вольных немецких городов, датские, шведские, ливонские. Азиатские документы были разделены на две подгруппы. Первая — дела турецкие, персидские, крымские. Вторая — ногайские, астраханские, казанские, шемаханские, сибирские, «казацкие», бухарские, грузинские, черкесские, ургенчские, калмыцкие. Вполне вероятно, что такая группировка посольских документов была сделана тогда в соответствии с распределением обязанностей между старыми подьячими, которое к середине XVII в. оформилось в виде пяти повытий приказа — трех для стран Европы и двух для азиатских стран и народов⁶³.

Систематизацией и описанием документов Посольского приказа в 1614—1615 гг. заканчивается первый период истории Посольского архива. Это время зарождения архива приказа в середине XVI в., превращения его в главный архив государства в тот момент, когда в последней четверти XVI — первые годы XVII в. он пополнился важнейшими внутри- и внешнеполитическими документами Царского архива; это время, когда с начала XVII в. определился профиль Посольского архива как хранилища документов внешней политики, династических документов и наиболее важных церковных и государственных актов внутривнутриполитического значения; когда сформировались основные принципы организации архива. В исторической перспективе так складывалось ядро будущего МГАМИД — одного из фондов современного ЦГАДА.

---

⁶³ Там же, с. 51, 53.

СВЕДЕНИЯ О РОССИИ XVI—XVIII вв.
В ПЕРЕПИСКЕ ДАТСКИХ ПОСЛОВ

Русско-датские связи, нашедшие свое отражение в письменных источниках начиная с XI—XII вв., носили в этот период чисто экономический характер. И, очевидно, лишь с конца XV — начала XVI в. они приобретают отчетливо выраженное политическое направление. Сплотившееся и окрепшее Российское государство, вышедшее к берегам Балтики, активно включившееся в борьбу стран балтийского региона за сферы влияния, было заинтересовано в союзе с сильной морской державой — Данией. С другой стороны, Дания, стремившаяся реставрировать и упрочить датско-шведско-норвежскую унию, нуждалась в вооруженной помощи против Швеции и Ливонии, отстаивавших в этот период свою независимость от датской короны. И такую помощь Москва, опасавшаяся шведско-ливонской агрессии, Дании оказывала.

История балтийской политики России XVI—XVIII вв. — история противодействия попыткам Швеции, Польши, германских князей продвинуться на восток, история борьбы за прибалтийские территории. В этой борьбе «датский фактор» становится одним из главнейших в политике Москвы, так же как и связь с Российским государством во внешней политике Дании, страдавшей от экспансии Швеции и Гольштейна. Почти постоянное сотрудничество двух стран на протяжении рассматриваемого периода неизбежно вело к возникновению неординарного и в общем довольно доверительного отношения к русским послам в Копенгагене и датским — в России. Датским дипломатам в Москве сообщались, как мы увидим ниже, сведения высокой государственной секретности. Датчане располагали не только необходимой информацией об общих врагах: московское правительство, учитывая позицию Дании как своего, пожалуй, самого постоянного сторонника в Европе, нередко посвящало ее послов в тайны своей политики и в отношении третьих держав.

Датская дипломатическая служба, имевшая уже в XVI в. весьма совершенный аппарат, довольно эффективно накапливала, обрабатывала и использовала полученную информацию. Достаточно упомянуть о том, что огромный фонд «Россия» Датского государственного архива в части, посвященной XVI—XVIII вв., не только сохранился до наших дней без лакун, но и был систематизирован (в годы, когда он только складывался) настолько продуманно и логично, что пользование им и теперь не доставляет ни малейших затруднений или неудобств¹.

Для историков внешней политики России весьма интересны хронологически первые имеющиеся в нашем распоряжении документы фонда². Материалы эти касаются датского посредничества на переговорах Российского государства и Тевтонского ордена в 1557 г., где речь шла о судьбах Лифляндии, границах, условиях русской транзитной торговли. По сути дела, не располагая подобной информацией (в дополнение к имеющейся в наших архивах) о содержании и протекании переговоров, трудно создать объективную картину их хода.

Непосредственно с именем Ивана Грозного связано собрание грамот к леннику датского короля герцогу эзельскому Магнусу, а также перепис-

¹ О систематизации этого фонда см.: *Возгрин В. Е.* Документы Датского государственного архива по истории России в годы Северной войны. — СА, 1973, № 5, с. 102.

² Микрофильмы части фонда хранятся в ЦГАОР СССР (ЗА-73, КМФ-16) и АЛОИИ (Западная секция).

ка герцога и короля по вопросам внешней политики России. Однако гораздо значительнее как по объему, так и по информативности корреспонденция послов Дании в Москве К. Урне, П. Билле, В. Вобитцера, И. Теннера в 1558—1642 гг. Задачи датских дипломатов за эти 84 года, естественно, менялись, но важность, значительность их миссий для истории русской внешней политики явствует уже из перечисления целей некоторых посольств. Датчане вели переговоры о признании Россией верховного права Дании на Эвель и часть Эстонии, о совместной борьбе со Швецией, о давлении на Польшу, о русско-норвежской границе и т. д. Дополнительную информацию по этому периоду русской истории можно извлечь из писем и статейных списков постоянных представителей в Москве Э. Хардеберга, Ц. Веллинга, Э. Эйсенберга, посла Я. Ульфельдта³ и др.

Охватывающее обширный период (1620—1761 гг.) собрание документов о судоходстве и торговле Дании с Россией «Forskellige akter og dokumenter vedr. Handel og søfart» весьма пестро по составу. Одни из них дают сведения о деятельности датчан в северных русских портах, о нажиме, который русское правительство оказывало в интересах датских купцов на любекские торговые дома, другие свидетельствуют о внимании, с которым датские дипломаты относились к любой, даже маловероятной возможности новой конкуренции в их московской торговле со стороны третьих держав⁴.

Ряд документов связан с малоисследованным вопросом так называемой лапландской торговли России и Дании через единственный участок датско-норвежско-русской сухопутной границы. Активность этой торговли обуславливалась полным отсутствием здесь транзитных пошлин и расходов на фракт судов третьих держав, неизбежных при торговле через прибалтийские порты Швеции. Эти документы⁵, как нам известно, даже не упоминаются ни в одном исследовании.

Несколько особняком стоит в коллекции собрание бумаг посла М. Юля. Он должен был склонить в 1631 г. Россию к разрыву со Швецией, с которой царь в преддверии войны с Польшей готовился вступить в союз. Миссия М. Юля была сама по себе событием незначительным, успехом она не завершилась, но журнал посла⁶ интересен как очень подробный источник, позволяющий уточнить массу конкретных событий, даты, характеристики отдельных русских деятелей, а также как дипломатический протокол в Москве первой трети XVII в. Кроме того, журнал в начальной своей части⁷ содержит интересные сведения о русской действительности того времени вообще.

Следующий обращающий на себя внимание комплекс документов относится к миссиям Х. Горна (1681—1684 гг.). Об этих посольствах имеется весьма немного печатных известий — Горну, как и Юлю, не удалось добиться заметных результатов в своих поездках. Однако ни одно из известных нам четырех упоминаний о его посольствах не дает представления о том обилии сведений, касающихся внешних и внутренних

³ Из документов перечисленных дипломатов опубликованы только записки о поездке в Россию Я. Ульфельдта в 1575 г.: *P. H. Resen kong Frederik 2: s krønike. København, 1680, s. 398—436.* Их перевод с латыни см.: ЧОИДР, 1883, кн. 1—4.

⁴ Например, имеется копия (снятая тайно или купленная) с письма Михаила Федоровича Людовику XIII о торговом договоре (упомянута в кн.: *Щербачев Ю. Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326—1690 гг. М., 1893, с. 200*).

⁵ Представлены прошения на разрешение торговли в Лапландии датчан, королевские патенты на рыбную ловлю в этом районе. Имеется сделанное неким И. Мунком в 1624 г. обширное описание всех особенностей торговли с русскими в Лапландии и т. д.

⁶ Кроме микрофильма, в АЛОИИ имеется и рукописная копия журнала «*Malte Juuls Relation om hans Ambassade og Forrettelse om Rusland 1631*», более удобная в пользовании.

⁷ С. 1—23 рукописной копии, с. 1—49 микрофильма оригинала.

дел русского двора, что содержит переписка посла за эти годы⁸. Попробуем перечислить факты и события, описания которых встречаются лишь у Горна или в изложении которых он отступает от традиции.

Во-первых, Горн неоднократно обоснованно доказывает наличие у России в 1680-х годах планов добиться реванша у Швеции путем вооруженной борьбы, возможно в союзе с Данией⁹.

Далее, очутившись в разгар стрелецкого мятежа 1682 г. в центре событий, посол сообщает о плане Хованского женить своего сына на вдовствующей царице, т. е. по сути, посадить его на престол¹⁰. Все историки, изучавшие бунт, отмечали, что в жены князю Андрею предназначалась великая княжна Екатерина Алексеевна¹¹. Таким образом, версия Горна заставляет по крайней мере усомниться в подлинности знаменитого письма, сыгравшего главную роль при вынесении смертного приговора обоим Хованским, — письма, в котором сообщалось об их намерении убить вдовствующую царицу.

Столь же уникальны сообщения Горна о двойной игре И. Милославского, доходившего в своей борьбе с группой В. Голицына до прямой оппозиции Софье; о гораздо более раннем, чем принято считать (1683 г. вместо 1688—1689 гг.), открытии сопротивления юного Петра политике «правительницы»; о подкупе шведами В. Голицына и посла Прончищева с целью недопущения очередного русско-датского сближения и т. д.

Вряд ли будет оправданным слепое, некритическое доверие ко всем без исключения сообщениям Горна; они нуждаются, естественно, в проверке. Однако если учесть обычно лучшую его информированность по сравнению с другими послами (находившиеся в Москве в то же время голландец, саксонец и швейцарец столь широких сведений не получили из-за краткости их визитов), то станет ясной необходимость самого серьезного внимания к письмам Горна.

Конечно, высокой информативной ценностью обладают не только реляции и памятные записки послов. Не менее интересны для историка рескрипты и инструкции этим последним. Для иллюстрации значения этого второго типа посольской корреспонденции приведем пример из более поздней группы документов — посольского архива П. Гейнса за 1697—1705 гг.

По нашему мнению, исследование этого архива может помочь в разрешении старого спора историков внешней политики балтийских стран о том, кому принадлежит заслуга в выработке плана активного сопротивления шведскому засилью на море и первые шаги в осуществлении этого замысла — России или будущему ее союзнику Дании. Как датские, так и советские историки, опираясь на тот факт, что первым с союзной миссией прибыл датский посол в Россию, а не наоборот, утверждают, что приоритет в создании знаменитого Северного союза принадлежит Дании. Однако обзор посольских документов Гейнса показывает, что в инструкции послу имелся в виду лишь оборонительный союз, да и то посол должен был только зондировать возможность создания такого союза (у него не было даже полномочий на заключение договора). Напротив, активное стремление к созданию наступательного антишведского альянса (каким и стал Северный союз) отмечает Гейнс у русской стороны — из его писем следует, что такое предложение сделал ему

⁸ Из более чем 400 страниц эпистолярного наследия Горна лишь небольшая его часть была напечатана в Дании, но издание это давно уже стало библиографической редкостью: *Aarsberetningen fra det Kongelige geheime archiv. København, 1897, Bd. 6, S. 139—198.*

⁹ К. Цернак — единственный, кто представил обоснованные доказательства наличия такого плана у русских, — строит все же свою гипотезу на весьма зыбкой почве неких «угроз», которые шведы лишь однажды слышали в Москве (*Zernack K. Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Giessen, 1958, S. 78, 126—127, 131.*)

¹⁰ «An der jungen verwittibten Zarizin zuverheiraten und an den Thron zusetzen».

¹¹ Эту версию Невиля, опубликованную в 1689 г., повторили как нечто не подлежащее сомнению С. Соловьев, М. Погодин, А. Аристов, М. Богословский и др.

11 августа 1697 г. глава посольского приказа Лев Кириллович Нарышкин. Этот факт, не получивший отражения в русских источниках, доказывает, что Петр сделал соответствующие указания Л. К. Нарышкину еще до своего отправления в «великое посольство» и, значит, до составления инструкции Гейнсу, датированной апрелем того же года.

Из других бумаг Гейнса следует, что Дания допускала сильные колебания и в ходе дальнейших переговоров, что контрастировало с бескомпромиссной политикой России. Буквально накануне подписания договора Гейнс получил из Копенгагена резолюцию Тайного совета — предписание исследовать перспективы русско-турецких отношений. В случае расширения конфликта России с Портой, пишут датские политики, Дания выступит, вероятно, на стороне Карла XII. Цель — получение от благодарной за помощь в агрессии Швеции территориальных уступок Дании мирным путем. План этот, продемонстрировавший истинную цену «антишведским инициативам» Копенгагена, не был осуществлен лишь благодаря успехам русской дипломатии на юге и весьма энергичному завершению Петром переговоров о создании тройственного Северного союза.

В настоящем сообщении мы рассмотрели несколько примеров (далеко не все!) новой внешнеполитической информации, содержащейся в переписке датских послов. Не менее ценны их наблюдения, сделанные в области внутренней политики и экономики России, жизни различных слоев общества, меткие характеристики исторических лиц, оценка их действий. Необходимо заметить, что датчане в качестве послов традиционно дружелюбной к России державы были не только лучше информированы, но могли позволить себе в реляциях и большую объективность, чем те же поляки, шведы или турки, которых при необходимости высылали, а то и арестовывали; причиной таких акций нередко бывало содержание корреспонденции или устных высказываний дипломатов.

И еще одно несомненное достоинство датских источников для историка России. В эпоху, когда широко велась торговля секретной политической информацией, а дипломаты не считали взяточничество пороком, политики, желавшие сохранить в тайне содержание секретных переговоров, не должны были доверять никому, даже сотрудникам собственного аппарата, и еще меньше — бумаге. Особо важные секретные переговоры не протоколировались, тайна их зачастую умирала с последним из участников встречи. Так, кстати, обстоит дело с вышеупомянутыми переговорами Нарышкина с Гейнсом. В секретной части встречи, пишет датчанин, помимо него и боярина, не было никого, кроме датского комиссара Б. Розенбуша. Последний исполнял обязанности переводчика, так как осторожный Лев Кириллович удалил не только дьяков и слуг, но и толмачей Посольского приказа. Из-за этого записей даже о факте переговоров (не говоря уже об их содержании) в собраниях русских источников не числится, но подробное их изложение имеется теперь в нашем распоряжении благодаря бумагам датского посла Гейнса.

Кратко охарактеризованная в настоящем сообщении коллекция документов хранится в микрофильмированном виде в архивах СССР свыше 20 лет. За это время датские источники были использованы одним-двумя учеными, да и то в крайне незначительной своей части. Автор надеется, что данное сообщение о сравнительно новом для советских историков, чрезвычайно интересном и обширном источнике по истории России XVI—XVIII вв. будет содействовать более активному его использованию в будущем.

У. Биргегорд

БОЛЬШОЙ СЛАВЯНО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ КОНЦА XVII в.

Создатель большого славяно-латинского словаря Иоганн Габриэль Спарвенфельд (1655—1727), ученый, полиглот и путешественник, говорил и писал не менее чем на 14 языках мира. В многочисленных путешествиях по Европе и Северной Африке он знакомился с учеными, государственными и общественными деятелями разных стран, собирал ценные книги и рукописи. Благодаря этому его коллекция книг по различным отраслям знаний и рукописей стала одной из наиболее ценных в Европе. Книги и рукописи в славянском собрании Спарвенфельда разнообразны по содержанию, среди них находим сочинения по истории, географии, литературе, языку и т. п. Для формирования славистических интересов Спарвенфельда существенное значение имела его поездка в Россию (1684—1687 гг.). Попав в Москву в составе шведской дипломатической миссии, он добился королевской субсидии для дальнейшего углубленного изучения русского языка. Его учителем был переводчик при Посольском приказе белорус Стахий Годзяловский, а основным пособием в обучении стала известная грамматика Мелетия Смотрицкого. Сведения об ученых занятиях Спарвенфельда в Москве немногочисленны. Мы имеем его собственноручный дневник (хранится в государственном архиве Швеции) за первый год жизни в Москве и несколько личных писем.

Свидетельством научной деятельности Спарвенфельда служат его записи и пометы в книгах и рукописях личной библиотеки. Названные источники указывают на широкие контакты ученого как с иностранцами, жившими в Москве, так и непосредственно с москвичами. Именно к этому периоду относится начало работы Спарвенфельда над лексикографическим трудом, который был закончен уже в Швеции.

Словарь И. Г. Спарвенфельда «*Lexicon Slavonicum*» был известен среди славистов с конца XVII в., т. е. со времени создания. Европейские ученые знали о том, что шведский автор более 20 лет работал над созданием славянского словаря. Сохранились сведения и о безуспешных попытках Спарвенфельда опубликовать результаты своих ученых трудов. В 1721—1722 гг. он подарил рукописи большей части своих лексикографических сочинений библиотеке Упсальского университета; туда же он передал и обширную коллекцию славянских книг и рукописей. Сравнительно небольшая часть рукописного собрания Спарвенфельда позже попала в библиотеку шведского города Вестерос; несколько книг хранится в национальной библиотеке Парижа. В научной славистической литературе XIX—XX вв. встречаются отдельные упоминания о лексикографических трудах Спарвенфельда, однако полностью их содержание не было раскрыто¹. И лишь в последнее время к исследованию большого славяно-

¹ *Dobrovsky J.* Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland. Prag, 1796, S. 82; *Korrespondence Josefa Dobrovského*, Dil 1. *Vsájemné dopisy Josefa Dobrovského a Fortunata Duricha z let 1778—1800.* K vydání upravil A. Patera (Sbírka pramenův ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Skupina 2, číslo 2). Praha, 1895, S. 260—261; *Пекарский П.* Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях.—*Зап. Академии наук*, СПб., 1864, т. 4, кн. 1, с. 4; *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, с. 64—65; *Jensen A.* Die Anfänge der schwedischen Slavistik.—*Archiv für slavische Philologie.* 1912, N 33, S. 154—157.

латинского словаря обратился автор настоящей статьи с целью раскрыть его научную ценность для специалистов нашего времени².

В библиотеке Упсальского университета хранятся как рукописи, представляющие конечный результат многолетнего труда Спарвенфельда, так и рукописи, отражающие последовательные этапы его работы. Книжное собрание Спарвенфельда позволяет судить об источниках его словаря.

Четыре рукописи славянской коллекции (№ 37—40) содержат окончательный текст Большого славяно-латинского словаря (собственно «Lexicon Slavonicum») и представляют собой книги большого формата, в 1°, в серо-голубых картонных переплетах. Они были составлены в Швеции в самом начале XVIII в. Т. I, № 37, содержит словарные статьи на буквы А—И и имеет 326 л.; т. II, № 38, содержит словарные статьи на буквы К—О и имеет 313 л.; т. III, № 39, содержит словарные статьи на буквы П—Р и имеет 237 л.; т. IV, № 40, содержит словарные статьи на буквы С—У и имеет 279 л. Всего в словаре 25 638 словарных статей. Поясняемые славянские слова расположены в алфавитном порядке со знаками ударения; к ним, как правило, приводится много синонимов или близких по значению слов и выражений, помогающих более точно уяснить значение поясняемого слова. Это делает словарь необыкновенно богатым в лексическом отношении. В начале т. I латинские эквиваленты славянских слов переведены на шведский язык.

К числу источников, позволяющих установить, как проходила работа по составлению словаря, относятся следующие рукописи Упсальской библиотеки:

№ 42 — славяно-латинский словарь, рукопись большого формата, в 1°, в серо-голубом картонном переплете, также составленная в Швеции. Эта рукопись представляет собой черновой вариант словаря;

№ 41 — славяно-латинский алфавитный словарь, рукопись большого формата, в 1°, в кожаном переплете. Словарь содержит около 7500 словарных статей. Эта рукопись была создана в Москве в 80-х годах XVII в., она написана различными писцами, в том числе и самим Спарвенфельдом. Рукопись № 41 является копией не дошедшего до нас славяно-латинского словаря, составленного Епифанием Славинецким и Арсением Корецким-Сатановским. Многочисленные списки этого словаря известны в многих хранилищах Советского Союза и зарубежных стран.

№ 11 — латино-славянский словарь, рукопись небольшого формата, в 4°, в кожаном переплете. Словарь содержит около 30 000 словарных статей. Рукопись также была написана в Москве в XVII в. Словарь является копией с не дошедшего до нас латино-славянского словаря Епифания Славинецкого. Списки последнего также довольно многочисленны и имеются во многих хранилищах.

№ 18 — славяно-латинский словарь, рукопись большого формата, в 1°, в кожаном переплете, была написана в Москве в 80-х годах XVII в. По содержанию рукопись № 18 представляет собой обратную версию словаря по рукописи № 11.

Таким образом, рукописи № 41, 18, 11 были вывезены из Москвы, причем рукописи 41 и 18 непосредственно были созданы по инициативе Спарвенфельда. Рукопись № 11 ранее принадлежала Стахию Годяловскому.

Рассмотрение словарного состава главного словаря Спарвенфельда (№ 37—40) и его черновика (№ 42) позволяет сделать вывод, что к числу источников этого словаря относится также славяно-русский сло-

² *Birgegård U. J. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten. I—II. Uppsala, 1971; Она же. И. Г. Спарвенфельд и его лексикографические работы.— Scando-Slavica, 1973, т. 19, с. 135—141; Она же. Глоссарий русского разговорного языка конца XVII века.— Russian linguistics, 1975, № 2, с. 193—218; Она же. Лексикографические работы И. Г. Спарвенфельда и их место в истории русской лексикографии.— В кн.: Slavica Lundensia. Лунд, 1975. Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции 3 (р), с. 29—55; Она же. Славянский словарь Спарвенфельда.— Русская речь, 1979, № 4, с. 112—117.*

<h1>БЛАГО</h1>		+ 8
БЛАГОСТАЖДА: ДРЕВЕ ЧЕРПЛО, ДРЕВЕ ПРИМЪЗНО ДОВОЛЪИТЪИ ШАЖЪИ.		<i>Placide et moderate ferre, tolerabiliter, toleranter, facile patior, sereno animo ferre.</i>
БЛАГОСТАСТІЕ: шрепта, тешвѣе.		<i>Facilis injuriarum perrepto, facilitas, patior.</i>
БЛАГОСТАСТНЫИ: тешвѣица.		<i>Facile patens.</i>
БЛАГОСТОН: Хорошо створѣ, поудрово дѣлаѣ БЛАГОСТЫВО: обилно шрепта.		<i>Arctas, convenienter aliquid rei, ducis iungo, fructu delicatē, elegantē, libere ac accommodatē.</i>
БЛАГОСТЫИИ:		<i>Prothymia, promptitudo, animi, propensio,</i>
БЛАГОСТЫВО ЧИНЫТИ: шрепта.		<i>Benigne, humiliter vel humane facere, benivolē.</i>
БЛАГОСТЫННЫИ: ДОБРОТАБНЫИ, ШЕДОБАБНЫИ; шрепта, шрепта.		<i>Benevolus, probus, largus, bonus, comotus.</i>
БЛАГОСТЫНСТЫИ: ДОБРОТАБНЫИ ШЕДОБАБНЫИ.		<i>Bonitatem perago, cunctas.</i>
БЛАГОСТЫНА: ДОБРОТАБНОСТЬ, ШЕДОБАБНОСТЬ, ЛАСКЪИВОСТЬ, МИЛОСТЬ, ШЕДОБАБНОСТЬ, МИЛОСЪРАДІЕ. шрепта, шрепта, шрепта, шрепта.		<i>Bonitas, probitas, benignitas, clementia, placibilis, mansuetus, affertus, indulgentia, benignus, lenitas, lenitas.</i>
БЛАГОУД: ПРАВЕ САМО ДОБРО, ШРЕПЪИВЪИ ДЪКЪИ.		<i>Medulla, cerebrum arboris, vitalis anima.</i>
БЛАГОУДИИ: БЛАГОУДИТЕЛЪИИ. шрепта, шрепта.		<i>Beneficium, recte facio.</i>
БЛАГОУДИЦІИИ.		<i>Beneficus, beneficus, beneficentissimus.</i>
БЛАГОУДИТАБНЫИ: ШРЕПЪИВЪИ ДОБРОТАБНЫИ, ШРЕПЪИВЪИ ДОБРОТАБНЫИ, ШРЕПЪИВЪИ ДОБРОТАБНЫИ, ШРЕПЪИВЪИ ДОБРОТАБНЫИ, ШРЕПЪИВЪИ ДОБРОТАБНЫИ.		<i>Placibilis, capiabilis, captabilis, pro-captabilis.</i>
БЛАГОУДИТАБНОСТЬ.		<i>Placibilitas, lenitas, clementia.</i>
БЛАГОУДИТАБНОСТЬ: ПАДЪИ И СА. шрепта, шрепта.		<i>Placere libenter acquiescere, ratum esse mihi.</i>
БЛАГОУДИТЕ: ПЛАДЪ, ПЛАДЪ.		<i>Commoditas, opportunitas, emolumentum, utilitas.</i>
БЛАГОУДИТЕЛНЕ: ЛАСКЪИВО, МАЖНО, ПОКОРНЕ. шрепта, шрепта.		<i>Placibiliter, clementer.</i>
БЛАГОУДИТЕЛНЫИ:		<i>Placendus, a. u. m. qui placet.</i>
БЛАГОУДИТНЫИ:		<i>Placitus, gratus.</i>
БЛАГОУДИТАБНОСТЬ: КОБЛАГОУДИТАБНОСТЬ.		<i>Gratificatio, benevolentia.</i>
БЛАГОУДИС: ПОВЪИНОСТЬ.		<i>Bona mens.</i>
БЛАГОУДИНЫИ: БЛАГОУДИТАБНОСТАВО ШРЕПЪИВЪИ.		<i>Bona mente insignitus, laus.</i>
БЛАГОУДИТНОСТЬ: БЛАГОУДИТНОСТЬ, ШРЕПЪИВЪИ ШРЕПЪИВЪИ. БЛАГОУДИТНОСТЬ: ШРЕПЪИВЪИ ШРЕПЪИВЪИ.		<i>Arctē convenienter et accommodatē. Bonū bono caliditate et fide h. capio. Puritas et tranquillitas acris, serentia, iudicia.</i>

Славяно-латинский словарь И. Г. Спарвенфельда, черновой вариант (Библиотека Упсальского университета, Slav. 42)

варь Памвы Берынды по изданию 1653 г.³ и иллирийско-итальянско-латинский словарь Якова Микалии, напечатанный в 1649 г. в Лоретто⁴. Число слов, заимствованных из последнего словаря, сравнительно невелико, они легко определяются, так как сопровождаются дополнительной пометой illug. Словари Памвы Берынды и Якова Микалии, также пода-

³ Берында П. Ле зиконъ славенороскїи и именъ Тлъкованіе. Кутенскїи монастырь, 1653.

⁴ Micallia J. Blago jezika slovinskoga illi slovník ũ Komu izgorarajuse rjeci slovinske Latinski, i Diacki. Lavretić, 1649.

Благоутыло : обилно .	<i>Luce, adverb: delicati, eleganter, splendide. Güthig, kostbar, wohl.</i>
Благоутыни .	<i>Protutia, promptitudines et animi propensiones. Bewußt's Beweglichkeit.</i>
Благоутыно единств .	<i>Beneigne, adverb: humaniter seu benevole facere. Gütlich, mildthig, mündthig.</i>
Благосптынный : добротливый, щедротливый, щедрый .	<i>Benevolus, a, um, et benevolens, bene cupiens alium; probus, largus, bonus, cogitans. anständig, güthig, mündig.</i>
Благосптыннствую : добротливый естъ .	<i>Bonitate renans, benevolentiam in ali- quem colere seu exorere. Gut gegen mich sein.</i>
Благоутыня : добротливость, щедротливостъ .	<i>Bonitas, abis, profusus, benignitas, clementia, placabilitas, mansuetudo, equitas, indul- gentia, lenitas, Mildthut, frommthut.</i>
Хинодоутъ , милоутъ , щедротъ , милосердїе , преподобїе .	
Благоутъ : правде самое доброе; стрележь держетъ .	<i>Medulla, ipsa bonitas, It: cerebrium in- boris, vitalis anima.</i>
Благотворд : Благотствителствую, инд помя добро .	<i>Beneplacis, recti, et quod me docet facis, imitabilis confors in aliquo. Gut gegen mich.</i>
Благотворящїи .	<i>Beneplacis, et beneficus, Gütlich.</i>
Благотвлитливый : попоробо шло владоритъ можно, доброхотливый, нечпрямый .	<i>Placabilis, le, sociabilis, propitiabilis, comabilis, qui lacram potest. Gütlich, mildthig.</i>
Блабхатъ милостивъ .	<i>Placabilis, facilis, lenitas, Gütlichthut.</i>
Блабхобудитъ : подобаюся, попрадлитя мнѣ , сто палюбитя мнѣ .	<i>Placis, ces, libenter acquiesco, gratum est michi. Gut gegen mich, Gütlich.</i>

Славяно-латинский словарь И. Г. Спарвенфельда, окончательный текст (Библиотека Упсальского университета, Slav. 37)

ренные И. Г. Спарвенфельдом, ныне хранятся в библиотеке Упсальского университета. Заметим, что латинский столбец большого словаря по подбору слов тесно связан с латинским лексиконом Амбросия Калепина⁵. Именно на основе этого словаря был составлен латино-славянский словарь Славинецкого. Большая часть латинской лексики и некоторые пред-

⁵ Первое издание лексикона вышло в 1502 г. под заглавием «Ambrosii Calepini Dictionarium Latinum». Число языков в лексиконе постепенно пополнялось и наконец возросло до одиннадцати.

ложения, поясняющие значения слов, из словаря Камнина через посредство рукописей № 11 и № 18 вошли в большой словарь Спарвенфельда. С точки зрения словарного состава перечисленные словари являются главными источниками большого славяно-латинского словаря, так как большинство слов в словаре Спарвенфельда обнаружено именно в этих источниках.

Для выявления других источников важно установить непосредственных писцов словаря и их роль в лексикографической работе. В рукописях Slav. 37—40 писцом славянского столбца был поляк Алексей Манкевич (Mankiewicz, иногда Манкеев), бывший одновременно секретарем А. Я. Хилкова, русского резидента в Швеции. Словак Маттиас Забани (Matthias Zabani) написал латинский столбец словаря и сделал некоторые добавления и исправления к славянскому столбцу. В черновой рукописи (Slav. 42) славянский и латинский столбцы словаря написаны рукой Забани, но в начале (буквы А — Д) встречаются еще три почерка русских военнопленных, которые помогали Спарвенфельду в его работе. Один из этих почерков принадлежал Хилкову, с которым Спарвенфельд был знаком еще в Москве. Иногда слова, вставленные в словарь русским почерком, сопровождаются пометой «vulgo», т. е. «просторечное». Изредка и сам Спарвенфельд вносил добавления и исправления как в главный словарь, так и в черновик. Кроме того, его почерк часто встречается на полях рукописи Slav. 41, где он добавлял слова и выражения самого разного характера. На полях рукописи Slav. 11 также встречаются добавления, сделанные рукой Спарвенфельда. Они переписываются и в Slav. 18 писцом данной рукописи, писавшим по-латински.

Участие в работе над словарем А. Манкевича легко определяется по полонизмам в орфографии, в основном он занимался перепиской и только изредка добавлял отдельные слова. Добавления к словарю, сделанные почерком русских военнопленных, скорее всего, основаны на их собственной языковой практике и не являются заимствованиями из письменных источников. Добавления и исправления Забани и Спарвенфельда дифференцируются с большим трудом. Часть добавлений, сделанных Забани, в главном словаре, очевидно, взята из рукописи Slav. 11. Иногда же его добавления представляют собой перевод отдельных выражений из латинского столбца, уточняющих значение поясняемого славянского слова. Эти переводы хорошо раскрывают уровень знаний Забани церковнославянского языка. Исправления и добавления самого Спарвенфельда, по всей вероятности, делаются им на основании собственного запаса слов. Так, в его добавлениях на полях рукописи Slav. 41 содержатся выражения как из русской разговорной речи, так и заимствованные из различных богослужебных текстов.

Интересно отметить, что словак Забани был принят в 1699 г. Спарвенфельдом на работу благодаря рекомендации Лейбница. Причем основным достоинством Забани считалось знание им живых славянских языков. Правда, как это выяснилось из письма к Лейбницу, написанного Спарвенфельдом в том же, 1699 г., Забани не знал церковнославянского языка, который ему и пришлось выучить. Сохранившийся черновой вариант словаря, а также свидетельства высказываний Спарвенфельда (в письмах к Лейбницу) позволяют сделать вывод о том, что первоначально словарь был задуман как двуязычный церковнославяно-латинский, предполагалась подготовка и обратного латино-церковнославянского словаря. Однако по мере работы задачи словаря расширились. В окончательном варианте славянский столбец словаря Спарвенфельда включает очень пестрый состав слов. Там встречаются слова различных славянских языков: церковнославянского, русского, украинского, белорусского, польского, «иллирийского», т. е. в основе хорватского, и т. д., причем русские слова принадлежат разным стилям речи. Спарвенфельд, как это видно, стремился к такой пестроте, считая, что словарь должен содержать богатство слов и особенностей славянских языков и, таким образом, стать опреде-

ленным этапом на пути создания общеславянского словаря. По количеству славянских языков словарь Спарвенфельда был одним из самых богатых словарей славянского мира своего времени. Сам по себе словарь как таковой должен был способствовать связям между Западной Европой и славянскими народами.

Следует подчеркнуть, что созданный Спарвенфельдом словарь имеет огромное значение для исторической славянской лексикографии и истории славянских языков. Трудно переоценить и тот факт, что сохранился черновик, по которому можно в деталях восстановить весь ход работы по составлению словаря. Сохранились и источники, которые использовались при этом; рукописи Спарвенфельда отражают и тот этап работы, где материал из этих источников был впервые объединен.

Было бы весьма полезно опубликовать большой славяно-латинский словарь для того, чтобы дать возможность международной статистике использовать столь богатый и уникальный материал, сохранив при этом деление на четыре тома в соответствии с рукописью Slav. 37—40.

Непосредственно перед текстом словаря целесообразно дать вводные статьи, в которых осветить рукописные источники, использованные Спарвенфельдом, и работу его лексикографической мастерской.

А. Н. Медушевский

БОЯРСКИЕ СПИСКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Проблема социальной базы является одной из главных для понимания русского абсолютизма. Ее решение позволит одновременно дать ответ на вопрос о типологии русского абсолютизма в сравнении с абсолютизмом Западной Европы. В литературе высказывались уже различные взгляды на то, что считать социальной базой абсолютизма. Если под социальной базой данного государства мы понимаем тот класс или те классы, интересы которых оно выражает наиболее последовательно, то русский абсолютизм XVIII в. имеет своей социальной базой дворянство¹. Дискуссия об абсолютизме показала, что общие вопросы социальной природы феодального государства и степени влияния буржуазных отношений на политику государства в период складывания абсолютизма не могут быть решены без специального изучения господствующего класса, его формирования, численного роста, экономического и политического положения. Особое положение в системе государственного управления занимали представители Государева двора².

Для изучения сословной структуры важно обратиться к источникам, отразившим существенные стороны этих явлений. Важнейшим источником о социальном составе и численности Государева двора в первой четверти XVIII в. являются боярские списки. Частично этот вид источника уже рассматривался при изучении Боярской думы петровского времени³. Однако использование боярских списков XVIII в. в исторических трудах носило выборочный характер. Предметом нашего изучения являются боярские списки, созданные на последнем этапе их существования — с 1700 по 1713 г.⁴ и хранящиеся в ЦГАДА, в фонде Разрядного приказа (ф. 210), ведавшего в первую очередь учетом служилых людей. После 1713 г. составление боярских списков прекращается, что было связано с изменениями положения высшего дворянства и реформами государственного аппарата (уничтожение Боярской думы, учреждение Сената в 1711 г.). Следует подчеркнуть, что за рассматриваемый период, кроме боярских и жилецких списков, не имеется аналогичного источника, могущего дать статистическую информацию о высшем дворянстве и бюрократии. Сказки с 1700 г. не подавались, использование боярских книг пре-

¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Новосельский А. А.* Феодальное землевладение: Боярство, дворянство и церковь.— В кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма, XVII в. М., 1955; *Кушева Е. Н.* Дворянство.— В кн.: Очерки истории СССР, XVIII в. Первая четверть. М., 1954; *Устюгов Н. В.* Классы и классовая борьба в России в XVII веке.— В кн.: Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974; Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964; *Демидова Н. Ф.* Приказные люди XVII в.: (Социальный состав и источники формирования).— Исторические записки. М., 1972, т. 90; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974; *Водарский Я. Е.* Правящая верхушка светских феодалов в России XVII века: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975; *Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященных 70-летию акад. Л. В. Черепнина.* М., 1975.

² *Буганов В. И.* К изучению состава «Государева двора» XVI в.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.

³ *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. СПб., 1909.

⁴ ЦГАДА, ф. 210, оп. Боярские списки, 1701 г., д. 45; 1702—1703 гг., д. 46; 1704 г., д. 51; 1705 г., д. 52; 1707 г., д. 53; 1708 г., д. 55; 1709 г., д. 56; 1710 г., д. 57, 1711 г., д. 58; 1712 г., д. 59; 1713 г., д. 60. Для сравнения взяты также: Там же, д. 11, 12 (две части боярской книги за 1692 г.); для сравнения — боярские списки за это же время: Там же, 1690—1691 гг., д. 32; 1691—1692 гг., д. 34, алфавитный список стольников, стряпчих и дворян московских, которые в «200 году» служили полковую службу и были начальными людьми в подках.

кратилось, не велись уже разрядные книги. Поэтому за 1700—1713 гг. боярские списки являются уникальным источником, насыщенным информацией, без которой невозможно изучение социальной базы абсолютизма. Боярские списки — источник, содержащий материал о численности различных категорий служилых людей, начиная от высших думских чинов и кончая низшими чинами — дьяками и жильцами, по имущественному положению ряда категорий служилых людей, а также о назначениях, что дает возможность изучать кадровую политику государства; наконец, они ценный источник и по истории государственных учреждений, Боярской думы и отчасти Разрядного приказа, одной из функций которого и было их составление. Боярские списки являются важнейшим документом текущего учета, они создавались ежегодно и имели целью точно фиксировать положение каждого служилого человека на данный момент⁵ (этим объясняется многочисленность помет на полях документов).

Если обобщить тематически разнородные виды учета в них служилых людей, то можно выделить следующие основные направления.

1. Учет по чинам Государева двора. Названы: бояре, кравчие, окольные, постельничьи, думные дворяне, думные дьяки, стольники комнатные, стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, в двух случаях жильцы.

2. Данные по географическому местонахождению службы. Эти данные содержатся в небольших рубриках внутри чиновных групп («с сибиряны», «с казанцы», «в Севском»; в списке 1713 г. перечислены коменданты «у Соли Камской», «во Брянску», «в Ярославской провинции», «на Воронеж», «в Суздале»). Большое количество данных по территориальному размещению служилых людей содержится в многочисленных пометах на полях. Указывается, где в данное время находится служилый человек, куда он послан со служебным поручением или сослан, какую службу выполняет («в Суздале», «на Костроме», «в Астрахани по росписи», «в Зарайску воеводою», «в Серпухове», «в Серпейску», «в селе Коломенском», «в Преображенском»), какую должность занимает («в Казанском судья», «в Ямском судья», «в Судном дворцовом в товарищах», «в Адмиралтействе в товарищах», «в ссылке в Азове», «на службе у аптекарских дел» и т. п.).

3. Сведения по полкам и должностям в полках (в списке за 1707 г.: «служат в полке в Новгородском, в Белгородском, в Севском, в Низовом, в Сибири»). Данные по должностям в полках, например в списке за 1713 г.: «в генералах», «в генерал-майорах», «в бригадирах», «в полковниках», «в подполковниках», «в майорах», «в капитанах», «в поручиках», «в адъютантах», «в прапорщиках», «в полковых профосах».

4. Сведения о причинах невозможности продолжения службы: «убит от своих людей», «убит от воровских людей на Москве», «слеп», «повешен», «убит от воров, едучи на службу», «убит на службе под Юрьевым ливонским», «безумен» и т. п.

Обычно общее название боярского списка уже отражает основные учетные категории служилых людей: «Список бояр и окольных и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков нынешнего... года». Несмотря на наличие ряда особенностей в отдельных случаях, боярские списки имеют общую структуру. Вначале дан список думных чинов, который включает имена высших сановников государства, последовательно перечисляются чины, входящие в Государев двор; последней, самой большой по численности категорией являются жильцы. Однако их учет в боярских списках является скорее исключением, чем правилом. Они учитывались только в списках 1712 и 1713 гг. Помимо общих рубрик деления служилых людей находим и более частные (например, списки записанных в стольники, стряпчие и дворяне при крещении в православную веру — «из новокрещенных», обычно татар-

⁵ Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа.— В кн.: Актовое источниковедение: Сб. статей. М., 1979.

ских князей и мурз). Структура учета каждого из чинов однотипна. Вслед за списком стольников, стряпчих и дворян, служащих в полках (казанцы, сибирцы, свияжцы, смоленская шляхта и т. п.), идет обычно список начальных людей («в полковниках, подполковниках и начальных людях»), особые списки служилых людей «на смотре на генеральном дворе оставленных для посылок», «отставленных» и др. Специфика связана с пожалованием в каждый чин, со способом его пополнения. Так, например, выделен особый раздел для учета дворян московских.

Из особенностей боярских списков по отдельным годам следует отметить наличие специфического списка жильцов в 1712 и 1713 гг., что было вызвано прекращением составления жилецких списков с этого времени. Список 1712 г. не имеет первых листов — отсутствует перечисление членов думы и придворных чинов. За 1713 г. имеются данные о сенаторах, помещенные перед списком членов Боярской думы. В список 1713 г. включена особая выписка из указов Петра I о денежном сборе и готовящемся смотре служилых людей в Белгороде. Все это отражает изменения в системе учетных документов, не случайно список 1713 г. оказался последним.

Для изучения служилого сословия важно установить имущественное положение членов Государева двора, выявить связь между имущественным положением и чиновной принадлежностью служилых людей. Поэтому ценны сведения о численности дворов в общих списках стольников, стряпчих и дворян. Следует отметить, что полного охвата по числу дворов источник не дает: для значительной части служилых людей, не включенных в общие списки, число дворов не указано или указано частично; не указано число дворов для думских чинов и высших чинов Государева двора. Важнее отсутствие сведений о числе дворов у дворян (1707, 1711, 1712, 1713 гг.). Нет сведений за 1706 г. (нет боярского списка). Таким образом, боярские списки не дают полных данных о численности дворов, которые принадлежали всем чинам Государева двора. Но и те значительные данные, которые они приводят, являются ценной информацией. Они позволяют судить об имущественной дифференциации по числу дворов. Статистическая обработка данных представляет большие трудности ввиду громоздкости подсчетов и главным образом ввиду неполноты (пропусков) сведений о числе дворов по отдельным годам или чинам. С целью анализа имущественной дифференциации по чинам Государева двора может быть применена группировка, разработанная Я. Е. Водарским для изучения числа дворов по сказкам 1700 г.⁶ (I группа — от 1 до 5 дворов; II — от 6 до 25; III — от 26 до 125; IV — от 126 до 250; V — от 251 до 400; VI — свыше 400 дворов). Для боярских списков целесообразно введение дополнительной (нулевой) группы, показывающей число служилых людей, у которых данные о числе дворов отсутствуют. Это позволяет судить о репрезентативности сведений.

Итоговые данные отражают численность и по чинам Государева двора (стольники, стряпчие и дворяне) и соответствующее изменение числа дворов у них за 1701—1713 гг. При этом в числителе дроби указывается общее число учтенных людей, а в знаменателе — число людей, у которых указано число дворов: стольников в 1701 г. было 1867/1279; в 1713 г. — 922/694. Дворов у них было соответственно 56 172 и 39 219. Стряпчих в 1701 г. — 1119/890; в 1713 г. — 438/396. Дворов у них 13 317 и 5726. Дворян в 1701 и 1710 гг. (за 1713 г. данные отсутствуют) — 572/352 и 197/115; дворов у них 5657 и 1445.

Анализ данных показывает общую тенденцию к понижению численности владельцев и соответственно числа принадлежавших им дворов. В то время группы наиболее богатых владельцев обнаруживают большую устойчивость и даже некоторый рост (у стольников IV, V и VI группы, у стряпчих — IV группа).

⁶ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.

Изучение боярских списков с помощью статистических подсчетов является лишь одним из методов получения необходимой информации. Боярские списки дают также ценные сведения по истории Боярской думы петровского времени. Они содержат списки бояр, думных дворян, думных дьяков за 1701—1713 гг., позволяют установить численность, состав и структуру Боярской думы того времени. В материалах о пожалованиях в чины нашли отражение изменения в составе Думы.

При изучении Боярской думы конца XVII в. возник ряд важных вопросов: соотношение Думы как официального учреждения и петровской правящей верхушки, персональный состав входящих в них лиц. В историографии разработка этой проблемы обрывается на 1700 г. Привлечение рассмотренных нами боярских списков позволяет продолжить исследование этих вопросов в новый исторический период. В литературе уже изучена в общих чертах история Боярской думы до начала XVIII в. Однако нет работ, освещающих историю упадка, заката Думы, т. е. последних лет ее существования. Между тем важно проследить, как процесс возникновения новых учреждений — Сената, а затем и коллегий, формирование новых политических и придворных группировок сопровождался отмиранием старых учреждений, выявить взаимосвязь и обусловленность этих направлений развития. История отмирания какого-либо крупного политического органа — это и история людей, входивших в него, определенная смена в их умонастроениях. Особенно интересно проследить этот процесс для петровского времени, с его противоречиями и крайностями, вносившими столь резкие изменения в жизнь общества.

Многие из виднейших деятелей петровского времени (И. А. Мусин-Пушкин, Б. П. Шереметев, Б. А. Голицын, П. М. Апраксин), а также ряд лиц, входивших в окружение молодого Петра и повлиявших на политику начала его царствования, состояли в Боярской думе. На основании перечня всех бояр, думных дворян и думных дьяков по годам мы попытались дать анализ родственных связей членов Боярской думы за последние 13 лет ее существования и показать соотношение Думы с близким окружением Петра, непосредственно участвовавшим в управлении, что важно для выяснения роли Думы в рассматриваемый период. В боярском списке за 1701 г. насчитывается 87 членов Боярской думы⁷, из которых бояре составляют 35 человек. К 1713 г. число членов Думы падает до 42, из которых бояре составляют 17. Таким образом, количественные изменения в личном составе Думы отчетливо показывают ее упадок. Однако процесс падения численности членов Думы не был на всем изучаемом промежутке времени равномерным. Пожалования в Думу продолжались и в самые последние годы ее существования: в 1710 г. было дано боярство П. М. Апраксину (из окольных), кн. Ю. Ф. Шаховскому (из стольников комнатных), думное дворянство — П. В. Бутурлину (из стольников), в 1711 г. дано было боярство П. И. Бутурлину (из стольников) и думное дворянство П. А. Ушакову (из стряпчих) и С. А. Тургеневу (из стольников), что показывает сохранение за Думой определенного авторитета. Интересно поэтому изучить состав Думы и качественные изменения в нем в изучаемый период. В 1701 г. в число бояр входили: кн. П. И. Прозоровский, кн. В. А. Долгорукий, кн. М. А. Черкасский, кн. И. Б. Троекуров, кн. П. И. Хованский, кн. М. Г. Ромодановский, кн. Ю. С. Урусов, кн. М. Я. Черкасский, кн. Б. И. Прозоровский, Н. К. Стрешнев, М. Б. Милославский, боярин и военный кавалер мальтийский свидетельствованный Б. П. Шереметев, кн. М. И. Лыков, Б. Г. Юшков, кн. А. И. Голицын, А. П. Салтыков, кн. П. И. Хованский, кн. И. И. Хованский, Ф. П. Шереметев, Л. К. Нарышкин, Т. Н. Стрешнев, С. И. Салтыков, Ф. А. Лопухин, кн. Б. А. Голицын, П. А. Лопухин, кн. Ал. П. Про-

⁷ В состав Боярской думы здесь включены следующие чины: бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки (Базилевич К. В., Богоявленский С. К., Чаев Н. С. Царская власть и Боярская дума.— В кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма, XVII в., с. 348).

зоровский, кн. Ан. П. Прозоровский, М. Ю. Татищев, П. С. Салтыков, Ф. А. Головин, кн. И. Ю. Трубецкой, кн. М. М. Львов, кн. М. П. Прозоровский, кн. Я. Ф. Долгоруков, И. А. Мусин-Пушкин.

С отменой местничества древность рода и знатность перестали играть прежнюю роль, однако в среде боярства они сохранили свое значение и впоследствии. С помощью родственных связей между собой крупные бояре обеспечивали свое положение в Думе, составляли замкнутую группу, не допускавшую в свой состав новых людей. Этой группе была присуща определенная психология, традиции поведения, отношение к реформам⁸. Все эти особенности боярской группировки заставляют рассматривать ее как единую социальную группу и более подробно изучать генеалогические связи внутри нее. Родственные связи членов Боярской думы были очень тесными. На основании родословных книг это выглядит следующим образом. Князья Прозоровские, первые в списке бояр, связаны родством с кн. Голицыными, кн. Черкасские — с Долгоруковыми, кн. Хованские — с Салтыковыми, кн. Ромодановские — с кн. Голицыными и Салтыковыми, Шереметевы — с кн. Голицыными и Нарышкиными, кн. Голицыны — с кн. Прозоровскими, кн. Ромодановскими, Нарышкиными, Салтыковыми, Шереметевыми и кн. Черкасскими через князей Пожарских. Нарышкины — родственники царя — одновременно связаны с кн. Голицыными, Шереметевыми, Салтыковыми, а также кн. Лыковыми и кн. Трубецкими. Все эти нити родства образовывали как бы единый клубок связей между всеми боярскими родами, представленными в Думе.

Характеристика личного состава Думы не полна без выявления соотношения титулованной и нетитулованной знати. В исследовании о Боярской думе В. О. Ключевский показал, что соотношение в ней титулованной и нетитулованной знати изменялось на протяжении XVII в., причем численность нетитулованной увеличивалась. Это явление было вызвано процессом укрепления самодержавной власти и становлением абсолютизма. Боярские списки дают возможность проследить соотношение титулованной и нетитулованной знати в последние годы существования Думы, в период развития петровского абсолютизма, бюрократизации государственного аппарата и создания новой системы государственного управления.

При всей ценности боярских списков для изучения Боярской думы они дают однородную информацию. Ее значимость возрастает при привлечении дополнительных источников. Для изучения отношения Петра к Боярской думе и отдельным входившим в нее боярам интерес представляют переписка Петра I и записки современников, как русских, так и иностранцев. Характерно затухание интенсивности переписки Петра с отдельными боярами в 1710—1711 гг. Так, например, в 1711 г. она крайне незначительна как по числу писем, так и по степени важности их содержания: из 22 членов Думы получили письма в 1711 г. лишь семь человек — П. И. и Б. И. Прозоровские, М. А. Черкасский, Т. Н. Стрешнев, Б. А. Голицын, П. С. Салтыков, И. А. Мусин-Пушкин.

Приметы перемен в положении высшей аристократии содержит составленная в Сенате именная ведомость для переезда в Петербург в 1712 г. В ней, помимо данных о числе дворов членов Сената, бояр, кравчих, околыничьих, постельничьих, думных дворян, стряпчих с ключом, думных дьяков, комнатных стольников, вице-губернаторов и ландрихтеров, есть данные о новых назначениях, перемещениях по службе, о тех, кто находится уже в Петербурге, и другие сведения. Документ опубликован в «Докладах и приговорах правительствующего Сената», но неточ-

⁸ С. О. Шмидт отмечает кризис «психологии солидарности» боярства в первой четверти XVIII в., что проявлялось в падении политического престижа аристократии и выдвигении наиболее прогрессивно мыслящих бояр в сотрудники Петра (Шмидт С. О. Местничество и абсолютизм. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964, с. 200).

⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956, т. 40—41.

но¹⁰. Изучение боярских списков в комплексе с другими источниками, в частности документами Сената первых лет его деятельности, представляется перспективным для изучения состава господствующего класса петровского времени и происходивших в нем перемен.

Американский историк Р. Крамми, использовавший в качестве источника боярские списки до 1700 г., в статье «Петр и боярская аристократия 1689—1700 гг.» ставит следующие вопросы: до какой степени комплектование служебной элиты изменилось в петровское время? Как преуспели потомки традиционной аристократии в удержании своей власти, несмотря на реформы Петра? Многим ли «талантливым выскочкам» позволили достичь власти политика Петра и его стиль управления? Каково было соотношение в петровской администрации старой аристократии и новых людей¹¹? Ответы на эти вопросы представляются ему важными для понимания сопротивления боярской аристократии петровским реформам. В дальнейшем он сужает круг исследования, рассматривая лишь личный состав Боярской думы и петровской «элиты». Более широкое привлечение данных боярских списков позволяет осветить поставленные вопросы административно-политического и экономического положения класса феодалов и изменений, происходивших в его структуре в первой четверти XVIII в.

Становление абсолютизма в России связано с определенными переменами в структуре господствующего класса, положении отдельных его групп в системе государственного аппарата и управления. Первая четверть XVIII в. представляет собой период, когда происходит ряд важных изменений, приведших к консолидации дворянства. Изучение боярских списков 1700—1713 гг. показывает значение этих источников для освещения вопросов численности высшего слоя дворянства, его экономического положения и динамики происходивших в нем сдвигов. Вопреки распространенному мнению о резком изменении чиновного строя при Петре источники отражают постепенность этого перехода, когда определенное время обе системы сосуществовали.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 248, кв. 12, л. 41—86 об. Именной список московским боярам, окольных, думным дворянам, дворянским вдовам и недорослям о переселении их на Котлин остров по приговору Сената 4 августа 1712 г.

¹¹ *Crummey R. Peter and the boiar Aristocracy, 1689—1700. Canadian-American Slavic Studies, 1974, v. 8, 2, p. 274.*

А. Б. Каменский

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ Г.-Ф. МИЛЛЕРА «ИЗВЕСТИЕ О ДВОРЯНАХ РОССИЙСКИХ»

В последнее время значительно усилился интерес исследователей к истории русской исторической науки XVIII в. Об этом свидетельствуют появившиеся в последние десятилетия многочисленные публикации, посвященные исследованию научного наследия таких историков, как М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов и др. Продолжается также изучение трудов одного из крупнейших историков XVIII в.— Г.-Ф. Миллера¹. Основное внимание в этих работах уделено Миллеру как историку Сибири, краеведу, а также его археографической и издательской деятельности. Значительно менее изученными оказались работы Миллера по генеалогии, истории дворянства и государственного устройства допетровской России.

Занятия Миллера генеалогией начались вскоре после приезда в Россию, когда в 1730 г. ему было поручено составить родословие графов Сапег. По словам Миллера, этим первым опытом он «подготовил себя к трудным, но полезным работам представлять в таблицах родословия из истории, а также знатнейших русских семейств»². Впоследствии, как до, так и после своего путешествия по Сибири, Миллер много занимался историко-генеалогическими исследованиями, составляя родословия удельных князей Тверских, Смоленских, Ярославских, а также родов Шереметевых, Голицыных, Куракиных и др. В 1746 г. П. Н. Крекшин подал на рассмотрение Сената «Родословие великих князей, царей и императоров», в котором пытался доказать прямое происхождение династии Романовых от династии Рюриковичей. Переданная в Академию наук работа Крекшина вызвала резкие возражения Миллера, который, в свою очередь, составил родословие царской фамилии, доказывая ее происхождение от Захарьиных-Юрьевых, и подал его президенту Академии наук К. Г. Разумовскому. Крекшин, воспользовавшись имевшейся у него тетрадь Миллера с выписками из иностранных писателей по русской истории, в которой якобы содержались «поносительные, ложные и укорительные дела», написал на Миллера донос в Сенат. Несмотря на поддержку, оказанную Миллеру М. В. Ломоносовым и другими профессорами академии, в 1747 г. Миллеру было объявлено, чтобы он «ни в какие родословные исследования не токмо высочайшей фамилии ее и. в., но и партикулярных людей

¹ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961—1971. Ч. 1—3; *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965, вып. 2; *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири, XVIII век. М., 1970; *Берков П. Н.* Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Миллеру.— В кн.: XVIII век. М.; Л., 1962, сб. 5; *Моисеева Г. Н.* Из истории изучения русских летописей в XVIII в.— РЛ, 1967, № 1; *Она же.* Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г.-Ф. Миллером.— ТОДРЛ, Л., 1971, т. 26; *Она же.* К истории литературно-общественной полемики XVIII века.— В кн.: Искусство слова. М., 1973; *Самошенко В. Н.* Деятельность архивов дореволюционной России по изданию документов и справочников.— СА, 1975, № 2; *Пастушенко Л. М.* Письма М. М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру.— В кн.: XVIII век. Л., 1976, сб. 11; *Гофман П.* О переписке Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга.— АЕ за 1977 год, М., 1978; *Илизаров С. С.* Русский город глазами историков XVIII века.— В кн.: Русский город. М., 1976, вып. 1; *Он же.* История создания и публикации первого русского географического словаря.— АЕ за 1977 год, М., 1978.

² *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук. СПб., 1870, т. 1, с. 312.

без особого на то указа не вступал и никому таких родословий под опасением штрафа не подносил»³.

Отношение к генеалогическим исследованиям резко изменилось во второй половине XVIII в., когда развернулась активная деятельность по законодательному оформлению сословных прав и привилегий русского дворянства.

После дворцового переворота, совершенного Екатериной II, была создана комиссия для выработки доклада «о правах и преимуществах русского дворянства». Проект этого доклада был представлен императрице вместе с манифестом о восшествии на престол, но не был ею одобрен, так как его авторы, по мнению Екатерины II, зашли слишком далеко в своих стремлениях предоставить дворянству наибольшие свободы. Полгода спустя проект был передан во вновь созданную в феврале 1763 г. комиссию, в состав которой вошли высшие сановники государства. Однако и этой комиссии не удалось выработать удовлетворительного для правительства законопроекта. Позднее обсуждение дворянских привилегий было перенесено в Комиссию по составлению проекта Нового уложения, где в связи с этим развернулась оживленная дискуссия. Депутатом комиссии от Академии наук по предложению Екатерины II был назначен Миллер, который к этому времени переехал в Москву и занял должность начальника Московского архива Коллегии иностранных дел. Для Уложенной комиссии им было написано не опубликованное до сих пор сочинение «О российском дворянстве», явившееся прообразом его будущей книги «Известие о дворянах». В «Портфелях» Миллера в ЦГАДА сохранился список этого сочинения. Это рукопись in f^o, написанная скорописью XVIII в., с правкой на полях и в тексте почерком Миллера. На титульном листе рукой автора написано: «1767 году. О Российском дворянстве, сочинение для комиссии нового уложения, на 38 листах»⁴. В этой работе Миллер дает краткую характеристику дворянских служб и чинов, а также обосновывает необходимость составления родословной книги и использования при этом архивных документов.

После прекращения деятельности Комиссии по составлению проекта Нового уложения вопросы дворянских служб, работы Герольдмейстерской конторы, составления родословной книги, принадлежности к дворянству и другие неоднократно обсуждались в различных инстанциях. Некоторые из них были разрешены в ходе губернской реформы 1775 г. Наконец, в 1785 г. была обнародована жалованная «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», в которой были установлены «личные преимущества дворян».

Обсуждение вопросов сословных прав и привилегий дворянства в различных государственных учреждениях и комиссиях не могло не вызвать интереса к происхождению дворянства, истории дворянских служб и чинов в допетровской России. Исторический материал необходим был также для решения вопроса о том, кого считать дворянином, как доказать свое дворянство. Это определило одно из направлений работы отечественных историков второй половины XVIII в. В трудах по русской историографии XVIII в., изданных как до революции, так и в советское время, это направление не получило достаточного освещения. Между тем интерес к этой тематике мы находим уже у крупнейшего русского историка XVIII в. В. Н. Татищева, который в примечаниях к подготовленному для публикации Судебнику Ивана Грозного и в «Лексикопе Российском историческом, географическом, политическом и гражданском» дает характеристику некоторых чинов и дворянских служб⁵.

Однако первыми развернутыми научными работами в этой области, как отмечал С. М. Троицкий, явились труд Миллера «Известие о дворянах» и предисловие к «Российскому родословному словарю» М. Г. Спи

³ *Веселовский К. С.* Запрещение историографу Миллеру заниматься генеалогией.— РС, 1896, № 9, с. 626.

⁴ ЦГАДА, ф. 199, п. 387, д. 3, л. 1.

⁵ *Татищев В. Н.* История российская. Л., 1978, т. 7, с. 382—383. *Он же.* Избр. произведений. Л., 1979, с. 153—328.

ридова⁶. При этом необходимо заметить, что книга Миллера была написана значительно раньше сочинения Спиридова. Последний называет ее в качестве одного из источников своей работы, а анализ текста его работы показывает, что Спиридов использовал материалы Миллера весьма широко.

До сих пор не были точно известны время написания книги Миллера «Известие о дворянах», а также обстоятельства ее создания. П. П. Пекарский датировал ее 1777 г.⁷, что повлекло серьезные ошибки в представлениях об истории создания «Известия о дворянах» у А. П. и Н. П. Барсуковых⁸. И. М. Полонская, по-видимому, считает, что книга была создана уже к 1773 г.⁹ Все исследователи отмечают, что «Известие о дворянах» было написано в ответ на вопросы Екатерины II, однако высказывают различные предположения относительно причин, по которым эти вопросы были заданы. Так, Е. Болховитинов писал, что «ответы на сии вопросы нужны были императрице при сочинении грамоты о дворянстве»¹⁰; современный исследователь А. И. Аксенов полагает, что эти ответы понадобились Екатерине II для ее «Записок»¹¹, а в Сводном каталоге русской книги XVIII в. утверждается, что работа по сбору материалов по истории дворянства велась для составления родословной книги¹². Обнаруженные нами документы дают возможность уточнить время и причины создания «Известия о дворянах».

В 1775 г. в связи с обсуждением губернской реформы вновь встали вопросы сочинения родословной книги, отбора доказательств дворянского происхождения и т. д. К этим работам, по-видимому, предполагалось привлечь и Миллера.

В сборнике указов Екатерины II генерал-прокурору Сената кн. А. А. Вяземскому имеется собственноручная записка императрицы: «Нет ли в Разрядном архиве какие ни на есть узаконения касательно дворянства. Второе. Какая бывали дворянския службы. Какая ныне есть и выбрать можно из разрядной Архивы доказательства на дворянство. Князеву дать приказание, чтоб он посмотрел, есть ли кто способен при Разрядном архиве, чтоб делать мог отдельные выписки, и не может ли Миллер в сем помощи делать»¹³. На обороте записки имеется помета: «Получено 25 февраля 1776»¹⁴. Уже на следующий день А. А. Вяземский писал Миллеру, передавая ему вопросы Екатерины II, и просил собрать сведения «из имеющихся в вашем распоряжении архивы Коллегии иностранных дел» и, «все оное порядочно выписав», «незамедля сюда доставить»¹⁵. В ответ на это письмо Миллер писал Вяземскому 3 марта 1776 г.: «Вашего сиятельства милостивое ко мне письмо, отпущенное февраля 26 дня, удостоилоя я получить того ж февраля 29 числа по вечеру и того же часу готовился я по оному по возможности моей чинить исполнение. Хотя, ваше сиятельство, требует от меня токмо по Архиву Коллегии иностранных дел об оной материи справки, однакож, как дворянство больше ведомо в Разряде, так и по Разрядной архиве стал я собирать касающиеся до оного известия... сравнивая оные с другими лучше изъясняется истина и одные другие пополнять могут. Как скоро, милостивый государь, сочинением моим успею, что черес две недели, считая тут же

⁶ *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. М., 1974, с. 11—12.

⁷ *Пекарский П. П.* Указ. соч., с. 397, 416.

⁸ *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887, с. 24—26; *Барсуков Н. П.* А. Т. Князев, трудолюбец прошлого века.— РА, 1885, т. 11, № 8, с. 461.

⁹ *Полонская И. М.* И. Г. Рахманинов — издатель Вольтера— В кн.: ТГБЛ. М., 1965, т. 8, с. 132.

¹⁰ *Болховитинов Е.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845, т. 11, с. 85.

¹¹ *Аксенов А. И.* Очерк истории генеалогии в России.— В кн.: История и генеалогия. М., 1974, с. 62.

¹² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800. М., 1964, т. 2, с. 244.

¹³ ЦГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 464, л. 398.

¹⁴ Там же, л. 398 об.

¹⁵ Там же, ф. 180, оп. 1, д. 52, л. 182.

и переписку набело, чиниться может, не укусно я оное вашему сиятельству доставить»¹⁶. Ровно две недели спустя, 17 марта 1776 г., Миллер отсылает Вяземскому часть сочинения «Известие о дворянах», сопровождаемая его письмом, в котором пишет: «...преуспев нарочито в описании древнего дворянства... имею я честь сообщить вашему сиятельству, что уже готово»¹⁷. Затем, 4 апреля, Миллер досылает Вяземскому вторую часть своего труда с письмом, в котором сообщает: «Вашему сиятельству имею за честь подносить продолжение моего сочинения о дворянстве...»¹⁸. Таким образом, время написания книги датируется весьма точно, между 29 февраля и 4 апреля 1776 г.

В литературе без достаточных оснований сложилось мнение, что сочинение Миллера было первоначально написано по-немецки, а затем переведено на русский язык¹⁹. Эта версия полностью опровергается наличием в «портфелях» написанного по-русски собственноручного черновика Миллера с многочисленными пометками и исправлениями, позволяющего проследить весь ход работы над сочинением²⁰. Кроме того, еще один лист с черновым наброском глав о конюшем и оружничем, вошедших затем в окончательный текст книги, был обнаружен нами в «портфеле», озаглавленном Миллером «Разные исторические и другие записки»²¹. В «портфелях» находится и беловой список «Известия о дворянах» с авторской правкой на полях. Сопоставление этой правки с текстом списка, отправленного Миллером Вяземскому, показывает, что значительная ее часть более позднего происхождения. Забегая вперед, скажем, что эта правка не попала и в опубликованный позднее текст книги. Между тем некоторые дополнения Миллера весьма существенны. Так, говоря об отмене местничества, историк добавляет: «Когда низкому дворянству и всем неродословным людям при местничестве с высоким дворянством, как выше сказано, суда не давали, то чрез уничтожение местничества оное с сим сравняться и не могло, следственно и не сравнялось»²². Перед главой о ясельничих Миллер делает вставку о стряпчем с ключом: «Знатной чин, но коего должность не описана, в уложении гл. XVIII статья 54 напечатано: которые грамоты и наказы в города посланы будут по челобитью кравчего и постельничего, стряпчего с ключем»²³, и т. д.

Срочность работы обусловила характер материалов, использованных Миллером при написании «Известия о дворянах». В основу книги, как упоминалось, легло его собственное сочинение 1767 г. «О российском дворянстве». Некоторые части этой работы Миллер переписал дословно, другие переработал, значительно расширив:

«О российском дворянстве»

Одной степенью ниже жильцов и так в третьей стояли дворяне. Жильцы в одной Москве считались, а дворяне во всем государстве. *Московские*²⁴ имели перед прочим такое первенство, что иногда из них пишываемы были в городовые для унижения, а городовые искали того, чтоб внесенным б быть в список московской²⁵.

«Известие о дворянах»

Были дворяне *московские*, были и *городовые*, последние якобы титулярные, разве в бытность государя в каком городе проездом, по званию своему исполнять могли и исполняли. Такое было московских дворян перед городовыми преимущество, что иногда *московской* написан был *городовым* за какую-нибудь проступку для унижения. Сие называлось: *записать по городу*. Напротив того городовые дворяне искали того, чтоб внесенным быть в список московской...²⁶.

¹⁶ Там же, ф. 180, оп. 1, д. 52, л. 182—183 об.

¹⁷ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 14.

¹⁸ Там же, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 51.

¹⁹ *Болховитинов Е.* Указ. соч., с. 85; *Барсуков А. П.* Указ. соч., с. 26; *Березин-Ширяев Я. Ф.* Последние материалы для библиографии или описание книг, брошюр, художественных изданий гравюр и портретов русских и иностранных, находящихся в библиотеке любителя NN. СПб., 1884, с. 112.

²⁰ ЦГАДА, ф. 199, п. 387, л. 4.

²¹ Там же, п. 150, ч. 15, л. 86.

²² Там же, п. 387, д. 5, л. 16.

²³ Там же, л. 80 об.

²⁴ Здесь и далее подчеркнута Г.-Ф. Миллером.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, п. 387, д. 3, л. 14—14 об.

²⁶ Там же, д. 4, л. 35—35 об.

Что касается документальных источников, то при написании «Известия о дворянах» Миллер пользовался лишь ранее собранными им материалами. Большая часть копий этих документов сохранилась в «портфелях» Миллера в ЦГАДА²⁷. Среди них отрывок не дошедшей до нас десятины по г. Владимиру 1569/70 г., указ царя Федора Алексеевича о правилах езды по Москве 1682 г., челобитная дьяка Лариона Лопухина 1649 г. и др.

Списки сочинения Миллера, отосланные им кн. Вяземскому для подношения императрице, отложились в фондах Сената²⁸ и в Госархиве в деле, которому в XIX в., по-видимому, на основании упоминавшегося выше письма Миллера к Вяземскому от 17 марта 1776 г. было дано название, сохранившееся на делопроизводственной обложке МГАМИД: «Известия, собранные о российских дворянах академиком Герардом Фридрихом Миллером»²⁹. Между тем оно не отражает состава дела, так как, кроме собственно миллеровских, в нем есть документы, Миллеру не принадлежавшие. Так, в деле находятся списки двух небольших, до сих пор не опубликованных сочинений М. М. Щербатова «Объяснение о дворянстве российском природном, о въезжих родах, в разные степени жалованных, по службам верстанным и наконец о дослужившихся по офицерским чинам до дворянския степени; с показанием законов почему кого велено дворянином почитать» и «Записка о сочинении матрикулей, или дворянских росписей и родословных книг». Авторство этих сочинений не оставляет сомнения, так как их черновики обнаружены среди рукописей Щербатова³⁰. Щербатов, вероятно, отослал эти рукописи Миллеру, а последний — Вяземскому, сделав на первом листе помету на полях: «От князя Щербатова»³¹.

Значительную часть сборника составляют родословия и выписки из столбцов Разрядного архива, скопированные и присланные генерал-прокурору Сената статским советником А. Т. Князевым, которому, как видно из приведенной выше записки Екатерины II, также было поручено разыскать сведения по истории дворянства. Будучи секретарем и членом Межевой канцелярии, Князев подчинялся непосредственно Вяземскому и был известен последнему как человек исполнительный и добросовестный. Князев начинал свою службу в Вотчинной коллегии, где занимался копированием писцовых книг и пользовался репутацией человека, умеющего работать с архивными документами, знатока русской истории³².

В отличие от других указов императрицы генерал-прокурору Сената, которые обычно переписывались секретарем, а затем подписывались Екатериной II, ее записка Вяземскому от 25 февраля 1776 г. написана собственноручно карандашом на обрывке бумаги, по-видимому в присутствии Вяземского, предложившего кандидатуры Князева и Миллера как людей, способных собрать известия «для любопытнаго сведения е. в.»³³. Работа Князева в Разрядном архиве над документами по истории дворянства велась приблизительно до конца апреля 1776 г. В помощь ему были выделены «шесть приказных межевых (т. е. служащих Межевой канцелярии.— А. К.), не включая еще разрядных»³⁴. Результатом этой работы явились собранные им родословные и выписки из документов Разрядного архива под общим названием «Выбор из законов о дворянстве», сохранившиеся в материалах Госархива и Сената вместе со списками сочине-

²⁷ Это подтверждают также любезно сообщенные нам М. П. Лукичевым результаты его работы по датировке выписок из боярских книг, хранящихся в «портфелях» и датировемых первой половиной 70-х годов XVIII в.

²⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551.

²⁹ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 1.

³⁰ ОР ГПБ, Эрм., № 497, л. 172—185.

³¹ ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 207.

³² Об этом свидетельствует его переписка с А. А. Вяземским (ОР ГПБ, ОЛДП, Q, 114/2).

³³ Там же, л. 3.

³⁴ Там же, л. 11 об.

ния Миллера, присланными Вяземскому³⁵. Находящиеся здесь же копии столбцов Разрядного архива, скрепленные подписью секретаря архива Дмитрия Протопопова, были сделаны позднее, в 1777 г., также по распоряжению Вяземского.

Несколько лет спустя по приказу будущего канцлера гр. А. Р. Воронцова (в то время президента Коммерц-коллегии) со сборника документов, присланных Миллером и Князем Вяземским, была снята копия, находящаяся в Госархиве (ЦГАДА). По флиграммам этого сборника можно установить, что копия снята не ранее 1781 г.³⁶ Именно на период 1781—1782 гг. приходится оживленная переписка между Воронцовым и Миллером, свидетельствующая о большом интересе этого крупного государственного деятеля к русской истории. Так, в письме от 20 сентября 1781 г. Воронцов интересовался значением различных чинов и учреждений (в частности, Боярской думы) в России вплоть до конца XVIII в.³⁷

«Старость, разные пемочи и дела»³⁸ не позволили Миллеру вовремя ответить Воронцову. Однако год спустя, в письме от 9 ноября 1782 г., Воронцов благодарил Миллера за присылку «разных сведений..., делающих честь сочинителю, трудившемуся в составлении оных, как по важности своей, так по содержащимся в оных древним и мрачностью времени сокровенным познаниям»³⁹. Воронцову были присланы два списка «Известия о дворянах», а также список с упоминавшихся выше двух записок М. М. Щербатова. Эти материалы сохранились в фонде Воронцовых в АЛОИИ и имеют бумажную обложку с надписью скорописью XVIII в.: «Описания о дворянстве и о старинных службах. Сии бумаги присланы от Ивана Ивановича Миллера»⁴⁰. Так как в этих списках учтены исправления, внесенные Миллером в список, хранящийся в «портфелях», можно утверждать, что эти исправления были сделаны Миллером не позднее 1781—1782 гг. О том, что эти списки были присланы Миллером Воронцову именно в ответ на его упомянутое выше письмо от 20 сентября 1781 г., свидетельствует тот факт, что в своем ответе Миллеру от 9 ноября 1782 г. Воронцов вновь возвращается к вопросу о Боярской думе, сведений о которой в «Известиях о дворянах» не содержится. Незадолго до смерти Миллер ответил на это письмо, дав обстоятельную характеристику состава и деятельности Боярской думы⁴¹.

Помимо указанных выше списков сочинения Миллера «Известие о дворянах», нам удалось выявить еще три. Один из них — в Коллекции БАН АЛОИИ, другой — в Эрмитажном собрании ГПБ, третий — в фонде Малиновского ОПИ ГИМ. Текст первого из этих списков⁴² соответствует

³⁵ Князев продолжал заниматься историко-генеалогическими изысканиями и в последующие годы, однако при его жизни ничего из его работ опубликовано не было. Только в начале XX в. С. Н. Тройницким был издан «Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года» (*Барсуков Н. П.* Указ. соч., с. 272—274).

³⁶ По пометам на переплете сборника устанавливается, что после смерти А. Р. Воронцова сборник унаследовал его племянник кн. М. С. Воронцов, хранивший сборник со списком сочинения Миллера в своей одесской библиотеке. После 1917 г. сборник был передан во Владимирский областной архив, откуда вместе с другими документами фонда Воронцовых был перевезен в ЦГАДА. Именно этот сборник имеет в виду Е. И. Индова, говоря о документах, в которых «содержались данные о размерах дворянских владений различных исторических периодов» (*Индова Е. И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период. — В кн.: *Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII веков*. М., 1975, с. 273). Исследовательница, однако, считала, что эти документы были собраны для А. Р. Воронцова.

³⁷ ЦГАДА, ф. 199, п. 546, ч. 7, д. 27, л. 10—11. Это письмо по его копии, хранящейся в АЛОИИ, цитирует С. Л. Пештич, говоря об авторитете, которым пользовался Миллер у современников (*Пештич С. Л.* Указ. соч., т. 2, с. 216).

³⁸ АЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 642, л. 105.

³⁹ ЦГАДА, ф. 199, п. 546, ч. 7, л. 15.

⁴⁰ АЛОИИ, ф. 36, оп. 2, д. 78, л. 1.

⁴¹ Там же, оп. 1, д. 642, л. 108—109. Перевод этого письма опубликован П. И. Бартевым в т. 30 «Архива князя Воронцова» (М., 1884).

⁴² АЛОИИ, к. 226, оп. 1, д. 1032.

рукописи Госархива. Список имеет бумажную обложку, на которой сохранилась красная сургучная печать с литерой «М» в виде вензеля. Можно предположить, что это личная печать Миллера. Рукопись написана скорописью XVIII в., двумя почерками на бумаге с филигранью с гербом Ярославской губернии и литерами «ЯМСВЯ»⁴³. Текст списка Эрмитажного собрания⁴⁴ соответствует тексту списка из «портфелей» с учетом исправлений Миллера. Рукопись написана скорописью XVIII в., пятью почерками на бумаге с филигранью с литерами «WKM» в левой стороне и «GR» — в правой стороне листа⁴⁵. Список, находящийся в фонде Малиновского (ОПИ ГИМ), по-видимому, более позднего происхождения⁴⁶. Список интересен пометами, сделанными, вероятно, при сверке списка с оригиналом рукой А. Ф. Малиновского. Написан список канцелярским почерком. Можно предположить, что список из Коллекции БАН АЛОИИ послужил оригиналом при издании книги. Наличие личной печати Миллера свидетельствует о том, что этот список, возможно, был отослан автором кому-то из его корреспондентов. Имя этого корреспондента становится известно при выяснении обстоятельств издания книги.

Книга Миллера увидела свет через семь лет после смерти автора, в 1790 г. Она была напечатана в частной петербургской типографии ротмистра лейб-гвардии конного полка И. Г. Рахманинова. Издательская деятельность Рахманинова началась в 1784 г. Вступая на новое для себя поприще, Рахманинов так определял свои цели: «Моему отечеству, трудами моими по возможности доставлять полезные книги»⁴⁷. И. А. Крылов и Г. Р. Державин вспоминали о Рахманинове как о человеке «умном и трудолюбивом» и «большом волтерьянце»: «Вольтер и современные ему философы были его божествами»⁴⁸. В историю русского просветительства Рахманинов вошел как один из первых в России издателей и переводчиков Вольтера. Выйдя в 1793 г. в отставку, он уехал в свое небольшое поместье — с. Казинку Тамбовской губернии, где организовал сельскую типографию, в которой без разрешения цензуры напечатал собрание сочинений Вольтера. На Рахманинова был написан донос, доложенный Екатерине II, распорядившейся уничтожить весь тираж издания и ликвидировать типографию. Следствие по этому делу велось несколько лет, типография была опечатана. Однако еще до окончания следствия пожар уничтожил и типографию, и книги. Среди изданных Рахманиновым книг сочинение Миллера «Известие о дворянах» было, по-видимому, единственным непереведенным. Это, очевидно, и объясняет возникновение версии о немецком оригинале сочинения.

Первоначально книга вышла в свет под названием «Известие о дворянах российских. О их древнем происхождении, о старинных чинах и какие их были должности при государях, царях и великих князьях, о выборе доказательств на дворянство, о родословной книге, о владении деревень, о службе предков и собственной, и о дипломах» без указания автора и издателя на титульном листе. Позднее появился второй вариант титульного листа — «Известие о дворянах российских... сочиненное коллежским советником Ф. И. Миллером и издано И[ваном] Р[ахманиновым] с присоединением некоторых относящихся к тому же предмету статей». Кроме того, во втором варианте появилось посвящение Екатерине II и был изменен «список подписчиков»⁴⁹. В «Сводном каталоге

⁴³ Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX в. М., 1978, № 1059.

⁴⁴ ОР ГПБ, Эрм., д. 438.

⁴⁵ Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. М., 1959, № 1052.

⁴⁶ ОПИ ГИМ, ф. 33, д. 74. Филигранные близки к № 1397: Клепиков С. А. Филигранные и штемпели...

⁴⁷ Полоцкая И. М. Указ. соч., с. 129.

⁴⁸ Жихарев С. П. Записки современника / Под ред. В. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1955, с. 356.

⁴⁹ Интересно отметить, что в этом списке значилось и имя А. Т. Князева.

русской книги гражданской печати XVIII века» утверждается, что эти изменения были внесены после поднесения книги императрице. Однако три года спустя после издания книги, в 1793 г., Г. Р. Державин в письме к жене просил ее купить экземпляр книги Миллера, так как она «для ея величества надобна»⁵⁰. Таким образом, неверным оказывается утверждение «Сводного каталога...» о том, что книга не была в продаже. Самому Державину книга Миллера была подарена Рахманиновым. Рахманинов был близко знаком со многими видными деятелями русской культуры XVIII в., среди которых был и Н. И. Новиков. Сотрудничество с Н. И. Новиковым, как отмечает И. М. Полонская, имело «большое значение для развития издательской деятельности Рахманинова». И. М. Полонская высказала предположение, что рукопись сочинения Миллера Рахманинов получил от Новикова⁵¹. Миллер, как известно, содействовал Новикову в издании «Древней российской вивлиофики», посылая ему различные материалы по русской истории⁵². Таким образом, можно предположить, что Новиков получил от Миллера и список его сочинения, возможно, именно тот, который хранится ныне в АЛЮИИ в Коллекции БАН. Очевидно, однако, что роль Новикова в издании сочинения Миллера не ограничилась лишь передачей рукописи Рахманинову. «Некоторые статьи», присоединенные к сочинению Миллера издателем, — это ряд документальных источников, среди которых памятник русской литературы XVII в. «Урядник сокольничья пути», составленный, по-видимому, при участии царя Алексея Михайловича, список участников Крымского похода, жалованная грамота кн. Дмитрию Трубецкому на вотчину Вага 1613 г., крестоцеловальная запись царю Алексею Михайловичу и др. Все эти документы были ранее изданы Новиковым в «Древней российской вивлиофике»⁵³. Напрашивается вывод, что и для этого издания они были отобраны и подготовлены к печати также Новиковым. Так, если в «Древней российской вивлиофике» была напечатана лишь выборка из списка участников Крымского похода, то в «Известии о дворянах» этот документ был опубликован целиком; прилагавшаяся к книге Миллера «Сокращенная роспись алфавитным порядком тем фамилиям, от которых родословные в розряд поданы», представляла собой сокращенный вариант росписи, приложенный Новиковым к его изданию «Бархатной книги» в 1787 г. И. Г. Рахманинов как по своим общественно-политическим, литературным, так и по издательским интересам был весьма далек от истории русского дворянства и вряд ли сам стал бы заниматься подготовкой к печати сочинения Миллера и других исторических документов. По нашему мнению, есть основания утверждать, что фактическим издателем «Известия о дворянах» был не Рахманинов, а Новиков.

Наличие большого числа списков сочинения, бесспорно, свидетельствует о его значительной популярности в конце XVIII в. Оно оказало большое влияние и на последующие исследования в этой области, в частности на работы М. М. Щербатова и М. Г. Спиридова⁵⁴. Последний почти дословно повторяет отдельные места из книги Миллера и в своей статье «Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России», напечатанной в т. 20 ДРВ вместе с приписываемой Миллеру статьей «Московские старинные приказы», и позднее в предисловии к «Родословному российскому словарю», и в «Кратком опыте исторического известия о российском дворянстве».

⁵⁰ Державин Г. Р. Соч. СПб., 1856, т. 5, с. 861.

⁵¹ Полонская И. М. Указ. соч. с. 133.

⁵² Моисеева Г. Н. Археографическая деятельность Н. И. Новикова. — В кн.: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени, XVIII век. Л., 1976, сб. 11.

⁵³ ДРВ. 2-е изд. М., 1788—1791. Ч. 3, 8, 11, 17 и др.

⁵⁴ На это обстоятельство обратил внимание еще Н. П. Лихачев (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 40, 125, 406).

Сочинение Миллера «Известие о дворянах российских», столь популярное в конце XVIII — начале XIX в., представляет значительный интерес как первая в русской историографии работа по истории дворянства в России. Большой интерес имеет также методика работы Миллера с историческими источниками. В «Известии о дворянах» круг этих источников весьма широк: боярские списки и боярские книги, десяти, жалованные грамоты и челобитные. На одни документы Миллер просто ссылается, другие приводит целиком или в отрывках, причем некоторые из них в настоящее время утеряны.

Издание 1790 г. содержит немало недостатков. К сочинению Миллера был присоединен ряд документов, не имеющих подчас прямого отношения к тексту, в издание не попали, как уже было сказано, многие исправления, внесенные Миллером в процессе дальнейшей работы над ним. Отсутствует также небольшое предисловие, предпосланное автором «Известию о дворянах», имеющее интерес для понимания истории работы над сочинением и отношения Миллера к задачам историка. В связи с этим нам представлялось бы весьма полезным новое издание книги Миллера по имеющимся авторским рукописям.

О. В. Петрова

О РАБОТЕ С ОПУБЛИКОВАННЫМИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИМИ СПРАВОЧНИКАМИ

Установление генеалогических и биографических фактов относится к числу трудных случаев, с которыми сталкивается исследователь в процессе работы. Задача данного обзора — назвать наиболее важные малоизвестные дореволюционные генеалогические издания, не вошедшие в библиографические пособия, а также сообщить о некоторых приемах работы с родословными справочниками, позволяющими увеличить до некоторой степени их использование.

Одной из причин трудностей работы с родословными справочниками является отсутствие в настоящее время теоретического курса, библиографии и преподавания генеалогии для будущих исследователей. Оказывает влияние также то, что развитие дореволюционной генеалогии было приостановлено на переходном этапе: от любительства и коллекционирования — к научному методу составления родословных росписей. Многие прежние работы остались незаконченными, новые — едва начаты или остались в проектах¹. Поэтому наследие, оставленное дореволюционными генеалогами, крайне бессистемно, разобщено. До сих пор оно не учтено полностью. Нет полной библиографии и полного указателя опубликованных росписей.

Составление библиографии по генеалогии сопряжено с немалыми сложностями. Сословный характер генеалогии в дореволюционной России не дал ей окончательно оформиться как вспомогательной исторической дисциплине, оставив ее на уровне приложения к истории дворянства. Широкий поток любительских трудов был представлен изданиями с тиражами 2, 3, 5, 10, 20, 100, 200 и т. д. экземпляров². Издания с самыми малыми тиражами носили семейный характер, «для себя», снабжались пометами типа «Не для продажи», «Без права перепечатки», «Для немногих» и т. п. Полный комплект генеалогических трудов вряд ли имеется в какой бы то ни было государственной библиотеке.

Поэтому большое значение имеет единственная относительно полная частная библиотека московского генеалога Ю. Б. Шмарова. Сохранение этой библиотеки в том виде, в каком она существует, было бы чрезвычайно важно для науки.

Основными библиографическими пособиями для генеалогов служат два издания: Л. М. Савелова³ и Д. В. Ульянинского. Справочник Саве-

¹ К изданиям на научной основе можно отнести те родословные, в которых ссылки на источники даны относительно каждой персоналии, или росписи, составленные на едином однородном комплексе источников. К числу первых можно отнести издание: *Власьев Г. А. Потомство Рюрика*. СПб.; Пг., 1906—1918. Т. 1, 2. Ко вторым — «Родословную книгу дворянства Московской губернии» (М., Б. г., вышел из печати только первый том), подготовленную по делам архива Московского дворянского депутатского собрания. В Петербурге готовилось издание родословных росписей, поданных в Разряд (неосуществленное). Об этом см.: *Мяглев Н. В.* О предстоящем издании «Родословных росписей, поданных в Разряд к составлению родословной книги представителями служилых родов Московского государства в конце XVII в.» — *Изв. Рус. генеал. о-ва*. СПб., 1911, вып. 4.

² *Савелов Л. М.* Генеалогические редкости. М., 1904.

³ *Савелов Л. М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Острогжск, 1898. (Далее: *Савелов Л. М.* Указатель. 1898.) Этот справочник в незначительной степени дополнен, см.: *Савелов Л. М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Первое дополнение. М., 1904. Но здесь нет именного указателя, рас-

лова обширнее справочника Ульянинского⁴, так как последний занимался не собственно библиографией по генеалогии, а был библиофилом-коллекционером. Но издание Ульянинского, являющееся описанием его библиотеки с обширным разделом по генеалогии, вышло в 1915 г., т. е. в него вошли многие труды, не вошедшие в справочник Савелова: время между годами их выходов в свет характеризуется особенно интенсивным опубликованием новых родословных.

Оба справочника имеют алфавитные указатели росписей.

Кроме того, в справочнике Ульянинского имеются разделы: «Дворянство по областям и губерниям»⁵, «Родословные материалы, касающиеся недворянских фамилий». Указатели Савелова и Ульянинского являются общероссийскими по географическому охвату имен.

При поиске не менее необходимы библиографии по губерниям с указанием всей литературы для каждой фамилии. Раздробленность дворянских имений по ряду губерний выводит эти справочники за рамки губернского значения. Известны три губернских справочника: по Тульской губернии⁶ — Л. М. Савелова, по Псковской⁷ и Тамбовской⁸ — И. М. Картавцова. Хронологический разрыв между годами изданий общих и губернских справочников, а также дополнение последних не учтенными ранее сведениями позволили значительно увеличить число изданий для многих фамилий. Для сравнения можно привести следующие примеры (первая цифра — это численность наименований в общем указателе Савелова 1898 г., вторая — в его же указателе по Тульской губернии 1904 г.): Бунины 7—29; Бурдуковы 6—14; Бурцовы 8—35; Бутеневы 5—12; Бутурлины 21—84. Указатель по Тульской губернии дополняет предыдущий, одновременно повторяя его.

Библиографические заметки Картавцова не повторяют, а дополняют общий указатель Савелова (первая цифра — по указателю Савелова, вторая — по заметкам Картавцова): Арсеньевы 11—16; Бибиковы 13—14; Воейковы 13—19; Давыдовы 14—19; Сомовы 12—45. Таким образом, для рода Арсеньевых становится известно 27 изданий, для Бибиковых — 27 и т. д.

Привлечение указателей позволяет значительно увеличить круг выявленных материалов по родословным. Неполнота имеющихся справочников не может служить причиной отказа от них вообще.

Современные исследователи нередко обращаются сразу к наиболее известным справочникам П. В. Долгорукова⁹, В. В. Руммеля и В. В. Голубцова¹⁰, А. Б. Лобанова-Ростовского¹¹ и при обнаружении нужной росписи этим ограничиваются. Игнорирование библиографий оставляет неисполь-

---

крывающего полностью содержание справочников. Имеется только указатель родов, упоминаемых в тексте дополнения.

⁴ Библиотека Д. В. Ульянинского: Библиогр. описание. М., 1915, т. 3.

⁵ Раздел «Дворянство по областям и губерниям» может быть использован в том случае, если известно, к какой губернии был приписан род. Определить это можно по «Новому энциклопедическому словарю» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: здесь для всех упомянутых фамилий указано, в каких губерниях они владели именными. Издание словаря остановилось на т. 29, (буквы Н — О). См.: Новый энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон, 1911—1916, т. 1—29.

⁶ Савелов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию тульского дворянства. М., 1904. (Далее: Савелов Л. М. Указатель по Тульской губ.).

⁷ Картавцов И. М. Библиографические заметки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных во Псковской губернии. — Сборник Псковской губернии ученой архивной комиссии. Псков, 1917, вып. 1. Имеется отд. отт. — Псков, 1916. (Далее: Картавцов И. М. Заметки по Псковской губ.).

⁸ Картавцов И. М. Библиографические записки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных в Тамбовской губернии. — Изв. Тамбов. губ. ученой архивной комиссии, Тамбов, 1918, вып. 58. (Далее: Картавцов И. М. Записки по Тамбовской губ.).

⁹ Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1854—1857. Ч. 1—4.

¹⁰ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887. Т. 1, 2.

¹¹ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1, 2.

зованными более полные росписи, вышедшие впоследствии. Например, родословная Татищевых по справочнику П. В. Долгорукова содержит 195 имен, по справочнику С. С. Татищева — 649 имен¹²; родословная Голицыных по справочнику П. В. Долгорукова — 872 имени, по справочнику Н. Н. Голицына — 1210 имен¹³.

Кроме разницы в количестве имен, в более поздних изданиях имеются многочисленные исправления и дополнения, в том числе библиографических фактов. Даже несмотря на то, что издание вышло через несколько лет, изменения могут быть существенными. Нередко исправления и дополнения поступали к составителю в момент печатания справочника, отсюда — традиционные для генеалогических изданий приложения типа «Поправки и дополнения» в сборнике В. В. Руммеля и В. В. Голубцова. В этом приложении встречаются исправленные варианты целых фрагментов росписей¹⁴, изменения отдельных фактов и дополнения новых. Росписей без исправлений почти нет. Наглядными примерами могут служить сравнения текстов:

из родословной Анненковых

Основной текст

№ 98. Михаил Николаевич, свиты е. в. генерал-майор, р. 1834. Ж. графиня Александра Николаевна Зубова, р. 28 июля 1839—1878.

Елена Николаевна, р. 1837, фрейлина (1854), за Карлом Васильевичем Струве, посланником в Северо-Американских штатах.

Мария Николаевна, фрейлина (1862), р. 1844, за Нелидовым.

Александра Николаевна, фрейлина высочайшего двора, р. 1849¹⁵.

Раздел «Поправки и дополнения»

Михаил Николаевич, генерал-лейтенант генерального штаба.

ж. 1. А. Н. Зубова

2. девица Эстеррейхер

Елена Николаевна, р. 1837 (фрейлина высочайшего двора), за генерал-майором Иасафом Аркадиевичем Нелидовым. 1861.

Мария Николаевна, фрейлина высочайшего двора, р. 1814, за Карлом Васильевичем Струве.

Александра Николаевна, фрейлина высочайшего двора, р. 1849, за виконтом Мельхиором де Вогюэ¹⁶.

из родословной Бакуниных

Основной текст

№ 49. Николай Семенович¹⁷

Раздел «Поправки и дополнения»

Николай Семенович, р. 1836.

ж. Евдокия Семеновна Дмитриева. Сын их Семен Николаевич. Ж. Евгения Петровна Ольшева¹⁸.

Далеко не все установленные ошибки были включены в раздел «Поправки и дополнения». Об этом говорят письма, присланные Руммелю после выхода в свет сборника¹⁹. Лишь часть сведений из них вошла в приложение ко второму тому.

Несмотря на ряд неточностей, справочник Руммеля и Голубцова является ценным пособием. Его ошибки и пропуски характерны в большей или меньшей степени для работ всех дореволюционных генеалогов. Они отражают одновременно и состояние источников по генеалогии, и практику работы с ними.

Несмотря на более высокий уровень подготовки изданий отдельных росписей, значение сборников родословных в ряде случаев может быть большим. Например, с помощью именного указателя открываются дополнительные возможности для разысканий потомков по женским линиям.

¹² Татищев С. С. Род Татищевых. СПб., 1900, с. XXIV.

¹³ Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892, с. 13, 93.

¹⁴ Например, родословная Болотовых (Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч., т. 2, с. 836—840).

¹⁵ Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч., т. 1, с. 64.

¹⁶ Там же, т. 2, с. 829.

¹⁷ Там же, т. 1, с. 104.

¹⁸ Там же, т. 2, с. 832.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1293 (Русское генеалогическое общество), д. 5—32.

В опубликованных родословных росписях дворянских фамилий потомство дано исключительно по мужским линиям — следствие соблюдения традиций и практической необходимости ограничения постоянно растущих сведений о потомстве. Поэтому для поисков потомков по женским линиям необходимо знать фамилии в браке, которые в ряде случаев устанавливаются при помощи именных указателей. Так было при поиске И. Л. Андрониковым потомков Н. Ф. Ивановой. Родословной Ивановых нет. По именованному указателю в сборнике Руммеля и Голубцова были проверены все встречающиеся в тексте Ивановы, одна из которых оказалась Н. Ф., вышедшая замуж за Н. М. Обрезкова^{20–21}.

В настоящее время генеалогические разыскания значительно облегчены благодаря выходу в свет справочника по истории дореволюционной России²². Но из-за неразработанности библиографии по генеалогии в справочнике имеется ряд недочетов. Во-первых, в него не вошли некоторые генеалогические издания по губерниям и районам²³. Особенно досадным является отсутствие губернских библиографических справочников, о которых говорилось выше²⁴. Во-вторых, отсутствует отсылка от основного раздела «Генеалогия» к разделу «Великие и удельные князья», в котором названы важные генеалогические издания, в том числе один из лучших родословных справочников — «Потомство Рюрика» Г. А. Власьева. В последнем представлен материал не только для истории великих и удельных князей, но и для истории дворянских родов позднего периода, вплоть до начала XX в. Родословные Оболенских, Волконских, Сатиных, Одоевских, Мосальских, Горчаковых, Барятинских, Репниных-Оболенских, Долгоруковых, Щербатовых, Бунаковых, Мышецких, Огинских и других, подготовленные Г. А. Власьевым, — это лучшие из опубликованных росписей данных родов, значительно исправленные и дополненные по сравнению с предыдущими изданиями²⁵.

Для более тонких генеалогических изысканий, выходящих за рамки привлечения только изданных справочников, необходимо указать архивные материалы, которые исправляют и дополняют опубликованные. Такие материалы находятся в составе собраний московских генеалогов В. И. Чернопятова, Н. П. Чулкова, А. А. Сиверса и Ю. Б. Шмарова. Исправления и дополнения могут быть в виде специальных работ²⁶, в виде соответствующих рукописных росписей²⁷ или опубликованных, в экземплярах книг из библиотек названных генеалогов с их рукописными пометами²⁸.

^{20–21} Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1968, с. 127.

²² Справочники по истории дореволюционной России. М., 1978.

²³ Чернявский М. Т. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869. Б. м. Б. г.: Родословная книга дворянства Московской губернии / Под ред. Л. М. Савелова. М., Б. г. Т. 1; Московское дворянство: Алфавитный список дворянских родов. М., 1910; Лудмер Я. И. Княжеские, графские и баронские фамилии прибалтийских губерний. Митава, 1902. Вып. 1.

²⁴ Савелов Л. М. Указатель по Тульской губ.; Каргавцов И. М. Заметки по Псковской губ.; Он же. Записки по Тамбовской губ.

²⁵ Нельзя не отметить включение в «Справочники по истории дореволюционной России» списков дворянских фамилий, внесенных в губернские родословные книги (в соответствующих разделах по губерниям). Их использование при отсутствии других материалов прямо направляет исследователей к архивным фондам дворянских депутатских собраний, к губернским родословным книгам.

²⁶ ОРФ ГЛМ, ф. Н. П. Чулкова, д. 180. Рукопись В. А. Шахматова «Генеалогические заметки (Пропуски и ошибки у Лобанова-Ростовского в родах Севеоложских, Ланских, Чертковых, Неклюдовых, Соймоновых, Спешневых, Москотиньевых, Свойтиновых, Внуковых, Богдановых, Сапоговых, Вышеславцевых, Нечаевых, Алебразанцевых-Нечаевых)». Ссылку на подобную работу («Дополнения» М. Я. Тюлина к сборнику В. В. Руммеля и В. В. Голубцова) см.: Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки, с. 28.

²⁷ О росписях из собраний генеалогов см.: Петрова О. В. Генеалогия и поиск документов личного происхождения XIX — начала XX века. — СА, 1973, № 2, с. 33—38.

²⁸ О книгах из библиотек генеалогов см.: Петрова О. В. О родословных справочниках с рукописными дополнениями и исправлениями генеалогов. — АЕ за 1976 год, М., 1977, с. 217—220.

Кроме библиографических трудностей, имеются также практические трудности выявления генеалогического материала. Они заключаются в том, что для получения отдельных мелких справок необходимо просмотреть до 10, а иногда и более справочников с выпиской их из фондов основного хранения библиотек. Многократные повторения такого рода поисков ведут к неоправданным затратам времени.

Потому представляется необходимым иметь в библиографических отделах ГБЛ, ГПИБ, ГПБ и других библиотек подборки библиографий, указателей и основных родословных справочников. Большую помощь исследователям окажут также подборки в библиотеках научных читальных залов, составленные по типу подборки генеалогической литературы в ОР ГБЛ²⁹.

---

²⁹ Одним из последних генеалогических изданий является сборник родословных росписей русских фамилий из собрания Д. М. Шаховского (Франция). Тексты росписей в основном на французском языке, библиографические списки для каждого рода — на русском. Несколько экземпляров этого издания передано составителем в дар в крупнейшие государственные библиотеки Москвы и Ленинграда и в частную библиотеку Ю. Б. Шмарова. Вышли в свет первые два тома, включающие фамилии на «А — АСК»: *Шаховской Д. М. Общество и дворянство российское*, Рейн, 1978—1979. Т. 1, 2.

М. Ф. Шумейко

**О ВЫЯВЛЕНИИ И СОБИРАНИИ ДОКУМЕНТОВ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.**

(По материалам архива В. Я. Богучарского)

Выявление и соби́рание документов общественного и революционного движения после первой русской революции, связанное с деятельностью историка революционного народничества, редактора специальных исторических журналов «Былое» и «Минувшие годы» Василия Яковлевича Богучарского (Яковлева) составляет одно из звеньев в цепи развития неофициальной сферы архивоведения и археографии того времени. Попытка определения его места, связи с предыдущими и последующими звеньями является задачей настоящего сообщения, источниковой базой которого стали материалы личного архивного фонда историка, а также документы лиц, принимавших участие в работе по соби́ранию и публикации источников.

Русское самодержавие, пытаясь заставить и историческую науку служить своим интересам, допускало исследователей только к тем первоисточникам, которые так или иначе были ему выгодны¹. Сведения же о самых крупных событиях политической жизни и политического творчества народных масс или утаивались, искажались или лежали под скупом в архивах в таком виде, что пользоваться ими могли лишь немногие специалисты-историки, в исключительных случаях допускавшиеся к архивным материалам².

Замалчивание официальными органами данных о революционных событиях не исключало, однако, возможности знакомства с ними молодого поколения. Тема революционной борьбы, как отмечает акад. М. В. Нечкина, входила через тайные, «боковые» входы в сознание молодежи³.

Отсутствие необходимых условий для подобной работы до Октября 1917 г. привело к тому, что параллельно с официальной, служившей интересам господствующего строя развивалась неофициальная, негосударственная сфера архивоведения и археографии, истоки которой восходят к герценовским изданиям.

Своеобразие работы по соби́ранию документов в первом десятилетии XX в. состояло в том, что 1905 год снял запрет с освещения истории русского революционного движения в России. Стало возможным публиковать источники не только по истории декабристов, но и по более позднему времени. Это было тем более необходимо, что революционные события 1905—1907 гг. возбудили в самых широких слоях населения интерес к революционному прошлому. Временное послабление цензуры после 17 октября 1905 г. было незамедлительно использовано группой лиц, по-

¹ Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии: Краткий очерк. М., 1957, с. 149.

² На это указывал М. Н. Покровский в речи на съезде архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г.: «...в царской России... ученые подпускались лишь к очень старым бумагам. В России примерно сакраментальный 1812 год... был до первой революции 1905 года тем переломным пунктом, до которого допускали любого ученого. С 1812 года и примерно до эпохи „освобождения“ крестьян пускали с разбором, а после „освобождения“ крестьян, т. е. к архивам последних 50 лет, не пускали никого» (Покровский М. Н. Избр. произв.: В 4-х кн. М., 1967, кн. 4, с. 562).

³ Нечкина М. В. В. И. Ленин — историк революционного движения России.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 43.

ставивших своей задачей познакомить русских читателей с наиболее значительными событиями революционного и общественного движения второй половины XIX — начала XX в. Но, несмотря на ограничение цензурных преследований и расширение доступа в архив, речь могла идти, как правило, о документах личного происхождения (воспоминаниях, записках старых революционеров, их дневниках, переписке); материалы политического сыска, судебно-следственные дела в большей своей части продолжали оставаться недостижимыми для собирателей и публикаторов⁴.

Мысль о необходимости собирания документов общественного и революционного движения в условиях изменившейся внутривосточной обстановки в стране была высказана В. Я. Богучарским в статье «К увековечению памяти славных»⁵. Одним из первых шагов в этом направлении историк считал издание материалов всех политических процессов⁶ (начиная с декабристов), сборников документов, относящихся к различным периодам освободительного движения, создание специального исторического журнала. Им была выдвинута также идея организации архива — музея русского освободительного движения. Здесь, по-видимому, сказалось влияние знакомства историка с подобными учреждениями в Гапперсвилле (Музей польского освободительного движения), Женеве (Библиотека им. Г. А. Куклина) и др.⁷ Попытки создания такого архива-музея предпринимались им уже в 1909 г. Об этом Богучарский сообщал старому революционеру-народнику, имевшему в 70-х годах XIX в. сношения с М. А. Бакуниным, З. К. Арборе-Ралли, прося выслать, возможно, сохранившиеся у него письма К. Маркса, Ф. Энгельса, М. А. Бакунина, А. И. Герцена⁸. Самим историком была собрана значительная коллекция документов по истории революционного движения, русской общественной мысли и культуры XIX в. Известно, что в нее входили наряду с прочими материалами письма К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, В. Либкнехта, документы из архива П. Л. Лаврова и др.⁹

Собирание документов и материалов предполагает возможность последующей публикации всех или части этих материалов¹⁰. И Богучарский понимал это, когда, обращаясь к общественности с призывом собирать документы по истории освободительного движения, предлагал создать специальный исторический журнал¹¹.

⁴ Исключение составляют, пожалуй, публикации М. К. Лемке о М. И. Михайлове, Д. И. Писареве, Н. Г. Чернышевском в «Былом», подготовленные на основании архивных материалов (*Лемке М.* Дело М. И. Михайлова: (По неизданным материалам). — Былое, 1906, № 1; *Он же.* Дело Д. И. Писарева: (По неизданным источникам). — Былое, 1906, № 2; *Он же.* Дело Н. Г. Чернышевского: (По неизданным источникам). — Былое, 1906, № 3—5).

⁵ Наша жизнь, 1905, 8/21 ноября; Былое, 1906, № 1, с. 323—325.

⁶ В 1903—1905 гг. за границей под редакцией Б. Базилевского (В. Богучарского) были изданы три тома сборника документов «Государственные преступления в России в XIX в.» и три тома приложений к нему. Сюда вошли 6 из 17 опубликованных к настоящему времени отчетов о политических процессах 1866—1900 гг. Собирание материала для сборника, составившего вместе с приложениями свыше 200 печатных листов, потребовало от историка большого напряжения духовных и физических сил, ибо нужно было просмотреть десятки тысяч газетных листов, выискивая в них хоть малейшие заметки или объявления о процессах, разыскать множество ставших библиографической редкостью журналов, прокламаций.

⁷ Свои впечатления от посещения Рапперсвилльского музея и Куклинской библиотеки Богучарский неоднократно высказывал в письмах к близким ему людям.

⁸ «Мы устраиваем теперь, — писал он в апреле 1909 г. З. К. Арборе-Ралли, — в безопасном месте образовавшийся у нас после издания „Былого“ и „Минувших годов“ очень хороший архив русского освободительного движения» (ЦГАЛИ СССР, ф. 1019 (Арборе-Ралли З. К.), оп. 1, д. 10, л. 6). На необходимость создания архива по истории русского освободительного движения редакция указывала еще в начале 1906 г.

⁹ Наш век, 1917, 31 дек.

¹⁰ Мы не имеем в виду ведущееся в наши дни почти всеми государственными архивами, специальными научными и общественными организациями и учреждениями плановое выявление и собирание документов, например, личного происхождения, целью которых в большинстве своем не является публикация.

¹¹ Былое, 1906, № 1, с. 317.

Всякий печатный орган, давая возможность читателям знакомиться со своей продукцией, представляет в то же время своеобразный стимулятор для людей, обладающих теми или иными документами: одно дело — отдавать свои воспоминания или документы в архив, пусть даже «престижный» для автора или владельца, другое — увидеть их опубликованными и, таким образом, доступными тысячам читателей.

Редакция «Былого» и сложившийся вокруг нее актив, который составили бывшие участники революционного движения, ученые-историки, писатели, общественные деятели, с первых же дней включились в работу по формированию редакционного портфеля и за короткий срок достигли значительных результатов. Уже в августе 1906 г. Г. А. Лопатин писал одному из редакторов: «Вижу, что Вы завалены интересным материалом, и от души радуюсь за Вас и за читателей»¹². Сам Богучарский признавал, что богатство материалов в редакции — громадное, и если администрация не закроет журнал, то он даст очень много интересного и часто совершенно неведомого¹³.

Приемы собирательской деятельности были самыми разнообразными: от непосредственных общений редакторов со старыми революционерами до публикации в печати обращений к читателям. Будучи секретарем Шлиссельбургского комитета — негласной общественной организации, созданной в декабре 1905 г. для оказания материальной помощи бывшим узникам крепости, Богучарский имел возможность лично побеседовать со многими старыми революционерами до их высылки¹⁴. Имеются сведения о его неоднократных встречах на заседаниях комитета с Н. А. Морозовым, М. В. Новорусским, Н. П. Стародворским и др. В дальнейшем путем переписки была установлена связь со многими оставшимися в живых участниками революционного движения, находившимися в России и за границей.

Существенную помощь редакции оказывали Г. А. Лопатин, В. Н. Фигнер, которым и адресовано больше, чем другим, писем и упоминания о которых чаще других встречаются в дневнике Богучарского¹⁵. Активную собирательскую деятельность вел В. Л. Бурцев, которого В. Н. Фигнер характеризовала следующим образом: «Это настоящий ястреб, так на всех стариков и налетает, и слушать не хочет о наших физических немоцах: вынь да положь ему всяческих воспоминаний»¹⁶. Осужденный по процессу «вторых первоапрельцев» И. Д. Лукашевич, высланный после освобождения из Шлиссельбурга в Виленскую губернию, сообщал летом 1906 г. В. Н. Фигнер о встрече с Бурцевым, давшим ему «кучу поручений» насчет того, что нужно написать для «Былого».

При общем положительном отношении старых революционеров к работе над мемуарами большинству из них, отбывших многолетнее заключение, это давалось чрезвычайно нелегко. Показательна в этом отношении выдержка из письма чернопередельца М. Р. Попова, четверть века проведенного в заключении, в ответ на просьбу Богучарского написать о Воронежском съезде 1879 г.: «Как-то трудно приступать к непривычному делу — литературству, да и не идет как-то на ум бывшее, когда так голова занята настоящим»¹⁷. Месяц спустя он сообщал В. Н. Фигнер: «Просят меня написать о Воронежском съезде, я бы и сам хотел написать о нем, но мне кажется, что написать только лицевую сторону, т. е. рассказать,

¹² ОРФ ГЛМ, ф. 2 (Богучарского В. Я.), оп. 1, д. 530.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 5102 (Корнилова А. А.), оп. 1, д. 278, л. 2.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Шумейко М. Ф. К истории Шлиссельбургского комитета. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1981. М., 1982, с. 59—60.

¹⁵ В лице Г. А. Лопатина редакция «Былого», а затем и «Минувших годов» обрела надежного консультанта и, как говорил сам Лопатин, «неутомимого и верного комиссионера и корреспондента». Но при этом он так и не написал своих воспоминаний, несмотря на все уговоры со стороны редакторов и друзей.

¹⁶ Давыдов Ю. Юриконсульт следственной комиссии. — Человек и закон, 1978, № 6, с. 125.

¹⁷ ОРФ ГЛМ, ф. 2, оп. 1, д. 303.

кто был, когда и пр., — этого мало, а выяснить логическую необходимость этого съезда потребует много времени. Богучарскому, как литератору, набившему руку в писательстве, представляется, быть может, это легко, но мне это сделать не так-то легко»¹⁸.

На трудности, связанные с работой над воспоминаниями, указывал бывший член военной организации «Народной воли» М. Ю. Ашенбреннер: «Это была очень трудная работа, не по писательской неопытности, а в силу явного душевного недомогания... Даровитые писатели смолоду развивают свои природные таланты, а в 62 года не станешь таковым»¹⁹.

Требовалось большое умение постоянно, но вместе с тем тактично, ненавязчиво напоинать старым революционерам о необходимости работы над воспоминаниями, помогать им в этом. (В. Д. Бонч-Бруевич и М. С. Ольминский называли подобную работу, проводившуюся во времена Истпарта, «вызыванием» воспоминаний.)²⁰

Приемы работы редакции «Былого» и «Минувших годов» по «организации» воспоминаний во многом схожи с истпартовским «вызыванием». Как в том, так и в другом случае прежде всего определялся круг лиц, от которых было бы желательно получить записки. При этом брались в расчет возраст потенциального мемуариста, активность его революционной деятельности, уровень литературной подготовки. Следующим этапом было установление контактов посредством переписки, а чаще всего путем личных встреч. Наиболее сложным являлась проверка достоверности изложенных в воспоминаниях сведений.

Редакторами «Былого» применялся метод рассылки рукописей воспоминаний лицам, знакомым с излагаемыми в них событиями. Собранные таким образом замечания анализировались вначале самими редакторами, а затем доводились до сведения мемуаристов. Это не исключало, конечно, наличия в мемуарах элементов субъективизма, фактических неточностей, характерных для источников подобного типа, но в значительной степени снижало их число²¹. Сведения о рассылке подготовленных к печати воспоминаний содержатся как в переписке, дневниковых записях редакторов или авторов, так и прямо в журналах. В последнем случае помимо фамилий лиц, которым посылались воспоминания, приводились все разночтения, неточности, отмеченные рецензентами, и собственное отношение редакции к публикуемому материалу²².

Более других рецензированием занимались Г. А. Лопатин и В. Н. Фигнер, находившиеся, как известно, в центре народовольческой деятельности и обладавшие к тому же незаурядными литературными способностями. Участие первого в работе по собиранию материалов для журналов «Былое» и «Минувшие годы» может стать предметом специального изучения. Его переписка с В. Я. Богучарским, П. Е. Щеголевым, В. Л. Бурцевым содержит сведения о том, что старый революционер не отошел, как принято считать, от активной общественной деятельности. Только за три месяца, прошедшие после выхода из крепости, им было написано почти 200 писем, просмотрены и сделаны замечания на воспоминания М. В. Новорусского, П. С. Поливанова, М. Р. Попова, М. Ф. Фроленко. В 1907 г. он опубликовал в «Былом» две заметки по поводу воспоминаний А. И. Иванчина-Писарева и А. Н. Баха. Лопатину редакция «Минувших годов» и многочисленные читатели обязаны знакомством с письмами основоположников научного коммунизма²³.

¹⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1185 (Фигнер В. Н.), оп. 1, д. 665, л. 5.

¹⁹ Там же, д. 281, л. 1—2.

²⁰ Михайлова Н. М. М. С. Ольминский о собирании биографических материалов.— АЕ за 1971 год, М., 1972, с. 208—209.

²¹ На неточности и фактические ошибки в воспоминаниях указывают многочисленные письма старых революционеров В. Я. Богучарскому и П. Е. Щеголеву.

²² См., например, заметку «От редакции» к воспоминаниям А. В. Тыркова о событиях 1 марта 1881 г. (Былое, 1906, № 5, с. 158—160).

²³ Подробнее об этом см.: Шумейко М. Ф. Материалы об общественной деятельности Г. А. Лопатина в архивном фонде В. Я. Богучарского.— В кн.: Источниковедение

В. Н. Фигнер, как это становится известным из писем, оказывала редакции помощь не только в просмотре и рецензировании воспоминаний. Сделанные ею дополнения к заметке Богучарского «Событие 1 марта и Н. К. Михайловский» были учтены и использованы автором²⁴.

Организация воспоминаний была важной, но не единственной стороной в деле собирания документов. В их появлении на страницах журналов были в одинаковой мере заинтересованы и авторы (см., например, вышеуказанное письмо М. Р. Попова к В. Н. Фигнер), и редакторы. Первые видели в них исполнение долга перед погибшими и умершими товарищами и возможность изложить свое «кredo», вторые — ценный источник для будущих историков революционного движения²⁵.

Помимо воспоминаний, которые были заказаны редакции или о работе над которыми она знала, приходилось сталкиваться с большим количеством так называемого самотечного материала. Мы имеем в виду документы как личного происхождения, так и официальные, передаваемые обычно через третьих лиц. Правда, «случайными» подобные документы можно назвать весьма условно, ибо с первых же дней создания журнала его редакция стремилась придать и их собиранию плановый характер. В каждом номере публиковались перечни печатных изданий, программных документов, поступивших в распоряжение редакции, списки изданий, которые было бы желательно иметь.

В третьем номере «Былого» за 1906 г., например, было опубликовано обращение к читателям с просьбой доставить выходявшие в России в свободных типографиях, а также за границей газеты и журналы, прокламации, издания, задержанные цензурой, и т. д. Предлагался конкретный перечень неопубликованных писем, дневников, статей «замечательных революционеров», оппозиционных деятелей, которые нужны были редакции. Среди них письма А. И. Желябова, А. Д. Михайлова, С. Л. Перовской, С. Н. Халтурина, И. И. Гриневицкого, С. М. Кравчинского и др. Относительно материалов для изучения политических процессов редакция рекомендовала их участникам (подсудимым, свидетелям, адвокатам) просмотреть уже имевшиеся в печати документы, внести в них поправки, комментарии, собрать биографические сведения о лицах, причастных к ним²⁶.

С целью собрать как можно больше сведений о бывших участниках революционного движения здесь же был помещен специально разработанный вопросный листок. Ответы на эти вопросы давали возможность получить данные об имени, псевдонимах революционера, времени его ареста, приговоре, участии в наиболее выдающихся революционных событиях, литературных делах и пр.²⁷ Это был своеобразный конспект-минимум

и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М., 1980, с. 117—121. Ротапринт.

²⁴ Былое, 1906, № 3, с. 39; ср.: ЦГАЛИ СССР, ф. 1185, оп. 3, д. 15, л. 1 (Из письма Богучарского Фигнер 3 марта 1906 г., в котором редактор сообщал, что им использованы в заметке некоторые данные, предоставленные в его распоряжение Фигнер).

²⁵ Этим мы вовсе не хотим сказать о полном беспристрастии редакторов к публикуемым статьям, документам и воспоминаниям, хотя они и неоднократно подчеркивали это (см., например, их заявление в Главное управление по делам печати в ноябре 1907 г., в котором говорится о полнейшей «беспартийности», «беспристрастности» издания.— ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 186, л. 72). То, что Богучарский относил к заграничному «Былому», в значительной степени может подойти и к петербургскому. Мы имеем в виду его предисловие к первому выпуску переизданного в России заграничного «Былого», в котором говорилось: «Издание „Былого“ никогда не было для В. Л. Бурцева лишь работой по собиранию и опубликованию исторических материалов,— нет, наряду с тем Бурцев стремился проводить в своем журнале те взгляды, которые он усвоил еще в 1882 г. и которые остаются у него неизменными» (Былое, Ростов н/Д, 1906, вып. 1. (1900—1902), с. 4).

²⁶ Былое, 1906, № 3, с. 307—310.

²⁷ Былое, 1906, № 3, с. 308—309. Подобный метод собирания материалов в дальнейшем с успехом использовался в работе Истпарта, хотя современный исследователь деятельности М. С. Ольминского и говорит о нем как о новом явлении, нетрадиционном для мемуаристики (Михайлова Н. М. Указ. соч., с. 209).

для написания воспоминаний. Справедливости ради отметим, что подобным вопросником пользовался в свое время еще Бурцев при подготовке им «Словаря политических ссыльных в России», однако, будучи напечатан в первом номере заграничного «Былого», он оказался малодоступным большинству лиц, которым предназначался²⁸. Другое дело — публикация листка в таком популярном и широко распространявшемся в России и за границей журнале, как «Былое». Многочисленные письма в адрес редакции с предложениями документов биографического и полубиографического характера, копий с судебно-следственных дел, изобразительных материалов свидетельствуют об эффективности обращения к читателям. Писали сами революционеры, их родные и близкие, адвокаты, выступавшие на политических процессах, дети высокопоставленных в прошлом особ.

Авторитет «Былого», который он сумел завоевать за сравнительно короткое время²⁹, и новизна его тематики (публиковалось то, что совсем еще недавно находилось под строжайшим запретом) способствовали активному накоплению материала. Были, конечно, и такие владельцы документов, которые продавали их редакции на выгодных для себя условиях. Пример тому — дневник сенатора В. П. Безобразова, проданный его дочерью³⁰, часть архивов шефов жандармов Мезенцева и Селиверстова, купленные у их родственников, и др.³¹

Редакции удалось даже воспользоваться некоторыми документами из архива «Священной дружины» — тайного монархического общества, созданного для борьбы с революционерами после убийства Александра II. Однако закрытие журнала в конце 1907 г. не дало возможности редакции «использовать этот первоисточник до конца»³².

Среди этих материалов находилась и пачка подлинных писем известного украинского общественного деятеля М. П. Драгоманова агенту «Священной дружины» А. П. Мальшинскому и письма последнего «дружине». Уже после закрытия «Былого» зять Драгоманова болгарский историк И. Д. Шишманов потребовал опубликовать эти письма. Сомневаясь в их подлинности, он просил Богучарского сообщить, как они попали в архив редакции. В случае положительного ответа Богучарского мы имели бы представление об источнике поступления данных материалов. Но, к сожалению, редактор не назвал его, ограничившись фразой, которая часто употреблялась в предисловиях к публикуемым материалам: «Письма были переданы редакции „Былого“ лицом, имевшим на них все права»³³.

²⁸ Былое, вып. 1 (1900—1902), с. 170.

²⁹ «Вообще,— писал Е. В. Тарле под впечатлением от чтения „Былого“, — этот ваш журнал — событие в умственной жизни русского общества, его нельзя читать без таких глубоких эмоций, каких от чтения почти никогда не испытываешь» (АЕ за 1974 год, М., 1975, с. 359). «С захватывающим интересом,— писал В. Каллаш П. Е. Щеголеву,— читаю ваше „Былое“. Повели вы его прекрасно. Уже в Москве каждый номер производит прямо фурор» (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, д. 232, л. 11).

³⁰ ОРФ ГЛМ, ф. 2, оп. 1, д. 42. Из письма М. В. Безобразовой В. Я. Богучарскому.

³¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696 (Богучарского В. Я.), оп. 1, д. 169, л. 28.

³² ЦГАОР СССР, ф. 9104 (Лопатина Г. А.), оп. 1, д. 18, л. 24. В октябре 1912 г. Богучарский писал из Парижа редактору своей книги об „активном“ народничестве Д. И. Шаховскому: «...я знаю, где именно (у частного лица) находится *весь архив „Св[ященной] дружины“*. Вот куда надо добраться (из него и были получены те документы о посылке Св[ященной] дружиной д[окто]ра Нивинского для переговоров с народолюбцами за границу и проч., которые опубликованы в моей книге о „Нар[одной] воле“). Этот архив (знаю со слов лица, его видевшего) состоит из 12 больших томов бумаг. Вот где ключи для разгадок многого имевшего место 30 лет тому назад, а не в истории Земского союза, на который Кистяковский смотрит полными наивности глазами» (ЦГАОР СССР, ф. 5102, оп. 1, д. 1298, л. 23). Установить, кого имел в виду Богучарский, нам, к сожалению, не удалось.

³³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1065 (Драгоманова М. П.), оп. 5, д. 1, л. 62. В письме Г. А. Лопатину Богучарский лишь указывает, что эти материалы были получены редакцией «Былого» без помощи Бурцева. Следует отметить, что в советской исторической литературе уже давно ведется полемика об участии М. П. Драгоманова в «Вольном слове» и о том, знал ли он об истинном, т. е. «дружинном», его происхождении. При этом ученые опираются и на эти материалы из архива Богучарского.

«Как попали эти письма в редакцию „Былого“, — писал он, — я не считаю себя вправе ответить, ибо тут дело касается третьих лиц. Вспомните лишь время, когда издавалось „Былое“, — чего тогда только не перебивало в наших руках на самых разнообразных условиях³⁴ и в силу самых разнообразных причин, — на то и был исторический журнал, издававшийся в такое время, — вспомните это, и Вы не будете удивляться. Бывали и не такие тогда вещи»³⁵.

Изучение эпистолярного наследия редакторов журнала показывает, что поступления материалов для публикации были значительными (это помимо того, что собирали непосредственно сами Богучарский, Щеголев, Бурцев). Сейчас трудно установить, какие из собранных документов были опубликованы в журнале, какие нет и почему и что же было собрано вообще³⁶. Архив дореволюционного «Былого», который, несомненно, существовал как архив редакции, исчез с закрытием журнала. Частичное представление о его составе и содержании дают эпистолярные документы редакторов, их дневниковые записи³⁷, а также документы Главного управления по делам печати, петербургского цензурного комитета, охранного отделения.

Известно, что часть документов (и не только личного происхождения) хранилась на квартире Богучарского³⁸. Ему даже инкриминировалось при аресте в ноябре 1909 г. «именно у себя изданий Департамента полиции, хотя и относящихся к 1880—1890 гг.». Очевидно, имелись в виду «Обзоры важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях, производившихся жандармскими управлениями империи»³⁹.

«Взятые же у меня издания, — писал В. Я. Богучарский 23 декабря 1909 г. из петербургского дома предварительного заключения адвокату и председателю комиссии по устройству литературного дома-музея Л. Н. Толстого М. А. Стаховичу, — и были теми подлинниками, с которых эти вещи печатались в журналах (нам доставляли их тогда в изобилии, присылая иногда в редакцию прямо по почте) и хранились теперь в качестве архивного материала»⁴⁰.

Сведения об организации архива редакции могли бы находиться в личном фонде ее секретаря Л. П. Куприяновой, если бы таковой существовал⁴¹. Отсутствие информации о составе архива можно связывать и с особыми условиями, в которых издавался журнал: не в интересах редакции было давать в руки полиции «путеводитель» по своему архиву.

При беглом знакомстве с содержанием журналов «Былое» и «Минув-

³⁴ Очень многие документы передавались редакции только для публикации, и после этого они возвращались владельцам. Так было, например, с письмами К. Маркса и Ф. Энгельса Н. Ф. Даниельсону (вслед за публикацией в «Минувших годах» они были напечатаны отдельным изданием), материалами о «процессе 21», которые Г. А. Лопатин желал получить обратно, документами из архива бывшего в 80-х годах XIX в. петербургским градоначальником А. П. Грессера, переданными в «Былое» его сыном А. П. Грессером, и многими другими. Из названных документов только обвинительный акт по «лопатинскому процессу» не был напечатан в журнале.

³⁵ ЦГАЛИ, СССР, ф. 1065, оп. 2, д. 1, л. 4.

³⁶ Проблема установления содержания редакционного портфеля любого журнала (а тем более издававшегося при исключительных условиях «Былого») является сложной и зачастую неразрешимой. На это указывает, например, исследователь журнала «Историк-марксист», имевший в своем распоряжении часть архивного фонда редакции (Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист», 1926—1941 гг. М., 1979).

³⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 39, л. 42, 101 и др.

³⁸ ОР ГМТ, ф. 302 (Собр. Толстовского музея), оп. 3, ед. хр. 97.

³⁹ Рукописная копия одного из таких «Обзоров» (с 1 июля по 1 октября 1881 г.) находится в настоящее время в личном фонде историка (ОРФ ГЛМ, ф. 2, оп. 1, д. 649, л. 1—168).

⁴⁰ ОР ГМТ, ф. 302, оп. 3, ед. хр. 97.

⁴¹ Лидия Петровна Куприянова — двоюродная сестра В. Н. Фигнер, очень много сделавшая для журнала «Былое». После смерти Богучарского она переселилась к его вдове Э. В. Яковлевой, вероятно помогая ей передавать фонд покойного историка в Академию наук.

шие годы», так же как с материалами личных фондов Богучарского, Щеголева и частично Бурцева, может сложиться представление о бессистемном, беспорядочном собирании документов и их публикации. Но это не совсем так. Собирали и публиковали не «первое попавшееся», но наиболее важное и интересное (конечно, с точки зрения редакторов)⁴². Приведем один пример, подтверждающий это положение.

В 1907 г. бывший кишиневский губернатор С. Д. Урусов передал В. Я. Богучарскому для напечатания в «Былом» свои «Записки губернатора». Ознакомившись с их содержанием, редактор отметил для себя в дневнике: «Интересно и написаны литературно... Общий дух „Записок“, однако, мне не нравится. Автор везде является чем-то вроде Гаруна-аль-Рашида...»⁴³. Воспоминания Урусова в «Былом» не публиковались.

С другой стороны, узнав от Г. А. Лопатина о том, что у Н. Ф. Даниельсона имеется несколько писем К. Маркса и Ф. Энгельса, Богучарский обратился к их владельцу с просьбой разрешить опубликовать письма в журнале. «Это,— писал он,— будет ценный вклад в литературу данного предмета»⁴⁴. Вскоре письма К. Маркса и Ф. Энгельса появились на страницах журнала «Минувшие годы».

Информация о наличии тех или иных документов и материалов у различных лиц регулярно поступала в редакцию «Былого» благодаря обширным связям редакторов. «Вы, вероятно, помните,— писал в марте 1906 г. Лопатин Бурцеву,— о сборнике моих стихов, который благодаря датам под ними имел характер шлюшинского дневника. Там был, кроме того, список заключенных с датами, копии с некоторых моих заявлений, мое последнее слово на суде⁴⁵ и некоторые ответы суду и пр. Я утверждал из понятий осторожности, будто я *сжег* все это перед отъездом. Это враки: все сие было припрятано мною в укромном месте, а теперь получено благополучно на руки»⁴⁶.

Редактор журнала «Современный мир» В. П. Кранихфельд, знакомый В. Я. Богучарского еще по совместному пребыванию в 1890-х годах в Воронеже, сообщал, что у директора психиатрической больницы в Петербурге доктора Б. В. Томашевского есть «очень интересный, написанный просто и искренно дневник Сазонова, который Томашевский согласен передать для „Былого“»⁴⁷. Подобных предложений было немало, и редак-

⁴² В рецензии на первый номер «Былого» за 1906 г. М. С. Ольминский с сожалением писал, что в журнале не нашлось пока места для описания серой будничной работы «маленьких людей», которая составляет основу движения (Наша мысль, 1906, № 5, с. 12). В дальнейшем редакция как будто была не склонна ограничиваться жизнеописаниями выдающихся личностей (см., например, примечание к воспоминаниям М. В. Новорусского.— Былое, 1906, № 4, с. 65—66).

⁴³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 39, л. 29 об.

⁴⁴ Там же, л. 122; см. также: Вопросы истории КПСС, 1975, № 2, с. 120.

⁴⁵ Впервые «Последнее слово» Г. А. Лопатина на суде 5 июня 1887 г. полностью было опубликовано в 1970 г. по рукописной копии его речи, поступившей в свое время в Музей Катерины и ссылки от Р. Грюнштейн (СА, 1970, № 6. Публикация О. А. Сайкина).

⁴⁶ ОРФ ГЛИМ, ф. 2, оп. 1, д. 530. Это дает основание предполагать, как делает, например, Ю. М. Рапопорт, что, возвращаясь в 1913 г. из-за границы, Лопатин не мог уничтожить весь свой архив, в котором в числе других документов были и неизвестные до сих пор письма к нему К. Маркса и Ф. Энгельса (Рапопорт Ю. М. Фрагменты из неизвестных писем К. Маркса и Ф. Энгельса к Г. А. Лопатину.— История СССР, 1959, № 6, с. 156).

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 854 (Богучарского В. Я.), оп. 1, д. 9, л. 61. Был ли это дневник известного эзеровского боевика Е. С. Сазонова или его однофамильца, сказать трудно. Отметим, что Томашевский был у Богучарского еще до письма Кранихфельда, но при их встрече речь не шла о дневнике Сазонова. Занимаясь изучением истории переговоров исполнительного комитета «Народной воли» со «Священной дружиной» в 1882 г., Богучарский узнал, что Томашевский в свое время лечил П. П. Шувалова — одного из инициаторов создания и руководителей «дружины». В ответ на предложение Богучарского назначить ему встречу Томашевский сам пришел в редакцию «Былого», много рассказывал о Шувалове, «Священной дружине» и охотно согласился написать об этом воспоминания. Правда, сделать это ему не удалось: вскоре он умер, не оставив после себя никаких, даже предварительных, набросков по данному вопросу. Сведений же о дневнике Сазонова в

ция имела возможность делать выбор, останавливая свое внимание, особенно в первых номерах журнала, на наиболее ярких событиях из истории политической борьбы конца XIX — начала XX в.

В заключение отметим, что собрание и публикация документов и материалов в этот период (1906—1908 гг.) имели очень важное значение, ибо, по словам редакторов, «прошло бы еще несколько лет и исчезла бы всякая возможность собрать и закрепить разнообразные материалы, воспоминания участников, без которых была бы крайне затруднена разработка русской истории»⁴⁸.

Три года, в течение которых издавались журналы «Былое» и «Минувшие годы», — незначительный срок для более или менее полного осуществления поставленной редакторами задачи по собиранию и публикации материалов. Многие из того, что уже было подготовлено к печати, осталось безвестным.

Изменение внутривнутриполитической обстановки в стране, связанное с наступлением реакции после поражения революции 1905—1907 гг., требовало и изменения форм собирательской деятельности. Стало невозможным существование журналов типа «Былого»⁴⁹ и коллективной деятельности в плане собирания документов участников освободительного движения, и Богучарский углубляется в индивидуальную разработку проблем освободительного движения. Его статьи о «Народной воле» в «Русской мысли», а затем монографии⁵⁰ содержали много ценного, впервые вводимого в научный оборот материала, для собирания которого историк использовал в числе других и метод анкетирования. Недостаток источников официального происхождения он компенсировал использованием данных многочисленных писем к нему в ответ на обращения к адресатам вопросы. Историк широко вводил в канву исторического повествования записи устных рассказов бывших участников революционного движения и т. д. Все это придавало его исследованиям характер первоисточника, в определенной степени не утратившего своего значения и до наших дней⁵¹.

Положительной стороной в работе по собиранию документов в этот период явилось сохранение (в некоторых случаях благодаря публикации) значительного по объему и ценного по содержанию материала, составившего источниковую базу для изучения истории общественного и революционного движения в России. Уже в 1921 г. М. Н. Покровский отмечал: «Как ни плохо „Былое“, но без „Былого“ написать историю народнической революции 70—80-х гг. было бы нельзя»⁵². В этом признании заслуг журнала и его редакции в деле создания документальной базы для изучения истории революционного движения, способствовавшей политическому обличению царского самодержавия, помогавшей воспитанию молодого поколения на славных традициях героического прошлого нашей Родины.

Приступая к работе по собиранию документов, редакция «Былого», без сомнения, учитывала и использовала опыт своих предшественников:

материалах Богучарского более не встречается; в журнале он не публиковался (ЦГАОР СССР, ф. 9104, оп. 1, д. 18).

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 186, л. 72. Об этом же, но применительно к истории нашей партии спустя 10 с лишним лет думал и М. С. Ольминский, когда говорил осенью 1920 г., что «необходимо начать теперь же собирать материал по истории партии, как архивный, так и сохранившийся в памяти участников, ибо первый теряется и расхищается... а второй исчезает со смертью его носителей» (ПР, 1930, № 5 (100), с. 156).

⁴⁹ «Политические обстоятельства теперь в России, — писал Богучарский З. К. Арборе-Ралли, — становятся все более и более неблагоприятными, и когда снова удастся издавать журнал вроде „Былого“ или „Минувших годов“, сказать очень трудно» (ЦГАЛИ СССР, ф. 1019, оп. 1, д. 10, л. 6).

⁵⁰ *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 80-х гг. — Русская мысль. 1910, № 4, 5, 8, 9; 1911, № 1, 3, 5; *Он же.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1912; *Он же.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.

⁵¹ Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973.

⁵² ПР, 1921, № 1, с. 9.

П. И. Бартенева, М. И. Семевского и особенно А. И. Герцена. Великой заслугой этого выдающегося революционера-демократа считал Богучарский создание им в Лондоне первой русской вольной прессы. Поддерживая и развивая герценовскую традицию, «Былое» (кстати, идея названия журнала могла родиться в связи с герценовскими мемуарами) в условиях нового времени сделало заметный шаг вперед, собирая и помещая на своих страницах наряду с публицистическими, обличающими самодержавие статьями и документами и материалы, которые уже приобрели историческую и историографическую значимость.

Многие точки соприкосновения находим мы и с деятельностью Истпарта. Это обусловлено участием в работе по собиранию документов революционного движения таких видных его деятелей, как М. С. Ольминский, А. И. Ульянова (Елизарова), и других еще до революции и в составе «Былого».

В цепи развития работы по собиранию и публикации документов общественного и революционного движения, начиная с Герцена и кончая созданием Истпарта, звено «Былое» = «Минувшие годы» занимает достойное и логическое место.

И. Е. Тамм

К ИЗУЧЕНИЮ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(О классификации и археографическом заголовке)

Делопроизводственные документы первых лет Советской власти освещают все многообразие деятельности советских учреждений, специфику ее начального этапа. Это памятники эпохи, которые через документальное оформление повседневной работы учреждений отразили начало и ход революционных преобразований, вооруженную борьбу и гражданскую войну, слом старого и создание советского государственного аппарата, национализацию промышленности, преобразования в сельском хозяйстве, на транспорте, в народном образовании, науке, культуре. Любая публикация, будь это тематический, пофондовый или видовой сборник документов, включает и делопроизводственные — в основном составе или научно-справочном аппарате. Они играют существенную роль и в других изданиях, помогая восстановить хронологическую и фактологическую основу событий.

Делопроизводственная документация, способы и особенности ее оформления отразили своеобразие объективного процесса становления советского государственного аппарата. Она является для исследователей частным, но достаточно красноречивым свидетельством широты поисков в направлении создания новых форм пролетарской государственности. Э. Б. Генкина, проанализировав протокольный фонд СНК РСФСР — сами протоколы, приложения к ним и повестки заседаний, пришла к выводу принципиального порядка: «...рассмотрение процесса формирования этого фонда и его содержания даже только с точки зрения „делопроизводственной техники“, вплотную подводит к вопросам *политики* Советского государства, особенностям его деятельности как первого в мире государства пролетарской диктатуры»¹.

Вопросы публикации делопроизводственных документов первых лет Советской власти специально не изучались, хотя задача разработки и обобщения методики публикации отдельных групп источников признается актуальной². Отчасти это объясняется тем, что пока не имеется работ, которые обобщили бы опыт публикации делопроизводственных документов или хотя бы специально учли такие публикации. Исследование, выполненное ВНИИДАД³, освещает организацию археографической деятельности в союзных республиках, ее тематику и методику (отмечая глав-

¹ Генкина Э. Б. Протоколы Совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. и их значение как исторического источника. — АЕ за 1976 год, М., 1977, с. 32; см. также: Тарле Г. Я. Источниковедческий анализ некоторых видов делопроизводственных материалов ВСНХ. — ТМГИАИ, М., 1961, т. 16; Покровский А. С. Значение протоколов Президиума ВЦИК для изучения государственного строительства (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.). — В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964; *Он же*. Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник: («Период Смольного»). — АЕ за 1972 год, М., 1973.

² Буганов В. И., Трухан Г. А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. — ВИ, 1977, № 3, с. 3—15.

³ ТВНИИДАД, т. 10. Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик (1918—1975 гг.). М., 1979. В работе анализируется обширный круг публикаций, статей, археографических обзоров. Ряд сборников документов рассмотрен в статье: Иванов С. А. Новые публикации источников о деятельности Коммунистической партии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). — Учен. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Обществ. науки. Псков, 1969, вып. 40, с. 11—30.

ные общие тенденции развития методики), но исключает из поля зрения издания, предпринятые учреждениями АН СССР, и тем более не рассматривает самостоятельно вопросы издания делопроизводственных документов. Авторы справедливо констатируют развивающуюся в археографии тенденцию выработки различных приемов публикации текстов в зависимости от характера документов.

Нужно сказать еще об одной стороне вопроса. Делопроизводственный документ, как создающийся в сфере управления и обслуживающий ее, характеризуется определенной социальной направленностью, но вместе с тем как документ письменный он несет в себе черты историко-культурной традиции составления документов⁴.

В свое время М. Н. Тихомиров, ставя задачу изучения советского делопроизводства⁵, кратко определил общее направление работы: выяснить, что документировалось и как документировалось. Тем самым отмечалось взаимодействие двух аспектов в изучении документов — социального и историко-культурного.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать особенности делопроизводственной документации советских учреждений 1917—1922 гг. и обратить внимание на сложный вопрос составления археографического заголовка к документу. По существу, этот вопрос связан с классификацией делопроизводственных документов, которая затруднена в связи с недостаточной изученностью их разновидностей⁶.

Своеобразным источником, помогающим восстановить картину формирования разновидностей делопроизводственных документов низшего звена учреждений в первые годы Советской власти, является «Руководство по делопроизводству волисполкомов»⁷.

«Руководство» было издано НК РКИ и НКВД в 1923 г. на основе материалов предварительных обследований и позволяет судить о сложившейся за 1918—1922 гг. делопроизводственной практике в центральных и местных учреждениях⁸. В понятие «делопроизводство» включены и процесс составления документов (документирование), и процесс их движения (документооборот), т. е. отражены их органическая взаимосвязь и единство как фактор и важная сторона деятельности учреждения. Характерны предметы (темы) документирования. «Руководство» приводит образцы документов: о борьбе с сельскохозяйственными вредителями, об организации школы в деревне, откомандировании в вуз для продолжения образования, регистрации брака, привлечении жителей волости в общество «Воздухофлот». В качестве образцов здесь фигурируют следующие виды документов: отношение, заявление, телефонограмма-требование и пр. Дается и классификация основных видов делопроизводственных документов по обстоятельствам их возникновения:

1) бумаги непосредственной переписки (отношения, официальные письма; служебные письма и записки; прошения и заявления; доклады

⁴ Об эволюции, взаимосвязи отдельных видов делопроизводственной (вотчинной) документации и их значении в исследовании социальных процессов в деревне см. в кн.: *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979; см. также: *Сокова А. Н.* О создании русской традиционной формы документа в делопроизводстве госучреждений XVIII — начала XX в. — ТВНИИДАД, М., 1974, т. 5, ч. 1, с. 206—236.

⁵ В частности, под его наблюдением в 1964—1965 г. в Археографической комиссии была начата подготовка пособия «Делопроизводство первых лет Советской власти». Наряду с другими задачами в нем предусматривалось проследить изменения формуляров делопроизводственных документов (Архив Археографической комиссии, 1965 г., оп. 1, д. 1, л. 3).

⁶ ТВНИИДАД, т. 10, с. 234; см. также: *Введенский А. А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР (дипломатика). Киев, 1963, с. 215.

⁷ Руководство по делопроизводству волисполкомов. 1-е изд. / Под ред. Ю. А. Тиличева, И. Н. Икономова, Г. И. Соловьева. М., 1923. Вып. 1.

⁸ Его адресование волисполкомам объяснялось как общей отсталостью села, так и перегрузкой центрального административного аппарата.

и докладные записки; донесения). Сюда же отнесены открытое письмо и почтовая карточка — для кратких сведений полуофициального характера; предусмотрена возможность краткого ответа на бумаге отправителя;

2) бумаги, служащие личным целям (удостоверения — командировочные, служебные и другие, свидетельства, доверенности, расписки);

3) бумаги, отражающие события (акты, записи), ведомости;

4) бумаги, удостоверяющие принятие решений собраний, коллегиальных органов (журналы заседаний, протоколы), выписки из них, приложения к протоколам.

«Руководством» 1923 г. утверждались новые, демократические правила и критерии составления документации: ясность, краткость изложения, без формул чиновничества и обращений («покорнейше прошу», «честь имею сообщить» и т. п.). Видам документов не свойственна иерархичность в адресовании. Фамилии лиц, упоминаемых в тексте, должны были обязательно сопровождаться инициалами (или полным именем и отчеством); употребление сокращений слов и наименований ограничивалось и допускалось только для общеизвестных и общепринятых⁹. Аналогичную точку зрения высказал член коллегии Наркомата юстиции П. А. Красиков в своей записке в Управление делами СНК от 11 декабря 1922 г. Выступая против употребления в тексте постановлений СНК сокращенных названий учреждений и их отделов (ГУС, Главсоцвос и др.), он писал, что сокращения делают «декреты и постановления для широких слоев населения мало понятными», затрудняют работу по их опубликованию в «Собрании узаконений», так как требуют расшифровки¹⁰.

Предпринятая в «Руководстве» попытка дать классификацию создающихся в делопроизводстве документов основывалась на установлении их информативной значимости и целевой направленности. Описание формуляров давалось с учетом необходимой документационной техники, в сочетании с новой социальной значимостью. Иными словами, делопроизводственные документы получали характеристику, в которой отразились новые общественные отношения наряду с элементами традиции создания и оформления делопроизводственных документов. Так, отношения, доклады, официальные письма и служебные записки составляли группу «бумаг непосредственной переписки»; удостоверения, свидетельства характеризовались как документы, «служащие личным удостоверением»; акты, записки — как документы, «отражающие события»; журналы заседаний, протоколы определялись как документы, «удостоверяющие принятые решения собраний коллегиальных органов или отражающие прения и постановления таковых»¹¹. Давались и отдельные определения каждой разновидности документа с характеристикой элементов его оформления. Отношение определялось как «письменное обращение учреждения или должностного лица к другому учреждению или лицу, носящее официальный характер»; для отношения и письма предусматривалось использование бланка или углового штампа. В письме же в отличие от отношения предлагалось обращение под указанием адресата «уважаемый товарищ» и перед подписью — заключительная фраза — «с товарищеским приветом»¹². Эта социальная акцентировка вполне понятна для документов первых послереволюционных лет, в особенности для такого традиционного элемента документов, как его формуляр.

Рекомендации «Руководства» свидетельствуют о сохранении нескольких видов документов одного (или близкого) целевого назначения. Наряду с отношением выступали письмо, служебная записка и официальное письмо; наряду с заявлением — просьба и прошение. В этом можно усматривать следствие и прямое отражение стойкости традиций документирования.

⁹ Руководство..., с. 52.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 31, д. 27, л. 217.

¹¹ Руководство..., с. 47.

¹² Там же, с. 59, 66.

«Руководство» зафиксировало и технику оформления документов. В целях экономии бумаги (напомним о бумажном голоде в стране в этот период) — использование 1/4 писчего листа с заполнением обеих его сторон текстом. Особое внимание обращалось на правильность оформления и расположения текста и реквизитов документа (обозначения отправителя, адресата, их адреса, дата, исходящий номер, подпись, печать, типографский бланк или угловой каучуковый штамп), а также резолюций. Подчеркивалась юридическая значимость отдельных видов документов, удостоверяемых гербовой печатью, приводились описание видов такой печати (металлические — оттиск сургучный, каучуковые — оттиск мастичный) и правила их применения; указывалась обязательность соответствия названия учреждения на угловом штампе и печати, а также порядок расположения на ней надписи и изображения герба. Детально освещены в «Руководстве» процесс создания отпусков, дубликатов (копий), порядок подписания документов, указаны приложения, справки, основания, состав резолюций. В зависимости от содержания документов рекомендовались резолюции: «К делу», «К исполнению», «К сведению», «К руководству», «К разъяснению», указывалось также, что «в случае надобности пишется, как должна быть исполнена бумага или текст ответа на нее». Разъяснялся и порядок записей об исполнении (например, ответ исполнителя пишется под резолюцией)¹³.

Если сравнить рекомендации «Руководства» с аналогичным изданием дореволюционного времени — «Письмоводством в волостных правлениях»¹⁴, то выяснится со всей очевидностью, что в практике перестройки делопроизводства с преимущественным успехом был решен вопрос о предмете документирования («что документируется?»). Это был прямой ответ на новые социальные задачи делопроизводства. Ответ на вопрос «как документировать?» был связан со значительно большими трудностями, поскольку в нем должно было найти отражение соотношение новых задач делопроизводства с традициями документирования.

Пример «Руководства» 1923 г. — свидетельство сложностей такой перестройки, сказавшихся в сохранении однотипных видов документов, перегруженности этапов их прохождения, слабости контроля исполнения.

Реальная картина состояния делопроизводственной документации существенно дополняется архивными материалами. Наблюдения, сделанные по фондам уездных и волостных учреждений¹⁵, показывают, что в их делопроизводстве 1917—1922 гг. встречались следующие разновидности документов: заявления, прошения, жалобы (три — одного целевого назначения); удостоверения, доверенности; расписки; приговоры (решения), протоколы, резолюции, постановления, акты (пять — одного целевого назначения); отношения, приказы, предписания, донесения, рапорты, сводки, доклады; докладные записки и письма; сведения (отчетные); аттестат (характеристика); списки; резолюции (собраний), а также препроводительные записки, журналы заседаний.

С одной стороны, эти разновидности как будто бы служат прямым подтверждением рекомендаций «Руководства». Но с другой, — и в этом заключается сложность вопроса — самоназвание документа (т. е. обозначение разновидности в тексте самого документа) не всегда соответствует его разновидности (по содержанию и целевому назначению). Так, «боевой приказ» военно-революционного комитета Замоскворецкого района г. Москвы на выдачу т. Рыбакову грузового автомобиля, по существу, есть не что иное, как доверенность¹⁶. Но в данном документе от 30 октября 1917 г., созданном в условиях вооруженного восстания, формуляр «боевого приказа», заготовленный, видимо, заранее, имеет существенное значение для характеристики документа. С самоназванием «протокол»

¹³ Руководство..., с. 29, 32, 34—36 и др.

¹⁴ Письмоводство в волостных правлениях / Сост. С. Я. Пакидов. СПб., 1913.

¹⁵ ЦГАМО, ф. 678, 690, 719, 2253, 2452; ЦГАОР г. Москвы, ф. 2329.

¹⁶ ЦГАОР г. Москвы, ф. 2329, оп. 1, д. 2, л. 14.

60

*Приговоры
1918 года. Января 23 дня*

*Мы ниже подписавшие урядове
деревни Бродина бывшего числа
населенная сходы из числа 20ти
домохозяев вприисствии писмо
сельского председателя С.А.Винова
имели суждение обидоре в
Волоколамской уездной агроно-
мительной Комитетом по сове-
товому между собой едино
гласно постановили изобрести
Короткостина Василия
Винова которому доверены
Обществу являясь на собрание
вести дела которые бы
наблюдал народ побуждаят
ипочти личный предвзято
изажия Параскева М.Винова
Анна Михайловна Анна
Степановна Ефим Федоров*

Делопроизводственный документ —
приговор сельского схода

этот признак для заявлений, прошений¹⁹. В значении протоколов часто выступают акты, резолюции, традиционные приговоры («мирские приговоры») ²⁰. Характерны многочисленные виды военной документации (рапорты, приказы и др.).

Рассматривая вопросы перестройки делопроизводства, необходимо постоянно иметь в виду тот общегосударственный подход к их решению, который проявился с первых лет Советской власти. Законодательные меры 1918—1920 гг. были направлены на утверждение новых общественных основ и принципов делопроизводства: определение функций советских учреждений, борьба с волокитой, привлечение трудящихся к управлению, а также приобщение делопроизводства к общекультурным достижениям (централизация архивного и библиотечного дела, введение нового календаря). Особыми декретами 1918 г. традиционным элементам оформления документа — бланку и печати было дано новое социальное содержание. Демократизации делопроизводства способствовали также декреты об отмене сословий и чинов, введении новой орфографии и др.²¹ Вместе с тем законодательство не устанавливало специально видов документации в делопроизводстве; они определялись в связи и в соответствии с конкретными управленческими функциями. Подобная постановка вопроса открывала возможность творческого подхода к традициям документирования.

¹⁷ ЦГАМО, ф. 2452, оп. 1, д. 3, л. 10, 186.

¹⁸ Там же, ф. 2253, оп. 1, д. 6, л. 110.

¹⁹ Об этом косвенно свидетельствует, в частности, большое число «формуляризованных» копий заявлений — входящих документов, которые составлялись и заверялись секретарем учреждения (ЦГАМО, ф. 690, оп. 1, д. 1).

²⁰ См., например: ЦГАМО, ф. 678, оп. 1, д. 30, л. 2; д. 6, л. 70; ф. 690, оп. 1, д. 1, л. 10, 15.

²¹ Подробнее см.: Тамм И. Е. Становление советского государственного делопроизводства, 1917—1923 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1975, с. 16.

№ 9. 48
Протокол: 1922 год Мухомовское
Мн. Браздане села Мухомовское Могилевской губ.,
напр. Доминика уез. Мухомовский волостной
Собр. на отделе Сводный изборил пред. Работы
Секр. Ф. Морозова

Открытие дела
1. отвозке Семьян Бурисвилл путин

1. с. Суминой
отвозке Семьян
Бурисвилл путин.

Посоветовавши между собою
и обсудив этот вопрос.
Семейный вопрос инициативной
это виду распутания ехать
Нельзя невозможно если бы
Меня там Мухомовские
бы радостно Сводились
Но все же Нина Бразданова
Неотжидано Нурман

Секретарь Ф. Морозов
Председатель
Совета Н. Браздан

Делопроизводственный документ — протокол общего собрания

В 1923 г. В. И. Ленин не случайно анализировал трудности осуществления «канцелярской реформы»; идея реорганизации делопроизводства именно таким путем — принятием одного специального законодательного акта — выдвигалась не раз в 1918–1921 гг. Однако проекты, порожденные потребностями перестройки делопроизводства, базировались на дореволюционном или зарубежном опыте, оценивавшемся авторами субъективно, без критического анализа и учета многих реальных факторов. Тенденция декретировать общее положение по делопроизводству в 1921 г. была отвергнута Совнаркомом, и констатировалось, что вопрос не подлежал решению в законодательном порядке²².

Более плодотворной оказалась развивавшаяся параллельно тенденция выявления и обобщения коллективного опыта, проверка методов делопроизводства и, в частности, документирования. Она поддерживалась и развивалась в деятельности Совнаркома, ВСНХ, ЦК РККИ, НКВД, Паркомата по военным делам (Паркомвосна), других центральных ведомств, профсоюза совработников²³. Эта деятельность в своих истоках исходила из указаний Коммунистической партии об активном участии членов партии в управленческой, в том числе канцелярской, работе, особенно на местах²⁴.

²² О подобных проектах см.: Тамм И. Е. Первые страницы истории советского делопроизводства: (Публ. документов). — СА, 1968, № 6; Она же. Из истории становления советского делопроизводства: (По материалам 1921 г.) — АЕ за 1969 год, М., 1971; Прошиков М. И. К начальной истории советского делопроизводства. — АЕ за 1970 год, М., 1971.

²³ Подробнее см.: Тамм И. Е. Материалы ЦК профсоюза совработников по истории делопроизводства в первые годы Советской власти. — АЕ за 1971 год, М., 1972.

²⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 45, 137, 173–174, 190.

Практические методы совершенствования делопроизводства, применявшиеся в различных учреждениях в рассматриваемый период, получили впоследствии название «ведомственной рационализации и унификации». В основе развития этих работ лежало принятое 23 июля 1918 г. «Постановление о праве народных комиссариатов самостоятельно разрешать вопросы, касающиеся их внутренней организации»²⁵. Приказы и инструкции по отдельным наркоматам содействовали введению единообразия, реализации новых требований к документам. Так, в НКВД в ноябре 1918 г. распоряжением (за подписью Г. И. Петровского) по отделу местного управления давалось разъяснение о значении протоколов с приложением образца заполненного текстом формуляра и инструкции. Оперативная роль протокола предусматривалась особой графой формуляра «отметка об исполнении» (дата, номер и параграф протокола, фамилия исполнителя). Тогда же в НКВД начали разрабатывать схемы периодической отчетности местных советов, формы документации отделов загс²⁶. Такой работе сопутствовали необходимые разъяснения о значении канцелярского дела; не надо забывать, что громадное большинство членов местных исполкомов имели (по данным 1922 г.) низшее образование, а волисполкомов — даже 94,4%²⁷.

Унификация делопроизводственных документов в целом основывалась на требованиях краткости, содержательности, отказе от излишнего переписывания документов. Так, в ряде специальных приказов по Наркомвоену 1919 г. говорилось о препровождении в высшие инстанции только обоснованных документов, либо подлинников с соответствующими надписями, либо обработанных в виде «исчерпывающих мотивированных докладов в возможно краткой и определенной форме», причем с формулировкой мнения об обязательности сводок исполнения и о выявлении причин и методов устранения дефектов делопроизводства²⁸.

В ВСНХ в 1918—1919 гг. разрабатывались унифицированные формы документов для учета национализированных предприятий, заготавливались формуляры протоколов, учитывалось различное целевое назначение документа, например мандатов (с различным порядком подписей)²⁹. К началу 1922 г. относится попытка определения в ВСНХ видов управленческой документации по их значимости: бумаги «юридически-принципальные» (доклады, представления, договоры, инструкции, положения, приказы, циркуляры, мандаты и удостоверения «особой важности» и другие, «выражающие то или иное административное правомочие»); «денежно-материальные» документы; корреспонденция, в том числе отношения запросного, ответного и препроводительного характера, циркуляры и удостоверения «справочно-осведомительного характера». Изготавливались трафаретные бланки³⁰. В НК РКИ структурными подразделениями в 1920—1921 гг. вырабатывались и вводились типовые формы отчетности, мандатов, удостоверений³¹.

Однако следует учитывать большую подвижность этих форм, что, в сущности, явилось отражением самого процесса рационализации, в ходе которого шел отбор наиболее соответствующих требованиям времени (в конце 1921 г. формы мандатов и удостоверений в НК РКИ вновь пересматривались)³². Критически оценена была, например, инструкция о делопроизводстве по личному составу (1922 г.), из нее было признано

²⁵ ДСВ. М., 1964, т. 3, с. 83—84.

²⁶ Власть Советов, 1918, № 26—29.

²⁷ Советы, съезды Советов и исполкомы: Материалы к изучению советской системы управления. М., 1924, с. 77, 112, 130—131.

²⁸ Известия Наркомата по военным делам, 1919, № 41, с. 2; № 43, с. 2.

²⁹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 10, д. 40, 41.

³⁰ Сборник инструкций по делопроизводству наркомата ВСНХ СССР. М., 1924, с. 25.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 4085, оп. 1, д. 13, л. 43—44; д. 122; д. 133, л. 62; оп. 2, д. 929, л. 109; оп. 11, д. 44, л. 20—27; см. также: Приказы по НК РКИ, 1920—1921 гг. М., [1920—1921]. Т. 1, 2, б. паг.

³² ЦГАОР СССР, ф. 4085, оп. 11, д. 207, л. 15.

целесообразным взять рекомендации некоторых типовых форм³³. Вместе с тем большое внимание ведомственная рационализация уделяла вопросам краткости, отказа от излишнего документирования, формальной переписки (приказы по НК РКИ от 19 ноября 1920 г.; 19 и 23 октября 1921 г.)³⁴.

Подводя итоги рассмотрению опыта ведомственной рационализации, можно сказать, что разработка видов делопроизводственной документации шла параллельно с основным направлением перестройки делопроизводства в соответствии с задачами советского госаппарата — приданием ему действенного, экономного характера. Показательно, что I Московская инициативная конференция по нормализации техники управления в 1922 г. не высказалась определенно о видах документации, характере и способах фиксации управленческих действий. Тем самым подтвердилась позиция накопления практического опыта, который давал бы возможность не забывать «за формами и правилами самого главного — конкретного работника, конкретный быт»³⁵.

Подобный же результат имел и объявленный в 1921 г. профсоюзом соработников конкурс на лучшее пособие по делопроизводству. Ни одно из них не было признано абсолютно удовлетворительным, но конкурс послужил стимулом и дал исходный материал для работ по совершенствованию делопроизводства.

Благодаря конкурсу (да и помимо него) в рассматриваемый период возникла большая методическая литература — пособия сугубо прикладного характера, отразившие особенности состояния делопроизводства. При всем обилии и многообразии этой литературы в ней можно выделить три основные группы: 1) руководства традиционного типа, рассматривающие виды и формуляры документов; 2) руководства, ставящие своей основной целью рационализацию документооборота и слабо освещающие «формальные» признаки документов; 3) руководства «синтетического типа». Пособия первого типа³⁶ были основаны в целом на дореволюционных образцах; рекомендовали большое число видов документов (с их обозначением и образцом формуляра): протоколы, удостоверения, мандаты, рапорты, предписания, предложения, циркуляры, инструкции, доклады, запросы, отчеты, сводки и т. п., а также ведение регистрационных журналов, книг приказов, личных дел. Руководства второго типа³⁷, как правило, ограничивались упоминанием двух-трех видов документов, не давая их детальной характеристики. Пособия третьего типа немногочисленны; наиболее интересна из них изданная Управлением уполномоченного НК РКИ Дальнего Востока книга «Практические достижения отдела по улучшению госаппарата» (Предисл. М. Целищева. Чита — Владивосток, 1924). В ней на основе предварительного учета делопроизводственной практики устанавливались стандартные формуляры приказов, циркуляров, сношений, служебных записок, уведомлений, трафареты на удостоверения личности, напоминания и др.

В литературе более позднего периода также можно найти ряд прямых и косвенных указаний о классификации делопроизводственных документов. Рассмотрим «Правила издания документов советского периода» (М., 1960), разработанные Главархивом СССР на основании специальных инструкций по подготовке серийных изданий (например «Великая Октябрьская социалистическая революция»), опыта ЦГАОР СССР, ЦГАСА, ИМЛ при ЦК КПСС, Института истории АН СССР,

³³ Там же, д. 225, л. 2—18 об.

³⁴ Там же, оп. 1а, д. 556, л. 13—13 об.; Приказы по НК РКИ, 1920—1921 гг., т. 2.

³⁵ Первая Московская инициативная конференция по нормализации техники управления, 21—23 сентября 1922 г. М., 1922, с. 40.

³⁶ Например: *Васильев В. А.* Основы административного делопроизводства. Ростов н/Д, 1922.

³⁷ Например: *Майзельс-Рафимов Р. С.* Организация делопроизводства и канцелярии. М., 1921; *Петкевич И. Ю., Петкевич Н. В.* Русская система упрощенного делопроизводства. Пг., 1923.

других научных и архивных учреждений. Редактирование «Правил» было осуществлено С. Н. Валком. Вопросам, касающимся заголовков, отведены пункты с 35 по 74 раздела III «Археографическое оформление», из них более 20 относится к делопроизводственным документам. Пункты 45 и 46 содержат наиболее важные указания: «При определении разновидности документа следует исходить из *классификации документов*³⁸ данного периода»; «Для определения разновидности документа необходим *анализ формы и содержания документа и сравнение его с аналогичными* по содержанию и форме документами. При этом всегда следует учитывать возможность попасть в группу классифицируемых, отнесены последовательно как «характерные»: постановления, распоряжения, предписания, обращения, воззвания, указы, циркуляры, протоколы, резолюции, заявления, доклады, докладные записки, письма, сводки, удостоверения, договоры о соцсоревновании, анкеты и многие другие. «Бесспорно» установленное составителями неправильное самоназвание документа должно быть заменено составительским заголовком «с оговоркой в подстрочном примечании ошибки документа». Далее подчеркнута особая осторожность, необходимая для публикации документов первых лет Советской власти, когда отсутствует «строгое разграничение разновидностей и аналогичные документы называются по-разному: приказ — постановление; отчет — доклад — очерк, инструкция — положение; сводка — обзор; донесение — сообщение». В качестве примера приводится заголовок документа «Приказ Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики», замененный составителями на «Постановление...». К изложенному можно добавить, что в этих указаниях содержится существенный принцип: объединение близких разновидностей документов по их целевому (функциональному) назначению и в то же время разграничение этих разновидностей по их формуляру, компетенции учреждения — создателя документов. В частности, документ, квалифицированный как «Постановление», вероятно, не имел необходимой формулы со словом «приказываю», а состоял из преамбулы и постановляющей части, что характерно для этого вида документа, создающегося в делопроизводстве органов власти.

Подробно характеризуется делопроизводственная документация советских учреждений и организаций в написанной М. Н. Черноморским 28-й главе учебника «Источниковедение истории СССР» (Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973). Отмечая слом бюрократической системы канцелярского делопроизводства учреждений в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, утверждение демократических основ его ведения в новых советских учреждениях, автор констатирует в то же время «многообразие форм его ведения»³⁹. Разработанная далее для задач источниковедения классификация исходит из содержания последовательной деятельности учреждений на основе принципа демократического централизма. Так, выделяются пять групп документов: характеризующие задачи, компетенцию и род деятельности; освещающие процесс выработки, обсуждения и принятия основных указаний о направлении деятельности; постановления и решения руководящих органов или руководителей; документы, освещающие ход выполнения решений руководящих органов или руководителей; освещающие итоги деятельности. В свою очередь, деления внутри этих групп основаны на функциональной роли разновидностей документов в фиксации различных составных частей деятельности учреждений. Понятно, что при таком делении некоторые виды документов в разных группах повторяются, поскольку выполняют сходные функции. К документам первой — третьей групп отнесены следующие: положения (нормативные акты об основах работы учреждения); протоколы и стенограммы, решения и проекты решений, стенографические отчеты (процесс выработки и при-

³⁸ Курсив наш. — И. Т.

³⁹ Источниковедение истории СССР, с. 464.

нения решения по вопросам деятельности учреждения); попутно характеризуются сопутствующие документы — приложения к протоколам (тезисы и тексты докладов и др.), а также отмечаются существенные признаки формуляров протокола, оценивается их неполнота как признак документов первых лет Советской власти. В третьей группе указаны руководящие документы — резолюции, решения и постановления высших органов (коллегий, президиумов) учреждений и организаций, направляющие усилия трудовых коллективов.

Материалы четвертой группы — текущей деятельности учреждений — состоят, во-первых, из организационно-распорядительной документации: протоколов заседаний, приказов, циркуляров, распоряжений, инструкций. Автор дал определение приказов — распоряжений руководителя, «обращенных к подчиненным и требующих выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил и устанавливающих определенные порядки», рассмотрел формуляр приказа (констатирующая часть, ее содержание, распорядительная часть) и дал определение распоряжения (документ «приказного» характера, но «разового», оперативного действия), инструкции. Во-вторых, определен круг и дана характеристика видов исполнительной документации: докладные записки, справки, сводки, обзоры, заключения, материалы обследований, ревизий, протоколы и решения временно созданных комиссий, письма трудящихся с жалобами и предложениями и материалы по ним, акты и др. Все они дают представление о решении вопросов текущей деятельности или содержат обобщающие сведения о ней. Особо рассмотрена образующаяся в ходе деятельности переписка: письма-запросы, письма-ответы, сопроводительные письма; телефонограммы. Поскольку она освещает все стороны повседневной деятельности, касаясь контроля и проверки исполнения, разъяснений по запросам, оперативных указаний, рассмотрения жалоб и предложений и т. п., ее материалы тесно взаимосвязаны. Как справедливо подчеркивал Черноморский, переписка должна изучаться исследователями как особый, последовательно сложившийся комплекс, начиная с инициативного документа.

Основным видом итоговой документации является отчетная, которая, в свою очередь, подразделяется на сводные обзоры (всех сторон деятельности учреждения), отчеты о текущей деятельности или выполнении конкретных мероприятий. Другой вид обобщающей документации — статистические итоги, составляющиеся по специальным формам, разработанным ЦСУ. Значительную группу в делопроизводстве составляют материалы по личному составу: анкеты и др. Автор рассмотрел виды документации, характерные для делопроизводства общественных организаций (например, уставы), отметил общность многих из них с делопроизводством учреждений.

В целом классификация, предложенная Черноморским, охватывает традиционные виды делопроизводственной документации, не касаясь их особенностей, характерных для первых лет Советской власти. Однако достаточно очевидно, что при таком подходе к материалу длительного хронологического периода четко просматривается историческая преемственность разных видов документации в делопроизводстве, их градация в зависимости от целевого назначения и одновременно — насыщенность новым социальным содержанием.

Сложность решения вопроса о разновидностях делопроизводственных документов и, следовательно, их классификации подтверждает единственная археографическая работа, касающаяся делопроизводственных документов XIX — начала XX в., — пособие А. А. Шилова, изданное в 1939 г.⁴⁰ Оно содержит противоречивые высказывания по этому вопросу. С одной стороны, для дореволюционного делопроизводства автор дает перечень 12 разновидностей (не претендующий, по его словам, на пол-

⁴⁰ Шолов А. А. Руководство по публикации документов XIX и начала XX в. / Под ред. Г. Костомарова. М., 1939.

ноту), а для советского — исходит из пособия 1925 г.⁴¹, по которому разновидности «упрощены», разделены на две группы (бумаги внешнего и внутреннего обращения), включающие, в свою очередь, 11 разновидностей. При этом почти половина из них — циркуляры, приказы, доклады, письма, отношения аналогичны дореволюционным⁴². С другой стороны, Шилов сделал важные замечания о том, что «делопроизводственная, характерная для каждой эпохи терминология должна быть строго выдержана в заголовках документов», определение же разновидностей документов должно проводиться на основе анализа формуляра и делопроизводственных особенностей, а также анализа содержания документа, совокупности внешних признаков (обращение, подпись), самонаименования, обозначения в архивной описи, иерархичности, упоминаний и ссылок на другие документы («в ответ на ваше...» и т. п.)⁴³. В справедливости этого высказывания не приходится сомневаться. Доказательством тому служит выявление развивающейся в последние годы в археографии тенденции — давать в публикации собственный заголовок документа⁴⁴.

Подобная тенденция порождается, с одной стороны, стремлением приблизить археографический заголовок к эпохе, а с другой, по-видимому, недостаточной изученностью самих разновидностей делопроизводственных документов, особенностей делопроизводственного оформления в каждом конкретном случае. Между тем именно такое исследование и поможет приблизить к эпохе археографа и историка. Статья В. В. Журавлева о текстах первых декретов Советской власти⁴⁵ приводит к новым выводам о статусе и деятельности отдела законодательных предположений Наркомата юстиции, сделанным на основании детального разбора текста одного из протоколов и его атрибуции по самоназванию документа, а также анализа листа исполнения протокола, где имеется дата.

Рассмотренные материалы позволяют сделать некоторые общие выводы о наличии в первые годы Советской власти следующих разновидностей делопроизводственной документации (в соответствии с их функциональной ролью в работе учреждений):

Что документируется (функция учреждений)	Как документируется (разновидность документа)
Статус учреждения, порядок его работы	Положение, наказ
Обсуждение вопросов	Протокол, стенограмма, журнал заседания
Принятие решений	Постановление, резолюция, приговор
Распорядительная	Инструкция, приказ, циркуляр, предписание, распоряжение
Исполнительная	Доклад, докладная записка, донесение, рапорт, представление, сводка, обоснование, соображение, заключение
Контроль исполнения	Лист (и карточка) исполнения, контрольные записи
Планирование } Отчетность }	План, программа, отчет, сводка
Выяснение, учет мнений	Анкета, опросный лист
Обжалование, правотворчество, просьба	Жалоба, заявление, требование, ходатайство, прошение
Организационная работа	Уведомление, повестка заседания, напоминание, приглашение
Удостоверительная функция	Мандат, удостоверение, справка, пропуск, ордер, расписка
Деловая переписка	Отношение (сношение), служебная записка и письмо, препроводительное письмо
Акт сделочно-хозяйственного характера	Договор

⁴¹ *Майзельс-Рафимов Р. С.* Руководство по делопроизводству. М.; Л., 1925.

⁴² *Шилов А. А.* Указ. соч., с. 57—58.

⁴³ Там же, с. 58—59.

⁴⁴ ТВНИИДАД, т. 10, с. 236.

⁴⁵ *Журавлев В. В.* К вопросу о публикации и хранении архивных текстов первых декретов Советской власти.— АЕ за 1978 год, М., 1979, с. 155—162.

Конечно, список не претендует на исчерпывающую полноту и не содержит вновь «открытых» видов документов — все они хорошо известны исследователям, архивистам, археографам⁴⁶. Однако еще мало изучены их принадлежность к рассматриваемому периоду, сфера и особенности их применения в каждом конкретном случае, признаки внутривидовых различий и отличий между разновидностями близкого или одного целевого назначения, а именно эти обстоятельства важны для составления заголовка при публикации.

Приведем несколько примеров. В случае, если публикаторами «наименование источников в заголовке определялось их формой и содержанием»⁴⁷ (а не самоназванием!), естественно было бы ожидать более строгого анализа этих признаков документа. Однако документ, названный протоколом, лишен текста обсуждения вопросов, а содержит только постановления по 23 пунктам; скорее это постановления⁴⁸. Впрочем, вопрос о характере протоколов рассматриваемого периода также нуждается в дополнительном исследовании с учетом особенностей канцелярии, авторства и т. п. Протокол мог быть лишен четкого формуляра, деления на графы или пункты «слушали» — «постановили», но содержать информацию об обсуждении и постановлении, мог быть кратким, в форме пересказа событий или приближаться к стенограмме⁴⁹. В случае, если документ не содержит изложения обсуждения, а имеет только вторую, постановляющую часть, целесообразно, видимо, назвать его резолюцией или постановлением, даже если его самоназвание — «протокол»⁵⁰.

К настоящему времени практика давать в археографическом введении изложение принципа составления заголовков весьма ограничена; это создает разноречивые и дополнительные трудности в выработке методики. Нет подобных указаний и в почти полностью состоящем из делопроизводственных документов тематическом сборнике «Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии (янв. 1918 г. — апр. 1919 г.)» (Под ред. Д. А. Чугаева. Элиста, 1973). Ознакомление с ним порождает ряд соображений о характере заголовков. Документ № 3 назван *приговором*⁵¹ сельского совета; в нем есть указание о числе присутствующих: «Крестьян 525 душ. Калмыцкого народа 500 душ. Бывших на сходе лично 68». Далее следует: «Мы, нижеподписавшиеся граждане... прибыв сего числа на общее собрание... имели обсуждение... единогласно постановили». Заголовок вызывает сомнение: хотя самоназвание документа отсутствует, за «приговор» говорят подписи присутствовавших, но это приговор сельского схода или общего собрания, а не сельского.

Не везде четко проводится принцип определения разновидности документов. Так, под № 51 помещен «*Протокол* народного собрания Багацохуровского улуса» от 30 июля 1918 г. (г. Енотаевск); вначале указаны фамилии избранных собранием председателя, переводчика и секретаря. Протокол краткий, состоит из 12 пунктов, расположенных по формуляру «слушали» — «постановили». Документ же № 55 от 10 сентября 1918 г. с аналогичным расположением текста (вел один секретарь), состоящий из 21 пункта, озаглавлен «*Постановление* улусного народного собрания Багацохуровского улуса».

Большого внимания археограф заслуживают самоназвание документа, а также те формулы текста, которые должны помочь в определении разновидности документа (с оговоркой, что документ составлен квали-

⁴⁶ См., например: Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. При ознакомлении со словарем обращает на себя внимание резкий контраст: подробно определяются многочисленные виды документов средневековья и нового времени и очень бегло, кратко характеризуются документы советского периода.

⁴⁷ Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1977, с. 19.

⁴⁸ Там же, с. 517—521, док. 540.

⁴⁹ Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы: В 3-х т. М., 1966, т. 2, док. 1, 3, 702, 703 и др.

⁵⁰ Там же, док. 1388.

⁵¹ Здесь и далее курсив наш. — И. Т.

фицированным делопроизводителем). Например, в том же сборнике документ № 94 назван отношением, в его тексте сказано: «...в ответ на отношение за № 267 ... настоящим *разъясняет*...». В данном случае изложение имеет сугубо разъяснительный характер — это ответ на отношение-запрос; правильнее дать такой заголовок: «*Разъяснение* инструкторского подотдела Астраханского губернского земельного отдела земельному отделу Калмыцкого исполкома о критериях определения эксплуататорских элементов». «Докладной запиской» (№ 241 от 6 февраля 1919 г.) назван документ, заканчивающийся фразой: «О получении сего *донесения* благоволите сообщить», и содержащий информацию о тяжелом положении в улусе в связи с отступлением военных частей через его территорию. Вернее было бы и определить этот документ как донесение. Сомнение вызывает заголовок документа № 263 от 29 апреля 1919 г. «Из отношения Центрального Калмыцкого комиссариата по военным делам Астраханскому губернскому военкомату о необходимости укомплектования улусных военкоматов и конных сотен местного назначения командными кадрами» потому, что в нем речь идет о действиях «срочного порядка», о представлении ранее *докладов* по тому же вопросу. Подписан он военным комиссаром. Документ было бы вернее назвать рапортом.

Делопроизводственные документы, составленные в канцеляриях штабов, делопроизводителями и писарями войсковых частей и соединений, следует отметить особо. С учетом специфики подобной документации еще в 1959 г. (в целях дополнения «Правил издания исторических документов». М., 1956) совместными усилиями ГАУ МВД СССР и ЦГАСА была разработана и издана специальная «Инструкция по археографической обработке документов периода гражданской войны в СССР». В ней были отмечены два критерия при установлении разновидности документа: 1) соответствие существующей классификации документов для данного периода; 2) соответствие установившейся терминологии самих документов. Важно, что инструкция содержала перечень 36 разновидностей документов, правда без определения (характеристики) каждой из них. Этот перечень мог бы составить основу для дальнейшей разработки видовых и внутривидовых характеристик по мере изучения военной делопроизводственной документации, при составлении рабочих инструкций, подготовке новых публикаций.

Вводные статьи к сборникам военной документации, изданным значительно позднее инструкции, приводят лишь самые общие сведения о разновидностях публикуемых документов⁵². В них содержатся либо краткое указание о том, что «название документов в заголовках устанавливается по их форме и содержанию», либо ссылка на общие правила публикации. Ознакомление с заголовками выявляет опять-таки затруднения, связанные с определением разновидности. Так, документы, содержащие в своем тексте слова *уведомляет*, *предписывает*, *просит*, *ходатайствует*, обозначены в заголовках как отношения⁵³, а не уведомления, предписания и др.

Приведенные примеры убеждают в необходимости тщательной работы с текстом документа, внимания к формальным его признакам, тесно связанным с содержанием.

Конечно, разработка методики определения разновидности делопроизводственных документов первых лет Советской власти должна не только исходить из общей классификации этих документов, но и конкретизировать эту классификацию, учитывая опыт публикации определенных групп документов⁵⁴.

⁵² Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 г.— март 1918 г.: Сб. документов / Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1973, с. 9—10; Военно-морской революционный комитет: Сб. документов. Л., 1975, с. 15.

⁵³ Военно-морской революционный комитет, док. 158, 369, 371, 388.

⁵⁴ Учет традиции публикации для материалов ЦГАВМФ отмечен археографами: Военно-морской революционный комитет, с. 16.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что можно говорить о классификации делопроизводственных документов первых лет Советской власти, основанной на традиционных видах этих документов, насыщенных новым социальным содержанием и порожденных новыми задачами работы учреждений. Эта классификация сложилась исторически и осмысливалась уже в первые годы Советской власти в связи с практическими потребностями работы учреждений (о чем свидетельствуют рассмотренные выше инструкции, приказы и пособия) и впоследствии в связи с источниковедческими, архивоведческими и археографическими задачами. Несмотря на различные цели и критерии подхода к классификационным схемам, можно констатировать повторяемость в этих схемах основных разновидностей делопроизводственной документации, что, в свою очередь, говорит об их устойчивости и подтверждает их наличие в рассматриваемый период.

Представляется, что задачей археографов является дальнейшее накопление опыта непосредственного изучения архивных делопроизводственных документов, создание прочной традиции такого изучения. Фиксация гипсовых формуляров, рассмотрение их во времени и в сравнении с ведомственными инструкциями и другими нормативными актами и документами в пределах ведомств, канцелярий учреждений должны дать богатый материал. Очевидно, местные фонды представят меньшее число строго формализованных документов, дадут примеры большей свободы и специфики их оформления. Последнее обстоятельство особенно важно для делопроизводства национальных республик. Все это позволит создать более полное представление о документах делопроизводства важнейшего периода в истории нашей страны, что отразится и в их публикациях.

З. К. Звездин, Ф. И. Иргашев

О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ ПРОТОКОЛОВ ПРЕЗИДИУМА ГОСПЛАНА

В 1979 г. вышел в свет сборник документов «Протоколы Президиума Госплана за 1921—1922 годы»¹, подготовленный совместно Госпланом СССР, Институтом истории СССР АН СССР, Главархивом СССР, ЦГАНХ и НИЭИ при Госплане СССР.

Протоколы Президиума Госплана являются одним из важнейших источников по широкому кругу вопросов истории советского общества. Они содержат сведения по истории народнохозяйственного планирования, разработки экономической политики Советского государства, состояния народного хозяйства, науки, культуры, социальных процессов. Ценность протоколов во многом увеличивается благодаря их прекрасному оформлению и подробным записям. В этом отношении протоколы Президиума Госплана не имеют себе равных среди других аналогичных документов советских учреждений. Достаточно отметить, что прения по всем основным вопросам подробно записывались уже с октября 1921 г. С 1922 г. по этим вопросам в состав протоколов включались стенограммы обсуждений (с 1925 г. они формировались в отдельные дела). Характер записей протоколов обусловил их большой объем, возраставший в связи с усложнением работ Госплана. Если за 1921 г. общий объем протоколов составляет около 50 печ. л., то за 1922 г.—около 100 печ. л., за 1923 г.—около 150 печ. л. Лишь после 1925 г. наметилось некоторое уменьшение объема протоколов за счет выноса стенограмм в отдельные дела и общего упорядочения работы Президиума.

Протоколы Президиума Госплана сохранились полностью с 1921 г. по 1930 г. включительно. Вместе с протоколами подшиты в дела и почти все приложения, за редким исключением.

1921—1922 годы — весьма сложный период в деятельности Госплана — шел процесс становления учреждения, его задачи уточнялись в ходе работы. В то время Госплан был экспертным органом при Совете Труда и Оборона, не имевшим административных функций. Однако на заседаниях Президиума Госплана рассматривались производственные планы важнейших отраслей народного хозяйства, вопросы финансовой политики, методов социалистического хозяйствования, методологии планирования. Организацией и первыми шагами Госплана в 1921—1922 гг. руководил В. И. Ленин. Большой интерес представляет и процесс перехода к новой экономической политике, в котором Госплан принимал активное участие.

Перед составителями сборника встали большие трудности. Общий объем подлежащих опубликованию протоколов без приложений составлял за 1921—1922 гг. около 150 печ. л., что было неприемлемо для издания. Наиболее сложным представлялось добиться оптимального сочетания минимального объема с максимальной сохранностью информационной ценности источника.

Принципы издания строились с таким расчетом, чтобы без существенных поправок они могли быть применены к изданию протоколов Госплана за последующие годы.

Определение исходных положений для отбора материалов является наиболее важным и трудным в деле подготовки документальной публи-

¹ Протоколы Президиума Госплана за 1921—1922 годы / Гл. ред. Н. И. Роговский и др.; Сост. З. К. Звездин, С. Р. Левина, Н. И. Левченко. М., 1979. Т. 1, 2. 47,5 печ. л.

кации. Поскольку Госплан занимался проблемами народнохозяйственного планирования, то именно о них надлежало опубликовать документы в первую очередь, учитывая особенности развития дела планирования. В период перехода к нэпу перед плановыми органами были поставлены задачи постоянно укреплять и расширять сферу действия государственного планового хозяйства, опираясь на социалистические его формы (крупная промышленность, транспорт, финансы, монополия внешней торговли), сознательно и умело осуществлять плановое регулирование всего народного хозяйства путем использования экономических средств и методов (цен, налогов, кредита, накопления материальных фондов и др.) в целях воздействия на мелкотоварное хозяйство, установления экономического руководства им и экономической смычки рабочего класса с крестьянством, ограничения, а затем и вытеснения капиталистических элементов.

В первые годы нэпа планирование народного хозяйства развивалось, по выражению В. И. Ленина, «по кусочкам»², по мере создания необходимых организационных и экономических предпосылок. Поэтому огромное значение имели не только чисто плановые вопросы (например, обсуждение производственных программ), но и актуальные проблемы налаживания работы отдельных отраслей промышленности, финансов, транспорта и т. д. В письмах В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому, в других его работах, в решениях XI съезда РКП(б) были намечены вопросы, от разрешения которых зависело восстановление хозяйства Советской страны³.

В тесной связи с указанными проблемами находятся материалы протоколов, повествующие о выработке экономической политики Советского государства, о борьбе против оппортунистических и буржуазных извращений планового руководства хозяйством, о мерах по развитию науки, техники, о состоянии отдельных отраслей народного хозяйства, экономических районов страны.

С целью сокращения объема сборника были изъяты в первую очередь те части протоколов, которые не касались основной деятельности учреждения. Организационный период, неустановленность делопроизводства и функций структурных частей Госплана, отсутствие до октября Малого Президиума, разбивавшего в дальнейшем организационные вопросы, привели к тому, что в 1921 г. на заседаниях Президиума Госплана рассматривалось много административно-хозяйственных вопросов: оплата труда отдельных сотрудников, предоставление отпусков и путевок, выдача продовольственных и вещевых пайков, проездных билетов, ремонт и распределение помещений, утверждение смет и финансовых отчетов, закупка мебели и канцелярских принадлежностей, распределение литературы. Конечно, эти вопросы говорят об условиях, в которых начинал свою работу главный плановый орган страны. Распределение среди сотрудников мыла, обуви и одежды, миллионные суммы зарплаты иллюстрируют разруху народного хозяйства, инфляцию — те сложные условия, в которых проходил переход к новой экономической политике. Однако эти сведения содержатся и в других источниках, причем в более полном объеме, поэтому могут быть сняты без ущерба для основного содержания.

Другую группу второстепенных сведений составили организационные пункты. К ней прежде всего относились штатные вопросы. Однако они подразделялись на общие (утверждение штатов Госплана или его отдельных структурных частей) и частные (назначение на должность или осво-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 76.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 76, 141—143; т. 43, с. 260—263; т. 44, с. 63—65; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 330, п. 6; см. также литературу: Кржижановский Г. М. Соч. М., 1934. Т. 2; Гладков И. А. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956; История социалистической экономики СССР. М., 1976. Т. 1; Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг. М., 1969; Звездин З. К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. М., 1979; и др.

бождение временных и штатных сотрудников). Если первые подлежали публикации, то вторые опускались полностью.

Несколько более важными для читателей представлялись вопросы, связанные с порядком ведения заседаний Госплана, СТО, СНК и других ведомств, хотя и они по своему значению могут быть разделены на несколько групп. Наименьший интерес среди них вызывают решения Президиума о передаче материалов секциям, подкомиссиям Госплана и другим учреждениям на заключение, на согласование; поручения Президиума соответствующим структурным частям Госплана рассмотреть вопросы и доложить их Президиуму, так как обычно все эти вопросы вновь ставились на заседаниях Президиума Госплана и, поскольку рассматривались по существу, получили отражение в публикуемых протоколах.

Более существенными являются вопросы, связанные с изменением повесток дня заседаний Президиума, — решения о снятии дел с обсуждения, назначения и перенесения дней заседания. В большинстве своем эти переносы были вызваны случайными причинами — неприбытием представителей ведомств, поздним получением документов и т. д. В этих случаях они не публиковались. Но иногда перенос свидетельствовал о сложности вопроса, невозможности быстрого согласования различных точек зрения. Особенно много раз откладывали в 1921 г. вопрос о реорганизации Комиссии использования. Это было связано с тем, что руководитель комиссии Л. Н. Крицман, ориентируясь на жесткое распределение материальных ресурсов периода «военного коммунизма», категорически возражал против использования регулирующей роли рынка в новых условиях перехода к напу. Несмотря на неоднократные переносы, этот вопрос несколько раз рассматривался на заседаниях Президиума Госплана по существу. Каждое решение Президиума приведено в сборнике, а пункты о переносе вопроса сняты.

Третья группа пунктов протоколов — вторичные поручения сотрудникам Госплана сделать доклады на заседаниях СТО, СНК, а также назначения представителей Госплана для участия в заседаниях этих учреждений. Как правило, такие поручения заносились в протокол дважды: первый раз — при принятии развернутого принципиального решения по рассматриваемому вопросу и второй раз — при уведомлении о том, что решение по вопросу отредактировано и будет рассматриваться в СНК или СТО в назначенное время. Нередко, однако, сроки рассмотрения решений Госплана в правительстве переносились по ряду причин, главным образом из-за непредставления материалов другими ведомствами. В настоящем сборнике поручения сотрудникам Госплана об участии в заседаниях СНК и СТО приводятся при публикации принципиального, основного решения. Что же касается действительной даты соответствующего заседания правительства, то такие данные могут быть выяснены по другим источникам, в частности по протоколам СНК и СТО, датам утверждения декретов и т. д.

Наконец, сведения о решениях вышестоящих органов, не относящиеся непосредственно к деятельности Госплана, представляют собой сообщения об утверждении правительством и ВЦИК важнейших декретов, подготовка которых осуществлялась помимо Госплана. Такая информация также не включалась в сборник, как и данные о заседаниях секций и подкомиссий Госплана. Они могут быть выявлены исследователями по публикациям законодательных актов, сообщениям о работе СНК и СТО, протоколам заседаний всех структурных частей Госплана, которые сохранились полностью. Что касается отчетов отдельных секций за полугодие—год работы, то такие материалы, имеющие обобщающий характер, вошли в публикацию.

Таким образом, при определении пунктов протоколов, не подлежавших публикации, в основном принимались во внимание указанные выше критерии, однако решающее значение имела значимость события, постановления для деятельности Госплана и разработки экономической политики в целом. Так, в т. 1 (с. 45—46) как исключение из общего правила пуб-

ликуются полностью поручения Президиума группе руководящих работников Госплана, связанные с обсуждением проекта Наказа от СТО местным советским учреждениям, написанного В. И. Лениным в мае 1921 г.⁴ (см. протокол № 17, п. 4). По тем же соображениям дано в изложении поручение Президиума Госплана подкомиссии плановых предположений текущего года обсудить доклад А. М. Лежавы об организации при Госплане кооперативной секции. Предложение это не было принято и не выносилось в Президиум, однако сама инициатива Лежавы для апреля 1921 г. представляет большой интерес. В том же томе (с. 50) изложено поручение С. Г. Струмилину совместно с Наркоматом финансов разработать вопрос об экономических основах государственного бюджета; назначение представителей Госплана в комиссию, возглавляемую М. И. Калининным, по выработке декрета о районировании (с. 142) и ряд других.

Следует, однако, отметить, что существенного сокращения объема протоколов за счет изъятия его пунктов по указанной тематике удалось достигнуть лишь за 1921 г., пока не было Малого Президиума и практически все организационные дела рассматривались на Большом Президиуме. 11 протоколов Большого Президиума за 1921 г. состоят исключительно из мелких хозяйственных и организационных вопросов. Кроме того, в общую нумерацию протоколов за 1921 г. были включены пять протоколов Малого Президиума, а за 1922 г. таких протоколов насчитывается всего два, и то за начало года.

Другим методом уменьшения объема сборника являлась сокращенная передача содержания ряда пунктов протоколов. При их отборе также предполагалось положить в основу критерий значимости для раскрытия темы и формального признака вида решения. Следует сказать, что уже в ходе составления источника важные вопросы были отделены от менее существенных тем, что записывались наиболее полно, со стенографической точностью. Весьма кратко — только постановляющая часть — записывались те пункты протоколов, в которых речь шла об утверждении Президиумом Госплана решений секций и подкомиссий. В этих случаях нередко не ясна даже суть решения секции, которое утверждал Президиум Госплана, что вынуждает обращаться к приложениям или к протоколам секций.

Таким образом, был выявлен достаточно широкий и формально ограниченный круг вопросов, который мог публиковаться в значительно сокращенном виде.

Типичным примером такого пункта протокола является следующий.

«2. Слушали: Выписку из протокола № 19 заседания транспортной секции Госплана 1 июня, п. 11 по вопросу о поезде Махонина.

2. Постановили: Постановление секции утвердить».

В публикации этот пункт, выделенный петитом, передан так:

«„п. 2. Утвердил постановление транспортной секции о поезде Махонина“ (т. 1, пр. № 20, п. 2)».

Кроме того, сокращенно излагались следующие небольшие группы вопросов: одобрение Президиумом Госплана проектов постановлений СТО, СНК, ВЦИК; утверждение положений о плановых органах ведомств, о финансировании местных плановых органов, структурные изменения в самом Госплане; утверждение планов, разработанных секциями; решения по импортным заявкам, а также те решения Президиума, которые могут быть полностью переданы в кратком изложении. Типичным примером такого пункта является следующий из протокола № 36 за 1921 г.

«1. Слушали: Доклад председателя транспортной секции Госплана об отношении Наркомпрода от 14 июля с. г. за № ж. д. 182 724 о вынужденности своей в связи с неурожаем во многих губерниях переработать планы предполагавшихся перевозок продгрузов на вторую половину 1921 г.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 395—400.

1. Постановили: Отношение Наркомпрода принять к сведению и просить ВСП при составлении транспортного плана на второе полугодие 1921 г. считаться с этим новым продовольственным планом, о чем и уведомить ВСП в копии Наркомпрода».

В сборнике этот пункт изложен так:

«п. 1. Предложил ВСП при составлении транспортного плана на вторую половину 1921 г. учесть изменения, внесенные Наркомпродом в программу перевозки продовольственных грузов».

Упомянуть о том, что указанные в документе изменения были внесены в связи с неурожаем, составители считали излишним, так как этот факт не только общеизвестен, но и многие материалы протоколов ему непосредственно посвящены.

Как правило, излагаемые вопросы не вызывали на заседаниях Президиума прений и разногласий. Однако в числе кратко излагавшихся в сборнике вопросов были и такие, по которым в свое время происходило немало дебатов. Это финансовые сметы ведомств, которые рассматривались и принимались Госпланом. Эти сметы, как и их обсуждения, представляют собой чисто оперативный материал, не имеющий исторического значения, тем более что на практике они являлись ориентировочными и неоднократно изменялись. Первоначально предполагалось излагаемые пункты протоколов оставить в порядке нумерации на своих местах. Однако связанные с этим неудобства для типографии заставили вынести излагаемые проекты за пределы основного текста, публикуемого полностью, поместив их перед легендой протокола. При этом для экономии места постановления, принятые по докладам одной структурной части Госплана, сгруппированы вместе с указанием номеров пунктов. Например: «п. 8, 9. Утвердил постановления транспортной секции о передаче НКПС изысканий и строительства путей сообщения, поручив секции представить проект постановления СТО о взятии ГУГСом на учет имущества ликвидируемых построек железнодорожных линий и о запрещении продажи инвентаря и имущества до окончательного определения его назначения; о предоставлении 13 верст рельсов для постройки ветви от каменоломен до Волховского строительства» (т. 2, кн. 1, с. 119).

Наконец, были сняты из протоколов некоторые доклады и прения на заседаниях Президиума, содержание которых либо полностью отражено в публикуемой постановляющей части протокола (см., например, протокол № 22, п. 1 за 1922 г.— т. 2, кн. 1), либо основное содержание опущенных частей раскрыто в комментариях, причем вопрос в целом имеет частный характер (протокол № 6, п. 4 за 1922 г.— т. 2, кн. 1).

Под общие принципы сокращения несколько не подпадают лишь три протокола. В двух из них (№ 19, п. 2, 3, 4, 5, 7 и № 20, п. 2— т. 2, кн. 1) опущены доклады, подготовленные для конференции в Генуе, о возможных объектах для сдачи в концессию на территории Советской страны. Эти доклады весьма велики по объему и не имели практического значения. Они являются скорее иллюстрацией двух моментов — как современники оценивали экономическое положение страны в начале 1922 г. и как некоторые буржуазные деятели, например П. И. Пальчинский, выдвигали планы экономической капитуляции Советской страны перед иностранным капиталом. Основное содержание концессионных предложений раскрыто в комментариях к протоколам, а сводные данные наркоматов о необходимых средствах для восстановления народного хозяйства приведены в протоколе № 21, п. 2.

Из третьего протокола (№ 150, п. 6) опущена большая по объему дискуссия по докладу В. Г. Громана об экономическом положении страны. Доклад был подвергнут критике со стороны ряда выступавших в прениях, опровергнувших выводы Громана. Эти прения, однако, не ясны без доклада, а все вместе занимают до 3 печ. л. Объем этих материалов никак не соответствует их месту в деятельности Госплана и в истории планирования вообще, а иллюстрирует идеологическую борьбу в Госплане с буржуазны-

ми экономистами, но по проблеме, не относящейся, собственно, к планированию.

Дальнейшие сокращения пошли по пути компактного расположения заголовков протоколов: в одной строке указываются номер и дата протокола, сняты фамилии присутствовавших на заседании лиц и подписи председателя и секретаря. В легенде помещены лишь номера дел и листов, так как все протоколы подлинные, текст машинописный. Почти все протоколы подписаны председателем Госплана Г. М. Кржижановским, во время отпуска последнего — С. П. Середой, отдельные протоколы — В. С. Осадчим. Однако все важнейшие вопросы обсуждались всегда в присутствии Кржижановского. Представляется, однако, что вопрос с перечнем фамилий присутствовавших мог бы быть решен несколько иначе, несмотря на большие трудности, связанные с определением инициалов и служебного положения ряда представителей ведомств, присутствовавших на заседаниях Президиума. Было бы, вероятно, целесообразнее дать список этих фамилий в составе научно-справочного аппарата с указанием номеров тех протоколов, где они встречаются.

В целом все указанные сокращения дали возможность существенно снизить объем публикуемого материала, доведя его вместе со справочным аппаратом до 47,5 печ. л., или 53,5 учетно-издательских.

Это сокращение второстепенного материала сказалось положительно на всем издании протоколов: удалось не только сохранить ценные обсуждения важнейших вопросов планирования и разработки экономической политики, документально раскрыть классовую борьбу на плановом фронте, но и отметить эти главные вопросы, выделить их из более второстепенного материала с помощью шрифтов.

Передача текста протоколов дана по общеизвестным правилам публикации документов. Кроме текста протоколов, в т. 1 помещены Положение о Государственной общеплановой комиссии от 22 февраля 1921 г. и речь председателя Госплана Г. М. Кржижановского на первом торжественном заседании пленума Госплана 5 апреля 1921 г. Текст этой речи был согласован Г. М. Кржижановским с В. И. Лениным⁵. Оба документа дают общую характеристику важнейших функций и задач главного планового учреждения страны.

Основную часть научно-справочного аппарата составляют примечания. В текстуальных примечаниях указываются неисправности текста, перекрестные ссылки на пункты протоколов, в которых продолжалось рассмотрение вопроса, и ссылки на упоминаемые в тексте протоколов приложения. В тех случаях, когда приложения использованы в примечаниях по содержанию, туда же переносится и ссылка. Если упоминаемые в тексте протокола приложения находятся в том же деле, что и сам протокол, то ссылка состоит из номеров дел и листов.

Примечания по содержанию, или комментарии, помещены в конце каждого тома, общее их число 326. Чаще всего они носят справочный характер. Большая часть комментариев раскрывает суть ленинских поручений Госплану, докладов, писем и других документов, а также решений структурных частей Госплана, рассматривавшихся на заседаниях Президиума, но тексты которых не опубликованы в настоящем издании, а их содержание не может быть понято из сопредельных документов. Значительное место занимают в комментариях проекты декретов СТО, СНК и ВЦИК, принятые или рассматривавшиеся Президиумом Госплана. Составители сборника пытались (и в абсолютном большинстве случаев это удалось) проследить дальнейшую судьбу решений Президиума Госплана, в том числе принятых им проектов, декретов Советского правительства, установить, когда и кем они были рассмотрены, какое решение по ним было принято.

В комментариях передано также содержание декретов о реорганизации Госплана и плановых комиссий на местах, положения о плановых

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 128—129.

комиссиях ведомств, материалов об организации и ликвидации некоторых учреждений по управлению народным хозяйством страны.

Оценочные комментарии, за исключением одного-двух, в сборник не включались по следующим причинам: во-первых, результаты обсуждения важных вопросов, по которым высказывались разнообразные мнения, в том числе представителями оппозиции или буржуазными специалистами, всегда подытоживались Г. М. Кржижановским, редко — С. П. Середой, раскрывавшими в вежливой, но твердой форме суть неправильных положений. Кроме того, в основе оценочных комментариев лежат, как правило, научные представления текущего момента, сравнительно быстро устаревающие, в то время как фактический материал, публикуемый в сборнике, имеет непреходящую ценность.

В состав справочного аппарата включены также список сокращений и указатель учреждений и предприятий, помещенные в конце каждого тома. Отсутствие предметно-тематического указателя в сборнике объясняется тем соображением, что для использования по основному его назначению — для исследования истории планирования и экономической политики — необходимо изучать практически все материалы. То же самое можно отнести и к отдельным отраслям народного хозяйства, связанным в единый взаимозависимый комплекс. К тому же все издание имеет небольшой объем, и функции предметно-тематического указателя частично выполняет указатель учреждений и организаций.

Кроме примечаний и указателей, сборник имеет исторические и археографические введения.

Археографическое предисловие отличается от обычных тем, что в нем содержится краткий перечень конкретных вопросов, которые опущены целиком или даны в изложении. Научного обоснования этих сокращений в предисловии нет. Поскольку такой перечень для 1922 г. отличается от 1921 г., археографическое предисловие помещено дважды — к т. 1 и 2.

Историческими предисловиями также снабжены оба тома. Причем в т. 1 их два. Одно — ко всему изданию протоколов — написано председателем Госплана СССР Н. К. Байбаковым. Оно раскрывает роль В. И. Ленина в организации Госплана, в разработке принципов и методов социалистического планирования. Второе — от составителей — непосредственно характеризует работу Госплана в 1921 г. Аналогичное ему предисловие, относящееся к 1922 г., помещено в т. 2.

Таковы основные особенности и характерные черты публикации «Протоколов Президиума Госплана за 1921—1922 годы». Если же рассматривать значение опубликованных протоколов как исторического источника для исследовательских целей, то нельзя не отметить, что они содержат сведения лишь о начальном этапе складывания организационных форм и методологии планирования, разработки методов социалистического хозяйствования. Наиболее важные этапы процесса организации планового управления экономикой могут быть раскрыты лишь в протоколах последующих лет.

С. Д. Мякушев

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО НАГРАДНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

(по материалам Президиума ВЦИК 1921—1923 гг.)

Система государственных наград РСФСР сложилась в основном к началу 1921 г. Ее составляли как боевые награды — орден Красного Знамени, Почетное Революционное оружие, Почетное Революционное Красное Знамя ВЦИК, так и знак отличия за выдающиеся заслуги на трудовом фронте — орден Трудового Красного Знамени¹.

Несмотря на массовость примеров боевого и трудового героизма, государственные награды в первые годы своего существования были явлением исключительным. Повышенный интерес историков к первым награждениям, широкое использование фактов героизма в специальных и популярных работах способствовали введению в научный оборот большого числа источников, связанных с наградами. Однако в некоторых трудах появились и явно недостоверные сведения о награждениях. Это вызвало, на наш взгляд, как отсутствие источниковедческих разработок данного круга источников, так и незнанием специфики документирования награждений этого периода. Изучению некоторых особенностей наградного делопроизводства высших органов государственной власти РСФСР и посвящено настоящее сообщение. Нами рассматриваются лишь вопросы, касающиеся делопроизводства по награждениям орденом Трудового Красного Знамени².

Орден был учрежден постановлением VIII Всероссийского съезда Советов 28 декабря 1920 г.³ Во исполнение решения съезда Президиум ВЦИК принял 24 марта 1921 г. постановление «О порядке награждения орденом Трудового Красного Знамени»⁴. Устанавливалось, что ходатайства о награждении возбуждаются коллегией наркоматов, а также Президиумом ВЦСПС с представлением мотивированных постановлений и сведений о деятельности и трудовых подвигах отличившихся граждан и коллективов. Эти документы должны были рассматриваться особой комиссией из пяти членов Президиумов ВЦИК и ВЦСПС, решения которой, являвшиеся окончательными и не подлежащими обжалованию, утверждались Президиумом ВЦИК. Где будет вестись наградное делопроизводство, определено не было, не устанавливались и формы ходатайства.

Эта комиссия к работе не приступала. Однако в рабочем порядке, без специального постановления Президиума ВЦИК, была достигнута договоренность между ВЦИК и ВЦСПС об обязательном согласовании

¹ Краткий очерк истории награды см.: *Зелов Н. С.* Орден Трудового Красного Знамени РСФСР.— ВИ, 1970, № 12, с. 198—201.

² В условиях гражданской войны право награждения боевыми наградами было передано Президиумом ВЦИК Реввоенсовету республики (РВСР). В военном ведомстве сложилась продуманная система наградного делопроизводства, в которой использовался ряд традиционных форм и правил. 21 января 1919 г. приказом РВСР № 144 (ЦГАСА, Сборник приказов РВСР, 1919 г.) были объявлены формуляр наградного листа и порядок движения представления к награде по инстанциям; ведение наградного делопроизводства возлагалось на Всероссийский главный штаб, где было создано специальное отделение в Управлении по командному составу. Награжденных за боевые подвиги непосредственно Президиумом ВЦИК в 1918—1923 гг. было немного.

³ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стенографический отчет (22—29 декабря 1920 г.). М., 1924, с. 276.

⁴ СУ РСФСР, 1921 г., № 31, ст. 167.

вопросов награждения орденом Трудового Красного Знамени. Это в какой-то степени заменило обсуждение в особой комиссии. Отступления от сложившихся правил рассмотрения ходатайств, случавшиеся впоследствии, вызывали протесты ВЦСПС.

Фактически порядок подготовки наградных вопросов к слушанию на заседаниях Президиума ВЦИК⁵ не отличался от порядка подготовки любых других вопросов повестки дня; наградное делопроизводство в аппарате ВЦИК никак не выделялось. Все ходатайства о награждении, по форме весьма разнообразные и сопровождавшиеся зачастую обширной перепиской, включались в состав материалов к протоколам заседаний Президиума или Секретариата ВЦИК. Хранились они в одном деле с белыми и черновыми экземплярами протоколов, в котором каждому пункту повестки дня соответствовал свой раздел, начинавшийся обычно отпечатанной на специальном бланке копией выписки из протокола.

Хотя по постановлению от 24 марта 1921 г. основным документом при обсуждении вопроса о награждении орденом Трудового Красного Знамени на заседании Президиума ВЦИК должно было быть представление наркомата или ВЦСПС, на практике оно выступало чаще всего в качестве поддержки ходатайства, возбуждавшегося, как правило, низовыми организациями. Таким образом, постановление ВЦИК лишь устанавливало обязательность рассмотрения ходатайства в высших инстанциях, инициативным же документом в подавляющем большинстве случаев было представление местных органов.

Это показывает документация о первом личном награждении орденом Трудового Красного Знамени. 28 июля 1921 г. постановлением Президиума ВЦИК высшей трудовой награды был удостоен крестьянин дер. Чигиринки Быховского уезда Гомельской губернии Никита Захарович Менчуков⁶. Представление было сделано 21 июля Президиумом ВСНХ, инициативным же документом явилось ходатайство Западного управления шоссейных дорог от 4 мая 1921 г., основанное на рапорте заведующего строительством Чигиринского моста техника Д. Семенова, датированном 9 апреля того же года⁷. В рапорте подробно описывалось, как в ночь с 19 на 20 марта 1921 г. у строящегося моста возник ледяной затор и, когда попытки подорвать его динамитом успехом не увенчались, Менчуков добровольно вызвался спуститься на лед и разбить затор вручную. С риском для жизни он выполнил эту работу, сохранив тем самым мост от разрушения. Семенов, не называя конкретной награды, просил отметить мужество крестьянина. Ходатайство Западного управления шоссейных дорог было поддержано также Комитетом государственных сооружений ВСНХ⁸.

Порядок обязательного обсуждения наградных вопросов в ВЦСПС сделал необходимым согласование представлений к ордену Трудового Красного Знамени и с низовыми территориальными и отраслевыми профсоюзными организациями. Правда, именно от них и исходило значительное число ходатайств. Это касалось и тех представляемых к награде, кто не являлся членом профсоюза.

Примером может явиться документация о награждении орденом Трудового Красного Знамени четырнадцатилетнего крестьянина Михаила Федоровича Алымова за образцовое ведение хозяйства и досрочную сдачу продналога. Ходатайство, возбужденное 9 января 1922 г. уполномоченным Курского уездно-городского продовольственного комитета⁹, было поддержано исполкомом и земельным отделом Курского уездно-городского Совета, губисполкомом и направлено вместе с материалами обсуждения

⁵ С осени 1922 г., как свидетельствуют документы архива, право награждения орденом Трудового Красного Знамени было фактически распространено на Секретариат ВЦИК — орган Президиума ВЦИК с более узким составом членов.

⁶ *Зелов Н. С.* Указ. соч., с. 200; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 38, д. 50, л. 4.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 38, д. 50, л. 77, 81, 80.

⁸ Там же, л. 79.

⁹ Там же, оп. 46, д. 5, л. 112.

во ВЦИК. Оттуда в соответствии со сложившимся порядком оно было передано на заключение ВЦСПС. Но все документы вновь совершили путешествие в Курск, поскольку ходатайство не было поддержано губернским советом профсоюзов (ГСПС). Ранее Президиум Курского губисполкома уже направлял его в ГСПС, который посчитал невозможным дать свой отзыв, так как М. Ф. Алымов членом профсоюза не являлся. При вторичном рассмотрении дела Курский ГСПС поддержал ходатайство¹⁰. Длительная переписка по делу о награждении М. Ф. Алымова¹¹ примечательна и наличием документов, служащих для общей характеристики представленного к награде. В самом начале обсуждения вопроса Курский уездно-городской исполком поручил своему земельному отделу обследовать хозяйство Алымова. В результате в комплекс наградных материалов вошла справка Жизловского сельсовета о семейном и имущественном положении крестьянина и акт обследования его хозяйства, составленный председателем и секретарем сельсовета и помощником участкового агронома¹².

При подготовке наградных вопросов в аппарате ВЦИК иногда возникала необходимость обращения к ранее поступившим документам, что приводило к их перемещению внутри общего массива дел. Такие случаи требуют дополнительных разысканий.

Например, в деле с протоколом заседания Президиума ВЦИК от 25 апреля 1921 г. отсутствуют материалы к принятому в этот день постановлению — первому в истории ордена Трудового Красного Знамени — о награждении четырех оборонных заводов: Тульских оружейного и патронного, Охтенского и Шостенского капсюльных. Здесь, однако, оказались документы более позднего времени: отношение Главного управления военной промышленности (ГУВП) ВСНХ от 5 сентября 1923 г. об отсылке знака ордена и грамоты для Охтенского порохового и взрывчатых веществ завода, награжденного 25 апреля 1921 г., и копия выписки из протокола с соответствующим постановлением, составленная также в сентябре 1923 г.¹³

Отсутствие специального наградного делопроизводства достаточно часто вызывало включение вновь поступающих материалов в состав более ранних дел. Однако измененное название завода в отношении ГУВП ВСНХ позволяет предположить, что документы 1921 г. могли быть перемещены в другое дело — в связи с награждением Секретариатом ВЦИК 14 апреля 1923 г. Нижегородского (бывш. Охтенского) завода взрывчатых веществ¹⁴. И действительно среди материалов к протоколу заседания от 14 апреля 1923 г. были обнаружены подлинные материалы, поступившие во ВЦИК в 1921 г.: ходатайство Совета военной промышленности при чрезвычайном уполномоченном СТО по снабжению Красной Армии и Флота с подробной характеристикой производственной деятельности всех четырех заводов, выписка из протокола заседания Президиума ВЦСПС от 24 марта 1921 г. с поддержкой ходатайства, телеграмма Тульского губкома РКП(б) с просьбой ускорить решение дела¹⁵. Не исключено, что в постановлениях 1921 и 1923 гг. речь идет об одном и том же предприятии — Охтенском заводе взрывчатых веществ, эвакуированном в 1918 г. из Петрограда в Нижний Новгород. Прямых свидетельств этого пока не обнаружено. Но косвенными аргументами в пользу такого предположения служат данные литературы¹⁶, наименование завода в запросе ГУВП ВСНХ 1923 г., наконец, сам факт перемещения

¹⁰ Там же, л. 106—106 об.

¹¹ В целом комплекс этих материалов насчитывает 15 документов.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 46, д. 5, л. 109 об., 113.

¹³ Там же, оп. 38, д. 26, л. 5, 24, 25.

¹⁴ Там же, оп. 47, д. 11, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 169—171.

¹⁶ Коваленко Д. В. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970, с. 131, 133, 391.

наградных материалов. Название «капсюльный» в ходатайстве Совета военной промышленности могло быть употреблено ошибочно: ведь и Шостенский пороховой завод, один из крупнейших производителей пороха и капсюлей для патронов в годы гражданской войны¹⁷, также назван «капсюльным».

Несмотря на довольно большое число документов, появившихся при обсуждении ходатайств о награждении орденом Трудового Красного Знамени, сведения об отличившихся зачастую отрывочны, не полны. Это объясняется тем, что в начальный период существования государственных наград при представлении к трудовому ордену биографических справок не требовалось. В результате несколько человек, получивших орден Трудового Красного Знамени в 1922 г., — мастер-литейщик из Сулина Клюев, токари Лодягин и Фельдман с завода «Красная Этна» в Нижнем Новгороде — известны нам только по фамилиям. Дополнительных сведений об этих людях обнаружить не удалось.

Следует отметить, что в обиходе трудовую награду, сходную по названию с боевой, часто называли одинаково — орден Красного Знамени. Дважды такое название попало и в постановления Президиума ВЦИК о награждении за трудовые подвиги. Первый раз — при представлении к ордену Трудового Красного Знамени Екатерининской железной дороги за успешное восстановление Кичкасского моста через Днепр. В документах постоянно упоминался орден Красного Знамени, хотя речь шла о трудовых заслугах и на заключение ходатайство было направлено в ВЦСПС. В переписке по этому делу из-за неверной расшифровки телеграфного сокращения дорога была названа Екатеринбургской. В таком виде сведения были внесены в протокол заседания Президиума ВЦИК от 10 ноября 1921 г.¹⁸

Вторично ошибочное название трудовой награды попало в протокол заседания Президиума ВЦИК от 9 января 1922 г. при награждении коллектива рабочих 1-го Государственного резинового завода в Петрограде (бывший «Треугольник»)¹⁹.

Изучение наградных материалов, сохранившихся в фонде Президиума ВЦИК, показывает, что в процессе наградной деятельности высшего органа государственной власти РСФСР постепенно складывались определенные правила ведения наградного делопроизводства, был установлен порядок обсуждения ходатайств о награждении орденом Трудового Красного Знамени. Этому в значительной мере способствовало принятие Президиумом ВЦИК 1 февраля 1923 г. специального постановления, очертившего круг документов, необходимых при возбуждении ходатайства²⁰. Вместе с тем сохранялась известная произвольность форм представления к ордену, отсутствовал специальный формуляр наградного листа. В первую очередь это было вызвано малым числом награждений орденом Трудового Красного Знамени РСФСР в эти годы²¹.

¹⁷ Там же, с. 332, 391; История городов и сел Украинской ССР: Сумская область. Киев, 1980, с. 586.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 38, д. 92, л. 283.

¹⁹ Там же, оп. 39, д. 3, л. 93.

²⁰ СУ РСФСР, 1923 г., № 10, ст. 125.

²¹ В 1921—1923 гг., по подсчетам автора, было 26 коллективных и 28 персональных награждений орденом.

Н. С. Зелов

ЦГАОР СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В исторической и архивоведческой литературе содержатся отдельные сведения о деятельности ЦГАОР СССР в 1941—1945 гг.¹ В данной статье предпринята попытка осветить эту деятельность на основе отчетов и справок о работе архива, протоколов заседаний, воспоминаний и других неопубликованных источников.

Работники архива с первого дня войны отдавали все силы сохранению вверенного им ценнейшего народного достояния. 22 июня 1941 г. в 12 час. 30 мин. руководство архива представило ГАУ НКВД СССР свои предложения о том, как обезопасить важнейшие фонды СНК РСФСР, ВЦИК и ЦИК СССР. В них сосредоточены уникальные документы о создании под руководством В. И. Ленина Советского социалистического государства, его становлении и развитии. Н. Р. Прокопенко, возглавлявший архив в годы войны, в своих воспоминаниях писал: «В этих фондах в то время были тысячи еще не выявленных и не учтенных подлинных ленинских документов. И все это может в миг сгореть, быть уничтоженным! Можно ли медлить с укрытием этих фондов?! Нет, нельзя! Эти фонды, по нашему мнению, должны быть хорошо упакованы и укрыты в одном из пунктов метро»². Но метро должно было работать нормально и, кроме того, защищать людей во время воздушных тревог. Руководству ЦГАОР СССР было предложено подготовить наиболее ценные фонды к эвакуации.

Накануне войны почти все дела архива были закартонированы. «Это обстоятельство,— отмечал Прокопенко,— сыграло весьма важную роль в обеспечении сохранности документальных материалов во время их эвакуации и реэвакуации. Все коробки были прочно перевязаны тонкой веревкой или шпагатом, и это давало возможность при погрузке быстро передавать их из рук в руки и аккуратно укладывать в автомашины, а из последних — на железнодорожные платформы или прямо в вагоны...»³ Первый состав из 12 вагонов сформировали для эвакуации в Саратов к 11 июля 1941 г. — фонды Петроградского и Московского военно-революционных комитетов (ВРК), СНК РСФСР, ВЦИК и ЦИК СССР, других органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР⁴. С тем же эшеленом были отправлены и 29 сотрудников ЦГАОР СССР с семьями. В Саратове прибывшие фонды разместили в помещении Областного краеведческого музея. Уже через несколько дней после прибытия была начата их научно-техническая обработка и использование.

Часть работников архива продолжала трудиться в столице. Город еще подвергался вражеской бомбардировке. Несколько зажигательных бомб было сброшено и в районе центральных государственных архивохранилищ. В это трудное время проводилась большая работа по обеспечению сохранности документов, подготовке к эвакуации новой группы фондов, комплектов газет, плакатов, листовок. Эти материалы составили железнодорожный эшелон из 20 вагонов, который 4 апреля 1942 г. был

¹ Литературу см.: Плешаков С. Т., Добровская А. В., Каптелов Б. И. Перспективы развития ЦГАОР СССР как общесоюзного научно-методического центра.— СА, 1980, № 5, с. 14—15.

² ЦГАОР СССР, ф. Р-9573 (Прокопенко Н. Р.), оп. 1, д. 95, л. 2, (1965 г.).

³ Там же.

⁴ Там же, ф. Р-5142, оп. 1, д. 2675, л. 1, 5.

отправлен в г. Оренбург (тогда Чкалов). В нем перевезли и 12 сотрудников архива с семьями. Прибыв на место, сотрудники ЦГАОР СССР с помощью общественных организаций города разместили в Областном государственном архиве, городском Доме учителя и других помещениях фонды главков военного ведомства по снабжению Красной Армии и Военно-Морского Флота продовольствием; революционных трибуналов периода гражданской войны и военной интервенции; фонды Временного правительства, печатные издания. После разборки фондов при участии местных архивистов сразу же было организовано их использование.

Летом 1942 г. была эвакуирована в Барнаул третья группа фондов, а также книги, брошюры, журналы первых лет Советской власти. Для их хранения приспособили здание городского аэроклуба. В том же году после налетов вражеской авиации на Саратов находившиеся в городе ценнейшие фонды СНК РСФСР и СССР, ВЦИК и ЦИК СССР специальным эшелоном были направлены в Пермь. Их поместили в Областном государственном архиве, в благоустроенном помещении городского тира, других зданиях города⁵. Как показывают отчеты о работе архива за 1941—1942 гг. всего эвакуировали 1 367 117 дел, 10 300 книг, 21 899 комплектов газет, 41 700 экземпляров журналов, 12 200 листовок, 600 плакатов. Ряд фондов (свыше 500 тыс. дел) оставались на хранении в Москве⁶.

Коллектив архива, преодолевая большие трудности, напрягая все свои силы, продолжал его комплектование документальными источниками по истории Советского государства, научно-техническую обработку фондов. За годы войны было обработано около 180 тыс. дел фондов Петроградского и Московского ВРК, СНК РСФСР, ВСНХ, Верховного суда РСФСР, Главполитпросвета, Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца). За этот же период на хранение было принято свыше 350 тыс. дел (документы Междуведомственной комиссии при Президиуме ВЦИК за 1928—1938 гг., около 1300 дел Секретариата Президиума ВЦИК за 1931—1937 гг., личный фонд видного советского государственного и общественного деятеля П. Г. Смидовича и др.)⁷.

Очень важное значение имело собирание документов Великой Отечественной войны. Вслед за Центральным государственным архивом Красной Армии (ЦГАКА) 6 мая 1942 г. в архиве был организован отдел фондов Отечественной войны народов СССР. В него поступили документы о зверствах фашистов над советскими военнопленными, мирным населением, о разрушении и разграблении промышленных предприятий, зданий, памятников национальной культуры от организаций и учреждений Калининской, Московской, Орловской, Смоленской, Тульской и других областей. Около 19,5 тыс. документов было принято этим отделом за май 1942 — март 1943 г.⁸ В дальнейшем собирание таких документов продолжила Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

В годы войны проводилась большая работа по использованию документов ЦГАОР СССР. При подготовке ИМЭЛ четвертого издания Сочинений В. И. Ленина и Ленинских сборников сотрудники архива выявляли и брали на учет документы Ленина и его соратников⁹. «Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), — отмечается в благодарственном письме за подписью заместителя директора института Б. Н. Пономарева от 5 ноября 1943 г. руководству, сотрудникам ЦГАОР

⁵ Там же, л. 5, 6.

⁶ Там же, л. 8, 18.

⁷ Там же, д. 254, л. 4—5; д. 256, л. 7, 9; д. 293, л. 5.

⁸ Там же, д. 263, л. 4; д. 277, л. 5—6.

⁹ Там же, д. 286, л. 8 об. О передаче ленинских документов в ЦПА ИМЛ см.: Кузьмин С. И. Розыск документов В. И. Ленина в государственных архивах СССР (1923—1967 гг.). — АЕ за 1968 год, М., 1970, с. 7—12.

СССР,— уже получил группу вновь выявленных вами документов В. И. Ленина. Значительная часть этих материалов включена в новые Ленинские сборники XXXV, XXXVI»¹⁰.

Работники архива за годы войны подготовили по запросам правительственных органов, военного командования более 8 тыс. тематических и других справок и информации. Были составлены справки для Института истории партии при МК ВКП(б), Института истории АН СССР, Главной редакции истории гражданской войны, Главного политического управления Красной Армии, Военно-юридической академии Красной Армии. Группа использования документов, организованная в апреле 1943 г. при публикаторском отделе архива, выполнила запросы Государственного треста специального картоирования о материалах по геологии, гидрогеологии, гидрологии бассейна рек Волхова с притоками, Ловати и Дона. Главному управлению гидрометеорологической службы Красной Армии была направлена информация о материалах Комиссии АН СССР по исследованию Курской магнитной аномалии. По запросам разных учреждений проведены разыскания документов о развитии производительных сил Урала, об отечественном артиллерийском производстве, об условиях хранения взрывчатых веществ, об охране памятников искусств¹¹. Особо следует отметить поиск документов, необходимых для восстановления разрушенного оккупантами хозяйства в освобожденных районах.

В архиве выявлялись источники о героической борьбе народов нашей страны против немецких и других поработителей, например по темам: «Разгром немецких оккупантов в 1918 г.», «Народная война на Украине и Белоруссии против немецких захватчиков в 1918 г.». Они были использованы в сборниках документов¹², предназначавшихся для широкого круга читателей, пропагандистов, агитаторов: «Листовки Красной Армии в годы гражданской войны, 1918—1922 г.» (М., 1942), «Единство советского фронта и тыла в годы гражданской войны 1918—1920 гг.» (М., 1943), «Из истории борьбы за установление Советской власти, ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.» (М., 1943), «Документы о немецких зверствах в 1914—1918 г.» (М., 1942).

В 1943—1944 гг. было начато выявление документов по истории образования СССР, индустриализации и коллективизации в СССР для сборников, подготавливаемых совместно с Институтом истории АН СССР¹³.

На страницах местных газет работники архива публиковали документы, статьи по истории Октябрьской революции, гражданской войны. В «Историческом журнале» (1942, № 12) была помещена статья старшего научного сотрудника С. С. Болтинова «Коммунистические субботники в годы гражданской войны». В том же году в Саратове вышла брошюра начальника архива Н. Р. Прокопенко «Эпизоды партизанской борьбы на Украине в 1918 г.».

Документы о подвигах красноармейцев на фронтах гражданской войны экспонировались на выставках, организованных совместно с ЦГАКА, на предприятиях, в военных госпиталях Саратова, Перми, Оренбурга. Сотрудники архива выступали с докладами по истории гражданской войны, с лекциями о русских полководцах А. В. Суворове, М. И. Кутузове. Так, свыше 20 лекций было прочитано по путевкам Воляжского РК ВКП(б) и Саратовского горкома партии сотрудниками ЦГАОР СССР Г. Н. Кузюковым, Н. Р. Прокопенко, Ф. А. Прониным, Н. С. Юриной, Т. В. Шепелевой в госпиталях, на призывных пунктах, предприятиях города в 1941 г. В Перми в 1942 г. сотрудники архива

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. Р-5142, оп. 1, д. 280, л. 12.

¹¹ Там же, д. 286, л. 35, 41.

¹² Там же, д. 254, л. 9; д. 259, л. 4.

¹³ Там же, д. 275, л. 24—25; д. 286, л. 4; д. 293, л. 12; Образование СССР: Сб. документов, 1917—1924 / Под ред. Э. Б. Генкиной. М., 1949.

выступали с лекциями на тему «Разгром Колчака на Урале и освобождение Перми бойцами Красной Армии в 1919 г.»¹⁴. На предприятиях, в учреждениях Оренбурга, Перми в 1943 г. в связи с 25-летием ленинского декрета о реорганизации и централизации архивного дела архивисты проводили беседы о внимании Коммунистической партии и Советского правительства к развитию науки и культуры, к собиранию документов прошлого.

К 25-летию ленинского декрета от 1 июня 1918 г. работники архива выявляли документы по истории архивного дела в СССР, деятельности крупнейшего хранилища документов Октябрьской революции и социалистического строительства. Они подготовили к Всесоюзной конференции историков-архивистов, проходившей в Москве 1–3 июня 1943 г., схемы, диаграммы, альбомы, фотостенды, отражающие научно-исследовательскую, археографическую работу ЦГАОР СССР, комплектование архива документами по истории первого в мире Советского государства. На этой выставке внимание научной общественности привлекли подлинники и фотокопии документов о советском архивном строительстве, документальные сборники, фотографии ветеранов, лучших работников архива О. Е. Карноуховой, А. А. Покровского, Т. В. Шепелевой.

24 июня 1943 г. на общем собрании архива с докладом «Итоги работы Всесоюзной конференции историков-архивистов и задачи ЦГАОР СССР» выступил участник конференции начальник архива Н. Р. Прокопенко. В обсуждении доклада приняли участие К. И. Булычева (Рудельсон), А. Н. Грызлова, А. А. Покровский. Докладчик и выступавшие отметили, что конференция выдвинула перед ЦГАОР СССР задачи собирания документов Великой Отечественной войны, подготовки и осуществления реэвакуации фондов архива, усиления работы по использованию документов в оборонных, народнохозяйственных, научных целях, по созданию путеводителя, тематических обзоров, других справочников по фондам архива¹⁵.

Работа над путеводителем по архиву началась еще до войны, но продолжить ее удалось лишь в июле 1943 г. А. А. Покровский, А. В. Аваева, О. Е. Карноухова, А. В. Кузюкова, О. Л. Никитенко, Н. С. Юрина, И. Г. Якоби, другие квалифицированные сотрудники проверили, отредактировали ранее составленные аннотации, написали новые, разработали с помощью В. В. Максакова и других преподавателей МГИАИ схему построения путеводителя. 14 октября 1943 г. на совещании в архиве с докладом о расположении аннотаций в путеводителе выступил К. Г. Митяев¹⁶. Вопрос о работе авторского коллектива над путеводителем был поставлен 24 ноября 1943 г. на заседании Научного совета ЦГАОР СССР. Доклад сделал старший научный сотрудник архива кандидат исторических наук А. А. Покровский. В обсуждении, как зафиксировал протокол заседания, участвовали члены Научного совета Э. Б. Генкина, Е. А. Луцкий, А. М. Панкратова, преподаватель МГИАИ К. Г. Митяев, ведущие специалисты архива. «Мы, историки,— отметила в своем выступлении А. М. Панкратова,— прекрасно понимаем, что создание путеводителя по одному из крупнейших, выдающихся по своей исключительной значимости архиву нашей страны, каким считается Центральный государственный архив Октябрьской революции, является задачей крайне серьезной, ответственной и трудной. Но создание и выпуск в свет путеводителя по ЦГАОР СССР крайне необходимо. Пусть он будет недостаточно исчерпывающим в отношении глубины охвата документации, но все же он будет превосходным ориентиром для широких кругов историков-исследователей, от имени которых я уже сейчас приношу свою благодарность за начатую ЦГАОР работу по составлению путеводителя... Горячо благодарю работников ЦГАОР СССР за предостав-

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф Р-5142, оп. 1, д. 267, л. 15; д. 286, л. 4.

¹⁵ Там же, д. 280, л. 46.

¹⁶ Там же, д. 272, л. 38.

ление к первому заседанию Научного совета продуманного, теоретически обоснованного плана путеводителя и еще раз прошу ускорить издание столь необходимого нам путеводителя»¹⁷.

Научный совет, учитывая большое политическое, научное, экономическое значение документальных материалов ЦГАОР СССР, постановил ускорить подготовку путеводителя к изданию. В него было решено включить развернутые сведения о каждом из важнейших фондов, а сведения об остальных фондах дать в виде перечня. Историки, работники архива в своих выступлениях отмечали и необходимость дальнейшей работы по упорядочению, научно-технической обработке документов, поступивших на хранение в ЦГАОР СССР за годы войны, обращали внимание на подготовку к реэвакуации.

Реэвакуации, начавшейся в конце декабря 1943 г., подлежали в первую очередь такие важные фонды, как СНК РСФСР, ВЦИК и ЦИК СССР, ВСНХ и других органов государственного управления РСФСР и СССР. Работа проходила организованно и была закончена в ноябре 1944 г.¹⁸

«Благодаря исключительной организованности, высокой патриотической сознательности, ответственности и самоотверженности коллектива ЦГАОР СССР за период эвакуации, а затем реэвакуации в Москву, — вспоминал Прокопенко в дни двадцатилетия победы советского народа над фашистской Германией, — не было потеряно или повреждено ни одного фонда, ни одной коробки, ни одного дела, ни одного ценного документа»¹⁹.

В сложных условиях, связанных с реэвакуацией фондов, сотрудники архива провели в 1944—1945 гг. большую работу по учету документов, проверке их наличия, научно-технической обработке, созданию научно-справочного аппарата. Размещение, топографирование всех реэвакуированных материалов в объеме свыше 1 млн. дел были осуществлены в течение января — июня 1945 г.²⁰ 9 января 1945 г. Научный совет ЦГАОР СССР рассмотрел первый пятилетний план комплектования архива (докладчик — заместитель директора Г. Т. Фролов). На хранении к 1 января 1945 г. было 3685 фондов общим объемом более 2 млн. дел; книг — около 150 тыс., журналов — 50 тыс., газет — 30 тыс., листовок — 13 тыс., плакатов — 8 тыс. экземпляров²¹. Фонды содержали, как правило, источники за 1917—1928 гг. Пятилетний план предусматривал поступление документов из правительственных учреждений СССР и РСФСР: ЦИК СССР, СНК СССР и РСФСР — за 1927—1937 гг., Госплана СССР и РСФСР — за 1919—1937 гг., материалов наркоматов всех видов промышленности, в том числе тяжелого машиностроения, угольной промышленности, цветной металлургии, Наркомата земледелия, Наркомата заготовок СССР, Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР, наркоматов финансов СССР и РСФСР, Наркомата внешней торговли, Госбанка, ВЦСПС. Приему на хранение подлежали документы в объеме около 2,8 млн. дел, в основном за 1929—1937 гг.²² Они отражали выполнение заданий первой — третьей пятилеток, коллективизацию сельского хозяйства, строительство социализма в СССР. Научный совет одобрил рассмотренный план, рекомендовал продолжить учет фондов, которые должны были поступить в 1945—1948 гг. На том же заседании было заслушано сообщение О. Е. Карноуховой о завершении подготовки путеводителя. Высокую оценку этой работы дали в своих выступлениях Э. Б. Генкина, В. В. Максаков, А. М. Панкратова, П. Г. Софинов, другие видные советские историки, архивисты²³. Они также отметили большую работу кол-

¹⁷ Там же, д. 275, л. 13.

¹⁸ Там же, д. 279, л. 12; д. 254, л. 3.

¹⁹ Там же, ф. Р-9573, оп. 1, д. 95, л. 5.

²⁰ Там же, ф. Р-5142, оп. 1, д. 306, л. 1.

²¹ Там же, д. 275, л. 28.

²² Там же, л. 32.

²³ Там же, л. 38—41; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства: Путеводитель. М., 1946.

лектива архива по использованию документов в народнохозяйственных, научно-исследовательских и агитационно-пропагандистских целях.

В первом полугодии 1945 г. в архиве выявлялись документы к 220-летию АН СССР. На выставке, подготовленной архивными учреждениями к знаменательному юбилею, из фондов ЦГАОР СССР было представлено 189 документов по истории науки, деятельности А. М. Горького в Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР, творческой деятельности И. П. Павлова, А. П. Карпинского и других выдающихся ученых²⁴. В 1945 г. была организована фотовыставка «ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»²⁵.

В 1945 г. руководство архива совместно с ИМЭЛ составило план работ по выявлению и учету документов В. И. Ленина. Планом предусматривался тщательный просмотр фондов, в которых могли отложиться документы основателя Советского государства и фондов Московского, Петроградского ВРК, СНК РСФСР, ВЦИК. Бригада научных сотрудников архива в составе О. Е. Карпоуховой, В. А. Александровой, А. А. Жигина, В. Г. Скибы, Е. Г. Шумаревой и четырех сотрудников ИМЭЛ просмотрела с этой целью в 1945 г. 20 038 дел в вышеназванных фондах, а также в фондах Наркомнаца, Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, Наркомата земледелия, Госплана, ВСНХ, ГОЭЛРО и обнаружила в них 44 автографа В. И. Ленина, 244 копии документов о его жизни и деятельности²⁶. Одновременно выявлялись документы о Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталине, М. В. Фрунзе, других видных деятелях Коммунистической партии и Советского государства. Готовились к изданию документальные сборники по истории гражданской войны, колхозного строительства в СССР, образования Советского государства²⁷.

Самоотверженная работа сотрудников ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. отмечена медалями²⁸. Работники архива участвовали в сборе теплых вещей и подарков бойцам и командирам Красной Армии, средств на строительство танковой колонны им. В. И. Чапаева²⁹, работали на оборонительных рубежах, в колхозах, подшефных госпиталях. «Преодолевая невероятные трудности, сотрудники нашего архива зачастую работали круглосуточно, без сна и отдыха,— вспоминал Прокопенко.— Они понимали, что это их долг перед героической Советской Армией, громившей мощного врага на фронтах Великой Отечественной войны... Костяком нашего коллектива, примером и организатором самоотверженной работы всей молодежи были О. Е. Карпоухова, Н. Д. Полубояринова, Ю. М. Зарницына, Т. В. Шепелева, О. Л. Никитенко, М. И. Рыбинский, И. Б. Якоби, Г. Н. Кузюков, А. В. Кузюкова, А. М. Иванов, Г. Т. Фролов, Е. С. Фрянинова, Л. А. Новикова, Л. Н. Вьюкова, Н. С. Петрова, Н. С. Юрина, Л. П. Грызлова, М. С. Гуськова, В. Т. Князева (ныне Девятковская), Л. М. Маркелова (ныне Конова)»³⁰. Сотрудники архива А. Е. Гужевский, Д. И. Деднев, М. А. Егоров, В. П. Ильяш, К. П. Лопаква, В. А. Михайлов, В. И. Мицкевич, Н. М. Пальцев, И. М. Румянцев, С. И. Усачев в годы войны были мобилизованы в ряды Советской Армии на защиту Родины. Часть сотрудников, и среди них Н. А. Бессонова, М. А. Егоров, В. И. Мицкевич, после войны вернулись на работу в ЦГАОР СССР.

Работники архива в годы Великой Отечественной войны выполнили свой долг — сохранили документы Октябрьской революции и социалистического строительства.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. Р-5142, оп. 1, д. 306, л. 11.

²⁵ Там же, д. 293, л. 13.

²⁶ Там же, л. 12. Отчет о работе архива за 1945 год. Данные, приведенные в статье Л. А. Шапиро «Выявление документов В. И. Ленина в ЦГАОР СССР» (СА, 1969, № 4, с. 17), относятся к итогам этой работы в ЦГАОР СССР и ЦГАСА.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. Р-5142, оп. 1, д. 275, л. 21—25.

²⁸ Там же, д. 293, л. 24; д. 308а, л. 1.

²⁹ Там же, д. 259, л. 6.

³⁰ Там же, ф. Р-9573, оп. 1, д. 95, л. 6.

Н. С. Архангородская, А. А. Курнос

О СОЗДАНИИ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АН СССР И ЕЕ АРХИВА

(К 40-летию со дня образования)

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР уже привлекала к себе внимание ученых¹. Однако многие стороны и направления ее работы еще нуждаются в изучении. В данном сообщении мы предполагаем кратко охарактеризовать обстановку, в которой действовало это учреждение. Документы позволяют также показать, как понимали руководители комиссии ее задачи и методы. Наконец, кажется целесообразным хотя бы в самой сжатой форме показать результаты работы этого научного коллектива, опираясь на состав собранного им интереснейшего комплекса документальных свидетельств о событиях войны, сохранившегося в НА ИИ (ф. 2).

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны сама была фрагментом войны, прежде всего в области идеологии. Вместе с тем этот коллектив историков оказался у самых истоков развившейся позднее историографической традиции важнейшего и крайне сложного явления, каким была вторая мировая война. Наконец, непосредственно в результате его деятельности возникло своеобразное собрание исторических источников, а под влиянием комиссии — прямым или опосредованным — множество других документальных массивов.

Работа комиссии велась в условиях, которые определялись общим для советских людей ощущением громадного всемирно-исторического значения событий Великой Отечественной войны, личной исторической ответственности за ее исход. Это чувство, до крайности обостренное критической ситуацией, стимулировало духовную мобилизацию народа на борьбу с врагом и стало существенным фактором победы. Для реализации оно нуждалось в содействии профессионалов — историков, литераторов, журналистов.

ЦК ВКП(б), Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР, другие партийные, государственные, научные учреждения получали множество писем, в которых фронтовики и труженики тыла просили о помощи в сохранении для истории своего опыта, всего, что ими пережито.

Многие из писем с фронта, полученных комиссией, содержали просьбы о квалифицированной профессиональной помощи ученых в создании истории воинских частей, сообщения о ходе и результатах работы над

¹ *Курнос А. А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: (Организация и методика собирания). — АЕ за 1973 год, М., 1974, с. 118—132; *Левшин Б. В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976, с. 312—317; *Михайлова Е. П.* О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941—1945 гг. — В кн.: Вопросы историографии в Высшей школе. Смоленск, 1975, с. 352—359; *Самсонов А. М.* Вклад историков АН СССР в изучение проблемы Великой Отечественной войны. — Вестн. АН СССР, 1981, № 9, с. 84—93. В документах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР называлась также Комиссией по составлению летописи Великой Отечественной войны, Комиссией по истории обороны Москвы, Центральной комиссией по истории Великой Отечественной войны и т. д. Выступала она и под другими неофициальными наименованиями. Во всех случаях в данной статье речь идет об одном и том же научном коллективе.

такими документами (подчас в этих требованиях ощущалась обида на невнимание к боевым заслугам данного соединения или части). Вот несколько характерных примеров:

«Считаю, что история частей Красной Армии должна служить основным материалом для описания героической эпопеи Отечественной войны. Этому вопросу уделяется очень мало внимания со стороны комиссии Отечественной войны². Уделяя этому вопросу большое внимание, мною в каждой части создана комиссия, которая описывает боевые дела бригад с первых дней их организации. ... По своим заслугам перед Родиной корпус занимает первое место среди механизированных частей Красной Армии. Поэтому история корпуса откроет не одну блестящую страницу истории нашей Отечественной войны. Прошу Вас, если найдете возможным, прехать в корпус для консультации работ на месте или выслать ответственного товарища, который бы эту работу провел.

Командир 8-го гвардейского мехкорпуса гвардии генерал-лейтенант танковых войск Кривошеин. 26 октября 1943 г.»³.

«Авиасоединение располагает достаточным материалом для составления писаной истории. Нам необходимо ее составить в духе, удобочитаемом рядовым молодым летчиком. В составлении этой истории ... мы ощущаем большие трудности. Крайне желательно получить соответствующую помощь с Вашей стороны ... в деле систематизации, описания и обработки необходимого материала...» — писал начальник штаба авиадивизии трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина⁴.

Со своей стороны и специалисты-гуманитарии, прежде всего историки, видели в работе по собиранию свидетельств участников войны, по подготовке на этой основе исторических и литературно-публицистических произведений возможность своего профессионального участия в борьбе против фашизма.

Тотчас отреагировали на известие о создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны ленинградские историки.

Уже 30 января 1942 г. на имя председателя комиссии Г. Ф. Александрова директор ЛОИИ М. В. Левченко и ученый секретарь Е. И. Бочкарева направили следующее письмо: «Научный коллектив историков Ленинградского отделения Института истории АН до конца декабря 1941 г. находился в полном составе в Ленинграде. Под руководством Ленинградского городского комитета ВКП(б) в меру своих сил наш научный коллектив участвовал в печатной и устной пропаганде на темы антифашизма и в разработке, и в издании серии печатных брошюр, посвященных нашим великим предкам (Александр Невский, Минин и Пожарский, Суворов, Кутузов).

Коллектив историков Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР старался быть полезным в деле помощи героической Красной Армии и трудящимся Ленинграда. За время войны из печати в Ленинградском отделении Политиздата нами выпущено более 12 печатных названий. Вся эта работа, несмотря на трудности, была особенно интенсивна в ноябре — декабре 1941 г. ...». Далее в письме говорится, что, узнав о начале работы Комиссии по истории Великой Отечественной войны, научный коллектив Ленинградского отделения Института истории обращается «с горячей просьбой привлечь его к работе Комиссии ЦК ВКП(б), особенно в части разработки истории Ленинграда в Великой Отечественной войне. Желательно использование нашего научного коллектива безотносительно к специальности каждого. Опыт нашей работы за время войны показал, что в разработке антифашистских тем принимали участие и профессор Ковалев, специалист по истории античности, и профессор Вайнштейн, специалист по истории средних

² Этот упрек не заслужен Комиссией по истории Великой Отечественной войны АН СССР и может быть объяснен неосведомленностью автора письма.

³ НА ИИ, ф. 14, оп. 1, д. 10, л. 4.

⁴ Там же, л. 103.

веков, и все историки СССР нашего коллектива»⁵. Далее перечисляются историки, которые могли бы быть полезны, — академики Н. С. Державин и Е. В. Тарле, профессора О. Л. Вайнштейн, М. В. Левченко, А. И. Молок, С. И. Ковалев, С. Н. Валк, А. В. Предтеченский и др.

25 июня 1942 г. направил в ЦК партии краткую программу организации и деятельности «военно-исторического бюро» при ЦК или Академии наук майор кандидат исторических наук Е. Г. Бор-Раменский⁶. 28 июля 1942 г. член Союза советских писателей Е. Г. Лундберг⁷ послал в ЦК партии докладную записку, содержащую проект создания «фактотеки Великой Отечественной войны»⁸. Автор документа не знал о развернувшейся уже работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Тем показательнее совпадение основных идей его проекта с принципами, определявшими деятельность этого учреждения. Вместе с тем в записке ощущаются и некоторые оттенки, специфичные для «литераторского» подхода к проблеме, в частности стремление писателей, оказавшихся в тылу, быть полезными для фронта.

Е. Г. Лундберг писал:

«Совершенно естественно, что участники и свидетели событий, происходящих сейчас в Советском Союзе и во всем мире, стремятся так или иначе закрепить пережитое, так или иначе послужить будущим историкам и художественным изображениям Отечественной войны своими материалами.

Наиболее активными в деле собирания фактических материалов об эпохе Великой Отечественной войны могут быть и должны быть писатели всех жанров и журналисты. ... Было бы очень важно предоставить литературным работникам возможность создать собственную фактотеку.

Творчество писателей и поэтов в дни Отечественной войны, естественно, течет по двум разделам: одни произведения пишутся для войны, другие — о войне, одни создаются для того, чтобы удовлетворить текущие потребности бойцов фронта и тыла в остром мобилизующем слове, другие являются как бы заготовками для будущих произведений... Произведения первого рода, написанные для войны, а также дневники и письма лягут наравне с официальными документами в основу будущей, не только художественной, но и научной истории нашей эпохи... Историю общества эпохи Отечественной войны придется строить точно сложную мозаичную картину...

Историк натолкнется на ряд белых пятен и зияний в картине самого недавнего прошлого, ибо окраска деталей изменится с потрясающей быстротой...

И на фронте, и в тылу тысячи бойцов и работников сами хотят что-то рассказать, что-то передать родной стране, но не умеют этого сделать и беспомощно бьются над словом. И тут на советских писателях, на советской интеллигенции лежит еще одна ответственная радостная задача.

Во-первых, среди этих... бойцов фронта и тыла найдутся сотни подлинно одаренных людей, только сейчас осознавших свою одаренность, — мы должны им помочь найти себя.

Во-вторых, независимо от личной одаренности потребность народа в целом выразить свои думы и чаяния является законною и великою потребностью. На этой потребности во все времена расцветал фольклор, она порождала подлинно-народный эпос... И я не знаю, которая из задач выше и ответственнее — задача ли помочь будущему историку, накапливая для него материалы в качестве скромных летописцев, или служебное участие в народном стремлении запечатлеть свои думы и переживания.

⁵ Там же, д. 10, л. 6.

⁶ Там же, д. 31, л. 7.

⁷ Краткую справку об авторе см.: КЛЭ. М., 1967, т. 4, с. 454.

⁸ Записка была переслана для отзыва И. И. Минцу — заместителю председателя комиссии.

В-третьих, работа над живым материалом современности теснее свяжет нас с теми, кто непосредственно кует победу в тылу и на фронте.

Ряд материалов может быть немедленно обработан и передан редакциям газет и журналов, на радио, в кино. Ряд материалов, имеющих практическое значение, может быть использован партийными и планирующими органами, прокуратурой и т. п. И еще ряд материалов, не подлежащих сейчас опубликованию, будет сохранен для будущего либо местными, либо центральной фактотекой, тем или другим архивом.

... Одно ясно — организация фактотеки должна быть гибкой и простой, местной инициативе должен быть дан большой простор...

Местные редакции фактотеки должны быть немногочисленны, активны, должны держать постоянную связь с местными литературными, кино- и радиоорганизациями. Добытый материал должен быстро сортироваться и передаваться в переработку. Должны коллекционироваться письма, дневники, стенгазеты и пр.

От размаха и качества работы писателей зависит, будет ли иметь фактотека только подсобное или самостоятельное значение. Во всяком случае, она может стать чрезвычайно значительным памятником Отечественной войны, и не будет неожиданным, если на основе ее вырастут у нас сильные и прекрасные произведения»⁹.

Приведенные документы свидетельствуют о том, насколько назревшей была общественная потребность в исторических учреждениях, которые собирали бы свидетельства участников войны и с целью их непосредственного использования в политической и воспитательной работе, и, главное, для будущих исторических исследований. Чтобы реализовать этот социальный заказ, и был создан научный коллектив — Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР как головное учреждение широкой и разветвленной сети региональных (республиканских, областных, районных), ведомственных комиссий, комиссий боевых и трудовых коллективов.

Обстоятельства возникновения комиссии были изложены заместителем председателя, непосредственным руководителем ее научного коллектива членом-корреспондентом АН СССР (ныне академиком) И. И. Минцем.

В памятной записке от 24 сентября 1942 г., адресованной в ЦК ВКП(б), в п. 1 указывалось, что в декабре 1941 г. была создана Комиссия по истории обороны Москвы с задачей собирания источников по этой теме.

«В августе секретарь МК тов. Щербаков приказал сделать книгу об истории обороны Москвы. Это сейчас наша основная работа...

2. Собирая материал для истории обороны Москвы, мы изучали истории отдельных частей, участвовавших в обороне Москвы...

6. На местах самостоятельно выросли комиссии по истории Отечественной войны.

Такие комиссии имеются: в Иваново-Вознесенской обл., Челябинской обл., в Дагестане, в Сев[ерной] Осетии, Белорусская комиссия, Литовская комиссия¹⁰, Эстонская комиссия, комиссия при Украинской академии наук, в Киргизской республике.

Все эти комиссии требуют руководства. (Наша комиссия хотя и была создана как Московская, но фактически собирает материал по всей истории Отечественной войны и помогает областным комиссиям).

Для ведения текущей работы нужен был какой-то научный аппарат. Мы создали его в недрах Академии наук, оформив в виде комиссии... работающей под непосредственным руководством Управления агитации и

⁹ Там же, д. 5, л. 8—10.

¹⁰ По предположению Ю. В. Андрушайтите, речь идет об активно действовавшей Латышской комиссии. Сведений о деятельности Литовской комиссии в нашем распоряжении нет.

пропаганды ЦК. Состав комиссии — это Комиссия Московского комитета, куда добавлены академики Ярославский, Митин и секретарь ЦК комсомола Михайлов...»¹¹

О принципах работы, структуре и задачах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР И. И. Минц более подробно рассказал в сообщении, сделанном на заседании бюро ее Уральского филиала 1 ноября 1942 г. В протоколе заседания это сообщение было зафиксировано следующим образом: «1. Центральная Комиссия по истории В[еликой] О[течественной] в[ойны] проводит свою работу по Отделению истории АН СССР, в состав входит 12 ч[еловек]: председатель — проф. Александров, его заместитель — проф. Минц, от военно-морского ведомства — т. Шикин и Рогов, от МК ВКП(б) — Леонтьева, от ЦК комсомола — т. Михайлов, от правительства — т. Землячка, от Академии наук — Митин, Юдин и Ярославский, редактор „Правды“ и редактор „Известий“ ...

3. Начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) проф. Александров предполагает разослать на места указание об организации областных, а также по АССР и ССР комиссий под председательством секретарей обкомов по пропаганде и агитации, причем учреждение таких комиссий по истории ВОВ является обязательным в прифронтовой полосе и в крупных промышленных центрах; в остальных областях — по мере возможности. Районные комиссии организуются в г. Москве и в освобожденных районах Московской области, в остальных районах — по желанию мест.

4. В состав областных комиссий должны входить представители общественных организаций (4–5), в том числе от комсомола и желательно — от краеведческих организаций... Комиссии опираются на общественность, своего аппарата не создают (в областной комиссии все делопроизводство возлагается на инструктора по пропаганде); средства изыскиваются на местах.

5. Основная задача комиссии по истории ВОВ — сбор материалов (собственно сбор материалов, которые не откладываются в архивах, и наблюдение за сохранностью архивов на предприятиях и в учреждениях). Вторая задача (не первостепенная, но важная) — публикация материалов (издание журнала и сборника и т. д.). Третья задача — издание научного труда ... по истории обороны г. Москвы. Четвертая задача — издание отдельных работ по истории воинских частей, прежде всего серия по гвардейским частям, затем — по истории ополчений, общая серия — сборники военных документов. Пятая задача — составление хроники ВОВ по национальным республикам и областям (Урал, УзССР, БашАССР, ДагАССР и др.), чтобы наглядно показать содружество народов в великой борьбе. Шестая задача — составление энциклопедии „Герои ВОВ“ ... В ней предполагается провести идею: „героями не рождаются, а становятся“. В составлении этих очерков должны принять участие и историки и литераторы, главенствовать должны первые. Уральскому филиалу, как и другим, будет поручено составление очерков по истории гвардейских дивизий по общему плану, с выездом в дивизию на фронт...».

И. И. Минц назвал некоторые важные принципы работы комиссии, в частности он указал на необходимость: «1) Поставить хранение материалов по истории ВОВ так, чтобы никто не мог бы ими воспользоваться в ущерб делу, не разглашать сведений и по возможности допускать к материалам меньше людей. 2) „Не шумите“ накапливайте материал, выступите через 1–2 года. 3) Не создавайте громоздкого аппарата, а втягивайте как можно больше в работу общественность, чтобы потом можно было сказать: „история пишется теми, кто ее делал“.

На поставленные присутствующими вопросы проф. Минц разъяснил: а) работа над библиографией ВОВ возложена на Библиотеку имени Ле-

¹¹ НА ИИ, ф. 14, д. 22, л. 55–55 об.

нина; в областях это должно составить задачу областных библиотек под руководством областных комиссий и филиалов; б) не следует торопиться с печатанием работ, лучше над ними работать...; в) можно отдельные работы возлагать на специальные организации и учреждения, которые в таком случае и будут объединять всю работу по этой линии. Так, в Москве работа о школе поручена Государственному педагогическому институту; г) составлять историю полка и др[угих] воинских частей в порядке приказа не следует. К такой работе можно приступать лишь там, где есть к этому интерес и где есть для этого люди...; д) в отношении заводов мы подходим так: никаких исследовательских задач себе не ставим; наша задача — показать людей. Если есть на заводе или на стороне интерес к составлению истории данного большого завода, это можно осуществить, причем форма подачи материала по каждому заводу может быть особой. Напр[имер], историю завода МИЗ можно поручить бригаде в составе тт. Кафенгауза, Розина и кого-либо из литераторов. Другой тип истории ... — собрание очерков и воспоминаний местных работников. Третий тип — вводная статья исторического характера, а затем рассказы и документы. Могут быть и другие типы описания заводов. Не надо гоняться за тем, чтобы были представлены все заводы. В работе необходимо показать производственные традиции завода и участие его в революциях. Основная задача таких историй заводов — не экономическое исследование, а выявление политической стороны...

Постановили: Принять указания зам. председателя Комиссии АН СССР по истории ВОВ проф. Минца к сведению и руководству в работе Уральского филиала»¹².

Данные документы отразили задачи Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, «стратегические» и «тактические» установки ее и всей обширной сети местных и ведомственных исторических комиссий.

Разумеется, в приведенных документах не могли быть отражены все стороны и формы деятельности комиссии, методы ее работы. Так, не указывается в них, что комиссия интенсивно готовила кадры историков Отечественной войны путем привлечения в аспирантуру способных людей из числа непосредственных участников войны. Командиру 3-го Гвардейского механизированного корпуса гвардии генерал-лейтенанту В. Т. Обухову было направлено такое письмо: «Комиссия ... ознакомилась с рукописью литератора Самсонова по истории Вашего соединения. Работа эта, просмотренная в нашем военном секторе, получила вполне удовлетворительный анализ... Считая, что история славного боевого пути Вашего соединения может быть темой серьезной научной работы, просим содействовать т. Самсонову в оформлении и дополнении рукописи для защиты ее как диссертации на ученую степень кандидата исторических наук»¹³.

Не отражено в них и существование широчайшей сети корреспондентов в войсках, учреждениях и на предприятиях, на которую комиссия опиралась в своей работе (из числа корреспондентов выявлялись и будущие историки).

Конкретные методики, строго дифференцированные и нацеленные на решение четко определенных задач, также не раскрыты в приведенных документах.

Все эти и многие другие вопросы могут быть темами специальных исследований, особенно вопросы методические. А они заслуживают особенно пристального внимания. Во-первых, опыт создания и собирания до-

¹² Там же, д. 44, л. 77—79 об. (л. 78 и 79 подшиты в деле неправильно). Документ машинописный (2-й экз.), подписан председателем В. В. Данилевским и секретарем Б. Б. Веселовским.

¹³ Там же, д. 25, л. 127; см. также л. 108. История 3-го гвардейского механизированного корпуса, написанная лейтенантом А. М. Самсоновым. — Там же, ф. 2, р. 1, оп. 76, д. 2. Позднее монография А. М. Самсонова (ныне академика) была издана (Самсонов А. М. Боевой путь 3-го Гвардейского Сталинградского механизированного корпуса: (Материалы к истории). М., 1948).

кументальных свидетельств непосредственных участников важных исторических событий поучителен для нынешних археографов, собирающих реликвии недавнего прошлого и современности.

Во-вторых, не имея представления о методах этой работы, невозможно понять и оценить сложившиеся в процессе деятельности комиссии комплексы источников.

Наконец, сами по себе эти методы — существенное историографическое явление, факт истории археографической деятельности. Они разрабатывались на базе достижений предшествующего времени и впитали в себя опыт истпартов и других учреждений, занимавшихся историей революционного движения, самым непосредственным образом они вытекали из опыта работы главной редакции «Истории гражданской войны».

Эти и многие другие проблемы еще ждут исследования, так же, как и созданные комиссией документальные комплексы, которые попытаемся охарактеризовать здесь лишь самым предварительным образом.

После прекращения деятельности комиссии и передачи ее материалов в Отдел советского общества Института истории АН СССР работники архива комиссии продолжали приводить их в порядок. Эти документы были выделены в самостоятельный фонд 2 и систематизированы в соответствии со структурой комиссии. Фонд пополнялся до 1967 г. материалами, собранными ранее ее сотрудниками. Поступления также шли из секторов института, главной редакции «Истории гражданской войны», от участников войны, из музеев.

В настоящее время в фонде 2 («Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны») содержится 17 422 дела. Отдельные газеты военных лет, вырезки по тематике войны, полученные из бюро газетных вырезок, небольшое число боевых листовок еще нуждаются в описании и присоединении к фонду. Весь материал фонда 2 систематизирован по 13 разделам.

В *разделе I* — «История воинских частей и подразделений» — сохранилось 124 дела.

В материалах раздела содержатся: история 4-го Украинского фронта, истории восьми общевойсковых армий — 1-й Ударной, Приморской, 16-й, 24-й, 51-й, 60-й, 62-й и 64-й и 8-й воздушной армий, истории пяти корпусов: 3-го гвардейского Сталинградского механизированного, 3-го гвардейского стрелкового, 4-го танкового, 5-го гвардейского казачьего кавалерийского Донско-Будапештского Краснознаменного, 130-го Латышского стрелкового; около 40 историй дивизий, в основном стрелковых, большую часть которых составляют истории дивизий народного ополчения г. Москвы; около 30 историй полков, в основном авиационных и стрелковых.

В разделе также имеются и некоторые материалы по истории Военно-Морского Флота: Волжской военной флотилии, подводных лодок Северного флота, гвардейского крейсера «Красный Кавказ» и некоторые другие.

Эти истории писались и в воинских частях, и сотрудниками комиссии, и литераторами, и научными работниками других учреждений.

Помимо охарактеризованных материалов, в раздел включены документы оперативного характера — приказы, распоряжения, политдонесения, рапорты, сводки и журналы боевых действий, схемы боевых действий, большое число стенограмм, бесед с бойцами и командирами, воспоминания участников войны, письма, рассказы, очерки, клятвы бойцов, фольклорный материал (стихи и песни). В период приведения в порядок фонда печатные материалы и газеты воинских частей были выделены в раздел XIII.

Раздел II — «Партизанское движение» — содержит 1357 дел, объединенных в 22 описи. Материалы сгруппированы в основном по географическим районам, охваченным партизанским движением. Представлены Московская, Ленинградская, Смоленская, Тульская, Орловская, Брянская и Калининская области; Северный Кавказ, Карелия, Крым; из союзных республик — Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия.

В самостоятельные описи выделены материалы штаба партизанского движения Западного фронта и партизанской бригады «Бати» (Смоленская область), а также небольшое число документов о партизанском движении в Чехословакии и Западной Европе (7 дел). Самыми большими комплексами являются материалы по Украине (405 дел) и Белоруссии (336 дел), по Смоленской области (124 дела) и объединению «Бати» (118 дел).

По своему характеру материалы этого раздела идентичны документам I раздела. Это дела, содержащие истории и боевые пути отдельных партизанских отрядов, отчеты и донесения о боевых действиях, отдельных операциях.

Самый большой комплекс — стенограммы бесед с командирами, начальниками штабов партизанских отрядов, комиссарами, отдельными партизанами, руководителями подпольных партийных организаций. Раздел включает самые разнообразные с точки зрения видовой принадлежности документы: стенограммы и рукописи воспоминаний партизан, дневники, письма и другие личные документы, автобиографии и биографии, докладные записки, отчеты, справки и описания операций, листовки, подпольные газеты и рукописные журналы, обращения, записи выступлений по радио, очерки и статьи о действиях партизан, фольклорные материалы.

Раздел III — «Оборона городов» — содержит 651 дело. Материалы в 18 описях сгруппированы по географическому принципу. Самый большой комплекс — материалы по обороне Сталинграда (185 дел). Немногим более 100 дел содержат описи материалов по обороне Севастополя и Москвы. Оборона других городов (Одесса, Курск, Харьков, Ленинград и др.) представлена очень фрагментарно — от 1 до 80 дел в каждой описи.

Основной массив документов этого раздела — стенограммы бесед с участниками обороны. Исключением является опись дел по обороне Москвы. Все документы этой описи — воспоминания участников обороны города, поступившие в Институт истории СССР в 1966—1967 гг. (Другие же материалы по обороне Москвы выделены в самостоятельный IX раздел).

Опись документов по обороне Сталинграда состоит из подразделов, каждый из которых показан документами оперативного характера отдельных армий, участвовавших в Сталинградской битве (24-я, 57-я, 62-я, 65-я, 66-я, 5-я, 6-я танковая армии, 2-я гвардейская, 8-я и 16-я воздушные армии). Это доклады, отчеты и описания боевых действий, политдонесения, журналы боевых действий, боевые истории отдельных соединений и др. Но эти документы являются в своем большинстве дубликатами материалов, отложившихся в I разделе. Есть и отдельные статьи и очерки. Материалы по Курской битве представлены аналогичными документами Центрального, Воронежского, Брянского и Западного фронтов.

Раздел IV — «Материалы о Героях Советского Союза» — представлены в основном записями бесед с ними и их сослуживцами. Позднее эти дела пополнились вырезками из газет, перепиской с родственниками погибших героев, листовками. Сотрудники комиссии записывали рассказы героев во время их приезда в Москву за наградами или на местах — в воинских частях и партизанских соединениях. Записи бесед с Героями Советского Союза иногда дублируются и в других разделах, например I, II, III. Сотрудниками комиссии в Архиве Министерства обороны СССР были сняты копии наградных листов, которыми пополнены материалы раздела. Дополнением к данному разделу является и картотека на 7240 героев, входящая в раздел XIII.

Раздел V — «Тыл, военная экономика» (678 дел) — очень фрагментарен. В нем представлены записи бесед с административными руководителями, профсоюзными, партийными, комсомольскими деятелями, инженерным и техническим составом, рядовыми рабочими почти 30 предприятий Москвы (заводы ЗИЛ, СВАРЗ, им. Владимира Ильича, «Шарикоподшипник», «Красный пролетарий», фабрики «Рот-фронт», «Трехгорная мануфактура» и др.), отдельных эвакуированных заводов Киева, Минска, Урала и некоторых других районов. В этот раздел входят также

материалы и по Донбассу, Подмосковному угольному бассейну, Октябрьской и Ленинской железным дорогам, а также материалы по соцсоревнованию в годы войны. Наиболее широко представлены комбинат «Григорная мануфактура» и Подмосковный угольный бассейн. Материалы последнего, кроме стенограмм бесед, включают документы о шефской материальной помощи шахтам, документы партийных органов Московской и Тульской областей (доклады, решения пленумов и конференций), информационные документы о работе комсомольских организаций, статистические данные о восстановлении шахт и добыче угля, письма с фронта бывших шахтеров, характеристики рабочих и большую группу воспоминаний о восстановлении шахт Подмосковного бассейна.

Документы *раздела VI* — «Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков» (713 дел) — сгруппированы по географическому принципу (Украина, Белоруссия, Латвия, Эстония, Молдавия, Северный Кавказ, Крым, Донбасс, а также области — Московская, Смоленская, Тульская, Курская и отдельные города — Киев, Одесса, Харьков и др.).

Раздел в основном представлен актами, описаниями и другими документами, в которых были зафиксированы зверства, разрушения и ущерб, нанесенный оккупантами, стенограммами бесед с жителями, воспоминаниями, статистическими сведениями о восстановлении разрушенных районов, письмами советских граждан, увезенных в Германию. Сюда включены также и материалы администрации оккупантов (документы о проведении земельной политики, приказы и распоряжения местному населению, списки немецких газет и журналов, издаваемых в Белоруссии, памятки немецким солдатам, листовки, письма немецких солдат и др.).

В этот же раздел включена и опись материалов о подпольной работе военнопленных и советских граждан, угнанных в Германию. Это листовки и приказы подпольных организаций, воспоминания, записи бесед, характеристики деятельности подпольных организаций, дневники, стихи. Отдельная опись составлена на сборник воспоминаний бывших узниц лагеря Равенсбрюк (43 дела).

Раздел VII — «Национальные республики в годы Великой Отечественной войны» — невелик (49 дел). Это объясняется тем, что в самих республиках были созданы Комиссии по сбору материалов о войне. Собранные ими материалы в основном остались на местах. Материалы этого раздела случайны, разнотемны: некоторые отражают участие народов братских республик в обороне Москвы (шесть дел по Азербайджану), единичные дела имеются по Армении, Узбекистану, Туркмении и Казахстану, отдельные рукописи об участии женщин Узбекистана в войне, сведения о движении народного ополчения, письма с фронта, рукописи нескольких статей и брошюр, выписки из газет.

Таковую же малочисленную группу (50 дел) представляют документы *раздела VIII* — «Культура и быт в годы войны». Это стенограммы бесед с работниками искусства и работниками некоторых московских научно-исследовательских институтов и вузов, материалы о деятельности МГУ, Всероссийского театрального общества, отчеты о деятельности Государственного Исторического музея, Музея Л. Н. Толстого и Музея нового западного искусства, справки о работе ГБЛ и Государственной исторической библиотеки, отдельные рукописи монографических работ о жизни школ и институтов Москвы.

Раздел IX — «Материалы по истории обороны Москвы» (418 дел) — состоит в основном из стенограмм бесед с организаторами обороны Москвы, дивизий народного ополчения — партийными, комсомольскими и советскими работниками, участниками строительства оборонительных рубежей и защитниками Москвы, а также их воспоминаний и дневников, справок, отчетов о работе предприятий, научных и других учреждений города, о формировании народного ополчения и коммунистических батальонов, материалов МПВО, выписок из многотиражных газет предприятий, списков ополченцев и проч. Эти материалы были собраны райкома-

ми ВКП(б) и сгруппированы по административным районам Москвы. Некоторые материалы IX раздела аналогичны документам раздела I, так как тоже включают историю некоторых воинских соединений, оборонявших Москву. В самостоятельные описи сгруппированы материалы и документы по ПВО, созданию московского ополчения, о строительстве оборонительных рубежей. Документы по этим сюжетам также присутствуют в описях материалов отдельных райкомов ВКП(б) города. В этот же раздел самостоятельными описями вошли документы и по обороне Серпухова и Каширы, Дмитровского горкома ВКП(б) и Ленинского РК ВКП(б) Московской области, Кунцевского горкома ВКП(б).

В отдельную опись включены статьи и монографии по обороне Москвы, хотя в вышеперечисленных описях тоже встречаются рукописи отдельных статей и очерков.

Раздел X — разные материалы (170 дел). Сюда вошли сборники статей и воспоминаний, отдельные статьи и очерки, воспоминания участников Великой Отечественной войны и их письма. В отдельной описи находятся материалы о женщинах в дни войны (79 дел).

При научно-технической обработке всего комплекса материалов фонда 2 из тематических разделов был выделен весь фотоматериал (*раздел XI*), состоящий из двух описей: фототеки Героев Советского Союза (1451 дело) и фототеки тематической (122 дела): воинские части и соединения, партизанские отряды, оборона городов, предприятия, учебные и научные учреждения страны, культура и быт, зверства оккупантов, нанесенный ущерб, разрушения и др. Всего в разделе 33 458 фотографий.

Небольшую группу — 29 дел — представляют трофейные документы (*раздел XII*). Материалы этого раздела были приведены в порядок в 1976 г. Это бюллетени приказов, распоряжений и сообщений верховного командования германских войск, приказы командиров, фашистские звания, листовки, плакаты, бюллетени, документы оккупационных властей и др. Аналогичные документы встречаются и в разделах «Оккупационный режим» и «Партизанское движение».

Группой хроники и библиографии комиссии был собран огромный печатный материал, который составил *раздел XIII* (1230 дел): бюллетени, листовки, плакаты, обращения, брошюры, газеты воинских частей, партизанских и подпольных соединений и организаций; листовки, брошюры, книги, газеты и плакаты, изданные МК ВКП(б), Воен- и Военмориздатом; информбюллетени; газеты, обращения, воззвания и листовки, изданные политуправлениями фронтов на немецком и других языках.

Большую ценность представляет досье газетных вырезок по различным аспектам Великой Отечественной войны (оборона городов, партизанское движение, указы и постановления правительства, хроника войны и др.). В этот же раздел входят и картотеки (около 80 ящиков): «Летопись обороны Москвы», «Указатели к приказам Верховного командования», «Библиография Героев Советского Союза», «Картотека сводок Совинформбюро», персоналии партизан, воинские части и боевые операции, оборона городов. Этот раздел является существенным дополнением к документальным материалам всех предыдущих разделов, так как содержит печатный материал по всем сюжетам Великой Отечественной войны.

Своеобразным ключом к предыдущему комплексу материалов являются документы фонда 14, где сосредоточена делопроизводственная документация комиссии. Здесь собрана переписка руководства комиссии и ее отделов с центральными партийными и государственными органами, военными организациями, а также региональными комиссиями по истории войны и отдельными лицами. Здесь же содержатся приказы и распоряжения по комиссии, протоколы заседаний ее отделов, методические материалы, подготовленные сотрудниками комиссии или присланные для сведения и для рецензирования, отзывы с мест. В этих документах отражена повседневная жизнь коллектива, система ее связей, организационные и методические принципы работы. Существенный интерес эти материалы представляют и для изучения биографий ряда известных советских

историков: Г. Н. Анпилогова, Э. Б. Генкиной, Р. И. Голубевой, Е. Н. Городецкого, Л. М. Зак, И. М. Разгона, М. К. Рожковой, А. Л. Сидорова, Н. А. Сидоровой, В. И. Шункова и др.

Охарактеризованные в статье документы фонда 2 играют далеко не одинаковую роль в комплексах. Так, стенограммы устных воспоминаний образуют основной и специфический массив взаимосвязанных свидетельств. Они дополняются рукописями воспоминаний, дневниками и письмами-воспоминаниями. Документы служебного происхождения существенной роли в фонде 2 не играют — они разрозненны и относятся скорее к категории «случайных находок». «Истории воинских частей», немногочисленные по сравнению с источниками личного происхождения, органически связаны с соответствующими группами стенограмм и рукописей воспоминаний. По отношению к этим комплексам они были системообразующим элементом, поскольку свидетельства участников собирались в расчете на использование в них. Анализ «историй» — тема последующей работы.

Тихомировские чтения 1981 года

С. О. Шмидт

25 ЛЕТ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В апреле 1981 г. нашей Археографической комиссии исполнилось 25 лет. В начале 1981 г. сдана в производство 25-я книга «Археографического ежегодника». 25 лет для человека — это годы молодости и планов на будущее. Для общественного организма, для научного учреждения — это время, когда можно уже подводить некоторые итоги, достаточный период для того, чтобы если не «попасть» в историю, то оказаться объектом историографии, высенить, состоялся ли «историографический факт», и определить, каковы источники для изучения этого факта.

Задача сообщения — отметить то, что способствовало созданию Археографической комиссии, вызвало ее к жизни, показать значение в этом плане инициативы и черт личности ее организатора и первого председателя Михаила Николаевича Тихомирова и, наконец, сообщить о проделанном комиссией за эти годы, о перспективах ее дальнейшей работы. Это можно сделать, не вдаваясь в детали, так как недавно опубликована статья об Археографической комиссии в журнале «Общественные науки»¹, в программе Тихомировских чтений 1981 г. — специальные доклады об отдельных сферах деятельности комиссии, в Археографическом ежегоднике — особо в разделе «Хроника» — регулярно помещалась соответствующая информация.

Постановление Президиума АН СССР о создании Археографической комиссии при Отделении исторических наук (так тогда называли Отделение истории) датируется 13 апреля 1956 г. Основана она была по почину академика-секретаря отделения М. Н. Тихомирова в целях прежде всего координации работы в области археологии и смежных с ней научных дисциплин². Археология в соответствии с традициями отечественной науки в представлении и М. Н. Тихомирова и нашим — это специальная научная дисциплина, разрабатывающая вопросы собирания, описания и публикации документальных памятников (или уже — письменных памятников).

В среде архивистов распространено представление об археологии как о научной дисциплине, разрабатывающей вопросы теории, методики и практики публикационной деятельности, точнее, даже издательской деятельности. Видимо, такая дефиниция может быть признана в архивной практике как основная. В рамках же более широкого понимания археологии как научно-методической дисциплины (или системы знаний) можно выделить отдельные сферы археологической деятельности: «полевая археология», т. е. поиск и изучение документальных памятников в среде их бытования; описательная (камеральная) археология — научное описание отдельных документальных памятников (но не архивных фондов

¹ Шмидт С., Черных В. Археологическая комиссия Академии наук СССР. — *Общественные науки*, 1981, № 3, с. 146—153.

² См. подробнее в хроникальной заметке Ю. О. Бега (АЕ за 1957 год, М., 1958, с. 481 и след.).

в целом)³ в стационарных (по сравнению с полевыми) условиях; эдиционная археография — комплекс работ, связанных с подготовкой документальных публикаций⁴.

Археографическая комиссия призвана была стать научным центром, занимающимся теорией и практикой археографии и смежных с ней научных дисциплин во всем ее объеме. Причем для М. Н. Тихомирова, как и других исследователей, теория и практика археографии казались неотделимыми друг от друга. На Археографическую комиссию сразу же были возложены задачи издания «Археографического ежегодника», подготовки различных научно-справочных пособий, выявления, учета и описания особенно ценных рукописных материалов (прежде всего по истории русского и других славянских народов). Работа координационного характера стала еще более главенствующей, когда в 1961 г. Археографическая комиссия была включена в число научно-проблемных советов Академии наук СССР.

Небольшой коллектив сотрудников Археографической комиссии занимается главным образом методическими вопросами археографии и изучением истории археографии, составлением каталогов архивных материалов, справочных пособий, методических рекомендаций полевой и описательной археографии, практической работой по описанию старинных памятников письменности — рукописей и старопечатных книг, подготовкой к печати «Археографического ежегодника», документальных публикаций и исследований, изданием историографического наследия ученых. Как научный совет по комплексной проблеме, объединяющий на общественных началах специалистов в области археографии и смежных с ней исторических и филологических научных дисциплин, Археографическая комиссия координирует деятельность в этих областях знания, осуществляемую в Академии наук СССР, а также архивами, библиотеками, музеями, высшими учебными заведениями, другими учреждениями и общественными организациями. Ныне роль Археографической комиссии как научно-проблемного совета возрастает. Президент Академии наук СССР академик А. П. Александров на XXVI съезде КПСС сказал: «На XXV съезде КПСС Академии наук СССР было дано важное новое поручение — координация всей науки в стране. Мы работали в этом направлении... Эта работа далеко еще не закончена, но она дает уже хорошие плоды и будет нами энергично продолжаться»⁵. Это общее положение, характеризующее основные направления деятельности Академии наук СССР в целом, а следовательно, и ее научно-проблемных советов, можно отнести и к определению задач Археографической комиссии.

Наша Археографическая комиссия обязана своим возникновением М. Н. Тихомирову. Для Тихомирова наука была неотделима от самой его жизни и от служения Родине. Служение Родине и служение науке казались ему не долгом, а естественным состоянием. Это было внутренней потребностью: чем больше он знал, тем больше отдавал; чем больше у него появлялось возможностей, тем большей представлялась ему ответственность перед людьми и перед самим собой.

В творческой деятельности М. Н. Тихомирова большое место занимали не только работа, находившая воплощение в книгах, статьях, докладах, лекциях, но и научное описание и подготовка изданий письменных памятников. Он и сам готовил такие труды и был руководителем многих начинаний. Подобная работа подчас воспринимается (прежде всего теми,

³ Черных В. А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин. — СА, 1976, № 6.

⁴ См. об этом: Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии. — АЕ за 1978 год, М., 1979, с. 136; *Он же*. Советская археография и ее современные задачи. — В кн.: Архивы СССР периода развитого социалистического общества. М., 1979. Ротапринт; *Он же*. Об описании рукописных книг. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981, с. 10.

⁵ XXVI съезд КПСС: Стенографический отчет. М., 1981, т. 1, с. 223—224.

кто не имеет склонности и способности к ней) как якобы второсортная рядом с традиционного типа исследовательскими печатными трудами и диссертациями. М. Н. Тихомиров же был убежден в том, что и научное описание, и публикация рукописей — труд научно-исследовательский, причем требующий многосторонних знаний, овладения сложными приемами исследовательской техники, строгой методикой, допускающей возможность как бы лабораторной проверки выводов и наблюдений ученого, что это форма источниковедческой работы. А «с изучения источников, — утверждал он, — начинается всякая серьезная историческая работа». Это слова из предисловия к первой книге «Археографического ежегодника». Представления М. Н. Тихомирова о характере научной работы отвечают самым современным представлениям, сформулированным недавно академиком Д. С. Лихачевым, который в статье «История — мать истины» писал: «... В науке нет других профессий, кроме профессии исследователя», «научное исследование не начинается с обобщения, которое потом примеривается к материалу, идет оно ему, как шляпка к лицу девушки, или не идет. Исследование начинается с рассмотрения всех относящихся к проблеме данных, с установления фактов. При этом изучение ведется определенными научными методами. Красота научной работы состоит главным образом в красоте исследовательских приемов, в новизне и скрупулезности научной методикой»⁶.

М. Н. Тихомиров считал необходимым закрепление традиций источниковедческих исследований, составил первый учебник по источниковедению отечественной истории периода феодализма (на основе лекционного курса, прочитанного еще до Великой Отечественной войны в МГИАИ), основал — уже после войны — первую в СССР кафедру источниковедения (в МГУ), создал школу источниковедов, археографов, палеографов, старался обучить своих учеников «ремеслу» истории. Думается, что Михаил Николаевич слово «ремесло» внутренне произносил с большой буквы, гордился тем, что он — «мастер» — владеет умением быстро читать, атрибутировать рукопись, извлекать из нее историческую информацию, составить представление о возможном ее использовании и способе публикации. М. Н. Тихомиров полагал, что и ученики его, как подмастерья в давнее время, обязаны овладевать навыками труда и сноровкой учителя, всячески стимулировал и поощрял наши палеографические и археографические занятия. Остаться у М. Н. Тихомирова в учениках было не просто; и если он говорил слова похвалы или рекомендовал подготовленные нами труды в печать, то это вызывало у нас мало с чем сравнимое удовлетворение.

М. Н. Тихомирова глубоко волновали судьбы документальных памятников — и древности, и нового времени. Именно его тревожным «Письмом в редакцию» журнала «Вопросы истории» (членом редколлегии которого он тогда был) возбуждено было в 1948 г. особое внимание научной и более широкой общественности к собиранию и охране старинных рукописей. «Письмо» заканчивалось словами: «... Положение с охраной рукописей нетерпимо. Необходимо создать какой-либо орган, наблюдающий за хранением рукописей и их учетом. Необходимо также спешно организовать новую „археографическую экспедицию“ для собирания рукописей у населения. Время не терпит. Русское письменное богатство принадлежит нашей Родине и должно быть сохранено для будущих поколений»⁷. В 1954 г. он выступил со статьей «Сохранять рукописные богатства» на страницах «Литературной газеты» (№ 49 от 24 апреля). М. Н. Тихомиров стоял как бы у истоков Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Да и кому, как не ему, был столь близок пафос подобных законодательных положений, воплощенные в жизнь ленинской традиции охраны культурного наследия. Ведь

⁶ Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981, с. 207, 203.

⁷ ВИ, 1948, № 3, с. 159; см. также: Павлов-Сильванский В. В. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — АЕ за 1970 год, М., 1971, с. 249 и сл.

еще в первые послереволюционные годы М. Н. Тихомиров, только что окончивший Московский университет, основал музей в г. Дмитрове⁸, а затем в буквальном смысле слова «на своей спине» спасал рукописные богатства иргизских монастырей⁹ и личный архив знаменитой семьи Аксаковых в Самарщине¹⁰.

М. Н. Тихомиров был неутомим, проводя в жизнь то, что отвечало его научным убеждениям, и использовал для этого, конечно, и свое положение в науке, и свой общественный авторитет. Свои материальные возможности, как широко известно, он обратил на создание уникальной коллекции рукописных и старопечатных памятников и произведений древнерусского искусства — Тихомировского собрания, переданного им еще при жизни в дар Сибирскому отделению АН СССР. И это тоже характерно для М. Н. Тихомирова. Уроженец Москвы и знаток ее истории, он хотел, чтобы культура развивалась и вширь, чтобы в Сибири имелась основа для археографической деятельности во всем ее многообразии¹¹. Возможности, приобретенные им с избранием членом-корреспондентом АН СССР (в 1946 г.), академиком (в 1953 г.) и особенно академиком-секретарем отделения и членом Президиума АН СССР, и даже некоторые черты своего отнюдь не «легкого» характера он использовал именно для выполнения дел, в которых видел свой долг ученого и гражданина.

М. Н. Тихомиров настоял на возобновлении издания Полного собрания русских летописей, а затем образовал и специальную Группу по изданию ПСРЛ¹². Он поддержал работу по подготовке академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева и был одним из ее редакторов; под наблюдением М. Н. Тихомирова осуществлено издание Сочинений В. О. Ключевского в восьми книгах и избранных произведений М. Н. Покровского в четырех книгах. Он был главным редактором первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР». Он стал организатором и председателем Археографической комиссии и выбрал своим заместителем В. И. Шункова, сменившего его затем на этом посту. Все это показывает, что М. Н. Тихомиров обладал даром не только выдающегося исследователя и педагога, но и крупного организатора науки.

Старая императорская Археографическая комиссия, учрежденная в Петербурге в 1830-х годах первоначально для издания документов, собранных Археографической экспедицией, была официальным учреждением: председатель ее утверждался лично царем, а члены назначались министром народного просвещения. Ее обязанностью было издание письменных памятников отечественной истории до XVIII в. — готовились к изданию серии «Акт», Полное собрание русских летописей, тома «Русской исторической библиотеки». Описание и изучение таких памятников находили отражение в выпусках «Летописи занятий Археографической комиссии». Корреспонденты этой Комиссии изучали документы в архивах нашей страны и в зарубежных архивах. В начале XX в. были организованы археографические экспедиции по разысканию старинных памятников письменности. Штатными сотрудниками Комиссии были источниковеды и археографы; ответственными редакторами ее изданий — виднейшие ученые. По существу она была тесно связана с Академией наук, редакторами многих ее изданий были академики. В ведение Академии наук и

⁸ См. об этом: *Хохлов Р. Ф.* М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей. — АЕ за 1978 год.

⁹ *Староверова И. П.* Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. — АЕ за 1969 год, М., 1970, с. 309; *Беляевский М. Т., Сукаев А. Г.* Новые материалы о М. Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области. — АЕ за 1976 год, М., 1977.

¹⁰ Недавно В. В. Крылов обнаружил в архиве МГИИИ ценный документ-автограф М. Н. Тихомирова тех лет с описанием этой его деятельности и подготовил его к публикации.

¹¹ *Шмидт С. О.* Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова: Тихомировские традиции. — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1982; см. и другие статьи в этом издании.

¹² Подробнее см.: *Буганов В. И.* Об издании русских летописей. — АЕ за 1971 год, М., 1972, с. 19 и след.

передали Комиссию в 1922 г. Несмотря на консерватизм воззрений большинства членов Комиссии и официальный характер отбора памятников для издания, ее вклад в развитие исторической и филологической наук, в создание источниковой базы отечественной истории, в становление методики публикаторской и описательной работы очень весом, поэтому имеют серьезное основания отметить в 1984 г. 150-летие со времени ее учреждения. Прежняя Археографическая комиссия в 1926 г. была слита с Постоянной исторической комиссией в Историко-археографическую комиссию при АН СССР, а на рубеже 1930-х годов прекратила существование и был создан Историко-археографический институт (в Ленинграде), занимавшийся подготовкой публикации источников (имелась и его Московская группа).

С 1944 г. под председательством академика Б. Д. Грекова действовала Археографическая комиссия в Институте истории, преобразованная в 1948 г. в Археографический совет, существовавший до весны 1951 г.¹³ В работе Археографического совета принимал участие и М. Н. Тихомиров¹⁴. Об этих начинаниях Б. Д. Грекова, также как и о его попытке организовать Государственный археографический комитет¹⁵, М. Н. Тихомиров был, вероятно, достаточно осведомлен.

М. Н. Тихомиров, можно полагать, не случайно предложил возродить наименование Археографической комиссии. Как и Б. Д. Греков, он с большим уважением относился к изданиям прежней Археографической комиссии, ценил заинтересованное участие в ее деятельности видных ученых и особенно так глубоко почитаемого им академика А. А. Шахматова, трудам которого он придавал первостепенное значение¹⁶. Однако образование новой Археографической комиссии не должно было рассматриваться как возобновление после некоторого перерыва деятельности прежней комиссии, а также и комиссии Института истории АН СССР. Новая комиссия в отличие от тех, которые возглавлял Б. Д. Греков, сразу же образована была при Отделении исторических наук.

Ко времени, когда основали нашу Археографическую комиссию, не только прочно утвердилась марксистско-ленинская методология исторического исследования как единственно приемлемая для советских ученых, но и накопился уже богатый опыт научно-описательной и научно-публикаторской работы в учреждениях системы Академии наук СССР и в архивных учреждениях. К тому времени широко распространился и интерес к сбору, описанию и публикации исторических источников; он перестал быть привилегией избранных специалистов, занятых преимущественно изучением далеких от нас эпох. Это были годы оформления у нас науковедения, обострения интереса и исследователей, и читателей к самой процедуре научного исследования. В трудах ученых стали привлекать внимание не только описания событий, тенденций развития общественных отношений и их оценки, т. е. результаты изучения источников и их осмысления, но и лаборатория работы историка, его подход к источникам. Становилось все яснее, что умение выявлять, истолковывать источники, извлекать из них историческую информацию, обосновывать выводы социологического порядка данными источников — важные критерии оценки научных трудов историков и что изучение историографии не может сводиться к критическому рассмотрению исторических концепций, но включает и ознакомление с методикой исследований. Организация Археографической комиссии, задачи, встававшие перед ней, казались в тех

¹³ Греков Б. Д. Исторические публикации Академии наук. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1945, т. 2, № 3, с. 183—190; Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии. — АЕ за 1958 год, М., 1960, с. 231—232.

¹⁴ Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И. П. Староверова. М., 1974, с. 21; см. также: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 365.

¹⁵ Об этом см.: Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 231.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Что нового внес А. А. Шахматов в изучение древнерусских летописей. — В кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание, с. 12—21.

условиях особенно своевременными. И М. Н. Тихомиров, и его коллеги это чутко ощущали.

М. Н. Тихомиров сразу же отказался от попыток сосредоточения в новой Археографической комиссии дела публикации исторических источников. Он полагал, что следует в новой Археографической комиссии заниматься лишь координацией основной методической работы в этой области и непосредственной подготовкой только немногих документальных публикаций, создавать силами привлеченных Комиссией специалистов методические пособия, справочники, каталоги сводного типа, научные описания рукописей и одновременно вести работу по выявлению и собиранию памятников письменности, т. е. возродить в этом плане традиции, предшествовавшие основанию прежней Археографической комиссии. При этом М. Н. Тихомиров, сам будучи специалистом по истории периода феодализма, в своих последних статьях, и особенно в выступлениях в широкой прессе, писал о важности собирания и изучения памятников нового и новейшего времени. Таким образом, Археографическая комиссия мыслилась как своеобразный коллективный центр научно-методического руководства работой во всех сферах археографических знаний и сопутствующих им наук, как стимулирующее начало для развертывания подобной деятельности не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах и превращения их в очаги археографической культуры.

М. Н. Тихомиров сразу же привлек к обсуждению направлений и конкретных планов работы вновь образованной Археографической комиссии видных ученых-историков и филологов Москвы, Ленинграда и других городов¹⁷. Они делились своими соображениями и в письмах к М. Н. Тихомирову (письма В. П. Адриановой-Перетц, С. Н. Валка, Д. С. Лихачева и др.), и на первом общем собрании Археографической комиссии в октябре 1956 г.¹⁸

М. Н. Тихомиров понимал, что будущее специальных исторических и филологических дисциплин во многом зависит от степени освоения традиционного опыта в этих редких областях знания. М. Н. Тихомиров любил давнее выражение «чтобы свеча не погасла», повторял не раз его в разговорах со своими учениками. (Это было и одним из любимых выражений А. С. Лаппо-Данилевского.)¹⁹ И он побудил молодых людей углубленно заняться вопросами палеографии, кодикологии, текстологии, филигранологии, не говоря уже об источниковедении и археографии в широком смысле этих понятий. Он привлек этих начинающих исследователей, преимущественно своих бывших аспирантов и студентов, к работе Комиссии, а затем (с 1959 г.) и возглавляемой им Группы по изданию ПСРЛ (в обиходе ее называли Летописная группа). Это должно было обеспечить творческий потенциал образующегося научного организма. А известно, что оценка научного потенциала немислима без учета психологического климата учреждения, организации, стиля работы научного лидера и его возможностей.

Авторитет М. Н. Тихомирова как ученого и человека, его убежденность в важности дела охраны и использования документальных памятников и развития специальных дисциплин, способствующих их детальному описанию, публикации и изучению, его умение наметить актуальные научные задачи и сплотить коллектив работников для их осуществления, заразить своим интересом окружающих, привлечь внимание ученых к изданиям и заседаниям Комиссии явились важным фактором развития Археографической комиссии. Уже на первом этапе ее существования сформировался тот своеобразный научно-психологический комплекс, кото-

¹⁷ Документальные материалы такого рода, прежде всего переписка, имеются в личном фонде академика Тихомирова в Архиве АН СССР (описание которого издано) и в архиве Археографической комиссии. Они могут и должны стать темой специального исследования.

¹⁸ См. об этом: *Бем Ю. О.* Указ. соч., с. 482—483.

¹⁹ *Валк С. Н.* Воспоминания ученика.— РИЖ, 1920, кн. 6, с. 192; *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922, с. 34.

рый мы называем тихомировскими традициями. Если бы такое положение не закрепилось уже тогда, при жизни Михаила Николаевича, то не было бы и определенных достижений в последующие годы.

Еще при жизни М. Н. Тихомирова было организовано Ленинградское отделение Комиссии. Руководителем его стал С. Н. Валк — ученый, которого М. Н. Тихомиров признавал «крупнейшей фигурой нашей археографии», «специалистом крупнейшего диапазона»²⁰. В 1974 г. была утверждена структура Археографической комиссии, включающая пять региональных отделений: Ленинградское, Северное с центром в Вологде, Уральское (раньше центр его был в Перми, теперь в Свердловске), Южноуральское с центром в Уфе, Сибирское с центром в Новосибирске. В 1978 г. организована секция восточной археографии во главе с академиком А. Н. Кононовым. Приходится отметить, однако, отсутствие достаточно регулярных и научно-результативных контактов с учреждениями и учеными-специалистами Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Эстонии, некоторых областей европейской части РСФСР.

Деятельность Археографической комиссии не раз была предметом рассмотрения на заседаниях Отделения истории АН СССР. И мы все глубоко признательны за ту помощь, которую нам оказывают Президиум АН СССР, его Секция общественных наук, Отделение истории. Отделение истории принимало развернутые решения о направлении и перспективах деятельности нашей комиссии (информацию об этом см. в «Археографических ежегодниках»). Согласно этим рекомендациям Археографическая комиссия в настоящее время сосредоточивает внимание на следующих вопросах: современное состояние работ во всех областях археографии, истории археографии, архивного дела и научных дисциплин, связанных с собиранием, описанием и изданием письменных источников (палеография, текстология, кодикология, филигранология и др.); координация научно-методической работы подобной тематики в других учреждениях; подготовка Сводного каталога рукописных книг (по XV в. включительно), хранящихся в СССР, и Каталога личных фондов отечественных историков; подготовка изданий «Археографический ежегодник», «Вспомогательные исторические дисциплины», региональных археографических сборников, научно-методических справочных пособий; публикации отдельных источников и оставшихся неизданными трудов ученых по тематике, относящейся к работам Комиссии; координация деятельности археографических экспедиций, выявляющих и собирающих памятники старинной письменности; оказание научно-методической помощи организациям, связанным с движением по выявлению и собиранию документальных памятников революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Дополнительные задачи встали перед Комиссией в связи с изданием Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Археографическая комиссия участвовала в подготовке этого Закона и соответствующего Закона РСФСР, внесла вклад в разработку соответствующих инструкций и положений по осуществлению этих законов.

Археографическая комиссия в отличие от большинства других учреждений и научно-проблемных советов Академии наук СССР, работа которых тоже основана на изучении документальных памятников, призвана не только выявлять и использовать эти памятники, т. е. делать их достоянием науки и общественности, но и охранять эти памятники и обеспечить научную методику их учета, хранения и описания. Соответственно Археографическая комиссия в своей работе в отличие от большинства других научно-проблемных советов в области общественных наук связана не только с так сказать однотипными учреждениями — научно-исследовательскими институтами и вузами, но и с хранилищами документаль-

²⁰ Слова из выступления М. Н. Тихомирова в 1958 г. (АЕ за 1976 год, с. 295).

ных памятников (архивами, библиотеками, музеями), с различными общественными организациями, а также с тем мощным историко-краеведческим движением, которое охватило сейчас самую широкую общественность, и прежде всего школьную молодежь. В своей работе эти учреждения и организации опираются подчас на разную методику; наблюдается и дублирование того или иного рода деятельности, отсутствие научной координации. Это предопределяет особое внимание Археографической комиссии к задачам разработки единообразных нормативов и методов поиска, учета и описания документальных памятников (и древних и новейшего времени). Это побуждает и к творческому освоению опыта деятельности в этих областях и в прежние годы (проблема ознакомления с практическими достижениями предшественников и использования их в сегодняшней практике) и в наши дни.

Многообразная деятельность Археографической комиссии находит отражение прежде всего в подготовленных²¹ и готовящихся изданиях и в организованных ею научных конференциях. Важно отметить то, что это осуществляется зачастую в сотрудничестве (и даже в организационном плане) с другими научными учреждениями и хранилищами документальных памятников Москвы, Ленинграда и других городов. Так, издание шести книг трудов М. Н. Тихомирова предпринято с Архивом АН СССР; серийное издание «Памятники отечественной истории» готовится с Главархивом СССР и ЦГАДА; некоторые издания осуществляются совместно с другими учреждениями АН СССР, с Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, ЦК ВЛКСМ, Министерством просвещения СССР и др. Имеется уже опыт успешной организации совместных научных конференций с отделениями Археографической комиссии (в Вологде, Перми, Уфе, Новосибирске). Такие конференции организуются и с другими учреждениями — Институтом истории СССР АН СССР и его Ленинградским отделением, Библиотекой и Архивом АН СССР, Сибирским отделением АН СССР, Башкирским филиалом АН СССР, ЦИА ИМЛ при ЦК КПСС, Матенадараном, Институтом рукописей АН Грузинской ССР, вузами, архивными учреждениями Москвы, Вологды, Перми, Свердловска и других городов.

Археографическая комиссия издает «Археографические ежегодники»²². Первая книга — «Археографический ежегодник за 1957 год» — вышла в 1958 г. М. Н. Тихомиров отдавал много сил подготовке первых книг ежегодника — и организации материала, и его редактированию (сохранились тексты с его правкой). Он определил и структуру издания, которая остается по существу неизменной. В ежегоднике четыре раздела: I. Статьи и сообщения; II. Обзоры, описания, библиография; III. Публикации; IV. Хроника. В последнее время I раздел начинается со статей постановочно-теоретического характера и обобщающих статей об опыте научной работы главных хранилищ, а затем идут сообщения более частного характера, завершающиеся материалами по истории науки, жизни и деятельности ученых. К этому разделу примыкают материалы Тихомировских чтений — раздела, появившегося в ежегоднике с 1968 г. Первые чтения были посвящены 75-летию со дня рождения М. Н. Тихомирова, последующие — актуальным вопросам археографии и архивоведения. В «Археографических ежегодниках» находит отражение широкий круг проблем археографии и смежных с ней научных дисциплин. Для ежегодников характерно тематическое и хронологическое разнообразие материалов. За последние годы увеличилось количество статей о ленинском документальном наследии и его изучении, о документальных памятниках истории советского общества, их собирании и публикации. Боль-

²¹ Основные издания см.: Общественные науки, 1981, № 3.

²² Об АЕ см.: Степанский А. Д. По страницам «Археографических ежегодников». — СА, 1972, № 2; Медушевская О. М., Пережогин М. А. «Археографический ежегодник» — итоги и перспективы. — ВИ, 1979, № 2; см. также об обсуждении АЕ — АЕ за 1972 год, АЕ за 1979 год — и статью Б. Г. Лютвака в наст. изд.

шое место в «Археографических ежегодниках» занимают материалы историографического характера (особенно по источниковедению археографии, архивоведения), сведения о творческом наследии историков. История — память человечества, и наш долг — сохранять память и о тех, кто отдавал силы выявлению, сохранению и изучению памятников истории, сделать их труды достоянием науки. В ежегодниках участвуют ученые (и в их числе много сотрудников хранилищ) разных специальностей — и виднейшие исследователи (академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР и академий наук союзных республик), и начинающие ученые (аспиранты и даже студенты), авторы из многих городов нашей страны и из-за рубежа.

Ленинградское отделение Археографической комиссии издает ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины», созданный по инициативе С. Н. Валка. В отличие от ежегодника это издание должно уделять преимущественное внимание вопросам источниковедения и таких научных дисциплин, как нумизматика, сфрагистика, геральдика, метрология и др. Другие отделения Комиссии систематически публикуют сборники статей и материалов по археографии, источниковедению, специальным историческим дисциплинам²³.

Крупнейшей программой, осуществляемой под общим научным руководством Комиссии, является подготовка Сводного каталога рукописных книг (по XV в. включительно), хранящихся в СССР. Каталог призван свести воедино сведения обо всех рукописных книгах (и их фрагментах) этого времени на всех языках. Главные цели работы, начатой еще под руководством М. Н. Тихомирова²⁴: научная — выявить богатства рукописной книжности и способствовать их использованию и охрана — обеспечить учет и сбережение этих памятников. Для полного осуществления идеи потребуется труд многих научных коллективов на протяжении многих лет. Археографическая комиссия выполняет в основном научно-координационные и редакционные функции. Практическая работа по описанию рукописей ведется преимущественно в самих хранилищах (в значительной мере на основе методических рекомендаций, разработанных в Комиссии). Составленные там описания уточняются и унифицируются в самой Археографической комиссии. Первый выпуск каталога славяно-русских рукописных книг XI—XIII вв. подготовлен (под руководством Л. П. Жуковской) к печати. Подробные сведения об этом приводятся в статье О. А. Князевской и В. А. Черных²⁵. Отмечу лишь научно-организационную сторону, небезынттересную в плане рассмотрения возможностей научно-проблемных советов АН СССР. К этому времени имелся уже определенный опыт запросов в архивные управления, отделы и хранилища и опыт обработки полученных оттуда данных, использованных при подготовке в Археографической комиссии книги со сведениями о небольших собраниях славяно-русских рукописей²⁶. Это пригодилось при составлении Предварительного списка славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР²⁷. Рукописные книги рассредоточены в десятках хранилищ, и в некоторых из них нет специалистов, способных обеспечить высокий уровень научного описания. В то же время основной массив этих письменных памятников находится в пяти больших хранилищах (БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ, ЦГАДА), в каждом из которых имеются свои традиции описания рукописей, отличающиеся друг от друга. Важной задачей было выработать нормативы единого стандартного описания,

²³ Издания эти охарактеризованы в статье журнала «Общественные науки», 1981, № 3, с. 148.

²⁴ Литературу об этом см.: Шеламанова Н. Б. О подготовке Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981.

²⁵ См. наст. изд.

²⁶ Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, с. 4—6.

²⁷ АЕ за 1965 год, М., 1966.

причем краткого (ибо каталог не может заменить пространных описаний, изданных ранее и готовящихся к печати в этих хранилищах) и емкого, включающего все основные данные в строго повторяющейся последовательности элементов описательной статьи. С целью обмена опытом и выработки таких нормативов проведено было немало заседаний, специальные научные конференции с участием сотрудников хранилищ, многих специалистов из научно-исследовательских учреждений и вузов — историков, филологов, искусствоведов, музыковедов. В работе этой приняли участие не только специалисты по славянской культуре, но и специалисты в области описания и изучения греческих, латинских, восточноязычных рукописей. Изучен был опыт отечественного описания рукописей (и в советские годы, и дореволюционный) и зарубежный опыт, подготовлены специальные методические пособия. Выработка формы описания рукописей для каталога — это результат плодотворного коллективного труда и усилий многих учреждений (из которых справедливо было бы особо выделить Отдел рукописей и редкой книги БАН СССР, бывший организатором наших основных научных конференций).

Начата была работа по составлению и каталога иллюминированных рукописей. Основной исполнитель ее Ю. А. Неволин (являющийся одним из консультантов при подготовке Сводного каталога) разработал научно-перспективную методику и достиг важных результатов, высоко оцененных специалистами²⁸. Собраны были фотокопии и срисованные копии миниатюр и украшений рукописей ГБЛ и других хранилищ. Но работа эта была, к сожалению, прервана руководством Отдела рукописей ГБЛ; более того, научно-систематизированный материал разрознен. Тем самым нанесен явный ущерб делу изучения памятников нашей древней письменности. Более успешно осуществляется работа по полному описанию книг Лицевого летописного свода XVI в., о необходимости которой Д. С. Лихачев писал еще М. Н. Тихомирову. Такую работу ведет в Ленинграде А. А. Амосов, а в Москве сотрудники Археографической комиссии. При действенной поддержке руководства и сотрудников Отдела рукописей ГИМ подготовлено уже краткое описание последнего тома Лицевого свода — Царственной книги. Задача и этого описания не только научная (или научно-справочная), но и охранная: уберечь уникальные памятники от необязательного обращения исследователя непосредственно к рукописям, от излишнего фотографирования их листов.

Описанием и изучением старинных рукописей и старопечатных книг серьезно занимаются и в отделениях Археографической комиссии (точнее сказать, при участии отделений). В Новосибирске основным опорным пунктом и на начальной стадии и позднее оказалось Тихомировское собрание памятников письменности. Там успешно развиваются и тихомировские традиции археографических поисков. Подведением некоторых итогов этой работы и демонстрацией ее несомненных достижений явились «Тихомировские чтения» 1980 г., приуроченные к 15-летию передачи Тихомировского собрания в Новосибирск²⁹.

Особо следует отметить предпринятое Северным отделением Комиссии (по инициативе его председателя П. А. Колесникова) совместно с Археографической комиссией (силами ее сотрудников, а также сотрудниками Центрального музея революции СССР), Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, Управлением культуры Вологодского облисполкома описание памятников письменности со средневековья до наших дней, находящихся в малых хранилищах — музеях, архивах, библиотеках Вологодской области. Описание, составленное в соответствии с современными археографическими требованиями, подготовлено к печати

²⁸ См. об этом в выступлении Д. С. Лихачева (Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности, с. 251); см. также с. 17.

²⁹ Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири: Сб. статей.

в нескольких выпусках³⁰. Очень желательно, чтобы примеру Вологды последовали и в других регионах нашей страны.

Опыт подготовки Сводного каталога рукописных книг учтен при осуществлении другого обобщающего характера начинания Археографической комиссии — каталога личных фондов отечественных историков. Он должен содержать краткие сведения об архивных фондах (и их обзорах, описаниях) не только видных ученых, но и менее известных, в частности краеведов, о фондах преподавателей, деятельность которых более отразилась в материалах педагогической деятельности (лекциях, семинарах, отзывах на работы учеников и др.), чем в печатных трудах, а также о фондах лиц, занимавшихся не столько собственно историей, сколько историей культуры и изучением памятников культуры. В каталог включаются сведения о материалах, хранящихся в центральных и местных архивах, библиотеках, музеях, в архивах высших учебных заведений, научных обществ и в других хранилищах. В настоящее время сотрудниками Комиссии готовится предварительный список выявленных уже фондов для ознакомления с ним широкой научной общественности; разработаны основы методических рекомендаций для выявления и описания таких документальных материалов. Некоторые обзоры личных фондов историков или частей их (конечно, значительно более пространные, чем это предполагается сделать в каталоге) опубликованы в «Археографическом ежегоднике» и в других изданиях. О научном значении этой работы, программе и приемах ее организации и первичных результатах шел разговор и на региональных археографических конференциях.

Последовательное ознакомление с личными фондами историков (так же как и с фондами научных обществ³¹, краеведческих организаций) позволило обнаружить интересные факты жизни, научной и общественной деятельности ученых (отразившиеся в научно-исследовательских и научно-популярных трудах и подготовительных материалах к ним, в переписке, дневниках, мемуарах и других документальных памятниках), сведения о памятниках истории и культуры (в том числе и о не сохранившихся ныне), об их изучении, об «угасших» коллекциях, о собирательской деятельности краеведов (чаще всего сотрудников музеев, архивов, библиотек) в первые годы Советской власти. Все это существенно расширяет источниковую базу историографии в целом и историографии отдельных специальных научных дисциплин, вводит в научный обиход ранее подготовленные (или готовившиеся) к печати труды. Это расширяет и источниковую базу исследования истории отечественной культуры, может оказаться полезным и при работе по составлению «Свода памятников культуры».

Особое значение имеет выявление (прежде всего в личных фондах ученых) неизданных научных описаний памятников письменности (или материалов, заготовленных с этой целью) и других научно-справочного характера трудов, сделанных ранее видными специалистами. Принимаются меры к обобщению такой информации и к публикации некоторых из этих трудов (или хотя бы сведений о них). Предполагается серийное издание «Рукописные богатства СССР».

Начали уже выходить из печати и серийные издания «Памятники отечественной истории», где в первую очередь обращено внимание на публикацию старинных архивных описей XVI—XVII вв., сопровождающуюся статьями исследовательского характера и системой указателей, облегчающей обращение к этим источникам специалистов разных научных интересов.

³⁰ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вологда, 1982.

³¹ Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области) / Сост. С. Б. Филимонов, 2-е изд. М., 1980. Ротапринт; см. также рец. на это издание С. В. Чиркова (СА, 1981, № 4, с. 81—82).

Осуществлено упомянутое выше шеститомное издание избранных трудов академика М. Н. Тихомирова. Некоторые из них опубликованы впервые. Сочинения М. Н. Тихомирова и статьи о его жизни и деятельности постоянно печатаются в «Археографическом ежегоднике» и в других изданиях Комиссии и ее отделений.

Научные сотрудники Археографической комиссии ведут, естественно, работу и по индивидуальным исследовательским планам, и амплитуда тематики этих исследований достаточно широка: от изучения скрипториев славяно-русских рукописей, средневековых летописей, филиграней бумаги XVI—XVII вв. до источников по истории археографии XIX—XX вв., революционной публицистики XIX в., документов советского делопроизводства, источников по истории Великой Отечественной войны. Комиссия способствует и подготовке высококвалифицированных научных кадров путем целевой аспирантуры по специальностям археография и источниковедение и смежным с ними научным дисциплинам (палеография, кодикология и др.).

Важным направлением деятельности Археографической комиссии стала также координация работы археографических экспедиций, предпринимаемых различными учреждениями с целью выявления, учета, изучения старинных рукописей и старопечатных книг, находящихся у населения, и получения этих памятников письменности для государственных хранилищ. Экспедиции эти также изучают современное бытование народной книжности, а комплексные полевые исследования (с участием языковедов, фольклористов, музыковедов, искусствоведов, этнографов и других специалистов) в сочетании с ней — и другие элементы духовного творчества. Вклад экспедиций в изучение народной культуры все заметнее³².

Организатором таких исследований в широком всероссийском масштабе выступил еще М. Н. Тихомиров³³. Его инициативе и прозорливости мы обязаны «археографическому открытию» Сибири — организации там первых археографических экспедиций разведывательного характера, а также утверждению методики предварительного обязательного ознакомления полевых археографов с фондами местных архивов, музеев, библиотек. Еще в 1970 г. Археографическая комиссия провела научную конференцию, посвященную опыту организации археографических экспедиций в РСФСР³⁴. Основное внимание было уделено вопросам, относящимся к розыску и изучению памятников кириллической книжной традиции. Однако обсуждались и проблемы, связанные с выявлением документов нового времени и «современными коммуникациями археографических поисков» (так назывался доклад И. Л. Андроникова). Рекомендации конференции способствовали определению наиболее перспективных регионов для полевых исследований и устранению чересполосной работы в одной и той же местности одновременно экспедиций, направленных разными учреждениями, утверждению и распространению особо перспективных методов полевой работы, научных критериев организации коллекций памятников и приемов их описания и реконструкции не дошедших до нас собраний. В 1971 г. Президиум АН СССР поручил Археографической комиссии осуществлять научно-методическое руководство и координацию деятельности таких экспедиций. И Комиссия начала совместно с другими заинтересованными учреждениями определять районы и сроки проведения экспедиций. Попытка изучения и обобщения деятельности археографических экспедиций в послевоенные годы была предпринята Д. И. Тверской, стар-

³² См. подробнее: *Покровский Н. Н.* Археографические экспедиции и проблемы изучения народной культуры. — В кн.: *Проблемы полевой археографии.* М., 1979, с. 100—111.

³³ *Павлов-Сильванский В. Б.* М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — В кн.: *Тихомировские чтения 1970 года.* М., 1970.

³⁴ *Тихомировские чтения 1970 г.: Материалы конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР.* М., 1970. Ротапринт; см. также: *Альтман В. В.* Тихомировские чтения. — *Вестн. АН СССР*, 1970, № 9, с. 140—142.

шим научным сотрудником Археографической комиссии³⁵, в статье, по-
смертно опубликованной в 1976 г.³⁶

В 1976 г. Археографическая комиссия организовала первую Всесоюзную конференцию по полевой археографии, в которой приняли участие представители научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, архивов, библиотек, музеев, общественных организаций, краеведы.

На конференции работали уже три секции: кириллической книжной традиции, восточных рукописей и документов нового времени и советского общества; было заслушано около 90 сообщений и докладов³⁷. Конференция явилась свидетельством широкого развития в нашей стране важного патриотического дела собирания и изучения документальных памятников истории и культуры, способствовала обмену информацией и опытом проведения этой работы среди специалистов, занимающихся изучением документальных памятников разных видов и различных исторических эпох на многих языках народов нашей страны. Рекомендации конференции были опубликованы и разосланы широкому кругу учреждений. Издан также сборник докладов и сообщений, сделанных на пленарных заседаниях конференции³⁸. Академик Б. А. Рыбаков, открывая конференцию, пожелал археографам «искать, находить, изучать и издавать ценные памятники письменности»³⁹. Труднее всего оказалось реализовать последнее пожелание: не только сами памятники, но даже информация о них не всегда становится достоянием читателей.

Методика, выработанная коллективно в Археографической комиссии на основе опыта экспедиций и камерального описания памятников письменности в последние десятилетия, все более внедряется в практику: предпринимаются попытки реконструировать ранее существовавшие собрания древней книжности; начали работу по описанию территориальных книжных комплексов, разделенных в настоящее время между различными хранилищами. Именно на рекомендации Комиссии ссылаются в новом издании «Исторического краеведения» — учебного пособия для студентов исторических факультетов педагогических институтов⁴⁰. Методы полевой и описательной археографии, разработанные первоначально применительно к собиранию и изучению памятников древнерусской книжной традиции, используются при собирании старинных памятников письменности, созданных и на других языках (в Поволжье, на Урале, в Сибири).

Успешно применяются некоторые из этих методов и при собирании документальных памятников нового и новейшего времени, в работе краеведов (приемы изучения документов в среде их возникновения и бытования; комплексные методы исследования памятников культуры; принципы формирования территориальных собраний и определения специфических особенностей их описания и изучения и др.). Это позволяет уже характеризовать как бы основной общий набор археографических приемов применительно к памятникам разного времени⁴¹.

Сейчас все большее распространение получает та деятельность, которую можно было бы назвать «неакадемической», или «внецеховой, археографией», и становится все более весомым вклад этих самодеятельных археографов в источниковую базу исторической науки, в дело пропаганды исторических знаний. Поиск документальных памятников и публикация их даже в газетах и популярных изданиях — знамение времени. Необы-

³⁵ О научной деятельности Д. И. Тверской см.: АЕ за 1975 год, М., 1976, с. 354—358, 370—371.

³⁶ *Тверская Д. И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период. — История СССР, 1976, № 1.

³⁷ *Курносоев А. А., Черных В. А.* Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии. — ВИ, 1977, № 4, с. 141—145.

³⁸ Проблемы полевой археографии. М., 1979. Ротапринт.

³⁹ АЕ за 1977 год, М., 1978, с. 370.

⁴⁰ *Ашурков В. Н., Кацюба Д. Б., Матюшин Г. Н.* Историческое краеведение. М., 1980, с. 113—116.

⁴¹ *Курносоев А. А., Черных В. А., Шмидт С. О.* О состоянии и задачах советской полевой археографии. — АЕ за 1977 год, с. 3—14.

чайно усилился интерес к документам, и прежде всего к подлинным остаткам и следам прошлого.

Массовое распространение культуры, приобщение к ее памятникам миллионов людей — один из самых ощутимых результатов социалистических преобразований. С ростом общественно-исторического сознания нашего народа увеличилась потребность подробнее знать и глубже осознать прошлое своей страны, его связь с настоящим. Особый интерес к документу объясняется и особенностями развития мышления в век научно-технической революции. Ныне желают узнать не только: что? когда? где? как? почему? кто сделал?, но и: откуда нам это известно? надежны ли наши сведения? Хотят знать не только, что познано, но и как познано (и на это особо обращал внимание Д. С. Лихачев). Наблюдается все большее понимание того, что интересно познание не только давнего прошлого, но и времени, близкого к нам, что значительные явления в истории связаны с деятельностью не только выдающихся людей, а исторически ценную информацию можно извлечь не только из памятников, составленных такими людьми, или памятников значительного объема. Расширяются вследствие этого представления о подлежащих государственной заботе документальных памятниках и о путях изучения каждодневной жизни «рядовых людей», массового героизма (революционного, воинского, трудового). Обогащаются возможности конкретизации наших знаний о проявлениях общеисторических закономерностей в зависимости от условий, места, времени, в взаимодействии общего и особенного в истории.

Археографическая комиссия систематически оказывает научно-методическую помощь учреждениям и организациям, связанным с патриотическим краеведческим движением молодежи и школьников и со сбором ими документальных памятников. В этой работе, которая приобрела за последние годы исключительно широкий размах, при всей ее важности и плодотворности не всегда, однако, обеспечивается сохранность, учет и научное описание собранных документов. Такое положение вызывает опасение ученых за судьбу документов, а отсутствие необходимого единообразия в системе учета и описания документов ограничивает возможности информации о них и их дальнейшего использования. Поэтому Археографическая комиссия совместно с Центральной детской экскурсионно-туристской станцией Министерства просвещения СССР подготовила рекомендации учителю — руководителю поисковой и музейной работы «О сборе и использовании документальных памятников по истории и культуре родного края» (М., 1977). Эти рекомендации были разосланы в школьные и другие музеи, работающие на общественных началах, и сыграли определенную роль в упорядочении их работы.

6 ноября 1979 г. в связи с письмом Археографической комиссии об участии комсомола в работе по собиранию и учету документальных памятников было принято соответствующее Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ и разработана программа мероприятий по участию комсомола и пионерских организаций в охране, описании и использовании документальных памятников. Совместно с Центральным архивом ВЛКСМ комиссией изданы значительно дополненные рекомендации для руководителей поисковой и музейной работы общественных музеев⁴². На эти документы и издания предложено опираться организаторам поисковой и музейной работы школьников при организации походов по местам революционной, боевой и трудовой славы⁴³. Данным вопросам посвящены были и выступления сотрудников Археографической комиссии на многих конференциях и совещаниях, организованных ЦК ВЛКСМ, министерствами культуры и просвещения СССР и РСФСР, Всероссийским обществом

⁴² О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев, экспедиции «Летопись Великой Отечественной»). М., 1980. Ротапринт; [2-е изд., доп.]. М., 1981. Ротапринт.

⁴³ Преподавание истории в школе, 1980, № 6, с. 54.

охраны памятников истории и культуры. Постоянными стали и консультации местных работников по этим вопросам. Таким образом, разработанные по инициативе Археографической комиссии рекомендации по сбору, учету и описанию документальных памятников недавнего прошлого входят в самую широкую практику.

Важной формой научной координации исследований во всех сферах археографии и смежных с ней научных дисциплин, уяснения итогов и определения перспектив этой научной и организационной деятельности становятся конференции и совещания (иногда продолжающиеся несколько дней), регулярно организуемые Археографической комиссией и ее отделениями. В конференциях принимают участие историки разных специальностей, лингвисты, литературоведы, искусствоведы, сотрудники научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, работники архивов, библиотек, музеев, научная молодежь. (Тезисы выступлений и материалы некоторых конференций вышли в виде отдельных книг; об остальных конференциях информацию см. в «Археографическом ежегоднике» и в других изданиях). Систематически проводятся пленарные заседания Археографической комиссии: ежегодные начиная с 1968 г. Тихомировские чтения (в мае—июне) и заседания в конце года. Несколько раз в течение года имеют место и заседания, где обсуждаются проблемы более частного характера.

География встреч специалистов по археографической тематике широка. Помимо Москвы, конференции были в Ленинграде, Новосибирске, Вологде, Перми, Уфе, Ереване, Тбилиси, Таллине, Геленджике и других городах. На конференциях и других заседаниях Археографической комиссии выступали многие видные ученые, руководящие работники архивов. Археографическая комиссия глубоко благодарна всем тем учреждениям и общественным организациям, которые были соорганизаторами этих научных встреч, всем тем, кто своими выступлениями, заинтересованным участием обеспечили полезность и успех этих начинаний.

Значительный диапазон научных дисциплин, с которыми связаны работающие в области археографии, предопределяет и многообразие тематики выступлений на заседаниях Археографической комиссии, и многообразие ее взаимосвязей с различными учреждениями и специалистами. В наши дни, когда узкой специализации, а следовательно, и дифференциации специальностей сопутствует потребность в интеграции, побуждающей к творческой деятельности в дифференцирующихся отраслях знания, усиливается значение междисциплинарных связей, даже мультидисциплинарности. Осуществление этого в большом масштабе требует много людей и много средств, больших организационных усилий. Но Археографическая комиссия, как и другие научно-проблемные советы АН СССР, может в известной мере удовлетворять этой потребности в более доступном масштабе. И это тоже дает определенные результаты, тем более что мы живем в такой период, когда одним из важнейших каналов передачи научной информации и обмена ею стали неформальные личные контакты, непосредственное общение специалистов. Научные конференции давно признаются стимуляторами и коллективного, и индивидуального творчества.

В последние годы на конференциях и совещаниях, организованных Археографической комиссией (или при ее участии), обсуждались, в частности, такие проблемы, как изучение и издание ленинского рукописного наследия; перспективы дальнейшего развития советского архивного дела и архивоведения (в связи с отмечавшимся в 1978 г. 60-летием подписанного В. И. Лениным декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР»); перспективы развития и преподавания специальных исторических дисциплин; теоретические и методические проблемы археографии, архивоведения, палеографии, текстологии, кодикологии и других специальных историко-филологических дисциплин; методика научного описания средневековых рукописей (на славянских, греческом, латинском, восточных языках); проблемы публикации источников по исто-

рии революционного движения в России, Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны, истории отечественной культуры; вопросы сокращенной передачи текста массовых источников, факсимильного издания рукописей; проблемы полевой археографии (в том числе поисковой археографии, к которой причастна ныне молодежь — комсомольцы, школьники).

Формами совместной работы Археографической комиссии с другими учреждениями (иногда даже с несколькими сразу) можно признать и участие ее сотрудников (выступления с докладами) в конференциях по архивоведению, археографии, источниковедению, историографии, музееведению и других, организуемых академическими и архивными учреждениями, вузами, министерствами культуры и просвещения, ЦК ВЛКСМ, обществами охраны памятников истории и культуры, и публикацию статей в трудах этих конференций, в изданиях других учреждений. Постоянными являются научно-методическая помощь (прежде всего хранилищам, с командировками на места), консультации сотрудниками Археографической комиссии советских и зарубежных специалистов. Поддерживаются контакты с соответствующими, близкими по профилю международными организациями, научными учреждениями и изданиями.

Отношение к многообразной координационной деятельности Археографической комиссии нашло отражение в приветствии Главного архивного управления при Совете Министров СССР к 25-летию комиссии (подписанном Ф. И. Долгих): «Важное место в деятельности Археографической комиссии занимает работа по координации археографических экспедиций, разработке методики учета и собирания документов у населения, систематическому обобщению опыта этой работы, изучению истории отечественной археографии, активной пропаганде исторических знаний.

Архивисты страны с удовлетворением отмечают, что деятельность Археографической комиссии и ее отделений тесно связана с архивными учреждениями и способствует решению важных вопросов в деле охраны и использования памятников истории культуры нашей Родины».

Целенаправленный отбор тем для обсуждения на конференциях и заседаниях и материала для публикаций в «Археографическом ежегоднике» и в других изданиях позволяет уже приступить к работе по подготовке «академической» истории отечественной археографии и обобщающего труда «Археография в СССР». Много сделано уже выводов и наблюдений о развитии публикаторской деятельности. Здесь особенно велики заслуги С. Н. Валка — готовившего повое, расширенное издание книги «Советская археография» (вышедшей в 1948 г.), теоретические разделы которой были опубликованы в виде статей в «Археографическом ежегоднике». В работах обобщающе-обзорного характера, написанных виднейшими специалистами, анализируются типы публикаций, определенные их группы: тематические (в том числе серийные), по разновидностям источников, фондовые публикации. Напечатаны и работы об археографической деятельности крупных ученых, о теснейшей взаимосвязи ее с собственно историческими (или филологическими) и источниковедческими исследованиями⁴⁴.

Следует обратить большее внимание ученых на научно-популярные документальные издания, методику их подготовки, пути их совершенствования. Важно также ознакомить с основами археографии и самого широкого читателя. Следует при этом учитывать и то, что наш читатель получает некоторые первичные навыки археографической культуры еще в юные годы, когда участвует в поисковой и описательной работе школьных музеев и знакомится с изданиями классиков литературы, трудами классиков марксизма-ленинизма. Ведь сочинения В. И. Ленина, рассчитанные на самую широчайшую аудиторию, являются одновременно и высокими образцами археографической культуры — читатель знакомится

⁴⁴ Об этом см.: Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии.— АЕ за 1978 год, с. 140—141.

с вариантами текста и факсимиле, примечаниями (текстологическими и фактологическими), перечнями использованных В. И. Лениным источников, разнообразными указателями; тома издания предваряются предисловиями. Этот комплекс эдичионно-археографических элементов делает читателя подготовленным к восприятию историко-документальных публикаций и более требовательным к ним.

Научные исследования в области археографии, равно как и непосредственно с ними связанные практические работы по собиранию, описанию и изданию документальных памятников, являются необходимой составной частью изучения истории народной культуры — комплексной проблемы, разрабатываемой под разными углами зрения едва ли не всеми гуманитарными научными дисциплинами. Вместе с тем размах археографических исследований в нашей стране в настоящее время, непрерывно растущий интерес к ним со стороны не только ученых, но и широкой общественности являются одним из ярких и характерных явлений современной духовной культуры советского народа.

Широкая общественная заинтересованность в успешном собирании, сохранении, изучении и обнародовании памятников давнего и недавнего прошлого, интерес не только к результатам этой работы, но и к методам и способам ее ведения создают исключительно благоприятные условия для дальнейшего развития археографических исследований в нашей стране и возлагают на всех участников археографических работ особую ответственность.

В этих условиях Археографическая комиссия Академии наук СССР видит смысл своей деятельности в постоянном совершенствовании научно обоснованной методики проведения археографических работ, осуществляемых на разном уровне — от академических научных учреждений до школьных музеев, в их эффективной координации, в пропаганде и обеспечении высокой археографической культуры в процессе собирания документальных памятников, их научного описания, издания и использования, в изучении истории археографии и смежных с ней научных дисциплин.

О. А. Князевская, В. А. Черных

ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В ТРУДАХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Научное описание различных видов документальных памятников — письменных архивных документов официального и личного происхождения, графических и кинофото документов, звукозаписей и записей фольклора, старинных рукописных книг и редких печатных изданий — имеет в нашей стране богатые традиции. Архивные учреждения, библиотеки, музеи осуществляют огромную работу по учету, систематизации и описанию документальных и книжных богатств. Они вносят также значительный вклад в разработку научно обоснованной методики описания архивных фондов и коллекций, рукописных и книжных собраний.

В области описания рукописных книг и документов, равно как и в других областях работы по охране, учету и введению в научный обиход документальных памятников истории и культуры, Археографическая комиссия осуществляет по преимуществу научно-организационные, координационные и научно-методические функции.

Уже в первые месяцы существования комиссии ее первым председателем академиком М. Н. Тихомировым была сформулирована задача «оставления карточных каталогов отдельных рукописных материалов, нуждающихся в учете и особой охране»¹. В предложениях М. Н. Тихомирова содержалась мысль о необходимости централизованного учета и сводного научного описания рукописных материалов, рассредоточенных по многочисленным хранилищам нашей страны.

С первых шагов Археографической комиссии определился ее преимущественный интерес к рукописной книге. Для этого имелись серьезные основания. Учетом и описанием архивных документов эффективно занимается централизованная система государственных архивов. В конце 1950-х годов архивы и другие государственные хранилища обратили определенное внимание также на собирание и описание документов личного происхождения. Были предприняты первые успешные опыты сводного описания рукописей отдельных деятелей литературы и науки, находящихся в разных хранилищах². В эти же годы академическими научными учреждениями (в первую очередь Институтом истории АН СССР и его Ленинградским отделением) были осуществлены капитальные публикации актовых источников феодального периода отечественной истории, явившиеся фактически сводами всех сохранившихся актовых памятников соответствующих разновидностей, эпох и регионов³.

Значительных успехов достигла и библиографическая служба страны, разработавшая единые принципы и правила описания печатных изданий⁴.

¹ Об этом см.: *Бем Ю. О. Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР.* — АЕ за 1957 год, М., 1958, с. 481.

² См., например: *Описание рукописей Ф. М. Достоевского.* М., 1957.

³ *Грамоты Великого Новгорода и Пскова.* М.: Л., 1949; *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.* М.; Л., 1950; *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.* М., 1951—1956. Т. 1, 2; *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952—1958.* Т. 1, 2.

⁴ *Правила библиографического описания произведений печати.* Л., 1964; *Единые правила описания произведений печати в библиографических и информационных изданиях.* М., 1970; *Библиографическое описание произведений печати: ГОСТ 7.1—76.* М., 1977; *Никифоровская Н. А. Библиографическое описание: Вопросы теории, истории и методики.* Л., 1978.

Возник ряд специализированных архивов и других учреждений, занимавшихся собиранием, учетом и описанием фото- и кинодокументов, звукозаписей и т. д.

Обстоятельства сложились так, что рукописной книге — этому важнейшему типу памятников истории и культуры — в тот период ни архивные учреждения, ни библиотеки и музеи, особенно местные, не уделяли должного внимания прежде всего из-за недостатка квалифицированных кадров.

Разумеется, в ряде крупнейших рукописных хранилищ, таких, как отделы рукописей БАН, ГПБ, ГБЛ, ГИМ, в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, в хранилищах рукописей Еревана, Тбилиси, Ташкента, Казани продолжалась плодотворная работа по раскрытию содержания рукописных богатств. Некоторые научные описания и обзоры были опубликованы⁵. Однако эта работа велась разрозненно, без единой системы, на основании разных методик, темпы ее не могли удовлетворять исследователей, а главное — как в центральных, так и особенно в периферийных хранилищах продолжали оставаться неописанными огромные массивы рукописных книг.

Это не могло не беспокоить ученых — историков, филологов, искусствоведов, изучавших рукописную книгу, понимавших ее выдающееся научное и общекультурное значение⁶. И М. Н. Тихомиров оказался одним из первых, сумевших разработать научно обоснованную и практически осуществимую программу мер, направленных к выявлению, обеспечению сохранности, централизованного учета, единообразного научного описания и введения в научный обиход колоссальных собраний рукописной книжности разного времени, на разных языках, находящихся в многочисленных хранилищах Советского Союза. Ядром, стержнем всей этой программы явился план создания Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Этот план М. Н. Тихомиров изложил в своем докладе на общем собрании Археографической комиссии 25 октября 1960 г.⁷

Для М. Н. Тихомирова было несомненным, что основная работа по описанию рукописей для Сводного каталога должна производиться самими хранилищами, а Археографическая комиссия должна взять на себя организационные, научно-методические и консультационные функции. Большое значение с самого начала работы над каталогом он придавал выработке типа описания рукописей. Подчеркивая необходимость разработки единого общеобязательного минимума сведений о каждой рукописи, он учитывал вместе с тем, что методы описания не могут не зависеть от вида рукописи, времени ее написания, языка и алфавита, на которых она написана, и, следовательно, должны варьироваться в определенных пределах.

Уже в 1960 г. М. Н. Тихомиров предусматривал, что каталог будет состоять из отдельных серий, объединяющих рукописи по признаку их языка и алфавита. Он считал принципиально важным не ограничиваться только русскими или только славянскими рукописями, а готовить Сводный каталог всех старинных рукописных книг, хранящихся в СССР, на каком бы языке они ни были написаны. Эту важную сторону проекта М. Н. Тихомирова — его интернационализм — следует особо подчеркнуть. Проект, выдвинутый М. Н. Тихомировым, был энергично поддержан широкими кругами научной общественности, и с 1961 г. началась практическая работа по подготовке Сводного каталога.

⁵ См., например: Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей (ГПБ). Л., 1953; Щелкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958; Музейное собрание рукописей Отдела рукописей ГБЛ. М., 1961. Т. 1. Описание.

⁶ Тихомиров М. Н. Письмо в редакцию. — ВИ, 1948, № 3, с. 159; Лизачев Д. С. Памятники культуры — всенародное достояние. — История СССР, 1961, № 3, с. 3—12; Гранстрем Е. Э. О подготовке Сводного печатного каталога славянских рукописей. — В кн.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М., 1962, т. 1, с. 313.

⁷ АЕ за 1971 год, М., 1972, с. 368—372.

На первом этапе необходимо было выявить все старинные рукописные книги, находящиеся в центральных и местных хранилищах, а также разработать по возможности единую методику их описания, во всяком случае, определить тот необходимый минимум сведений, который должен содержаться в каталоге, во всех его сериях и выпусках. К обсуждению этих проблем были привлечены историки, источниковеды, лингвисты, искусствоведы, палеографы, работники архивов, библиотек и музеев. Научно-методическим и организационным проблемам подготовки Сводного каталога были специально посвящены «Тихомировские чтения» 1972 г. и две конференции, проведенные Археографической комиссией совместно с Библиотекой АН СССР в 1971 и 1973 гг.⁸ Эти вопросы обсуждались также на ряде других конференций и координационных совещаний⁹. На этих конференциях были обсуждены вопросы, касающиеся степени подробности описания рукописей для Сводного каталога; приняты решения о параллельной подготовке серий каталога, посвященных славяно-русским рукописям, рукописям, исполненным латинской, греческой, арабской и т. д. графикой, были сформированы основные коллективы специалистов, взявших на себя подготовку отдельных серий и выпусков Сводного каталога. Работу по подготовке первых выпусков славяно-русской серии после смерти М. Н. Тихомирова возглавила д-р филол. наук Л. П. Жуковская, греческой — д-р филол. наук Е. Э. Гранстрем, серии рукописей латинского алфавита — недавно скончавшаяся д-р ист. наук А. Д. Люблинская.

Работа по подготовке выпусков, посвященных описанию рукописных книг на славянских языках, написанных кириллическим и глаголическим алфавитами, по XV в. включительно, неоднократно освещалась в печати¹⁰.

Первым результатом работы по выявлению и учету славяно-русских рукописных книг во всех без исключения хранилищах нашей страны явился «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV веков, хранящихся в СССР» (Отв. сост. Н. Б. Шеламанова)¹¹. Этот список привлек к себе внимание научной общественности. В нем впервые приведены учетные данные о 1494 древнейших славянских рукописях, сохранившихся полностью или в виде фрагментов и находящихся в 38 различных библиотеках, музеях, архивах СССР. обстоятельный разбор Предварительного списка был дан Л. П. Жуковской¹². Ее критические замечания во многом способствовали определению методики дальнейшей работы над Сводным каталогом.

Еще при жизни М. Н. Тихомирова было принято решение включить в Сводный каталог славяно-русские рукописи до конца XV в. и была начата работа по выявлению во всех хранилищах страны кириллических рукописных книг XV в. Эта работа оказалась еще более трудоемкой, чем выявление аналогичных рукописей XI—XIV вв. Объясняется это, с одной стороны, значительно большим числом рукописей (свыше 3500) и хранилищ, ими располагающих (свыше 60), а с другой — не всегда достаточно высоким качеством описания рукописей XV в. во многих хра-

⁸ АЕ за 1971 год, с. 384—391; АЕ за 1972 год, М., 1974, с. 234—258; АЕ за 1973 год, М., 1974, с. 321—328; СА, 1971, № 3, с. 116—117; История СССР, 1973, № 5, с. 223—225.

⁹ См., например: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981.

¹⁰ Шеламанова Н. Б. О составлении Сводного каталога рукописей.— ИА, 1961, № 1, с. 179—181; Жуковская Л. П. Работа по подготовке славяно-русского выпуска Сводного каталога рукописей и инструкции по его составлению.— АЕ за 1975 год, М., 1976, с. 24—27; Шеламанова Н. Б. О подготовке Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР.— В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности, с. 20—24.

¹¹ АЕ за 1965 год, М., 1966, с. 177—272.

¹² Жуковская Л. П. Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей.— Вопросы языкознания, 1969, № 1, с. 98—107; Она же. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР.— Советское славяноведение, 1969, № 1, с. 57—71.

нилицах. И хотя составление Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в. вчерне было закончено уже несколько лет назад¹³, мы пока не издаем его и продолжаем проверять сведения, предоставленные хранилищами, но вызывающие у нас сомнения.

В ходе непосредственного описания рукописей для Сводного каталога возникли новые сложные проблемы, вызванные главным образом недостатком подготовленных кадров, особенно в местных хранилищах. Археографическая комиссия взяла на себя разработку методик описания и оказание методической помощи хранилищам. С этой целью была разработана Инструкция по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога, призванная обеспечить единообразие и надлежащий научный уровень описания¹⁴. Методика описания рукописей для Сводного каталога получила также и международное признание. В частности, она использована Международным центром информации об источниках по истории Балкан (СИБАЛ) при описании рукописей этого региона¹⁵. Археографическая комиссия организовала также силами крупных знатоков рукописной книги подготовку методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописей¹⁶.

Завершено, наконец, составление первого выпуска славяно-русской серии Сводного каталога. В этом выпуске описаны 494 рукописные книги XI—XIII вв. из 22 хранилищ с постатейным раскрытием их содержания, с детальной характеристикой их палеографических особенностей, украшений, записей, с подробными библиографическими сведениями о каждой рукописи. Объем первого выпуска 44 авт. л. Он подготовлен под редакцией Л. П. Жуковской, Н. Б. Тихомирова и Н. Б. Шеламановой. На очереди подготовка следующих выпусков славяно-русской серии каталога.

Значительно продвинулась работа над серией Сводного каталога, посвященной описанию рукописей латинского алфавита. В 1978 г. вышел первый выпуск этой серии, содержащий описание 196 рукописей латинского алфавита X—XV вв., хранящихся в БАН¹⁷. Вопросы подготовки серии Сводного каталога, посвященной описанию рукописей латинского алфавита, неоднократно обсуждались на археографических конференциях и в печати¹⁸. В ходе этих обсуждений для латинской серии приняты несколько иные принципы построения, чем для славяно-русской. Решено готовить отдельные выпуски латинской серии для каждого из крупных хранилищ. Дело в том, что почти $\frac{2}{3}$ всех средневековых рукописей латинского алфавита, имеющих в СССР, хранятся в ГПБ; их описание может быть осуществлено лишь в довольно длительные сроки. В то же время в БАН имеется сравнительно небольшое, но ценное собрание средневековых рукописей латинского алфавита и есть высококвалифицированные специалисты для их описания. По этим соображениям было решено

¹³ Воробьев М. Н., Рогов А. И. К выходу «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР». — АЕ за 1977 год, М., 1978, с. 49—55.

¹⁴ Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1974/Сост. Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламанова. Ротапринт; То же. — В кн.: АЕ за 1975 год, с. 28—40.

¹⁵ Bulletin d'information. SIBAL, Sofia, 1978, v. II, N 1, p. 27—38; Шмидт С. О. В Международном информационном центре балканистики. — Общественные науки, 1980, № 1, с. 157—160.

¹⁶ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. Ротапринт; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1, 2. Ротапринт.

¹⁷ Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР/Сост. Л. И. Киселева: Отв. ред. А. Д. Люблинская. Л., 1978.

¹⁸ Люблинская А. Д. О составлении Сводного каталога рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР. — АЕ за 1972 год, с. 248—252; Киселева Л. И. О сводном каталоге рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 282—289; Воронова Т. П. О предварительном списке рукописей латинского алфавита V—XV вв., хранящихся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР). — АЕ за 1975 год, с. 18—23.

подготовить Каталог латинских рукописей БАН в качестве как бы пробного выпуска латинской серии Сводного каталога.

Если в славяно-русской серии основной принцип расположения описаний рукописей хронологический, то в латинской — алфавитный; при построчном описании сборников в латинском выпуске приводятся инципиты и эксплициты, в славянском — лишь названия статей; имеются и другие отличия в методах и приемах описания. Однако значение этих отличий вряд ли следует преувеличивать. В главном — в объеме сообщаемых сведений, в степени подробности описания, а также, разумеется, в тщательности и точности описания рукописей в славяно-русской и латинской сериях каталога вполне адекватны друг другу, а при наличии развернутой системы указателей различия в методах и приемах описания практически не приводят к каким-либо отрицательным последствиям.

В ГПБ подготовлен предварительный список рукописей латинского алфавита V—XV вв., построенный по тем же принципам, что и Предварительный список славяно-русских рукописей (отв. сост. Т. П. Воронова). Издание этого списка является очередной задачей.

Работа по выявлению, учету и описанию греческих рукописей много лет проводится Е. Э. Гранстрем и ее учениками. Основные результаты и перспективы этой работы также освещались в печати¹⁹.

Полные и подробные каталоги армянских и грузинских рукописей составляются и издаются Матенадараном и Институтом рукописей АН Грузинской ССР.

Чрезвычайно сложной остается проблема подготовки Сводного каталога рукописей арабского алфавита (арабо-, ирано- и тюркоязычных), число которых в советских хранилищах очень велико. В 1960-е годы работа по выявлению и учету восточных рукописей во всех хранилищах нашей страны была предпринята по инициативе и под руководством А. С. Тверитиновой. После ее смерти в 1973 г. эта работа несколько замерла, но в последние годы вновь значительно оживилась. В 1977 г. с конкретными предложениями по подготовке Сводного каталога арабских рукописей выступил А. Б. Халидов²⁰.

В октябре 1978 г. постановлением Президиума АН СССР в составе Археографической комиссии была организована секция восточной археографии во главе с академиком А. Н. Кононовым. Одной из основных задач этой секции является координация работ по описанию памятников восточной письменности, и в частности разработка проблем составления Сводного каталога восточных рукописей. В последнее время координационные функции в области описания восточных рукописей стал активно осуществлять также Институт востоковедения АН СССР в Москве. При нем создана Центральная координационная комиссия, организовавшая в мае 1981 г. трехдневную научную сессию с участием археографов-востоковедов из всех республик Советского Союза, посвященную задачам описания восточных рукописей, и в частности проблемам составления Сводного каталога.

Подводя итоги сказанному о ходе работ по составлению Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, следует подчеркнуть, что эта идея, выдвинутая 20 лет назад М. Н. Тихомировым, овладела умами археографов. Оправдали себя, выдержали проверку временем и опытом основные принципы составления каталога, сформулированные М. Н. Тихомировым.

Вместе с тем нельзя не отметить, что работа над Сводным каталогом ведется медленно. Причины этого известны: огромное число рукописей на

¹⁹ Самодурова З. Г. Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945—1971 гг.) — АЕ за 1971 год, с. 50—57; АЕ за 1972 год, с. 71—84; Гранстрем Е. Э., Лебедева И. Н., Фонкич Б. Л. Перспективы описания греческих рукописей советских хранилищ. — АЕ за 1972 год, с. 253—255.

²⁰ Халидов А. Б. Арабские рукописи в СССР и их изучение. — АЕ за 1977 год, с. 62—78.

разных языках, рассредоточенных по множеству центральных и местных хранилищ различных ведомств; невысокий научный уровень, а нередко и полное отсутствие описаний этих рукописей на местах; острый недостаток квалифицированных кадров. Нельзя не учитывать и то, что работа над Сводным каталогом в значительной степени ведется на общественных началах благодаря неиссякающему энтузиазму исследователей.

Работа над Сводным каталогом существенно стимулировала деятельность многих хранилищ по описанию своих рукописных фондов. За последние годы издан ряд ценных описаний рукописей БАН, ИРЛИ, ГПБ, ГБЛ, ГИМ, ИБ МГУ, ЛО ИВАН, а также ряда республиканских и местных хранилищ. Накоплен ценный методический опыт, который еще предстоит обобщить.

«Археографический ежегодник», основанный М. Н. Тихомировым одновременно с созданием Археографической комиссии в качестве ее печатного органа, с первых же томов уделял значительное внимание проблемам описания документальных памятников истории и культуры, введению их в научный обиход, информации исследователей об их составе и содержании. Во всех вышедших до настоящего времени 24 томах ежегодника опубликовано свыше 200 различных материалов, раскрывающих содержание документальных памятников самых различных видов от древности до наших дней. Помещено также более 20 статей по истории, методике и современной организации описательных работ в нашей стране.

Истории описательных работ в России, а частично и в зарубежных странах была посвящена статья С. Н. Валка «Регесты в их прошлом и настоящем»²¹, ряд статей и сообщений по конкретным вопросам истории описания документов, рукописей и книг.

Следует упомянуть также статьи, посвященные разработке основ единой системы научно-справочного аппарата к документальным материалам государственных архивов; системе информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства; вопросам описания документов государственных учреждений, мемуарных источников и т. д. Серия статей была посвящена проблемам изучения и описания славяно-русских, латинских, греческих, арабских рукописных книг. Эти статьи, вместе взятые, вносят значительный вклад в разработку научно обоснованной методики описания документальных памятников истории и культуры.

Самым распространенным видом или жанром в разделе «Обзоры, описания, библиография» «Археографического ежегодника» являются обзоры документов личного происхождения. Их опубликовано более 70. Это главным образом обзоры личных архивных фондов историков, археографов, источниковедов. Были напечатаны, в частности, обзоры личных архивов таких крупнейших историков, источниковедов, как С. Б. Веселовский, А. Е. Пресняков, С. К. Богоявленский, М. Н. Покровский, М. Н. Тихомиров, А. М. Панкратова, В. И. Шунков. Наряду с этим печатались также обзоры личных фондов менее известных ученых, в том числе историков-краеведов, видных архивистов и представителей смежных научных дисциплин. К обзорам личных фондов примыкают обзоры научных трудов историков, оставшихся неопубликованными и сохранившихся в архивах. Таковы обзоры неизданного тома «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова, трудов Ю. Ф. Кононова по архивному делу, работ А. Е. Преснякова, В. И. Шункова и др. В совокупности эти обзоры раскрывают богатый неопубликованный материал по истории исторической науки, археографии, источниковедения, исторического краеведения, архивного дела, хранящийся в многочисленных архивах и рукописных отделах библиотек и музеев.

Обзоры неизданных документов официального происхождения также весьма разнообразны. Их напечатано в «Археографическом ежегоднике»

²¹ АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 22—47.

свыше 30. Они охватывают различную тематику, разные виды документов и разные периоды отечественной истории — от местнических дел, посольских и родословных книг XVI в. до документов Архива АН СССР по истории советской науки и материалов по истории Великой Отечественной войны.

В ежегоднике напечатано также свыше 30 обзоров рукописных собраний и описаний отдельных рукописей. Они охватывают не только собрания славянских рукописей, но и рукописей на других языках, например материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда, дальневосточные и центральноазиатские рукописные фонды ЛО ИВАН и т. п.

В ежегоднике был опубликован также ряд хронологических перечней актовых источников разных видов. Таковы перечни иммунитетных грамот XVI — начала XVII в., составленные С. М. Каштановым и Д. А. Тебекиным; перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря, составленный А. А. Зиминим, и др.

Нельзя не упомянуть также библиографические списки трудов выдающихся советских историков, археографов, источниковедов, регулярно публикуемые в «Археографическом ежегоднике».

Начиная с 1978 г. в ежегоднике систематически помещаются обзоры находок рукописных и старопечатных книг, сделанных археографическими экспедициями за год. Описания и обзоры архивных и рукописных собраний регулярно печатаются также на страницах ежегодников и сборников, издаваемых региональными отделениями Археографической комиссии в Ленинграде, Новосибирске, Вологде, Свердловске, Перми, Уфе²².

Помимо того что эти описания и обзоры вводят в научный обиход большое число неизвестных рукописей и документов, хотелось бы отметить, что раздел «Обзоры, описания, библиография» «Археографического ежегодника» и соответствующие разделы региональных археографических изданий играют роль своеобразных «испытательных полигонов», позволяющих опробовать, испытать различные жанры и виды научно-справочных пособий и в конечном счете разработать оптимальную методику раскрытия содержания многочисленных и разнообразных документальных памятников, хранящихся в архивах, библиотеках и музеях.

Значительный материал об описательных работах, осуществляемых в настоящее время архивами, библиотеками, музеями, а также о научных конференциях и совещаниях, посвященных обсуждению методики описания документальных памятников, содержится в разделе «Хроника» «Археографического ежегодника» и региональных археографических изданий.

Современный научный уровень описания старинных документальных памятников, в том числе рукописных книг, требует от работников библиотек, музеев и архивов внушительных специальных знаний в области источниковедения, археографии, палеографии, кодикологии, филигранологии и других специальных историко-филологических дисциплин. Он недостижим также без оснащения всех наших рукописных хранилищ необходимым минимумом научно-справочных пособий, в частности альбомов почерков и водяных знаков. Издание новых таких справочников и переиздание существующих, но ставших библиографической редкостью пособий являются одной из насущных задач. Кое-что в этом направлении уже делается Археографической комиссией и ее Сибирским отделением. Изданы книга покойного С. А. Клепикова «Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века» (М., 1978) и русский перевод книги ли-

²² Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968—1982. Т. 1—13; Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975; Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977; Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979; Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1981; Северный археографический сборник. Вологда, 1970—1980. Вып. 1—7; Уральский археографический ежегодник за 1970—1973 гг. Пермь; Свердловск, 1971—1975; Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1974—1976. Вып. 1, 2; Археография Южного Урала. Уфа, 1976; Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977.

товского ученого Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV—XVIII веках» (М., 1979), осуществленный сотрудницей Археографической комиссии Ю. В. Андриюшайтите.

По-видимому, назрел вопрос о разработке единого перспективного плана составления и издания научно-справочных пособий объединенными силами заинтересованных учреждений и ведомств. Археографическая комиссия готова принять в этом посильное участие.

Археографическая комиссия АН СССР дорожит опытом плодотворного сотрудничества с другими академическими научными учреждениями, с архивами, библиотеками и музеями, со многими высшими учебными заведениями, с Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, в дальнейшем укреплении и расширении такого сотрудничества она видит залог успешной работы, в частности в области учета и научного описания документальных и рукописных богатств.

Б. Г. Литвак

ВОПРОСЫ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ НА СТРАНИЦАХ «АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ЕЖЕГОДНИКА»

23 тома «Археографического ежегодника», изданные за 25 лет деятельности Археографической комиссии, представляют солидное собрание разнообразных научных работ, относящихся к избранной нами теме. Вопросам публикации исторических источников посвящено около 100 статей и сообщений, кроме того, было осуществлено свыше 100 публикаций документов и материалов. Весьма представительен авторский состав по численности, географическому распределению, возрасту, сфере научной и практической деятельности.

Указатели статей и публикаций (АЕ за 1966 и 1976 гг.) дают возможность представить первое и второе десятилетия издания ежегодника в динамике развития интересующей нас тематики. Если в 1957—1966 гг. были помещены 21 статья и сообщение и 53 публикации документов (все по феодальному периоду нашей истории), то уже в 1967—1976 гг.—53 статьи и сообщения и 41 публикация (причем 9 документов советской эпохи). Мы видим резкое повышение интереса ко всем проблемам того раздела археографии, который иногда называют эдиционным. Этот интерес к истории, теории и практике издания источников продолжает нарастать, если судить по последним трем ежегодникам, в которых содержится 21 статья и сообщение по этим вопросам. При этом публикация исторических источников не сокращается, находясь на численном уровне второго десятилетия. Эта статистическая справка несколько занижает фактическую численность материалов по эдиционной археографии в ежегодниках, так как не учитывает богатого раздела «Хроники». О последней можно, кстати, сказать, что она уникальна по своему историографическому значению, без нее вряд ли можно изучить процесс развития советской археографии за последние четверть века.

Приведенные статистические выкладки, свидетельствующие о большом объеме опубликованного, в какой-то мере оправдывают тот схематизм, ту неполноту изложения содержания и качественной характеристики изданных статей, которые легко будут обнаружены в данном сообщении. И дело здесь не только в ограничении объема сообщения, автор и профессионально ограничен в возможностях охватить и обобщить этот богатейший материал, касающийся почти всех вопросов теории и практики издания исторических источников по истории нашей страны и ее народов. Попытаемся изложить этот материал, организовав его по следующим тематическим рубрикам:

- 1) Теоретические проблемы археографии и ее эдиционного раздела.
- 2) История издания источников в советское время.
- 3) Опыт издания различных видов источников, формы издания.
- 4) Выдающиеся отечественные археографы.

Выделение этих вопросов позволит более предметно выяснить целеустремленные усилия Археографической комиссии в ее координационной деятельности по изучению истории отечественной эдиционной археографии и теоретическому обобщению опыта издания источников.

Но прежде чем приступить к анализу содержания названных рубрик, следует указать на важнейшее методологическое значение материалов ленинианы, последовательно помещаемых в ежегодниках. Только за 1967—1976 гг. было опубликовано 10 статей и сообщений о ленинской исследовательской лаборатории, о поисках ленинского литературного наследия, описаний и публикаций ленинских материалов. В качестве авто-

ров выступали такие видные историки, как Э. Б. Генкина, А. М. Володарская, Е. А. Луцкий, архивисты К. С. Кузнецова, С. И. Кузьмин, В. А. Любишева и др.

Лениниана «Археографического ежегодника» повышает общий теоретический уровень этого издания и вызывает пристальный интерес к нему широкого круга историков КПСС, работников партийных архивов.

Проблемы «чистой» теории археографии были подняты на страницах ежегодника Сигизмундом Натановичем Валком в 1961 г. Его статья «Судьбы „археографии“» открывает цикл статей данного автора, который, кстати, был самым активным деятелем ежегодника не только в качестве члена редколлегии. Его статьи последовательно появлялись в ежегодниках за 1958, 1959, 1961, 1962, 1968 и 1971 гг. Статья, начинающая цикл его работ по теории археографии, посвящена вовсе не терминологическому вопросу, как может показаться с первого взгляда, а предмету той специальной исторической дисциплины, которая обозначается термином «археография», первоначально применявшимся не столь расширительно. Статья внесла ясность в профилирование этой дисциплины, приостановив тенденцию ее отождествления с теорией издания источников. Тематика Тихомировских чтений, материал которых публикуется в этом томе, — прямое свидетельство жизненности тех идей, которые были изложены в статье «Судьбы „археографии“». Напомню еще о двух важных проблемах, поднятых С. Н. Валком, — о регестах и легендах. При их исследовании снова сказалось прекрасное умение автора теоретически осмыслить на первый взгляд заурядные вопросы методики издания. Главная идея С. Н. Валка, как это нам представляется, состояла в том, что вся эдиционная методика только тогда имеет смысл, если она пронизана источниковедческим подходом к публикуемому. Эта тесная связь эдиционной археографии с источниковедением была подчеркнута в статье С. О. Шмидта «Некоторые вопросы развития советской археографии» (АЕ за 1978 год). Избрав проблему регест в археографии («Регесты в их прошлом и настоящем» — АЕ за 1968 год), Валк определил одно из актуальнейших направлений источниковедения массовой документации. Его глубокий анализ истории внедрения регест в практику публикации источников и выводы о перспективности этого публикаторского приема получили прямое подтверждение в том факте, что Тихомировские чтения 1976 г. были полностью посвящены этой проблематике. На материале массовой документации за обширный исторический отрезок времени (с XVII в. и до наших дней) доказаны научная целесообразность, экономичность, современность (если учитывать все усиливающееся внедрение математических методов и использование возможностей ЭВМ в гуманитарных науках) применения сокращенных изданий документов массового характера.

Принципиально важна работа С. Н. Валка «Археографическая „легенда“» (АЕ за 1971 год), в которой он скрупулезно распутывает ту путаницу, которая постепенно вкрадывалась в учебные пособия и учебный процесс в связи с трактовкой назначения «контрольно-справочных сведений». Последовательный взгляд на источниковедческие функции аппарата, сопровождающего публикуемый документ, позволил С. Н. Валку четко и ясно определить, так сказать, «права и обязанности» легенды. Хотя статья появилась 10 лет тому назад, нынешняя публикаторская практика и особенно все расширяющееся применение факсимильной формы издания, о чем речь впереди, еще и еще раз подтвердила валковский взгляд на легенду. Более того, этот взгляд сверкнул неожиданной стороной именно в связи с тем, что факсимильное издание исключает вмешательство публикатора в текст документа, а лицо и действия публикатора проявляются в первую очередь в легенде. Без этого важного и лапидарного итога источниковедческой работы публикатора он превратился бы (при этой форме издания) в фотографа, в оператора множительной машины, что требует, конечно, навыка, но к науке отношения не имеет.

Особо следует подчеркнуть принципиальное значение статей, посвященных теоретическим вопросам издания документов советской эпохи.

В статье «О методике археографии советской эпохи» (АЕ за 1962 год) Д. А. Чугаев показал объективную необходимость разработки новых вопросов археографии советской документации, вызванную поистине бурным размахом публикаторской деятельности, начало которого наблюдалось в конце 50-х — начале 60-х годов. За 1957—1962 гг. в СССР было издано 400 томов советских документов, т. е. в 5 раз больше, чем за все предшествующее время начиная с 1917 г. В статье трактуются теоретические основы «Правил издания исторических документов» (М., 1955) и «Правил издания документов советского периода» (М., 1960). Д. А. Чугаев рассматривает и характеризует четыре типа изданий в зависимости от целей и содержания — академическое, научно-выборочное, научно-популярное и учебное. Он также различает три вида публикаций — тематический, видовой и пофондовый. Вряд ли следует здесь развивать аргументацию Чугаева, нужно только подчеркнуть, что вошедшие в наш обиход понятия типа и вида изданий исторических источников всего 20 лет тому назад своего научного определения не имели.

Было бы ошибкой ограничить разбор теоретических вопросов эдиционной археографии только названными статьями, посвященными «чистой» теории. Эдиционная археография настолько живая, многосторонне взаимосвязанная в своих разделах дисциплина, что «чистую» теорию выделить от практики, методики невозможно. Против этих попыток, которые до сих пор еще не преодолены, яростно боролся Валк. Так что и в дальнейшем изложении мы будем возвращаться к вопросам теории.

Перейдем ко второй тематической рубрике: история издания источников в советское время.

Ограничение хронологических рамок этой рубрики вызвано двумя причинами. Во-первых, желанием отметить поистине выдающееся значение «Археографического ежегодника» в систематическом освещении этого вопроса; во-вторых, тем, что почти все статьи по истории дореволюционных публикаций так или иначе связаны с персоналией, которая выделена в отдельную рубрику, или с историей издания отдельных видов источников, которым также уделяется специальное внимание.

Статьи и материалы, опубликованные в ежегодниках, могут послужить основой для историографии публикаторской деятельности архивных учреждений за 60 лет существования Советской власти. Начиная с 1959 г., когда появилась статья В. А. Кондратьева и В. М. Хевролиной «Из истории археографической деятельности в первые годы Советской власти (1917—1924)», были последовательно помещены статьи обзорного характера двух видов. Один из них посвящался деятельности публикаторских организаций, так сказать коллективных издателей (статьи Д. М. Эпштейн, Е. М. Тальман, Т. В. Батаевой), — эти обзоры доведены до 50-х годов. Второй вид обзоров — по тематике публикаций: обзоры изданий документальных материалов по истории рабочего класса (Т. В. Батаева), аграрной истории, истории крестьян и коллективизации (Н. А. Ивницкий, В. В. Кабанов), истории индустриализации (В. К. Звездин, В. В. Полетаев), истории образования СССР (Т. В. Батаева), истории революционного движения и революций в России (статьи И. Ф. Угарова и Р. Г. Эймонтовой — переработанные доклады на Тихомировских чтениях). Эти тематические обзоры охватывают период до середины 70-х годов. К первому виду обзоров относятся и статьи, касающиеся издательской деятельности отдельных архивов, например работы М. И. Автократовой и С. М. Душинова о научно-издательской деятельности ЦГАДА за 60 лет и статья В. О. Седельникова об истории становления советской архивной и публикаторской периодики и др.

В этих работах изменились акценты в сторону более объективной оценки таких явлений начальных лет Советской власти, как «Исторический архив» 1919 г., правила издания документов А. А. Шахматова и С. Ф. Платонова, причины преимущественного интереса в археографической практике 20—30-х годов к документации нового и новейшего времени. Но последовательное рассмотрение этих работ, естественно неравноцен-

ных по своему содержанию и в некоторых случаях устаревших, позволяет утверждать, что необходимы дальнейшие усилия редколлегии «Археографического ежегодника» по продолжению публикаций статей, которые бы заполнили хронологические и тематические лакуны. Следует, очевидно, подумать над серией статей, посвященных советским публикаторским журналам, истории документальных публикаций в общественно-политической и литературно-художественной периодике¹. То же следует сказать о научных учреждениях — издателях, кроме архивной сети. Ведь на страницах ежегодника не было еще статьи, например, об Институте истории СССР как издателе исторических источников — имеется в виду совокупность публикаторской продукции, а не отдельные публикации или даже серии. Такие статьи помогли бы выявить степень связи между потребностью самой исторической науки и историографическим значением изданий источников.

В этом плане более обширный и весьма убедительный материал содержат статьи и сообщения, обобщающие опыт издания различных видов источников в отечественной эдиционной археографии.

Кратко характеризовать материал об опыте их издания целесообразно всего, группируя его по разновидностям источников. Прежде всего рассмотрим вопрос об издании летописей. Это тем более оправдано, что основатель Археографической комиссии был организатором и руководителем группы по изданию Полного собрания русских летописей. Эта группа определилась как отдельная составная часть сектора источниковедения в 1957 г. и стала самостоятельной в 1959 г. Можно, не опасаясь ошибки, смело утверждать, что многие научные достижения отечественной археографии и источниковедения связаны с изданием и изучением летописей. Развивая эти традиции, продолжающееся издание летописей в советское время обогатило археографию летописания. Обстоятельная статья В. И. Буганова «Об издании русских летописей» (АЕ за 1971 год) дает представление о работе по изданию летописей, методике публикации, задачах совершенствования этого издания общенационального значения. Хотя статья С. В. Чиркова «Археография русского летописания в трудах А. Е. Преснякова» (АЕ за 1975 год) может быть отнесена к рубрике «персоналии», уместно здесь упомянуть об этой работе, касающейся истории становления советской методики публикации летописей. Особенно нужно подчеркнуть, что пресняковское наследие по этому вопросу глубоко раскрывает его понимание археографии как прикладного источниковедения, а это имеет общетеоретическое значение.

Более широко освещение на страницах ежегодника получили проблемы, связанные с публикацией актового материала. В качестве авторов выступают виднейшие советские историки, специалисты по дипломатике. Назову две статьи С. Н. Валка о «Русской правде» в изданиях и изучении XVIII — 40-х годов XIX в. (АЕ за 1958 и 1959 годы). О первом издании этого памятника в 1972 г. говорится в статье А. Т. Николаевой «Из истории русского актового источниковедения» (АЕ за 1958 год), которая убедительно доказала, что И. Н. Болтин был комментатором издания «Русской правды» и что 270 текстуальных и предметных примечаний в нем принадлежат ему. Вопросам актовой археографии второй половины XVIII в. посвящена статья Н. А. Козловой (АЕ за 1977 год). Л. В. Черепнин посвятил большую статью публикациям русских актов XIV—XVI вв. в советское время. В ней он дал оценку достижениям дореволюционных публикаторов в этой области, в частности отметив, что два тома «Сборника грамот Коллегии экономии» явились «вершиной развития дореволюционной археографии»². Подробно охарактеризованы со-

¹ По дореволюционной периодике, связанной с публикаторской деятельностью, ежегодник опубликовал ряд прекрасных статей молодых исследователей В. Ю. Афиани, А. Д. Зайцева, М. П. Мироненко. Такого же качества должны быть и статьи по аналогичным изданиям в советское время.

² Черепнин Л. В. Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время.— АЕ за 1971 год, М., 1972, с. 37.

ветские издания различных томов актового материала. Кстати, об археографии этих памятников в советское время говорится почти во всех статьях ежегодника, посвященных выдающимся отечественным археографам.

Работа по публикации этих источников стала тем испытательным полем, на котором выростали новые поколения публикаторов, применявшие достижения эдиционной археографии на нормативных источниках нового классового и нравственного содержания, новых формулярах, выработанных правотворчеством революции.

Уже стала классической многотомная публикация «Декреты Советской власти» (М., 1957—1980, т. 1—10). Недаром на страницах ежегодника получила такое широкое освещение работа по изданию советских законодательных актов. Статья Ю. А. Ахапкина и А. С. Покровского «Научное издание законодательных актов Советской власти (из опыта работы)» (АЕ за 1972 год) наряду со статьями В. В. Журавлева (АЕ за 1978 год), Б. С. Илизарова (АЕ за 1972 год), Л. Н. Расстопчиной (АЕ за 1979 год) дает общую картину археографических работ над этим источником.

Представляется уместным поставить вопрос об уточнении некоторых позиций в проблематике эдиции законодательных актов.

Правомерно ли относить к истории археографии опубликование законодательных актов, без которого не может нормально функционировать ни одно государство? Конкретнее, является ли областью археографии публикация актов в Собрании узаконений рабоче-крестьянского правительства? Судя по некоторым статьям и сообщениям в ежегоднике, их авторы дают положительный ответ на этот вопрос. Я полагаю, что следует различать «опубликование», т. е. осведомление граждан о каком-либо законодательном акте, определяющем их права и обязанности, как часть, прием, форму государственной деятельности, и публикацию, издание законодательного акта как археографическое действие. Так, например, декрет Советской власти, опубликованный в повременной печати,— продукт государственной законодательной деятельности. Текст того же декрета с его редакциями и разночтениями, снабженный легендой и источниковедческим комментарием в соответствующем томе «Декретов Советской власти»,— объект археографии. Это различие важно иметь в виду, так как оно — принципиально качественное различие. Недаром соответствующий отдел в аппарате Президиума Верховного Совета назван отделом опубликования законодательных актов (а не публикации).

В ежегоднике широко представлены вопросы публикации дипломатической документации от посольских книг конца XV в. до документов современных. Особенный интерес представляют статьи, посвященные истории публикации секретных договоров, являвшихся дипломатической подготовкой первой мировой войны. Этот всемирно-исторический акт Советского правительства, взорвавший основы тайной дипломатии, вместе с тем был действительно началом советской эдиционной археографии. Хочется выделить статью М. И. Ирошникова «Опубликование Советским правительством в 1917—1918 гг. тайных дипломатических документов» (АЕ за 1963 год), которая вносит много нового в этот ставший хрестоматийным сюжет и походя исправляет много неточностей учебной литературы по археографии, в частности в работах М. С. Селезнева (датировка первого сборника документов).

Обстоятельные статьи В. И. Мендельсона (АЕ за 1970 год), А. Л. Нарочницкого и Г. С. Кучеренко (АЕ за 1972 год) посвящены публикации серий широкой известности: «Международные отношения в эпоху империализма», которая генетически связана с первыми советскими сборниками тайных дипломатических документов, и «Внешняя политика России XIX и начала XX века» — фундаментальному изданию документов Министерства иностранных дел Российской империи. Хотя статья А. Д. Варганын и В. М. Хевролиной «К вопросу о публикации документов на иностранных языках и в переводах» (АЕ за 1966 год) касается общих методи-

ческих вопросов, она в некоторой мере примыкает и к тематике издания дипломатической документации.

Поучительные работы касаются вопросов публикации разрядных книг, вахтенных журналов, листовок и других видов и разновидностей исторических источников вплоть до таких уникальных, как читательские пометы на книгах и др.

Как видим, диапазон конкретного анализа методик публикации отдельных разновидностей источников довольно широк. Если к этому добавить, что при рассмотрении проблем сокращенной передачи текста в качестве примера брались источники массового характера, то мы получим почти весь массив активно разрабатываемых источников.

Рассматривая вопрос о формах изданий, хотелось бы особо выделить материал Тихомировских чтений, посвященных факсимильным изданиям. Актуальный аспект факсимильных изданий в связи с бурным совершенствованием множительной техники выявился с совершенно неожиданной стороны. Если еще 10–15 лет тому назад факсимильное издание (или, как тогда говорили, фотомеханическое) предназначалось для редких источников, уникальных в палеографическом отношении, то в наши дни оно стало средством быстрого и экономичного издания текстов. Например, важные по содержанию Особые журналы заседаний Совета министров Российской империи за 1906–1917 гг. с внешней стороны (машинопись с автографами резолюций и подписей) особого интереса не представляют. Выпуск их типографским способом обошелся бы дорого, а подготовка факсимильным способом вполне оправдана. Естественно, что при факсимильном издании роль публикатора — подготовителя текста уменьшается, но зато ответственность его как комментатора резко возрастает. Ежегоднику следует уделить место на своих страницах проблеме разработки методик факсимильных изданий в приложении к различным источникам.

И, наконец, краткий материал о выдающихся отечественных археографах. Не будет преувеличением, если отметим, что в исторической периодической литературе нет издания, которое бы с такой настойчивостью и завидным постоянством разрабатывало историю археографии «в лицах». Все развитие археографии прослеживается не как безликий процесс, ее история — борение идей и планов, кропотливая работа, удачи и несущественные замыслы конкретных людей.

Болтин и Бантыш-Каменский, Шахматов и Пресняков, Греков и Тихомиров, Черепнин и Валк, Конрад и Насонов, Шунков и Адрианова-Перетц, Малышев и Андреев, Аннинский и Голубцов, Попов и Колесников, Бескровный и Чугаев, Яцунский — вот далеко не полный перечень ученых, чьи интересы и деятельность были тесно связаны с археографией. Подавляющее большинство из них работало уже в советское время, и они создали советскую археографическую школу. Создание этой школы неотделимо от таких имен, как Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, которые продолжают славные традиции активной деятельности в области выявления, описания и публикации источников, сочетания исследовательской работы по общим вопросам отечественной истории и собственно археографическим проблемам.

Таков «в самом сжатом очерке» материал по вопросам истории, теории и практики издания документов, опубликованный за 25 лет в «Археографических ежегодниках».

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

2 июня 1981 г. состоялись ежегодные Тихомировские чтения. Они были посвящены 25-летию Археографической комиссии.

Юбилейное заседание открыл приветствием от Отделения истории АН СССР член-кор. АН СССР *В. Л. Янин*. Им был зачитан приказ вице-президента Академии наук СССР акад. П. Н. Федосеева с благодарностью старейшим и заслуженным сотрудникам комиссии. В своем вступительном слове *В. Л. Янин* обратился к памяти основателя Археографической комиссии акад. *М. Н. Тихомирова*, вспомнил о его страстной увлеченности розыском, спасением рукописей и пожелал сотрудникам комиссии и в будущем сохранить в своей работе эти черты.

Председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* выступил с докладом, посвященным 25-летию пути Комиссии, современным направлениям в ее деятельности¹.

Заместитель председателя Археографической комиссии *Б. Г. Лигвак* рассмотрел вопросы публикации исторических источников на страницах «Археографического ежегодника»².

В совместном докладе ученого секретаря *В. А. Черных* и старшего научного сотрудника *О. А. Князевской* были проанализированы изданные Археографической комиссией описания документальных памятников³.

Выступившие с поздравлениями: *А. В. Елпатьевский* (Главархив СССР) напомнил о 25-летнем сотрудничестве Комиссии и Главного архивного управления, государственных архивов. В этой общей работе он особо отметил такие памятные события, как заседание в 1961 г. Археографической комиссии и Научного совета Главархива под председательством *М. Н. Тихомирова*, посвященное проблемам комплектования государственных архивов, участие в работе Международного конгресса архивов в Москве и др. В заключение *А. В. Елпатьевский* выразил уверенность в том, что совместная разработка методики публикаций, описания документов и других вопросов будет и впредь успешно продолжаться и развиваться.

В. И. Буганов (Институт истории СССР) сказал, что при мысли об Археографической комиссии встает образ *М. Н. Тихомирова*, незабвенный для всех его учеников. Отношась к делу охраны, собрания, описания и изучения рукописных памятников как к делу «святому», он много занимался научно-исследовательской и организационной работой в этом плане и, кроме того, составил замечательное рукописное собрание. Создание Комиссии было одним из значительных его начинаний. Тихомиров дал мощный импульс всей дальнейшей ее деятельности. Работа Комиссии, издание «Археографического ежегодника» за четверть века получили большой резонанс и авторитет в нашей стране и за рубежом. В этом важная заслуга и ученика Тихомирова *С. О. Шмидта*. В свою очередь, уже его ученики, «птенцы гнезда археографического», в разных концах страны делают то же большое дело, которое начинал академик Тихомиров.

О. М. Медушевская (МГИАИ) обратила внимание на то, что деятельность Археографической комиссии, по своей научной сути обращен-

¹ Публикуется в наст. изд.

² Публикуется в наст. изд. Намеченный доклад о проблемах полевой археографии в деятельности комиссии не был сделан из-за болезни заместителя председателя Археографической комиссии *Н. Н. Покровского*.

³ Публикуется в наст. изд.

ная к прошлому, по предмету трудов своих и мыслей очень современна. Для Комиссии характерен широкий подход в осмыслении работы архивиста, археографа, выявляющий ее общекультурное значение. Не менее важны и другие направления ее деятельности. Координация, т. е. осуществление неформальных связей, — это звено, которое определяет успех в современной научной жизни. В области охраны культурного наследия Комиссия сосредоточила свои усилия на воспитании молодежи, общественного сознания. В повсеместном росте историзма, обогащающего личность советского человека, есть и заслуга Археографической комиссии, которая одна из первых почувствовала эту общественную потребность.

Н. Б. Волкова (ЦГАЛИ) отметила, что деятельность Комиссии за 25 лет поражает своим объемом при чрезвычайном ее разнообразии. Это говорит о правильной организации, сочетающей координацию с практической работой. Немаловажное значение имеют и тесные, многообразные связи Комиссии с архивами. В будущем *Н. Б. Волкова* пожелала Комиссии совместно с Главархивом еще активнее участвовать в выработке подзаконных актов по собиранию, учету документов, обратив особое внимание на работу общественных организаций, краеведческих музеев, на собирание документов личного происхождения, на факсимильное издание памятников.

М. Г. Белогуров (журнал «Советские архивы») говорил о большом научном и методическом влиянии Комиссии, значительной роли в деле подготовки кадров молодых специалистов в области источниковедения, археографии, краеведения и др. В своей деятельности Комиссия правомерно исходит из представления о неразрывности связей между выявлением и изданием источников и изучением истории самой дисциплины. Комплексный подход к проблемам археографии, учитывающий и ее многообразные взаимосвязи с другими историческими дисциплинами, определил успех работы Комиссии.

А. А. Амосов (БАН) сравнил современную археографическую деятельность с широким потоком, в котором слиты усилия десятков научных центров. Он приносит сотни тысяч найденных рукописей. Ничего подобного не было до создания Комиссии. Она стала не только научным центром, но и идейным, где можно получить новый стимул к разработке важных археографических сюжетов, а также центром добрых человеческих отношений. В этом видятся немалые заслуги *М. Н. Тихомирова*, заложившего эти возможности в фундамент Комиссии.

И. В. Поздеева (МГУ) говорила о роли Комиссии в организации, координации полевых археографических экспедиций, в распространении и пропаганде новых методов комплексных полевых исследований. Все это способствовало подъему археографической деятельности в стране. Как и в пору своего зарождения, Комиссия связывает методическую, координационную работу с практикой.

От имени участников археографических экспедиций МГУ с юмористическим приветствием выступила *С. В. Никитина*.

Р. Г. Пихоя (УГУ) выделил связи Комиссии с местными учеными, вузами, способствовавшие созданию ее региональных отделений. Все это стало важным фактором в формировании местных кадров археографов, положительно отразилось на результатах полевых исследований. Постановка Комиссией проблем полевой археографии расширила представления о богатстве отечественной духовной культуры, помогла плодотворному применению полевой археографии как средства изучения духовной культуры прошлого.

Б. С. Илизаров (МГИАИ) остановился на важности деятельности Комиссии в подготовке молодых кадров археографов, архивистов, источниковедов, подчеркнул значение ее работы в изучении изданий памятников Советской власти, опыта публикаций первых лет Советской власти, пожелав продолжить исследование вопроса о личных фондах советских граждан.

Ученый секретарь Археографической комиссии *В. А. Черных* зачитал поступившие поздравления; начальник Главархива СССР *Ф. И. Долгих* выделил плодотворную деятельность Комиссии в области координации археографических экспедиций, разработки методики учета и собирания документов у населения, систематического обобщения опыта этой работы, истории отечественной археографии, пропаганды исторических знаний. Отмечалась тесная связь комиссии и ее отделений с архивными учреждениями, способствующая решению важных вопросов в деле охраны и использования памятников истории и культуры; начальник Главархива РСФСР *Н. И. Иванов*, говоря о многолетних творческих связях Комиссии с учреждениями архивной системы РСФСР, подчеркнул вклад Археографической комиссии в развитие теоретических и научно-методических проблем археографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, в издание документальных памятников; директор Института славяноведения и балканистики АН СССР член-кор. АН СССР *Д. Ф. Марков* отметил активное участие сотрудников Комиссии в начинаниях института, успешную разработку методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописей, использующихся в братских славянских странах.

Были оглашены поздравления от отделов и секторов ИИ СССР и его Ленинградского отделения, ИВИ, ЦМР СССР, ГИМ, ВНИИДАД, ЦГВИА, БАН, ГБЛ, МГИАИ, кафедры источниковедения и истории СССР и археографической группы МГУ, отдельных ученых.

Закрывая Тихомировские чтения, С. О. Шмидт сердечно поблагодарил всех выступавших и всех тех, кто письменно поздравил Археографическую комиссию, выразил признательность вице-президенту АН СССР акад. П. Н. Федосееву за высокую оценку труда Комиссии, член-кор. АН СССР В. Л. Янину за неизменное участие в начинаниях Комиссии, помощь ей и за добрые слова об организаторе Археографической комиссии Михаиле Николаевиче Тихомирове. Высокие оценки, прозвучавшие в выступлениях, а главное, искренняя заинтересованность, предложения, советы радуют и обязывают. Это добрый залог совместной работы, возможности продолжения дальнейшей плодотворной деятельности комиссии.

В. Ю. Афиани

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

В. М. Загребин

РУКОПИСИ ИВАНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

(Обзор коллекции и краткое описание
древнейших кириллических рукописных книг)

Обзор является результатом двух командировок автора, организованных в 1976 и 1977 гг. ОР ГПБ в Ивановский областной краеведческий музей с целью оказания методической и практической помощи при работе с рукописными материалами. О наличии рукописей в указанном музее было известно из двух публикаций: каталога выставки, организованной в 1903 г., и отчета Н. П. Рождественского о командировке в г. Иваново в 1952 г.¹ В процессе работы в музее выявилось, что ни та, ни другая публикации не дают достаточно полного представления о составе рукописной коллекции музея. Кроме того, обнаружилось некоторые неточности в определении названия и датировке части рукописных книг. Например, № 159 оказался не Историей Римского царства, а Хронографом редакции 1617 или 1620 г.; № 23 датируется не XVII, а XVIII в.: рукопись написана на бумаге Ярославской фабрики Затрапезного; № 8 и 160 — также не XVII, а XVIII в., так как бумага имеет водяной знак фабрики Афанасия Гончарова и т. д. Все вышесказанное, а также желание ознакомить исследователей с материалом, не упомянутым в указанных публикациях, и побудили дать общий обзор собрания и краткое описание наиболее старых рукописных книг (XV—XVI вв.).

Большая часть коллекции рукописей принадлежала основателю и владельцу музея ивановскому фабриканту Д. Г. Бурьлину, который в послереволюционные годы исполнял обязанности хранителя музея. Фонд рукописей комплектовался путем приобретения у московских и петербургских книгопродавцов и антикваров С. Т. Большакова, П. П. Шибанова, В. И. Ключкова. Часть рукописей до поступления в музей входила в состав частных библиотек: М. И. и А. И. Семевских, шуйского купца И. Ф. Попова (под номером 559 в инвентарной книге музея значится реестр книг его библиотеки), Александра Лыкова, Ивана Подъякова, московского купца С. И. Каретникова, тейковского крестьянина Ивана Попова. На одной из рукописей (291)² значится: «Из молельни Миндовского». Рукописи на западноевропейских и восточных языках приобретены Д. Г. Бурьлиным во Флоренции, Константинополе, Иерусалиме и других городах во время его заграничной поездки по Западной Европе, Азии и Африке в 1913—1914 гг.³

¹ Каталог выставки древностей и редкостей из собрания Д. Г. Бурьлина. Иваново-Вознесенск, 1903; *Рождественский Н. П.* Отчет об археографической командировке в г. Иваново.— ТОДРЛ. М.; Л., 1954, т. 10, с. 485—492.

² Здесь и далее приведенные в скобках цифра или аббревиатура ИОКМ с последующим рядом цифр обозначают тот номер рукописи, который дан ей в инвентарных книгах.

³ В научном архиве музея хранятся рукописные «Воспоминания об отце — Д. Г. Бурьлине» его дочери К. Д. Пebaлк, в которых сообщаются некоторые подробности этой поездки.

За послереволюционный период коллекция музея пополнилась несколькими десятками рукописей, приобретенных у частных лиц: Фирсова, Мироглова, а также рукописями, переданными из других учреждений: Иваново-Вознесенского красноармейского клуба в 1920 г., из Ростовского музея древностей в 1934 г. (684—687; все четыре рукописи со штампами и номерами библиотеки А. А. Титова, находящейся ныне в ОР ГПБ), из библиотечного коллектора в 1940 г. В 1937 г. в музей поступили документы вязниковского Благовещенского монастыря после его закрытия.

Систематической организации коллекция рукописей не имеет. Рукописи вносились в отдельную инвентарную книгу, видимо, по мере поступления: в этой книге записаны вместе и рукописная книга XV—XVIII вв., и акты, и автографы, а также лубки, литографии рукописей XIX в., здесь же значатся литографированные издания Остромирова евангелия, Изборника Святослава 1073 г. и снимки с греческого кондакаря архимандрита Амфилохия. Часть рукописных книг, актового материала XIX в. (в основном жалованные грамоты XIX в.) и автографов зафиксирована в другой инвентарной книге. Всего рукописей в музее насчитывается около 700.

Как уже было упомянуто, в собрании музея имеются рукописи на языках Западной Европы: латинском на пергамене и бумаге (316—318, 333, 363, 364, 516 и др.), испанском (320), французском (306), немецком (537, 602), голландском (319); на восточных языках: еврейском, арабском, турецком, персидском (611—629, ИОКМ 11824, 11825/1—3, каменные медальоны с турецкими надписями на них — ИОКМ 11807—11812 и др.); самаритянские (ИОКМ 11826, 11827) и эфиопские (622, 649) пергаменные рукописи, клинописные таблички из обожженной глины (ИОКМ 11800, 11801, 11803—11805) и небольшого размера каменный сфинкс с письменами на нем (ИОКМ 11802). Кроме того, в музее хранятся индийские рукописи на пальмовых листьях (ИОКМ 11814) и на бумаге (610, 614), греческие рукописи на папирусе (ИОКМ 11815, 64176) и на бумаге (376), а также альбом калек с греческих рукописей с III в. до н. э. до 1593 г. (384), армянские рукописи на пергамене (334) и на бумаге (287, 288, 617). Имеются также рукописи на польском (346, 634 — XIX в.) и украинском (52—XVIII в.) языках.

Коллекция русского актового материала XVI—XIX вв. представлена в музее грамотами, свидетельствами, купчими, челобитными, указами и другими документами как в оригинале, так и в копиях: например купчая 1554 г. (467); грамота патриарха Иосифа в Кирилло-Белозерский монастырь от 14 августа 1642 г. (282); три сстава грамоты, написанной при царе Алексее Михайловиче (707); пергаменная грамота Николая I о пожаловании Федора Гильфердинга в тайные советники в 1854 г. (ИОКМ 12323); копии с актового материала XVII—XIX вв. (171, 206, 207, 456, 466—514 и др.).

Кроме автографов, отмеченных Н. П. Рождественским в его отчете⁴, заслуживают внимания еще подпись-автограф Барклая де Толли (674); запись Л. Н. Толстого в книге отзывов посетителей выставки древностей из собрания Д. Г. Бурulina (558), письмо А. С. Даргомыжского к Д. Е. Кожанчикову с вопросом о цене за объявления (708) и письмо митрополита сербского Михаила от 24 сентября 1885 г. с благодарностью за внимание к нему во время пребывания в Твери (без номера).

Рукописные книги музея, как и большинства других хранилищ, содержат в себе преимущественно богослужебные, религиозно-нравоучительные и полемические произведения: евангелия, апостолы, псалтири, минеи, жития святых (в том числе и местных: № 685 — Служба и житие Тихона Луховского, 1652 г.), святцы; слова, речи, беседы и проповеди митрополитов, архиепископов и священников XIX в. и т. п. Среди них есть не совсем обычная по своему составу рукопись: в одном переплете

⁴ Письма А. В. Суворова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, С. А. Толстой, М. Л. Сухотиной, С. Н. Толстой, С. Стахович.

заключены все тексты, необходимые для отправления службы в церкви, а также святцы, пасхалия, затем выписки из различных периодических изданий XVIII в. (например, из московских газет 1791 г.). На последних листах выписки из Златоуста сделал в 1790 г. «пример майор... крепости Устьуйский Сергей Ершов» (34).

Следует указать также на значительное число списков XVIII в. апокрифа «Страсти Христовы», в большинстве своем лицевых (76—78, 251, 254, ИОКМ 69020 и др., всего 15 списков).

Из старообрядческих сочинений имеется несколько списков XVIII в. Поморских ответов (14, 61 и др.), «Виноград Российский» с портретом Семена Денисова 1897 г. (656), Ответы нижегородские Питириму (272), книга полемического содержания, написанная на бересте (273), духовные стихи XX в.: «О разорении Соловецкого монастыря», «Кончина матери», «О Асафе-царевиче жалостной» и др. (140, 199). В число рукописей, написанных поморским письмом, входят и лицевые или с красочными заставками и инициалами (28, 294, 265, 292, 374 и др.).

Среди рукописей музея имеются и такие, в которых содержится материал по местному краеведению и краеведению смежных с Ивановской областей. Это «Проект постройки каменных лавок в Вознесенском посаде Шуйского уезда 1857—1859 гг.» (224); приходо-расходная книга, с. Тейково, 1841 г. (227); «Полезная жизнь Степана Ивановича Каретникова. Тейково Шуйского уезда» И. Несытова, (464); опись имущества одного дома в с. Деревях, 1806 г. (541); описание г. Ростова, XIX в. (574); «Историческое собрание о граде Суждале» Анания Федорова, 1840 г. (688).

Древнерусская литература представлена списками как оригинальных русских произведений, так и переводных, которые оформлены или в виде сборников, или же как отдельные книги. Сборники повестей: О семи мудрецах, О двух купцах, О царице и львице, О Бове королевиче, О премудрости царя Соломона и др., XVIII в. (205); Повесть о посаднике Щиле, О Китайском царстве и др., 1725 г. (271); «Об учтивстве», «Гистория об испанском рыцаре Венцыане и королевне Ренцывене», 1774 г. (193). Отдельные книги: Киево-Печерский патерик — список с печатного 1760 г. (30); Сказание о Мамаевом побоище, XVIII в. (160, 186); Хождение Трифона Коробейникова, XIX в. (132); Поучение о винном пьянстве, XVIII—XIX в. (276); История о Полинцыане царевиче Египетском и о прекрасной королевне Милитине, и о сыне их Херсоне, XVIII в. (202, 203); Повесть о разорении Иерусалима и о пленении Константинополя Махметом II в 1453 г., XVIII в. (179, 183, 444); Повесть о патриархе Никоне с приложением перевода греческой грамоты патриарха Иакова, посланной Федору Алексеевичу с дьяком Прокофием Возницыным, XVIII в. (97, 255). Отдельные повести в составе сборников смешанного содержания: «Слово о вавилонском царе Валтасаре», 1652 г. (685); Повесть о царице и львице, XVII—XVIII в. (26); в этом же сборнике находятся: предисловие Франциска Скорины к книге Иисуса Навина, тайнопись «Лаодикийское послание» Федора Курицына, перевод на русский язык имен собственных и другие статьи; три повести из Жития Дмитрия, царевича Углицкого, XVII—XVIII в. (462).

Имеются переводы на русский язык произведений Вольтера «История Карла XII», XVIII в. (172) и Ариосто «Неистовый Ролянд», XVIII в. (192). Из сочинений русских авторов XVIII в. заслуживает внимания список XVIII в. комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» (458).

Из литературных прозаических произведений XIX в. в первую очередь следует назвать список романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», под которым стоит дата 4/IV—1863 г. По-видимому, ею отмечено время окончания написания романа автором в Петропавловской крепости (ИОКМ 68908/1-2). Из авторских произведений имеется также небольшая повесть Н. Ермолаевой «Психологический этюд» с посвящением «моей дорогой ворчунье няне» (557) и значительное число неизданных произведений (591, 609, 650—654) русского советского писателя А. Со-

рокина (1884—1928 гг.). У остальных произведений авторы не названы: «Рукопись, найденная в Бедламе», 1831 г. (590); «Мария и Усад» и «Васильев вечер» (645); Сборник пьес и повестей, 1848 г. (445); черновик какой-то повести, написанной до главы XX (228).

В собрании рукописей музея хранится также значительное число сборников стихотворений, содержащих списки произведений Г. Державина, И. Крылова, А. Пушкина, В. Жуковского, А. Вельтмана, М. Лермонтова, А. Григорьева, В. Левицкого, П. Татаринова, Александра Иванова, И. Мятлева, П. Вяземского и др. (213, 214, 216, 219, 460, 523, 564, 605, 633). Под номером 528 значится список поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (без конца), датированный 22 августа 1837 г. Интересен также сборник с произведениями А. Нахимова и А. Е. Измайлова, написанный на бумаге 1806 г., с дарственной надписью: «Дарю сии стихи, мною написанные... Виктору Ивановичу. Иван Соколов» (226). Для исследователей, возможно, представят интерес сочинения в прозе и стихах воспитанников 1-й Виленской гимназии, XIX в. (231), а также стихотворение «одному молодому человеку»: «Юный друг мой! Будь уверен» с подписью С. И. (526). Из рукописей этого жанра осталось назвать сочинение директора Санкт-петербургских театров Н. Куликова «Стансы барону Лихареву» (593) и литературный сборник, содержащий пьесы и стихи (455).

Рукописи музея, содержащие сведения о мировой и русской истории, следующие: Хронографы XVII и XVIII вв. (4, 159); Краткий московский летописец, 11 сставов, 1718 г. (323)⁵; «О начале древнего славянского народа», XVIII в. (444); «Исторические записки касательно до летописи с 1354 по 1778 г.», XVIII—XIX в. (185); «Типохрон русской истории», составленный Т. Баевским, содержит историю Русского государства от Рюрика до Александра III с цветными изображениями русских князей и царей (322).

Памятники древнерусского права в коллекции представлены тремя списками Уложения царя Алексея Михайловича, XVII в. (190) и XVIII в. (167, 177).

В собрании широко представлены рукописные учебные пособия: по арифметике, XVIII в. (212, 303, 457, ИОКМ 69018), геометрии, 1751 г. (208), географии, 1725 г. (454), и медицинские руководства: лечебники, травники, XVIII—XX вв. (196—198, 209, 304, 547), «Фармакопоя села Владимиро-слава», XX в. (601).

Несомненный интерес у историков музыки вызовут крюковые рукописи XVII и XVIII вв. (667, 686, 250, 258, 263). В первой из них содержатся произведения неизвестных до сих пор русских композиторов-распевщиков: соловецкого старца Никодима и дьячка Тихона Иванова, а вторая отличается тем, что ее знаменная нотация не содержит помет. В певческом сборнике XVII—XVIII вв. (263), содержащем задостойники, трезвоны, каноны, обиход и т. д., названы распевы: «Опекаловское», «Харитониская», «Болгарская», «Киевского напеву», «Чудовская». Имеются также поздние — XX в. — старообрядческие крюковые рукописи (659, 660). Из нотных рукописей следует назвать ораторию, подаренную капитану корабельного флота Ивану Чернавину⁶ и написанную по приказанию кн. Потемкина придворным капельмейстером Джузеппе Сартти, XVIII в. (533) и сборник избранных вокальных произведений Глинки, Алябьева, Доницетти, Шуберта и др., 1832 г. (262).

Таков в общих чертах состав коллекции рукописей Ивановского областного краеведческого музея⁶.

⁵ Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея. — В кн.: Летописи и хроники, 1976: М. Н. Тихомиров и летописцеведение. М., 1976, с. 283—293.

⁶ Написание обзора было бы более затруднительным, если бы не заинтересованное предупредительное и доброжелательное отношение со стороны всех сотрудников музея, и в частности директора А. А. Додоновой, ее заместителя Е. Г. Горбуновой, зав. фондами Н. А. Малковой, ученого секретаря Т. В. Фроловой и старшего науч-

Приведем краткие описания 15 наиболее древних кириллических рукописных книг музея. Поскольку все рукописи (кроме одной, № 13) по происхождению русские, то указание на извод опускается. Цифры в скобках означают номер по инвентарной описи музея.

1(7). *Паренесис Ефрема Сирина*. Первая треть XV в. и первая половина XVII в. (л. 1—3, 467—499). 4° (19×12,5), 502 л. Филиграни: Гусь — Лихачев⁷, 945, 946—1429 г.; Колокол — Лихачев, 940—942—1429 г.; Лев — Лихачев, 943, 944—1429 г.; Собака — Лихачев, 526—1423 г.; «Звезда над полулунием» — Лихачев. Бум. и мельн.⁸, 733, 734—1424 г.; Кувшинчик двуручный с гроздью над горлышком — типы 20—30-х годов XVII в. Полуустав. Заставка-плетенка, исполненная циркулем, и инициалы — киноварные. Переплет — доски в коже без тиснения.

Содержит 109 слов Ефрема Сирина.

На нижнем поле л. 88 об. (где начинается слово «О девстве и целомудрии») — киноварная запись тем же почерком, что и текст (зачеркнута): «В сборе не мнит ми ся к ползе быти слову сему». На л. I — несколько крюковых знаков (проба пера?). На л. III — чернилами: «Сия книга глаголемая Ефремова деревни Савиной крестьянина Егора Денисова». Здесь же карандашом: «Грязовец Александру Федоровичу Попову передать в деревню Баранцево Алексею Смирнову».

2(83). *Апостол*. Начало XVI в. 4° (20×13,5), 212 л. Филиграни: Латинская буква Р готическая — Брике⁹, 8630, 8631—1500—1506 гг.; Кувшинчик — Лихачев, 1363—1508 г.; Лилия под короной — Лихачев, 1342—1345—1504 г.; Рука под шестиконечной звездой (детально не просматривается) — типы конца XV — первой половины XVI в. Полуустав нескольких почерков. Переплет — доски в тисненой коже.

3(2). *Пролог за сентябрь — февраль*. Первая четверть XVI в. 1° (28×24), 422 л. Листы выпадают и перепутаны. Филиграни: Герб — Лихачев, 1454—1514 г.; Рука под розеткой — Тромонин¹⁰, 318—1521 г. Полуустав в два столбца. От переплета сохранилась только нижняя доска без кожи.

Записи: по л. 28—272 — «...две четверти с сентября положил Третьяк Семенов сын Стеблева по своих родителей во храм... Семиона Столпника и святых чудотворец Федора Давида и Костянтина при благоверном царе великом князе Иване Васильевиче при архиепископе Ростовском Никандре сею книгою у тое церкви не властуется [так!] ни поп ни дякон ни по них иные попы и дяконы и их всякому приложению сею книгою не властоватися». Другими почерками: л. 221 — «буди пролог»; л. 268 — «се яз Николской поп Яков продал есмы»; л. 420 — «а выменяна лета 43PMС (1638 г.)»; л. 11 об. — «сия книга пролог Ивана Раткова»; л. 353 — «сия книга принадлежит Ивану Раткову».

4(245). *Евангелие апракос*. 20-е годы XVI в. 4° (19×14), 339 л. Филиграни: Рука — Лихачев, 1620—1623—1523 г.; Цветок под короной — Лихачев, 1619—1523 г. Полуустав. Заставки в красках, тонкие киноварные инициалы. Переплет Д. Г. Бурлыгина — доски в тисненой коже, обрезы покрашены в синий цвет.

5(11). *Синаксарь триодный*. Первая половина XVI в. 4° (18,5×13), 156 л. Филиграни: Латинская буква Р готическая — Лихачев, 1558—1529 г.; Герб — Брике, 8292—1515 г., подобные варианты 1523, 1527 гг.;

ного сотрудника И. П. Сокуровой, принявшей живое участие в приведении в порядок рукописей и их описании. За все это выражаю им глубокую благодарность.

⁷ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1—3.

⁸ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.

⁹ Briquet С.-М. Les filigranes dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Genève, 1907. V. 1—4.

¹⁰ Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. СПб., 1844.

Единорог — Лихачев, 1564, 1565—1529 г.; Рука — Лихачев, 1573—1530 г. Полуустав. Переплет картонный, корешок и уголки кожаные.

Самоназвание рукописи: «Синаксарь сиречь собранная в нарочитые праздники триоди... чтется же по пролозе на утрени».

Записи: л. 1 (карандашом) — «1876 году мисеца марта 28 чис. деревни Стрелникова крестиянской сын Алексей Микифорович Груздев. № 2846». «Сею книге может пользоваца Тунецкой волости деревни Семичева дрестиянина [так!] Якова Григорьевича Герасимова № 2898». Л. 155 — «Лета ~~3~~ пяддесят осмаго (1550 г.) продал книгу попу Терентию Иванскому синоксар Федор Василев сын Махавин а подписал своєю рукой». Здесь же: «1769 году сия синоксария куплена».

6(261). *Шестоднев служебный*. Первая половина XVI в. 4° (18,5 × 11), 222 л. Без начала и конца. Филиграни: Латинская буква Р готическая (детально не просматривается), возможно, Лихачев, 1553—1556—1529 г.; Рука — Брике, 11462—1518—1523 гг. Полуустав. Переплет — доски в тисненой коже. Застежки обрваны.

7(1). *Евангелие тетр.* 50—60-е годы XVI в. 1° (28 × 19,5), 373 л. Филиграни: Кораблик — Лихачев, 1897—1567 г.; Вазообразный двуручный кувшинчик с цветами — Лихачев, 1885—1567 г.; Рука под короной — Лихачев, 1743, 1744—1551 г.; Рука под розеткой — Брике, 10851—1566—1567 гг.; Сферы двух типов — Лихачев, 1891—1567 г. и Брике, 14000—1553 г. Полуустав. Для заставок и инициалов оставлены чистые места. Переплет — доски в тисненой коже — с двумя застежками.

Записи: по л. 10—27 — «Сию богагласную книгу святое евангелия дала х пречистей к рожеству на престол Семенова жена Гаврилови[ча] Коробина Фетиня Елизаревна по матери своей по Елизаревой жене Юревича Протопопава по Пологеи Иванавна а хто либа сию книгу от пречистой богородици возмет или хто ее продаст судит тому бог в день он»; по л. 13 об.—19 — «Лета ~~300~~-го [1571 г.] положил поп Иван Гнездиловской Михалу Арханлу на престол полтину денег по своих родимьцеих и по своей душеи».

8(53). *Миня служебная на ноябрь*. Третья четверть XVI в. 4° (18 × 13,5), 384 л. Без начала и конца. Филиграни: Кувшинчик одноручный под розеткой с буквами IB — Лихачев, 2974—1557 г.; Монограмма в гербовом щите — Лихачев, 1782, 1783—1556 г.; Тиара (детально не просматривается), вероятно, Лихачев, 1773—1556 г. Полуустав нескольких почерков. Переплет — доски в тисненой коже.

Имеются памяти Александра Невского (23 ноября) и Варлаама Хутынского (6 ноября).

Записи: по л. 1—3 — «Книжка монастыря Буницкаго»; по л. 4—11 — «Сию книгу месяц ноебрий надал на церков братскую смоляную благочестивую раб божий Федор мещанин сологинсках [?] за отпущение грехов своих».

9(93). *Пролог за сентябрь — февраль*. Третья четверть XVI в. 1° (28 × 18,5), 336 л. Бумага в очень плохом состоянии. Филиграни: Двуручный вазообразный кувшинчик — Лихачев, 1859, 1860—1563 г. Полуустав. Переплет поздний — доски в тисненой коже.

Записи: л. 2—6а — «...прелог благовещенской поп... а потписал своєю ру...»; л. 139 об.—148 — «Сия книга глаголемая пролог продал я Михайло Степанов сын Прянишников Синбирского уезду села Шерсы [?] тулскому купцу Афонасию Андроянычу сыну Коропкову», л. 332 об.—счета 1816 г.

10(296). *Евангелие тетр.* Вторая половина XVI в. 4° (19 × 14), 331 л. Филигрань: Цветок — Брике, 6458—1566 г. Полуустав. Инициалы киноварные. Переплет — доски в зеленом бархате — с двумя застежками; железный средник с изображением распятия; по углам — оловянные наугольники (изображены евангелисты); на нижней крышке — медные жуки.

На л. I — запись: «Помер Никита Шемякин 1820 апреля 3 дня

4 часу». На нижней крышке этикетка с надписью. «Собрание С. Т. Большакова № 12. Еванг. с древн. Еванг. 25 р.».

11(6). *Сборник*. Вторая половина XVI и XVII в. (л. 120—132). 1° (26,5×18), 133 л. Филиграни: Гусь небольшой величины — в альбомах не найдена; Подкова — Тромонин, 696, 1260—1583 г. Полуустав нескольких почерков. Переплет новый — картон в мраморной бумаге.

Содержание: Толкование на евангелие от Матфея Иоанна Златоуста (л. 1—16) и Феофилакта Болгарского (л. 16—95 об.). Богослужебный текст (из октоиха?) — л. 96—118. Начало службы на богоявление — л. 119—119 об. Слова Ефрема Сирина (отрывок) — л. 120—132.

На л. I — оттиск печати, под которой написано: «Печать княжецкая, снятая с серебряного перстня».

12(270). *Канонник*. Конец XVI в. 8° (14,5×9,5), 388 л. Филигрань: Кувшинчик одноручный с буквами PDB — Лихачев, 1948, 1952—1594 г. Полуустав. Переплет — доски в тисненой коже.

Имеется канон Евфросинии Суздальской.

По листам — записи-скрепы: 1) «Сию книгу глимю канунник продал ильинской дьячек Борикореской [?] я волости Здвиженьскова монастыря... слушке Иеву Колесникову а подписал своею рукою». 2) «Лета ~~3~~³РПЗ-го [1649 г.] марта в ~~31~~³¹ день положил сию книгу канунник глаголемую канунник Воздвиженскаго монастыря слушка Иев Иванов сын Колесников в вотчину Воздвиженскаго монастыря в селе Криеорском [?] х церкви стратотерца Христова Егория при священнике Иване Тиханове...» — далее неразборчиво. На незаполненном предыдущей скрепой листе вклинивается: «по брате своем Стефане». На подклейке нижней крышки переплета: «Сия книга Федора Луканова».

13(239). *Евангелие праздничное*. XVI в. 1° (33×23), 302 л. бумаги и пергамена (л. 144, 145). Без филиграней. Молдовлахийский каллиграфический полуустав. На л. 144 об. изображение евангелиста Луки. Заставки, инициалы в красках с золотом. Переплет — доски в парче. В качестве защитного листа использован русский документ XVIII в.

Содержит евангельские чтения на избранные праздники.

На полях имеются краткие записи на румынском языке.

14(684). *Миняя общая*. XVI в. 8° (14,5×10), 82 л. Без начала и конца. Филигрань: Гиара, над крестом которой круг (в альбомах не найдена). Полуустав. Без переплета.

Имеются штампы библиотеки А. А. Титова № 4383 и Ростовского музея древностей: инв. № 39870 и порядк. № 2467.

15(658). *Пролог за сентябрь—февраль*. XVI в. 1° (28×17), 663 л. Листы I, II, 1—7, 658 — XIX—XX вв. Филигрань — маленького размера, похожая на раковину — в альбомах не найдена. Переплет — доски в коже без тиснения.

С. В. Шумихин

ДНЕВНИК (1803—1812 гг.)

И ПИСЬМА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В. В. ВЯЗЕМСКОГО

Небольшой личный фонд генерал-майора кн. Василия Васильевича Вяземского находится в двух хранилищах — ОР ГБЛ и ОПИ ГИМ¹. Разделение фонда объясняется тем, что материалы Вяземского поступали в музей и библиотеку в разное время независимо друг от друга. ГИМ принял на хранение переписку и некоторые документы семейно-вотчинного архива Вяземских в 1930 г., а «Журнал» — дневник, который Вязем-

¹ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9848—9853; ОПИ ГИМ, ф. 257.

ский вел на протяжении последних десяти лет своей жизни,— был передан в ГБЛ в 1939 г.

Автор предлагаемой статьи не претендует на исчерпывающий обзор фонда Вяземского (так, например, не рассматривается комплекс документов, отложившихся после смерти Вяземского). Задача статьи — познакомить читателя в первую очередь с содержанием «Журнала» и той части переписки, которая хронологически может быть соотнесена с «Журналом».

В. В. Вяземский родился в 1775 г. Он принадлежал к одной из ветвей старинного княжеского рода, однако ни большим богатством, ни связями при дворе не обладал. Отец его был надворным советником (чин 7-го класса по табели о рангах) и оставил сыну две деревеньки с 75 душами крепостных. Рано осиротевший Вяземский был отдан на попечение старшей сестры и ее мужа. Мальчик воспитывался вначале в Московском университетском пансионе, затем был отдан в Горный корпус, но не получил в нем законченного военного образования. В 11 лет его записали сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, а с 15-летнего возраста началась его служба. Впоследствии Вяземский писал о своем жизненном призвании: «С самых малых лет чувствовал я чрезвычайную страсть к военной службе. В детских летах всякой ребенок чувствует некоторую как бы склонность: он беспрестанно играет ружьем, барабаном, палочками — но сие происходит от игрушек, а входя в лета страсть его уже обнаруживается, у иных — к торговле, у иных — к художеству. Но я, вступивши в службу, счел себя совершенно благополучным и радовался, что страсть брата моего к лошадям и более к голубям — пустая страсть!»². В 1792 г. юный преображенец стал ординарцем, а затем и одним из адъютантов А. В. Суворова. Находясь при знаменитом полководце, Вяземский принял участие в Польском походе 1794 г., после чего указом Екатерины II «за отличность противу мятежников польских» получил звание премьер-майора и одновременно был переведен из гвардии в армию. После 17 лет военной службы, в 1803 г., Вяземскому было присвоено звание генерал-майора и он стал командиром и шефом 13-го егерского полка. В 1804 г. вместе с большим отрядом русских войск Вяземский был отправлен в Ионическую республику, на о. Корфу, откуда, командуя авангардом войск третьей антифранцузской коалиции, совершил поход в Неаполитанское королевство. Когда в эти места прибыла эскадра адмирала Д. Н. Сенявина, Вяземский некоторое время командовал приданными эскадре сухопутными силами. После заключения Тильзитского мира русские войска были эвакуированы с Адриатического побережья, и Вяземский вместе с ними пересек с юга на север весь Апеннинский полуостров. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. он воевал в составе молдавской армии, а Отечественную войну 1812 г. встретил, находясь в рядах 3-й Западной армии. 9 ноября 1812 г., во время штурма г. Борисова, он был тяжело ранен и, не оправившись от ран, вскоре умер.

Сюжеты, связанные с военными действиями, характеристики видных военачальников (среди которых Суворов, Сенявин, Кутузов) составляют основное содержание «Журнала». «Журнал» — это шесть переплетенных в кожу тетрадей общим объемом около 880 л; пять тетрадей имеют формат — лист, одна (№ 9850) — пол-листа. На лицевой стороне каждого переплета золотом вытиснено: «Журнал за... год». Записи сделаны черными чернилами на плотной голубоватой и белой бумаге с водяными знаками, позволяющими датировать ее 1800—1802 гг. Степень регулярности записей варьируется от ежедневных до одной-двух в месяц. Некоторые листы слегка испорчены водой, кое-где на внутренней стороне переплета заметны пятна от бывшей плесени, но в целом «Журнал» сохранился хорошо.

Начав свой дневник, по-видимому, в 1803 г., Вяземский решил предварить его рассказом о предшествующих событиях. 15 листов первой

² ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9848, л. 3.

тетради занимают воспоминания, начинающиеся словами: «Родился я в 1775 году в декабре месяце в деревне отца моего селе Климове, от Москвы за 90 верст»³. Судя по тому, что чернила на этих листах везде одинаковой густоты и оттенка, писались воспоминания сразу, за один-два приема. С января 1803 г. записи в «Журнале» приобретают дневниковый характер. В тексте много планов и карт, а также рисунков пером и карандашом, на которых Вяземский изображал крепостные укрепления, развалины античных храмов, впервые увиденных во время путешествия диковинных морских животных. Тетради снабжены авторской пагинацией, а в конце каждой помещены оглавления, т. е. перечисление наиболее значительных, по мнению Вяземского, событий, описанных в «Журнале», с указанием на соответствующую страницу. Заранее заготовленный для такого оглавления лист в последней тетради так и остался чистым — смерть генерала прервала написание дневника. В конце «Журнала» адъютант Вяземского сделал запись об обстоятельствах ранения и смерти своего командира. Завершают «Журнал» два некролога. Первый принадлежит перу вдовы Вяземского Екатерины Григорьевны и посвящен памяти мужа. Второй некролог, вписанный в «Журнал» рукой неустановленного лица позднее, в 1829 г., посвящается генералу И. В. Сабанееву, близкому другу Вяземского, который взял на себя после смерти последнего заботу об его семье и детях.

Особенность этого источника в том, что он соединяет черты как личного дневника, так и служебного документа (походного журнала). Вместе с записями, не расчтанными на то, что их прочтут посторонние, в «Журнале» немало карт боевых операций, маршруты переходов 13-го егерского полка, приказы по армии, диспозиции, даваемые командованием перед наступлением, и т. п. Такое сочетание личных и официальных материалов позволяет предположить, что «Журнал» постоянно использовался Вяземским для практических целей. Все же материалам служебного характера принадлежит подчиненная роль. Если же «Журнал» был задуман автором как основа для будущих мемуаров, то становится понятным стремление автора подкрепить свои записи возможно большим числом документальных свидетельств.

Содержание той части фонда Вяземского, что хранится в ГИМ, во многом может дополнить сведения «Журнала». Основу этой части фонда составляют письма Вяземского к жене, относящиеся к пребыванию на Корфу и службе в молдавской армии (1804—1812 гг.). Ценна не часто предоставляющаяся источниковеду возможность сравнить описание одних и тех же событий в дневнике и в письмах. Некоторые из писем сами превращались в подобие дневника. Это происходило в тех случаях, когда корабли, отправляющегося с Корфу в Одессу, где жила жена Вяземского с детьми, приходилось ждать неделями (Вяземский предпочитал отправлять письма с оказией, на военных или купеческих судах, ибо: «...мне отсюда, мой ангел, нельзя писать сухим путем по ординарной почте, ибо при распечатывании письма чуть-чуть где им покажется сумнительно, так и пропало письмо»⁴). Такие письма писались с продолжением, изо дня в день, с обозначением дат. Объем подобных «мини-дневников» достигает 12—15 листов. Но и несмотря на оказии, многие письма пропадали. Так как Вяземский нумеровал их, можно определить, что сохранилось не более трети от числа написанных.

Среди других адресатов Вяземского — его сестра и брат, а также Сабанеев. Хранятся в фонде и письма Сабанеева Вяземскому из финляндской армии, где Сабанеев находился во время русско-шведской войны 1808—1809 гг. Есть несколько писем Сабанеева к вдове Вяземского за 1820-е годы, когда Сабанеев улаживал ее денежные дела. Хранятся письменные копии благодарностей, которые Вяземский получал по службе от вел. кн. Константина, одесского градоначальника де Ришелье, Н. М. Ка-

³ Там же, л. 2 об.

⁴ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 1, л. 29 об.

менского, Х. А. Ливена. Хранится записка неустановленного лица с ответом на посланный ему Вяземским вызов на дуэль. Кроме переписки, фонд содержит разнообразные документы семьи Вяземских. Среди них копия жалованной грамоты 1692 г. В. А. Вяземскому, «Раздельный акт» — документ о разделе имения отца Вяземского после его смерти между детьми, родословная Вяземских, копия наказа Екатерины II А. А. Вяземскому при вступлении его в должность генерал-прокурора. Хранятся описи имений князя — сел Кудаво и Климово в Серпуховском и Бронницком уездах Московской губернии. Разновидностью переписки являются «Приказы» — письменные распоряжения старосте по управлению имением Вяземского, которые генерал отправлял из армии.

Хронологические рамки этой части фонда шире, чем у «Журнала». Самые ранние документы созданы во второй половине XVIII в., а последние письма относятся к 60–70-м годам XIX в., т. е. фонд содержит документы, созданные уже после смерти Вяземского. Общий объем хранящейся в ГИМ части фонда около 500 листов.

Научное значение записей Вяземского было отмечено давно. Еще в 1940 г. Г. П. Георгиевский писал: «Русская военная история обогатилась новыми ценными документами: это шесть тетрадей большого размера, содержащие почти ежедневные записи кн. В. В. Вяземского»⁵. Содержание «Журнала» аннотировалось в «Указателе воспоминаний, дневников и путевых заметок XVIII—XIX вв.»⁶ В какой же мере «Журнал» и другие материалы фонда Вяземского изучены историками?

Прежде чем ответить на этот вопрос, надо сказать, что генерал-майор В. В. Вяземский — личность в русской военной истории мало известная. Его имени нет ни в общих, ни в специальных военных словарях и энциклопедиях. Его портрет не попал в число выставленных в Военной галерее Зимнего дворца, хотя формально Вяземский имел на это право: основным условием при отборе кандидатов было участие во время Отечественной войны 1812 г. в боях с французской армией в генеральском чине. Правда, из-за плохой организации в списке, составленные Главным штабом, не попало более 70 боевых генералов, большинство из которых, подобно Вяземскому, служили в 3-й Западной армии либо же в ополченских частях⁷.

Обнаруженные в фонде Московского дворянского депутатского собрания, хранящемся в ЦГИА г. Москвы, документы помогли объяснить то обстоятельство, что ни в родословных книгах, ни в генеалогических исследованиях не удалось найти сведений о таком князе. Оказывается, занятый несением военной службы вдали от России или на ее границах, князь не позаботился в свое время подать прошение о внесении его в соответствующую часть родословной книги, чем причинил немалые неудобства своим ближайшим потомкам. Когда один из его сыновей, поручик артиллерии Алексей Васильевич Вяземский, обратился в 1837 г. с таким прошением, ему пришлось собирать доказательства своего княжеского происхождения целых 17 лет (указ Сената об утверждении А. В. Вяземского, жены его и сыновей в 5-й, княжеской части дворянской родословной книги Московской губернии датирован 1854 г.)⁸.

Имя генерал-майора Вяземского встречается в опубликованных записках участников экспедиции Сенявина⁹. Пишет о Вяземском в своих вос-

⁵ Георгиевский Г. П. Ценный документ военной истории. — ЗОР ГБЛ. М., 1940, вып. 6, с. 90—91.

⁶ Указатель воспоминаний, дневников и путевых заметок XVIII—XIX вв. М., 1951, с. 43—44.

⁷ Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1963, с. 10.

⁸ ЦГИА г. Москвы, ф. 4, оп. 1, д. 413; оп. 13, д. 80.

⁹ Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1836, ч. 1—4; Мельников Г. М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания в Средиземном море с эскадрой под начальством адмирала Сенявина. СПб., 1872, ч. 1—3; Свингин П. П. Воспоминания на флоте. СПб., 1818—1819, ч. 1—4.

поминаниях о русско-турецкой войне 1806—1812 гг. генерал Ланжерон¹⁰. Неоднократно упоминается генерал-майор Вяземский на страницах 3-го тома издания «М. И. Кутузов»¹¹. Обратившись к работам историков, прежде всего следует отметить капитальные труды о русско-турецкой войне 1806—1812 гг. дореволюционных историков А. И. Михайловского-Данилевского и А. Н. Петрова—генерал-майор Вяземский и его полк фигурируют в обоих исследованиях¹². Из советских исследователей Вяземского упоминает А. М. Станиславская в монографии, посвященной русско-греческим отношениям на рубеже XVIII—XIX вв., причем назван хранящийся в АВПр ИДУ МИД мемуар Вяземского «Соображения относительно обороны Албании и Мореи в случае вторжения французов со стороны Италии», написанный в 1804 г.¹³

Однако в «Журналу» и переписке Вяземского обратился только один исследователь — историк и писатель Ю. В. Давыдов, который использовал эти материалы при работе над книгой об адмирале Сенявине¹⁴. Что же касается исторических работ, посвященных Отечественной войне 1812 г., то в них не удалось пока найти упоминания о таком генерал-майоре.

Вместе с тем записи Вяземского во многих случаях по-новому освещают известные из истории эпизоды, а иногда являются единственным источником информации о событиях, представляющих исторический интерес. В первую очередь это относится к описаниям сражений, участием которых был Вяземский. Важен «Журнал» и как источник для изучения общественного мировоззрения определенной прослойки русского общества, в которой вращался Вяземский. Уместно будет вспомнить, что князь Вяземский и по возрасту, и по своим общественным и родственным связям принадлежал к тому кругу лиц, которые известны нам по эпопее «Война и мир»; таким образом, дневник его и письма становятся своеобразным комментарием как к самому роману, так и к источникам, использованным Толстым при его подготовке. Это тем более важно, что источники дневникового типа, с такой полнотой и подробностью освещающих жизнь высших офицеров русской армии начала прошлого века и написанных непосредственно после свершения военных действий, от той поры дошло до нас сравнительно немного (в разделах «Армия» и «Войны» в библиографическом указателе «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под ред. П. А. Зайончковского среди опубликованных дневников вряд ли можно насчитать десяток таких, которые могли бы быть хронологически или тематически соотнесены с «Журналом» Вяземского).

То, что Вяземский предварил свой дневник несколькими страницами воспоминаний, — прием, характерный для мемуариста. Он вспоминает свое детство, годы учения, сержантскую службу и службу при Суворове. О последнем Вяземский пишет так: «В декабре 1792 года открыл мне путь к счастью Герой Суворов. [Он] был тогда генерал-аншефом, и подполковник Преображенского полка потребовал ему 2-х ординарцев. Спросили охотников — явилось их мало, ибо разглашено по гвардии было о странности жизни сего Героя, а особливо, когда надобно было оставить роскошную столицу и ехать в степи. Назначенные двое заболели, потом другие двое, не вынеся трудов, просились опять в полк. Тогда бедный дворянин Страхов и я искали быть ординарцами. Нас приняли»¹⁵.

Польская кампания стала боевым крещением Вяземского. В ее вос-

¹⁰ РС, 1908, т. 134, апрель, июнь; т. 135, июль, август; 1909, т. 139, июль.

¹¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1952, т. 3.

¹² Михайловский-Данилевский А. И. Полн. собр. соч. СПб., 1849. Т. 3. Описание Турецкой войны с 1806 по 1812 г.; Петров А. Н. Война России с Турцией 1806—1812 гг. СПб., 1887.

¹³ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М., 1976, с. 303.

¹⁴ Давыдов Ю. В. Сенявин. М., 1972.

¹⁵ ОР ГБЛ, ф. 178, оп. 9848, л. 3 об.

приятно сказались вся ограниченность монархического мировоззрения: не задумываясь над причинами восстания и над побудительными мотивами повстанцев, Вяземский записывает: «... противу регулярной армии не может выстоять вооруженная чернь»¹⁶. Отряды Пугачева и Костюшко, как пишет Вяземский, были тому примером. Но описания в «Журнале» боев при Дивине и Кобрине, штурма Праги и взятия Варшавы показывают, что и «регулярной армии» победа над повстанцами далась нелегко.

Короткое царствование Павла I и обстановка страха и неуверенности, которая воцарилась поначалу в офицерской среде, переданы Вяземским так: «1796 год. В ноябре я поехал в Петербург, на дороге узнал о смерти Екатериной и, прибыв в Петербург, застал там страшную перемену. В июне ... взяли от нас майора Карницкого и посадили в Петропавловскую крепость. В июле я был отряжен для суждения двух офицеров ... В ноябре 1797 года прибыл к нам инспектор от государя императора, видно посмотреть, что делается в армии, генерал-адъютант Котлубицын, и он-то развеял нас, показав нам, что мы службу криво и скучно толковали, и мысли всех офицеров о страхе служить истребил»¹⁷.

Весьма любопытно отношение Вяземского к Александру I. Несмотря на свою молодость, генерал оставался скорее сыном прошлого, екатерининского века, нежели века нового. С именем Екатерины II связывались блестящие победы русских войск и могущество Российской империи у многих из тех, чьи взгляды и характер сложились во время «золотого века дворянства». Что касается Александра I, то для Вяземского он прежде всего «слаб», и в этом источник многих бед России. Вяземский называет в своем «Журнале» императора «слабым царем»; так, например, говоря о командующем молдавской армией 75-летнем фельдмаршале А. А. Прозоровском, он замечает: «Никогда еще сумасбродные младенцы не командовали армиями. Это только в царствование слабого царя»¹⁸.

В комментариях к «Евгению Онегину» Ю. М. Лотман говорит о строке Пушкина «властитель слабый и лукавый», что обвинение Александра I в «лукавстве», т. е. двуличии и неискренности, было широко распространено среди его современников¹⁹. Дневниковые записи Вяземского позволяют предположить, что не менее широко применялся в определенных кругах дворянства эпитет «слабый» по отношению к Александру I, по крайней мере до тех пор, пока над императором не воссиял созданный придворными историографами ореол победителя Наполеона.

Неоднократно упоминает Вяземский о своем «гонении двором». В письме, написанном в январе 1812 г., говорится: «Еще ввечеру я размышлял долго и видел, что в армии нет человека, к которому бы государь был так злорасположен и кого бы так обидел. Все, все меня обошли, а я все позади за то, что многих очень усерднее, расторопнее и более рисковал собою»²⁰. В «Журнале» Вяземский записывает: «Мое положение все худо. Отдавши сына в институт, у меня недостает денег столько, чтобы и говядины на суп купить ... По службе ничего доброго ожидать нельзя: я опять написан в такой корпус и к такому генералу, где мало надеяться можно, притом же гоним двором — следовательно, ожидать нечего ... Была у меня сестра, только и родного, только и милого, да и та сошла с ума на знатности, и почему я не ищущи всеми силами быть знатным — от сей претензии и разлады»²¹.

Здесь следует сказать о некоторых чертах характера Вяземского, которые наложили отпечаток на многие страницы «Журнала». Человеку, подобному Вяземскому, без протекции при дворе и с довольно скромными

¹⁶ Там же, л. 8.

¹⁷ Там же, л. 9 об.— 10 об.

¹⁸ Там же, л. 9852, л. 20.

¹⁹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980, с. 398.

²⁰ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 1, л. 271.

²¹ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9853, л. 4.

средствами, даже если он и происходил из знатного княжеского рода, трудно было надеяться на продвижение по службе выше генерал-майора (командира полка или бригады, в лучшем случае дивизионного командира, с жалованьем 2000 руб. в год). Чувствуя себя несправедливо обойденным теми «выскачками», чья служба проходила на парадах и в дворцовых караулах, князь в своих записях давал выход накопившейся раздражительности, обвинял начальников в интригах и заговорах против него, в том, что его намеренно оттесняют на задний план, что заслуги его по достоинству не оценены. Почти всех, с кем ему довелось служить (Д. Н. Сенявин, А. А. Прозоровский, М. И. Кутузов), особенно если они выше по званию, князь наделяет уничтожающими, зачастую просто грубыми прозвищами.

К оценке же своих заслуг Вяземский относился чрезвычайно ревностно. Когда он был награжден за снятие с мели близ о. Корфу двух кораблей в январе 1806 г., он записал: «Я получил орден Анны 2-й [степени], коего не надел, ибо, чувствуя себя и службу свою, не хотел быть равно награжден с попами и полицейскими офицерами. Как горько такое награждение, которое унижает!»²². В одном письме из молдавской армии он писал: «У нас еще один недовольный ускакал в Бухарест. Князя Трубецкого послали не туды, куды хотелось, вот и уехал, а наш брат иди, да и не говори ничего... Трубецкой представлен в генерал-лейтенанты, а брыкается — ну что, если бы из нас, истинно служивых, кого представили»²³.

Генерал Ланжерон, французский подданный, находившийся на службе у России и лично знакомый с Вяземским, давал ему такую оценку в своих записках о русско-турецкой войне: «Князь Вяземский был очень образован и хорошо знал военное дело, но, будучи весьма легкомысленным, он не считался энергичным»²⁴. Ланжерон отмечает чрезмерную осторожность и нерешительность Вяземского, которые могли замедлять ход военных операций.

Несмотря на субъективные, а часто и несправедливые оценки автором «Журнала» своего окружения, его дневник интересен в плане выявления новых подробностей об известных исторических личностях. Любопытно проследить меняющееся отношение Вяземского к Наполеону, в чем-то схожее с отношением к нему толстовских героев. Вначале Вяземский говорит о Наполеоне вполне уважительно: это противник, но противник достойный, а генералов наполеоновских войск он называет «такими ... коих не бывало еще в Европе»²⁵. 1 декабря 1807 г. в Падуе Вяземскому довелось видеть императора Франции. Он так описал эту встречу: «Император Франции Наполеон проехал через Падую. Около 11 часов уведомили, что он едет, и лошади были тотчас приготовлены, чтобы в одно мгновение переменить их. Около сих лошадей поставлена цепь солдат с заряженными ружьями, а потом, около самого места, где остановится карета, цепь конных егерей. Мы были собравшись в трактире. Прискакало 5 карет одинаковой раскраски и фасону. У императорской кареты к дверям с каждой стороны приставлено по 4 часовых и по офицеру с обнаженной пшгагой. Со всех сторон окружили карету конные егеря, всё французы и ганноверцы. На козлах кареты сидел верной его мамелюк. Я подошел к окну кареты, закричав прежде: «Это ли карета императора?» — ибо видел, что он не хотел никого допускать к себе. Подполковник, конвоирующий, отвечал мне по его приказу: «Approchez-vous general le voicé l'Empereur» («Подойдите, генерал, вот император».—С. III.). Я с ним говорил минут 10, да комендант города с полминуты, и он поскакал. Он был одет в самом простом мундире, и сколько я не видел гравированных его портретов, ни в одном нет больше сходства»²⁶. Здесь приклеен

²² Там же, д. 9850, л. 11.

²³ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 3, л. 25.

²⁴ РС, 1908, т. 134, апрель, с. 233.

²⁵ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9852, л. 19 об.

²⁶ Там же, д. 9851, л. 10 об.

вырезанный из какой-то книги маленький профиль Наполеона в лавровом венке. Однако уже в то время в наблюдениях Вяземского за жизнью покоренных наполеоновской Францией стран заметно его критическое отношение к захватнической политике Бонапарта: «Из огромного строения, где раньше был университет Болоньи, переделывают казармы. Кажется, что вся Европа обращается в кантонир-квартиры, а нации, смотря по величине их, в дивизии или в армии»²⁷. Резко изменяется отношение к Наполеону после начала Отечественной войны. В августе 1812 г., откликаясь на известие о болезни сына, Вяземский писал жене: «О, друг мой! Ничто нам дети, покуда мы ведем эту жизнь и живем в эту проклятую наполеонову эпоху. Злодей амбициозный, бич божий — нет бога, если есть этот злодей на свете!»²⁸.

В ряде случаев записи Вяземского — единственное свидетельство непосредственного участника известных из истории событий. В первую очередь это относится к описанию сражения под Новой Рагузой (ныне югославский город Дубровник), которое произошло 5 июня 1806 г. и явилось одним из ключевых эпизодов кампании эскадры Сенявина. Французским войскам под командованием генерала Лористона, которые занимали, казалось, неприступные оборонительные позиции в горах и имели численное превосходство, было нанесено сокрушительное поражение. Е. В. Тарле писал, что ход и результаты этого сражения известны историкам из двух документов: из описания, сделанного «участником битвы Броневским», и из донесения Сенявина Александру I²⁹. Однако ни Броневский, ни Сенявин участниками сражения не были; они лишь следили за его ходом с борта корабля, о чем Броневский прямо писал в своих «Записках морского офицера...». Таким образом, «Журнал» Вяземского — источник, не введенный ранее в научный оборот, становится на сей день единственным известным свидетельством прямого участника Рагузинского сражения. Более того, сравнивая описание сражения в «Записках» Броневского и в «Журнале» Вяземского, можно отметить совпадения в композиции, стилистике, которые дают основание предположить, что к составлению донесения Александру I Сенявин привлек Вяземского как командующего войсками во время сражения. В основу донесения тот, видимо, положил запись в «Журнале», Броневский же как человек, близкий к штабу адмирала, использовал это донесение для своих «Записок». Сравним:

«Журнал» Вяземского

«Неприятель был расположен почти на неприступных высотах Рагузинских, готов к принятию атаки, занимая линию от моря до турецких гор, которая была не весьма распространена. Natura и искусство совершенно его обеспечивали. Правый фланг прикрыт морем и крутою скалой, левый — редутом и турецкою границей... пред фронтом — каменные утесы».

«Три роты егерей, соединясь с черногорцами, вступили храбро в бой».

«Темнота и стены городские спасли бегущего в беспорядке неприятеля».

«Французы теснили с высоты черногорцев и охотников наших»³⁰.

«Записки морского офицера...» Броневского

«Неприятель расположился на неприступных, каменных высотах Рагузинских... был готов к принятию атаки. Он занимал линию от моря до турецкой границы, не весьма пространную. Природа и искусство обеспечивали его совершенно. Правое крыло его было прикрыто морем и крутым берегом, левое — турецкою границею... Пред фронтом его — высокие скалы».

«Черногорцы, соединясь с егерями, вступили храбро в бой».

«...темнота и стены городские скрыли его отступление».

«Лористон... всюю силою теснил охотников наших»³¹.

Если ход сражения описан Броневским и Вяземским в общих чертах одинаково (последним подробнее, с деталями, которые были неизвестны

²⁷ Там же, л. 8.

²⁸ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 4, л. 91.

²⁹ Тарле Е. В. Соч. М., 1959, т. 10, с. 271.

³⁰ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9850, л. 5—9.

³¹ Броневский В. Б. Записки морского офицера..., ч. 2, с. 17—22.

Броневскому), то сведения о его начале разнятся. По Броневскому, нападение на французский гарнизон было подготовлено заранее по приказу Сенявина. Вяземский свидетельствует об обратном: превосходство неприятельских сил, хорошо защищенных рельефом местности и городскими укреплениями, не позволило ни ему, ни адмиралу принять план атаки: «5-го рано поутру я поехал с митрополитом³² к адмиралу сказать, что план наш не атаковать их (французов.—С. III.), но чтобы прежде адмирал со своей стороны атаковал остров Сент-Мавро, и тогда, бомбардируя по городу, принудить сдаться Новую Рагузу ... Итак, у адмирала на корабле нами положено было, чтобы он 6-го числа, перед рассветом, открыл сильную канонаду по Сент-Мавро»³³. Таким образом, приказа Сенявина об атаке Новой Рагузы 5 июня не было; собирались же захватить находящийся вблизи города остров, установить на нем пушки и приступить к правильной осаде. Начавшийся около 2 часов пополудни штурм, который продолжался до темноты и закончился почти полным разгромом французского гарнизона (лишь подоспевшее к 8 часам вечера подкрепление позволило остаткам французских войск укрыться за городскими стенами),— это результат в какой-то мере стихийных действий черногорцев, инициативу которых подхватил и развил Вяземский. Согласно «Журналу», около 11 часов утра Вяземский просил П. Пётровича Негоша отрядить небольшую группу охотников, чтобы захватить «языка», от которого он надеялся получить подробные сведения о численности и вооружении французов. За каждого живого пленника было обещано 20 червонцев. «... Когда [черногорцы] услышали цену, они тронулись все, кои были в сие время около лагеря— до 1000 человек— и напали на посты неприятеля ... Я усмотрел, что они ангажировали дело, а притом, будучи уведомясь, что сикуры французов, состоящий из 500 человек, прибудет на вечер, решил воспользоваться, если возможно, сюрпризом овладеть высотами»³⁴. Результаты превзошли все ожидания— сражение закончилось блистательной победой. Естественно, то обстоятельство, что победа во многом была сюрпризом, плодом военной удачи, при составлении донесения Александру I постарались опустить. Но, конечно, не только в счастливой случайности крылись корни успеха. Вяземский писал: «О, если бы всегда сражались с таким жаром! Солдаты бросались на неприятеля, офицеры летели к победе— одним словом, удивительно, что Аустерлицкая баталия потеряна. Там люди те же, офицеры те же, разве французы не те»³⁵.

Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. полк Вяземского находился в составе 15-й дивизии молдавской армии. Командующим главным корпусом этой армии был назначен М. И. Кутузов. В одном из писем Вяземский говорил о своей первой встрече с Кутузовым в ноябре 1808 г.: «Я прибыл в 2 часа ночи, разбудил Сабанеева и сидел с ним. Вдруг тревога: турки насунулись на нашу батарею— но пустое дело; я в корпус Маркова, здесь такая куча генералов... Итак, я примкнул, поехал к Кутузову. Он меня учтиво принял, знает, как меня зовут»³⁶. Отношения Вяземского с Кутузовым, если судить по записям в «Журнале», довольно скоро испортились. Это произошло после того, как в ночь с 19 на 20 апреля 1809 г. по приказу главнокомандующего Прозоровского был предпринят недостаточно подготовленный штурм крепости Браилов, который окончился неудачей. Русская армия потеряла более 2000 человек, а в полку Вяземского из 1100 погибло 900 солдат и офицеров.

³² П. Пётрович Негош, правитель Черногории, командующий союзными черногорскими отрядами. Вяземский отрицательно отзываясь о действиях черногорского ополчения и митрополита: не умаляя их неукротимой храбрости, он всячески подчеркивает жестокость черногорцев, забывая о том, что ожесточение объяснялось законным возмущением народа против французской агрессии.

³³ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9850, л. 5.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 9.

³⁶ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 3, л. 19 об.

Не желая признать свою вину, Прозоровский оправдывался в донесениях царю неопытностью генералов, которая и породила якобы нерешительность солдат, а также недостаточное повиновение войск. В реляции о сражении, отправленной Александру I, Прозоровский писал: «К стыду командующих колоннами, из коих генерал-майор князь Вяземский сам просил его употребить, должен я сказать, что они обнаружили только личину ложной храбрости [...] В 3-й колонне с охотниками был камер-юнкер лейб-гвардии Семеновского полка прапорщик Самойлов; он с охотниками и пионерами вошел на вал, но генерал-майор князь Вяземский замедлил его подкрепить более четверти часа [...] Неопытность частных генералов в действиях военных причинила столь знатную потерю»³⁷. Составители публикации дали к этому документу следующее примечание: «А. А. Прозоровский, желая оправдать себя, клеветал на войска и обвинял в неудачах своих подчиненных»³⁸. Вяземский писал о неудачном штурме: «После сражения первое дело эгоизма было на кого-нибудь из тех, кто менее известен при дворе, у кого нет ни жены, ни дочери, служащей утешением монарха, свалить вину, и, таким образом, фельдмаршал...ругается и винит... меня, потому что будто бы граф Самойлов, молодой гвардейский прапорщик, с другим мерзавцем — адъютантом Эссена корнетом Боком были четверть часа на валу, но колонна их не подкрепила»³⁹. И хотя назначенное после штурма следствие оправдало Вяземского, он все же счел себя незаслуженно оскорбленным: «Мая 1-го. Следствие меня оправдывало, но генерал-эгоист, хотя слабо, но обвинял ... Назначен я в его команду со своим полком, в коем выходило в ружье до 250 человек, да с фаногорийским гренадерским, в коем под ружье выходило до 300 человек. Итак, с сей малою частицей, называемой, однако ж, двумя полками, должен я действовать. А притом надежда верная, что употребят с этой горстью меня туда, где необходимость потребует потерять на верное, и потом вина, что сия малая часть потеряна, сложится генерал-эгоистом на меня непременно, ибо у меня дочерей нет, и они не лежат при троне. Вот причины, понудившие меня сказать больным, а не соваться в воду, не узнав броду... От чистого усилия я бросался всюду, приняв наружные знаки генерал-эгоиста за истинное ко мне расположение»⁴⁰.

В мае 1810 г. отряд авангарда корпуса генерал-лейтенанта Засса, которым командовал Вяземский, разбил турок возле устья притока Дуная Аржиша, успешно переправился через Дунай и овладел крепостью Туртукай. За это дело Вяземский был представлен к ордену Анны I-й степени, но царь отменил награждение и, как писал Вяземскому новый главнокомандующий Н. М. Каменский, «высочайше повелел объявить Вашему превосходительству, что Вы деяниями своими загладили сделанную Вами ошибку под Браиловым»⁴¹.

Возмущенный Вяземский тут же отправил Каменскому рапорт, в котором говорилось: «Приемля с благоговением гнев его императорского величества, но дабы не иметь несчастья впасть вторично в ошибку, сделанную мною под Браиловым, неизвестную ни армии здешней, ни мне, дерзаю прибегнуть к Вашему сиятельству ... просить исходатайствовать мне о сей ошибке сведение, ибо я в последнее время был в заблуждении, мыслил, что при браиловском штурме я выполнил все то, что честному, ревностному и приверженному к императору генералу выполнить должно. Открытие таковой ошибки, конечно, будет к бесчестию моему, но к пользе службы, коей я себя посвятил»⁴².

³⁷ М. И. Кутузов, т. 3, с. 182—185.

³⁸ Там же, с. 185.

³⁹ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9852, л. 14 об.

⁴⁰ Там же, л. 17.

⁴¹ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 4, л. 24.

⁴² Там же, л. 3.

Жене Вяземский написал, что отказ приходит уже на второе представление к награде: «Этого ни с кем не бывало! Удивляюсь, как его величество не припомнит Катеро⁴³. Самому стыдно, так вот — „Браилов“ — одним словом, я этою бумагою получил увольнение от обязанностей службы, и полно; а то если во всяком проигранном деле с глупою диспозициею командующего, как-то Аустерлиц и прочие, быть виновату мне, то век с государем не разочтемся»⁴⁴. В «Журнале» появляется следующая запись: «Я ожидал, что государь ... не упустит признаться и пожалеть, что не наградил меня за победу на высотах Рагузинских, за искусную ретираду от Рагузы, за овладение портом Сент-Кроче с 19-ю судами. За все труды, беспокойство, разорение и истинно безытересную службу во время 4-летнего пребывания за границей в Ионических островах я ожидал, что напомним себе государь мое поведение и служение в Вене и Милане ... думал, что посудит о 24-летней беспрестанной моей службе, и не на вахт-парадах, но на аванпостах, не при дворе, но на границе и за границею ... Думал я, что государь рассудит, что при всех заслугах моих я без награды — и потому наградит меня не в пример другим. И получаю я отзыв, неприличный монарху. Император зол на подданного, да постыдится он — не стыдно ли с рабом идти на суд?»⁴⁵ Все чаще в этот период посещают Вяземского мысли об отставке, и он делится ими с женой: «Все ремесло военное побоку, ни одной книги военной читать не буду, читаю только комедии и романы, буду ездить на охоту и ходить всяческим философом»⁴⁶. Однако останавливают его соображения о том, что «пост важен; неприятель сзади и спереди»⁴⁷. Так и не подав в отставку, Вяземский добился все же в октябре 1811 г. желанного ордена за отличие «при разбитии неприятельского сильного корпуса при Руцуке и овладении визирским лагерем», как засвидетельствовано в копии его формулярного списка, представленного в Московское дворянское депутатское собрание его сыном⁴⁸.

В марте 1812 г. в связи с концентрацией крупных соединений французских и австрийских войск в Варшавском герцогстве часть молдавской армии была переброшена на Волынь. Здесь была сформирована 3-я Западная армия под командованием А. П. Тормасова. В ее рядах в тех же самых местах, где он когда-то начинал службу ординарцем Суворова, встретил Вяземский Отечественную войну. 13 июня он записал в «Журнале»: «Политика кончена. Наполеон вступил в границы, и война объявлена»⁴⁹.

В «Журнале» описана обстановка первых недель войны в западных пограничных районах, жители которых, спасаясь от нашествия, хлынули на восток: «Помещики всё бегут, всякой день проходит множество жителей и фур. Это, правду сказать, наводит уныние. Каково же хозяину оставить дом, все хозяйство, посеянный хлеб под присмотр наших или неприятельских войск?.. В армии все удивляются и не могут отгадать маневры и методы, которые предпринял государь: начать войну отступлением, впустить неприятеля в край. Все это загадка»⁵⁰.

Из истории Отечественной войны известно, какое удручающее действие оказывало отступление русской армии не только на рядовых, но и на опытных генералов. Вяземский не был исключением. Он даже готов был искать причины неудач в действиях крайне непопулярного «высочки» Аракчеева, явно преувеличивая его роль в военных делах 1812 г.: «Теперь уже сердце дрожит о судьбе матери-России. Интриги в армии —

⁴³ Катеро (Боко-де-Катеро, Бока Которская) — город-республика, центр Которской области, где действовала эскадра Сенявина, ныне г. Котор в Югославии.

⁴⁴ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 4, л. 87.

⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9852, л. 88.

⁴⁶ ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 1, л. 46.

⁴⁷ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9852, л. 88.

⁴⁸ ЦГИА г. Москвы, ф. 4, оп. 13, д. 80, л. 11 об.

⁴⁹ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9853, л. 93 об.

⁵⁰ Там же, л. 94.

не мудрено, наполнены иностранцами, командуемы выскочками. При дворе кто помощник государя? Граф Аракчеев. Где он вел войну? Какую победою прославился? Какие привязал к себе войска? Какой народ любит его? Чем он доказал благодарность свою Отечеству? И он-то есть в сик критическую минуту ближайший к государю. Вся армия, весь народ обвиняют отступление от Вильны до Смоленска. Или вся армия, весь народ — дураки, или тот, по чьему плану сделано сие отступление. Грусть и грусть о милом Отечестве»⁵¹. Когда в начале сентября пришли известия о Бородинской битве и оставлении Москвы, Вяземский решил, что это — «плоды, Аракчеевым и Клейнмихелем, etc., etc. насажденные, распутием двора выращенные»⁵². Через несколько дней Вяземский замечает с горечью: «Армия уже привыкла слышать „Французы в Москве“, и рассуждает об этом как о всяком чуде после 3-х дней. Теперь у наших надежда на мороз, на снега, на бескормие, а все-таки на правительство никакой надежды»⁵³.

Мы знаем, что опасения Вяземского о судьбах России, к счастью, не оправдались. Не «правительство», не мороз и снега, а мощный патриотический подъем народа, соединенный с искусством полководцев, явился причиной гибели французской «Великой армии».

Записи Вяземского рисуют положение армии Тормасова летом 1812 г., когда в сражении при Кобрине была одержана первая крупная победа русских войск в Отечественной войне: «Армия наша стоит при Кобрине. Здесь дороги ужасно скверны и тесны, беда ретироваться — тем лучше!.. Неприятель учредил уже здесь свое правление. Наши войска здесь терпели с весны, а неприятель нашел все ... Какая ужасная картина, когда я обходил местечко. Всё в пламени, жены, девушки в одних рубашках, дети — все бегут и ищут спасения. Сражение в пожаре, быстрое движение войск, раскиданные неприятелем обозы, ревущий и бегущий скот ... ужас повсюду. Другой раз я вижу сражение на сём же поле и в сём же местечке». На следующей странице Вяземский пишет о затруднениях с продовольствием и фуражом: «Армия наша осталась в Гродечне для снабжения себя провиантом. Магазинов впереди нет. Снабжаем себя посредством чрезвычайного фуражирования — то есть без всяких раскладок, а кто что найдет — то и берет. Сверх того выгоняют мужиков жать, молотить и молотить. Таким образом армия снабдила себя на 10 дней ... Лошадей продовольствуем тоже чрезвычайным фуражированием, но овса не могли достать, и потому кавалерия пришла в изнурение»⁵⁴. Не упускает Вяземский случая кольнуть приближенных ко двору: «Двор к нам прислал графа Чернышева. Хотел удивить нас сей ближний к государю: полетел делать экспедиции, и какие партизанские! Хочет быть Платовым. Собрал везде контрибуции и отправил прямо в руки неприятелю. Казаки взяты, офицер взят и контрибуции взяты. Премудро!»⁵⁵. После того как командование армией перешло к адмиралу П. В. Чичагову, Вяземский, говоря об ее численности в 80 тыс. человек и 400 орудиях, замечает: «Что, если бы этакая армия Суворову?»⁵⁶.

Наименее полны записи в «Журнале» за сентябрь и октябрь 1812 г. 3-я Западная армия, объединившись с Дунайской и возглавляемая Чичаговым, двигалась на Минск параллельно преследовавшим французов войскам Кутузова. Вяземский говорит в «Журнале» о взятии Минска и продвижении до Смоленска в составе авангарда под командованием генерала Ламберта. По дороге видны следы отступления французских войск: «Здесь все предано огню, повсюду пустота, кучи мертвых тел от болезни французов находим на дорогах. Больные оставлены по деревням брошен-

⁵¹ Там же, л. 105.

⁵² Там же, л. 109.

⁵³ Там же, л. 114.

⁵⁴ Там же, л. 97—97 об.

⁵⁵ Там же, л. 115.

⁵⁶ Там же. В 3-м издании БСЭ в статье «Отечественная война 1812 г.» численность армии Чичагова определяется в 60 тыс. войск.

ными без пищи, без одежды, без призрения. Каждая изба полна больными — и между ними наполовину умерших уже несколько дней»⁵⁷.

Русское командование понимало стратегическое значение г. Борисова, стоявшего на путях французской армии. Противник также всеми силами стремился захватить город для того, чтобы провести планомерное отступление. Последняя, сделанная рукой Вяземского запись в «Журнале» от 8 ноября говорит: «Марш авангарда был до местечка Жудин. Здесь получили мы известие через захваченного офицера, что Домбровский спешит к Борисову. Граф Ламберт хотел его предупредить»⁵⁸. Однако опередить дивизию Домбровского не удалось, и вечером 8 ноября она взяла Борисов. В городе было сосредоточено до 5,5 тыс. войск и 20 орудий. Но должное охранение подступов к городу противник не обеспечил, что позволило русским войскам на рассвете 9 ноября внезапно атаковать Борисов. Это было последнее из крупных сражений Отечественной войны, в результате которого русская армия заняла город. Потери с обеих сторон составили примерно по 2 тыс. человек, кроме того, у противника было взято 2,5 тыс. пленных и 8 пушек. С остатками войск и артиллерии генерал Домбровский двинулся навстречу армии Наполеона. В начале штурма командующий авангардом армии Чичагова генерал Ламберт был ранен и командование принял Вяземский. Вскоре и он получил картечные ранения, от которых и скончался 5 декабря 1812 г.

Военные сюжеты не единственная тема, затронутая Вяземским в дневнике. В «Журнале» нашли отражение его увлечения театром и оперой. Литературные интересы выразились в упоминании о чтении книг Гельвеция и Руссо. О культурном уровне Вяземского свидетельствует свободное владение французским, итальянским языками, знание латыни. В описании островов Ионического моря автор «Журнала» показывает недурное знание древней истории и мифологии. Во время пребывания русских войск в Неаполитанском королевстве и на Сицилии Вяземский посетил развалины Помпеи, совершил с группой офицеров восхождение на Везувий, осматривал монастырь Монте-Кассино, известный своим богатым собранием работ старых мастеров. Описывая монастырь, Вяземский вначале подробно передавал сюжет, композицию, колорит увиденных картин. Но вот перед ним мадонна кисти Рафаэля: «Вы осмотрели все картины, и вам открывают последнюю, закрытую другой картиной. Что же вы видите? Встаньте, встаньте все писатели с того света, встаньте! Вот вам пук перьев, опишите эту картину. Вы не беретесь? Ну, так мне ли же ее описывать»⁵⁹. Интерес Вяземского вызвала и библиотека-архив монастыря, о котором он пишет: «В архиве видите множество рукописей на пергаменте, папирусе и бумаге. Несколько томов есть взятых из академии Геркуланама — подаренные монастырю королем Карлом и нынешним Фердинандом. Много рукописей Лангобардов. Замечательны кресла, высеченные из одного куска порфира»⁶⁰.

Некоторые черты к психологическому портрету Вяземского добавляют «Приказы» по управлению имением. С одной стороны, он хорошо образованный человек, могущий проявлять вполне в духе «просвещенного века» известную широту взглядов. Так, например, католические священники и монахи именуются в «Журнале» тунеядцами, об острове Корфу Вяземский писал: «Чернь честна и благородна, дворяне без чести и характера, но обманывают наружным блеском и богатством... правление замешано всегда в интригах и весьма угнетает народ»⁶¹. С другой стороны, перед нами почти хрестоматийный помещик начала прошлого века, который, находясь за тысячи километров от своих подмосковных деревень, решает, кого из своих крепостных женить, кого отдать в рекруты. Приведем при-

⁵⁷ ОР ГБЛ, ф. 178, д. 9853, л. 118.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, д. 9849, л. 21.

⁶⁰ Там же, л. 20.

⁶¹ Там же, д. 9848, л. 39 об.— 40.

меры подобных распоряжений Вяземского, направленных старосте его деревни Кудаво: «Вдовы умершей Аграфены сына Пимона предписываю женить на дочери Андреяна Иванова девке Аксинье. Если не ближняя родня и поп будет венчать, то безоговорочно отдать, а если в родне и поп венчать не будет тогда отослать девуку в Климово, за другого крестьянина, за кого там староста отдаст»; «Крестьянина Луку Иванова отдать в Москву на полгода в смирительный дом, а не исправится и там, то я найду места. Сына Василия Михайлова за чужой лесок высечь больно при всем мире, а с его отца взыскать 25 рублей за несмотрение за сыном и отдать сверх положенного тому, кто пойдет в рекруты, а если еще раз хоть щепку чужую возьмет, то отдать, не спрашивая меня, в солдаты, в зачет. Луку Иванова в смирительный дом на его же щет»⁶².

Как отмечено в описи, ОР ГБЛ приобрел «Журнал» в 1939 г. у В. А. Мантейфеля. Так как Г. П. Георгиевский в уже цитировавшейся заметке «Ценный документ военной истории» писал о том, что в прошлом веке «Журнал» был подарен матери Мантейфеля обедневшими помещиками Вяземскими, можно предположить, что речь идет о потомках генерал-майора гр. И. В. Мантейфеля, знакомого Вяземского, который упоминается и в «Журнале», и в переписке.

Фонд Вяземского содержит разнообразный материал и много сведений, которые могут расширить наше представление о некоторых сторонах военной истории России начала XIX в. Существенно то, что служба Вяземского в основном проходила на периферии больших европейских войн, в районах, где действия подразделений русской армии изучены менее подробно, нежели события в центре. Несомненный научный интерес представляют этнографические, природоведческие, географические сведения по истории стран Южной Европы, которые сообщает автор «Журнала». Материалы семейно-вотчинного архива Вяземских, хранящиеся в ОПИ ГИМ, могут служить источником для изучения хозяйства мелкопоместного дворянина, что особенно показательно будет сделать на примере представителей столь знатного рода. Безусловно, дневниковое и эпистолярное наследие Вяземского заслуживает самого внимательного комплексного изучения.

⁶² ОПИ ГИМ, ф. 257, д. 4, л. 8, 19.

А. Г. Тартаковский

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОСТАВА НЕРАЗЫСКАННЫХ И УТРАЧЕННЫХ МЕМУАРОВ ОБ ЭПОХЕ 1812 ГОДА

Русские мемуары об эпохе 1812 года¹ — чрезвычайно ценный свод источников для познания не только собственно военной, но и «внутренней» жизни русского общества того времени в целом. Значение этих источников не замкнуто, однако, хронологическими рамками событий 1812—1815 гг. Поскольку мемуары о них создавались на протяжении почти столетия, они должны рассматриваться как памятники идейного движения и общественно-исторической мысли всей эпохи своего создания, вне которых сама эта эпоха не может быть правильно понята. Наконец, мемуарная традиция 1812 г. составляет неотъемлемую и очень важную часть русской мемуарной культуры XIX в. и в этом отношении дает весьма богатый материал для типологического изучения мемуарного жанра в России, для постижения характерных черт его эволюции.

¹ Под «эпохой 1812 года» мы понимаем не одну только Отечественную войну, а весь цикл явлений военно-политической и общественной жизни периода борьбы с наполеоновским господством — от 1812 г. до его окончательного сокрушения в 1815 г. включительно.

Между тем мемуары, о которых мы ведем речь, как объект самостоятельного историко-источниковедческого изучения не привлекали внимания ученых. В их трудах об Отечественной войне и заграничных походах использовалось для решения тех или иных конкретно-исторических задач лишь сравнительно небольшое число мемуарных произведений — порядка примерно нескольких десятков. В дореволюционной и советской литературе, как это ни покажется странным на первый взгляд, нет специально источниковедческих работ даже о самых крупных, пользовавшихся широким общественным вниманием мемуарных памятниках об эпохе 1812 года, если не считать вступительных статей и заметок к некоторым их публикациям. Тем более нет работ, в которых бы мемуаристика 1812 г. рассматривалась во всей своей совокупности как исторически складывавшийся на протяжении длительного периода массив источников.

Естественно, что неременной предпосылкой исследования мемуаристики в конкретно-источниковедческом и в источниковедческо-типологическом аспектах является наиболее полный по возможности учет мемуарных произведений. К настоящему времени выявлено 457 воспоминаний об эпохе 1812 года, как специально ей посвященных (339 названий), так и более обширных по временному охвату мемуарных повествований с описаниями событий 1812—1815 гг. (118 названий). Данный массив источников включает в себя не только опубликованные мемуары (отдельными изданиями, в газетах, журналах общего и отраслевого типа, в исторической периодике), но и рукописные их тексты, хранящиеся в центральных архивах, библиотеках, музеях. Результаты этих разысканий представлены в нашей монографии². Этим, однако, комплекс созданных в свое время мемуарных памятников об эпохе 1812 года не исчерпывается — в источниках содержатся разнообразные сведения о реальном бытовании многих не дошедших до нас мемуаров. Учет этих сведений важен и в историко-познавательном, и в эвристическом плане, и с точки зрения оценки степени репрезентативности сохранившегося корпуса мемуарных источников.

В указанной выше монографии путем систематизации и анализа рассеянных в печатных и архивных материалах упоминаний подробно обоснован факт существования значительной группы неразысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 года (под последними подразумеваются те произведения, исчезновение которых подтверждается документально). Речь идет о полностью или в значительной своей части посвященных этой эпохе воспоминаниях П. П. Коновницына, К. Ф. Толя, А. И. Михайловского-Данилевского, И. П. Липранди, А. Ф. Воейкова, А. Д. Бестужева-Рюмина, А. Г. Хомутовой и, что особенно ценно, декабристов М. Ф. Орлова, Ф. Н. Глинки, В. С. Норова, И. А. Фонвизина, А. Я. Мирковича³.

Настоящая работа имеет своей целью дополнить этот список аргументами в пользу существования еще ряда затерянных воспоминаний такого же рода с тем, чтобы на данной основе составить общий перечень неразысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 г. Аргументы эти почерпнуты главным образом из материалов, мобилизованных (и частично напечатанных) в свое время видными историками эпохи 1812 г. и собирателями мемуарного наследия ее современников А. И. Михайловским-Данилевским, И. П. Липранди, М. И. Богдановичем, Н. Ф. Дубровиным и т. д.

Прежде всего следует сказать об утерянных (в большей части текста) записках об Отечественной войне М. С. Вистицкого — старого генерала русской армии, квартирмейстера корпуса А. М. Римского-Корсакова еще в швейцарском походе Суворова, а в 1812 г. — генерал-квартирмейстера штаба Багратиона. Этот значительный по объему труд в 422 страницы, названный автором «Журналом военных действий кампании

² *Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.*

³ *Тартаковский А. Г. Указ. соч., с. 104—122.*

1812 года», был в свое время в руках Михайловского-Данилевского, который сделал из него небольшие выписки (всего на 10 листах), опубликованные в 1900 г. Харкевичем и освещающие лишь некоторые эпизоды первого периода войны⁴. Между тем «Журнал» Вистицкого охватывал всю кампанию 1812 г. и содержал ее подробный стратегический анализ. Михайловский-Данилевский, вспоминая в 1827 г. о том, что «имел случай читать» записки Вистицкого об Отечественной войне, упомянул об описании в них событий в момент оставления Москвы и Тарутинского маневра⁵. Подготовив в середине 20-х годов «Журнал» к изданию, Вистицкий 29 сентября 1827 г. извещал Римского-Корсакова, что это «описание бывших в достопамятную Отечественную войну 1812 года 28-ми обстоятельств и дел, коими Россия восторжествовала над могуществом Наполеона Бонапарте, потрясшим всю Европу, и истребила многочисленныя его войска двадцати языков в 600 т. человек, с показанием шестидесяти ошибок Наполеона и его генералов, в сей войне произведенных...»⁶. Но рукопись «Журнала» впоследствии исчезла, а предпринятые Михайловским-Данилевским в 1836 г. попытки в связи с поисками другого сочинения Вистицкого — замечаний на оправдательные записки М. Б. Баркляя-де-Толли — выяснить судьбу его архива (Вистицкий умер еще в 1832 г.), затерявшегося у его петербургских родственников и знакомых, не увенчались успехом⁷.

Неполностью дошли до нас и воспоминания о наполеоновских войнах дежурного генерала 2-й Западной армии, правителя военно-походной канцелярии Александра I С. И. Маевского, командовавшего в заграничных походах 13-м егерским полком. Известны его автобиографические записки, напечатанные в 1873 г. в «Русской старине»⁸, им же был составлен небольшой мемуарный очерк о действиях в 1814 г. 13-го егерского полка⁹. Но пересылая его в 1835 г. Михайловскому-Данилевскому, С. Маевский признался, во-первых, что этот очерк является лишь выпиской из «моего журнала, написанного 20 лет спустя после происшествия», и, во-вторых, что он «имел полное описание 1814 года», частью потерянное, а частью переданное Д. П. Бутурлину, — его судьба также не выяснена¹⁰.

Записки П. А. Тучкова — одного из четырех братьев Тучковых, генералов русской армии, прославившихся своими подвигами в Отечественную войну, — были напечатаны в том же, 1873 г.¹¹, но это не единственный его мемуарный труд. Посылая их с письмом от 6 августа 1836 г. Михайловскому-Данилевскому, по заказу которого они и были составлены, Тучков упомянул еще одни «веденные мною некогда записки касательно военных действий 1812 года»¹², подчеркнув самостоятельный их характер по отношению к «Моим воспоминаниям», и эти записки по сию пору неразысканы.

Кроме опубликованных Харкевичем в 1903 г. по коллекции Михайловского-Данилевского «Кратких записок о войне 1812 года» генерала А. П. Никитина, а также хранящихся в ней его записок о кампании 1813 г.¹³, им были написаны и «Краткие записки мои о кампании

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. V, л. 298—307 об.; Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900, вып. 1, с. 182—195.

⁵ РС, 1897, № 6, с. 469.

⁶ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1901, ч. 6, с. 51.

⁷ См. письма по этому поводу к Михайловскому-Данилевскому генерала Я. С. Храповицкого и брата покойного генерала — Д. С. Вистицкого от 28 августа и 21 сентября 1836 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. XI, л. 302—303, 311).

⁸ Мой век или история генерала Маевского. — РС, 1873, № 8, с. 129—167; № 9, с. 253—304.

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 211—222.

¹⁰ Там же, л. 209—209 об.

¹¹ Тучков П. А. Мои воспоминания о 1812 году. — РА, 1873, № 10, стб. 1828—1868.

¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 257.

¹³ Харкевич В. 1812 год в дневниках... Вильна, 1903, вып. 2, с. 140—150; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 176—186.

1814 года», рукопись которых, отосланная Михайловскому-Данилевскому, очевидно, затерялась среди его бумаг¹⁴.

Не следует смешивать с дошедшими до нас мемуарными набросками артиллерийского офицера (впоследствии генерала) И. К. Арнольди о действиях в 1812 г. войск П. В. Чичагова¹⁵ его других и также затерянных воспоминаний об Отечественной войне. Он сам сослался на них в письме Михайловскому-Данилевскому из Саратова от 23 августа 1837 г., отметив, что «все, что написал теперь» по его просьбе (т. е. указанные выше мемуарные наброски), «извлек большею частью из памяти, так как все мои записки о 1812 годе вместе с книгами, за неимением всегда помещения в кочевой жизни моей... отправлены в прошлом году в деревушку мою под Одессой»¹⁶.

В «Описании» Отечественной войны Михайловский-Данилевский сослался на «рукописный журнал действий 1-го егерского полка полковника Петрова»¹⁷, а в описях архива историка, составленных после его кончины в сентябре 1848 г., отмечены «Записки полковника Маркова, служившего в конно-артиллерийской роте № 23, о действиях сей роты в 1812 году». Эти же «Записки» мемуарного характера, но в части, касающейся уже войны 1814 г., использовал в своем труде о ней М. Богданович¹⁸. Между тем и «журнал» Петрова, и «Записки» Маркова в коллекции Михайловского-Данилевского ныне отсутствуют. Не находим мы в ней и отмеченное в указанных выше описях его архива «Описание действий корпуса генерал-лейтенанта Олсуфьева, доставленное генерал-лейтенантом Полторацким»¹⁹. Лишь небольшой отрывок из этих мемуаров К. М. Полторацкого, освещающий его встречу с Наполеоном во время пребывания в плену у французов в 1814 г., был приведен Михайловским-Данилевским в истории похода 1814 г.²⁰

Существенны свидетельства И. П. Липранди о затерянных записках об Отечественной войне ряда ее участников: генерал-майора В. Д. Иловайского, во главе казачьего отряда вошедшего в оставленную французами Москву (записки, которые, как писал Липранди в 1861 г., уже после смерти автора были «у меня и некоторых моих знакомых в руках здесь, в Петербурге»²¹), и адъютанта М. И. Платова М. М. Кузнецова — они также не прошли мимо Липранди, видимо, читавшего их²², и командира 1-го егерского полка в армии Багратиона М. И. Карпенко (по приезде его в Петербург в начале 50-х годов «он говорил мне, что пишет записки», — отмечал Липранди в 1858 г.)²³, и состоявшего в 1812 г. в казачьем корпусе М. И. Платова, а в 1813—1814 гг. в войсках Ф. Ф. Винценгероде И. Ф. Богдановича. «Что сделалось с его любопытными записками, мне неизвестно, конечно, они остались в его семействе и, бог знает, сохранились ли!» — сетовал по этому поводу Липранди уже после

¹⁴ См. Письмо Никитина Михайловскому-Данилевскому от 4 апреля 1836 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 389).

¹⁵ Военный сборник, 1910, № 9, с. 6—22.

¹⁶ Там же, с. 4.

¹⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839, т. 4, с. 22—23.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 132 об.; Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I по достоверным источникам. СПб., 1865, т. 2, с. 92. Харкевич опубликовал «Некоторые сведения о конно-артиллерийской роте Маркова» (Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вильна, 1904, вып. 3, с. 214—216). Но это не мемуары, о которых идет здесь речь, а краткая историческая справка об участии 23-й роты в кампании 1812 г.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 144.

²⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1836, ч. 1, с. 170—175.

²¹ Материалы для истории Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И. П. Липранди. СПб., 1867, с. 47, 184.

²² Там же, с. 184.

²³ Там же, с. 47. Их не надо путать с рукописью записок М. Карпенко о кампании 1813—1814 гг., сохранившейся в коллекции Михайловского-Данилевского (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 155—164), это разные произведения.

кончины автора²⁴. Упомянул он также неразысканный «Журнал» о 1812 г. врача 27-й пехотной дивизии Д. П. Неверовского М. А. Маркуса, выписками из которого его снабжал сам автор²⁵. В 60-е годы этот Маркус — по характеристике А. Е. Берса, «живая хроника» событий той эпохи — был еще жив и с ним встречался Л. Н. Толстой, собирая для «Войны и мира» устные воспоминания современников²⁶.

Историками середины XIX в. были опубликованы сведения о существовании в то время еще ряда мемуарных записок о 1812 г., впоследствии также затерянных. Так, М. Богданович дважды сослался в своей «Истории Отечественной войны» на «Описание дела при Девельтове и наступлении Кульнева к Якубову», почерпнутое из записок И. О. Сухозанета, который командовал тогда конно-артиллерийской батареей в корпусе П. Х. Витгенштейна. М. Богданович же упомянул о записках адмирала М. Н. Лермонтова о действиях гвардейского экипажа в 1812 г. и записках П. Д. Лесли «об участии... в ополчении 1812 г.» известных смоленских партизан, родственников автора — братьев Лесли²⁷. В «Публичных лекциях по истории русской гвардейской артиллерии» В. Ф. Ратч использовал тексты записок о Бородинском сражении артиллерийских офицеров Н. И. Лодыгина и Рославлева²⁸. Эти же записки имел в своих руках и Дубровин²⁹.

Мы располагаем данными и об утраченных записках прославленного партизана А. Н. Сеславина. Вся свою жизнь после окончания наполеоновских войн сосредоточенный на воспоминаниях о событиях 1812—1813 гг., болезненно самолюбивый, страдавший от недостаточного, как он считал, признания своих заслуг Сеславин, по свидетельству литератора и мемуариста Э. Стогова, «собирался несколько раз писать свои записки»³⁰. Через два года после его смерти Дубровин уже указывал, что слышал «о существовании записок знаменитого партизана от лиц, видевших эти записки»³¹. В том же, 1860 г. в «Отечественных записках» был помещен биографический очерк М. Семевского о Сеславине. Здесь отмечалось, что для будущей его подробной биографии понадобятся «некоторые из собственноручных заметок и отрывочных записок партизана», «большая часть» которых, как писал Семевский, «находится в руках племянника партизана» полковника Александра Николаевича Сеславина. Упомянув далее о том, что, помимо написанных Сеславиным мемуарно-критических заметок на «Описание Отечественной войны в 1812 году» Михайловского-Данилевского (они были воспроизведены М. Семевским в том же очерке), он «несколько раз сам брался перо с целью рассказать о славных делах славных героев 12 года», М. Семевский даже привел один из мемуарно-исторических набросков Сеславина об Отечественной войне³².

В 1902 г. были опубликованы разрозненные заметки об Отечественной войне и походе 1813 г. адъютанта начальника артиллерии 2-й, а затем и 1-й Западных армий А. Я. Стороженко, в конце 10-х—20-х годов чиновника ведомства военных поселений, литератора официозно-националистического толка, близкого к кругу Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, а после подавления восстания 1831 г. — видного деятеля русской администрации в Польше³³. Но эти заметки, несомненно, далеко не всё из не дошедших

²⁴ Материалы для истории Отечественной войны 1812 года, с. 184.

²⁵ *Липранди И.* Война 1812 года: Замечания на книгу: История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Соч. г.-м. Богдановича. М., 1869. Ч. 2. Замечания на второй том, с. 29.

²⁶ *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 3-е изд. Тула, 1959, с. 239—240.

²⁷ *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам... СПб., 1859, т. 1, с. V—VI; 1860, т. 3, с. 528—529.

²⁸ Артиллерийский журнал, 1860, № 5, с. 159.

²⁹ Артиллерийский журнал, 1861, № 10, с. 817, 819, 822—825, 832.

³⁰ РС, 1903, № 2, с. 272.

³¹ Артиллерийский журнал, 1860, № 5, с. 159.

³² *Семевский М.* Партизан Сеславин. — Отечественные записки, 1860, № 4, с. 39, 45—49.

³³ *Стороженки.* Фамильный архив. Киев, 1902, т. 1, с. 213—227.

до нас его более значительных «записок о войне 1812 и 1813 годов», которые, по словам автора, он в 20-х годах, получив кратковременный отпуск, приводил в порядок в своем малороссийском имении³⁴. За этими же записками стоял другой, еще более пространный и, видимо, утраченный мемуарно-дневниковый труд А. Я. Стороженко, упомянутый им в воспоминаниях о И. Ф. Паскевиче. Рассказав об одном из эпизодов участия последнего в Лейпцигском сражении, А. Стороженко отметил: «Этот случай я описал в 27-й книжечке о кампаниях 1812 и 1813 годов, из коих некоторые только остались у меня, как памятники событий, описанные молодым офицером, записывавшим каждый день, что ему случилось видеть и слышать, прочие пропали со шкатулкою, украденною у меня в 1821 году в Елизаветграде»³⁵.

Увидевшие свет в 1865 г. в «Русском архиве» два отрывка из записок оренбургского губернатора В. А. Перовского³⁶, в молодости участвовавшего квартирмейстерским офицером в Отечественной войне и при вступлении Наполеона в Москву попавшего в плен,— также лишь случайно уцелевшие фрагменты из более обширного мемуарного повествования. В первом отрывке, начало которого явно утеряно, рассказ о трагическом положении русских пленных, угоняемых французами на запад, неожиданно обрывается на полуфразе, а другой отрывок посвящен уже пребыванию Перовского во Франции в 1814 г. Период же с осени 1812 г. до начала 1814 г. и был, очевидно, описан в не дошедшем до нас тексте записок.

В начале ноября 1838 г. в нескольких номерах «Русского инвалида» анонимно были напечатаны «Мои воспоминания о 1812 годе», автор которых живо описал почти всю кампанию от боев на подступах к Смоленску в августе 1812 г. до прихода русских войск в Вильну³⁷. Текст записок был предварен подзаголовком «Первая тетрадь», следовательно, должна была быть «вторая», а возможно, и «третья» тетради. Данное предположение подтверждается указанием издателя «Русского инвалида» А. Ф. Воейкова. 10 ноября была окончена публикация этих воспоминаний, а уже 12 ноября Воейков пишет Михайловскому-Данилевскому письмо, в котором выражает надежду, что «простосердечные записки о 1812 годе, недавно в Р. И. напечатанные, будут иметь щастие Вам поправиться». Отметив далее, что автор — «заслуженный и грамотный полковник» — не пожелал открыть своего имени, Воейков продолжает: «Весьма жаль, что эти записки кратки. Их только и было, что Вы изволили читать в Р. И., но у него есть записки о 1813 и 1814 годе. Он дал мне честное слово подарить их для нашей газеты»³⁸. «Заслуженный полковник», — а им был, как выясняется, Д. Душенкевич, в 1812 г. подпоручик 27-й пехотной дивизии Неверовского³⁹, — этих записок А. Воейкову, видимо, не доставил, так как публикации их в «Русском инвалиде» не последовало; ясно, однако, что «Записки о 1813 и 1814 годе» и составляли затерянные впоследствии «вторую» и «третью» тетради «Моих воспоминаний».

Подытожим сказанное.

Общее число неразысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 года, существование которых установлено нами (в указанной выше монографии и в данной работе), составляет 37 произведений. 13 из них представляют собой лишь частично затерянные мемуарные тексты, отдельные фрагменты которых сохранились в рукописях или в виде публикаций. Остальные 24 произведения не дошли до нас в полном объеме и до сих пор вообще не были известны в литературе.

³⁴ Там же, с. 363.

³⁵ РА, 1873, № 9, стб. 1735—1736.

³⁶ Из записок покойного графа В. А. Перовского.— РА, 1865, стб. 1031—1058.

³⁷ Русский инвалид, 1838, № 274—282.

³⁸ ЦГВИА, ф. 241, д. 2, л. 1.

³⁹ Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862, с. XXXV—XXXVI; Известия, 1962, 17 окт.

**ПЕРЕЧЕНЬ НЕРАЗЫСКАННЫХ И УТРАЧЕННЫХ МЕМУАРОВ
ОБ ЭПОХЕ 1812 ГОДА⁴⁰**

- 1*. Арнольди И. К. «Мои записки о 1812 годе». — Военный сборник, 1910, № 9, с. 4.
2. Бестужев-Рюмин А. Д. «Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году», отделение II и III. — ОР ГПБ, ф. 859, карт. 2, № 1; РА, 1896, № 7, с. 398.
- 3*. Богданович И. Ф. [Записки о 1812 годе]. — Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Собрание статей И. П. Липранди. СПб., 1867, с. 184.
4. Вистицкий М. С. «Журнал военных действий кампании 1812 года». — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные Шукиным. М., 1901, ч. 6, с. 51; РС, 1897, № 6, с. 469.
- 5*. Воейков А. Ф. «Записки Современника». — ИРЛИ, ф. 527, д. 59, л. 3—4; ОР ГПБ, ф. 859, карт. 32, № 29, л. 19—19 об.; Северная пчела, 1846, 20 марта.
6. Глинка Ф. Н. «Воспоминания мои о 1812 годе». — РС, 1902, № 4, с. 112—113; Литературное наследие декабристов. М., 1975, с. 345.
7. Душенкевич Д. «Мои воспоминания о 1813 и 1814 годах». — ЦГВИА, ф. 244, д. 2, л. 1.
- 8*. Иловойский В. Д. [Записки о 1812 годе]. — Материалы для истории Отечественной войны 1812 года, с. 47, 184.
- 9*. Карпенко М. И. [Записки о 1812 годе]. — Материалы для истории Отечественной войны 1812 года, с. 47.
- 10*. Коновницын П. П. „6 тетрадей записок“. — ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 148; Библиографические записки, 1858, № 14, стб. 443—444.
- 11*. Кузнецов М. М. [Записки о 1812 годе]. — Материалы для истории Отечественной войны 1812 года, с. 184.
- 12*. Лермонтов М. Н. „Записки адмирала М. Н. Лермонтова о действиях гвардейского экипажа в 1812 году“. — Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1860, т. 3, с. 529.
- 13*. Лесли П. Д. [Записки об участии братьев Лесли в ополчении 1812 года]. — Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859, т. 1, с. VI; т. 3, с. 529.
- 14*. Липранди И. П. «Воспоминания о войне 1812 года вообще и, в особенности подробное изложение действий 6-го корпуса Дохтурова». — ОР ГБЛ, ф. 18, № 2584, л. 111—112, 115.
- 15*. Липранди И. П. «Воспоминания о кампаниях 1813, 1814 и 1815 годов». — ОР ГБЛ, ф. 18, № 2584, л. 111—112, 115.
- 16*. Лодыгин Н. И. [Записки о Бородинском сражении]. — Артиллерийский журнал, 1861, № 10, с. 819, 822—824, 832; 1860, № 5, с. 159.
- 17*. Маевский С. И. Описание кампании 1813 и 1814 годов. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. II, л. 209—209 об.
- 18*. Марков. „Записки полковника Маркова, служившего в конно-артиллерийской роте № 23, о действиях сей роты в 1812 году“. — ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 132 об.; Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и изложения Наполеона I по достоверным источникам. СПб., 1865, т. 2, с. 92.
- 19*. Маркус М. А. «Журнал 1812 года». — Липранди И. Война 1812 года: Замечания на книгу: История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Соч. г.-м. Богдановича. М., 1869, ч. 2. Замечания на второй том, с. 29.
20. Миркович А. Я. [Записки о войнах 1812—1814 годов]. — Миркович Ф. Я. 1789—1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889, с. 59—60, Прилож. с. 4.
- 21*. Михайловский-Данилевский А. И. [Записка] «Собственно для меня». — Древняя и новая Россия, 1877, № 10, с. 170—173.
- 22*. Никитин А. П. «Краткие записки мои о кампании 1814 года». — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 389.
- 23*. Поров В. С. «Записки мои о походах 1812 и 1813 годов». — ОР ГПБ, Q. IV, № 321, л. 32, ф. 531, д. 477, л. 68 об.
- 24*. Поров В. С. [Записки о войнах 1812—1813 годов. 1820-е гг.]. — ОР ГПБ, ф. 531, д. 477, л. 68—69.
25. Орлов М. Ф. «Мемуары». — ЦГАОР, ф. 1711, д. 49, л. 1; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4134, л. 83; Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г. СПб., 1839, т. 3, с. 100; Он же. Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1846, т. 3. Д. В.

⁴⁰ В перечне указаны авторы (в алфавитном порядке), названия затерянных мемуаров и источники, откуда почерпнуты о них сведения. В кавычки «елочки» заключены авторские названия мемуаров, в кавычки „лапки“ — названия, под которыми мемуары значатся в источниках, содержащих о них упоминания. Названия, данные составителем, заключены в квадратные скобки. Звездочкой отмечены мемуары, не дошедшие до нас в полном объеме.

- Давыдов, с. 6; Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 5, 7.
26. Перовский В. А. [Записки о войнах 1812—1814 годов].— РА, 1865, стб. 1031—1058.
  - 27*. Петров. „Журнал действий 1-го егерского полка“.— Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г. СПб., 1839, т. 4, с. 22—23.
  28. Полторацкий К. М. „Описание действий корпуса генерал-лейтенанта Олсуфьева 1814 г.“.— ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 17538, ч. 1, л. 144.
  - 29*. Рославлев [Записки о Бородинском сражении].— Артиллерийский журнал, 1861, № 10, с. 817, 822—825; Артиллерийский журнал, 1860, № 4, с. 159.
  30. Сеславин А. Н. [Записки о войнах 1812—1814 годов].— Артиллерийский журнал, 1860, № 5, с. 159; Отечественные записки, 1860, № 4, с. 39, 45—49.
  31. Стороженко А. Я. [Описание кампаний 1812—1813 годов].— РА, 1873, № 9, с. 1735—1736.
  32. Стороженко А. Я. «Записки о войнах 1812—1814 годов».— Стороженки. Семейный архив. Киев, 1902, т. 1, с. 363.
  - 33*. Сухозанет И. О. [Записки о 1812 годе].— Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам, т. 1, с. V, т. 3, с. 528.
  34. Толь К. Ф. „Собственноручные записки“ о кампаниях 1813 и 1814 годов.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 336—348, 372—375; ОР ГПБ, ф. 488, л. 32, л. 296, и об.
  - 35*. Тучков П. А. «Записки касательно военных действий 1812 года».— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3379, л. 257.
  - 36*. Фонвизин И. А. [Воспоминания о 1812 годе].— Липранди И. Война 1812 года... М., 1869, ч. 1, с. 23.
  37. Хомутова А. Г. „Описание эпохи французской войны“.— РА, 1867, стб. 1052.

Л. П. Лаптева

СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ И РУССКО-ЧЕШСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В ПЕРЕПИСКЕ Н. А. ПОПОВА С А. ПАТЕРОЙ

Нил Александрович Попов занимал видное место в отечественной исторической науке второй половины XIX в. Ученик знаменитого С. М. Соловьева и его преемник на кафедре русской истории в Московском университете, Попов был, однако, не только историком России. Он разрабатывал вопросы истории славян, особенно южных, а среди них — сербов в новое время, т. е. в XIX в. По оценкам современников, труд Попова «Россия и Сербия» (М., 1869) «открыл сербам их историю текущего столетия», подобно тому как известная книга другого русского автора — А. А. Майкова¹ «научила их древней истории»².

Н. А. Попов родился в 1833 г.³ Закончив Московский университет, он в 1861 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «В. Н. Татищев и его время», с 1860 по 1888 г. преподавал в Московском университете, сначала в качестве адъюнкта, затем — профессора. В 1888 г. назначен управляющим МАМЮ, где возглавил работу по научному описанию фондов. Под его редакцией были изданы т. V—VIII — «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». В это время Попов напечатал два тома «Актов Московского государства». Оба издания вводили в научный оборот важнейшие документы по истории допетровского периода и высоко оценивались современной наукой⁴. Изве-

¹ Майков А. А. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа. М., 1857.

² Кочубинский А. А. Из моих воспоминаний: На память о Ниле Александровиче Попове (1863—1891).— Новороссийский телеграф, 1892, 4 янв.

³ О Попове см.: Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. словарь. М., 1979, с. 276—278.

⁴ Об этих изданиях и других трудах Попова по русской истории см.: Памяти Нила Александровича Попова: Записка академиком К. С. Веселовского и Н. Ф. Дубровина, читанная в заседании историко-филологического отделения Академии наук 8 января 1892 г.— Зап. имп. Академии наук, СПб., 1892, т. 68, с. 157—189 (с приложением списка его трудов).

стна также публицистическая и общественная деятельность Попова как активного члена Московского славянского благотворительного комитета, с 1876 г.— его секретаря. Попов принимал участие в организации этнографической выставки и славянского съезда в Москве в 1867 г., был первым председателем этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; под его редакцией вышло шесть книг «Трудов» этого отдела. Неоднократно избирался он деканом историко-филологического факультета, редактировал «Известия» Московского университета. Свои научные и публицистические работы он публиковал во многих периодических изданиях Москвы и Петербурга, но чаще всего сотрудничал в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», а также в славянофильских изданиях. Умер Попов 3 января 1892 (22 декабря 1891) г.

Поворотным пунктом в деятельности Попова была его заграничная командировка «с ученой целью» 1862—1864 гг., во время которой он посетил Германию и земли австрийских славян, подолгу жил в Праге, Брно, Любляне, Загребе, Белграде, Нови Саде и других центрах славянской культурной жизни⁵. По возвращении в Россию Попов стал заниматься преимущественно историей славян. Обширные связи со славянской интеллигенцией, которые Попов завязал во время своей поездки, приобретенная и постоянно пополняемая библиотека славянских книг, личное знакомство с положением славян способствовали превращению Попова в историка-слависта и того ведущего «славянского деятеля» России, каким он слыл последующие 30 лет. В эти годы он читал в Московском университете курс истории славян, защитил докторскую диссертацию по истории Сербии⁶ и посвятил значительную часть других своих научных трудов сюжетам из славянской истории. В период своего пребывания в Праге Попов вступил в контакт со многими чешскими учеными, публицистами, политическими деятелями и впоследствии переписывался со многими из них. Наиболее продолжительной и интересной была его переписка с А. Патерой.

Адольф (в России — Адольф Осипович) Патера (1836—1912) во время пребывания Попова в Праге был библиотекарем Чешского национального музея, т. е., по существу, хранителем книг и рукописей. Он окончил философский факультет Пражского университета по отделению филологии и стал заниматься литературой славянских народов. Позднее переключился на богемистику и посвятил себя разысканию, изучению и изданию памятников древнечешской письменности. Он обследовал все библиотеки Чехии, Моравии, Силезии, Саксонии, Венгрии и Пруссии и обнаружил там целые книги, их фрагменты, чешские приписки в иноязычных произведениях, опубликовал много недоступных исследователям текстов, сохранив для потомков большое число памятников чешского языка. Опубликовал он также письма Б. Бальбина, проповеди Яна Гуса, письма Й. Добровского (два тома) и Я. А. Коменского. Имя Патеры было очень популярно среди русских ученых. Каждый, кто приезжал из России в Прагу для славистических исследований, встречал неизменное радушие со стороны чешского библиотекаря. Патера оказывал содействие русским славистам в разыскании источников, давал рекомендательные письма в адрес чешских и других славянских ученых, снабжал книгами, сообщал о новинках научной литературы, знакомил с историческими и культурными памятниками. Впрочем, не только славистам, но и другим русским ученым, литераторам, музыкантам, художникам и вообще путешественникам Патера оказывал многообразную помощь научного, культурного и даже бытового характера. Ученые заслуги Патеры были оценены в России, где его избрали почетным доктором славянской филологии Киевского универ-

⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 38, д. 218. О командировании Н. А. Попова за границу, 1861 г.

⁶ Издана под названием: Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869. Т. 1, 2. 521 с.; 657 с. Труд переведен на сербский язык и издан в Белграде в 1870 г.

ситета⁷ и членом-корреспондентом Академии наук⁸. Его смерть была расценена как большая потеря для дела русско-чешских научных и культурных связей⁹.

В архиве Патеры в Праге хранится огромная русская корреспонденция — около 2 тыс. писем. Среди них 3 письма Попова за 1863—1878 гг., а также собственноручная автобиография русского ученого (1863 г.)¹⁰. В письмах содержатся не только интересные сведения по истории русско-чешских связей, но и свидетельства славистической деятельности Попова, неизвестные еще данные о подготовке его главного труда «Россия и Сербия» и других сочинений. Письма характеризуют атмосферу в Чехии в период обострения национальной борьбы перед установлением дуализма в Австрии, реакцию на политические события тех кругов русского общества, к которым принадлежал Попов.

Для анализа писем Попова нами привлекаются и 18 ответных писем Патеры русскому ученому (1869—1872 гг., на чешском языке), хранящиеся в ОР ГБЛ¹¹.

В переписке имеются сведения самого различного характера — об отдельных фактах биографии Попова, о комплектовании его знаменитой славянской библиотеки, о специфике его славистических интересов, преподавании славистики в Московском университете, исследованиях по истории славян, о политических событиях в Чехии, настроениях чешских политических деятелей, об их реакции на статьи в русской прессе, о подготовке этнографической выставки и славянского съезда 1867 г. в России и многое другое.

Попов прибыл в Прагу в августе 1863 г. и пробыл там несколько месяцев. Поскольку главной задачей его командировки было приобрести «живое знание славянства», чтобы затем начать чтение курса истории славян в Московском университете, Попов в Праге интересовался главным образом политическим положением чехов. Он посещал «Мещанскую беседу» — политический клуб чешской буржуазии, вступал в контакты с политическими деятелями разных партий, редакторами газет, учеными. Он был знаком с Ф. Л. Ригером, Ф. А. Браунером, Ю. Грегром, И. Гамерником, И. Ранком, А. Я. Вртятко, В. Зеленым, М. Гатталой, К. Я. Эрбеном, И. Калоусеком и многими другими представителями чешской интеллигенции.

В ноябре 1863 г. Попов переехал в Вену, где кипели политические страсти. На общевстрийский сейм сюда прибыли известные славянские политические деятели из всех частей монархии. В Вене постоянно жили видные ученые славянского происхождения, находились крупнейшие библиотеки. В том же месяце Попов дважды (без указания точной даты) писал Патере. Из писем видно, что в Вене он познакомился с А. Шемберой, Ф. Миклошичем, К. Кузmani, И. Кукулевичем-Сакцинским и «многими другими чехами, словаками, сербами, хорватами, булгарами», «жупанами, адвокатами, депутатами и попами». «Кто не может путешествовать по всем славянским землям, — замечал Попов, — тот (надо сознаться) найдет в Вене и все книжные пособия в императорской или университетской библиотеках, и всевозможных славян с их спорами, жалобами, надеждами, хвастовствами, слабостями и достоинствами. У меня наиболее знакомых между словаками; затем идут сербы; далее хорваты, наконец, русины и булгары».

Из Вены русский ученый выехал в конце января 1864 г., посетил Пешт, Нови Сад, Белград, Люблян, Загреб, откуда летом сообщил Пате-

⁷ Государственный архив г. Киева, ф. 16, оп. 323, д. 139, л. 5.

⁸ ЛО ААН, ф. 1, оп. 1а-1879, д. 126, § 56.

⁹ Некрологи: Русский филологический вестник, 1913, № 1, с. 230; Новое время, 1912, 12 нояб.

¹⁰ Literární Archiv Památníku Národního Pisemnictví (LAPNP). Posůstalost A. Patery. Korespondence. Все упоминаемые ниже письма Попова хранятся в этом фонде.

¹¹ ОР ГБЛ, ф. 239 (Попов Н. А.), п. 15, д. 41. Все цитируемые далее письма А. Патеры — из этого дела.

ре, что ездил еще «в Молдавию, Валахию, Булгарию и Босну»¹². Повсюду Попов устанавливал контакты, работал в архивах и библиотеках, приобретал литературу и отправлял ее Патере, чтобы позднее забрать ее с собой при возвращении в Россию. Об отъезде русского ученого в Москву мы узнаем из письма, отправленного Патере 3 сентября 1864 г. из Берлина.

Переписка раскрывает общее направление славистических интересов Попова как в области преподавания, так и в исследовательской работе. В университете он собирался уже в 1866/67 академическом году «читать курс русских древностей сравнительно со славянскими», а с 1867/68 г. «пробовать себя на курсе славянского права». Для преподавания Попову были необходимы хрестоматии («читанки») по всем славянским языкам, имелись же у него лишь некоторые, и он просил выслать ему отсутствующие, в частности сербские¹³. Наряду с этим он собирался заниматься историей славянского права¹⁴. В целом славистические интересы ученого распределялись так: он хотел «изучать из древней истории славян только их право, из новой же — политическую и административную жизнь от Мари Терезии, а всего более — от Венского конгресса»¹⁵.

Вернувшись в Москву, Попов обследовал славянские материалы в московских книгохранилищах. В «Университетской библиотеке, в Публичном музее и в библиотеке славяно-русской Черткова» он обнаружил множество «старых книг относительно славян и их соседей», в том числе «касательно предметов», его интересовавших¹⁶. Однако в Москве не нашлось ни новейших изданий, ни целого ряда старых, ему крайне необходимых. Ученому приходилось либо закупать литературу лично, либо опираться на контакты с зарубежными коллегами, и он широко пользовался обоими этими средствами. О том, как интенсивно он приобретал литературу за границей, свидетельствуют строки: «Если книги и брошюры я буду скупать и впрямь в такой же прогрессии, то, даст бог, меня скоро посадят за долги в яму»¹⁷. Не случайно вскоре после возвращения в Москву он получил от Патеры извещение, что в ближайшее время должен будет принять ящик с книгами весом в 544 фунта (т. е. более 200 кг!)¹⁸. Что касается пакетов меньшего веса и объема (от десятка книг до полусотни и более), то сообщения об их пересылке имеются почти в каждом письме Патеры. В основном речь шла о славистической литературе, хотя ученым приобретались материалы и о других народах Австрийской империи.

Попов регулярно и настойчиво обращался к чешскому коллеге как главному консультанту и помощнику в разыскании, приобретении и пересылке необходимой литературы. Разумеется, менее квалифицированный корреспондент, чем библиотекарь Чешского музея, не мог бы оказать Попову столь действенной помощи. Так, русский ученый запрашивал о том, что вообще издано по некоторым вопросам. «Не оставляйте меня по части библиографии извещениями своими», — читаем в одном из первых писем Попова после его возвращения в Москву¹⁹. Конечно, ученый сообщал и тематику интересовавшей его литературы. «Для меня всего интереснее было бы, — писал он, — иметь хорошую библиотеку славянских журналов и газет XIX в. по всем народностям»²⁰. В 1864 г. он уже получал 10 славянских газет, но этого было, видимо, для его целей недостаточно. «Мои планы такие, — замечал он, — сперва собрать лучшие газе-

¹² Попов — Патере, из Загреба, 18(30) июня 1864 г. Здесь и далее даты в тексте и сносках приводятся так, как они указаны в письмах.

¹³ Попов — Патере, 22 дек. 1864 (3 янв. 1865) г.

¹⁴ Попов — Патере, 4(16) мая 1865 г.

¹⁵ Попов — Патере, 25 февр. (9 марта) 1865 г.; см. также письмо от 22 дек. 1864 (3 янв. 1865) г.

¹⁶ Там же; Попов — Патере, 29 дек. 1864 (10 янв. 1865) г.

¹⁷ Попов — Патере, из Вены, ноябрь 1863 г. (второе письмо).

¹⁸ Патера — Попову, 11 окт. 1864 г.

¹⁹ Попов — Патере, 4(16) мая 1865 г.

²⁰ Попов — Патере, 25 февр. (9 марта) 1865 г.

ты и журналы, когда-либо издававшиеся у славян»²¹. А в одном из последующих писем находим слова: «Мне очень, очень, очень, очень, очень нужно собрать важнейшие из газет на разных славянских языках за прежнее время, например, Штуровские новины, Югославянские новины сорок восьмого года, словенские...»²². Сколь успешно шел к своей цели Попов, можно проследить на примере приобретения им комплекта «Часописа» Чешского национального музея. Сначала он просил найти для него экземпляр этого издания «за все прежние годы»²³, затем писал, что в комплекте недостает уже только выпусков за первые 10 лет (1827—1836)²⁴, а одно позднее письмо свидетельствует о том, что остались лишь отдельные пробелы: «Владея полным собранием Casopisa Českého Museuma с 1827 по 1877 г., я очень огорчен тем, что не имею 1. swazek за 1834 г. Не можете ли Вы достать мне его каким-либо способом?»²⁵.

Патера обычно выполнял запросы своего московского корреспондента, его письма испещрены длинными списками высылаемой литературы. Но кое-каких изданий не мог разыскать даже он: «Газет за 1848 г., которые Вы желаете приобрести, никак не могу достать. Нужно подождать, может быть, случайно найду. В Загребе я обратился к своему доброму другу Смичикласу, и он обещал мне, что, как только представится случай, купит их для Вас»²⁶. Не удалось приобрести и «Словенских новин» Л. Штура²⁷.

Попов интересовался литературой славянских народов по многим проблемам, связанным со славянством. Так, в «Часописе» Чешского музея его привлекали материалы не только по Чехии, но и по другим славянским странам и народам. Из выходившей в Чехии периодики его интересовали, помимо «Часописа», и многие другие издания. Находясь в Вене, он просил Патеру: «Если можно, абонируйтесь для меня на Narod от 15 до 31 дек[абря], чтобы высылали в Вену»²⁸. Затем он с радостью извещал Патеру, что в 1865 г. будет получать из Праги «Politik», «Narod» и «Nlas», и добавлял: «Да приобретите еще, пожалуйста, Zukunft — то, что вышло до 1865 года... Что имеете из Naroda за 1864 год, также перешлите на мою долю»²⁹. Внимание Попова привлекали и чешские сочинения, например «Кутногорские эпистолы» К. Гавличка, литература по истории чешского права, «Словарь» К. Я. Эрбена, брошюра Ф. Палацкого «Воспоминания о 1848 годе» и др. Один из перечней необходимой ему чешской литературы, которую «желал бы купить через Патеру», Попов отправил последнему с выехавшим в Прагу М. С. Дриновым³⁰. Требовались историку и многие словацкие издания. Кроме «Словенских новин» Л. Штура, в письмах упоминаются «Летопись Словацкой Матицы», сочинение М. Годжи «Словацкий вопрос в Венгрии» и др.³¹

О преимущественном интересе Попова к истории Сербии свидетельствуют почти все 33 письма. Уже 6 июня 1864 г. он из Нови Сада переслал Патере на временное хранение книги из своей сербской библиотеки для присоединения к прежним, а затем дополнил их новой посылкой из Будина и Белграда³². Позднее уже из Москвы он неоднократно обращался с просьбами о присылке литературы по Сербии на разных языках. Его интересовали «Сербские новины» за 1848 г., новые издания Сербской Матицы, «Сербские летописи» и другие журналы.

²¹ Попов — Патере, 22 дек. 1864 (3 янв. 1865) г.

²² Попов — Патере, 4(16) мая 1865 г.

²³ Там же.

²⁴ Попов — Патере, 10(22) окт. 1869 г.

²⁵ Попов — Патере, 6(18) окт. 1877 г.

²⁶ Патера — Попову, июль 1868 г.

²⁷ Патера — Попову, 6 нояб. 1865 г.

²⁸ Попов — Патере, 19 дек. 1863 г.

²⁹ Попов — Патере, 22 дек. 1864 (3 янв. 1865) г.

³⁰ Попов — Патере, 16(28) мая 1876 г.

³¹ Списки имеются в письмах Попова Патере из Вены (ноябрь 1863 г.), из Москвы от 3(15) окт. 1864 г. и др.

³² Попов — Патере, из Загреба, 18(30) июля 1864 г.

Значительное место в переписке занимают вопросы о литературе по Галиции. «Мне очень нужно, — пишет Попов, — не только знать, но и иметь все, что написано по-славянски и по-немецки по политической, административной и сословной истории русинов в Галиции, Буковине и Венгрии с 1772 г. до настоящего времени. Не можете ли Вы при помощи различных каталогов и старых часописей и газет собрать для меня указания на брошюры и статьи журнальные, касающиеся упомянутого мною выше вопроса... Мне очень нужно *Galicyna pod Austr[iackim] panowaniem etc.*»³³. Свой просьбы Попов повторил и в письме от 18 (30) ноября 1864 г., прилагая список того, что ему уже известно, а затем еще и в письме от 22 декабря 1864 (3 января) 1865 г., где, в частности, просил найти краковские и львовские периодические издания, отсутствовавшие в Москве, в которых, «говорят, бездна была статей о Галиции». Через несколько дней московский профессор опять затрагивает ту же тему: «Вы сообщили мне о русинах статьи, которые были помещены в чешских журналах. Укажите же статьи в польских журналах, какие знаете и найдете в музее»³⁴. Патера отвечал, что получил из Вены шесть книг о Галиции и отошлет их в Москву в ближайшее время³⁵. Он прилагал также «Список статей о жителях Галиции и Венгрии» из «Часописа Чешского музея», добавляя: «Это — относительно крупные статьи в музейном журнале. Кроме того, там много заметок о русинской литературе и положении русин». Затем в письме приведен еще один список литературы в 16 названий на «русинском», польском и чешском языках. О пересылке Попову литературы по Галиции Патера сообщал также письмами от 17 июля и 6 ноября 1865 г. В последнем указано, между прочим, что «в Праге профессор из Лемберга (т. е. Львова. — Л. Л.) Исидор Шараневич начинает вскоре печатать *Geschichte der Ruthenen in Galicien, Lodomerien, Podolien, Wolhynien. Nach Urkunden und historischen Quellen bearbeitet ...* Это будет обширное сочинение в 4 томах».

Интерес Попова к Галиции определялся, видимо, его публицистической деятельностью. Именно в середине 1860-х годов в русских периодических изданиях появилось большое число его статей о Галиции, русинах, Венгрии, польских проблемах. В последующие же годы внимание ученого было переключено в основном на проблемы сербской истории.

Литература, приобретенная Поповым за границей, составила основу его знаменитой славянской библиотеки. Ученики профессора вспоминали, что именно благодаря его лекциям и «прекрасной библиотеке», в которой можно было найти как старые издания, так и новинки славянской литературы, студенты приобщались к изучению славян и посвящали себя занятиям славяноведением³⁶. И эта библиотека была укомплектована в значительной мере с помощью Патеры.

Нужно заметить, что сам Патера получал от Попова несравненно меньше литературы. Будучи богемистом, он и не мог рассчитывать на приобретение в России большого числа интересовавших его книг (они здесь вообще были малочисленны), а то, что было необходимо, лучше было выписывать через коллег-филологов. Попов лишь спорадически сообщал Патере о русских книжных новинках и высылал их, например одну статью Н. В. Калачова, «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева (для Чешского музея)³⁷. Одно из писем Патеры (20 декабря 1869 г.) свидетельствует о том, что он получил от Попова «Летописи русской литературы и древностей» Н. С. Тихошарова, в другом он благодарит за сборник «Утро»³⁸. Патера просил еще прислать некоторые номера газеты «День», отдельные выпуски выходившего по частям «Толкового слова-

³³ Попов — Патере, 3(15) окт. 1864 г.

³⁴ Попов — Патере, 29 дек. 1864 (10 янв.) 1865 г.

³⁵ Патера — Попову, 29 дек. 1864 г. (нов. ст.).

³⁶ *Кочубинский А. А.* Указ. соч.

³⁷ Попов — Патере, 3 янв. 1865 г.

³⁸ Патера — Попову, 4 февр. 1867 г. Имеется в виду: Утро: Литературный и политический сборник, изданный М. Погодиным. М., 1866.

ря живого великорусского языка» В. И. Даля³⁹. В феврале 1867 г. Патера писал: «Я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы не отказали в любезности прислать при случае роман Ф. Достоевского „Преступление и наказание“⁴⁰. Мы бы перевели его на чешский язык; говорят, он того заслуживает»⁴⁰. Однако Попов отвечал, что «роман Достоевского еще не окончен весь печатанием и притом был помещен в „Русском вестнике“⁴¹, а будут ли даваться оттуда отдельные оттиски — не знаю пока ничего»⁴¹. Зато он послал чешскому ученому свою книгу «Россия и Сербия»⁴².

Что касается информации о новой литературе, то Попов чаще и подробнее сообщал о подготовке и издании собственных трудов, тогда как Патера информировал больше о чешских и других ученых повинках и откликах чешской прессы на работы Попова. Так, в письмах Патеры имеются данные о выходе книги Г. Иречка «Славянское право в Чехии и Моравии», о труде Ф. Палацкого «История чешского народа», об издании К. Я. Эрбеном чешских сочинений Гуса, о ходе издания «Научного словаря» и серии «Древние памятники чешской истории», выпускаемой А. Гиндели, и др. Наряду с этим Патера сообщал о выходе некоторых книг по славянам за пределами Чехии⁴³, о публикации летописи Нестора на чешском языке⁴⁴ и о подготовке ее перевода на французский язык известным славистом Луи Леже, уже зарекомендовавшим себя ранее подобными трудами⁴⁵. О своей же работе Патера почти не писал. Лишь однажды он поделился тем, что изучал в Ровудницкой библиотеке сербскую рукопись «Alexandrvelik» и в связи с этим просил прислать ему копию хранящейся в Румянцевском музее рукописи «Житие сказочное царя Александра Македонского ... Списано в 1816 г. с рукописи, находящейся в библиотеке Дерптского университета, в 4°, 127 л.» и русскую библиографию в ней⁴⁶. Попов просьбу выполнил⁴⁷. В другой раз Патера сообщал, что получает литературу о лужицких сербах⁴⁸.

Попов же информировал Патеру, например, о том, что «в воскресных прибавлениях Московских ведомостей ... поместил обзор славянской журналистики»⁴⁹, что в «Русском вестнике» опубликовал статью «Поляки в Пруссии»⁵⁰. Его письмо от 11 (23) июня 1865 г. содержит сообщение о выходе его же статьи «Сербы в Австрии»⁵¹, а в 1868 г. (письмо без даты) сообщается, что «через полгода» он издает «историю Сербии с 1804 по 1856 г.».

Особый интерес представляют сведения Попова об издании им писем славянских ученых М. П. Погодину. В связи с этой работой он обращается к чешскому коллеге со следующей просьбой: «Я приступаю теперь к изданию писем разных славянских ученых к М. П. Погодину ... Одного Шафарика имеется до 140 писем, с 1835 по 1858 год; от Галки — 22 письма с 1835 по 1860 г., от Коллара 2 письма (1839 и 1847); от Л. Штура — 1 (1846). Не говорю о письмах ученых людей из других славянских народностей ... Наибольший ученый интерес представляют, разумеется, письма Шафарика, но в них есть пробелы. Так, не имеется писем между

³⁹ Патера — Попову, 16 дек. 1864 г. и 20 дек. 1869 г.

⁴⁰ Патера — Попову, 4 февр. 1869 г. (нов. ст.)

⁴¹ Попов — Патере, 5 февр. 1867 г. (стар. ст.)

⁴² Попов — Патере, б. д.

⁴³ Патера — Попову, 9 марта 1865 г.

⁴⁴ Патера — Попову, 4 февр. 1867 г. (нов. ст.). Речь идет об издании: *Letopis Nestorova. Nestorův Letopis ruský: Vydal, přeložil a předmluvou opravil K. J. Erben. Praha, 1867.*

⁴⁵ Патера — Попову, 4 февр., 1867 г. (нов. ст.)

⁴⁶ Патера — Попову, 17(5) июня 1863 г.

⁴⁷ См. приписку Патеры: «Спасибо за Александриду!» в письме к Попову от находившегося тогда в Праге А. Л. Дювернуа (ОР ГБЛ, ф. 239, к. 8, д. 34).

⁴⁸ Патера — Попову, 20 дек. 1869 г.

⁴⁹ Попов — Патере, 18(30) ноября 1864 г. Указанное издание выходило под названием «Современная летопись» (№ 40—41 за 1864 г.).

⁵⁰ Попов — Патере, 18(30) ноября 1864 г. См.: *Русский вестник*, 1864, № 10, с. 728—766; 1865, № 1, с. 212—240.

⁵¹ *Русский вестник*, 1865, № 5, с. 258—314.

22 окт[ября] 1843 и 2 марта 1845 (по нов[ому] ст[иллю]) ... Не можете ли Вы доставить мне какие-либо указания на письма Шафарика 1844 г. или, по крайней мере, не можете ли Вы сообщить мне какие-либо сведения об ответах Погодина Шафарику, которые должны храниться в Lit[erární] rozústalosti Šafaříkove в Музее Королевства Чешского»⁵². Ответ Патеры на этот запрос не найден. Письма славянских ученых Погодину были изданы Поповым⁵³, но разыскивавшиеся письма Шафарика так и не нашлись.

Как один из организаторов этнографической выставки 1867 г. Попов обратился к Патере с просьбой⁵⁴ подобрать для экспозиции народные костюмы «или предметы обыденной домашней жизни» и привлечь для помощи в этом деле также других. Патера ответил, что ни он, ни его знакомые не имеют средств для закупки костюмов, а он может прислать лишь изображения. На случай, если будет издаваться сборник этнографических статей, Патера обещал прислать свою статью⁵⁵.

Встречаются в переписке отдельные суждения по поводу текущей политики. Политические взгляды обоих корреспондентов были весьма различны. Славянофил и монархист Попов сотрудничал в изданиях М. Н. Каткова и К. Н. Леонтьева. Патера же, будучи русофилом, критику порядков Австрийской империи позволял себе только в рамках программы старочешской партии, во главе которой стояли умеренные либералы Ф. Палацкий и Ф. Л. Ригер. Поэтому о политических событиях он сообщал чаще всего в нейтральном тоне, повторяя то, что уже было широко известно, — об отказе чешских депутатов имперского сейма 1864 г. участвовать в его работе, о поражении немецкой партии на выборах в Пражский городской совет, о перепалке между газетами «Народ» и «Народни листы», о неблагоприятных для России статьях в газетах «Покрок» и «Политик» и т. п.

Публицистические статьи Попова подчас вызывали отрицательную реакцию выходивших в Чехии газет⁵⁶, а его статья «Вопрос об общеславянской азбуке»⁵⁷ была раскритикована Патерой. «Удивлен Вашей статьей об общеславянской азбуке, — писал он. — Если бы под ней не было Вашего имени, никогда не поверил бы, что это написали Вы ...»⁵⁸ Далее Патера перечислял моменты, с которыми не мог согласиться. «Ошибочно считать, — замечал он, — что Ганка посвятил всю свою жизнь распространению кириллицы между чешскою молодежью. Далее меня удивили Ваши слова „так называемые руководители чешского народа ... так называемые властенцы и народолюбы“. Видимо, Вы считаете, что истинным вождем чехов и патриотом является пан Езбера⁵⁹, а не Палацкий, Ригер, Эрбен и т. д.?! Благодарствую Вам!». Возражал Патера и против других утверждений Попова. Приведя его слова «без книги г. Маяра⁶⁰ не может обойтись ни один филолог, занимающийся сравнительным изучением славянских языков», Патера язвительно комментировал: «Это может утверждать только такой филолог, каким является пан Езбера». Вызывал его возражения и тезис о том, что «чешские газеты нашего времени и

⁵² Попов — Патере, 6(18) окт. 1878 г.

⁵³ Письма к М. П. Погодину из славянских земель, М., 1879—1880, вып. 1—3 (ЧОИДР, 1879, кн. 1, 4; 1880, кн. 1).

⁵⁴ Попов — Патере, 15(27) окт. 1866 г.

⁵⁵ Патера — Попову. Письмо датировано 1 окт. 1866 г. ошибочно. Скорее всего, должно быть 1 нояб. 1866 г.

⁵⁶ В письме 11(23) июня 1865 г. Попов жаловался на искажения и клевету, возведенную на него газетой «Zukunft» (1865, № 27).

⁵⁷ Попов Н. Вопрос об общеславянской азбуке. — Современная летопись, 1865, № 39, с. 5—9.

⁵⁸ Патера — Попову, 6 ноября 1865 г.

⁵⁹ Езбера (Иезбера) Федор Иванович (Jezbera František Jan) (1827—1901) — сторонник сближения славян, в частности введения кириллицы в письменность всех славянских народов.

⁶⁰ Маяр Матия (Maĵar Matija) (1809—1892) — словенский просветитель, приверженец создания искусственного «общеславянского языка». Речь идет о его книге «Vzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska» (Praha, 1865).

чешские газеты 20-х и 30-х годов значительно разнятся между собой по языку». «В этом очень сомневаюсь», — замечал Патера. «Сближение (славянских языков.— Л. Л.), — цитировал он далее ту же статью, — может быть совершаемо только постепенно, начав с уничтожения (sic!) главных грамматических различий». «Как могут несколько человек составить какой-то язык? — вопрошает чешский филолог. — Так могут говорить только Езбера и Маяр. И еще немало в Вашей статье такого, что меня удивило, ведь на каждой странице много ошибок и намеренных искажений истины». В этом письме Патера выразил отношение большинства чешской интеллигенции к тенденции русских славянофилов ввести кириллицу у всех славян.

Об отрицательной реакции чехов на статью сообщал Попову и находившийся в Праге московский лингвист А. Л. Дювернуа⁶¹. Попов же на письмо Патеры ответил так: «Впечатление, которое произвела на Вас статейка о *všeslovanské azbuce*, напоминает мне впечатление, которое получили некоторые из москвичей от моих славянских хроник: им казалось, что я желал бы видеть в России федерацию. Вам же кажется, что я агитирую в пользу кириллицы для всех славян»⁶². Попов далее опровергает этот взгляд.

После описанного столкновения переписка между Поповым и Патерой утратила оттенок сердечности, стала официальной по тону, а затем постепенно вообще прекратилась.

В настоящем обзоре обращено внимание лишь на некоторые вопросы в переписке двух ученых. Историк чешско-русских научных связей найдет в ней еще много достаточно интересных подробностей. Например, по письмам Патеры можно проследить, кто из начинающих русских ученых в 60-х годах XIX в. проходил подготовку в Праге, кто из известных уже ученых там работал. В письмах Попова много фактов, освещающих его творческую лабораторию. Есть также сведения об изучении славян в научных обществах Москвы, об интересе в Чехии к русскому языку и литературе и т. д.

В целом анализируемая корреспонденция дает ценный материал как для изучения русско-чешских связей в период, весьма благоприятный для их развития, так и для оценки творчества Попова, вносит много новых штрихов в изучение истории славистики.

⁶¹ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 8, д. 34 (Дювернуа — Попову, 21 нояб. 1865 г.).

⁶² Попов — Патера, 11 (23) дек. 1865 г.

А. Д. Тельчаров

ОБ АРХИВЕ А. В. СМИРНОВА

Александр Васильевич Смирнов (1854—1918) — земский врач, общественный деятель, библиограф, краевед. Его библиографические и библиографические труды¹, получившие высокую оценку современников, составили значительный вклад в отечественную науку и во многом оказали влияние на последующие аналогичные работы русских и совет-

¹ Например: *Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии*, получившие известность на различных поприщах общественной пользы: (Материалы для библиографического словаря). Владимир, 1896—1917. Вып. 1—5; *Он же. Портретная галерея уроженцев и деятелей Владимирской губернии*. Владимир, 1900—1904. Вып. 1—3; *Он же. Указатель содержания неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей» с 1838 по 1900 г. включительно и «Владимирских епархиальных ведомостей» с 1865 по 1900 г. включительно*. Владимир, 1902; *Он же. К словарю псевдонимов русских писателей*. — Библиографические записки, 1892, № 5, 6, 11.

ских ученых. Смирнов явился одним из первых авторов опубликованных в «Русской старине», «Современных известиях», «Владимирских губернских ведомостях» биобиблиографий Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, А. П. Чехова, А. Н. Островского и многих других деятелей отечественной культуры². Большое участие принимал он и в деятельности ВУАК, высокое достоинство «Трудов» которой обеспечивало ей «первенствующее место среди остальных однородных учреждений во всей России»³. Он был хранителем ее архива, музея и библиотеки, правителем дел, членом редакционной комиссии. Историко-краеведческие статьи и заметки Смирнова печатались в «Русской старине», «Историческом вестнике», «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии», «Владимирских губернских ведомостях». Плодовитый автор, он опубликовал в 1877—1918 гг. в периодической печати и отдельными изданиями 683 статьи, очерка, рассказа, корреспонденции. По своему характеру и содержанию они делятся на биобиблиографические, библиографические, историко-краеведческие, беллетристические, хроникерско-репортерские, медицинские. Многогранная деятельность Смирнова нашла отражение и в материалах его личного архива.

Архив Смирнова находится в ГАВО (ф. 622, 780 д., 1866—1918 гг.) и РО ИРЛИ (ф. 286, 550 д., 1870—1918 гг.). После смерти Смирнова в декабре 1918 г. его ученик И. Ф. Масанов помог вдове Е. Н. Смирновой разобраться в архиве, и в 1928—1929 гг. часть материалов поступила в ИРЛИ. Другая часть была передана Смирновой в ГАВО. Оставшиеся у Масанова документы были в 1939—1940 гг. переданы им в Центральный государственный литературный архив, откуда после Великой Отечественной войны также поступили в ГАВО. Основной состав рукописей Смирнова и находившиеся в его архиве материалы других лиц хранятся в ИРЛИ; эпистолярное же наследие равномерно распределено между двумя архивохранилищами.

В архив Смирнова входят документы биографического характера, произведения и материалы к ним, письма к разным лицам, письма организаций, редакций, учреждений и частных лиц Смирнову, переписка и произведения разных лиц.

Документы биографического характера традиционны по своему составу; они освещают профессиональную и общественную деятельность земского врача Смирнова. Наиболее интересны дневниковые записи 1860—1880-х годов, времени учебы Смирнова в Переславском духовном училище, Владимирской семинарии, Варшавском и Московском университетах и первых лет работы земским врачом⁴. В них нашло отражение становление его личности. В особенности это относится к записи 1889 г.⁵, которая служит развернутым планом биобиблиографического очерка о Н. Г. Чернышевском⁶. Здесь Смирнов попробовал проанализировать роль выдающегося революционного демократа в развитии русского общества. Подходя к наследию Чернышевского с либерально-народнических позиций, Смирнов видел в нем только одного из «даровитых журналистов и публицистов конца 50-х годов и начала 60-х годов»⁷. С этих позиций он написал и очерк, предназначенный для ознакомления читателей «Русской старины» с творческим наследием Чернышевского⁸.

В архиве Смирнова хранится более 100 рукописей работ за 1873—1918 гг.; преобладают биобиблиографические, биографические, библиографические статьи и очерки. Здесь находятся подготовительные материалы

² Подробнее см.: *Тельчаров А. Д.* А. В. Смирнов.— СБ, 1979, № 4, с. 47—54.

³ Письмо профессора Московского университета И. В. Цветаева в ВУАК от 10 окт. 1903 г. (ГАВО, ф. 526, оп. 1, д. 1, л. 224).

⁴ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 43; ГАВО, ф. 622, оп. 1, д. 3, 4, 9.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 1.

⁶ *Смирнов А. В.* Николай Гаврилович Чернышевский.— РС, 1890, № 5, с. 449—465.

⁷ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁸ Подробнее см.: *Тельчаров А. Д.* У истоков печатной библиографии Н. Г. Чернышевского.— В кн.: *Освободительное движение в России: Межвузовский научный сборник.* Саратов, 1979, вып. 9, с. 151—155.

опубликованных в 1890–1918 гг. в местных изданиях («Владимирские губернские ведомости», «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», «Владимирец», «Старый владимирец», «Вестник Владимирского губернского земства») биобиблиографий В. Н. Воскресенского, В. Ц. Герцыка, Н. Г. Добрынкина, Н. Я. Дубенского, П. В. Заведеева, Ф. Д. Нефедова, А. А. Орлова, М. К. Поливанова, А. Е. Разина, С. В. Руссова, А. В. Селиванова, С. И. Смирнова, А. П. Чехова. Самостоятельное значение имеют «Перечень книг, напечатанных в типографии Н. И. Новикова» (автограф, 1894 г.)⁹, «Несколько слов о Н. В. Берге» (автограф, 1884 г.)¹⁰, «Библиография рисунков М. М. Чемоданова, помещенных в журналах „Пчелка“», «Развлечение», «Осколки», «Русский сатирический листок», «Свет и тени», «Стрекоза», «Зритель», «Будильник» за 1878–1884 гг.» (автограф, 1885 г.)¹¹.

Смирнов был одним из первых отечественных исследователей, занимавшихся собиранием и изучением псевдонимов. Задолго до появления в печати «Опыта словаря псевдонимов русских писателей» В. С. Карцева и М. Н. Мазаева (СПб., 1891) он составил ценнейшие пособия, оставшиеся неопубликованными: «Словарь русских писателей, писавших под псевдонимами, инициалами и сокращенными подписями, с показанием последних» (автограф, 1877–1887 гг.)¹² и указатель «Псевдонимы разных лиц» (автограф, 1880-е годы)¹³. В них сведены данные о более чем 1700 писателях 1777–1887 гг. и их псевдонимах. Впоследствии этими указателями широко пользовался Масанов — автор «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», последнее издание которого в четырех томах вышло в свет в 1959–1961 гг. Он воспринял от своего учителя схему построения подобного рода справочных пособий и пользовался данными Смирнова для раскрытия псевдонимов.

Основными трудами Смирнова были книги «Уроженцы и деятели Владимирской губернии...» и примыкающая к ним «Портретная галерея» видных владимирцев. В архиве хранятся автографы подготовленного в 1912 г., но так и неизданного 4-го выпуска «Портретной галереи»¹⁴ и подготовительных материалов к «Уроженцам и деятелям Владимирской губернии...»¹⁵. Эти рукописи существенно дополняют печатные издания.

Архив Смирнова содержит 61 его письмо восьми адресатам за 1879–1900 гг., причем 51 письмо — видному просветителю, издателю произведений А. И. Герцена А. В. Скалону за 1882–1891 гг.¹⁶ Смирнов и Скалон познакомились в 1877 г. Знакомство переросло в дружбу и творческое сотрудничество в работе над «Левиафаном» — одним из первых российских энциклопедических словарей. По ряду причин он не был издан. Материалы переписки позволяют в какой-то мере восстановить его содержание. Это тем более важно, что архива Скалона нет. Смирнов же был душеприказчиком Скалона и сохранил в своем архиве некоторые материалы (письма, рукописи) его архива. Переписка Смирнова со Скалоном представляет немалый интерес и для исследователей истории общественной мысли в России конца XIX в. Остальные письма Смирнова адресованы членам семьи и близким друзьям (В. А. Смирнову, Е. Н. и А. А. Смирновым, А. Н. Смирновой, И. М. Граменицкому, И. В. Звенцову, И. Ф. Масанову, И. С. Скалон) и посвящены в основном внутрисемейным делам.

Значительно число писем Смирнову от различных организаций, уч-

⁹ ГАВО, ф. 622, оп. 1, д. 14.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 4; очерк «Н. Г. Берг» см.: Там же, ф. 265 (Русская старина), оп. 2, д. 208.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 27.

¹² Там же, д. 32.

¹³ Там же, д. 29; см. также: ОР ГБЛ, ф. 616 (Масанов И. Ф.), п. 7, д. 12; *Смирнов А. В. Биографический словарь, 1880-е годы.*

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 38.

¹⁵ Там же, д. 37.

¹⁶ ГАВО, ф. 622, оп. 2, д. 707, 708.

реждений, редакций и частных лиц: 5233 письма 781 корреспондента за 1876—1918 гг. (121 письмо 66 официальных органов за 1879—1917 гг. и 5112 писем 715 частных лиц за 1876—1918 гг.). Работы Смирнова печатались в 30 периодических изданиях; в его архиве сохранилось 30 писем из 19 газет и журналов, таких, как «Будильник», «Развлечение», «Исторический вестник», «Новое время», и других за 1879—1914 гг. Поскольку Смирнов был известен как крупный библиофил, в его архиве имеется 24 письма книготорговых фирм М. О. Вольф, Н. П. Карбасникова и других за 1885—1915 гг. и 15 писем из библиотек (Владимирской, Шуйской, Московского и Петербургского университетов) за 1895—1917 гг.¹⁷ Интересны также 20 писем 1899—1917 гг. от многих научных организаций и учреждений: РИО, Русских библиографического и библиогического обществ, Петербургского Археологического института, Витебской, Владимирской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Черниговской ученых архивных комиссий. 32 письма 1881—1917 гг. от владимирских учреждений, общественных организаций и учебных заведений раскрывают многостороннюю общественную деятельность Смирнова.

Письма частных лиц разнообразны по содержанию. Среди них преобладают корреспонденции единичного, запросного характера. Постоянными корреспондентами Смирнова были рязанский общественный деятель и просветитель А. В. Селиванов, писатель-народник Ф. Д. Нефедов, отец В. А. Смирнов, И. Ф. Масанов. В своей совокупности хранящаяся в архиве переписка дает материалы к истории жизни и деятельности провинциальной разночинной интеллигенции конца XIX — начала XX в. В письмах краеведов, библиографов, общественных деятелей содержится важный материал по истории отечественной культуры и общественной мысли периода капитализма. Так как общее число корреспондентов очень велико, приводим список наиболее известных из них: Альбицкий М. Е. (1895—1916 гг., 10 писем), Апушкин В. А. (1907—1910; 2), Бакунин С. Н. (1902—1917; 5), Бальмонт Д. К. (1883; 1), Батезатул П. М. (1877—1878; 5), Бахрушин А. П. (1900; 1), Бунин С. Д. (1880—1881; 8), Бурьлин Д. Г. (1906—1917; 66), Вадковский В. В. (1885—1904; 26), Венгеров С. А. (1889—1912; 14), Витберг Ф. А. (1908—1910; 3), Георгиевский В. Т. (1894—1917; 62), Гессен Ю. М. (1899—1900; 2), Гиляров Ф. А. (1881; 3), Головщиков Н. Д. (1898; 1), Голышев И. А. (1893—1896; 9), Голышева Е. А. (1898—1913; 11), Готье В. Г. (1887—1894; 2), Дилакторский П. А. (1898—1903; 29), Добронравов В. Г. (1896—1914; 40), Добрынкин Н. Г. (1896—1902; 4), Добрынкин В. Н. (1907—1917; 10), Достоевский М. Ф. (1917; 1), Дубенский П. Н. (1882; 1), Дуброво В. И. (1894—1904; 13), Заведеев П. В. (1907; 1), Златовратский А. Н. (1914; 1), Златовратский Н. Н. (1907—1908; 2), Змеев Л. Ф. (1886; 2), Иловайский Д. И. (1910—1915; 2), Иорданский Н. М. (1912; 2), Калачевский Н. Н. (1895—1918; 16), Козьминных-Ланин И. М. (1912—1913; 7), Кубасов И. А. (1901—1914; 5), Кукушкин М. К. (1888—1909; 25), Кумберг Н. Ю. (1908—1909; 4), Курута Ю. В. (1903—1904; 6), Лемке М. К. (1911—1912; 2), Лисовский Н. М. (1916; 1), Лихачев Н. П. (1896—1917; 5), Малицкий Н. В. (1901—1917; 52), Мальмгрен А. Э. (1899—1917; 6), Манасеин В. А. (1892; 1), Масанов И. Ф. (1905—1918; 217), Масанов М. И. (1916; 1), Масанова В. И. (1914; 1), Метцгер П. А. (1902; 3), Модзалевский Б. Л. (1898—1918; 57), Модзалевский В. Л. (1915; 5), Нарбеков В. А. (1883—1888; 9), Невский А. А. (1890—1899; 27), Невский В. А. (1899; 2), Нефёдов Ф. Д. (1890—1902; 335), Нефёдов Г. Ф. (1904; 1), Оранский А. С. (1905—1910; 5), Палладин А. И. (1882—1900; 35), Параделов М. Я. (1901—1904; 4), Поливанов А. М. (1909; 1), Попов А. В. (1909—1913; 38), Пругавин А. С. (1904—1914; 3), Романов К. К. (1915; 1), Романовский П. В. (1898; 1), Русов М. П. (1884—1889; 7), Сазонов И. Н.

¹⁷ О библиотеке А. В. Смирнова см.: *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1911; *Параделов М. Я.* Адресная книга русских библиофилов. М., 1904.

(1909—1911; 14), Саитов В. И. (1896—1916; 20), Селиванов А. В. (1898—1914; 396), Селиванова О. И. (1905—1918; 32), Семевский М. И. (1885—1888; 5), Скалон А. В. (1877—1888; 41), Скалон И. С. (1893—1896; 7), Скибневский А. И. (1899—1908; 6), Скибневский В. А. (1913; 1), Смирнов В. А. (1876—1899; 235), Смирнов М. И. (1908—1918; 30), Соболевский А. И. (1912; 1), Соловьев А. В. (1897—1913; 39), Соловьев Н. И. (1902—1908; 7), Сомов Н. Н. (1906—1915; 5), Срезневский В. И. (1902—1914; 5), Стромиллов Н. С. (1892—1895; 9), Стромиллов С. С. (1895; 1), Сычугов С. И. (1883—1888; 13), Титов А. А. (1902—1910; 11), Травчетов Н. П. (1902—1911; 18), Трегубов М. И. (1905—1917; 9), Уваров М. С. (1899; 1), Уварова П. С. (1917; 1), Ульянинский Д. В. (1902—1904; 5), Урусов Н. П. (1899—1914; 7), Ушаков Н. Н. (1915; 1), Ушаков Н. Д. (1881—1912; 3), Фаворский Е. М. (1881—1912; 9), Фаворский С. Е. (1915; 1), Фишер К. А. И. (1898—1915; 9), Фомин А. Г. (1909; 3), Фортунатов И. Ф. (1881—1889; 10), Чекин В. П. (1888—1906; 17), Чекина М. И. (1884—1913; 131), Чехихин-Ветринский В. Е. (1908—1914; 16), Шахматов А. А. (1913—1914; 2), Шибанов П. П. (1886—1912; 44), Шубинский С. Н. (1885—1900; 2), Экземплярский К. Ф. (1880—1895; 5), Юдин Г. В. (1901; 1), Языков Д. Д. (1887—1905; 7).

Эпистолярное собрание Смирнова завершают 74 письма (1850—1918 гг.) разных лиц в ВУАК, Владимирскую губернскую земскую управу, «Владимирские губернские ведомости» и переписка Нефёдова, Скалона и др.

В архиве сохранились и материалы других лиц: 42 произведения 25 авторов. Попали они в архив Смирнова как редактора «Трудов Владимирской ученой архивной комиссии» и как библиографа. В основе этого собрания рукописи Скалона: «Материалы для истории русской журналистики» (автограф, 1886 г.), «Список лиц, некрологи которых помещены в „Иллюстрированной газете“ за 1863—1870 гг.» (автограф, 1870-е годы), «Заметки библиографического характера о себе» (автограф, 1884 г.), «Каталог библиотеки Скалона с систематическим указателем статей по словесности и наукам, помещенных в важнейших русских журналах и сборниках за последнее 35-летие (1839—1873), и библиографические сведения о разных лицах» (автограф, 1873 г.)¹⁸. Все они относятся к работе Смирнова и Скалона над «Левифаном». Поскольку о жизни и деятельности Скалона известно мало, эти материалы представляют несомненный интерес. Кроме того, в собрании имеются рукописи произведений краеведа М. И. Смирнова «К истории Горицкого Переяславль-Залесского монастыря» (автограф, 1910-е годы)¹⁹, К. Г. Завойко «О разбойниках и кладах» (автограф, 1900-е годы), «Прибаутки под гармонь» (автограф, 1908—1912 гг.), «Рассказы и сказки» (автограф, 1909—1914 гг.)²⁰, предназначенные для печатания в «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии». Фольклорные записи Завойко донесли до нас фольклор Владимирской губернии начала XX в., до сих пор не опубликованный и малоизученный. В архиве хранятся также неопубликованные произведения владимирских писателей П. В. Заведеева «Грех попутал» (автограф, 1880 г.)²¹, Я. Е. Коробова «Нечто вроде биографии» (автограф, 1908 г.) и «Страница моей жизни» (автограф, 1900-е годы)²².

Привлекают внимание выполненные Смирновым в начале 1880-х годов списки стихотворений И. С. Тургенева «Крокет в Виндзоре» и

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 66—69.

¹⁹ ГАВО, ф. 622, оп. 2, д. 584. О трудах Смирнова см.: Филимонов С. Б. Обзор архива М. И. Смирнова.— АЕ за 1971 год, М., 1972, с. 318—324 (со списком опубликованных работ).

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 51—53.

²¹ Там же, д. 50.

²² Там же, д. 55, 56.

«Поп»²³. Помимо подготовительных материалов Масанова к напечатан-ным в разное время некрологу А. В. Половцова (автограф, 1904 г.) и опи-санию журнала «Будильник» (автограф, 1910-е годы)²⁴, сохранилась его неопубликованная и важная для изучения творческой биографии Смирнова работа «Псевдонимы А. В. Смирнова» (автограф, 1910-е годы)²⁵.

Архив Смирнова, несомненно, является ценным комплексом докумен-тальных материалов, остающихся до сих пор мало известными исследо-вателям. Введение их в научный оборот и публикация наиболее инте-ресных из них представляются весьма назревшей задачей.

²³ Там же, д. 71, 72; см. также: *Смирнов А. В.* Иван Сергеевич Тургенев.— РС, 1885, № 8, с. 307—312; № 11, с. 420—427.

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 286, оп. 1, д. 58, 59.

²⁵ Там же, д. 60. Впоследствии Масанов составил полный список псевдонимов Смир-нова, опубликованный в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и об-щественных деятелей» (М., 1960, т. 4, с. 439); см. также рукопись: *Масанов И. Ф.* Памяти А. В. Смирнова.— Научный архив Всесоюзной книжной палаты, ф. И. Ф. Масанова, оп. 1, д. 5.

О. Б. Враская

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И. М. ГРЕВСА И Н. П. АНЦИФЕРОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДА

Научное наследие профессора истории средних веков Петербургского (затем Ленинградского) университета Ивана Михайловича Гревса (1860—1941) и его ученика, историка и литературоведа Николая Пав-ловича Анциферова (1889—1958) в области изучения города не полностью раскрывается их печатными трудами¹. Работы или варианты, проекты работ, оставшиеся в рукописях, уточняют и дополняют новыми чертами наше представление об их творчестве в этой области. Архивные матери-алы освещают так же недостаточно известную или забытую экскурсион-ную деятельность обоих ученых, являющуюся в большой мере базой методики их исследований о городе. Оба они разрабатывали историю города как очага культуры, уделяя значительное внимание его эмоцио-нально-психологическому образу; это направление в конце XIX — начале XX в. получило название урбанизма.

Вся деятельность Гревса была связана с университетом. Окончив курс в 1883 г., он стал преподавать в средней школе, не прерывая науч-ной работы как «оставленный при университете для подготовки к про-фессорской должности». Своим «учителем науки» он неизменно считал крупного ученого-византиниста В. Г. Васильевского. Профессорская дея-тельность Гревса в университете началась с 1892 г.², как и преподава-ние на Высших женских (Бестужевских) курсах. Гревс был инициатором и живейшим пропагандистом предметной системы преподавания, которая открывала дорогу специализации. И как лектор, и как руководитель семинариев он был очень популярен у прогрессивной молодежи³.

¹ См. прилагаемые списки работ.

² В 1899 г. он был исключен из университета за «неблагонадежность», в 1902 г.— восстановлен (ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 8945, л. 55, 63).

³ *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс: Биографический очерк.— В кн.: Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946, с. 223—248; см. также: *Вялова С. О.* К творческой биографии профессора И. М. Гревса.— В кн.: из истории рукописных и старопе-чатных собраний: (Исследования. Обзоры. Публикации). Л., 1979, с. 123—141. (ГПБ, Ротапринт); Рукопись Н. П. Анциферова «Дневники» (т. 1, с. 23 и далее).— ОР ГПБ, ф. 27. Материалы фонда не все полностью обработаны, поэтому далее огра-ничиваемся краткими ссылками; рукопись О. А. Добиаш-Рожественской. Биогра-фия И. М. Гревса (Там же, ф. 254, д. 83, л. 1).

Глубокое, всестороннее изучение каждой темы, каждого исторического явления, увлеченность, свежесть мысли были чрезвычайно привлекательны в ученом, который сам себя называл «историком-реалистом»⁴. По словам Анциферова, «средние века были для него не „ночью культуры“, отделившей „эпоху Возрождения“ от античности. В этой „ночи“ здесь и там вспыхивали очаги возрождения античной культуры. Таково, например, „Каролингское возрождение“ ...Ив[ан] Мих[айлович] всегда стремился в истории к конкретному, а следовательно, к индивидуальному», он всегда искал индивидуальные черты, «лицо эпохи», «лицо культуры», «лицо города»⁵. Характеризуя исследовательскую манеру Гревса в его монографии о Таците, И. И. Толстой писал: «...в результате внимательного отбора на первый взгляд мелких исторических данных уверенно строится исследователем канва психологической биографии Тацита путем детального изучения им многообразных явлений той культурной среды, в какой Тациту пришлось жить... Работа подобного рода трудна, и ее осуществление доступно, конечно, силам лишь незаурядного ученого...»⁶. Мысленно возвращаясь к давно слышанным, но незабываемым лекциям Гревса и занятиям в его семинариях, подчеркнем, что он вынашивал основные идеи в течение многих лет, проверяя, уточняя и развивая отобранное. Так, уже в статье «Сущность феодализма и его происхождение» (1910) он обращал пристальное внимание на жизнь городов, а в статье «Феодализм в Италии» (1910) — на историю итальянских городов. Судьба средневековых городов-республик, городов-коммун интересовала его всю жизнь. Об этом дают представление и многие варианты почти каждой его работы. Отметим также, что краеведческие, экскурсионно-педагогические статьи и очерки Гревса по изучению города неразрывны с его научными исследованиями этой темы.

Экскурсионная деятельность Гревса — ученого и педагога — была прочно связана с глубоко продуманной практикой профессора истории. Она выростала из давно назревшей в предреволюционной России потребности обновления преподавания истории как в школе, так и в высших учебных заведениях. С первых же дней Советской власти, когда непрерывно стала развиваться тяга к знаниям в самых широких слоях народа, такая массовая форма пропаганды, как экскурсионная работа, пользовалась огромной популярностью⁷. Она велась в Москве, Петрограде и других городах. В Петрограде основным центром ее в 1918–1920 гг. являлась экскурсионная секция музейного отдела Губполитпросвета, реорганизованная в 1921 г. в Петроградский экскурсионный институт. В нем Гревс был заведующим гуманитарным отделом, Анциферов — членом отдела, Ядвига Адольфовна Вейнерт (урожд. Влядих) — секретарем. Материалы Института имеются в ЛГАЛИ (ф. 2985), ЦГАОР г. Ленинграда (ф. 2555), а также в ОР ГПБ (ф. Я. А. Вейнерт). Здесь находятся и весьма интересные воспоминания Вейнерт «К истории гуманитарных экскурсий в Петербурге — Ленинграде» (машинопись, 1961 г., 119 л.). Облик Гревса обрисован в них с большой живостью; попутно характеризуется обстановка работы в этом коллективе: «Многие из членов отдела были учениками Гревса или потом младшими товарищами по университету или по Бестужевским курсам... Многие ездили с ним в экскурсию за границу и вывели оттуда незабываемые впечатления и вкус к экскурсионному делу... Человек демократического закала, привыкший всю нашу группу считать своими учениками, товарищами и друзьями, сам И. М. никогда не злоупотреблял нашим к нему отношением.

⁴ ОР ГПБ, ф. 27, «Дневники», т. 1, с. 25.

⁵ Там же.

⁶ Толстой Ив. Предисловие. — В кн.: Гревс И. М. Тацит, с. 6.

⁷ Литературу об экскурсионно-просветительской и краеведческой работе в нашей стране см. в статье: Закс А. Б. Опыт изучения и пропаганды истории революционной Москвы в 20-е годы XX в. — В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 1976, с. 273–285.

всегда с подчеркнутым уважением относился к нам и к нашим начинаниям, строго их критиковал, но ни в коем случае не навязывал своих мнений, не подменял ими иногда неудачные наши выводы, как настоящий учитель, он старался указать на ошибки и подсказать, как их надо исправить». И далее: «Бесчисленные собрания, заслушивание и критика докладов; активнейшее участие в наших семинарах; авторские статьи и лекции по вопросам экскурсионной методики, участие в прослушивании новых руководителей, в организационных и экскурсионных поездках то в Павловск, Гатчину или Петергоф, то в Москву, то в Вологду, Галич или вообще на Север... и в то же время постоянная связь с университетом...»⁸.

Печатные работы Гревса и Анциферова 1920-х годов содержат мысли, близкие по духу, взаимные отсылки; архивные материалы дают дополнительные штрихи к характеристике творческой близости обоих ученых. Гревс проявлял большой интерес не только к истории городов, но и к их образам в художественной литературе. Анциферовым был развит метод литературных экскурсий по городам. Напомним книгу Гревса «Тургенев и Италия» (Л., 1925), где содержится историко-культурная характеристика страны, освещается ее облик в произведениях Тургенева. Анциферов сосредоточивал свое внимание на отражении характера определенного города в творчестве отдельных писателей. Возможно сопоставление его работ с малоизвестным приложением «Тургенев и Петербург» к упомянутой книге Гревса. Здесь указан найденный в архиве Е. Я. Колбасина автограф Тургенева (вероятно, 1850-х годов) — листы с заглавием «Сюжеты», где перечисляются отдельные части города с бытовыми характеристиками, например: «Физиономия Петербурга ночью (извозчики и т. д.). Тут можно поместить разговор с извозчиком; толкучий рынок с продажей книг» и т. д. Гревс по этому поводу замечал: «Подобранные темы охватывают многие характерные части или элементы „организма“ Петербурга. Жаль, что планы остались неосуществленными; но самая наличность их вскрывает в писательских интересах Тургенева именно нами искомую здесь стихию, которая, оказывается, в нем зарождалась и по отношению к Петербургу»⁹.

Рукописи Гревса хранятся в ЛО ААН (ф. 726) и ОР ГПБ (ф. 1148); некоторые планы, отчеты, записки имеются также и в вышеупомянутых фондах Экскурсионного института.

К ранним педагогическим работам Гревса по истории города относится доклад, изданный сокращенно в 1891 г.¹⁰ Здесь мы находим тезис, плодотворно развитый им позднее, — о необходимости изучения вещественных памятников культуры и значении историко-педагогических путешествий по России и за границу с уже выраженным специальным интересом к городам. К этой же теме относятся и два доклада, помещенные (без подписи) в издании Тенишевского училища¹¹ — учебного заведения, где Гревс преподавал. В нашем распоряжении рукопись доклада «К вопросу об организации исторических экскурсий в Тенишевском училище» (автограф, 1901 г., 19 л)¹², сделанного 13 февраля 1901 г. на заседании попечительского совета училища. Гревс разделял в докладе экскурсии по типам: 1) посещение музеев, 2) прогулки или путешествия по памятникам и интересным в историческом отношении местностям; приводил примеры русских городов. К этой же группе относится и рукопись «Экскурсии и путешествия как орудие исторического образования

⁸ ОР ГПБ, ф. Я. А. Вейнерг, [оп. 1], [д. без №], л. 49.

⁹ Гревс И. М. Тургенев и Италия. Л., 1925, с. 115.

¹⁰ Гревс И. М. По вопросу об организации педагогической секции при Историческом обществе. — Историческое обозрение, СПб., 1891, т. 3, отд. 2, с. 28—34.

¹¹ [Гревс И. М.] Преподавание истории в Тенишевском училище в 1900/01 учебном году; [Он же.] Несколько теоретических замечаний об общеобразовательном значении экскурсий. — В кн.: Памятная книжка Тенишевского училища в Петербурге за 1900/01 учебный год. СПб., 1902, с. 76—86 (с. 102—111 первой пагинации).

¹² ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 171.

учеников и учителей средней школы (очерки и планы к реформе школьной системы)» (автограф, 1900 г. (?), 25 л.)¹³. Автор отмечал низкое качество учебников истории: «они безусловно чужды всякой доступности уму ребенка», «Руководство Иловайского и его язык: безынтересность вместо легкости, бесцветность вместо доступности», утверждал необходимость принципа наглядности в преподавании истории: «наблюд[ение] памятников, предметов и явл[ений] в живой обстановке, среди которой они развиваются или сохраняются»¹⁴.

Труды Гревса, относящиеся непосредственно к исследованию города, условно можно разделить на три группы, тесно между собой связанные: 1) описания путешествий, экскурсий; 2) экскурсионно-методические и краеведческие работы; 3) научные работы, посвященные собственно теме «город».

Сохранились рукописи некоторых из них, опубликованных частично или в другом варианте, например «Исторические прогулки по замечательным культурным центрам Тосканы» (автограф, 1902—1903 гг. (?): 93 л.)¹⁵. Здесь 72 л. занимает последовательный текст, л. 81—93 — планы, наброски. Основной тезис: «Италия... сохранила в своих недрах, на своей поверхности и внутри своих зданий наибольшее число всевозможных и первоклассных вещественных воспоминаний от всех крупных эпох исторической жизни Европы»; цель путешествия — «самообразование по памятникам». Этот тезис развит им во многих печатных работах, написанных после собственных путешествий и поездок с учениками; особое внимание было уделено Флоренции. Дважды, в 1907 и в 1912 гг., Гревс предпринимал экскурсии в Италию со студентами Петербургского университета и слушательницами Бестужевских курсов с целью «наглядного» познания истории. О первой поездке есть опубликованная статья (см. список в конце статьи), о второй сохранились заметки¹⁶. Подробно о поездке 1912 г. рассказано в «Дневниках» Анциферова¹⁷. Группа студентов и курсисток, подготавливаясь к путешествию, занималась в семинарах Гревса по произведениям Данте, хронике Дино Компаньи и трудам Франсиска Ассизского. Затем им был прочитан краткий курс истории Флоренции, сопровождавшийся ознакомлением с картами Италии, планами городов и множеством видов; был разработан маршрут, центром которого была Флоренция. Особое внимание уделялось пешеходному способу передвижения — по мнению руководителя, им «достигается полнота вживания в новые миры, к которым приобретает путешествие»¹⁸.

Описанию экскурсий посвящены и две рукописи, очевидно связанные между собой: краткий план, черновик «Экскурсия в Москву учительской группы Петроградской стороны (от 1—8 окт[ября] 1921 г.)» (автограф, 1921 г., 6 л.)¹⁹ и более подробный очерк «Из Московской практики исторических экскурсий (Вдоль по Остоженке)» (автограф, 1921 г. (?), 10 л.)²⁰. Основные положения обеих работ: значение личного восприятия; комментарии по плану экскурсии; выявление литературных ассоциаций; факты из истории возникновения названий московских улиц, истории участков, домов, события, с ними связанные. В отчете о деятельности в Экскурсионном институте за 1922 г. Гревс писал: «Чисто личные мои занятия в связи с деятельностью института выразились, во-первых, в руководстве отдельно образованную группу педагогов-экскурсионистов (из учителей района Петроградской стороны), окончившемся особой

¹³ Там же, д. 172. Ср. с рядом работ, указанных в списке в конце статьи.

¹⁴ Там же, л. 4, 6, 20.

¹⁵ Там же, д. 189.

¹⁶ Там же, д. 188.

¹⁷ ОР ГПБ, ф. 27, «Дневники», т. 2, с. 89—156.

¹⁸ Там же, с. 124.

¹⁹ ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 196.

²⁰ Там же, д. 197.

поездкой в Москву: кружок этот впоследствии вошел в число добровольных младших сотрудников института»²¹.

Среди рукописей методического характера отметим заметку «Экскурсии в трудовом методе образования» (автограф, 1923 г., 2 л.)²². Она базируется на педагогическом опыте автора, ее основная идея заключается в том, что «лучшая среда для деятельного познания и для развития „действенной силы идей“ дается прямым соприкосновением познающего субъекта (ученика) с самими объектами познания (учебным материалом). Экскурсии именно и ставят их лицом к лицу...». Эти мысли высказаны также в ряде опубликованных работ по экскурсоведению и краеведению; заметка наиболее близка к очерку 1922 г. «Экскурсионное дело и нужды русской культуры». Рукопись «Дальние экскурсии в школьном курсе» (автограф, 1922 г., 5 л.) содержит утверждение об огромных возможностях путешествия для педагогического воздействия, «для проведения образовательного и воспитательного заданий». Поэтому «дальняя экскурсия ближе всего к путешествию. Стало быть, она...— венец в развитии экскурсионного принципа... и причина тут вовсе не в усилении начала „моторности“, а именно в многообъемности соприкосновения и взаимодействия человека и мира»²³. В статье подчеркивается необходимость тщательной подготовки и обдуманного плана путешествия. Вариант ее опубликован в 1922 г. в журнале «Экскурсионное дело» (см. список в конце статьи) с изменениями: введены отступления, воспоминания; некоторые положения сокращены.

В историческом плане написан очерк «Экскурсионное дело и нужды русской культуры» (черновой автограф, 1922 г., 14 л.)²⁴. Приветствуя обновление школы, автор давал оценку существующей библиографии, характеристику современной экскурсионной работы и намечал задачи ее совершенствования. Для сравнения отметим, что в печатном тексте не излагались задачи школы. В работе «Краеведение и история. Исторические задачи в краеведении» (автограф, 1926 г., 11 л.) развернута тема доклада на организационном краеведческом съезде Северо-Западной области 1926 г. Основные его положения: «Край — это именно живое целое. Современность... нельзя отделить от прошлого... Чтобы узнать человека, надобно не только в его лице истолковать черты, которые сложились теперь... надо рассмотреть, как слагалась его жизнь, построить его биографию. То же требуется и применительно к краю»²⁵. Далее приводятся цитаты из работ И. Е. Забелина, В. О. Ключевского, дана краткая характеристика метода Анциферова и др. Рукопись «Развитие культуры в краеведческом исследовании» (черновой автограф, 1926 г., 117 л.)²⁶, видимо, связана с опубликованной статьей под названием «История в краеведении». Печатный текст сравнительно с черновиком и с упомянутым докладом несколько изменен, что оговорено в примечании редакции: «...доклад переработан автором в интересах общего краеведения и помещается в порядке обсуждения». Наибольшие изменения — в третьей части статьи, где намечаются семь направлений работ краеведа: 1) археология края; 2) развитие городов и населенных пунктов (этот пункт наиболее разработан); 3) экономические вопросы; 4) областные культурные (литературные) гнезда; 5) революционное движение в крае; 6) предметы материального быта в крае; 7) все области искусства в крае. Для изучения исследовательской концепции Гревса большое значение имеет труд «Монументальный город как лучший предмет исторических экскурсий» (автограф и гранки, 1927 г., 76 л.)²⁷. Сохранившиеся

²¹ ОР ГПБ, ф. Я. А. Вейнерт, [д. без №]; ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 2555, оп. 1, д. 636, л. 2.

²² ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 173.

²³ Там же, д. 304, л. 2, 2 об.

²⁴ Там же, д. 175.

²⁵ Там же, д. 179, л. 2.

²⁶ Там же, д. 178.

²⁷ Там же, д. 191.

ся тексты автографа и гранок (неопубликованных) не идентичны между собой, как и с опубликованной статьей 1921 г. «Монументальный город и исторические экскурсии», близкой по содержанию. В работе содержится мотивировка изучения города как центра человеческой культуры экскурсионным методом; указывается необходимость изучения истории плана города, его развития и роста, а также источников (литературных, документальных) истории города и т. п.

Небольшие по объему документы (конспекты или планы, проекты основных положений, черновики, библиография и т. п.) разработанных в дальнейшем курсов лекций, семинаров, статей, книг показывают разнообразие приемов работы и широту круга исторических интересов Гревса в плане изучения города. Таковы материалы для семинариев по истории Флоренции и по хронике Дино Компани — с 1905 по 1934 г.; о поездке в Италию в 1912 г.; по истории средневековых городов²⁸. Сохранились также материалы «К петербургскому историческому родиноведению», планы семинариев по Петербургу в петровскую, елизаветинскую и екатерининскую эпохи и др.²⁹ Изучению районов того же города посвящены документы по истории Васильевского острова, набережной р. Фонтанки³⁰.

Не опубликована очень интересная работа «Отдел истории города в краевом музее» (автограф, 1920-е годы, 16 л.)³¹. В сокращенном виде ее содержание таково. План отдела: 1. Место города; типы «седалищ» городов; город и природа и т. д. 2. Предыстория города: исторические условия и обстоятельства его возникновения, рождение города; дальнейший ход его истории. 3. Рост города: а) его анатомия: строение, историческая топография, монументальная застройка; бытовая, деловая и художественная физиономия города; б) физиология его: социальная жизнь (хозяйство и общество); в) психология: духовная жизнь в ее различных процессах и проявлениях; г) социология: роль города в окружающем мире; установление его типа по сравнению с другими городами. 4. Общий общественно-духовный образ города. Значительное место далее уделялось необходимой работе по организации отдела истории города, для чего рекомендовалось привлекать и изучать карты, планы, научную литературу, архивные материалы, фотографии, гравюры, рисунки, иконы, имеющие историческое значение. Подчеркивалась роль личного ознакомления с городом с высокой точки (вышки или самолета); фиксации недостающих материалов в фотографиях, зарисовках; солидного ознакомления с местными музеями, частными собраниями, воспоминаниями жителей, а также обследования самого города, его районов, производственных объединений и т. п.; анализа исторически сложившихся вокруг определенных центров отдельных профессиональных групп населения, изучения города как гнезда культуры.

Работа «Город и его жизнь» (автограф, 1927 г., 112 л.)³² сохранилась в двух вариантах. Основные ее разделы: определение понятия «город»; рост города, в том числе анатомия его — строение, топография; физиология — социальная жизнь, хозяйство и общество; психология — духовная жизнь в различных истоках и проявлениях; социология — роль города в окружающем мире и др. Весьма интересны главы о географических условиях появления городов, социально-исторических судьбах городов различных типов и др. Особый раздел 4 посвящен русским городам. Каждый раздел плотно насыщен конкретной информацией, изложенной на широком историческом фоне начиная от глубокой древности до начала XX в., яркие примеры иллюстрируют отдельные положения. Работа заключается критическим обзором литературы, где специально указаны труды Андиферова.

²⁸ Там же, д. 132, 188, 131, 134, 136, 139, 146, 147, 189.

²⁹ Там же, д. 190, 194, 204, 205.

³⁰ ОР ГПБ ф. 1148, оп. 1, д. 61—63, 67, 69.

³¹ ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 180.

³² Там же, д. 183.

Монументально по эрудиции также неопубликованное исследование «Средневековый город во Франции» (автограф, 1935 г. (?), 161 л.)³³. Основной текст включает разделы: 1. Введение. 2. Происхождение городских оседлостей во Франции. 3. Судьбы римских городов в Галлии. 4. Градостроение во вторую половину средних веков. 5. Внутреннее устройство средневекового города во Франции. 6. Рождение и юность Парижа. Сохранились варианты отдельных глав, в том числе материалы о судьбах старых городов и росте новых, особенностях планов и исторических обоснованиях этих особенностей и др. Эти материалы снабжены критически аннотированной обширной библиографией. К работе примыкают библиографические выписки на русском, немецком и французском языках — «Средневековый город во Франции» (автограф, 1935 г. (?), 31 л.)³⁴. Имеется рецензия Н. Б. Бакланова на этот труд Гревса (автограф, 1936 г., 4 л.)³⁵, где отмечается обилие конкретных сведений, облегчающих работу будущему исследователю, широкое использование научной литературы. Как недостаток указана более детальная географическая характеристика городов по сравнению с кратким анализом их общественной жизни.

Архивные материалы исследователя города Н. П. Анциферова не менее интересны и значительны. Его детские годы прошли в Крыму, гимназические — в Киеве, а студенческие — в Петербурге. В его «дневниках»-воспоминаниях о студенческих годах особенно выделяются страницы, посвященные любимому профессору Гревсу, которому он был обязан своей любовью к истории. Большое значение для формирования его творческого облика имели путешествия: в Париж, где он занимался периодом Французской революции XVIII в., в Норвегию с друзьями и в особенности в Италию со студенческой группой, возглавляемой Гревсом, в 1912 г.³⁶ Активная педагогическая, экскурсионная, краеведческая, исследовательская работа, в которых он искал новые пути и создал свой историко-литературный метод, протекала до 1928 г. в Ленинграде и г. Пушкине. Затем в 1930-х годах в Москве он вел огромную и разнообразную работу в ГЛМ, музее Ф. М. Достоевского, устраивал выставки, проводил экскурсии, лекции, доклады, беседы с представителями разных профессий, давал консультации различным творческим организациям, работал в библиотеках, архивах, готовил научные публикации, статьи, книги. Испытанный на раннем этапе экскурсионный метод в дальнейшем развивался, уточнялся и давал обильные творческие плоды.

В предисловии к его ранней книге «Душа Петербурга» Гревс писал: «В подлежащей книге именно и ставится задача, воплощающая такую идею изучения города, как познание его души, его лика, восстановление его образа как реальной собирательной личности... Впервые сплетен около истории Петербурга такой яркий венок из тех образов, в какие преломлялось лицо создания Петра, града Медного Всадника, в творчестве великих писателей русской земли, ее талантливых поэтов и романистов»³⁷. Впоследствии Анциферов создал целую серию очерков о содержании литературно-топографических экскурсий; они написаны отличным, живым языком, с выделением опорных идей, с аргументированными обоснованиями возможных остановок по маршруту, с широким использованием различных исторических документов, воспоминаний, писем, литературных произведений для исторической, историко-литературной, художественной, топографической, бытовой характеристик как города в целом, так и отдельных домов, улиц, районов, связанных с судьбами героев экскурсии. Сквозь призму событий, современной жизни и

³³ Там же, д. 142.

³⁴ ОР ГПБ, ф. 1148, оп. 1, д. 58.

³⁵ Там же, д. 59.

³⁶ Об этой поездке см.: ОР ГПБ, ф. 27, «Дневники», т. 2, с. 89—156.

³⁷ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922, с. 11.

творчеству крупнейших фигур русской литературы, разносторонне раскрываются образы многих русских городов.

Сохранившиеся документы характеризуют личность Анциферова и его экскурсионную деятельность. Это вышеупомянутая работа Вейнерт «К истории гуманитарных экскурсий» и ее специальные воспоминания «Каким я помню Николая Павловича Анциферова» (машинопись, 1958 г., 9 л.)³⁸. Очень интересны, хотя и не закончены «Воспоминания о Николае Павловиче Анциферове» (машинопись, 1960 г., 41 л.) его ближайшего ученика и друга Г. А. Штерна, который писал: «В его (Анциферова.— О. В.) книгах совершенно новым было то, что он шел не от художественного образа к его подлинному прототипу, а наоборот. Он стремился показать путь от реальности к художественному ее воплощению. Город, улица, дом, царскосельские дворцы и парки,— как они воплощались в художественном образе, и более того, как они были восприняты разными писателями в разное время»³⁹.

Неизменно внимательный к событиям в научном и художественном мире, к коллегам и сотрудникам, Анциферов отмечал ценность того или иного приема научной мысли или творческого достижения товарищей. Замечательно его письмо от 7 июня 1951 г. к А. П. Остроумовой-Лебедевой: «...мне представляется, что у Вас то, что должно быть у всякого большого художника,— созданный Вами особый мир, и наша художественная культура имеет Петербург—Ленинград А. П. Остроумовой-Лебедевой. Это действительно особый мир, полный ясней и женственно-нежной прелестью, мир тихий, глубоко задумчивый, светлый и строгий»⁴⁰. Не менее интересно в этом плане и другое письмо. Вспоминая о замечательном рыбинском краеведе А. А. Золотареве, Анциферов в письме к А. Н. Лбовскому от 23 сентября 1954 г. рассказывал о своей совместной с Золотаревым работе над монографией о Ярославле: «Алексей Алексеевич взял на себя историю Ярославля от основания до XV в. и от XVIII в. до наших дней. Мне достался XVI и XVII век, весьма интересные в истории этого города. Мы читали друг другу написанные нами главы; и я постоянно ощущал разницу между тем, что писал я, чужой Ярославлю, и тем, что писал А. А. Золотарев—ярославец. Как у него за каждой фразой, за каждым созданным им образом билось горячее сердце человека, корни которого глубоко в земле родного края»⁴¹. Ценные сведения о деятельности по изучению города самим Анциферовым и его корреспондентами заключены в его огромной переписке. Особенно интересны письма к нему Гревса (1934—1940 гг.; 22 письма), Вейнерт (1934—1956; 19), Т. Б. и М. Л. Лозинских (1934—1955; 760) и письма Анциферова к Г. А. Штерну (1933—1956; 285), И. Н. и Б. В. Томашевским (1943—1956; 100).

Фонд Анциферова в ОР ГПБ стал складываться еще при его жизни, когда он начал передавать сюда свои рукописи. Хотя он и завещал передать все сохранившееся, в ОР ГПБ поступили не все материалы: рукописи ряда работ отсутствуют, мало автографов и черновиков. Однако возможны дальнейшие пополнения фонда. Сравнительно небольшую часть его составляют рукописи собственно исторических работ, посвященных отдельным городам. В основной же части трудов изучается отображение города в творчестве русских писателей, а также значение города в биографиях художников слова. Особое место занимает обширная диссертация Анциферова «Проблема урбанизма в русской художественной литературе» (о ней будет сказано ниже). Эта тема нередко возникала во многих его трудах, и не посвященных специально изучению города,

³⁸ ОР ГПБ, ф. Я. А. Вейнерт, [д. без №].

³⁹ Там же, ф. 27, [д. без №], л. 20.

⁴⁰ ОР ГПБ, ф. 1015 (Остроумова-Лебедева А. П.), д. 460, л. 1—1 об.

⁴¹ Там же, ф. 423 (Лбовский А. Н.), д. 644, л. 6—7.

например в его интереснейших работах об А. И. Герцене, в его воспоминаниях («Дневниках»).

Следует отметить, что ни один из исторических трудов не был опубликован в своем первоначальном виде. Рукописи довоенного периода почти не сохранились⁴²; исключением является работа «Ярославль в эпоху феодальной монархии XVI и XVII вв.» (машинопись, 1930-е годы (?), 85 л.). Это глава неосуществленной монографии, заказанной издательством Academia и написанной совместно с Золотаревым, представляющая собой обширный исторический очерк с выдержками из летописей, книг иностранных путешественников, научной литературы. Особо отмечены значительные архитектурные памятники — «вехи, которыми отмечался ход истории города».

Несколько рукописей относятся к периоду Великой Отечественной войны. «Киев — колыбель русской культуры» (автограф, 1943 г., 9 л.) — незаконченный очерк, написанный в связи с освобождением города советскими войсками 6 ноября 1943 г. Здесь дается характеристика исторического значения города, приведены яркие высказывания о нем Пушкина, Гоголя, Рылеева, Грибоедова, современных писателей; описаны его художественные памятники. Особый интерес представляет рукопись монографии «Москва, ее историческое прошлое и настоящее» (авторизованная машинопись, 1944—1945 гг., 266 л.). Работа основана на широком круге источников, в том числе архивных. Состоит она из вступления и 17 глав: 1. Начало Москвы, 2. Москва — столица русской земли (XIII—XIV вв.), 3. Борьба Москвы за национальное освобождение (конец XIV в.), 4. Москва — третий Рим (XV в.), 5. Москва — столица многонационального государства (XVI в.), 6. Рост Москвы и система ее укреплений (XVI в.) и т. д. Последняя, 17-я глава имеет название «Героическая оборона Москвы в Великую Отечественную войну (1941—1942 гг.)»⁴³. С большим патриотическим подъемом написана монография «Непобедимый город (Петербург — Петроград — Ленинград)» (машинопись, 1944—1945 гг., 347 л.) Сохранились ее 27 глав, начиная со 2-й — «Борьба за Невские берега» — и кончая главами «Первая цитадель Советской власти» и «Облик города Ленина». Заключение состоит из очерков «Героическая оборона Ленинграда», «Враг у ворот», «Великая страда», «Салют победы».

Значительна группа работ Анциферова, базирующихся в основном на опыте его деятельности в ГЛМ, многие из них связаны с определенными маршрутами по городу. Таков, очевидно, и не предназначавшийся для публикации рабочий документ «Пушкин в Москве. Автобусная экскурсия по Пушкинским местам Москвы» (машинопись, 1949—1950 гг., 1 л.). Это конкретный маршрут экскурсии, содержание которой подробно развито в специальном очерке. В конце даны методические указания о возможности расширения или сужения материала, длительности остановок, необходимой ориентировке на состав группы и ее интересы. Два очерка на ту же тему — «Пушкин в Москве» (машинопись, 1949—1950 гг., 46 с.) и «Москва Пушкина» (машинопись, 1949—1950 гг., 59 с.)⁴⁴ — можно рассматривать как первоначальный и окончательный варианты. Первый построен как рабочий документ — листы разделены на три вертикальные графы: «Маршрут и материал», «Содержание» и «Примечания к дополнительному иллюстративному материалу». Вначале сделано несколько методических замечаний о трудности последовательного изложения материала при любом маршруте: зависимости от расположения объектов в пространстве, от сложности плана города и перегруженности его магистралей и т. п.; отмечена необходимость во вспо-

⁴² Часть архива Анциферова погибла в г. Пушкине во время Великой Отечественной войны.

⁴³ Некоторые главы монографии были переделаны автором для популярного издания 1948 г. (Анциферов И. П. Москва в записях современников и в образах художественной литературы. — В кн.: Москва: Сб. статей. М., 1948, с. 191—228).

⁴⁴ Очерк с тем же названием опубликован в 1950 г. (см. список в конце статьи).

могательном иллюстративном материале. При всей краткости изложения «Содержания» объем его велик. Эта работа в значительной мере использована для окончательного текста.

В опубликованной работе «Москва и Петербург в жизни и творчестве Гоголя» автор, подчеркивая, что она является материалом для экскурсий, охарактеризовал общее значение этого метода изучения города: «Литературная экскурсия по городу решает две задачи. С одной стороны, она углубляет наше представление о жизни и творчестве писателя, с другой — содействует более разностороннему постижению индивидуальности города, так или иначе связанного с писателем, она помогает „вчитываться в большую поэму города“ (выражение А. И. Герцена). Решение той и другой задачи достигает одной цели — оно содействует пониманию связи творчества... в особенности писателя-реалиста, с окружающим миром»⁴⁵. Рукопись этой работы (машинопись, 1950, 34 л.) имеет вариант начала (л. 1—2) с обоснованием ее названия.

Соответствует определенному маршруту и небольшой опубликованный очерк «Герцен и Москва» (машинопись, 1945 г., 6 л.), перекликающийся с обширной работой «Дворянские гнезда Тверского бульвара» (машинопись и автограф, 1950-е годы, 151 л.). Она также служит материалом для экскурсий и написана на основе глубокого изучения автором разных периодов и разных аспектов жизни и творчества Герцена. С этой же темой связана рукопись «Подмосковные Герцена» (машинопись, 1945—1946 гг., 37 л.), опубликованная в 1946 г. без изменений.

Привлекает внимание блестяще написанный очерк «Грибоедовская Москва» (машинопись, 1940-е годы, 50 л.). Вначале автор раскрывает разные значения термина «Москва» в комедии Грибоедова. Чаще всего он употребляется в значении «барское общество Москвы», например, в словах «в Москве прибавят вечно втрое» или «заставил всю Москву дивиться их красе» и более всего в словах Чацкого «вон из Москвы», обозначающих разрыв именно с миром Фамусова. Другой смысл термина — сам город, «дистанция огромного размера», которой «пожар способствовал... много к украшению». Иногда термин может быть понят в обоих смыслах: «Что нового покажет мне Москва?»; «Где сыщется столица, как Москва?». На основании тщательного анализа текста автор очерка определял время действия между 1813 и 1825 гг. В Москве еще доживают люди XVIII в.; она отстраивается после пожара талантливыми архитекторами под руководством Бове, Жилярди, но в ней уже нарождается Москва декабристов, и, чувствуя это, Чацкий восклицает: «Нет, ныне свет уж не таков... вольнее всякий дышит». Далее идут комментарии к теме, подкрепленные цитатами из мемуаров, записок, переписки современников.

Особое место занимает рукопись неопубликованного труда «Проблемы изучения „Медного всадника“» (авторизованная машинопись, 100 л.), над которым Анциферов трудился на протяжении многих лет; подписанный автором л. 100 имеет датирующую помету «СПб., 1923 — Москва 1950». Работа состоит из следующих частей: 1. Статуя Фальконе и поэма Пушкина; 2. «Медный всадник» Пушкина и «Дядя» Мицкевича; 3. Юный город; 4. Наводнение; 5. Евгений; 6. Идея «Вступления» поэмы; 7. «Медный всадник» Пушкина и «Фауст» Гете. Послесловие (автограф, л. 101—102) написано позднее — оно датировано 11 декабря 1956 г. Кроме того, к рукописи примыкают дополнительные материалы, содержащие список литературы о «Медном всаднике» (автограф, 1950 г., 2 л.), а также тезисы доклада, протокол расширенного заседания ГЛМ и ответы Анциферова по ходу обсуждения доклада (машинопись, 1950 г., 9+11+5 л.).

В очерке «Москва в творчестве Чехова» (машинопись, 1950-е годы, 43,5 л.) произведения писателя детально проанализированы на фоне ли-

⁴⁵ Анциферов Н. П. Москва и Петербург в жизни и творчестве Гоголя. — В кн.: Гоголь в школе. М., 1954, с. 653—704.

тературной и художественной жизни современной ему Москвы, на фоне города, безжалостного к судьбе одинокого человека. Еще ярче эта линия проведена в незавершенной, видимо, работе «Некрасовские места в Петербурге» (автограф, 1940-е годы (?), 60 л.). В ней рассматривается развитие интереса к городу у писателей XIX в., Некрасова и его современников, отмечается значение сборника «Физиология Петербурга» (под ред. Н. А. Некрасова. СПб., 1844—1845, ч. 1—2). Одиночество человека в капиталистическом городе, о чем писал Ф. Энгельс в главе «Большие города» книги «Положение рабочего класса в Англии»⁴⁶, показано автором на примере творчества Некрасова.

Рукопись опубликованной статьи «Литературная Москва 30—40-х годов XIX в.» (машинопись, 1946—1947 гг., 34 л.) почти не отличается от напечатанного текста, как и обобщающие очерки «Литературная Москва» (первой половины XIX в.) (машинопись, 1945—1954 гг., 94 л.) и «Литературная Москва» (второй половины XIX в.) (машинопись, 1949—1954 гг., 92 л.).

Особенно ценна кандидатская диссертация Анциферова, защищенная им в 1944 г. в ИМЛИ, «Проблема урбанизма в русской художественной литературе» (машинопись с авторской правкой, 1943—1944 гг., 343 л.). Работа не опубликована. Сохранился автореферат из двух частей: 1) Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основании анализа литературных традиций; 2) Проблема изучения образа города. Далее следует введение «Материалы к исследованию проблемы урбанизма в художественной литературе» и восемь глав, построенных на материале мировой литературы XIX в. Подробно анализируются творчество Бальзака (гл. 3), Диккенса (гл. 4) и особенно изображение Петербурга в произведениях русских писателей. Последняя глава — 8 — «Петербург — город социальных контрастов 1860-х годов» вводит в творческую лабораторию Петербурга Достоевского. Последняя тема интересовала ученого в течение всей жизни. Им было проведено множество экскурсий, делались доклады⁴⁷. Специальное исследование на эту тему, опубликованное в 1923 г., вызвало большую литературу, в том числе лучшие современные труды⁴⁸.

Диссертация Анциферова имела отзывы В. Я. Кирпотина, Л. П. Гроссмана, Б. В. Томашевского и А. Г. Цейтлина, которые подчеркивали исключительную ценность работы и необходимость ее издания. Этот труд был задуман в 2-х частях. Вторая часть не подлежала защите. В ней выделены главы с 9-й по 16-ю в объеме 333 с. машинописи. Она посвящена Петербургу Достоевского, его топографии, маршрутам персонажей, специфической характеристике города в целом, его районов, улиц, домов, проблеме власти места над человеком, значению города для творчества писателя.

«Дневники» Анциферова, написанные на высоком литературном уровне, содержат также немало ценных мыслей об исследовании города. Первая часть их называется «Мои университеты. Путь моей жизни» (машинопись, 1950-е годы, 414 л.; л. 101—105 переделаны автором, о чем свидетельствует автограф, 13 л.). Следующие две части (машинопись, 1950-е годы, 95 л., 156 л.) не имеют титульного листа, но название, по воспоминаниям современников, было то же. Неизвестной рукой карандашом перед началом текста в них сделаны надписи: «Дневники, т. 1» и «Дневники, т. 2», которые не следует считать правильными, хотя в настоящее время они единственные. Понятно значение этой рукописи для изучения творческого пути ученого. Как и многое другое в наследии

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 263—310.

⁴⁷ См., например, отчет о работе за 1922 г. в Экскурсионном институте (ОР ГИБ, ф. Я. А. Вейнert; ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 2555, оп. 1, д. 636).

⁴⁸ Лихачев Д. С. В поисках выражения реального. — В кн.: Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974, т. 1, с. 6 и др.; Кумпан К. А. и Конечный А. М. Наблюдение над топографией «Преступления и наказания». — ИАН. Сер. лит. и яз., 1976, т. 35, с. 180—189.

Гревса и Анциферова, она привлечет, несомненно, внимание историков — исследователей города, а также краеведов, литературоведов, историков культуры и научной мысли.

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ И. М. ГРЕВСА ПО ТЕМЕ «ГОРОД»

- Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки: набросок воспоминаний и материалы для характеристики.— ЖМНП, 1899, № 8, отд. 4, с. 27—74; отд. отт. СПб., 1899. 4+48 с.
- Научные прогулки по историческим центрам Италии. I. Очерки флорентийской культуры.— Научное слово, 1903, кн. 4, с. 50—81; кн. 5, с. 54—83.
- Очерки флорентийской культуры.— Научное слово, 1905, кн. 7, с. 81—122.
- К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах (Поездка в Италию со студентами в 1907 г.).— ЖМНП, новая сер., ч. 28, 1910, июль, с. 21—64; отд. отт. СПб., 1910. 48 с.
- Сущность феодализма и его происхождение.— В кн.: Гревс И. М. Феодализм. СПб., 1910, с. 1—107.
- Феодализм в Италии.— Там же, с. 108—117.
- Монументальный город и исторические экскурсии: (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры).— Экскурсионное дело, 1921, № 1, с. 21—34.
- Дальние гуманитарные экскурсии и их воспитательно-образовательный смысл.— Экскурсионное дело, 1922, № 4, 5 и 6, с. 1—12.
- Экскурсионное дело и нужды русской культуры.— Наука и ее работники, 1922, № 3—4, с. 3—14.
- К живым образам истории и культуры русского Севера: (Экскурсия-экспедиция Московского и Петроградского экскурсионных институтов летом 1922 г.). Вологда.— В кн.: Север. Вологда, 1923, кн. 1, с. 154—179.
- Природа «экскурсионности»: (Собратьям педагогам перед летом).— Педагогическая мысль, 1923, № 3, с. 1—11.
- Город как предмет краеведения.— Краеведение, 1924, № 3, с. 245—258.
- История нашего города: (Как познакомиться с ней учеников).— В кн.: На путях к педагогическому самообразованию: Сб. под общ. ред. М. М. Рубинштейна. М., 1925, вып. 1, с. 179—189.
- Краеведение и экскурсии.— Там же, с. 170—179.
- Краеведение в школе.— В кн.: Методы индивидуализирующего труда. М., 1925, с. 25—59 (Современные методические искания, вып. 2).
- Кровавая свадьба Буондельмонте: Жизнь итальянского города в XIII в. Л., 1925. 142 с.
- Природа экскурсионности и главные типы экскурсий в культуру.— В кн.: Экскурсии в культуру. М., 1925, с. 9—34.
- Экскурсионный метод в элементарной школе.— В кн.: Первые шаги обучения. М., 1925, с. 164—197 (Современные методические искания, вып. 1).
- Владимир Александрович Герд. [Некролог].— Краеведение, 1926, № 3, с. 386—388.
- Город, как предмет школьного краеведения.— В кн.: Вопросы краеведения в школе. Л., 1926, с. 64—87.
- История в краеведении.— Краеведение, 1926, № 4, с. 487—508.
- Экскурсионный метод и краеведческий подход: (Методические перспективы для экскурсий в современной школе).— В кн.: По очагам культуры: Новые темы для экскурсий по городу. Методический сборник под ред. И. М. Гревса. Л., 1926, с. 7—32.

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ Н. П. АНЦИФЕРОВА ПО ТЕМЕ «ГОРОД».

- Непостижимый город: Петербург в поэзии А. Блока.— В кн.: Об Александре Блоке. Пг., 1921, с. 285—325.
- Петербург Достоевского: (Опыт литературной экскурсии). Пг., 1921. 20 с.
- Душа Петербурга: Гравюры на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой. Пг., 1922. 227 с.
- О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг., 1923, 39 с.
- Петербург Достоевского / Рис. М. В. Добужинского. Пг., 1923, 106 с.
- Быль и миф Петербурга. Пг., 1924. 84 с.
- Французское общество в эпоху абсолютизма: (Расцвет и упадок).— В кн.: Петри Г. Э. и Анциферов Н. П. Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1924, с. 27—45.
- Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л., 1925, 147 с.: 2-е изд., испр. и доп., Л., 1926. 151 с.
- Черты сельского быта во французском городе.— В кн.: Средневековый быт: Сб. статей, посвящаемый И. М. Гревсу в 40-летие его научно-педагогической деятельности. Л., 1925, с. 148—160.
- Экскурсии по экономическому и социальному быту городов: (Обследование рынка).— В кн.: Экскурсии в культуру: Методический сборник. М., 1925, с. 35—55.
- Главная улица города.— В кн.: На путях краеведения. М., 1926, с. 99—106. (На путях к педагогическому самообра-

- зованию: Сб. под общ. ред. М. М. Рубинштейна, вып. 3).
- Книга о городе. Л., 1926—1927, Ч. 1. Город, как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. 224 с.; Ч. 2. Современные города. 228 с.; Ч. 3. Жизнь города. 299 с. (Совм. с Т. Н. Анциферовой).
- Теория и практика литературных экскурсий. Л., 1926. 109 с.
- Теория и практика экскурсий по обществоведению. Л., 1926. 214 с.
- Детское Село.— В кн.: Анциферов Н. П. Окрестности Ленинграда: Путеводитель. Л., 1927, с. 143—209.
- Как изучать свой город: В плане школьной работы. М.; Л., 1929. 118 с.
- Пушкин в Царском Селе: (Литературная прогулка по Детскому Селу). Л., 1929. 55 с.
- Лермонтовские места в окрестностях Ленинграда.— В кн.: Анциферов Н. П. По лермонтовским местам. М., 1940, с. 102—110.
- Герцен и Москва.— Огонек, 1945, № 4, с. 8—9.
- Литературные места. М., 1946, вып. 1. Пригороды Ленинграда. Города Пушкин, Павловск, Петродворец.
- Подмосковные Герцена.— В кн.: Литературные места. М., 1946, вып. 2. Подмосковные, с. 75—104.
- Литературная Москва 30—40-х годов.— В кн.: Литературные экскурсии по Москве. М., 1948, с. 102—131.
- Москва в записях современников и в образах художественной литературы.— В кн.: Москва. Сб. статей. М., 1948, с. 191—228.
- Панорама города.— Там же, с. 63—166. (Совм. с С. А. Гарелиной).
- Методика изучения и показа литературной жизни края в экспозиции краеведческих музеев. М., 1949. 23 с.
- Москва Пушкина / Под общ. ред. В. Бонч-Бруевича. М., 1950. 80 с.
- Петербург Пушкина / Под общ. ред. В. Бонч-Бруевича. М., 1950. 64 с.
- Пушкин в Царском Селе / Под общ. ред. В. Бонч-Бруевича. М., 1950. 80 с.
- Литературная Москва (первая половина XIX в.).— В кн.: История Москвы: В 6-ти т. М., 1954. Т. 3. Период разложения крепостного строя, гл. 12, с. 511—557.
- Литературная Москва (вторая половина XIX в.).— Там же, т. 4. Период промышленного капитализма, гл. 15, с. 673—718.
- Москва и Петербург в жизни и творчестве Гоголя.— В кн.: Гоголь в школе. М., 1954, с. 653—704.

Е. Э. Гранстрем

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ ЛАТИНСКОГО АЛФАВИТА БИБЛИОТЕКИ АН СССР

ОР БАН уже много лет ведет систематическую и планомерную работу по публикации описаний своих фондов. Основным изданием, в котором они публикуются, является известная серия «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук»¹. Настоящая рецензия посвящена т. 6 этой серии, в котором описано 190 рукописных книг XVI—XVII вв. на следующих европейских языках: латинском (87), немецком (76), французском (5), английском и польском (по 4), итальянском, голландском, чешском и шведском (по 3), испанском (2). Описываемые рукописи распределены по тематическим разделам: история; география; право, законодательство, суд; философия; математика, астрономия, астрология; естествознание и медицина; военное дело; религия; альбомы памятных записей, записные книжки, каталоги; стихи; рукописи с нотами; разное (кулинарные книги, трактат о танце, письма, рисунки, руководство по

¹ Т. 1. I. Книги Священного писания. II. Книги богослужебные / Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук / Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. СПб., 1910; Т. 2. III. Творения отцов и учителей церкви. IV. Богословие догматическое и полемическое. V. Богословие учительное / Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Пг., 1915; Т. 3. Вып. 1. VI. История / Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Л., 1930; 2-е изд., доп.: Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги / Сост. В. Ф. Покровская и др. М.; Л., 1959; Т. 3. Вып. 2. Исторические сборники XV—XVI вв. / Сост. А. И. Копанев и др. М.; Л., 1965; Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII—XIX вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов и др. Л., 1971; Т. 4. Вып. 1. Повести, романы, сказания, сказки, рассказы / Сост. А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. М.; Л., 1951; Т. 5. Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973; Т. 6. Рукописи латинского алфавита XVI—XVII веков / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1979.

гравированию, книга записи посещений в герцогской библиотеке в Кенигсберге).

Каждое описание состоит из трех разделов: палеографического (с подробной характеристикой водяных знаков бумаги и кодикологических данных), содержания и истории рукописи. В конце книги помещена система указателей: начальных слов; имен русских и иностранных; анонимных произведений; географических названий; хронологический; рукописей по языкам; автографов; рукописей на пергамене; рукописей с миниатюрами и рисунками; художественных переплетов; конкорданции старых и новых шифров.

Приступая к описанию собрания, составитель оказывается обычно в затруднительном положении ввиду разнообразия подлежащих исследованию рукописей. Выше изложено содержание т. 6 серии «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», подготовленного И. Н. Лебедевой, которая является составительницей и предыдущего тома серии с описанием греческих рукописей, для того чтобы читатель мог яснее представить, насколько была трудна стоявшая перед Лебедевой задача, каких знаний и какой четкости в работе она требовала. Благодаря подробной и тщательно продуманной характеристике каждой рукописи читатель получает все необходимые сведения об описываемых кодексах. Палеографический раздел, на наш взгляд, представлял наибольшие трудности для составителя, так как для его написания было необходимо как умение прочесть разноязычные тексты, так и должная осведомленность в истории письма XVI—XVII вв.² Для раскрытия содержания рукописей составителю потребовались обширные источниковедческие и историко-филологические изыскания, не менее необходимые и для последнего раздела, касающегося истории описываемых памятников.

Таким образом, почти каждое описание представляет собой как бы небольшой источниковедческий этюд, сжато изложенный в форме описания рукописи.

В предисловии Лебедева делает правильное замечание о значении вошедших в каталог книг, которые относятся к «периоду становления многих областей научного знания» (с. 8). Мы со своей стороны добавим, что многие из описанных в рецензируемом справочнике книг представляют собой источники по истории культуры и науки в России XVII—XVIII вв., являются как бы свидетелями или участниками начального периода отечественной науки. В качестве примеров можно привести рукописи, принадлежавшие сподвижникам Петра I: Арескину, Брюсу, Паузе, Шафирову и другим, рукописи, принадлежавшие Аптекарскому приказу³. Сборник стихов, выписок, разных отрывков и других текстов, принадлежавший воспитателю царевича Алексея Петровича барону Гюйсену и, вероятно, им же составленный, может служить источником для ознакомления с историей просвещения в России XVIII в. (с. 226—228).

Следует напомнить об отдельных замечательных памятниках, например так называемый «Ленинградский альбом» немецкой натурастки и художницы Марии Сибиллы Мериан с изображениями насекомых (с. 136—139), автограф перевода на итальянский язык «Трактата об измерении» Альбрехта Дюрера, сделанного гуманистом Гозимо Бартоли, рукописи немецкого врача и натуралиста Давида Крига, позднее перешедшие к

² Работа И. Н. Лебедевой наглядно подтверждает важность изучения истории латинского письма в Советском Союзе не только для прибалтийских республик и Западной Украины, но и для России, где книги латинского письма служили немаловажным фактором просвещения в XVII—XVIII вв. Об этом упоминает А. Д. Люблинская в предисловии к сборнику «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР» (М., 1974, с. 6).

³ К сожалению, в указатели к книге И. Н. Лебедевой вкралась досадная опечатка: на с. 270 неверно указаны годы жизни Давида Хитрея — 1531—1660 гг. Некоторые из описанных в рецензируемой книге кодексов учтены также Е. И. Бобровой в книге «Библиотека Петра I: Указатель-справочник» (Л., 1977).

лейб-медику Петра I Арескину (с. 135—136, 140—146), календарь Тихо Браге (с. 103) и др. Одни из рукописей были известны ранее, а другие, как, например, автографы Бартоли или Крига, выявлены и определены составителем каталога; наконец, в отношении третьих сделаны новые любопытные наблюдения источниковедческого порядка. Так, относительно сборника речей и лекций профессоров Виттенбергского университета сказано, что такие и подобные им сборники «переписывались и распространялись в виде аналогичных сборников среди студентов» (с. 44), что соответствует системе «университетского книгопроизводства, сложившейся к середине XIII в. и получившей наибольшее распространение во Франции и Италии в XIV в.»⁴. Существует мнение о том, что составление каталогов рукописных собраний, библиографических справочников и других подобных изданий есть труд менее значительный, менее серьезный и ценный, нежели написание исследований. Однако при написании монографии, статей автор волен включать те или иные пункты или стороны разрабатываемой им темы по своему усмотрению (а также имеет возможность избегать наиболее трудных и спорных вопросов и, напротив, разбирать наиболее ему известные, полюбившиеся разделы). Составитель справочника не может поступать таким образом, не может позволить себе обходить самое трудное и трудоемкое; материал ведет составителя за собой, не давая уклоняться в сторону, требуя тщательных и длительных разысканий, результатом которых нередко бывают всего несколько строк сжатой информации. В сравнительно редко появляющихся в специальных изданиях откликах на справочные издания, как правило, говорится о богатстве заключающегося в них материала, но лишь мимоходом, да и то далеко не всегда, авторы таких откликов обращают должное внимание на огромный труд составителя и необходимые для выполнения этого труда знания.

Надо помнить о том, что, как правило, справочники разного рода (словари, каталоги рукописных собраний, библиографические указатели и т. д.) морально живут дольше некоторых исследований. Достаточно вспомнить о многочисленных каталогах или словарях XIX в., составленных такими замечательными археографами, знатоками древней нашей письменности, как А. Х. Востоков, А. В. Горский, К. И. Невоструев, И. И. Срезневский и другие, чьи имена мы вспоминаем с гордостью и благодарностью, к чьим трудам мы обращаемся постоянно.

Книга И. Н. Лебедевой заслуживает самого серьезного внимания со стороны историков, филологов, историков культуры соответствующего периода. В начале нашей рецензии мы подробно изложили содержание книги, так как только таким образом можно было дать читателю представление о богатстве ее содержания, о трудностях работы, успешно преодоленных автором, а также и о значимости фонда, описанного в книге. Справочники такого рода не часто выходят из печати. Можно только надеяться, что РО БАН и дальше будет столь же успешно продолжать свою нужную и трудную работу по описанию своих рукописных собраний, получив при этом возможность печатать эти описания большим тиражом⁵.

Как особое достоинство книги следует отметить наличие названий на русском языке для всех приводимых в книге текстов, что делает доступным рецензируемую книгу для русских читателей.

⁴ Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969, с. 105—106.

⁵ Рецензируемая книга вышла тиражом всего в 1800 экз.

ИЗДАНИЕ ПИСЕМ Н. И. ВАВИЛОВА

Вышли в свет избранные письма крупнейшего деятеля советской науки академика Николая Ивановича Вавилова (1887—1943)¹. Этим изданием возобновлена публикация материалов серии «Научного наследства» (т. 5)², которая вводит в научный оборот ценнейшие первоисточники: ранее не издававшиеся труды ученых-естествоиспытателей и техников, их дневники, воспоминания, переписку. Издание подготовлено ИИЕТ совместно с Комиссией по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова и явилось результатом длительной работы по выявлению и систематизации его писем.

Научное наследие Вавилова широко известно благодаря многочисленным публикациям его трудов³ и является составной частью современной науки, поскольку многие его научные идеи продолжают быть плодотворными. Тем важнее и актуальнее представляется обращение к переписке, позволяющей глубже проникнуть в его творческую лабораторию, повседневную разностороннюю научно-организационную деятельность, проследить процессы зарождения и осуществления его замыслов. Изучение переписки поможет исследователям продолжить освоение наследия ученого, расширить представления о его трудах и деятельности, выявить новые факты его жизни и научного творчества.

Книгу открывает «Слово о Н. И. Вавилове» (авторы акад. Д. И. Беляев, чл.-кор. С. Р. Микулинский), где освещены роль Вавилова в мировой и отечественной науке, значение его трудов и переписки, рассмотрены основные проблемы, затрагиваемые в письмах ученого.

В издание включено 576 писем Вавилова за 1911—1928 гг., т. е. годы формирования личности ученого. В 1911 г. он только начинал свою научную работу на Московской селекционной станции при кафедре частного земледелия Д. Н. Прянишникова, а в 1928 г., всего через 17 лет, уже стал признанным главой советской биологической и сельскохозяйственной науки, избранным вскоре (1929 г.) в действительные члены АН СССР.

Публикуемые письма, в том числе личного содержания, касаются и многих творческих вопросов, научных замыслов, планов, раскрывая огромный вклад Вавилова в развитие и организацию науки. Характер и объем его переписки — яркое свидетельство того, что она служила неотъемлемой составной частью его жизни как ученого и общественного деятеля. В переписке выявляется и другая сторона его личности — искусство и воля ведения корреспонденции, помогавшей ему настойчиво добиваться осуществления своих планов, посвящая в них своих адресатов, разъясняя, советуя, заинтересовывая и преодолевая многие препятствия.

Научную и общественную значимость изданных писем Вавилова трудно переоценить. В них отразилось все многообразие его деятельности по изучению, мобилизации и использованию растительных ресурсов и мирового сельскохозяйственного опыта для решения практических задач отечественной агробиологии, по объединению научных усилий и подготовке специалистов. В письмах высказаны замечания и соображения по сложнейшим разрабатывавшимся в 1920-е годы вопросам генетики и цитологии, наследственной и мутационной изменчивости и др. Изучая эти вопросы, Вавилов не только сделал ряд фундаментальных открытий, но и

¹ Научное наследство. Т. 5. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911—1928 гг. / Сост. и автор коммент. В. Д. Есаков; Отв. ред. С. Р. Микулинский. М., 1980. 426 с. с ил.

² Есаков В. Д. Об издании документов по истории советской науки. — АЕ за 1974 год, М., 1975, с. 280—284.

³ Николай Иванович Вавилов, 1887—1943 / Сост. Л. И. Ягодинцева; Под ред. Н. Р. Иванова. Л., 1978 (Материалы к биобиблиографии деятелей сельскохозяйственной науки).

занимался практическим их применением (пример — его «географические опыты» в Самаркандской области с растениями, привезенными из Ирана и с Памира). Письма ярко характеризуют патриотическую направленность научного творчества Вавилова, которая помогла ученому объединить свою огромную эрудицию, любовь к практическим исследованиям и организационный талант на благо развития отечественной науки.

Вместе с тем издание представляет немалый интерес с археографической и архивоведческой точек зрения. Оно дает пример методики выявления и публикации материалов личного происхождения, принадлежащих выдающемуся деятелю науки, причем наиболее «личной» части этих материалов — переписки.

Вводная статья к книге — «От составителя» — содержит не только характеристику имеющейся информации об эпистолярном наследии Вавилова (справочники, публикации отдельные и в сборниках, воспоминания), но и весьма удачную попытку дать его количественную и качественную оценки. Констатируя, что биографические работы свидетельствуют о значительном объеме эпистолярного наследия Вавилова, составитель В. Д. Есаков пошел по пути выявления ряда комплексов этих материалов, образовавшихся в процессе разносторонней деятельности ученого. Такой путь помог обосновать отбор писем, публикуемых в книге.

Положенный в основу публикации фонд Всесоюзного института растениеводства им. Н. И. Вавилова в ЛГАНТД (ф. 9708), по мнению составителя, «включает в себя весь основной личный архив ученого» (с. 13). Семейная переписка, сохранившаяся преимущественно в личном архиве сына ученого Ю. Н. Вавилова и наиболее ценная для раскрытия начального периода деятельности Вавилова (до переезда в Петроград в 1921 г.), выделена в самостоятельный комплекс. К публикации привлечены из него письма А. Ю. Тупиковой за 1917—1928 гг.

В издании с наибольшей полнотой представлены письма (их сохранилось немного) ближайшим коллегам и друзьям: Г. С. Зайцеву, П. П. Подъяпольскому, Р. И. Регелю, А. Ю. Тупиковой. Они извлечены из ЛГАНТД, личных архивов родственников (Ю. Н. Вавилова, Е. П. Подъяпольской); отдельные письма и открытки были обнаружены в ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ААН.

Вводная статья дает интересный экскурс в методику повседневной работы Вавилова, сказавшуюся на составе и характере его эпистолярного наследия. Огромная работоспособность ученого, широкий диапазон деятельности требовали максимальной рационализации труда; к ведению его переписки были привлечены стенографистки со знаниями иностранных языков. Подсчеты обнаруженных составителем датированных писем за 1921—1928 гг. привели его к выводу о возможном числе корреспонденций — по 5—10 в день.

Все это позволило наметить пути дальнейших поисков писем Вавилова, в частности отправленных во время поездок, в дороге (пока обнаружено лишь одно — посланное в Саратов из Сухуми 25 августа 1928 г. П. П. Подъяпольскому). Особое внимание обращено на разыскание писем из зарубежных поездок: отмечены найденные и не обнаруженные до сих пор, но упоминаемые самим Вавиловым в других известных документах. Одним из крупных и ценных комплексов является переписка Вавилова с зарубежными учеными. Пока установить точно общее число писем не представляется возможным⁴, хотя уже теперь можно примерно определить круг этих лиц. Публикация комплекса может быть осуществлена лишь в результате широкого международного сотрудничества.

В итоге изучения общего состояния материалов эпистолярного наследия Вавилова составителю удалось дать такую их количественную оценку: ученым было написано 30—40 тыс. писем.

⁴ По мнению Н. Р. Иванова, Вавилов переписывался с учеными почти ста стран ([Есаков В. Д.] От составителя. — В кн.: Научное наследство. Т. 5. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911—1928 гг. М., 1980, с. 15).

Имея в виду, что книга явится началом длительной работы по разысканию и публикации эпистолярного наследия Вавилова, и учитывая все обстоятельства, указанные выше, коллектив, готовивший издание, счел возможным обнародовать избранные письма ученого.

Существенная особенность издания состоит в том, что в него включены в основном отпуски отправленной корреспонденции, не имеющие подписи автора. Это создавало дополнительные затруднения при подготовке публикации. Принадлежность обнаруженных текстов Вавилону подтверждена большим числом и содержанием подлинников адресованной ему корреспонденции, наблюдениями над содержанием и особенностями стиля писем Вавилова, наконец, комплексным анализом его творчества и документального наследия.

Составителем проделана большая и сложная работа (читатель узнает о ней из вводной статьи) по определению авторства писем, заслуживающая самой положительной оценки. В качестве отправных точек были зафиксированы характерные обороты-обращения, заключительные фразы и т. п., они сопоставлены с письмами, имеющими подпись и приписки-автографы. Учтены также письма с заверительной подписью секретаря-стенографистки, сыгравшие «решающую роль в определении отношения ко всему комплексу архивных материалов» фонда № 9708, т. е. в установлении их достоверности.

Археографическая точность подготовки издания проявилась и в том, что для установления принадлежности писем Вавилону, определения степени полноты и идентичности текстов отпуски сверялись с сохранившимися подлинниками. Было установлено, что уточнения и дополнения, сделанные ученым при прочтении и подписании писем, вносились в отпуски. Подобное наблюдение еще раз убеждает в правомерности публикации отпусков писем. О том, что отпуски продиктованных писем могут приравниваться к подлинникам, свидетельствует и привлечение для «опознания» отпусков одного из адресатов Вавилова — П. М. Жуковского, подтвердившего достоверность и полноту сохранившихся текстов.

Все эти факты позволяют сделать вывод о правильном пути реконструкции эпистолярного архива Вавилова по материалам фонда учреждения, где протекала основная его деятельность, и личных собраний его адресатов.

Характерной чертой издания является сохранение особенностей оформления писем⁵. Однако применительно к авторским заголовкам, где встречаются разночтения в названиях адресатов-учреждений, это, на наш взгляд, малоцелесообразно. Ведь расшифровка названий (по-разному сокращенных) учреждений периода 1920-х годов и их идентификация весьма трудны для читателя, особенно при отсутствии в книге указателя учреждений.

Письма в книге расположены в порядковой нумерации по хронологии, в алфавите адресатов. В ней публикуются несколько иллюстраций — портреты Вавилова, фотографии его с коллегами, в том числе зарубежными учеными и др. К сожалению, место хранения фотографий и их опубликованность остаются неизвестными читателю.

В комментариях, расположенные в конце книги, включены так называемые археографические легенды и реальные примечания. Легенды содержат архивные шифры, краткие сведения о внешних признаках корреспонденции: отпуск, бланк, угловой штамп, открытка и т. п.; пометы, в том числе автографы Вавилова. Насыщенные ценными сведениями примечания помогают читателю осмыслить хронологическую и фактологическую канву переписки, чему существенно помогает и развернутый аннотированный (за небольшими исключениями) именной указатель. В нем шрифтом выделены страницы, где то или иное лицо выступает адресатом Вавилова. Помимо именного, в книге есть еще три указателя (глухие): географических названий, русских и местных названий расте-

⁵ Индивидуализированный подход к публикации научного наследия ученых был принят основателями серии (Научное наследство. М.; Л., 1948, т. 1, с. 6).

ний, латинских названий растений (все составлены М. Е. Раменской).

О недостатках рецензируемой книги говорить трудно, настолько продуманным представляется решение основных вопросов издания: отбор писем для печати, выяснение их достоверности и авторства, подача материала в комментариях, указатели. Отметим некоторые шероховатости. Из вводной статьи, к сожалению, остается не совсем ясной взаимосвязь документов в переписке: является ли то или иное письмо Вавилова ответом или оно вызвало ответ, т. е. было инициативным. В ряде случаев этот момент оговорен в комментариях, где даны ссылки (главным образом из ЛГАНТД) на подобные письма-ответы и письма-запросы. Оговорка о том, что термин «отпуск» «представляется ... более подходящим для подобной разновидности документов, чем широко распространенное понятие „копия“» (с. 15), кажется излишней. Между копией и отпуском существуют различия (время, способ изготовления, заверительные подписи и т. п.), хорошо известные историкам, археографам, архивистам. Вероятно, является опечаткой указание на «личный архив Н. И. Вавилова» в комментариях (с. 390, № 457, 458—463), ведь об этом комплексе сказано, что он представлен в ЛГАНТД (с. 13). В именном указателе обращает на себя внимание неравномерное раскрытие персоналий: большинство их имеют аннотации, а иногда дана лишь одна фамилия либо фамилия с инициалами. Это обстоятельство, видимо, связано с ограниченными возможностями наведения справок. В указателе географических названий приведена только транскрипция этих названий, даваемая Вавиловым (без современной), и только русская транскрипция различных наименований, встречающихся в письмах. Думается, в подобных случаях полезно приводить двойное написание. Досадно выглядят опечатки, например название книги «Gersten kreungen» (с. 417) вместо «Sersten Kreuzungen» («Скрещивания ячменя»). В указателе растений упомянутое в письме название «гваюла (мариола)» (с. 315, № 385) встречаем и как «гваюла» и как «мариола» (вместо перекрестной ссылки).

В целом предпринятое издание писем Н. И. Вавилова заслуживает высокой оценки. Проведена кропотливая работа по воссозданию многих аспектов биографии ученого, связанных с его эпистолярным наследием. Публикация писем дает удачный пример характеристики документального наследия в зависимости от особенностей деятельности фондообразователя, знакомя читателей с определенной частью его писем. Применяя приемы реконструкции этой части документов, археографы наметили пути дальнейшей работы, перспективы исследования темы, не замыкаясь лишь рамками характеристики публикуемых документов. Опыт издания эпистолярных материалов личного фонда, сохранившегося некомпактно, более того, находящегося в стадии логической реконструкции, принесет несомненную пользу и тем, кто занимается общими вопросами советской археографии.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А. А. ШИЛОВА

(К 100-летию со дня рождения)¹

Алексей Алексеевич Шилов оставил зримый след в истории отечественной науки. Он родился в Петербурге 25 (13) августа 1881 г. Его учителями были профессора Петербургского университета А. Н. Веселовский, А. С. Лаппо-Данилевский, И. А. Шляпкин. Глубокое влияние на формирование ученого оказал также С. А. Венгеров. На протяжении почти 40 лет Шилов занимался историей, археографией, библиографией, теорией и практикой архивного дела. Особенно ценный вклад внес он в изу-

¹ Составитель А. В. Ратвер.

чение революционного движения в России. Он умер 6 января 1942 г. в блокадном Ленинграде².

Большинство работ Шилова, подписанных псевдонимами, выявлено с помощью «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова (М., 1960, т. 4, с. 526). Некоторые работы, подписанные псевдонимами или опубликованные анонимно, определены для настоящего списка по материалам личного архива Шилова, любезно предоставленным И. Ф. Петровской³.

² Подробнее об А. А. Шилове см.: *Ратнер А. В.* Словарь революционеров.— СБ, 1980, № 2, с. 58—61; *Он же.* Ученый-подвижник.— СБ, 1981, № 4, с. 43—52.

³ В частности, удалось обнаружить публикации, подписанные неизвестными ранее псевдонимами: *Л.-Ш.*— коллективный с М. К. Лемке (Книга и революция, 1920, № 1, с. 55), *Архивист, Арх.* (Вестн. театра и искусства, 1922, 5 янв., 7 июня).

1905

Статьи: Дадзиани Л. Г., Данилов П. Ф., Дараган Д. И., Дараган П. М., Дильтей Ф.-Т., Дир, Дмитрий Васильевич, Дмитрий Иоаннович, Дмитрий Михайлович, Дмитрий-Фома Константинович, Дмитриев И. П., Дмитриев И. С., Дмитриев-Мамонов А. М., Дмитриев-Мамонов М. А., Довмонт, Дозе Ф. Й., Долгополов О. Т., Долгоруков С. А., Доленга-Ходаковский Э., Долматов В., Донауров М. И., Дружинин А. В.— РБС, т. 6, с. 38—39, 81, 109—110, 381—382, 401—403, 412, 454—455, 459—462, 486—490, 493, 562—563, 577—578, 580—581, 590, 689—690. Осипов В., Осорьин К. Г., Останя, Остромир.— Там же, т. 12, с. 389, 394—396, 468—469. Прейс П. С.— Там же, т. 14, с. 752—757. Шайду-ров И. А., Шапошников А., Шварн (Шварно) Данилович.— Там же, т. 22, с. 485—486, 522—523, 615—616.

Сост.: Указатель [имен, геогр. назв. и предметов].— В кн.: Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1902 году: Прил. Рукописи и книги, приобретенные В. И. Срезневским во время поездок в Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губ. СПб., с. 233—273.

1906

Сост.: Библиография произведений Салтыкова и отзывов о них: По материалам лит. архива С. А. Венгерова.— В кн.: Арсеньев К. К. Салтыков-Щедрин: (Лит.-обществ. характеристика). СПб.: Б-ка «Светоча», с. 254—280. (Вожди рус. со-знания).

1907

Сост.: Синтаксис.— В кн.: Курс русского литературного языка: В 3-х ч./Под общ. ред. В. В. Битнера. СПб.: Изд. «Вестн. знания», ч. 2, с. 3—46.

1909

Статьи: Соловьев М. А., Соловьев Н. И., Солярский П. Ф., Солярский Ф. П., Сосницкая Е. Я., Софроний (Софоний), Софроний (Грибовский), Спиридон [«профторник» Печерский XII в.], Стефан [еп. Владимира-Волынского], Стефан [Комельский или Озерский].— РБС, т. 19, с. 80—82, 104, 121, 162—163, 166—167, 256, 422—423, 426—427.

1910

Статьи: Протасий, Прохор [Печерский], Прохор [в схиме Трифон], Прохор [еп. Крутицкий, Сарский и Подонский].— РБС, т. 15, с. 73, 101—102.

Сост. (с биографии И. И. Дибича), ред.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., т. 2, с. 251—598.

Сост., подгот. публ.: Описание рукописей, содержащих летописные тексты: (Материалы для ПСРЛ. Вып. 1). Прил.: Летописец Владимирского собора.— ИЗАК за 1909 г./Под ред. В. Г. Дружинина. СПб., вып. 22, с. 1—69; отд. от.

1911

Статьи: Шевкал (Чол-хан, Щелкан), Шутов А., Шушерин И. К.— РБС, т. 23, с. 7—8, 548—549, 552—553.

1913

Статья: Рогов М. С.— РБС, т. 16, с. 281—282.

Сост.: Указатель [имен, геогр. назв. и предметов]. Перечень начальных слов статей.— В кн.: Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., с. 521—650, 651—688.

Сост.: Указатель [имен, предметов].— В кн.: Веселовский А. Н. Собр. соч., т. 1, СПб., с. 585—622.

1914

Статьи: Назаревский В. Г., Назарий, Назарьев М., Наседка И. В., Нафанаил, Невоструев К. И., Невежа А. Т., Невежин И. А., Негребицкий П., Нейгебауэр М., Нектарий [Н. П. Теляшин], Никифоров П., Никифор [Важеозерский], Никифор [иконописец], Никодим [архим. Антониева-Сийского монастыря].— РБС, т. 11, с. 38—41, 105—110, 165, 180—185, 187—188, 192—194, 213—214, 336—337, 340. «Народный» Лермонтов.— Ежемесяч. журн., № 10, с. 158—159.

Сост., ред.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Пг. Т. 3. 524 с.

Ред., вступ. статья, прим.: Карамзин Н. М. Избранные стихотворения и рассуждения. М.: «Польза» В. Антик и К^о. XVII+187 с. (Универс. б-ка).

1915

Рец. на кн.: Бертрам П. Тень власти: Ист. роман/Пер. с англ. А. Б. Михайло-

ва. СПб., 1914. 44 с.— Ежемесяч. журн., № 1, с. 168.

Рец. на кн.: Евгений [Максимов] В. Е. Николай Алексеевич Некрасов: Сб. статей и материалов. М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1914, 313 с.— Там же, с. 168—169.

1916

Поступные записи: (К истории крестьянского вопроса в XVII в.).— Ист. обозрение / Сб. Ист. о-ва при Пг. ун-те. Т. 21. Сб. статей, посвящ. А. С. Лаппо-Данилевскому, с. 262—311; отд. от.

Сост.: Список трудов А. С. Лаппо-Данилевского.— Там же, с. VII—XVI.

Рец. на кн.: Архив Раевских / Ред. и прим. Б. Л. Модзалевского. Пг.: Изд. П. М. Раевского, 1915. Т. 5. XXV+776 с.— Рус. библиофил, № 4, с. 89—90.

Рец. на кн.: Бессонов С. В. Надзор за книгой: Опыт систематизации материалов о цензуре в допетровскую эпоху. М.: Изд. юрид. книж. маг. К. И. Голубева под фирмой «Правоведение», 1916. 52 с.— Рус. библиофил, № 8, с. 87—89.

Рец. на кн.: Записки декабриста И. И. Горбачевского / Вступ. статья, прил. Б. Е. Сырочевского. М.: Задруга, 1916. XXXIV+323 с. (Б-ка мемуаров).— Рус. библиофил, № 6, с. 99—100.

Рец. на кн.: Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг.: Огни, 1916. 116, [8] с.— Рус. библиофил, № 5, с. 85—86.

Рец. на кн.: Имп. Русское историческое общество, 1866—1916. Пг., 1916, XI+193 с.— Рус. библиофил, № 8, с. 81—82.

1917

Как возникло крепостное право и как оно пало / Под ред. В. В. Водовозова. Пг.: Земля и труд, 14 с.

Крестьяне после освобождения / Под ред. В. В. Водовозова. Пг.: Земля и труд, 15 с.

Рец.: Родное (Русская устная словесность) / Под ред., с введ. статьями и прим. М. Н. Сперанского. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916. Т. 1. Былины. LXXI+453 с.) — Речь, 9 июня (27 мая), с. 7.

Сост., ред.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Пг. Т. 4. 542 с.

Ред., вступ. статья, прим.: Карамзин Н. М. Избранные стихотворения и рассуждения / 2-е изд. М.: Универс. б-ка XVII+187 с. (Универс. б-ка).

Ред.: Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: Комедии. М.: Универс. б-ка. 146 с. (Универс. б-ка).

1918

Из истории революционного движения 1860-х годов: (Прокламация «Друзьям-рабочим!» Д. В. Каракозова).— Голос минувшего, № 10/12, с. 159—168.

К биографии Пушкина: Секретное расследование 1826 г. о «поступках известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в возбуждении крестьян к вольности». — Былое, № 2, с. 67—77.

Революция 1848 г. и ожидание ее в России.— Голос минувшего, № 4/6, с. 231—247.

Статья: Роман [Киржачский].— РБС, т. 17, с. 54.

Общество независимости Сибири

1865 г.— Вольная Сибирь, 4 февр., 18, 23 марта.

Союз сибиряков-областников [в Петрограде. Хроника].— Ирида. Лит. газета, 3 июня, с. 6—7.

Сост.: Алфавитный список описанных журналов перв[ой] четв[ерти] XIX в. Алфавитный список журналов, намеченных к описанию.— Литературно-библиологический сб. Пг., с. 123—133, 133—135. (Совм. с Л. К. Ильинским).

Ред.: Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: Комедии. 2-е изд. М.: Универс. б-ка. 146 с. (Универс. б-ка).

1919

Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г.— Пг.: Госиздат. 56 с. (Ист.-рев. б-ка).

Из истории революционного движения 1860-х годов: Прокламация «Друзьям-рабочим!» Д. В. Каракозова.— В кн.: Из истории революционного движения в России 1846—1910 гг.: Статьи, воспоминания и материалы. [М.: Задруга], вып. 2, с. 159—168.

Предисл. в кн.: Григорович Д. В. Антон-Горемыка: Повесть. Пг.: Издат. комис. при Наркомпросе, с. 3—6.

Сост.: Библиографические материалы о Г. А. Лопатине.— В кн.: Лавров П. Л. Герман Александрович Лопатин / Предисл. П. Витязева.— Пг.: Колос, с. 47—63.

1920

[Библиогр. бюро Музея революции и его работы. Хроника. О подготовке к изд. «Обзоров важнейших познаний...» и «Обзора революционного движения 1860-х годов» С. С. Татищева. Хроника].— Книга и революция, № 2, с. 90, 98.

Два документа, относящиеся к «Каракозовскому делу». — Дела и дни, № 1, с. 418—426.

На поклон к Герцену: (Из «Исповеди» В. И. Кельсиева).— Колокол: Однодневная газета памяти А. И. Герцева. Пб.: изд. Музея революции, 21 янв.

Рец. на кн.: Белоковский И. П. Дань времени: Воспоминания. М.: Задруга, 1918, 368, III с.— Книга и революция, № 1, с. 26.

Рец. на кн.: Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке / Под ред. В. М. Андерсона. Пб.: [Госиздат], 1920. XXII+330 с.— Там же, с. 54—55. (Совм. с М. К. Лемке).

Рец. на кн.: Давыдов Н. В. Из прошлого. М.: [Б. и.], 1917. Ч. 2. 321 с.— Там же, с. 31.

Рец. на кн.: Записки П. А. Черевина: (Новые материалы по делу каракозовцев). Кострома: Костром. науч. о-во познанию местного края, 1918. II+42 с. (Б-ка обществ. движений в России XIX и XX вв. Вып. 1); Воспоминания П. А. Черевина, 1863—1865 / Предисл. Ф. Рязановского. Кострома: Костром. о-во познанию местного края, 1920. IV+76 с. (Б-ка обществ. движений в России XIX и XX вв. Вып. 3).— Там же, с. 24—26.

Рец. на кн.: Русская устная словесность / Под ред., с введ. статьями и прим. М. Н. Сперанского. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916—1919. Т. 1—2. Т. 1. Бы-

лины. М., 1916. LXXI+453 с.; Т. 2. Былины. Исторические песни. М., 1919. LI. 585 с.— Дела и дни, № 1, с. 483—489.

Рец. на кн.: Савинкова С. А. В годы старого режима: Рассказы. М.: Задруга, 1918. 284 с.— Книга и революция, № 1, с. 24.

Сост.: Материалы для библиографии А. С. Лаппо-Данилевского.— РИЖ, № 6, с. 29—43. (Совм. с А. И. Андреевым).

1921

Некрасов и революционное движение.— Вестн. театра и искусства, 6 дек., с. 4.

Подгот. публ., вступ. статья, прим.: П. Л. Лавров в агентурных донесениях «секретных сотрудников» III отделения.— В кн.: Материалы для биографии П. Л. Лаврова / Под ред. П. Витязева. Пг.: Колос, вып. 1, с. 69—89.

1922

Что читать по истории русского революционного движения? Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Пб.: Госиздат. 230 с. (При участии Д. С. Махлина).

О словаре русских революционных деятелей.— Ист.-рев. вестн., № 1, с. 76—69.

Последняя страница из жизни «Северного рабочего союза» в Петербурге в 1880 г.— Красная летопись, № 2/3, с. 285—292.

Рихард Вагнер под надзором III отделения: Из театральной старины.— Вестн. театра и искусства, 5 янв., с. 4.

Рец. на кн.: Блок А. А. Последние дни императорской власти: По неизданным документам. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.— Вестн. театра и искусства, 14—16 февр., с. 5.

Рец. на кн.: Материалы по истории революционного движения / Под ред. В. Т. Илларионова. Н.-Новгород: Госиздат, 1920—1921. Т. 1—2.— Былое, № 20, с. 302—304.

Рец. на кн.: Сверчков Д. Ф. На заре революции. М.: Госиздат, 1922. 312 с.— Вестн. театра и искусства, 7 июня, с. 4.

Рец. на журн.: Былое, 1921, № 17 [Анализ записки П. А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя»].— Красная летопись, № 2/3, с. 445—449.

Рец. на журн.: Былое, 1921, № 17.— Вестн. театра и искусства, 7—9 февр., с. 4.

Подгот. публ., прим., сост.: Герман Александрович Лопатин (1845—1918): Автобиограф. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиогр. / Предисл. П. Е. Щеголева. Пг.: Госиздат. 218 с. (Совм. с С. Я. Штрайхом).

Подгот. публ., вступ. статья, прим., ред.: Михайлов М. И. Записки (1861—1862). Пг.: Былое. 159 с.

1923

Арест М. И. Михайлова и суд над ним: (Из обществ. психологии начала 60-х годов XIX ст.).— Рус. прошлое: Ист. сб. / Под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Ю. И. Гессена, вып. 2, с. 143—153. Библиографическое бюро Музея рево-

люции и его работы.— Музей революции, № 1, с. 93—105.

Дело Арнгольда, Сливичко, Ростовского и Шура 1862 г.: (Из истории рев. пропаганды в армии).— Там же, с. 38—43.

Е. С. Сазонов в бреду.— Там же, с. 59—61.

Подгот. публ., вступ. статья, прим.: Стахевич С. Г. Среди политических преступников: (Из моих воспоминаний).— Былое, № 21, с. 57—86.

Подгот. публ., прим.: Стахевич С. Г. В Тобольской тюрьме: (Из моих воспоминаний).— Былое, № 22, с. 112—134.

Подгот. публ., ред., вступ. статья, прим.: Памятники агитационной литературы Росс[ийской] социал-демократической партии. М.; Л.: Госиздат. Т. 6. Период войны. Вып. 1. Прокламации 1914 г. XXIV+345 с. В надзаг. Комис. по истории Окт. революции и РКП.

Подгот. публ., ред., вступ. статья, прим.: Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.; Пг.: Госиздат. 317 с. (Б-ка мемуаров).

Ред.: Музей революции, № 1. 105 с. (Совм. с П. Е. Щеголевым).

1924

Подгот. публ., вступ. статья: «Катехизис революционера»: (К истории «нечаевского» дела).— Борьба классов, № 1, с. 262—276.

Сост.: Первомайская хрестоматия. Л.: Госиздат. VIII+219 с. (Совм. с С. Н. Валком).

Ред.: Власова О. И., Орловская Е. М., Бендер И. Г. Первомайские прокламации: Библиогр. описание. Л.: Госиздат. 95 с. (Совм. с С. Н. Валком).

Ред.: Колосов Е. Е. Государева тюрьма — Шлиссельбург: (По официальным данным) / Предисл. Н. А. Морозова. Пг.: Атеней. 255 с. (Ист.-рев. б-ка).

1925

К документальной истории «петиции» 9 января 1905 г.— Красная летопись, № 2, с. 19—36.

Ред., вступ. статья, прим.: Гапон Г. А. История моей жизни. Л.: Прибой. 184 с.

Сост.: Девятое января / Предисл. В. И. Невского. Л.; М.: Госиздат, 239 с.

Сост.: Первое мая: Книга для чтения / 2-е изд., доп. [и перераб.]. Л.: Госиздат. 263 с.

1926

Ред., вступ. статья, прим.: Гапон Г. А. История моей жизни. 2-е изд., доп. Л.: Прибой. 193 с.

Подгот. публ., вступ. статья, прим.: Из черновых бумаг К. Н. Победоносцева.— КА, № 5, с. 203—207.

Подгот. публ., вступ. статья, прим.: Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения: (1861—1862 гг.).— КА, № 1, с. 84—127.

Примеч. к публ.: Дневник Г. О. Рауха.— КА, № 6, с. 102—109.

Вступ. статья к публ.: Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г.— КА, № 4, с. 91—93.

Сост.: Декабристы.— В кн.: История классовой борьбы в России в материалах и документах / Под ред. Н. Карпова и

М. Мартынова. Л.: Госиздат, т. 1, с. 319—406.

1927

Сост. ред., предисл.: Деятели революционного движения в России: От предшественников декабристов до падения царизма. М.: Всеоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Т. 1. Ч. 1. XXVIII с.+222 стб. (Совм. с М. Г. Карнауковой).

Подгот. публ., ред., вступ. статья: 1 марта 1887 г.: Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др./С предисл. А. И. Елизаровой. М.; Л.: Моск. рабочий. 390 с. (Центрархив).

1928

Сост., ред., предисл.: Деятели революционного движения в России... Т. 1. Ч. 2. XVI с.+496 стб. (Совм. с М. Г. Карнауковой).

1929

Сост., ред., предисл.: Деятели революционного движения в России... Т. 2. Вып. 1. XXIV с.+406 стб. (Совм. с М. Г. Карнауковой).

Подгот. публ., вступ. статья: № 2 рабочего листка «Зерно».—КА, № 6, с. 219—230.

Сост.: Список печатных трудов А. С. Лаппо-Данилевского.—В кн.: Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л.: Изд-во АН СССР, с. 9—37. (Совм. с А. И. Андреевым при участии Р. Б. Мюллер).

Сост.: Список книг и статей об А. С. Лаппо-Данилевском, напечатанных в 1919 и следующих годах.—Там же, с. 55—57. (Совм. с А. И. Андреевым).

1930

Сост., ред.: Деятели революционного движения в России..., т. 2, вып. 2, стб. 407—836. (Совм. с М. Г. Карнауковой).

1931

Сост., ред.: Деятели революционного движения в России..., т. 2, вып. 3, стб. 837—1384. (Совм. с М. Г. Карнауковой).

1932

Сост., ред.: Деятели революционного движения в России..., т. 2, вып. 4, стб. 1393—2156. (Совм. с М. Г. Карнауковой).

1933

«Вольная русская поэзия» эпохи революционного народничества (1855—1880).—Звезда, № 7, с. 172—180.

Сост., ред.: Архивы СССР: Ленинградское отделение Центрального исторического архива/Под ред. А. К. Дрезена. Л.: Лениздат. 280 с. (Совм. с М. И. Ахуном, В. К. Лукомским и С. А. Розановым).

Сост. (биогр. на буквы «А» и «В»), ред., предисл.: Деятели революционного движения в России... Т. 3. Вып. 1. XVII с.+690 стб.

1934

Сост. (биогр. на букву «Г»): Деятели революционного движения в России..., т. 3, вып. 2, стб. 691—1056.

Подгот. публ., вступ. статья, прим.: Дневник Бориса Никольского (1905—1907).—КА, № 2, с. 57—90. (Совм. с В. К. Лукомским).

1935

К вопросу о публикации исторических документов: (По поводу статьи А. А. Сергеева).—АД, № 4, с. 52—61.

Подгот. публ., прим.: Объезд сатрапа: (Записки А. А. Татищева о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губ.).—КА, № 2/3, с. 41—71.

Сост.: Правила по подготовке и изданию документов нового времени: (XIX—XX вв.).—В кн.: Князев Г. А. Теория и техника архивного дела: (Опыт систематического руководства). Л., с. 108—120. (Совм. с В. К. Лукомским).

1936

Историческая хроника: (Виды и методы ее составления).—АД, № 3, с. 34—47.

Подгот. публ., прим.: Татищев А. А. Объезд сатрапа: (Записки А. А. Татищева о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губ.) / Предисл. И. В. Кузнецова. Смоленск: Запгиз. 50 с.

1938

К вопросу о публикации исторических документов: (Примечания, комментарии, вступительная статья).—АД, № 2, с. 6—31.

Прим. к публ.: Царское правительство и полярная экспедиция Г. Я. Седова.—КА, № 3, с. 22—75.

1939

Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в. / Под ред. Г. Д. Костомарова. М. 191 с. В надзаг.: ГАУ НКВД СССР. Ист.-арх. ин-т *

1940

Подгот. публ., вступ. статья, прим.: Шелгунов Н. В. Русские идеалы, герои и типы; Шелгунов Н. В. Внутреннее обозрение из провинциальной жизни; Ткачев П. Н. О книге Кельсева.—В кн.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цеховицера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 173—219.

1959

Подгот. публ., прим.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л.: Сов. писатель. 886 с. (Б-ка поэта. Большая сер.). (Совм. с С. А. Рейсером).

1965

Сост. (с биографии И. И. Дибича), ред.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, 1910—1917. Т. 2—4. Leipzig: Zentralantiquariat. Репрография.

1974

Сост., ред., предисл.: Деятели революционного движения в России... 1927—1934. Т. 1—3. Leipzig: Zentralantiquariat. Репрография.

* Переиздано безнаборной печатью на венг. яз. (Вр., 1955).

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

ЗА 1977—1981 гг.

28 ноября 1981 г. исполнилось 75 лет выдающемуся советскому историку и литературоведу, члену Бюро Археографической комиссии академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Публикуя список работ Д. С. Лихачева за 1977—1981 гг., Археографическая комиссия приносит юбиляру сердечные поздравления и желает ему многих лет здоровья и плодотворной деятельности на благо науки.

Настоящий список¹ является продолжением библиографии трудов Д. С. Лихачева за 1935—1977 гг., опубликованной ранее². Работы в списке расположены под каждым годом в следующем порядке: книги, статьи в книгах, статьи в журналах, статьи в газетах, рецензии, редакторские труды.

¹ Составитель М. А. Салмина.

² Дмитрий Сергеевич Лихачев. 2-е изд., доп. / Вступ. статья В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой; Библиография сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашной. М., 1977, с. 39—119 (Материалы библиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз., вып. 11); см. также: Список печатных трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1966—1975 гг. / Сост. М. А. Салмина. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 432—453.

1977

- Russische Literatur und europäische Kultur des 10.—17. Jahrhunderts. Aus dem russische übersetzt von R. Franke. Herausgegeben von H. Grasshoff. B., Akad.-Verl., 246 S. (Slavistische Studien und Texte).
- Рец.: Hexelschneider E.—Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft. B., 1980, Hf. 11/12, S. 940—942.
- Lehmann U.—Zeitschrift für Slawistik. B., 1978, Bd. 23, Hf. 6, S. 921—922.
- Artystyczna spuścizna dawnej Rusi a współczesność. Przełożyła Paulina Lewin. W-wa, Instytut Wydawniczy «Pax», 140 s., il. [We współautorstwie z W. Li-chaczową].
- Рец.: O Kulturze staroruskiej po polsku.—Tygodnik powszechny, Kraków, 1977, N 1, p. 6.
- Бунт «кромешного мира».— В кн.: Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, с. 253—264.
- В. М. Жирмунский — свидетель и участник литературного процесса первой половины XX в.— В кн.: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стильстика. Л.: Наука, с. 5—14.
- О Борисе Александровиче Ларине.— В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, с. 5—10.
- О воспитании патриотизма, о преемственности в освоении культуры.— В кн.: Возраст познания / Сост. Н. Филипповский. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, с. 97—110.
- О составлении фототек кириллических почерков.— В кн.: Сборник Владимира Мошина. Београд, с. 223—225.
- Об авторе этой книги.— В кн.: Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель, с. 217—222.
- Прогрессивные линии развития в истории русской литературы.— В кн.: О прогрессе в литературе. Л.: Наука, с. 50—77.
- Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков.— В кн.: Литература и социология: Сб. статей. М.: Худож. лит-ра, с. 85—136.
- [Пер. с древнерус. на совр. рус. яз.] Повесть временных лет [в отрывках]; Пучение Владимира Мономаха [в отрывках]; Слово о полку Игореве (ритмический пер.); Повесть о разорении Рязани Батыем.— In: Iglói Endre, Misley Pal. Régi orosz széppróza. [Древнерусская художественная проза]. Bp., Tankönyvkiadó, old. 11—40, 41—48, 49—66, 107—116.
- Świat wewnętrzny dzieła literackiego.— In: Wokół problemów realizmu. W-wa. Państwowy Inst. wyd., s. 360—382.
- Задачи серии «Литературные памятники».— РЛ, № 4, с. 103—108.
- Открытие в известном. [Беседа].— В мире книг, № 7, с. 12—14.
- Прошлое должно служить современности.— Немап, Минск, № 10, с. 168—171 (С вступ. заметкой Ю. С. Пширкова).
- «Тактические умолчания» в споре о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».— РЛ, № 1, с. 88—93.
- Типологическое изучение древнерусской литературы: (О работах в этой области А. Н. Робинсона).— ИАН. Сер. лит. и яз., т. 36, вып. 4, с. 336—344.
- Юмор протопопа Аввакума— Russian Literature, Amsterdam, oktober, N 4, s. 373—387.
- To discover Literature in Literature.— Soviet Literature, M., N 3, p. 134—140.

То же, на венгер. яз.— Szoviet Irodalom, М., N 2, s. 147—151.

Към нов синтез в литературознанието. [Беседа]; «Хождения» на древноруската литература; Повесть за Петър и Феврония Муромски.— Литература, изкуство и култура, С., № 2, с. 4—10, 8—9, 37—39.

Подарък от българските учени.— Отечество, С., № 1, с. 30—31.

Дело не только в звании.— ЛГ, 29 июня, с. 11.

Загляните в букварь, профессор.— ЛГ, 21 сент., с. 6. (Совм. с Д. Альпшием).

«Имя Пушкинского Дома...».— ЛГ, 7 ноября, с. 6.

История — мать истины.— ЛГ, 11 мая, с. 6.

Учитель — ученику.— КО, 25 февр., с. 6—7.

U przyjaciół.— Odrogłosy, Łódź, 30 stycznia, s. 9.

Рец.: Русская литература переходного периода (Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М.: Наука, 1977).— Вопр. лит-ры, № 10, с. 273—279.

Ред.: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука. 407 с.

Ред.: Колпакова Н. П. Песни и люди. Л.: Наука. 136 с. (сер. «Из истории мировой культуры»).

Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1976. М.: Наука. 405 с. (Совм. с И. Л. Андрониковым, Л. А. Дмитриевым и др.).

Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1977. М.: Наука. 471 с. (Совм. с И. Л. Андрониковым, Л. А. Дмитриевым и др.).

Ред.: Померанцева Э. В. О русском фольклоре. М.: Наука. 120 с. (сер. «Из истории мировой культуры»).

Ред.: Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. М.: Наука. 254 с. (сер. «Литературные памятники»).

Ред.: Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука. 203 с.

Ред.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII вв. Л.: Наука. 408 с. (Совм. с А. М. Панченко и М. А. Салминой). (ТОДРЛ, т. 32).

1978

«Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит-ра. 360 с.

Рец.: Державина О. В контексте эпохи.— Вопр. лит-ры, 1980, № 2, с. 258—263.

Мани Ю. Достоинство науки.— ЛГ, 1979, 20 июня, № 25, с. 5.

Mathausegová S.— Slavica, Pr., 1979, roč. 48, seš. 2—3, s. 308—310.

Ахматова и Гоголь.— В кн.: Традиция в истории культуры. М.: Наука, с. 223—227.

Была ли эпоха петровских реформ пере-

рывом в развитии русской культуры? — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наук XVIII—XIX вв. М.: Наука, с. 170—174.

Величие древней литературы; Повесть временных лет. (Пер.); Поучение Владимира Мономаха. (Пер.); Поучение Владимира Мономаха. [Коммент.].— В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII в. М.: Худож. лит-ра, с. 5—20, 23—277, 393—413, 459—463.

Героический пролог русской литературы («Слово о полку Игореве»).— В кн.: Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы. М.: Дет. лит-ра, с. 9—38.

«Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем».— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, с. 366—370.

Золотое слово русской литературы; Слово о полку Игореве. [Подгот. текста, пер. с древнерус., вступ. заметка]; Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве». [Пер. с древнерус., вступ. заметка]; Примечания.— В кн.: Слово о полку Игореве. 7-е изд. М.: Дет. лит-ра, с. 5—38, 38—107, 157—180, 181—220.

Из комментария к стихотворению А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека».— РЛ, № 1, с. 186—188.

К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха.— В кн.: Из истории феодальной России: Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мауродина. Л., с. 34—37.

К 60-летию члена-корреспондента АН СССР В. Т. Папуто.— История СССР, № 2, с. 239—242. (Совм. с А. Л. Нарочницким, Я. Н. Щаповым).

Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур.— В кн.: Славянские литературы. VIII Международная конференция славистов. Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г.: Доклады советской делегации. М.: Наука, с. 119—150.

Предисловие.— В кн.: Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л.: Наука, с. 3—8.

[Прозаический перевод с древнерусского «Слова о полку Игореве»].— In: Das Igor — Lied eine Heldendichtung. Der altrussische Text mit der Übertragung von Rainer Maria Rilke und der neursischen Prosafassung von D. S. Lichatschov. Nachwort von Helmut Graßhoff. Zweite Auflage. Leipzig, Insel-Verl., S. 51—64.

A valóságábrázolás kutatása.— In: Dosztojevskij — legenda e és voltság. Mai szoviet tanulmányok Dosztojevskijről. Bp., Európa Könyvkiadó, s. 45—54.

Foreword.— In: Waugh Daniel Clarke. The Great Turkes Defiance. On the History of the Apoeryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, Slavia, p. 1—4.

Древнерусская литература и современность.— РЛ, № 4, с. 25—31.

О статье Андрея Чернова.— Лит. учеба, № 6, с. 168.

Слово о Толстом.— Лит. обозрение, № 9, с. 3—6.

History — The Mother of Truth.— Social Sciences, M., N 2, p. 184—191.

«Świat śmiechu» dawnej Rusi.— Cziłowiek i światopogląd, W-wa, N 5, s. 73—93.

Автобиографитите на Софроний Врачански и Авакум Петров (Опит да се обяснят техните различия).— Литературна мисъл, С., № 10, с. 89—95.

За труда на литературоведа. [Беседа на семинаре Ин-та лит-ры Болгарской АН по методологическим проблемам истории лит-ры].— Литературна история, С., № 2, с. 3—16.

Величие гения.— Комсомольская правда, 8 сент., с. 4.

Если это не имитация...— ЛГ, 18 янв., с. 6.

Могучий многосотлетний дуб...— КО, 21 июля, с. 10.

Необдуманное «новаторство».— Правда, 1978, 30 мая, с. 3. (Совм. с И. Петряковым, В. Симбирцевым, В. Песковым).

О музее на родине Аввакума.— ЛГ, 20 дек., с. 8. (Совм. с В. Базановым, Ф. Абрамовым).

«Хождение» по векам и странам. [Беседа].— Правда, 10 дек., с. 6.

Parole e memoria del grande Tolstoi [Беседа].— L'Unita, Roma, 28 settembre, p. 3.

Да се леги! [Беседа с обращением к читателям].— Антени, С., 16 август, с. 5.

Эпоха в духовния живот. [Беседа].— Поглед, С., 25 септември, с. 10.

Забележителни десетилетия.— Антени, С., 4 октомври, с. 13.

Завръщането на Софроний. [С вступ. статьей Илии Пехливанова].— Поглед, С., 18 септември, с. 16.

Извори на жива вода (Из словото му при откриването на илюстрация).— Антени, С., 15 февруари, с. 6.

Миссия древнеболгарской литературы.— Софийские новости, 4 януари, с. 4.

Светла страница в културната ни история. [Беседа].— Борба, Велико Тырново, 21 септември, с. 1, 4.

Търновската художествена школа. [Беседа].— Народна младеж, С., 26 септември, с. 4.

Ценности за много народи. [Беседа].— Отечествен фронт, С., 29 септември, с. 12.

Я помню ту войну...— Софийские новости, 1 март, с. 4.

Ярка традиция в нашата култура. (Международна среща на учениците във Велико Тырново). [Беседа].— Народна култура, С., 29 септември, с. 3.

Ред.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник/Сост. Е. И. Боброва. Л.: Изд-во Б-ки АН СССР. 215 с.; От редактора.— Там же, с. 3—4.

Ред.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М.: Худож. лит-ра. 463 с. (Совм. с Л. А. Дмитриевым).

Ред.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: Наука. 238 с.

Ред.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»/Сост. В. Л. Виноградова. Л.: Наука. Вып. 5. 264 с. (Совм. с Б. Л. Богородским и О. В. Твороговым).

1979

Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука. 352 с.

Рец.: Метева Е. Капитален труд върху литературоведската медиевистика.— Език и литература, С., 1980, № 5, с. 120—123.

Величие гения.— В кн.: Двести десять шагов. М.: Правда, с. 19—21.

Градозащитная символика Успенских храмов.— В кн.: Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет: Тезисы научной конференции (4—6 сентября, 1979 г.). М., с. 37—38.

Жанры и виды древнерусской литературы. Литература и действительность; Литературный этикет; «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени; Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного; Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в.; «Повесть о тверском Отроче монастыре»; «Повесть о Горе-Злочастии».— В кн.: Древняя русская литература в исследованиях: Хрестоматия/Сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. Минск: Изд-во БГУ, с. 33—52, 52—70, 110—130, 167—187, 190—203, 203—214, 214—227.

Золотое слово русской литературы; Слово о полку Игореве. [Подгот. текста, пер. с древнерус. с вступ. заметкой]; Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве». [Пер. с древнерус. с вступ. заметкой]; Примечания.— В кн.: Слово о полку Игореве. 8-е изд. М.: Дет. лит-ра, с. 5—38, 39—107, 157—180, 181—220.

Куликовская битва в истории русской культуры.— В кн.: Памятники отечества. М.: Современник, кн. 4, с. 244—256.

О точности литературоведения.— В кн.: Введение в литературоведение: Хрестоматия/Под ред. П. А. Николаева. М.: Высшая школа, с. 180—183.

«Сады Лицея».— В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, т. 9, с. 188—194.

Слово о полку Игореве / (Ред. древнерус. текста и дословный ритмический пер.); Примечания.— В кн.: Слово о полку Игореве. Киев: Дніпро, с. 9—45, 89—118.

Слово о Толстом: (К 150-летию Л. Н. Толстого).— В кн.: Современник: Критический ежегодник 1979. М.: Современник, с. 275—284.

Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского: (Царь и «государев изменник»).— В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыжов. Л.: Наука, с. 183—213. (Сер. «Литературные памятники»).

Толстой и тысячелетние традиции русской литературы.— В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, с. 5—19.

Катарсис в «Слове о полку Игореве».— In: Byzance et les Slaves. Etudes de Civilisation/Mélanges Ivan Dujscev. P., p. 249—252.

Petrine Reforms and the Development of Russian Culture.— In: Canadian-American Slavic Studies, vol. 13, N 1—2. Van-

- couver, Arizona State University, s. 230—234.
- Evoluția stilurilor și stilul baroc.— In: Poetică, estetică, sociologie. Buc., Ed. Univers, p. 177—224.
- [Выступление на заседании «круглого стола» журн. «История СССР», посвященном проблеме: «Предмет и метод истории культуры»].— История СССР, № 6, с. 120—121.
- Знать свое прошлое. [Беседа].— Лит. учеба, № 1, с. 189—191.
- Связь всех связей.— Лит. обозрение, № 1, с. 36—37.
- Тысячелетие русской литературы.— РЛ, № 1, с. 3—13. (Совм. с Л. А. Дмитриевым, О. В. Твороговым).
- Экология культуры.— Москва, № 7, с. 173—179.
- Симетрия на времето. [С вступ. заметкой Илии Пехливанова].— Славяни, С., № 5, с. 11—12.
- Как ответить на «Письмо от вещего Олега»? — ЛГ, 4 июля, с. 12.
- Кладезь духовных ценностей. [Беседа].— Комсомолец, Ереван, 24 апр., с. 4.
- «Литературные памятники». — Читатель: (Однодневная газета Центр. правления Всесоюз. добров. о-ва любителей книги), М., 15 ноября, с. 15.
- Мастер книги.— КЮ, 6 апр., с. 16.
- О музее Гоголя в селе Гоголево.— ЛГ, 11 апр., с. 6. (Совм. с Ф. Абрамовым, Ю. Бондаревым, О. Гончаром, И. А. Дзевериным, П. Загребельным, М. Б. Храпченко).
- Себе и потомкам.— Правда, 10 ноября, с. 6.
- Сокровищница русской словесности.— Неделя, 4—10 июня, с. 8—9. (Совм. с В. Бударагиным).
- «Университет культуры тысяч...». [Беседа].— Пушкинский край, 21 июля, с. 3.
- Spedizione letteraria da Mosca a Bisanzio. [Беседа о серии «Литературные памятники»].— L'Unità, Roma, 24 marzo, p. 3.
- България участва! — Антени, С., 19 април, с. 3.
- Голямото в малкото: Перво писмо. (Писма до младите читатели).— Антени, С., 14 ноември, с. 7.
- Майстер на книгата. [Пер. предисл. к кн.: Белов С. В. Мастер книги. Л.: Наука, 1979] — АБВ, София, 8 май, с. 4.
- Младостта — това е целият живот: Второ писмо. (Писма до младите читатели).— Антени, С., 21 ноември, с. 7.
- Награда и стимул.— Работническо дело, 27 май, с. 1.
- Най-главното: Трето писмо. (Писма до младите читатели).— Антени, С., 28 ноември, с. 7.
- Обичам България — и древната, и съвременната, и бъдещата. [Беседа].— Антени, С., 14 март, с. 1, 12, 13.
- Пишем с еднакви букви. [Беседа].— Антени, С., 6 юни, с. 1, 3.
- Приемственост и хармония. [Из беседы, октябрь 1978 г.].— Антени, С., 17 октомври, с. 7.
- Симетрия на времето.— За буквите, София, 24 май, с. 3.
- Цел и самооценка: Четвърто писмо. (Писма до младите читатели).— Антени, С., 5 декември, с. 7.
- Човек трябва да бъде интелигент: Пето писмо (Писма до младите читатели).— Антени, С., 12 декември, с. 7.
- Рец.: Истоки романного жанра (Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.). Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1979. 322 с.).— ЛГ, 14 ноября, с. 5.
- Ред.: Белов С. В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л.: Наука. 112 с. (Сер. «Научные биографии»); Предисловие.— Там же, с. 3—4.
- Ред.: Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение. 240 с.; [Предисловие].— Там же, с. 5—6.
- Ред.: Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка / Изд. подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов. М.: Наука. 483 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- Ред.: Древнерусские литературные памятники. Л.: Наука. 464 с. (Совм. с Н. Ф. Дробленковой и Г. М. Прохоровым). (ТОДРЛ, т. 33).
- Ред.: Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л.: Наука. 414 с. (Совм. с О. А. Белобровой и Л. А. Дмитриевым). (ТОДРЛ, т. 34).
- Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1978. Л.: Наука. 511 с. (Совм. с И. Л. Андрониковым, Л. А. Дмитриевым и др.); О задачах ежегодника.— Там же, с. 5—6.
- Ред.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л.: Наука. 431 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- Ред.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука. 223 с. (Совм. с Л. В. Менабде, Г. М. Прохоровым).

1980

- Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. 2-е изд., доп. М.: Современник. 412 с.
- Ваша профессия и ваш патриотизм.— В кн.: Ленин. Наука. Молодежь. М.: Наука, с. 213—216.
- Введение; Заключение.— В кн.: История русской литературы X—XVII вв. М.: Просвещение, с. 3—33, 447—459.
- Золотое слово русской литературы; Слово о полку Игореве. [Подгот. текста, пер. с древнерус. с вступ. заметкой]; Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве». [Пер. с древнерус. с вступ. заметкой]; Примечания.— В кн.: Слово о полку Игореве. Переизд. М.: Дет. литр., с. 5—38, 39—107, 157—180, 181—220.
- Куликовская битва в истории русской культуры.— В кн.: Поле Куликово: Сказания о битве на Дону. М.: Сов. Россия, с. 7—15.
- Куликовская битва в миниатюрах XVI в.— В кн.: Повесть о Куликовской битве: Из Лицевого летописного свода XVI в. Л.: Аврора, с. 171—177; на англ. яз., с. 183—189.
- Литература эпохи «Слова о полку Игореве»; Моление Даниила Заточника. [Подгот. текста и пер.]; Моление Даниила Заточника. [Коммент.].— В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век.

- М.: Худож. лит.-ра, с. 5—22, 388—399, 688—690.
- От редакции. (Совм. с Г. П. Макогоненко); Своеобразие исторического пути русской литературы X — первой четверти XVIII в. (Введение); Заключение.— В кн.: История русской литературы: В 4-х т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII в. Л.: Наука, с. 5—8, 11—18, 446—462.
- Повесть о Николе Заразском; Повесть о разорении Рязани Батыем. [Пер.]— В кн.: На поле Куликовом: Рассказы русских летописей и воинские повести XIII—XV вв. / Худ. и сост. А. Шмарин. М.: Мол. гвардия, с. 43—52, 53—70.
- Работа международной эдиционно-текстологической комиссии (1958—1978).— В кн.: Лебедева Е. Д. Текстология / Тр. междунар. эдиционно-текстологической комиссии при междунар. комитете славистов: Указатель докладов и публикаций, 1958—1978. М., с. 5—13.
- Соловки в истории русской культуры.— В кн.: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М.: Искусство, с. 9—41.
- Художественные особенности русской средневековой литературы.— В кн.: Чтения по древнерусской литературе. Ереван: Изд-во ЕГУ, с. 5—19.
- Экология культуры.— В кн.: Памятники отечества. М.: Сов. Россия, кн. 2. с. 10—16.
- Идея «саморегулирующейся природы» в «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского.— В кн.: Българско Средневековие. Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. С.: Наука и изкуство, с. 210—211.
- «Преодоление слова» в стиле «Плетения словес» и историко-литературное значение этого явления.— В кн.: Търновска книжовна школа. [Кн.] 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски: Втори международен симпозиум Велико Търново, 20—23 май 1976. С.: Българска Академия на науките, с. 9—25.
- La rivolta del «mondo delle tenebre».— In: Strumenti critici. Rivista trimestrale di cultura e critica letteraria, N 42—43. (La cultura nella tradizione russa del XIX e XX secolo). Torino, Einaudi, p. 333—346.
- The European Significance of Novgorodian Culture.— In: Novgorod Icons 12-th — 17-th Century. Leningrad, Aurora, p. 7—19.
- То же, на фран., англ. яз.
- Tolstoj e le millenarie tradizioni della Letteratura Russa.— In: Tolstoj Oggi, a cura di Sante Graciotti e Vittorio Strada con un saggio di Iurij Lotman. Firenze, Sansoni editore, p. 37—45.
- Богаче духом, сильнее разумом...— Дет. лит.-ра, № 1, с. 73—75.
- Заметки о русском.— Новый мир, № 3, с. 10—38.
- Рец.: Алексеев М. Корни и корона: Размышления над «Заметками о русском» академика Д. С. Лихачева.— ЛГ, 1980, 7 мая, с. 6.
- Плеханов С. Единый корень.— Октябрь, 1980 г., № 12, с. 217—219.
- К 70-летию академика Алексея Сергеевича Бушмина.— РЛ, № 3, с. 242—243. (Совм. с Ю. А. Андреевым, В. Н. Баскаковым).
- Ложная этическая оценка у Н. С. Лескова.— Звезда, № 7, с. 176—179.
- На священное дело: (К 600-летию Куликовской битвы).— Дружба, № 5, с. 66—69.
- То же на болг. яз.: За священното дело.— Дружба, С., № 5, с. 45—48.
- Победа на Куликовом поле: (К 600-летию Куликовской битвы).— Русская речь, № 4, с. 52—65.
- Понимать, значит — знать.— В мире книг, № 8, с. 68—70.
- Поэзия труда библиографа.— Сов. библиография, № 2, с. 62—64.
- [Предисловие] Слово о полку Игореве / Пер. И. Шкляревского.— Октябрь, № 9, с. 3.
- Русская культура и сражение на Куликовом поле за Доном.— Звезда, № 9, с. 3—8.
- Русь перед Куликовской битвой.— Знание — сила, № 8, с. 15—17.
- К вопросу о классификации списков текста произведения по редакциям и видам.— Zeitschrift für Slawistik. B., Bd. 25, Hf. 1, S. 1—5.
- Early Russian Literature and Our Time.— Social Sciences, M., N 1, p. 130—139.
- Jegyzetek az oroszszágról. Természet, gyökerek, szülőföld vagy egyszerűen jóság (переложил на венгер. яз. Akos Szilágyi).— Szovjet Irodalom, M., N 12, old. 117—141.
- Jegyzetek, az orosz nemzeti sajtóságokról.— Valóság, Br., N 9, с. 109—112.
- Восстановить Сухареву башню.— ЛГ, 21 мая, с. 13. (Совм. с П. Барановским, О. Волковым, И. Глазуновым и др.).
- Мир Куликова поля.— ЛГ, 9 июля, с. 2.
- Эпос Поля.— Сов. Россия, 24 авг., с. 4.
- Необходим справочник: «Литературные места России».— ЛГ, 12 марта, с. 6.
- «Однажды и на всю жизнь».— Сов. Россия, 21 дек., с. 4.
- Поле русской славы: (Завтра исполняется 600 лет со дня Куликовской битвы).— Правда Востока, Ташкент, 7 сент., с. 3—4.
- Священное поле: (К 600-летию Куликовской битвы).— Пресс-бюро «Правды». Бюл. для республ. газет, 15 авг., с. 1—3.
- То же: Заря Востока, Тбилиси, 7 сент., с. 3; Казахстанская правда, Алма-Ата, 7 сент., с. 3; Коммунист Таджикистана, Душанбе, 7 сент., с. 2; Правда Украины, Киев, 7 сент., с. 4; Сов. Башкирия, Уфа, 7 сент., с. 3; Сов. Молдавия, Кишинев, 7 сент., с. 4; Сов. Эстония, Таллин, 7 сент., с. 3; Туркменская искра: Ашхабад, 7 сент., с. 3.
- България и световната култура.— Земедельско знаме, С., 22 май, с. 3.
- [Выступление в связи с вручением Т. Живковым Международной премии им. братьев Кирилла и Мефодия, 23 мая 1979 г.] Слово на академик Дмитрий Лихачов.— Работническо дело. С., 24 май, с. 2.
- То же: Антени, С., 28 май, с. 3.
- Любов, поделена между старобългарската и староруската култура. [Беседа].— Отечествен фронт, С., 22 май, с. 3.

Писма до младите читатели.— Приложение на Антени, С., № 51, с. 82—92.

Славното дело на първоучителите. [Беседа].— Работническо дело, С., 25 мая, с. 2.

Това е едно от най-големите чудеса! [О деле Кирилла и Мефодия].— Отечество, С., 8 юли, с. 10.

Учениит и неговите ученици.— Антени, С., 21 май, с. 1, 6.

«Щелувам отрудените ръце». [Беседа].— Антени, С., 25 юни, с. 7.

Рец.: Два паметника в съдбата на нашата култура: По повод грудовете на Людмила Живкова «Лондонското четвероангелие на цар Иван Александър» и «Казанлъшката гробница».— Народна култура, С., 19 декември, с. 2.

Ред.: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М.: Искусство. 344 с.

Ред.: Александр Бенуа. Мои воспоминания / Изд. подгот. Н. И. Александрова, А. Л. Гришуни, А. Н. Савинов и др.: В 5-ти кн. М.: Наука, Т. 1. 711 с.; Т. 2. 743 с. (Сер. «Литературные памятники»); Предисловие [к т. 1].— Там же, с. 5—8.

Рец.: Зильберштейн И. С. Многоликий мир искусства.— Сов. култура, 1980, 12 сент., с. 4—5.

Ред.: Долгополов Л. К. Александр Блок. Личность и творчество. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука. 225 с.

Ред.: История русской литературы: В 4-х т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII в. Л.: Наука. 814 с. (Совм. с Г. П. Макогоненко).

Ред.: История русской литературы X—XVII вв. М.: Просвещение. 462 с.

Рец.: Короткая Л. Свято даўніх стагоддзяў.— Литература і Мастацтва, Мінск, 1980, 23 травня, с. 6—7; Она же.— Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна, сер. 4, філал., журн., пед. псіхал., Мінск, БДУ, 1980, № 3, с. 75—76.

Мечев К. Литературная жизнь в России с X по XVII в.— Palaeobulgarica, С., 1981, N 3, с. 120—121.

Шанский Д. Н.— Науч. докл. высшей школы. Филол. науки, 1981, № 3, с. 80—81.

Ред.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л.: Наука. 295 с. (Совм. с М. Д. Каган, Н. В. Поньрко, М. В. Рождественской).

Ред.: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв.; Из истории международных культурных связей России. Л.: Наука. 278 с.

Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1979. Л.: Наука. 488 с. (Совм. с И. Л. Андрониковым, Л. А. Дмитриевым и др.).

Ред.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит-ра. 704 с. (Совм. с Л. А. Дмитриевым).

Ред.: Повесть о Куликовской битве: Из Лицевого летописного свода XVI в. Л.: Аврора. 196 с.

Ред.: Уо Д. К. Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых

и новых шифров. Л.: Б-ка АН СССР. 135 с. Ротапринт. (Совм. с М. В. Кукушкиной).

1981

Заметки о русском. М.: Советская Россия. 71 с.

Литература — реальность — литература. Л.: Сов. писатель. 216 с.

Рец.: Кукушкина Е. От древности к дню сегодняшнему...— В мире книг, № 8, с. 71.

Ростовцева И. Обретения медленного чтения.— ЛГ, 30 сент., с. 5.

The Great Heritage. The Classical Literature of Old Rus. Moscow, Progress Publishers. 352 p.

П. Н. Берков — ученый и человек.— В кн.: Берков П. Н. Проблемы исторического развития литературы. Л.: Худож. лит-ра, с. 3—20.

[Выступление на конференции.] — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., с. 250—256.

К читателю.— В кн.: Творогов О. В. Литература Древней Руси: Пособие для учителя. М.: Просвещение, с. 3—5.

Контрапункт стилей как особенность искусств.— В кн.: Классическое наследие и современность. Л.: Наука, с. 21—29.

Литература времени национального подъема.— В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV в. М.: Худож. лит-ра, с. 5—26.

Литература трагического века в истории России; Рассказ о преступлении рязанских князей [Подгот. текста, пер., коммент.]; Повесть о Николле Зараском [Подгот. текста, пер., коммент.]; Повесть о разорении Рязани Батыем [Подгот. текста, пер., коммент.]; Похвала роду рязанских князей [Подгот. текста, пер., коммент.]; Наставление тверского епископа Семена [Подгот. текста, пер., коммент.].— В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит-ра, с. 5—26; 128—129, 543; 176—183, 553—554; 184—199, 554—559; 200—203, 559—560; 464—465, 612.

Несколько замечаний о составлении свода русского фольклора.— Русский фольклор. Л.: Наука, т. 21. Поэтика русского фольклора, с. 115—116.

Несколько мыслей о лирической поэзии.— В кн.: День поэзии. М.: Сов. писатель, с. 158—160.

Несколько слов о С. И. Вавилове как инициаторе серии «Литературные памятники».— В кн.: Сергей Иванович Вавилов: Очерки и воспоминания. 2-е изд., доп. М.: Наука, с. 262—264.

«Полтава» А. С. Пушкина.— В кн.: Пушкин А. С. Полтава: Поэма, 1828—1829. Харьков, (на титуле 1982): Прапор, с. 8—11 (в переводе на укр. яз., с. 12—15).

Предисловие.— В кн.: Сергеев В. Рублев. М.: Мол. гвардия, с. 5—6 («Жизнь замеч. людей», сер. биографий, вып. 13 (618)).

Предисловие; Заметки о реставрации мемориальных садов и парков; Восстановление литературных текстов Древней

- Руси.— В кн.: Восстановление памятников культуры: (Проблемы реставрации). М.: Искусство, с. 9—13, 95—120, 218—227.
- Принцип историзма в изучении литературы.— В кн.: Взаимодействие наук при изучении литературы. Л.: Наука, с. 89—101.
- Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского: (Царь и «государев изменник»).— В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л.: Наука, с. 183—213. (Сер. «Литературные памятники»).
- Восстановление (реконструкция) древнеславянских литературных текстов.— В кн.: Сборник радова са Меѓународног научног скупа Текстолога средњовековних јужнословенских књижевности. Научни скупови, књ. X, Одељење језика и књижевности, кн. 2. Београд: Српска академија наука и уметности, с. 33—42.
- [Выступление в связи с вручением Т. Живковым Международной премии им. братьев Кирилла и Мефодия, 23 мая 1979 г.] Слово на академик Дмитрий Лихачов; Забележителни десетилетия; Да се лети! [Беседа]; България участвува!; Пишем с еднакви букви. [Беседа].— В кн.: Българистика и българисти. С.: Наука и изкуство, с. 12—14, 112—118, 331—335, 341, 345—348.
- Передовая линия обороны Болгарского «государства духа».— В кн.: Пленарни доклади. София: Българска Академия на науките, с. 1—16.
- То же.— *Palaeobulgarica*, С., N 4, с. 21—27.
- Багратион русского искусства: (О Д. И. Арсенишвили).— Партийное слово, Тбилиси, № 10, с. 13—14.
- Друзья создаются в юности. [Беседа с вступ. заметкой Ю. Ростовцева].— Студенческий меридиан, № 11, с. 31—32.
- Еще раз о точности литературоведения: (Заметки и соображения).— РЛ, № 1, с. 84—88.
- Истоки и характер содружества братских литератур Европы.— *Иностр. лит-ра*, № 4, с. 188—192. (Совм. с Ю. Андреевым).
- Мост в будущее.— Альманах библиофила. М.: Книга, вып. 11, с. 7—19.
- «Темные аллеи».— Звезда, № 3, с. 182—184.
- Я его так ясно помню...— Аврора, № 9, с. 100—107.
- Betrachtungen über den russischen Nationalcharakter. Übersetzt und nachgedichtet von J. Warkentin.— *Sowjetliteratur*, M., N 2, S. 117—155.
- То же на англ. яз.
- Co je ruské? (Přeložil L. Zadrazil).— *Sovětská Literatura*, M., N 4, s. 122—153.
- Н. В. Измайлов. [Некролог].— ЛГ, 13 мая, с. 3. (Совм. с М. П. Алексеевым, И. Л. Андрониковым и др.).
- Слово о походе Игорево.— В кн.: О походе Игорева. Сост. А. Е. Тархов. М., с. 8—14.
- Предисловие; Пер. с древнерус., Объяснительный перевод «Слова о полку Игорева».— В кн.: Слово о полку Игорева. Мичск: Юнацтва, с. 5—37, 60—79.
- «На траве ковыле...» — ЛГ, 18 марта, с. 13. (Совм. с А. Бушминым).
- Хранители наших богатств.— ЛГ, 7 янв. Людмила Живкова — ученица.— Народна култура. С., 31 юли, с. 1, 2.
- Без съавторство! — Антени, С., 15 юли, с. 8.
- Голямо минало означава голямо бъдеще. [Беседа].— Антени, С., 11 март, с. 4—5.
- Да си истински възпитан: Пето писмо: (Писма до младите читатели, с предисловием К. Каневой «Как се появиха писмата на академик Лихачов»).— Антени, С., 7 януари, с. 7.
- Държава на духа: (Первая часть доклада, читаного на Первом Международном съезде болгаристов в Софии в мае 1981 г.).— Антени, С., 21 октомври, с. 13.
- Миналото и бъдещето са симетрични: [Беседа].— Антени, С., 25 ноември, с. 1, 8—9.
- Най-голямата ценност — животът: Седмо писмо: (Писма до младите читатели).— Антени, С., 21 януари, с. 7.
- Научете се да спорите с достоинство: Шесто писмо: (Писма до младите читатели).— Антени, С., 14 януари, с. 7.
- У родников нашей культуры.— Софийские новости, 3 июня, с. 4.
- Рец.: Alexidze A. D. *The World of the Greek Romance of Chivalry (13-th — 14-th Centuries)*, Tbilisi. University Press, 1979, 322 p.— *Social Sciences, USSR, Akademy of Sciences*, N 1, p. 280—281.
- Ред.: Белый А. Петербург: Роман в 8 главах с прологом и эпилогом / Изд. подгот. Л. К. Долгополов. Л.: Наука. 696 с. (Сер. «Литературные памятники»); От редактора.— Там же, с. 5—6.
- Ред.: Восстановление памятников культуры: (Проблемы реставрации). М.: Искусство. 232 с.
- Ред.: Классическое наследие и современность. Л.: Наука. 414 с. (Совм. с М. Б. Храпченко, А. Н. Иезуитовым, Ф. Я. Приймай).
- Ред.: Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 209 с.
- Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1980. Л.: Наука. 568 с. (Совм. с И. Л. Андрониковым, Л. А. Дмитриевым и др.).
- Ред.: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит-ра. 616 с. (Совм. с Л. А. Дмитриевым).
- Ред.: Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М.: Худож. лит-ра. 606 с. (Совм. с Л. А. Дмитриевым).
- Ред.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л.: Наука. 431 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- Ред.: ТОДРЛ. Л.: Наука, т. 36. 416 с. (Совм. с М. А. Салминой).
- [Подгот. текста, пер. с древнерус.; статья и примеч. на англ. яз.] — In: *The Lay of the Warfare Waged by Igor*. Moscow, Progress Publishers, s. 9—123.
- Ред.: Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Межвуз. темат. сб. Калинин: КГУ. 162 с. (Совм. с С. Г. Бархударовым, Ю. А. Бельчиковым и др.).

III. ПУБЛИКАЦИИ

ПРИГОВОРЫ И НАКАЗЫ КРЕСТЬЯН КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ 1905—1906 гг.

В. И. Ленин писал о революции 1905—1907 гг., что она «впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу»¹. Приговоры и наказания крестьян периода революции являются одним из самых аутентичных источников для изучения процесса этого превращения. Интерес исследователей к ним в последнее время значительно возрос².

Нами выявлено 86 приговоров и наказов крестьян и казаков степного Предкавказья.

Степное Предкавказье — южная аграрная окраина царской России, отличавшаяся сравнительно высоким уровнем развития капитализма в сельском хозяйстве, имевшая много особенностей в жизни и быту коренного крестьянского, казачьего, иногороднего, горского и кочевого населения. О том интересе, который В. И. Ленин уделял наказаниям этого региона, свидетельствует его анализ приговора ставропольских крестьян депутату Мишину в заключительном слове по аграрному вопросу на Объединительном съезде РСДРП³.

Отобранные нами для публикации приговоры на митингах и сходах крестьян Кубани и Ставрополя в период с ноября 1905 г. до начала июля 1906 г. наиболее представительны по содержанию, происхождению, форме и языку для изучения настроений крестьянства и казачества этих областей в момент подготовки к выборам в I Государственную думу и во время ее деятельности.

Документ № 1 извлечен из фонда Совета министров, № 2 — из материалов аграрной комиссии Государственной думы второго созыва, хотя сам приговор был направлен в I Государственную думу, а док. № 3 и 4 — из фондов ГАСК.

Б. А. Трехбратов

1. Приговор крестьян станицы Некрасовской Кубанской области 20 ноября 1905 г.

Мы, нижеподписавшиеся крестьяне разных губерний, проживающие в станице Некрасовской Кубанской области, 20.XI сего года имели суждение о положении крестьян и о крестьянских своих нуждах. Мы признали, что нам с каждым годом становится жить тяжелее. Положение наше ухудшается, мы беднеем, хозяйство наше падает, первая и самая главная причина нашего бедствия — безземелье и высокая арендная пла-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.

² Нильве А. И. К методике изучения приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу. — АЕ за 1970 год, М., 1971; Она же. Приговоры и наказания крестьян во II Государственную думу. — История СССР, 1975, № 5; Буховец О. Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 годах: (По материалам Самарской губернии). — История СССР, 1979, № 3; Трехбратов Б. А. О статистическом изучении приговоров и наказов крестьян в I Государственную думу. — В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1982.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 370—371.

та на казачьих землях, совершенно недоступная для нас крестьян, все угодья находятся в руках казаков; когда была арендная плата 3—5 руб. за дес. в год, тогда еще кое-как было сносно для нас жить, когда же арендная плата возвысилась от 15—20 и до 27 руб. за дес. в год, то очень многие из нас, даже большая часть, совершенно прекратили посево — отчего мы еще больше обнищали. Земля для нас стала недоступною, арендуют ее только эксплуататоры-казаки, которые выжимают наши соки, отдавая нам обрабатывать арендованную землю на очень тяжелых условиях, отчего труд наш проходит совершенно почти даром. Мы не можем избежать эксплуатации кулаков-мироедов по своей бедности и необразованности, других занятий мы не знаем, а потому и не можем ничем больше заниматься, как только обрабатывать землю, которой мы не имеем, поэтому мы всегда только чужие работники.

Мы отбываем все станичные повинности наравне с казаками, и платим ежегодно псаженную плату¹, вносим страховые оклады, платим подати и поставляем на службу наших сыновей, и за это за все мы решительно не пользуемся никакими угодьями. Полное отсутствие дешевого кредита для удовлетворения наших крестьянских нужд. Нас давит бюрократический и полицейский произвол. Мы тонем в грязи невежества, что наследуют от нас и дети наши, лучшего ничего мы своим детям передать не можем; нашим детям закрыт доступ даже и в начальные народные школы в станицах. Неравенство перед законом. На наше и без того разоренное хозяйство тяжким бременем легла русско-японская война, которая, кроме убытка, не принесла никакой пользы. Нет для нас больниц и никакого другого медицинского пособия, что тяжело отражается на нашем здоровье и жизни. Священнические высокие поборы за исполнение ими треб для нас являются совершенно непосильными.

Обсудив все вышеизложенное, мы постановили для удаления нищеты и бесправия ходатайствовать пред Комитетом министров о передаче казенной и частновладельческой земли, находящейся в Кубанской области, в пользование нам, трудящимся, по столько, сколько каждый может обработать своим трудом, т. к. земля есть дар божий, поэтому она должна принадлежать всему народу и временно пользоваться ею может только землевладелец, обрабатывающий ее, а остальные, не обрабатывающие своими руками землю, имеют право лишь устройства на ней жилища, а потому земля должна принадлежать всем желающим работать на ней трудами своей семьи.

Мы сознаем всегда и всюду наше бесправие, а потому мы очень обрадовались, когда узнали, что решено собрать Государственную Думу, т. е. выборных от народа, для того чтобы они обсуждали законы, производили раскладку податей и назначали, сколько народных денег нужно тратить на каждое в отдельности государственное дело (на народное образование, на военное дело, на жалование чиновникам и пр.), и чтобы им, выборным от народа чиновникам, отдавали отчет во всех государственных делах, которые они вершили. Мы высказываем пожелание, чтобы в Государственной Думе было больше выборных от бедных, и для этого необходимо, чтобы каждый человек (кроме опороченных по суду), которому исполнится 21 год, прямо подавал голос за кандидата, которого он желает выбрать в Думу, без притеснения со стороны полицейского режима.

Так как в скором времени Государственная Дума будет собрана и там будут обсуждаться крестьянские нужды, мы теперь же заявляем о своих нуждах для того, чтобы все знали о них, особенно те, которые будут выбраны в Государственную Думу. Кроме поименованных выше нужд, мы единогласно решили просить возратить нам все права человеческие, которые от нас были отняты, с нас должна быть снята всякая опека, и мы отныне будем равны всем как полномочные граждане, как братья всем. Отдельных школ, содержимых на казенные деньги, куда имели право поступать только дети богатых да знатных, а для наших детей двери были бы закрыты, то есть школ привилегированных, не

должно быть в России, они должны быть уничтожены. Нашим детям должно быть доступно образование низшее, среднее и высшее во всех школах, где обучаются разным наукам: ремеслам и искусству. Только одно наследство и драгоценно — это родительское благословение навеки нерушимое, т. е. здоровье, разумное воспитание и образование своих детей, после которого каждый человек будет вполне способен продолжать самостоятельную жизнь везде, куда бы ни занесла его судьба. Чтобы нашим детям был открыт доступ ко всем должностям в государстве от низших и до высших. Суд для всех должен быть равным, и от низшего и до высшего должен быть судом народной совести, то есть с присяжными заседателями. Смертная казнь отменяется навсегда. Полная амнистия всем религиозным и политическим борцам.

Без разрешения всего народа войны не следует начинать. Совесть народная страшно взволнована только что окончившейся гибельной и бесславной для России японской войной. Народ видит во всем и во всех измену. Необходимо нужно, чтобы народ узнал всю правду обо всем и обо всех деталях с начала и конца этой войны. А чтобы узнать всю правду, надлежит будущей Государственной Думе избрать особых следователей и особых судей на этот предмет. Прямые и косвенные налоги должны быть уничтожены, а заменены прогрессивно-подходящим налогом, то есть кто больше получает дохода, тот должен и повинностей платить больше.

Все, что постановит Государственная Дума, как голос народа, а потому и голос бога, должно прямо, без всякого вновь обсуждения, идти на утверждение государя.

[Подписи]

ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., с. 173, л. 65—67. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Посаженная плата — ежегодный налог, который уплачивали иногородние крестьяне за усадебные участки казачьей земли. Он равнялся 3—5 коп. с квадратной сажени.

№ 2. Приговор иногородних станицы Вознесенской Лабинского отдела Кубанской области

2 января 1906 г.

Мы, граждане станицы Вознесенской Лабинского отдела Кубанской области, собравшись на сход 2 января 1906 г. в числе более 3000 человек, постановили следующее:

Положение иногороднего люда в казачьих станицах самое плачевное. Закон 1868 г. поставил иногороднего в полную зависимость от казачьего населения. Последние министерские и сенатские распоряжения и дополнения по этому закону еще более закрепили иногородних, и ныне картина рисуется такая: иногородний, живущий в казачьей станице, есть постоянный плательщик казачьего общества, оплачивая ежегодно усадьбы посаженной платой в 120 р. за дес., оплачивая места на базаре и в торговой площади в баснословную цену.

К этой плате необходимо прибавить плату за пастьбу скота, взносы с фургонщиков, фаэтонщиков и фурщиков, за право постройки жилищ и т. п.

Плата налоги, плательщик имеет право пользоваться известными правами, а между тем иногородний в казачьих станицах не пользуется никакими правами, дети иногородних не имеют права обучаться бесплатно в школах, и их принимают только тогда, когда останется свободное место от детей казака. Есть врачи, есть больницы, но все это только для нужд казаков. Иногородний постоянный плательщик, иногда на последние крохи приобретший клочок усадьбы и построивший себе жилище, становится не хозяином, а арендатором без права на купленной усадьбе без разрешения станичного общества производить постройки и даже ремонтиро-

вать старые, продавать другому или вообще распоряжаться своим имуществом как собственностью. Такое ненормальное положение создает враждебные отношения между казаками и иногородними. Во избежание могущих возникнуть плачевных осложнений от такого ненормального положения иногороднего люда в ожидании предстоящих коренных реформ нашего государства заявляем о своих нуждах в полной надежде и уверенности, что только удовлетворение этой нужды уничтожит вражду между казаками и иногородними и принесет успокоение и благосостояние огромной и плодотворной области.

Нужда эта, по нашему мнению, следующая:

1. Уничтожение отдельных исключительных законов для населения Северного Кавказа, края обруселого. Предоставление права оседло живущим в населенных пунктах, не имеющих даже земельной полевой собственности, участвовать в местном самоуправлении, владеть имуществом на правах собственности, облагать себя на общественные нужды с согласия своих же выборных, а деньги общественные тратить на удовлетворение всех проживающих в населенной местности, а не одного какого-либо класса или сословия.

2. Уничтожение казачества как отдельного военного сословия и предоставление права всем ныне проживающим в казачьих станицах владеть земельной собственностью наравне с казаками. Обращение для этой цели в пользование земледельцев, живущих своими трудами, области казенных, войсковых, удельных, монастырских и частновладельческих земель. Прирезка земель из вапезозначенных источников оседло проживающим ныне в юртах. Ввиду этого необходима генеральная размежевка земель Кубанской области.

Предоставить право свободного переселения на означенные земли в данной области с пособиями для этой цели из средств казны от 300 до 500 руб. с расрочкой выплаты на продолжительное время.

3. Введение земской самоуправления в области, с тем чтобы земство было общесословное и обратило бы на первых порах самое глубокое внимание на постройку в области достаточного количества больниц, мостов, приведение в порядок дорог; введение мелких земских единиц с тем, чтобы район их равнялся району волости или станичного управления; чтобы волость была общесословная и взнос на нужды общественные был бы со всех проживающих в волости без различия сословий.

4. Введение всеобщего обязательного обучения на средства казны; расширение программ нынешних народных школ; открытие возможно большего количества ремесленных и сельскохозяйственных школ; предоставление права родителям принимать самое широкое участие в деле воспитания. Уничтожение сословных учебных заведений.

5. Предоставление самого широкого права кредита под залог имущества из государственного казначейства за обыкновенный процент.

6. Сложение налога в пользу государства с предметов первой необходимости (чая, сахара, керосина, железных и стальных предметов). Введение подоходного налога.

7. Определенное жалование духовенству из государственного казначейства за исполнение христианских треб. Необходимо запрещение духовенству заниматься коммерческими и промышленными предприятиями, чтобы духовные лица имели полную возможность посвятить свои силы прямому своему делу.

8. Закрытие винных лавок и уничтожение монополии с тем, чтобы русское вино было достоянием аптек и продавалось бы не иначе, как по рецепту врача. Вино — одна из причин народного невежества, бедности и даже вырождения.

9. Увеличение жалования солдату от 40 до 60 руб. в год, потому что при нынешнем жалованье солдату отцы семейства, отправляя своих детей на службу царю и отечеству, помимо потери здоровой рабочей силы на 4 и 5 лет, вынуждены бывают при своей бедности материально помогать своим детям.

Для того чтобы увеличение жалованья солдату не повело к новым налогам на народ, необходимо уменьшить жалованье высшим властям, как военным, так и гражданским, с тем чтобы эти остатки пошли на увеличение жалованья солдату.

10. Необходимо подчинение чинов полиции органам местного самоуправления.

11. Необходимо реформировать нынешние суды с тем, чтобы суд был на самом деле правый, скорый и милостивый; уничтожение судейской вольности. Учреждение института выборных мировых судей, сменяемость судей.

12. Ответственность властей перед судами за неправильные действия.

13. Реформы тюрем с тем, чтобы тюрьма была не местом только заключения и школой для совершения преступлений, как ныне, а преследовала бы главным образом воспитательную цель; заведение при тюрьмах обучения ремеслам; предоставление возможности содержащимся в тюрьмах самого широкого участия в работах при тюрьмах и за плату у частных лиц.

14. Необходима отмена закона о службе нижних чинов в качестве денщиков у офицеров; безусловное запрещение офицерам употреблять нижних чинов для своей частной службы.

15. Необходимо запретить лицам, стоящим на государственной службе, заниматься коммерческими, промышленными и торговыми делами, дабы это не мешало их прямому делу и долгу.

16. Уничтожение домов терпимости, потому что они в настоящем виде служат училищем разврата и соблазна для живущих по соседству.

17. Обращение монастырских свободных сумм и сокровищ на нужды народа и государства. Монастырские суммы и сокровища есть дар для народа, а народ войной и настроением внутренней жизни доведен до крайней бедности, а между тем предстоят новые налоги на уплату по государственным займам и на введение всеобщего обучения.

18. Обращение церковных сумм на нужды церкви...¹, а не целиком на консисторию. На консисторию можно отчислять только известную часть, 10% приблизительно.

19. С проведением реформ, обещанных Манифестом 17 октября, требуем полной амнистии политических преступлений.

20. Уничтожение военно-полевых судов и введение народного суда для важных общегосударственных преступников.

21. Отмена смертной казни.

22. Принятие иностранцев в подданство не иначе, как с согласия народа, и тех иностранцев, которые прожили не менее 5—10 лет в России.

23. Общественный контроль над мелкими ремесленными заведениями и подчинение их общему закону охраны труда в фабрично-заводской промышленности.

24. Желательна разработка закона о том, чтобы между работодателем и рабочими в казенных подрядах было поменьше посредников, дабы через это увеличить плату рабочим.

25. Полная свобода охоты и рыбной ловли для собственной надобности во всех местах.

26. Свободное ношение оружия всеми гражданами без разрешения полиции.

27. Так как все вышеперечисленные требования не могут быть удовлетворены настоящим правительством, мы требуем, чтобы в помощь государю в великом деле переустройства нашего государства было немедленно создано Учредительное собрание на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола, веры и национальности.

Дабы наши требования имели большую силу, мы присоединяемся ко Всероссийскому Крестьянскому союзу.

¹ Слово не разобрано.

28. Требуем немедленной отмены во всех губерниях и городах военного положения и усиленной охраны, где таковые введены.

[Подписи. Печать.]

ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1 (2-й созыв), 1907 г., д. 785, л. 99—102 об. Подлинник.
На документе помета карандашом: Кроме аграрных требований, изложена целая программа.

№ 3. *Рапорт пристава 3-го стана Медвеженского у. Ставропольской губернии уездному исправнику с текстом приговора крестьян с. Средне-Егорлыкское*

29 июня 1906 г.

20 сего июня крестьяне селения Средне-Егорлыкского числом 544 человека по инициативе местных крестьян Александра Спевакова, Федора Сатченко и учителя Алексея Бокарова после обсуждения некоторых общественных вопросов постановили приговор с занесением в подлежащую книгу, подписанный старшиною Дороховым и писарем Бочаревым, копию коего отослали члену Государственной Думы от Ставропольской губ. Борисову о нижеследующем:

1) Следовало бы ввести бесплатное обучение во всех учебных заведениях для всех сословий.

2) Наделить всех безземельных и малоземельных крестьян землею.

3) Все церковные причты должны служить на жалованье и получать землю наравне с крестьянами, а имеющуюся у них землю отобрать.

4) Все донские коннозаводские земли отобрать и передать в сельския общества с обязательством доставлять лошадей в войска по установленной цене.

5) Все сиротския имущества должны продаваться с разрешения сельскаго общества, а не губернскаго присутствія.

6) Ссуда хлебнаго запаса должна выдаваться с разрешения общества, а не начальства, т. к. в этом является непредвиденная надобность.

7) Желательно было бы ввести в широком виде казенныя склады для семян, земледельческих орудий и машин. Постановка сельским обществом хороших быков и жеребцов для улучшения хорошего племени скота.

8) Ввести паспортную систему на лошадей ввиду больших краж.

9) В случае надобности, то готовы пострадать за государя и Государственную Думу.

В общем народонаселение Средняго Егорлыка спокойное.

О вышеизложенном доношу Вашему Высокоблагородию. Подписал Пристав Маслович.

С подлинным верно: секретарь Сорокин

ГАСК, ф. 101, оп. 5, д. 385, л. 55. Копия.

№ 4. *Приговор крестьян поселка Софиевского Ставропольского у. Ставропольской губ.*

29 июня 1906 г.

29 июня 1906 г. мы, крестьяне поселка Софиевскаго, Ставропольской губ. и уезда, на своем сходе единогласно постановили:

1) Принимая во внимание, что истинной выразительницей требований народа в Государственной Думе является парламентская Трудовая группа, выразить ей полное доверие, просить ее не покидать своего поста передовых борцов за всю землю и полную волю народа, не добившись осуществления своих требований, и обещать ей полную поддержку в ее борьбе с народным врагом — бюрократией.

2) Мы требуем, чтобы чиновники нами не верховодили зря, нашей жизни они не знают, наше горе им не понять. Мы хотим, чтобы со всей России собрались выборные от всего народа. Землю помещичью, монастырскую, удельную, казенную распределить между всем народом, дать надел и женщинам, такие же они работницы, как и мы, выкупа за землю не давать, а тем помещикам, которые захотят работать, дать ровный с крестьянами надел, сословие уничтожить, поборы поповские отменить, пусть и попы живут по правде, образование должно быть низшее, среднее и высшее, должно быть для всех бесплатное, постоянное войско заменить милицией, суд и администрация должны быть выбраны от всего народа, полная отмена прямых и косвенных налогов и замена их единым прогрессивным подоходным, доход ниже 1000 рублей от налога свободен. Делегатом для передачи этого приговора Трудовой группе и подробно [го] изложения наших взглядов на современ[ное] положение России избираем Николая [Нико]лаевича Безменова, в том и подписуемся.

[Печать. 50 подписей]

ГАСК, ф. 398, оп. 41, д. 709, л. 44—44 об. Подлинник.

АКАДЕМИК Н. М. ДРУЖИНИН И МУЗЕИ

(К 95-летию со дня рождения)

I

Как известно, творческий путь выдающегося советского историка академика Н. М. Дружинина был связан и с музееведческой деятельностью: 1924—1935 гг. он работал в Музее революции СССР (ныне ЦМР). Вспоминая об этом периоде жизни, Н. М. Дружинин писал: «... в Музее революции коллектив сотрудников во главе с его руководством находился в процессе постоянных поисков, стараясь найти наиболее эффективные приемы подачи материала, установить наиболее глубокую связь экспозиции с современными политическими задачами. Мы одновременно боролись и с рутинной буржуазного музееведения, и с примитивным, ненаучным подходом к подаче музейного материала. Нашей основной целью было заставить отобранные экспонаты говорить языком марксистско-ленинской методологии, не только заинтересовать и увлечь массового зрителя, но и воспитать его пробуждающееся сознание»¹.

Публикуемый документ — яркое свидетельство поисков новой методики экспозиции. Он обсуждался на заседаниях Музейной комиссии Московской секции ГАИМК.

Названная организация функционировала в 1924—1929 гг. с целью решения таких вопросов, как принципы классификации музеев, принципы и методы музейного строительства и музейной работы, история музейного дела и его современное состояние. Членами комиссии являлись видные представители науки и культуры: А. А. Бахрушин, И. Э. Грабарь, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, А. В. Орешников, К. В. Сивков, Б. М. Соколов, Ф. И. Шмит и др. На заседаниях комиссии предполагалось заслушать (что характерно!) музееведческие доклады старых большевиков С. И. Мицкевича, В. И. Невского, А. В. Шестакова.

Среди документальных материалов Музейной комиссии Московской секции ГАИМК, хранящихся в АНИИК Министерства культуры РСФСР, особый интерес представляют рукописные и машинописные протоколы ее заседаний. Протоколы, всегда фиксируя персональный состав присутствующих, часто — изложение доклада и прений по нему (нередко к протоколу прилагались тезисы доклада), многосторонне отобразили весь круг проблем, находившихся в центре внимания комиссии.

¹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М., 1979, с. 35.

К сожалению, в обследованном архиве имеются не все протоколы заседаний комиссии: от 60 заседаний до нас дошли лишь 45 протоколов.

Как явствует из протоколов № 30—32, Н. М. Дружинин присутствовал на заседаниях комиссии, состоявшихся 7 декабря 1927 г.—11 января 1928 г. На них были заслушаны соответственно следующие доклады: Б. С. Жуков — «Принципы экспозиции археологических коллекций»; Н. Ф. Яковлев — «Этнографические музеи Германии и Скандинавии (по впечатлениям заграничной поездки 1926 г.)»; Д. Д. Иванов — «О принципах экспозиции памятников декоративного искусства».

6 февраля 1928 г. на 35-м заседании комиссии Н. М. Дружинин выступил с докладом «Принципы экспозиции историко-революционных материалов»². В прениях приняли участие В. В. Богданов, Н. Р. Левинсон, К. В. Сивков, Н. А. Топорнин и др. Показательно, что письмом уже от 7 февраля 1928 г. Пензенский областной музей просил комиссию «выслать, если возможно», тезисы доклада Н. М. Дружинина «ввиду важности поднятого вопроса...»³.

В конце 20-х — начале 30-х годов Н. М. Дружинин опубликовал ряд статей по методике историко-революционной экспозиции⁴, читал лекционный курс соответствующей тематики⁵. Представляется, что в выявленных и нижепубликуемых тезисах названного доклада ученого его мысли о принципах экспозиции историко-революционных материалов нашли особенно концентрированное выражение.

С. Б. Филимонов

² АНИИК, оп. 6, д. 54, л. 39—40. Протокол заседания.

³ Там же, л. 42.

⁴ Список научных трудов академика Н. М. Дружинина. — В кн.: Дружинин Н. М. Указ. соч., с. 133—138; см. об этом: Закс А. Б. Из истории Государственного музея Революции (1924—1934 гг.). — ТНИИМ, М., 1963, вып. 10(5), с. 31—32 и др. В статье проанализировано содержание тезисов доклада по экземпляру, хранящемуся в архиве Н. М. Дружинина.

⁵ Дружинин Н. М. Указ. соч., с. 35—36.

Тезисы доклада Н. М. Дружинина «Принципы экспозиции историко-революционных материалов» на заседании Музейной комиссии Московской секции ГАИМК

6 февраля 1928 г.

1. Опыт революционного десятилетия выдвинул разнообразные типы историко-революционных музеев и выставок, которые отличаются друг от друга и с точки зрения содержания, и с точки зрения материала. При выяснении принципов историко-революционной экспозиции правильное всего ориентироваться на центральные музеи, которые выявляют общий ход русского революционного движения.

2. Принципы историко-революционной экспозиции определяются тремя основными факторами: 1) задачами историко-революционного музея, 2) специфическими особенностями его материала, 3) реакциями музейного зрителя.

3. Задача историко-революционного музея — в предметной и строго систематизированной форме выявить перед массами закономерный ход революционного процесса, одинаково воздействуя и на логически-познавательную, и на эмоциональную сферу зрителя.

4. Материал историко-революционного музея складывается 1) из подлинных революционных реликвий, т. е. предметов, воплотивших в себе непосредственную связь с революционным явлением или революционным деятелем (вещественные остатки, рукописи, печатные произведения, рисунки и т. д.), 2) из позднейших репродукций и копий (модели, фотографические и типографические перепечатки и пр.), 3) из вспомогательных пособий (художественные произведения, чертежи, объяснительные тексты).

5. Основную массу посетителей историко-революционного музея составляют рабочие и учащиеся. Наблюдая реакцию этой основной массы

зрителей, мы замечаем в ней 1) повышенный интерес к вещественным и подлинным экспонатам, 2) стремление логически овладеть сложным материалом, 3) утомление от обилия предметов и однообразия формы, 4) увлечение драматизмом революционного процесса, 5) возбуждающую роль эстетических эмоций.

6. Центральное место в историко-революционном музее должны занимать подлинные остатки революционного прошлого в форме вещественных реликвий, документальных иллюстраций, рукописей и печатных произведений. Недостаток подлинников должен восполняться позднейшими репродукциями (моделями, фотоотпечатками и пр.). Вспомогательные пособия, особенно тексты, не должны преобладать над подлинным и наглядным материалом.

7. При отборе и расположении историко-революционных экспонатов необходимо выявить 1) хронологическую последовательность событий, давая ощущение текучего процесса, 2) закономерную связь исторических явлений, вскрывая влияние экономического развития, социальных группировок, политических форм, идеологии и стиля эпохи, партийных и фракционных течений. Революционные события должны восприниматься в аспекте борьбы, на фоне обусловившей их общественно-политической обстановки.

8. Самостоятельные тематические комплексы (в частности, бытовые и меморативные) могут включаться в хронологическую систему экспозиции, поскольку они не мешают восприятию единого непрерывного процесса. При этом особенно важные и крупные темы должны даваться как приложение к основному экспозиционному плану.

9. При композиции историко-революционных экспонатов необходимо 1) соблюдать строгую экономию образов, жертвуя деталями и избегая повторов, 2) вносить разнообразие, подбирая разнородные типы экспонатов и максимально используя их формальные особенности, 3) широко применять методы сопоставления и контраста, 4) комбинировать размеры, формы и расположение экспонатов в соответствии с внутренним логическим планом.

10. Систематическая комбинация экспонатов возможна в трех формах: 1) монтажного плаката, 2) плоскостного щита, 3) комплекса разнородных предметов, подобранных на определенную тему. Последняя форма экспозиции наиболее соответствует задаче историко-революционного музея и запросам его посетителей.

11. Экспозиция историко-революционного материала должна предваряться критическим изучением каждого отдельного экспоната; копии должны точно соответствовать подлинникам; вспомогательные пособия должны быть составлены на основании первоисточников и проверенных данных.

12. Историко-революционный материал должен иметь удачное художественное оформление: декорирование залов, расстановка и развеска экспонатов, применение различных фонов, сочетание линейных и цветовых форм должны соответствовать содержанию каждого комплекса и, возбуждая художественные эмоции, облегчать восприятие освещаемых явлений.

АНИИК, оп. 6, д. 54, л. 30—32 об. Автограф.

II

С воспоминаниями о годах работы в Музее революции СССР Н. М. Дружинин выступил 19 октября 1964 г. на научной сессии музея, посвященной сорокалетию его основания.

В дневнике Н. М. Дружинина 19 октября 1964 г. записано: «К двум часам поехал в Музей революции СССР... Участвовал в юбилейном заседании (40 лет), слушал доклад А. И. Толстихиной, приветствия, воспоминания, награждения. Выступил с воспоминаниями о С. И. Мицкевиче и о начале деятельности музея. Говорил с Е. С. Мицкевич (дочерью С. И.), [В. П.] Глаголевым, [З. А.] Прокофьевой, Лебедевой и другими старыми

товарищами...»¹. С большой теплотой вспоминает Н. М. Дружинин первого директора музея С. И. Мицкевича (1869—1944), одного из старейших деятелей Коммунистической партии. В предлагаемой публикации, как и в статьях² о С. И. Мицкевиче, Н. М. Дружинин высоко оценивает его научно-организаторскую деятельность по созданию музея.

Настоящая публикация представляет собой фрагмент стенограммы сессии музея, правленный Н. М. Дружининым, а затем перепечатанный на машинке без подписи. О работе автора над текстом можно судить по незначительным разночтениям между публикуемым текстом и неправленным экземпляром стенограммы, хранящимся в музее (ЦМР, Научн. арх., д. 794).

М. Я. Ржезникова

¹ ААН, ф. 1604 (Дружинина Н. М.), № 1179 (врем.).

² Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979, прилож. 2, с. 142, 157.

Выступление Н. М. Дружинина о С. И. Мицкевиче как организаторе и руководителе Музея революции СССР

19 октября 1964 г

Дорогие товарищи! Мне довелось работать в Музее революции в течение десяти лет, с 1924 по 1935 г., сначала в скромной роли экскурсовода Губполитпросвета, затем ученого секретаря музея и, наконец, заведующего одним из отделов и кафедрой музейных дисциплин аспирантуры.

Воспоминания об этих годах формирования и начальной деятельности музея неразрывно связаны со светлым образом одного из основателей музея — его первого директора Сергея Ивановича Мицкевича, одного из пионеров революционного социал-демократического движения в нашей стране, человека, который был близок к семье Ульяновых и который сочетал в одном лице: с одной стороны, врача-общественника, оставившего прекрасные воспоминания о своей врачебной деятельности в далекой Колыме, где он остался добровольно после ссылки на новое пятилетие для того, чтобы помочь беззащитному и заброшенному в царское время населению далекого Северного края, и, с другой стороны, человека, глубоко интересовавшегося историей, прекрасно ее знавшего. В Московском университете 20-х годов Сергей Иванович Мицкевич по праву занимал место профессора и читал первый курс истории революционного движения в нашей стране.

Сергею Ивановичу Мицкевичу совершенно чужда была та черта, которую мы осуждали и осуждаем, — культ собственной личности.

Простой и скромный, он никогда не выставлял себя на первый план и понимал огромное значение коллектива. Именно этот коллектив он стремился создать и вооружить большевистским огнем революционного сознания, который горел неугасимо в его собственном сердце. В то же время он умело руководил этим коллективом и приобрел огромный авторитет в глазах своих сотрудников, как научных, так и технических.

Чрезвычайно целеустремленной была деятельность этого первого директора в течение тех лет, когда он находился у кормила руководства музеем. Нужно было создать основные условия существования и деятельности музея, прежде всего собрать историко-революционные материалы. Здесь уже один товарищ¹ говорил, что когда Сергей Иванович впервые пришел в этот дом, то увидел пустые стены. Кто же помог ему наполнить эти стены содержанием? Конечно, коллектив чрезвычайно помогал Сергею Ивановичу, но он никому и никогда не передоверял репающих функций осмотра и приема материала. Сидя всегда от десяти утра и до пяти часов вечера в своем кабинете, он принимал всех желающих эти материалы принести и отдать музею. Он сам обращался непосредственно к товарищам по партии, по революционной борьбе, он стремился создать дополнительные источники этих материалов. С самого начала он говорил о том, что одних вещественных реликвий, которые являются наиболее

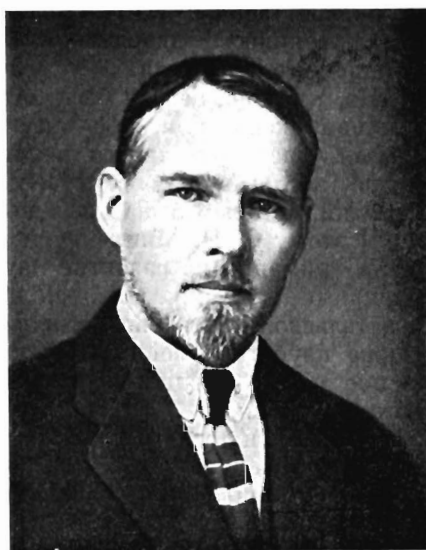

ценными и воздействующими экспонатами музея, все же недостаточно, так же как недостаточно подлинных документов и печатных изданий. Он стремился собрать вокруг музея активных деятелей революционной борьбы, выслушать их устные воспоминания с тем, чтобы, критически проверив сообщаемые факты, сотрудники музея могли воссоздать те страницы революционного прошлого, которые не были отражены ни в печати, ни в рукописной литературе. Достаточно сказать, что история боевых военно-технических бюро большевиков 1906 г. была исследована, воссоздана и в конце концов нашла отражение в научной диссертации Ольги Александровны Ивановой² в результате систематических, продуманных вопросов анкеты и обмена устными воспоминаниями. То же самое было с изучением вооруженного восстания 1905 г. в Москве, когда здесь, в стенах музея, собирались борцы краснопресненских баррикад во главе с Литвиным-Седым³, когда здесь выслушивались, проверялись, сопоставлялись в присутствии всего коллектива собравшихся воспоминания и, таким образом, закладывались основы научного исследования одного из важнейших событий — «главной репетиции Октября».

Сергей Иванович обратил также самое большое внимание на художественное оформление, на воссоздание в художественной форме событий революционной борьбы. Здесь уже раздавался голос о том, как мало значения может иметь музей, если он не потрясает сердца, не увлекает, не ведет вперед художественно оформленными, вдохновляющими образами. Сергей Иванович не только устраивал художественные выставки; он привлекал художников, он собирал их здесь, и здесь давались им темы и необходимые консультации. Художники писали на основе научно-исторических указаний, иногда совершенно не отраженных в литературе, дававших им возможность создавать картины революционного прошлого.

Огромное значение в глазах С. И. Мицкевича имело наличие дружного, сплоченного и увлеченно работающего коллектива. Я должен сказать, что в то время сотрудники музея (конечно и сейчас такие есть, я ближе стоял к тому времени) действительно были заряжены этой увлеченностью, этим страстным стремлением связаться с массами и показать им то, что действительно важно для политического, революционного воспитания не только подрастающего поколения, но и массы рабочих, крестьян, красноармейцев, людей, которые экскурсиями и в одиночку приходили в музей и рассматривали экспонаты, даже тех деятелей, враждебных и чуждых нам, которые интересовались Музеем революции, приезжая из-за рубежа, например из Франции.

Конечно, построение экспозиции в это время было основной и главной задачей Музея революции. Именно для этого и был создан музей. В самом начале революция 1905–1907 гг. и Октябрьская революция занимали центральное место в музее, но Сергей Иванович, так же как и сотрудники музея, стоял в это время на широкой точке зрения. Другие музеи не отражали тогда истоков революционной борьбы. Анастасия Иппокентьевна⁴ правильно подчеркивала, что, для того чтобы понять Октябрьскую революцию, понять развитие и деятельность партии, необходимо было проследить народные истоки этого движения, показать кре-

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ДРУЖИНИН
(1930-е годы)

стьянские войны XVII—XVIII вв., показать периодизацию, данную В. И. Лениным, — дворянский, и разночинский, и массовый период революционного движения.

Но, конечно, нельзя было ограничиться только одной работой над созданием экспозиции, ибо она требовала, как Ф. Н. Петров правильно указал, предварительного научного исследования не только того материала, который получил музей и который вывешивался на стенах, но и событий, которым была посвящена эта экспозиция.

Поэтому С. И. Мицкевич и коллектив, который с ним работал, обращали внимание на развитие научных методов изучения истории революционного движения, делились друг с другом итогами своей научно-исследовательской деятельности, для этой цели созывали собрания. Старались также изучать музейный опыт и на основе этого опыта строить совершенно новую дисциплину — методiku экспозиции историко-революционного движения.

Конечно, и тогда партийная и революционная общественность широко привлекалась к музею. С самого начала в этих стенах был создан коллектив — «Общество друзей Музея революции»⁵, устраивались собрания, на которых старые ветераны революции — и народники, и революционные социал-демократы — большевики читали свои доклады. Иногда загорались прения, выслушивались критические замечания (вспоминаю доклад Стеклова⁶, который неправильно утверждал, что Чернышевский предвосхитил некоторые идеи Октябрьской революции, — это не вызвало тогда поддержки и сочувствия). Наличие таких дискуссий, споров, обмена мнениями чрезвычайно помогало созданию научной атмосферы, в которой экспозиционная работа приобрела не только больший размах, но также большую обоснованность.

Нужно сказать, что ни одно учреждение не может рассчитывать на успех, если оно не двигается вперед. И с самого начала Музей революции, который был детищем Октября, все время искал новые методы экспозиции, старался дополнить новыми материалами уже имеющиеся экспонаты. Уже тогда было ясно, что необходимо построить экспозицию не так, как строили ее старые буржуазные музеи в двадцатых, а некоторые даже в тридцатых годах, наш крупнейший Исторический музей⁷ в том числе, который имел огромный замечательный экспозиционный материал, но все-таки оставался во власти рутины. Конечно, экспозиция Исторического музея не была такой отсталой и обветшалой, как, например, экспозиция римского музея Ватикана, но тем не менее надо было сделать большой шаг вперед для того, чтобы точка зрения Музея революции на экспозицию продвинулась вперед и завоевала себе место во всех музеях Москвы, Ленинграда, а затем и периферии. Не только последовательно, хронологически надо было изложить революционные события, но главное — надо было дать понять нашему зрителю, в чем смысл этих событий, в чем взаимосвязь явлений, в чем закономерность того исторического процесса, который придает Октябрьской революции крупное историческое значение. Именно по этому пути (хорошо ли, плохо ли, иногда с ошибками и недостатками) надо было идти коллективу Музея революции с самого начала, так же как он это делает и сейчас. И если не удавалось показать всего при помощи подлинных материалов эпохи современной событиям, то необходимо было восполнить лакуны макетами, картинками, фотографиями, особенно большое значение придать художественному оформлению и этикетажу — разъяснению, ибо музей работал для масс, старался говорить с массами простым, вразумительным языком; нужно было лаконично и в то же время правильно, с марксистской точки зрения, показать это в музее на его стенах.

Постепенно росло количество материалов музея. Я вспоминаю, с каким увлечением работали товарищи над разделом социалистического строительства, как создавалась выставка на эту тему, а затем и постоянный экспозиционный отдел, и постепенно, по мере развития наших экономических и культурных достижений, по мере того, как дополнялась экспо-

зияция все новыми и новыми материалами — восстановительного периода, первой пятилетки, второй пятилетки, создавались все новые экспозиционные залы, и эти залы действительно увлекали зрителей стремлением двигаться дальше успехи социалистического развития, идти вперед и вперед.

Влияние Музея революции на другие музеи было очень велико, и об этом совершенно правильно говорится в исторической статье о Музее революции Анны Борисовны Закс⁸, изданной Институтом музееведения и краеведения. Была проведена работа, которая заставила и других постепенно перейти к новой экспозиции, которая звала к пониманию и раскрытию смысла и сущности явлений.

Конечно, это были не единственные функции музея. Параллельно большое влияние имело также описание памятников революционного движения, которые сохранились в Москве. Здесь мы работали рука об руку с Главнаукой. На места, в различные города — Харьков, Иваново, Горький и другие — посылались сотрудники музея для того, чтобы делать доклады и разъяснять принципы экспозиции Музея революции.

И передача накопленного опыта молодежи постепенно становилась все более и более настоящей. По инициативе тоже ревностного работника музея Андрея Васильевича Шестакова⁹, старого коммуниста, тогда члена-корреспондента Академии наук, была создана аспирантура, и через эту аспирантуру прошел целый ряд товарищей, из которых некоторые приобрели большое имя в исторической науке. Я пазову хотя бы Нину Александровну Сидорову¹⁰, труд которой о французском городе приобрел высокую оценку во Франции, Евгения Алексеевича Луцкого¹¹, который сейчас в Москве читает с большим успехом курс по истории советского общества. Недавно я был в Кишиневе и там на торжественном собрании Академии наук по случаю сорокалетия Молдавской республики я увидел старого товарища Смирнова¹², который работал в Музее революции электромонтером, а затем прошел аспирантуру и сейчас является крупным археологом, директором Археологического музея Молдавии. В этом маленьком факте отражается, как в капле воды, значение Музея революции и вообще нашей советской культуры, одним из главных детищ которой являются музеи революции в Ленинграде, Москве и других городах.

Конечно, пропаганда политических, революционных идей была основным руководящим стимулом нашей работы, так же как она и сейчас является этим стимулом. Я вспоминаю, какие разнообразные экскурсионные группы можно было видеть в этих залах, с каким интересом слушали объяснения экскурсоводов те, кто приходил сюда, — рабочие, и крестьяне, и красноармейцы, и учащиеся, и одиночные посетители, причем каждый научный сотрудник был обязан свой дежурный день проводить в залах музея, давая объяснения и связывая себя с массами. Это продолжается и сейчас, как прекрасная традиция.

Конечно, во всей работе были свои недостатки и ошибки. Конечно, события шли так быстро, достижения были так велики, что работа Музея революции сплошь и рядом отставала от этого движения жизни.

Иногда увлечение внешней формой перевешивало, делались те или иные ошибки в экспозиции. Но я думаю, что, несмотря на все эти неизбежные теневые стороны нашей прошлой деятельности двадцатых — тридцатых годов, мы оставили известное наследие. Большие достижения, о которых говорила в своем докладе Анастасия Иннокентьевна, в некоторой степени обязаны тому почину и подъему, тем усилиям, которые имели место вначале, в течение первых десятилетий истории музея. Я думаю, что Музей революции СССР вписал почетные и важные страницы в историю советской культуры. И еще настанет время, когда будет написана более подробная история Музея революции, — она поможет не только учесть пережитый опыт, но и понять гораздо лучше первые десятилетия Советской власти.

ААН, ф. 1604, № 482 (врем.). Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Об этом вспоминал старейший член партии Герой Социалистического Труда Федор Николаевич Петров (1876—1973).
- ² Иванова Ольга Александровна (1884—1963), участница революции 1905—1907 гг. В 1924—1936 гг. работала в Музее революции СССР старшим научным сотрудником, создала отдел «Тюрьма, каторга и ссылка в царской России» и руководила им. В 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Очерки по истории боевых организаций большевиков в первой русской революции (1905—1907 гг.)» (Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. М., 1972, с. 99).
- ³ Литвин-Седой (Литвин) Зиновий Яковлевич (1876—1947), член Коммунистической партии с 1897 г., активный участник революции 1905—1907 гг., начальник штаба боевых дружин на Пресне.
- ⁴ Толстихина Анастасия Иннокентьевна, директор Музея революции СССР с 1946 по 1973 г.
- ⁵ Всесоюзное общество друзей музеев революции (ВОДМР) возникло в конце 20-х годов. Первый устав был утвержден в 1927 г. Активная деятельность общества развернулась с начала 30-х годов. Члены общества собирали документы, связанные с революционным движением, выезжали на фабрики и заводы с докладами, участвовали в подготовке передвижных выставок и т. д. Общество сыграло большую роль в популяризации Музея революции, пополнении его фондов. Ячейки и группы ВОДМР были организованы в Москве, Ленинграде, Смоленске и других городах (*Закс А. Б.* Из истории Государственного музея Революции СССР (1924—1934 гг.) Очерки истории музейного дела в СССР, с. 69—70.—ТНИИМ. М., 1963, вып. 10(5)).
- ⁶ Стеклов (Ю. Невзоров) Юрий Михайлович, наст. фамилия Нахамкис (1873—1941), участник революционного движения в России с 1888 г., член Коммунистической партии с 1893 г.
- ⁷ Исторический музей с 1917 до конца 20-х годов переживал сложный период осмысления новой задачи, поставленной временем,—показа истории широких народных масс. Прежде всего было необходимо определить профиль музея, так как коллекции музея пополнились огромным количеством национализированных предметов материальной культуры. В результате этого музей превратился в очень сложный по составу коллекций комплекс. Кроме того, требовалось выработать новые программы, методики и формы экспонирования. К 1929 г. эта большая подготовительная работа была закончена и началась коренная перестройка работы музея на основах марксистско-ленинской методологии. (*Закс А. Б.* Из истории Государственного исторического музея (1917—1941).—ТНИИМ, М., 1960, вып. 2, с. 300—359).
- ⁸ См.: *Закс А. Б.* Из истории Государственного музея революции СССР (1924—1934 гг.).
- ⁹ Шестаков Андрей Васильевич (1877—1941), историк, член-корреспондент АН СССР (с 1939 г.), член КПСС с 1903 г., активный участник революции 1905—1907 гг. В Музее революции работал с 1930 по 1935 г. заместителем директора по научной части.
- ¹⁰ Сидорова Нина Александровна (1910—1961) — советский историк-медиевист. В 1929—1931 гг. училась в аспирантуре при Музее революции, д-р ист. наук, проф. МГУ. С 1952 г.— зав. сектором средних веков Института истории АН СССР, автор монографии «Очерки по истории ранней городской культуры во Франции» (М., 1953).
- ¹¹ Луцкий Евгений Алексеевич (1907 г. р.), окончил аспирантуру при Музее революции, д-р ист. наук, проф. МГИАИ, заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин.
- ¹² По-видимому, имеется в виду Смирнов Георгий Дмитриевич, д-р ист. наук, зав. сектором археологии Института истории АН Молдавской ССР.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В 1981 г.

13 января было заслушано сообщение М. А. Усманова (КГУ) «Археографические экспедиции Казанского государственного университета. (О предварительных итогах и перспективах)».

М. А. Усманов сообщил, что археографические экспедиции КГУ с 1963 г. обследовали свыше 700 населенных пунктов в Татарии, Удмуртии, Башкирии (частично), в Астраханской, Волгоградской, Горьковской, Кировской, Костромской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Пермской, Рязанской, Свердловской и Тюменской областях. Собрано более 3520 рукописей, 1350 старопечатных изданий, 8 личных архивов. Хронологический диапазон найденных материалов — XIV—XX вв. Имеются списки памятников начиная с XI в. Они написаны на арабском, персидско-таджикском, тюркском языках (включая татарский, узбекский; азербайджанский, туркменский, турецкий) и были созданы на месте или привезены.

Содержание находок весьма разнообразно: сочинения по философии, филологии, истории, исламской юриспруденции, математике, астрономии, медицине, памятники художественной литературы и фольклора, а также акты и источники и бытовые записи. Среди авторов представители ираноязычной литературы: Аттар, Саади, Хафиз; тюркоязычные поэты и писатели: Ахмад Яссави, Кули-Али, Рабгузи, Махмуд Булгари-Сараи, Хуссам Катиб, Навои, Мухаммадьяр, Физули, Ахмади, Мехмед Челеби, Хувейда, Машраб Аллахъяр, Махтумкули и др. Значителен и корпус произведений устного народного творчества начиная с XVII в., что создает прочную базу для исследования фольклористов. Археографами КГУ уделяется внимание розыску документов, бытовых записей нового периода, содержащих ценные сведения о жизни татарского и других народов. Полное обследование населенных пунктов Татарии, Пермской, Свердловской и Тюменской областей дает возможность комплексного сбора материалов, характеризующих книжный репертуар этих регионов в целом. Одновременно перед археографами встают сложные вопросы. Ежегодно привозится 120—150 рукописей, но это только остатки от существовавших 2—3 тысяч. Уходят из жизни люди, активно пользовавшиеся этой литературой, знавшие язык, на котором написаны памят-

ники. Новое поколение, видя в этих рукописях только религиозное содержание, считает их ненужными. Это создает условия, с одной стороны, для гибели их, с другой — для перехода в руки спекулянтов. Следовательно, нужно усиление пропагандистской и собирательской работы среди населения. Остро стоит вопрос и о кадрах археографов, которые могли бы осуществить последовательное и планомерное обследование регионов, выявить перспективные районы для повторных обследований. Вызывает тревогу и разрыв между полевой и камеральной археографией, особенно в отношении арабских и персидских рукописей. Их описание осложняется еще отсутствием справочной литературы, особенно зарубежной. Имеются трудности и с реставрацией памятников. В Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского КГУ собранные рукописи описываются, каталогизируются. Сейчас уже издано 15 выпусков тематических описаний, но они, конечно, не могут осветить все вновь поступающие материалы. К печати подготовлены: публикация тюрко-татарского эпоса по найденному в экспедиции списку XIX в. на основе протографа XVI—XVII вв.; археографическое описание и литературоведческое исследование трех поэм татарского поэта XIX в. Габдулджаббара Кандалий; материалы для фольклорного сборника, содержащего около 300 неизвестных или малоизвестных ранее лирических и эпических песен и других поэтических произведений малого жанра. Подготовлено описание рукописей татарских писателей и ученых объемом 10 печ. листов.

В заключение докладчик рассказал о том, как археографы КГУ собираются осуществить свою ближайшую цель — обследование Зауралья и Сибири. Здесь необходимо прежде всего подготовить кадры молодых специалистов, интенсифицировать полевую работу, т. е. работать по три-четыре месяца в году несколькими крупными отрядами или многоотрядовыми самостоятельными экспедициями по три-четыре человека. В этой связи следовало бы организовать постоянные экспедиции Казанского филиала АН СССР и Государственного музея Татарской АССР. В обсуждении доклада приняли участие И. В. Поздеева (МГУ) и сотрудники Археографической комиссии Н. Б. Шеламанова, В. А. Черных, И. Е. Тамм, А. А. Курносков.

И. В. Поздеева (МГУ) обратила внимание на то, что, как показал доклад, единая методика в полевой археографии сохраняется независимо от языковой принадлежности памятников письменности. Археографами КГУ собран громадный по объему материал. В то же время остается много проблем различного плана. Одна из них — необходимость быстрее, но планомерной полевой работы, так как речь идет об уже умершей письменности. Традиции. Важно, что археографы КГУ руководствуются принципами комплексного собирания. Это позволило вскрыть значительный пласт народной, демократической литературы. Подводя итоги заседанию, *С. О. Шмидт* высоко оценил прослушанный доклад и в целом работу, проводимую археографами КГУ под руководством *М. А. Усманова*, высказал пожелание об усилении роли КГУ в деле координации описания рукописей в местных музеях и других хранилищах, в собирании памятников новейшего времени, в частности Великой Отечественной войны, призвал шире использовать выступления в печати, по радио и т. п. для пропаганды своей деятельности, разъяснения значения памятников письменности прошлого.

22 апреля на совместном заседании Археографической комиссии, кафедры источниковедения истории СССР и отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ было отмечено 15-летие деятельности археографических экспедиций МГУ¹.

16 мая на заседании Археографической комиссии обсуждался доклад *В. Д. Шмиткова* «Собирание фронтовых писем Центральным архивом ВЛКСМ».

Открывая заседание, *С. О. Шмидт* с удовлетворением отметил повышенный интерес в стране к собиранию документальных памятников новейшего времени и среди них писем времени Великой Отечественной войны, сыгравшей столь важную роль во всемирно-историческом процессе и оставившей глубочайший след в памяти народной. С изданием Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (М., 1976) больше внимания обращается на разработку научных принципов и методов сохранности, учета и использования исторических источников. Эти проблемы стали особенно актуальны в условиях массового движения молодежи и комсомольцев — Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. В ходе туристско-краеведческой экспедиции «Моя Родина — СССР» в школьных и других общественных музеях сосредоточилось много интересных и ценных документальных памятников. В то же время далеко не везде тщательно продуманы и хорошо поставлены учет, хранение и использование документов, что нередко приводит к порче и гибели их. Встает ответственная задача — вести это движение в определенные методические и организационные рамки. Археографическая комиссия вме-

сте с другими заинтересованными учреждениями постоянно обсуждает вопросы методики собирания и хранения источников новейшего времени. Они были поставлены на 1-й Всесоюзной конференции по полевой археографии 1976 г., отразились в опубликованных рекомендациях ее. Сотрудники комиссии совместно с Центральной детской экскурсионно-туристской станцией выпустили методические рекомендации учителю — руководителю поисковой и музейной работы, одобренные Министерством просвещения СССР². В переработанном и дополненном издании этой методички, адресованной руководителям общественных музеев, принял активное участие ЦА ВЛКСМ³. Работа комиссии в области разработки методических вопросов полевой и поисковой археографии, учета, описания и использования материалов общественных музеев происходит в тесном контакте с ЦК ВЛКСМ, по письму Археографической комиссии принято Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ. Своим сотрудничеством с различными учреждениями и организациями комиссия стремится выработать совместно такие положения о памятниках письменности, которые были бы единообразны и обязательны для всех категорий собирателей.

В. Д. Шмитков (ЦА ВЛКСМ) в своем докладе рассказал о предыстории появления в архиве большого фонда фронтовых писем. Журнал «Юность» задумал провести читательскую экспедицию «Память», рассчитывая найти письма, которые могли бы быть использованы в деле патристического воспитания молодежи. После того как редколлегия получила письма от 5 тыс. адресатов, встал вопрос о дальнейшей судьбе этих документов, об использовании их не только с пропагандистской точки зрения, но и научной: как их сохранять, как изучать, что они дают как исторические источники и т. п. С теми же проблемами столкнулась газета «Правда», радиостанция «Юность», получившие около 10 тыс. писем от 4 тыс. адресатов, журнал «Огонек», куда было прислано 1,5 тыс. писем. Положением об архивном фонде КПСС и ВЛКСМ не предусмотрено хранение подобного рода документов, поэтому раньше хранилища их не брали. Но, с другой стороны, вопрос о сбережении этих документов имеет не только юридическую, но и историко-гражданскую, воспитательную сторону. Сохранить и защитить их — политический долг молодежи. Об этом было прямо сказано в выступлении первого секретаря ЦК ВЛКСМ *Б. Н. Пастухова* на XXVI съезде КПСС⁴.

Поэтому инициативу в деле хранения фронтовых писем, полученных в ходе

² О сборе и использовании документальных памятников по истории и культуре родного края. М., 1977. Ротапринт.

³ О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры. М., 1980. Ротапринт.

⁴ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1981, т. 1, с. 277.

¹ См. наст. изд. с. 800—804.

экспедиции «Память», взял на себя ЦА ВЛКСМ. Рассматривая поступивший фонд писем, уже сейчас можно сделать ряд интересных выводов. Важна не только содержательная сторона, но и сама история их происхождения. Письма могут переходить из поколения в поколение, иногда сменяя четырех-пятерых владельцев. Приславшие письма обычно понимают их ценность, о чем нередко пишут сами. Широка география мест, из которых были присланы письма. Они пришли из 83 краев и областей. Самые первые отклики поступили из районов, сел, от колхозников, рабочих. Фронтные письма важны и как исторический источник. В них описываются конкретные боевые действия, например события 22 июня 1941 г., фронтной быт, связь фронта с тылом. Отразились и взгляды людей, их оценки событий, изменения в общественном сознании по мере развития событий. Содержание писем столь разнообразно, что они служат службу для будущих исследователей в различных областях истории, культуры, социологии. Не меньшее значение имеют и сопутствующие материалы (дневники, официальные документы и др.), также присланные в редакцию. Операция «Память» продолжалась один год, ей были посвящены шесть выпусков журнала «Юность», передачи по радио, статьи в «Правде» и т. д., но она вызвала меньше откликов, чем ожидалось, соответственно меньше было получено и фронтных писем. Поэтому архив планирует совместно с ЦК ВЛКСМ обратиться во все редакции журналов, газет, радио, в школы и т. д. с просьбой передать имеющиеся у них письма. Комитет ветеранов войны со своей стороны предлагает обратиться с его помощью к ветеранам с просьбой описать свое участие в крупных сражениях. Дополнительные источники по истории Великой Отечественной войны должны возникнуть в результате инициативы штаба Всесоюзного похода. Он издал директиву о подготовке Летописи славы отдельных мест (сел, районов, городов, краев и т. п.). В ходе этой работы будут собираться документы, интересные фактические данные и вновь встанет вопрос о сохранности их, который, по мнению докладчика, нужно будет решать на районном уровне.

В заключение доклада Шмитков выразил благодарность Археографической комиссии за ее деятельность в области разработки методики собирания и хранения массовых источников советского времени, за тесные связи с организациями ВЛКСМ.

А. Д. Шиндлер (журнал «Юность») поделился своими наблюдениями над письмами, с которыми он ознакомился в редакции. Поступившие письма передавались владельцами, людьми преклонного возраста. Для успешного сбора документов важно понять и существующий общественно-психологический феномен: почему людям так важна личная сторона исторических событиях, почему она действует как ни одна другая? По мнению докладчика, сейчас главное — не обсуждать профессиональные вопросы методики сбора и хранения, которые будут важ-

ны в будущем, а само собирание. Сбор фронтных писем нельзя сравнить с поисками источников другого времени, связанных с другими событиями (целина, БАМ и др.), различаются масштабы событий, их значение в жизни всего народа. Необходимо искать разные пути для выявления писем с фронта, но важно, что искать их нужно в первую очередь у рядовых участников войны. Тогда будут поступать не единичные письма из вторых-третьих рук, а комплексы, которые имеют огромное значение. Комплексы могут иметь различный характер: встретилась, например, переписка трех братьев с близкими; переписка фронтовика с семьей, а после ранения — с дивизионом. В письмах отразилась такая информация, которую нельзя найти в официальных документах. На них лежит неповторимый отпечаток своего времени. Восприятие человека нашего времени, в том числе и профессионала-журналиста, нередко бывает искажено ремесленными поделками в кино, литературе и т. п. Интерес к подлинным документам Отечественной войны частично вызван отличием писем от малохудожественной продукции, которая не доносит до читателя или зрителя настоящей правды о событиях прошлого. Искаженность, неполнота представлений о войне сказываются у журналистов, например, в том, что они при издании писем нередко правят документы. Им приходится доказывать, что письма нельзя воспринимать только с одной, узкопрофессиональной позиции. Еще одна важная проблема — необходимость собирания не только писем, но и других личных документов. Несмотря на неоднократные распоряжения, некоторые вели дневники. Встретилось пять таких случаев, причем объем одного из дневников — 200 машинописных страниц. Подавляющее большинство подобного рода документов сейчас остается на руках. Для сбора фронтных писем и других источников имеется много каналов. Нужно их все использовать, например связаться с филателистами. Известны собиратели фронтных писем. У одного из коллекционеров есть даже письма Героя Советского Союза. Наряду с собиранием документов нужно обращать внимание и на их издание в настоящем, неискаженном виде.

Л. Н. Рагопчина (Археографическая комиссия) призвала ЦА ВЛКСМ стать всесоюзным центром по собиранию и хранению писем с фронта, обсудив и уточнив контингент лиц, чьи документы могут храниться там. В работе необходимо использовать богатый опыт ЦПА ИМЛ по собиранию материалов личного происхождения. Необходимо сочетать оба направления в собирании документов: призывать в печати, по радио и собирать на местах, силами школьников и т. п. Не следует ограничиваться работой только с семьями фронтовиков; так, розыск фронтовиков — выпускников МГУ показал, что многие просто не успели завести семью.

И. В. Альтман (ГАВО) высказал мнение о том, что самые яркие выступления в прессе вызывают только единичные

поступления писем. Они не равны повседневной работе с людьми. Это показывает четырехлетний опыт работы по собиранию документов Великой Отечественной войны Владимирским архивом. Он имеет связь со всеми 47 тыс. участников войны, проживающими в области. Здесь большую роль играют налаженные контакты с военкоматами. Всем им была разослана анкета, разработанная архивом, напечатанная тиражом 50 тыс. экземпляров. С другой стороны, архив ведет работу со школьными музеями. Они существуют в 19 из 30 школ города. В работе со школьными музеями архив считает главным не получение как можно большего числа писем, а разъяснение широкому кругу людей значения документов, методов их правильного хранения и использования. В то же время работа с музеями существенно облегчает проблему обработки и хранения документов. В школах заведены инвентарные книги. Архив принимает на хранение только те собрания, которые имеют такие книги. При передаче материалов в книгу, остающейся в школе, ставится специальный штамп. Соблюдается условие о том, что школьники всегда имеют право прийти в архив, что облегчает сдачу материалов. Архив считает очень важной деятельность школьных музеев. Во-первых, они проводят сплошное обследование населения в связи с поисками документов, во-вторых, школьники получают навыки работы с источниками, патриотическое воспитание совмещается с историческим, архивным. Исходя из всего вышесказанного, не следует сводить все к одной форме работы — собиранию писем. Нельзя не высказать опасения, что широкое обращение ЦА ВЛКСМ с призывом присылать письма может помешать уже налаженной работе на местах. Кроме того, не следует забывать о том, что письма — это только часть личных архивов. Владимирский архив это учитывает. В уже упоминавшейся анкете предусмотрен специальный пункт, в котором спрашивается: какие еще документы имеются в личном архиве участника войны.

Б. С. Илизаров (МГИАИ) обратил внимание на то, что положение с собиранием фронтовых документов напоминает ситуации, складывавшиеся в истории архивного дела. Как только историк начинал обращать внимание на определенный вид источника, то тут же начиналось разрушение сложившихся комплексов. Личные фонды по достоинству оценили лет 10—15 назад. И оценив, стали выбирать из них письма. Коллекция писем — это клочки фондов. Речь идет не о переписке, а только об отдельных письмах. В этой связи встает важнейшая проблема — изучение и собирание личных фондов. Мы привычно говорим «личный фонд», хотя правильнее говорить о семейном фонде. В него входят, кроме собственно архива, библиотека, фонозаписи, киноленты и т. п. В соответствующих случаях можно говорить о родовом архиве советского человека. Опыт работы по изучению личных фондов имеется в МГИАИ. Силами студентов и абитуриентов распространялись

анкеты о наличии и составе таких архивов. Они позволяют уже сделать некоторые выводы. Семейные архивы не являются чем-то стабильным, постоянно накапливающимся. Обычно многие владельцы начинают уничтожать архив или какие-нибудь части его в 50—60 лет. После этого возраста они вновь обращаются к собиранию документов. Факты, свидетельствующие о периодическом обращении к прошлому, дают ответ на вопрос, почему люди все время возвращаются к истории. В рамках семьи история имеет большое воспитательное значение.

В. Е. Туманов (ЦМР СССР) остановился на роли общественных музеев в собирании и хранении фронтовых писем. Они объединяют огромную армию людей. Ее необходимо организовать, обучить. Эту важную задачу может взять на себя ЦА ВЛКСМ. Сейчас общественным музеям еще трудно работать с достаточной степенью научности, поэтому всякие нападки на них преждевременны. В деле организации их необходимы совместные меры по линии ЦК ВЛКСМ, Министерства культуры СССР, так как изолированные действия не дадут нужного эффекта. Необходима система мер, которая бы затрагивала все стороны работы общественных музеев. Сейчас положительный результат даст даже применение единой системы учета и описания документов в музеях. Поднятый вопрос о комплексе личных материалов, т. е. о мемориальном комплексе, имеет большое значение. Нужно продумать, как выявлять и сохранять такие комплексы, по наибольшей озабоченности вызывает положение со сбором фронтовых писем. В сегодняшней ситуации наиболее реалистично главное внимание уделять собирательской стороне. Активное научное использование источников наступит в будущем. Тем не менее уже сейчас необходимо позаботиться о создании информационно-справочного аппарата к уже имеющимся коллекциям, так как отсутствие его затруднит использование документов в будущем.

С. А. Морозов (Археографическая комиссия) поставил проблему поисков фронтовых писем в связь с общими проблемами полевой археологии. Отметив, что давняя практика экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности, выдвигает задачу организации экспедиций и для собирания у населения документов Советской эпохи. Это тем более важно, что встает вопрос о комплексах документов, а не одних коллекциях. И здесь большую роль может сыграть комсомол.

В. М. Мамонов (Главархив СССР) говорил о том, что современное состояние розыска документов, методические вопросы собирания и хранения в определенной мере являются следствием развития архивного дела. Раньше архивное дело строилось по уникальным личным фондам, поэтому фронтовые письма или личные архивы родовых участников войны не попадали в поле зрения архивистов. Сравнительно недавно наука и архивное дело обратились к массовым источникам, были проведены плодотворные дискуссии.

Но до сих пор далеко не все вопросы стали ясны. В архивном деле все документы разделяются на три категории: союзного, республиканского и местного значения. Последние две категории наименее теоретически изучены. В этой связи необходимы четкая нормативно-методическая база, разработанные критерии отбора, систематизации, классификации и т. п. Здесь также еще большое поле деятельности. Вопросы собирания, хранения, использования и т. п. массовых источников, как уже стало ясно, можно успешно решить только с помощью массовых организаций, общими усилиями. Здесь важное место может занять ЦК ВЛКСМ и его ЦА. На это нацеливает всех Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Особенно важно в системе общих усилий в этой области местное звено. К работе следует привлекать областные и местные архивы. В этой связи становится особенно важным вопрос о координации деятельности в области собирания, хранения документов. Он уже обсуждался на расширенной коллегии Главархива. Подробнее все эти вопросы целесообразно было бы рассмотреть на Совете по работе с документами личного происхождения.

В. А. Черных (Археографическая комиссия) подчеркнул, что поставленная тема имеет животрепещущее значение в идеологическом, эмоциональном и других аспектах. Это ставит обязанность обсудить все стороны проблемы, прежде всего проанализировав результаты собирания писем, выявив причины поступления все-таки меньшего числа писем, чем предполагалось. В этой связи уже сейчас можно попытаться сделать некоторые выводы. По-видимому, всех владельцев писем можно разделить на три категории, слоя. Первый слой — люди, плохо понимающие ценность документов, поэтому они у них не сохранились. Второй — это те, кто осознает значение писем, но не прислал их. И третий, самый чуткий слой — те, кто откликнулся на призыв редакций. Сейчас неизвестно, сколько документов в последнем и предыдущем слоях. Следует проанализировать результаты и итоги массовой кампании, учесть все положительные и возможные отрицательные аспекты такого подхода. Для будущей работы следует учитывать и опыт других, особенно полезен опыт ГАВО, так как он учитывает комплекс источников.

А. А. Курнос (Археографическая комиссия) отметил специфику источников, о которых идет речь. Письма с фронта — прежде всего источники по социальной психологии одного из острейших периодов нашей истории. Сложилась парадоксальная ситуация — эти источники остаются вне внимания историков, практически не используются в серьезных исторических исследованиях. Необходимо расширить подход к письмам. Сейчас они чаще воспринимаются как реликвии, используются иллюстративно, что затрудняет применение к ним научных методов. Использование фронтовых писем как источников по социальной психологии более перспективно, чем встречающиеся

попытки рассматривать их как источники по истории конкретных исторических событий. Здесь нужно учитывать методы работы социологов. Сейчас в архиве ЦК ВЛКСМ сосредоточена коллекция в 10 тыс. писем. Это коллекция, а не фонд, но интересная, представительная. Имеются письма разного времени, с разных территорий, их авторы были в разных званиях и т. п. Поэтому в организации источников следует отказаться от встречающегося принципа распределения их по воинским соединениям или крупным событиям, например битвам. Наиболее приемлем территориальный или авторский принцип. В отношении хранения писем не следует категорически ставить вопрос: хранить только в центре или на местах. Это практически не имеет принципиального значения, если будут справочники. Что же касается школьной работы, то здесь правильное было бы сделать упор не на непосредственное собирание, а на разведку, учет.

В заключение обсуждения *В. Д. Шмиглов* (ЦА ВЛКСМ) выдвинул предложение объявить об общем движении по собиранию исторических документов под руководством Главархива СССР, Археографической комиссии и других заинтересованных учреждений, привлечь к этому массовые средства пропаганды. Такой подход, по его мнению, помог бы и делу воспитания уважения к ним.

Подводя итоги заседания, *С. О. Шмидт* особо выделил заинтересованность, оживленность в обсуждении доклада. Дело, сделанное журналом «Юность» и ЦК ВЛКСМ, уже стало историко-культурным явлением, которое отметят историки будущего. Но было бы хорошо, если бы «Юность» не закрывала эту тему и, в частности, посвятила бы ей свое заседание «круглого стола», проведя его на телевидении. Это принесло бы дополнительную воспитательную и практическую пользу, привлекло внимание более широкой аудитории. В целом в области собирания, хранения, учета и использования источников личного происхождения одна из главных и ближайших задач всех заинтересованных организаций и учреждений — выработать и провести в жизнь инструкцию по собиранию документов советской эпохи.

2 июня состоялись традиционные Тихомировские чтения, посвященные 25-летию юбилею Археографической комиссии АН СССР⁵.

8 сентября на заседании Археографической комиссии старший научный сотрудник комиссии *О. А. Князевская* сделала сообщение о результатах своего изучения фрагментов древнерусской пергаменной рукописи евангелия апракос. Работая в рукописных собраниях, докладчик обратила внимание на близость хранящихся отрывков в Одесском археологическом музее (34 л.), в библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии (14 л.) и БАН (1 л.). В литературе эти отрывки имели разные

⁵ См. наст. изд.

датировки. Проведенное палеографическое, кодикологическое и филологическое изучение позволило установить, что это части одной и той же рукописи. Сохранившиеся 49 листов примерно составляют одну треть полной рукописи. Существующие фрагменты должны располагаться в следующем порядке: сначала ленинградский листок, затем софийская и одесская части. Рукопись сравнительно недавно стала существовать в разрозненном виде. Об этом свидетельствует почти одинаковый размер листов.

Изучение почерка, орфографии, орнамента рукописи показывает, что она была переписана в Юго-Западной Руси одним писцом не ранее конца XII в. В рукописи имеется правка текста по болгарской орфографии, что говорит о ее бытовании в Болгарии в XV—XVI вв. В XIX в. она принадлежала П. Оджакову — другу известного деятеля болгарского освободительного движения Г. С. Раковского. От Оджакова 14 листов поступили в народную библиотеку им. Кирилла и Мефодия. Сам Оджаков в те годы учился в Новороссийском университете.

В ответах на вопросы О. А. Князевская остановилась на кодикологических особенностях рукописи, истории ее бытования, методике своей работы, подчеркивая, что первоначальный толчок к мысли о возможном сходстве рукописей дала работа по описанию рукописей для Каталога славяно-русских рукописей. Нет сомнения, что после его выхода в свет число новых атрибуций и отождествлений увеличится.

В обсуждении сообщения приняли участие сотрудники комиссии: Ю. В. Андрушайтите, С. А. Морозов, В. А. Черных, Н. Б. Шеламанова. В заключение С. О. Шмидт отметил роль интуиции в научном исследовании, т. е. большого опыта, который дает ощущение свободы в работе. Он подчеркнул привлекательность методики исследования, в котором была изучена система параметров: почерк, орнамент, орфография и др. Само сообщение наталкивает на мысль о необходимости продолжения исследования судьбы рукописи в позднейший период. Уточнение деталей и подробностей ее пребывания в руках владельцев в XIX в. позволит установить, в каком виде она в то время существовала, была ли полной и т. п. Этому может помочь и обращение к истории коллекционирования конца XIX в., изучение потенциальных покупателей подобного рода рукописей.

17 декабря состоялось пленарное заседание Археографической комиссии с докладом член-кор. АН СССР В. Л. Янина «30-летие изучения древнерусских берестяных грамот».

Открывая заседание, С. О. Шмидт напомнил о сложившейся традиции посвящать годичное пленарное заседание комиссии крупным явлениям в области археологии, специальных исторических дисциплин и смежных с ними проблем, публикуя затем доклады в «Археографическом ежегоднике». Открытие в 1951 г. берестяных грамот Новгородской археологической экспедицией под руководст-

вом А. В. Арциховского стало выдающимся событием XX в. и в области исторической науки и мировой культуры. У истоков изучения и издания грамот стоял основатель Археографической комиссии М. Н. Тихомиров. Исследование, публикация грамот особенно наглядно выявляют связи между археографией и археологией.

В своем докладе В. Л. Янин подвел итоги 30-летней работы по изучению берестяных грамот, познакомил с количественными характеристиками всех источников. Рассказав о результатах применения комплексных методов изучения берестяных грамот и связанных с ними археологических и других источников, он поставил вопрос о неправомерности выделения берестологии как самостоятельной научной дисциплины. Подробно остановившись на особенностях подготовленных к печати очередных выпусков публикаций грамот, составленном указателе всех слов и речений в напечатанных источниках, справочном аппарате, В. Л. Янин привел примеры новых прочтений уже известных в науке грамот. В ответах на вопросы он более обстоятельно рассказал о недавно найденной грамоте, содержащей древнерусскую азбуку. Отсутствие в этой и в ранее опубликованных азбуках ряда букв позволяет предположить наличие в XI в. на Руси разных азбук и подкрепить мнение П. И. Шафарика об изобретении Кириллом глаголицы и самостоятельном складывании кириллицы на основе греческого алфавита.

Выступившая в обсуждении Л. П. Жучковская (ИРЯ) подчеркнула огромное значение открытия 30 лет назад нового вида письма. В докладе убедительно показано, что главное направление в изучении и изучении берестяных грамот должно обеспечиваться археологией. В этой связи она поддержала возражения В. Л. Янина против попыток представить берестологию как отдельную дисциплину. Значительный интерес в докладе, по ее словам, представляют цифровые данные и общесторические соображения. В. П. Яйленко (ИВИ) предложил для улучшения качества и достоверности воспроизведения, передачи текста грамот применить отечественный и зарубежный опыт исследования и публикации древнегреческих эпиграфических источников, в частности использовать диакритику. По его мнению, желательно было бы учесть и результаты изучения древнегреческих азбук. В них часто встречаются ошибки в последовательности букв, пропуски, отражаются локальные, местные особенности языка. О. А. Князевская (Археографическая комиссия) сказала, что несомненный интерес вызывают количественные характеристики грамот и хронологическое распределение источников. Теперь, когда выявлено около 600 грамот, стало ясным, что вопреки существовавшим у филологов убеждениям они представляют серьезный материал для истории языка. Береста — особый вид писчего материала, существовавший одновременно с пергаменом. Тексты на них изучаются палео-

графией, но в то же время берестяные грамоты нельзя отрывать от того комплекса источников, в котором они бытуют. *О. М. Медушевская* (МГИАИ) выделила в докладе вопросы комплексного источниковедения. Благодаря такому подходу выявляется соотношение между возникновением источника и человеческой деятельностью. Наглядно показано, сколько теряет источник, вырванный из системы. *Л. М. Костюжина* (ГИМ) также поддержала комплексный метод изучения источников, считая его особенно близким музеоведам. За эти принципы совместной работы разных специалистов выступал *М. Н. Тихомиров*. Берестяные грамоты — разновидность письменных источников. Несмотря на имеющиеся особенности, они имеют много общего не с эпиграфикой, а с пергаменными рукописями. Совпадают основные черты исторической эволюции, рубежи смены их другими материалами.

Закрывая это научное заседание,

С. О. Шмидт обратил внимание на особенность работ *В. Л. Янина*, как бы испытывших влияние стиля изучаемых им новгородцев. Для них характерны краткость изложения и емкость. В докладе и в выступлениях о берестяных грамотах говорили с точки зрения археологии, археографии, источниковедения, филологии, палеографии, эпиграфики и др. Это еще раз подтверждает правильность вынесения доклада на пленарное заседание. В нем особенно наглядно раскрыто положение о том, что такой источник, как переписка, составившая значительную часть берестяных грамот, возникает в процессе усложнения экономических связей в Новгороде, расширения землевладения и т. п. Весомы результаты 30-летней работы — около 600 грамот, но еще более впечатляюща программа будущей деятельности, выявление прогнозируемых 23,5 тыс. берестяных грамот.

В. Ю. Афиани

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции / Под ред. *М. В. Кукушкиной* и *С. О. Шмидта*. Л., 1981. 264 с. (БАН СССР; Археографическая комиссия АН СССР).

О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и куль-

туры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев, экспедиции «Летопись Великой Отечественной») / Сост.: *В. Д. Шмитков*, *А. А. Курносов*, *В. Е. Туманов*; Под ред. *С. О. Шмидта* [2-е изд., доп.]. М., 1981. Ротапринт. (Центральный архив ВЛКСМ; Археографическая комиссия АН СССР).

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ¹

Ленинградское

Вышел в свет т. 12 ежегодника «Способовательные исторические дисциплины» (отв. ред. д-р. ист. наук *Н. Е. Носов*. Л., 1981). В нем опубликованы статьи и материалы о юридических памятниках, летописях и других видах источников по сфрагистике, нумизматике, метрологии, картографии, генеалогии и другим способовательным историческим дисциплинам.

4 июня на расширенном заседании отделения заслушан доклад сотрудника Ленинградского Музея Великой Октябрьской социалистической революции *О. А. Чеховской* «Книги из библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы». После Октябрьской революции книги из тюремной библиотеки хранились некоторое время на Шлиссельбургском пороховом заводе, затем были переданы в городскую библиотеку Шлиссельбурга (ныне г. Петрокрепость). Во время Великой Отечественной

войны эта библиотека погибла. Однако часть книг из библиотеки Шлиссельбургской тюрьмы (около 800 томов) сохранилась и находится в настоящее время в Музее Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде. Это главным образом книги по философии, экономике, социологии на иностранных языках. По имеющимся сведениям, часть книг художественного содержания на русском языке сохранилась у жителей ближайших к Петрокрепости деревень.

В обсуждении доклада принял участие *Б. В. Ананьич*, *А. И. Копанев*, *А. Н. Цамутали*.

17 декабря состоялось пленарное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1981 г. *Г. В. Маркелов* (ИРЛИ) рассказал о новом поступлении в Древлехранилище рукописных книг из Прибалтики; *Е. Д. Захарова* (ИРЛИ) сообщила о результатах экспедиции на Северную Двину, а *В. П. Бударягин* (ИРЛИ) — об итогах экспедиции в Псковскую область; *А. А. Амосов* (БАН) рассказал об описании рукописных собраний музеев Вологодской области; *Н. И. Николаев* (ЛГУ) сообщил о новых находках на Пинеге; *А. Б. Халидов* (ЛО ИВАН) информировал о совещании по вопросам археографии Урало-Поволжья, состоявшемся в Уфе в ноябре 1981 г.

¹ Обзор полевых археографических исследований по изучению и собиранию памятников кириллической книжной традиции, предпринятых региональными отделениями Археографической комиссии, дан в наст. изд.: *Морозов В. В.* Археографические экспедиции 1981 г.

Северное

В мае проведено очередное годичное собрание Северного отделения Археографической комиссии. На нем рассмотрен и утвержден перспективный план археографических работ на 11-ю пятилетку, обсуждены и рекомендованы к печати выпуски каталога-путеводителя «Памятники письменности в музеях Вологодской области».

Продолжается работа по сбору у населения документальных памятников истории Великой Отечественной войны; ведется подготовка сборника «Письма на фронт».

В сборнике кафедры истории СССР Вологодского пединститута опубликованы четыре сотные выписи из писцовых книг XVI в.

Уральское

В феврале в Свердловске состоялась II Уральская региональная научная конференция студентов и молодых ученых, посвященная итогам полевых археографических исследований и изучению духовной культуры дореволюционного Урала. В ней приняли участие молодые сотрудники научных учреждений, архивов, музеев, студенты и аспиранты вузов Москвы, Ленинграда, Владимира, Горького, Перми, Свердловска, Новосибирска. Было заслушано 32 доклада и сообщения; в прениях выступили 56 человек.

Продолжается работа по обследованию и описанию собраний документальных памятников в архивах, библиотеках и музеях Урала. Проведено выявление пергаменных рукописей латинского шрифта в отделе редких книг Научной библиотеки УГУ. Обнаружено 20 фрагментов пергаменных рукописей, использованных в XVI—XVIII вв., в переплетах западноевропейских изданий.

Большое место в деятельности отделения занимает подготовка кадров археографов, которая ведется в рамках специализации по архивоведению (при кафедре архивоведения УГУ) и по полевой археографии (при лаборатории археографических исследований кафедры истории СССР досоветского периода УГУ). В 1981 г. защищены 3 дипломных и 19 курсовых работ по археографической тематике. Сотрудники лаборатории оказывают также научно-методическую помощь Свердловскому объединенному историко-революционному музею и Пермскому областному краеведческому музею по выявлению, учету и описанию памятников древнерусской книжной культуры.

Южноуральское

Совместно с ИИЯЛ БФАН проведены две археографические экспедиции по собиранию у населения Башкирии и Челябинской обл. старинных письменных памятников, исполненных арабской графикой. Получены 41 рукописная и 70 старопечатных книг. Особый интерес представляет рукописный трактат по астрономии на персидском языке, написанный в 1671/72 г. Автор — аль-Гамли Надже Хусайн аль-Мосамла би-л-Гали. Получе-

ны также ряд рукописных поэтических сборников XIX—XX вв. и три башкирские шежере (родословные записи).

Подготовлены к печати сборник статей «Письменные памятники Башкирии. Историко-филологические исследования» (8,5 авт. л.) и монография И. М. Гвоздиковой «Салават Юлаев. Исследование документальных источников».

В ноябре в Уфе состоялось совещание по вопросам полевой, камеральной и эдиционной археографии Урало-Поволжья, организованное в соответствии с перспективным планом работы Советского комитета тюркологов Южноуральским отделением Археографической комиссии и ИИЯЛ БФАН. В работе совещания приняли участие ученые Ленинграда, Казани и Уфы. Во вступительном слове Р. Г. Кузеев охарактеризовал деятельность отделения за десятилетний период; с докладом, посвященным истории формирования Рукописного фонда ИИЯЛ БФАН, выступил Г. Б. Хусайнов; И. Г. Галютдинов посвятил доклад проблемам археографических исследований в Башкирии; И. А. Абдуллин рассказал об археографических и текстологических работах ИЯЛИ КФАН; заместитель председателя Секции восточной археографии Археографической комиссии А. Б. Халидов (ЛЮ ИВАН) информировал участников совещания о собирании, изучении и описании памятников восточной письменности в Москве, Ленинграде и ряде других научных центров страны, особо подчеркнув необходимость объединения усилий специалистов для подготовки Сводного каталога рукописей арабской графики, хранящихся в СССР. С сообщениями о составе и состоянии собраний восточных рукописей в хранилищах г. Уфы выступили заведующая отделом редких книг Республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской Ф. Ф. Тимашева и заведующая научным архивом БФАН С. М. Шингарева.

Отметив имеющиеся успехи в изучении рукописных памятников на восточных языках в Урало-Поволжском регионе, участники совещания обратили внимание также на нехватку кадров высококвалифицированных археографов-востоковедов, медленные темпы описания рукописных собраний, необходимость разработки единой системы транскрипции арабографических текстов и методов описания тюркских рукописей. Совещание приняло развернутые рекомендации.

Сибирское

Вышел в свет сборник «Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии» (10 печ. л.). Сборник посвящен 15-летию со дня передачи акад. М. Н. Тихомировым в дар Сибирскому отделению АН СССР своей уникальной коллекции древнерусских рукописей, документов и старопечатных книг. Эта коллекция послужила основой собрания редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН и базой для развертывания археографической работы в Сибири. В сборнике помещены доклады, прочитанные на конфе-

ренции «Тихомировские чтения 1980 года», состоявшейся в Новосибирске¹.

Подготовлен и сдан в печать 6-й «Сибирский археографический сборник» (20 авт. л.). Проведена традиционная Общесибирская конференция молодых ученых, на которой был сделан ряд докладов по археографической тематике.

По инициативе д-ра ист. наук Н. Н. Покровского начата работа по подготовке серии археографических справочников. Вышел из печати справочник «Синайский патерик: Указатели» (2 печ. л. Отв. ред. Е. К. Ромодановская).

В связи с кончиной акад. А. П. Окладникова, являвшегося председателем Сибирского отделения Археографической комиссии, председателем отделения утверждены д-р ист. наук Н. Н. Покровский, заместителями председателя — канд. филол. наук Е. И. Дергачева-Скоп и канд. филол. наук Е. К. Ромодановская, ученым секретарем — канд. ист. наук Н. Д. Зольникова.

Секция восточной археографии

Секция продолжает работу по сбору сведений о деятельности научных учреждений, высших учебных заведений, библиотек и музеев союзных и автономных республик по собиранию, описанию и изданию документальных памятников на восточных языках.

Составлен перспективный план издания всеоюзной серии «Памятники письменности Востока»; вышел в свет очередной том ежегодника «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования».

Предпринят ряд археографических экспедиций, выявивших, собравших и взявших на учет ценные рукописи, ксилографические и литографированные издания на восточных языках, находившиеся на руках у населения.

Экспедиция ИЯЛИ КФАН работала на территории Татарской АССР. Обследован 21 населенный пункт. Получены и переданы в Научный архив института 104 ру-

кописи и 2 литографированных издания XVII—XX вв. на арабском, персидском и татарском языках. Среди них списки поэтических и прозаических произведений XIV—XV вв.; списки донные неизвестных стихов татарского поэта первой половины XIX в. Абул-Маниха Каргалы; некоторые рукописи содержат фольклорные материалы (сказки, байты, мунаджаты, песни, загадки); имеются сборники по народной медицине.

Археографическая экспедиция КГУ обследовала 25 татарских аулов Курганской и Томской областей. Взяты на учет рукописные коллекции, входящие в состав личных библиотек. Приобретены у населения и поступили в рукописный отдел Научной библиотеки КГУ 45 рукописей и документов XIX — начала XX в. на арабском, персидском и татарском языках. Среди них так называемые тетради шакирдов, содержащие фольклорные произведения местного происхождения; литературные сборники. В одном из таких сборников обнаружены неизвестные стихотворения выдающегося поэта XIX в. Мифтахутдина Акмуллы.

Экспедиция ИИЯЛ ДФАН обследовала 24 аула на территории Дагестана; описала библиотеку Осман-дибири в ауле Ириб, состоящую из 32 старинных книг и рукописей; в рукописный фонд доставлена 41 рукопись XV—XX вв., а также фотокопии ряда документов и отдельных страниц из книг.

В Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН поступило 239 рукописей и ксилографов на тибетском и монгольских языках (в основном из личных собраний Г. Гомбожапова и Б. Батуева). Среди них словари, атласы и справочники лекарственных средств, а также рукопись родословного древа бурятских родов, содержащая свыше 2200 имен.

Институт востоковедения им. А. Беруни АН Узбекской ССР приобрел 44 рукописи, в том числе уникальный список «Тухфат ал-хуззак» бухарского лекаря Мухаммада Амина Бухари, Собрание сочинений Алишера Навои, собрания стихов Физули, Саади, Мушриба, Аллаяра, списки народных дастанов и поэм.

¹ АЕ за 1980 год, М., 1981, с. 159—162.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1981 г.

В 1981 г. были продолжены полевые исследования кириллической книжной традиции, проводимые учреждениями Академии наук СССР, высшими учебными заведениями, местными музеями и библиотеками.

Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ организовало экспедиции в Латвийскую ССР (руководитель — Г. В. Маркелов) и Псковскую область (В. П. Бударгин), а также совместно с НБ ЛГУ и филологическим факультетом ЛГУ — в Архангельскую область (Е. Д. Захарова, Н. И. Николаев). Археографы Сибирь (ИИФФ, ГПНТБ СО АН и НГУ) работали в Бурятской АССР (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп), Восточно-Казахстанской (О. А. Савельева, Т. Ф. Ведер-

никова) и Томской (Л. А. Ситников) областях и в Киргизской ССР (Г. В. Вождаева). УОАЭ (В. П. Викторов), объединившая УГУ, Уральскую государственную консерваторию и Пермскую областную публичную библиотеку, провела обследование ряда районов Свердловской, Тюменской, Челябинской, Курганской, Пермской, Кировской, Куйбышевской, Саратовской областей РСФСР, Удмуртской и Башкирской АССР, Северо-Казахстанской области Казахской ССР. Археографической группой МГУ полевые археографические работы проводились в Одесской области УССР и Молдавской ССР (Е. Б. Смилянская, Н. А. Кобыляк); в Брянской области, в Черняговской области УССР и в Гомельской области

БССР — так называемый Ветковско-Стародубский регион (Е. Б. Смилянская, Е. А. Агеева), где обследовались бывшие старообрядческие слободы для пополнения Ветковско-Стародубского территориального книжного собрания, исследовалось современное состояние старообрядчества, а также проводились музыкально-этнографические обследования современного уровня певческой культуры; продолжались и комплексные исследования так называемого Верещагинского Верхокамского региона в Пермской области (Е. Б. Смилянская, Н. А. Кобяк) и в ряде районов Московской области — Гуслицкий старообрядческий регион (Е. А. Агеева); предпринята разведка в Калужской области (Е. А. Агеева) и выезд в Калининскую область для выявления, описания и передачи на государственное хранение рукописных и старопечатных книг одной из старообрядческих церквей (И. В. Поздеева). В ряде районов Московской и Рязанской областей работала экспедиция ГБЛ (Ю. Д. Рыков). Впервые в 1981 г. была проведена археографическая разведка ЯГУ (совместно с Ярославской научной областной библиотекой и Ярославским отделением Добровольного общества книголюбив РСФСР) на территории Ярославской области (А. А. Севастьянова, Г. П. Федюк). В Горьковской области продолжались работы ГГУ (Н. В. Черторицкая), в Коми АССР — СГУ (Л. И. Шишкина). По территории Вологодской области совершили выезд сотрудники Вологодского областного краеведческого музея (Н. Н. Малинина, Н. И. Федышин), Псковской — сотрудники ПИХМ (Н. П. Осипова).

Итогом археографических экспедиций стало пополнение государственных хранилищ 405 рукописями и 368 старопечатными книгами. Древлехранилище ИРЛИ получило 143 рукописи (XVI в.—3, XVII в.—9). В НБ ЛГУ передано 14 книг кирилловской печати XVII—XX вв., 7 книг гражданской печати и синодальных изданий XIX—XX вв. (XVII в.—5). В ИИФФ СО АН поступили 1 рукопись и 4 старопечатные книги XVI—XVII вв., в ГПНТБ СО АН — 5 рукописей и 18 старопечатных книг (XVI в.—1, XVII в.—2). Уральскими археографами передано в НБ УГУ 80 рукописей (XVII в.—1) и 48 старопечатных книг (XVI в.—1, XVII в.—10), в Пермскую областную библиотеку — 4 рукописи и 5 старопечатных книг. Археографами МГУ получены 92 рукописи (XVI в.—1, XVII в.—14) и 81 старопечатная книга (XVI в.—4, XVII в.—36), из них Ветковско-Стародубское собрание дополнили 13 рукописей и 9 старопечатных книг, Верещагинское — 15 рукописей (XVII в.—1) и 10 старопечатных книг (XVI в.—1, XVII в.—9), Молдавско-Украинскую территориальную коллекцию — 39 рукописей (XVI в.—1, XVII в.—2) и 27 старопечатных книг (XVI в.—2, XVII в.—12), в Московской области получено 12 рукописей (XVII в.—1) и 9 старопечатных книг (XVII в.—7), в Калининской — 7 рукописей и 3 старопечатные книги (XVII в.—1). Экспедицией ГБЛ приобретено 20 рукописей

XVIII—XX вв. и 1 старопечатная книга (XVII в.). В фонд редкой книги Ярославской научной областной библиотеки переданы 5 рукописей и 33 старопечатные книги (XVII в.—8). Экспедицией ГГУ приобретено 12 рукописей (XVII в.—1) и 36 старопечатных книг (XVI в.—1, XVII в.—7), археографами СГУ — 7 рукописей и 14 старопечатных книг. Вологодский музей приобрел 22 рукописи (XVI в.—1, XVII в.—13) и 69 старопечатных книг (XVII в.—29), ПИХМ — 14 рукописей (XVI в.—1) и 38 старопечатных книг (XVII в.—5).

Среди поступлений 1981 г. археографы выделяют особо интересные рукописи, могущие привлечь внимание коллег. Это «Сказание о смерти некоего мистра, великого философа» (копия, снятая археографами ИРЛИ); послания протопопа Аввакума (в том числе адресованное Авраамии) в составе сборников, полученных ИРЛИ. УОАЭ приобретены: сборник, XVIII в., в составе которого Космография (с материалами о Невьянских заводах, Екатеринбург, Тюмень), Повесть о Брунцвике-королевиче, Список известия о стихийном бедствии, присланный генералом Фроловым в Иностранную коллегию, Повесть о царце и львице, «Журнал о зачатии, рождении и походах и войнах... Петра Великого», «Краткая реляция о восшествии на российский престол государыни Елизаветы Петровны», Повесть Нестора Искандера о взятии Царьграда и др.; оригинальное старообрядческое сочинение «Жизнь и подвиги обитателя Симбирско-Самарской губернии Матфея Андреевича» — биография наставника поморцев-брачников Симбирско-Самарского края. Археографами МГУ переданы в Научную библиотеку университета: список сочинения Василия Григоровича-Барского «Путешествия к святым местам 1723—1747 годов», датируемый серединой XVIII в., с рисунками и планами; Апокалипсис, XIX в., с 72 миниатюрами; «Деяния и уложения собора» 29 декабря 1922 г. с подписями его участников, демишцев и максимовцев, проливающее дополнительное свет на историю старообрядчества Верхокамья; Праздники на крюковых нотах, XVII в.; Октай на крюковых нотах, XIX в., с заставками гуслицкого стиля, с 12 миниатюрами. В ОР ГБЛ поступил Цветник священноинокка Дорофея, XVIII в.; Праздники и Избранные службы (в том числе русские) на линейных нотах, XVIII в. (очень редкий случай использования старообрядцами рукописей линейной нотации в богослужении). Интерес представляют и приписанные к Праздникам и Обиходу XVIII в. рецепты изготовления финифти и пайки металла. В Вологодский музей поступил Сборник XVIII в., содержащий «Сказание известно о чудеаса отда нашего Павла Обнорского чудотворца»; своеобразный «коволют» XIX—XX вв., состоящий из нескольких сборников духовных стихов, а также старообрядческие цветники. В Ярославскую научную библиотеку передан Сборник конца XIX в., содержащий стихи и романсы как известных, так и самодельных авторов.

Из старопечатных книг, приобретенных в 1981 г., археографы указывают как на заслуживающие внимания: Триодь цветная (М., 1621), Псалтирь В. Ф. Бурцова 1640 г., Устав («око церковное») (М., 1633), Требник инокский (М., 1639), Пролог, 1-я половина (М., 1659), Служба и житие св. Николая Чудотворца (Гродно, 1781) — поступили в НБ ЛГУ; Псалтирь типографии Мамоничей 1576 г. поступила в ГПНТБ СО; «Книга о постничестве Василия Великого» Острожской типографии 1594 г.; Апостол типографии Спиридоны Соболя 1630 г. — получены ИИФФ СО АН; Апостол Ивана Федорова (М., 1564), Евангелие учительное Кирилла Транквилиона (Унев, 1696); псалтири московской печати 1619, 1641, 1642 гг. — поступили в НБ МГУ; Житие Сергия и Никона Радонежских (М., 1647), Слова Иоанна Златоуста и Иосифа Пилусиота о священстве и житие Иоанна Златоуста, конец XVII в., — переданы в НБ ГГУ; Осмогласник (Тушка, 1910) — приобретен ПИХМ.

Многие книги, полученные археографами в ходе экспедиций, содержат чрезвычайно интересные записи, раскрывающие судьбу конкретного экземпляра, дающие важные сведения для изучения книжной культуры. Так, в ИРЛИ поступила Триодь постная XVI в. с вкладной записью жены А. Л. Ордина-Нащокина; в ГПНТБ СО АН передана рукопись «12 псалмов» с записью С. К. Ерофеева — «Забайкальца Спиридоны», имя которого сибирские археографы связывают с опытами по печати кирилловским шрифтом на территории Забайкалья. УОАЭ приобретены рукописные Праздники на крестовых нотах конца XVII — начала XVIII в. с записями 1710, 1713, 1728 гг., а также Апостол типографии Мамоничей, изданный в XVI в. (после 1595 г.), с записями 1648 г. Археографами МГУ получены три книги с записями о царских вкладах: Евангелие (М., 1633) и Триодь цветная (М., 1621) — вклады Михаила Федоровича, Миняя на май (М., 1646) — вклад Алексея Михайловича. Интересны и записи, сделанные на Уставе А. М. Радищевского 1610 г. в 1611 г. и на Триоди

постной (М., 1621) в 1622, 1652, 1674 гг. В ОР ГБЛ поступил Цветник XVIII в. с записями XVIII—XIX вв., свидетельствующими о бытовании книги в Шацке и в Бронницком уезде в дьяческой и крестьянской среде. В НБ ГГУ поступили Праздники с записями, раскрывающими долгую судьбу бытования книги в Нижегородском крае.

Находки археографов могут стать полезными и для изучения истории музыкальной культуры: только НБ МГУ пополнилась 24 памятниками крестовых певческих рукописей, поступивших в Молдаво-Украинскую территориальную коллекцию.

В отчетах отмечаются и ценные для истории искусства книги, полученные в 1981 г. Таковы Евангелие-тетр XVI в. с миниатюрами и орнаментальными украшениями XVIII в., полученные ИРЛИ; Праздники на крестовых нотах середины XIX в., Октоих с Азбукой и Двухзнаменником XIX в., Праздники рубежа XIX—XX вв. с 11 миниатюрами гуслицкой традиции, полученные археографами МГУ.

Участниками экспедиций делались также магнитофонные певческие записи, изучалось современное состояние языка старообрядческого населения и отражение его особенностей в местных рукописях.

Наряду с непосредственной работой по изучению книжности в среде бытования участники археографических экспедиций оказывали методическую помощь местным музеям (особенно следует отметить проведенную в этом направлении работу археографов ГБЛ, обследовавших фонды книг кириллической печати в ряде музеев и библиотек Московской и Рязанской областей, а также Рязанского областного госархива), проводилось выявление и описание книг, хранящихся в церквях, и соответственно постановка их на учет и отбор для передачи на государственное хранение.

Для исследований 1981 г. характерно, что практически все группы планируют продолжение работ в обследовавшихся районах.

В. В. Морозов

15 ЛЕТ АРХЕОГРАФИЧЕСКИМ ЭКСПЕДИЦИЯМ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

Этой дате было посвящено совместное заседание Археографической комиссии, кафедры источниковедения истории СССР и отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, состоявшееся 22 апреля в старом актовом зале МГУ. Заседание было открыто заведующей отделом редких книг и рукописей *Е. С. Карповой*.

Во вступительном слове председателя Археографической комиссии *С. О. Шмидт* охарактеризовал общесоюзное патристическое движение, вызванное принятием Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры, рассматривая в рамках этого движения полевыми археографией и работу археографов МГУ. Он выделил роль Научной библиотеки в

восстановлении традиций полевой работы в университете, кафедры источниковедения в разработке комплексной методики исследований, в подготовке кадров и распространении опыта полевых исследований, отметив результативность экспедиций, научную ценность находок, быстроту введения их в научный оборот, участие в экспедициях представителей других вузов, институтов Москвы и других городов. В заключение были отмечены заслуги организатора и бессменного руководителя археографических работ МГУ *И. В. Поздеевой*, других участников экспедиций.

С докладом «История и общие результаты 15 лет работы археографических

экспедиций МГУ» выступила *Н. А. Кобяк*, рассказавшая о разработке археографами МГУ проблем теории археографического районирования, методики комплексных полевых исследований, форм полевой работы и др. Она подчеркнула, что в ходе работ сложился большой коллектив. За 15 лет в экспедициях приняло участие около 100 человек. Далее был проанализирован состав двух территориальных книжных собраний (Верецагинского и Ветковско-Стародубского) и десятки коллекций, насчитывающих более 2 тыс. рукописных и печатных книг, из которых 115 относится к XV—XVI вв., 669 — к XVII в. и 416 — к XVIII в. Значительное число полевых находок было передано местным научным учреждениям. Ряд уникальных находок имеет важное историко-культурное значение, а все собранные памятники в составе собраний и коллекций — ценный источник по истории духовной культуры народа.

В докладе *М. М. Леренман* «Результаты полевых археографических работ в научной литературе» были освещены три основных направления деятельности археографов МГУ. Теория и методика комплексных археографических исследований, тесно связанная с общими источниковедческими проблемами, разрабатывалась в ряде статей, опубликованных в журнале «История СССР», в «Археографическом ежегоднике» и др. Второе направление — введение в научный оборот результатов экспедиций — осуществлялось путем оперативной информации о находках и изданием обстоятельных описаний¹. Третье направление — обобщение результатов комплексного изучения истории народной культуры — частично отразилось в уже вышедших изданиях², но специально этой проблематике будет посвящен сборник «Русские письменные и устные традиции и духовная культура», где будут напечатаны работы участников экспедиций *М. В. Богомоловой*, *Н. А. Кобяк*, *Э. К. Гусевой*, *Л. А. Игошева*, *С. Е. Никитиной*, *И. В. Поздеевой*, *Е. М. Сморгуновой*, *М. Б. Чернышевой* и др.

Сообщение *Е. М. Сморгуновой* было посвящено итогам экспедиции 1980 г., во время которой был найден 181 памятник XV—XX вв. Среди находок самая древняя рукопись за все годы работы археографов МГУ — Пролог (сентябрь — декабрь) 30—40-х годов XV в. Значительную ценность представляет и сборник XVI в., в состав которого входит 90 переводных и оригинальных литературных произведений. Среди находок: исторические, литературные и полемические произведения, иллюминированные, музыкальные рукописи, учебники. Не меньшее значение имеют и старопечатные книги, среди которых выделяется Псалтирь, напеча-

танная *А. Т. Невежиным* в 1577 г. в Александровской слободе. Большой интерес представляют книги с записями (27 экз.). Выделяется запись 1652 г. на Евангелии учительном, изданном в Москве в 1639 г., — вклад по подьячему Большого двorca *Любиму Асманову* в московскую церковь. В 1735 г. она была уже куплена в Кенигсберге купцом *Яковом Мальцовым* у известного ученого и издателя «члена тамошней академии наук *Василия Корвина господина Квассовского*». Во время экспедиции было сделано много фольклорных и музыкальных записей.

На вечернем заседании был заслушан доклад *И. В. Поздеевой* «Письменная и устная традиции в истории культуры русского населения Верхоямья», в котором рассматривалась репрезентативность так называемого Верецагинского (Верхокамского) территориального книжного собрания как источника по истории духовной культуры крестьянства конца XVII—XIX в. Работы велись в 116 населенных пунктах с 590 жителями. Было собрано или изучено в поле 1635 памятников XV—XX вв., записано более 120 часов звучания магнитной ленты и др. Особенность состава и структуры собрания в его крестьянском характере и в связях с беспоповскими (поморскими) воззрениями носителей местной культуры. Комплексный анализ собранных источников позволяет доказать, что изучаемый район в конце XV—XIX в. был широко известен под названием Верхоямья как один из центров традиционной старообрядческой культуры, лежавший на путях освоения Урала и Сибири, восстановить историю заселения старообрядцами его, выявить основные этапы взаимоотношений Верхоямья с Выго-Лексинским общегитием, Вяткой, Уралом, Сибирью и т. д., осветить внутреннюю социальную и идейную борьбу в пореформенный период. Большое место в докладе было уделено истории складывания на территории Верхоямья собственной школы письменности, к которой принадлежало более 20 писцов, работавших с середины XIX до середины XX в.

С. Е. Никитина в докладе «Устная традиция в народной культуре Верхоямья» связала тему его с проблемой культурного двуязычия, показав зависимость состава и функционирования устного репертуара от доминирующей в старообрядческих регионах книжной культуры как на уровне мировоззренческих установок, так и на уровне стиля и языка конкретных памятников. Были отмечены своеобразие старообрядческого фольклора, сохранившего древние традиционные художественные формы в «мирском» репертуаре и в духовных стихах, представляющих собой продукт скрещения устной и письменной традиций, методика параллельного исследования устных и письменных текстов духовных стихов, ставящая по-новому проблему инварианта и варианта текста в народной культуре, выявляющая различия между устной традицией и устной формой существования текстов.

¹ Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980; Славяно-русские рукописи XV—XVI вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1981.

² Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978.

В обсуждении докладов приняли участие С. О. Шмидт, Л. П. Жуковская (ИРЯ), Ю. А. Лабынцев (ГБЛ), Э. П. Иноземцева (Главархив РСФСР), Т. С. Макашина (ИЭ) и другие, единодушно отметившие научное и общественное значение работы, проведенной археографами МГУ.

В перерыве между заседаниями И. В. Поздеева познакомила участников с выставкой, посвященной 15-летию ар-

хеографических экспедиций МГУ. На выставке было представлено около 250 рукописных и печатных книг XV—XX вв., отражающих основные направления и особенности древнерусской книжной традиции, а также исследования и публикации археографов МГУ. Выставка была открыта в течение месяца и пользовалась вниманием посетителей, отмечавших ее научное и культурное значение.

М. М. Леренман

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИОННОЙ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

11—13 мая 1981 г. состоялись заседания впервые созданной Центральной координационной комиссии. Они должны были определить первоочередные задачи работы комиссии и обсудить несколько крупных проектов, осуществление которых возможно только при участии всех учреждений, где изучают восточные письменные памятники.

Открывая заседание, член-кор. АН СССР Г. Ф. Ким отметил важность изучения и введения в науку новых письменных памятников как основы для понимания исторических и культурных традиций народов Востока; особенное значение это приобрело в настоящее время, когда без учета традиций и традиционных институтов нельзя правильно оценить современное положение в странах Востока и прогнозировать их дальнейшее развитие. Он указал также на то, что важнейшие общетеоретические и методологические проблемы изучения восточных памятников письменности разработаны недостаточно.

Г. Ф. Гирс (ИВАН), обратив внимание на широкий размах работ по изучению письменных памятников (этими проблемами занимаются коллективы более 20 учреждений примерно в полутора десятках городов СССР), подчеркнул, что усилия ученых в этой области недостаточно целенаправлены, имеются случаи дублирования, а также исследования и издания менее важных памятников и игнорирование более существенных, недостаточно высокий уровень подготовки публикуемых текстов и переводов, что связано со слабой разработкой теоретических проблем восточной текстологии и источниковедения, которые могут быть решены только совместными усилиями специалистов. Базой дальнейшей работы комиссии должен стать сводный план научно-исследовательской работы всех учреждений, где изучают восточные памятники письменности.

После обмена информацией о характере и направлении работы в этой области, ведущейся в Республиканском рукописном фонде, Ин-те народов Ближнего и Среднего Востока и Ин-те истории АН АзССР, ИИЯЛ ДФАН, Библиотеке СамГУ, Ин-те востоковедения, ИЯЛ и Ин-те рукописей АН УзССР, Ин-те истории и ИЯЛ АН ТаджССР, ИЯЛИ КФАН и КГУ, ИИЯЛ БФАН, Бурятском

ИОН БФ СО АН, Ин-те рукописей АН ГССР, Матенадаране, Ин-те истории АН ТССР, ГПБ и Восточном факультете ЛГУ, которая должна стать основой для составления сводного плана Центральной координационной комиссии, заседание перешло к обсуждению ряда проектов. Из них наибольшее внимание привлек проект сводного каталога восточных рукописей (арабской графики и дальневосточных) и ксилографов, разработанный А. Б. Халидовым, О. Ф. Акимущиным и Л. Н. Меньшиковым (ЛЮ ИВАН). Такой каталог должен содержать минимально необходимые сведения обо всех рукописях во всех хранилищах СССР, для того чтобы советские специалисты и мировая научная общественность имели полную информацию о том рукописном богатстве, которое собрано в Советском Союзе. В настоящее время степень разработанности фондов чрезвычайно различна. Рукописи на языках урду, курдском, афганском учтены и в основном описаны, они могли бы составить первые тома сводного каталога, которые можно было бы выпустить в течение ближайших лет. Описания арабских, персидских, тюркских и других рукописей можно выпускать томами по крупным хранилищам, с тем чтобы сводка региональных томов была дана в общих томах указателей.

При обсуждении проекта встал ряд серьезных вопросов. В первую очередь было обращено внимание на то, что в некоторых хранилищах, содержащих тысячи рукописей (Ашхабад, Казань, Уфа, Самарканд и др.), не проведены даже первичный учет и определение рукописей, поскольку там работает от одного до четырех сотрудников, иногда не обладающих к тому же необходимой квалификацией. В частности, было отмечено, что ни одного специалиста по восточным рукописям нет в ГБЛ. Рукописи в некоторых учреждениях хранятся в непригодных помещениях и в неподходящих условиях. Полевую работу по сбору рукописей и документов ведут зачастую только энтузиасты: соответствующие научные учреждения ее не планируют. Консультации опытных специалистов затруднены из-за отсутствия средств на командировки в тех учреждениях, где такие специалисты есть. Возникли сомнения в выполнимости этой работы до полного описания всех рукописей во всех

хранилищах, а также в связи с постоянными крупными по количеству поступлениями, и в его полезности, если такие полные описания будут изданы. Были подняты такие вопросы, как порядок описания — по рукописям или по сочинениям, учет языков (это особенно существенно и сложно для тюркских), мест переписки и обнаружения рукописей, об учете мелких хранилищ, вообще не имеющих специалистов, и т. п. Отмечались также трудности издания каталогов рукописей, связанные со слабой полиграфической базой издательства, и совершенно недостаточный тираж некоторых публикуемых изданий (каталоги ГПБ).

В. А. Черных (Археографическая комиссия) поделился опытом работы Археографической комиссии над сводными каталогами славянских и латинских рукописей. Он отметил, что нужен большой подготовительный период, разработка точной и достаточно гибкой схемы описания, и подчеркнул необходимость тесной связи востоковедов с Археографической комиссией.

О. Ф. Акимущкин, Л. Н. Меньшиков и А. Б. Халидов указали, что работа над сводными каталогами может вестись параллельно с подготовкой полных каталогов, поскольку эти два вида каталогов функционально различаются: один дает исчерпывающие сведения о рукописях, но, учитывая десятки и сотни тысяч экземпляров в хранилищах, едва ли исполним в полном виде; другой же дает обо всех рукописях краткую необходимую информацию и поэтому может быть создан. Более того, для значительной части рукописей, малоинтересных по составу и времени составления, полные описания могут оказаться ненужными. Поскольку тома предполагается выпускать регионально, мелкие хранилища могут быть объединены вокруг крупных, обладающих необходимыми специалистами и опытом работы. Постоянный рост поступлений может быть учтен в дальнейших томах. Для решения многих поднятых вопросов потребуются рабочие заседания, для повышения квалификации кадров следует проводить регулярно семинары на базе крупных хранилищ, располагающих опытными научными кадрами (Ленинград, Ташкент и др.). Тесная связь с Археографической комиссией, учет опыта ее работы, безусловно, будут полезны и необходимы.

Другой обсуждавшийся проект — каталог документальных источников арабской графики, разработанный *Е. А. Давидович, М. А. Усмановым и О. Д. Чехович* (на примере трех видов документов, основанных на мусульманском праве) и одобренный участниками «Бартольдских чтений 1981 г.». Издание предполагается вести регионально, начиная с крупных хранилищ. Документы должны быть описаны по единой схеме, содержащей сведения, достаточные, чтобы ориентировать специалиста. Для многих документов более подробного описания (и издания) и не требуется. При обсуждении, поддерживая идею создания такого каталога, выступавшие отметили, что предложенные

схемы описаний трех видов документов недостаточны, поскольку не исчерпывают всех, даже наиболее часто встречающихся, типов. Они обратили внимание на документы немусульманские и написанные другой графикой, которых предлагаемый проект не учитывает. Подчеркнута была также необходимость работы над методикой и широкой информации о наличных фондах и ведущихся исследованиях.

Проект энциклопедического справочника (ономастикон) персоязычной литературы был разработан и предложен для обсуждения *М.-Н. О. Османовым* (ИВАН). В нем предлагается дать все сведения о личности и произведениях каждого поэта или писателя, собранные как из источников (литературных антологий, исторических и других сочинений — печатных и рукописных), так и из исследовательской литературы (истории литературы, монографий, статей, каталогов рукописей, библиографий), и относящуюся к нему библиографию. Приняв идею составления такого биобиблиографического справочника, участники обсуждения подвергли сомнению некоторые пункты предложенной схемы статьи об авторе, считая, что серьезное обсуждение будет возможно только на основе готовых разделов (работа уже ведется, и некоторые части ее близки к завершению).

Е. А. Давидович (ИВАН) сообщила о предложениях, выдвинутых на «Бартольдских чтениях 1981 г.». Участники чтений, озабоченные все ускоряющимся разрушением эпиграфических памятников, решили обратиться к Центральной координационной комиссии по поводу изучения эпиграфики, а также важного письменного исторического источника — монетных кладов.

При обсуждении была отмечена недостаточная работа над памятниками восточной эпиграфики в ряде районов страны. В первую очередь необходимы учет и фиксация надписей, затем издание региональных корпусов, а также каталогов монетных кладов.

В принятых Центральной координационной комиссией решениях намечено составить сводный перспективный план изучения памятников восточной письменности на 1981—1985 гг. (с учетом планов научно-исследовательской работы всех соответствующих учреждений, а также подготовки докторских и кандидатских диссертаций); в течение 1981—1982 гг. собрать сведения о наличии, количестве и состоянии хранения восточных рукописей и киелографов, а также эпиграфических памятников; разработать конкретные мероприятия по составлению сводного каталога «Восточные рукописи и киелографы в хранилищах СССР», каталога «Документы арабской графики в собраниях СССР», корпуса эпиграфических памятников, каталога клавов восточных монет в собраниях СССР; вести работу над составлением биобиблиографических словарей средневековых восточных писателей; для оказания методической помощи на местах и обмена опытом работы направлять квалифицированных специалистов в соответ-

ствующие учреждения. Намечен также ряд мероприятий по разработке теорети-

ческих проблем восточной текстологии и источниковедения.

С. Б. Певзнер

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Х. ВОСТОКОВА

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР 7 апреля состоялось совместное заседание секторов славянского языкознания и историографии, посвященное 200-летию со дня рождения А. Х. Востокова, выдающегося филолога, одного из основоположников славяноведения, внесшего большой вклад в разработку археографии и палеографии.

С докладом о жизни и научной деятельности Востокова выступила Р. М. Цейтлин. Докладчица показала многообразие творческих интересов ученого, особенно выделив его вклад в области филологии. На передний край развития науки Востокова выдвинуло «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам» (1820). Непосредственное изучение письменности и языка древнеславянских рукописей позволило ему доказать положение о том, что в основе старославянского языка лежит древнеболгарский язык. Востоков стал первым исследователем этого языка, разработал его периодизацию, дал определение звукового значения древнеславянских букв (юса большого и малого) и др. Многие из открытий и наблюдений ученого вошли в фундамент славистики, определили ее дальнейшие пути развития.

Востоков был выдающимся палеографом, знатоком изводов славянской письменности. Долгие годы его «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (1842) оставалось единственным в своем роде образцом. Выполненные им описания рукописей сочетают лаконичную, точную характеристику памятника с выдержками из рукописей, соединяют палеографические и лингвистические характеристики. Это и другие описания были для своего времени новым и значительным шагом в археографии. Опубликованные им Остромирово евангелие, отрывки из Супрасльской рукописи, Фрейзингенские отрывки, житие Вячеслава и т. д. не потеряли своего значения до сих пор.

Первоначально Востоков приобрел известность среди ученых славянских и зарубежных стран как филолог и лишь потом был оценен его вклад в разработку сравнительно-исторического метода исследований. Его больше ценили как практика, но его конкретные наблюдения имеют важное теоретическое значение. Это особенно видно по его переписке. Как подчеркивал И. В. Ягич, именно в письмах Востоковым разрабатывалась теория славяно-болгарского языка. Востоков был великим тружеником науки. Во всех его работах, небольших заметках, письмах видна, по словам И. И. Срезнев-

ского, «ученая осторожность, проницаемость, отделка». Его учениками, несмотря на то что Востоков не преподавал, считали себя такие ученые, как П. И. Прейс, И. И. Срезневский, П. С. Билярский и др.

Сообщение М. В. Никулиной было посвящено связям А. Х. Востокова и И. Добровского — двух выдающихся славистов начала XIX в. Известно, что у них не было прямых, непосредственных контактов. Это произошло из-за стремления Добровского использовать регулярную переписку с П. И. Кепшеном для сношений с другими русскими учеными. Кроме того, Добровский предпочитал отправлять письма с оказией, а не почтой, что сказывалось и на интенсивности переписки. В этом контексте особо важное значение приобретают сведения об отношениях двух ученых, находящиеся в переписке и дневнике Кепшена, ставшего посредником между Востоковым и Добровским. По ним становится ясно, что впервые Добровский узнал о «Рассуждении о славянском языке» Востокова в 1822 г. из письма Е. Копитара, познакомившегося с Кепшеном. Более подробные сведения Добровский получил в 1823 г. уже из письма к нему Кепшена. Последний записал в дневник, что Добровский и В. В. Ганка не согласились с выдвинутым Востоковым определением юсов. И в целом Добровский не смог по достоинству оценить значение «Рассуждения о славянском языке...» прежде всего потому, что он не видел многих из использованных Востоковым рукописей. В то же время Добровский были учтены замечания в адрес его «Грамматики», высказанные в рецензии Востокова. Он воспользовался полученной от Востокова копией Остромирова евангелия, одобрил намерение издать Фрейзингенские отрывки. Дальнейшему развитию контактов ученых помешала смерть Добровского в 1829 г., тем не менее можно говорить о плодотворных взаимных влияниях их друг на друга.

В обсуждении прослушанных выступлений приняли участие Г. К. Венедиктова, Р. М. Цейтлин. С заключением выступил заведующий сектором славянского языкознания Л. Н. Смирнов. Кратко остановившись на оценке вклада Востокова в славистику, он подчеркнул важность продолжения изучения его творческого наследия, а также контактов с русскими и иностранными учеными на архивных материалах. Они далеко еще не полностью введены в научный оборот и могут привести к новым открытиям и находкам.

В. Ю. Афиани

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ (1908—1981)

18 ноября 1981 г. скончался Герой Социалистического Труда академик Алексей Павлович Окладников. Всемирно известный археолог и историк первобытного искусства, глава историков Сибири А. П. Окладников со времени образования Сибирского отделения Археографической комиссии в 1969 г. был его председателем.

Научная продуктивность и широта научных интересов А. П. Окладникова поразительны. Имя академика Окладникова — одно из самых известных имен советских ученых в мировой науке последних десятилетий. В вышедшем незадолго до кончины Алексея Павловича в серии «Материалы к биобиблиографии ученых СССР» издании, ему посвященном, названы не только многочисленные статьи и рецензии, но и книги, специально о нем написанные, указана литература на многих языках. А. П. Окладников опубликовал колоссальное число трудов, но ведь он был известен и как организатор научных исследований, формулировавший в устных выступлениях задачи их, во многом определявшие уровень и перспективы развития нашей науки, как выдающийся оратор, мастер выступлений в прениях, естественно, не включенных в список трудов ученого. Не указаны в перечне и некоторые работы, изданные в 1981 г., и среди них важная для понимания культуры научного творчества А. П. Окладникова статья «Коллективная память историка» в № 4 журнала «Советская библиография», помещенная там в разделе «Библиография в моей жизни». Само название статьи характерно для А. П. Окладникова, обладавшего драматическим даром образно и емко формулировать сложнейшие научные положения.

Огромно значение археологических открытий, сделанных А. П. Окладниковым, его научных посредничеств об этапах и очеловечивших чертах развития первобытного общества и культуры (прежде всего в Азии), об основных явлениях в истории Сибири доисторического периода.

да, о вкладе населения нашей страны и развитие мировой культуры. Ювизла и масштабность свершенного А. П. Окладниковым дает право назвать его одним из виднейших строителей советской науки — науки нового типа. Но А. П. Окладников находился и в русле лучших давних традиций отечественной демократической науки, развивая и совершенствуя их, — он органически сочетал исследовательскую работу с преподавательской; он старался приобщить к познанию и истории и самого процесса исторических изысканий отнюдь не только специалистов, но и широкую общественность, деятельно способствовал распространению исторических знаний и обладал при этом редкой способностью писать художественно и увлекательно; он не замыкался в рамках одного — пусть даже чрезвычайно большого — круга тем и изучения одного типа источников. А. П. Окладников по существу был историком культуры широкого профиля и социологом. Он был и разносторонним источниковедом, отнюдь не ограничивающимся рассмотрением преимущественно вещественных источников и вообще только памятников материальной и духовной культуры — источниками знаний о прошлом человека для чего всегда была и естественно-географическая среда и останки самого человека. Он исторически воспринимал и реликты прошлого и явления современности, умел видеть (и предвидеть!) во фрагменте целое, почувствовать в частном характерные черты общего, позволяющие установить региональные и временные особенности и взаимосвязи.

Не зародились ли эти черты глобального мышления и комплексного подхода ко всем типам исторических источников еще в годы раннего приобщения сельского школьника (в селе Аига у истоков реки Лены, где родился замечательный историк прошлого столетия А. П. Шапов) к краеведению во всем его многообразии? Не помогло ли этому дарованию счастье развиваться то, что ученому еще на заре

его самостоятельной деятельности довели в двадцать лет заведование этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея, где он много сил отдавал поискам и изучению документальных памятников, и в двадцать же лет он начал археологические исследования и особое внимание его привлекли тогда же наскальные рисунки? И не способствовали ли эти черты биографии Окладникова тому, что и сам он, став профессором и руководителем научных учреждений, рано, смело и целенаправленно привлекал студенческую молодежь к самостоятельному участию в экспедициях, научных исследованиях и сумел воспитать научную школу, теперь уже тоже получившую всемирное признание. Сумел воспитать не только своими трудами и методическими советами, но — и это, пожалуй, самое главное — самим образом своей жизни. Одержимость, увлеченность, смелость в изысканиях, внутренне присущий А. П. Окладникову дух романтики поисков заражали творчески ищущую молодежь. А. П. Окладников был первопроходцем по самому характеру своему; потому-то он стал и видным историко-географом, путешественником. На лодках, лошадях, пешком, реже на машинах, самолетах А. П. Окладников ознакомился с множеством археологических памятников Зауралья, и немало из них впервые открыл для науки, самозабвенно, как бы не замечая трудностей, изучал их. Об этом он и сам образно вспоминал в книге «Петроглифы Средней Лены»: «Слов нет, белые ночи Арктики и Субарктики также прекрасны, как и на Неве. Но нужно было еще и копать землю, брести по буреломам, карабкаться на крутые берега в поисках наскальных изображений, висеть на веревке над скальными карнизами, чтобы скопировать эти еле различимые потускневшие фигуры. А ко всему прочему нужно добавить июльские ночи с неустанным пением комариного войска, беспощадной мошкаррой... И тем не менее все это забывалось, когда вдруг на одном из скальных выступов, задрав голову, обнаруживали рисунки древнего художника, охотника и шамана...».

И немудрено, что А. П. Окладников горячо поддержал идею М. Н. Тихомирова об организации археографического обследования Сибири. Вдохновенный и в то же время практически умелый и даже дипломатичный организатор науки, академик Окладников более, чем кто-либо, способствовал тому, чтоб Новосибирск

стал одним из центров развития и гуманитарных наук. Он не жалел сил для концентрации там ученых специалистов, подготовки молодых кадров ученых, на сосредоточение там памятников культуры — материальной и духовной. И едва ли не энтузиазм и убежденность А. П. Окладникова, глубоко верившего в Сибирь как «страну будущего», вызвали столь сильный интерес к Сибири и Дальнему Востоку Михаила Николаевича Тихомирова, всегда относившегося к А. П. Окладникову с особыми уважением и дружеской симпатией. Вместе с ним М. Н. Тихомиров был и в Новосибирске и на Дальнем Востоке, с ним обсуждал вопрос о передаче в Новосибирск своей замечательной коллекции памятников древнерусской культуры — «Тихомировского собрания». Это ясно прослеживается по документальным материалам, отложившимся в личном фонде академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР (см. об этом статью «Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции» в книге «Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии». Новосибирск, 1982). Огромный научный авторитет и личное обаяние А. П. Окладникова тоже становились важными факторами развития науки и распространения культуры.

Археографическая комиссия очень многим обязана академику А. П. Окладникову. Именно он организовал сектор археографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР (руководимый Н. Н. Покровским), деятельно способствовал «археографическому открытию» Сибири и развитию в Сибири работы в области археографии, источниковедения, палеографии и смежных с ними отраслей науки. В 1980 г. А. П. Окладников много сделал для организации в Новосибирске Тихомировских чтений и сам выступил там с докладом. Тихомировские чтения показали, как значительны достижения сибирских ученых во всех сферах источниковедения не только археологических, но и письменных источников — в области их разыскания, описания, изучения, публикации.

А. П. Окладников — не только замечательный исследователь и знаток культуры прошлого, но и яркий деятель современной культуры. Кончина Алексея Павловича — невосполнимая утрата и для тех, кто был знаком с ним, и для нашей науки, для советской культуры.

С. О. Шмидт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
 АВПр ИДУ — Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР
 МИД СССР — «Архивное дело»
 АД — «Археографический ежегодник»
 АЕ — Архив Института археологии АН СССР
 АИА — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
 АЛОИИ — Архив научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР
 АНИИК — Архив научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР
 АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.»
 БАН — Библиотека Академии наук СССР
 БСЭ — Большая советская энциклопедия
 Бурятский — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
 ИОН БФ СОАН — «Вопросы архивоведения»
 ВА — «Вопросы истории»
 ВИ — «Вспомогательные исторические дисциплины»
 ВИД — «Вопросы литературы»
 ВЛ — Владимирский государственный педагогический институт
 ВЛГПИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
 ВНИИДАД — Высший совет по перевозкам при СТО
 ВСП — Военно-ученый архив
 ВУА — Владимирская ученая архивная комиссия
 ВУАК — Государственный архив Владимирской области
 ГАВО — Государственная академия истории материальной культуры
 ГАИМК — Государственный архив Ставропольского края
 ГАСК — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГБЛ — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
 ГБЛ — Горьковский государственный университет
 ГВНП — Государственный исторический музей
 ГГУ — Государственный архивное управление при Совете Министров РСФСР
 ГИМ — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
 Главархив РСФСР — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
 Главархив СССР — Государственная общеплановая комиссия при СТО
 Госплан — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГПБ — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
 ГПИБ — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
 ГПНТБ — Государственное управление государственного строительства при ВСНХ
 СО АН — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»
 ГУТС — «Древняя Российская Вивлиофика»
 ДДГ — «Декреты Советской власти»
 ДРВ — «Журнал Министерства народного просвещения»
 ДСВ — «Журнал Министерства путей сообщения»
 ЖМНП — «Записки Отдела рукописей ГБЛ»
 ЖМПС — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского-археологического общества»
 ЗОР ГБЛ — «Исторический архив»
 ЗОРСА РАО — «Известия Академии наук»
 ИА — Институт востоковедения АН СССР
 ИАН — Институт всеобщей истории АН СССР
 ИВАН — «Исторические записки»
 ИВИ — Институт истории естествознания и техники АН СССР
 ИЗ — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
 ИИЕТ — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
 ИИФФ СО АН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
 ИИЯЛ БФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
 ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР

- ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ИМЛИ — Институт мировой литературы АН СССР
 ИМЭЛ — Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)
 ИОКМ — Ивановский областной краеведческий музей
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
 ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
 ИЭ — Институт этнографии АН СССР
 ИЯЛ АН ТССР — Институт языка и литературы Академии наук Туркменской ССР
 ИЯЛ АН Тадж. ССР — Институт языка и литературы Академии наук Таджикской ССР
 ИЯЛ АН УзССР — Институт языка и литературы Академии наук Узбекской ССР
 ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
 КА — «Красный архив»
 КГУ — Казанский государственный университет
 КЛЭ — «Краткая литературная энциклопедия»
 КО — «Книжное обозрение»
 ЛГ — «Литературная газета»
 ЛГАЛИ — Ленинградский государственный архив литературы и искусства
 ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
 ЛГАНТД — Ленинградский государственный архив научно-технической документации
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
 ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 МАКИД — Московский архив Коллегии иностранных дел
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
 МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
 МГПИ — Московский государственный педагогический институт
 МГУ — Московский государственный университет
 НА ИИ — Научный архив Института истории СССР АН СССР
 НБ ГГУ — Научная библиотека Горьковского государственного университета
 НБ ЛГУ — Научная библиотека Ленинградского государственного университета
 НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета
 НБ УГУ — Научная библиотека Уральского государственного университета
 НГУ — Новосибирский государственный университет
 НК РКИ — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
 НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
 НИЭИ — Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ОМAMЮ — «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции»
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
 ОР ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
 ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого
 ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ОРФ ГЛМ — Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея
 ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук
 ПИ — «Проблемы источниковедения»
 ПИХМ — Псковский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
 ПР — «Пролетарская революция»
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
 РА — «Русский архив»
 РБС — «Русский биографический словарь»
 РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией»
 — «Русский исторический журнал»
 РИО — Русское историческое общество
 РЛ — «Русская литература»
 РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР
 РС — «Русская старина»
 СА — «Советские архивы»
 СамГУ — Самаркандский государственный университет
 СБ — «Советская библиография»

Сб.АИ	— «Сборник Археологического института»
Сб.ОРЯС	— «Сборник Отдела русского языка и словесности Академии наук»
Сб.РИО	— «Сборник Русского исторического общества»
СГУ	— Сыктывкарский государственный университет
СИЭ	— «Советская историческая энциклопедия»
СТО	— Совет труда и обороны
СУ	— «Собрание узаконений РСФСР»
ТГБЛ	— «Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина»
ТВНИИДАД	— «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документо-ведения и архивного дела»
ТМГИАИ	— «Труды Московского государственного историко-архивного инсти-тута»
ТНИИМ	— «Труды научно-исследовательского института музееведения»
ТОДРЛ	— «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской ли-тературы АН СССР»
ТТГУ	— «Труды Тбилисского государственного университета»
УГУ	— Уральский государственный университет
УОАЭ	— Уральская объединенная археографическая экспедиция
ЦА ВЛКСМ	— Центральный архив ВЛКСМ
ЦГА ВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАМО	— Центральный государственный архив Московской области
ЦГАНХ	— Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
г. Москвы	
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Ленинграда
г. Ленинграда	
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, выс-ших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
СССР	
ЦГАСА	— Центральный государственный архив Советской Армии
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив г. Москвы
г. Москвы	
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР
ЦМР СССР	— Центральный музей революции СССР
ЦПА ИМЛ	— Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ЧОИДР	— «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Мос-ковском университете»
ЯГУ	— Ярославский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>В. Н. Автократов.</i> Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX — начала XX в.	3
<i>С. В. Чирков.</i> О применении термина «археография» в начале XX в.	21
* * *	
<i>С. М. Каштанов.</i> Современные проблемы европейской дипломатики	26
<i>В. Л. Янин.</i> Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазарев монастырь	52
<i>Л. П. Жуковская.</i> О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросах филиграноведения	64
<i>Ю. В. Андрияшайтите.</i> О работе Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV—XVIII веках» и некоторых вопросах перевода филиграноведческой литературы	77
<i>Ц. А. Абуладзе (г. Тбилиси).</i> Описание и изучение восточных письменных памятников в Институте рукописей АН ГССР	89
<i>С. Э. Чернов.</i> Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря (К интеграции методики археологии и специальных исторических дисциплин)	95
<i>С. А. Морозов.</i> О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников	110
<i>Г. А. Пожидаева.</i> Формы изложения демественного многоголосия (по певческим рукописям конца XV—XVIII в.)	122
<i>В. И. Гальцов (г. Калининград).</i> Архив Посольского приказа во второй половине XVI — начале XVII в.	134
<i>В. Е. Возгрин (г. Ленинград).</i> Сведения о России XVI—XVIII вв. в переписке датских послов	148
<i>У. Биргегорд (г. Упсала, Швеция).</i> Большой славяно-латинский словарь конца XVII в.	152
<i>А. Н. Медушевский.</i> Боярские списки первой четверти XVIII в.	158
<i>А. Б. Каменский.</i> История создания и публикации книги Г.-Ф. Миллера «Известие о дворянах российских»	164
<i>О. В. Петрова.</i> О работе с опубликованными генеалогическими справочниками	173
<i>М. Ф. Шумейко (г. Минск).</i> О выявлении и собирании документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX в. (По материалам архива В. Я. Богучарского)	178
<i>И. Е. Тамм.</i> К изучению делопроизводственных документов первых лет Советской власти (О классификации и археографическом заголовке)	188
<i>З. К. Звездин, Ф. И. Иргашев (г. Ташкент).</i> О принципах публикации протоколов Президиума Госплана	202
<i>С. Д. Мякушев.</i> Становление советского наградного делопроизводства (по материалам Президиума ВЦИК 1921—1923 гг.)	209
<i>Н. С. Зелов.</i> ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны	213
<i>Н. С. Архангородская, А. А. Курнос.</i> О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования)	219

Тихомировские чтения 1981 года

<i>С. О. Шмидт.</i> 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР	230
<i>О. А. Князевская, В. А. Черных.</i> Вопросы описания документальных памятников в трудах Археографической комиссии	247
<i>Б. Г. Литвак.</i> Вопросы публикации источников на страницах «Археографического ежегодника»	255
<i>В. Ю. Афиани.</i> Хроника заседания	261

II. Обзоры, описания, библиография

<i>В. М. Загребин (г. Ленинград)</i> . Рукописи Ивановского областного краеведческого музея (Обзор коллекции и краткое описание древнейших кириллических рукописных книг)	264
<i>С. В. Шумилин</i> . Дневник (1803—1812 гг.) и письма генерал-майора В. В. Вяземского	270
<i>А. Г. Тартаковский</i> . К определению состава неразысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 г.	283
<i>Л. П. Лаптева</i> . Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н. А. Попова с А. Патерой	290
<i>А. Д. Тельчаров (г. Владимир)</i> . Об архиве А. В. Смирнова	298
<i>О. Б. Враская (г. Ленинград)</i> . Архивные материалы И. М. Гревса и Н. П. Анциферова по изучению города	303
<i>Е. Э. Гранстрем (г. Ленинград)</i> . Описание рукописей латинского алфавита Библиотеки АН СССР	315
<i>И. Е. Тамм</i> . Издание писем Н. И. Вавилова	318
Список печатных работ А. А. Шилова (к 100-летию со дня рождения) (подготовил <i>А. В. Ратнер</i>)	321
Список печатных трудов академика Д. С. Лихачева за 1977—1981 гг. (подготовила <i>М. А. Салмина, г. Ленинград</i>)	326

III. Публикации

Приговоры и наказания крестьян Кубани и Ставрополя 1905—1906 гг. (подготовил <i>Б. А. Трехбратов, г. Краснодар</i>)	333
Академик Н. М. Дружинин и музеи (К 95-летию со дня рождения)	339
Тезисы доклада Н. М. Дружинина «Принципы экспозиции историко-революционных материалов» на заседании Музейной комиссии Московской секции ГАИМК (подготовил <i>С. Б. Филимонов, г. Симферополь</i>)	340
Выступление Н. М. Дружинина о С. И. Мицкевиче как организаторе и руководителе музея революции СССР (подготовила <i>М. Я. Ржевникова</i>)	342

IV. Хроника

<i>В. Ю. Афиани</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1981 г.	347
Новые издания Археографической комиссии	353
В отделениях Археографической комиссии	353
<i>В. В. Морозов</i> . Археографические экспедиции 1981 г.	355
<i>М. М. Леренман</i> . 15 лет археографическим экспедициям Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова	357
<i>С. Б. Певзнер</i> . В Центральной координационной комиссии по изучению памятников восточной письменности	359
<i>В. Ю. Афиани</i> . Заседание, посвященное 200-летию со дня рождения А. Х. Востокова	361
<i>С. О. Шмидт</i> . Алексей Павлович Окладников (1908—1981)	362
Список сокращений	364

Археографический ежегодник за 1981 год

Утверждено к печати

Археографической комиссией при Отделении истории АН СССР

Редактор издательства Р. И. Коробейникова. Художественный редактор Н. Н. Власик.
Технический редактор Н. Н. Плохова. Корректоры М. В. Борткова, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 25213

Сдано в набор 5.07.82. Подписано к печати 7.12.82. Т-20143. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага типографская № 1 Гарнитура обыкновенная Печать высокая
Усл. печ. л. 32,2. Уч.-изд. л. 36,2 Усл. кр.-отт. 32,2. Тираж 2300 экз. Тип. зак. 1917
Цена 4 руб.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-185, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1. 276

АРХЕОГРА
ФИЧЕСКИ
ЕЖЕГОДНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1981